ПСАЛОМЪ
СТО-ОСМНАДЦАТЫЙ,

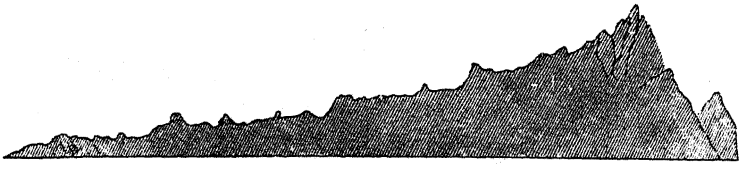
ИСТОЛКОВАННЫЙ

Епископомъ Ѳеофаномъ.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Изданіе второе.

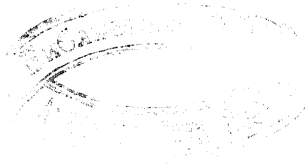
Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.



МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова. Больш. Якиманка, д. Смирновой.
1891.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. 25 Февраля 1891 года.

Цензоръ Священникъ *Іоаннъ Петропавловскій.*



640
37

E. Benfey

ПСАЛОМЪ

СТО-ОСМНАДЦАТЫЙ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сто-осмнадцатый псаломъ отличается отъ другихъ псалмовъ такими видными особенностями, которыхъ нельзя не замѣтить съ перваго же раза. Количество стиховъ сказывается само собою; у насъ одинъ этотъ псаломъ составляетъ цѣлую каѳизму. Прочитавшій его со вниманіемъ не можетъ не замѣтить и другой еще особенности,—именно той, что всякій изъ 176 стиховъ говоритъ что нибудь о законѣ Божіемъ, означая его только разными именами. То и другое можетъ быть еще не такъ важно: но тому нельзя уже не дивиться, что,—какъ находятъ лица, много потрудившіяся въ изученіи Писанія,—въ такомъ количествѣ стиховъ, все объ одномъ и томъ же предметѣ, нѣтъ изреченій слабыхъ и нѣтъ совершенно тождественныхъ повтореній. Есть похожіе одинъ на другой стихи; но изъ нихъ всегда у одного, сравнительно съ другимъ, указывается особая какая либо черта закона, или какой либо оттѣнокъ той же черты. Равнымъ образомъ, очень простыя на видъ изреченія, когда

поближе станешь всматриваться въ нихъ, открываютъ взору ума входъ въ глубину Божественнаго законоположенія.

Есть и еще одна характеристическая особенность этого псалма: въ переводахъ греческомъ и славянскомъ, какъ и во всякомъ другомъ, ея не видно, а въ подлинникѣ еврейскомъ она прямо бросается въ глаза. Это то, что псаломъ расположенъ по алфавитному акростиху, и притомъ не такъ, чтобы каждый стихъ начинался новою буквою, слѣдующею за начальною буквою предыдущаго стиха, напримѣръ, чтобы первый стихъ, начинался съ *а*, второй съ *б*, третій съ *г*; но каждою буквою начинаются восемь стиховъ подъ рядъ, потомъ другіе восемь стиховъ начинаются слѣдующею буквою. Такимъ образомъ, восемь стиховъ первыхъ начинаются съ *а*, восемь слѣдующихъ съ *б*, и такъ далѣе. Всего въ еврейской азбукѣ 22 буквы. Положивъ на каждую по осьми стиховъ, выйдетъ 176 стиховъ. Столько ихъ и есть въ псалмѣ.

Эта послѣдняя особенность болѣе всего наводитъ на рѣшеніе вопроса о происхожденіи и назначеніи этого псалма. Одинъ толковникъ приводитъ мнѣніе еврейскихъ ученыхъ, что св. пророкъ Давидъ составилъ псаломъ этотъ для обученія сына своего Соломона, котораго готовилъ въ преемники себѣ, закону Божію и молитвѣ. Зигабенъ дѣлаетъ выписку изъ Оригена, въ которой сей послѣдній свидѣтельствуетъ, что евреи имѣли обычай заставлять дѣтей своихъ, вмѣстѣ съ алфавитомъ, заучивать и этотъ псаломъ. Соединивъ то и другое, мы полагаемъ, что св. пророкъ Давидъ, подъ конецъ своихъ дней, послѣ столькихъ опытовъ въ жизни, изъ которыхъ ни одинъ не проходилъ у него безъ того, чтобъ онъ не поставлялъ себя въ прямое отношеніе къ Богу и закону Его, разумно прошедши всѣ нравственно-религіозныя состоянія и уразумѣвъ всѣ ихъ при свѣтѣ лица Божія, возъимѣлъ благую мысль передать Соломону всю свою духовную опытность,

такъ однакожъ, что при этомъ имѣлъ во вниманіи и дѣтей всѣхъ отцовъ, не своего только времени, но и всѣхъ послѣдующихъ родовъ. Блаженный Ѳеодоритъ пишетъ объ этомъ псалмѣ слѣдующее: „Божественный Давидъ много различныхъ перемѣнъ имѣлъ въ жизни: и бѣгствомъ спасался отъ враговъ, и въ бѣгство обращалъ враговъ, впадалъ въ горести, и потомъ велъ жизнь радостную, проходилъ путь божественный, и претыкался въ шествіи, и снова слѣдовалъ Божественнымъ законамъ. Все это собралъ онъ во едино въ настоящемъ псалмѣ, и всѣ молитвы, какія при каждомъ обстоятельствѣ приносимы были имъ Богу, приводя въ одинъ стройный составъ, предложилъ людямъ единое полезное ученіе, и въ сказанномъ имъ показываетъ, какъ можно преуспѣвать въ дѣятельной добродѣтели."

Спѣшимъ, при этомъ, устранить могущее возродиться помышленіе: псаломъ этотъ—для дѣтскаго чтенія и изученія; такъ къ чему же намъ взрослымъ и особенно многоученымъ и заниматься имъ? Но псаломъ этотъ изучался въ дѣтствѣ, а руководство давалъ на цѣлую жизнь, и составлялъ не только руководство, однажды навсегда законченное изученіемъ, но и предметъ для постояннаго размышленія и средство для всегдашняго углубленія въ тайны законоположенія Божія. Изреченія псалма просты по формѣ, но не просты по содержанію. Начните разбирать повнимательнѣе, и вы всегда найдете нѣчто новое, назидательное, влекущее волю въ слѣдъ стезей Божіихъ. Блаж. Августинъ свидѣтельствуетъ, что онъ долго не могъ взяться за толкованіе сего псалма, будучи поражаемъ его глубиною. „Сколько разъ, говоритъ онъ, просили меня дать толкованіе его; и я брался было, но всегда отступалъ, видя, что это превышаетъ мои силы: ибо чѣмъ псаломъ этотъ кажется проще, тѣмъ оказывается на дѣлѣ глубже: такъ что я и сказать не могу, сколь-

ко онъ глубокъ. Въ другихъ псалмахъ есть темноты; этотъ же такъ ясенъ, что только читай или слушай: толковать нечего. А между тѣмъ, я не могу сказать, смогу ли что сдѣлать и теперь, приступая къ бесѣдамъ о немъ."

Послѣ этого, сомнѣнія быть не можетъ, что если и мужи ученые будутъ брать себѣ по стишку изъ этого псалма и поучаться въ немъ размышленіемъ въ продолженіи дня, то это будетъ очень похоже на прорываніе земли въ томъ мѣстѣ, гдѣ скрыто сокровище. Ройся только.—найдешь. Въ какомъ бы кто возрастѣ духовномъ ни находился, всякій узритъ должное и полезное себѣ. Блаженный Ѳеодоритъ заключаетъ мнѣніе свое объ этомъ псалмѣ такъ: „псалма сего достаточно къ тому, чтобы желающихъ совершенной добродѣтели усовершить въ ней, живущихъ въ разсѣяніи возбудить къ тщанію, упадающихъ въ духѣ воодушевить, нерадивыхъ исправить, однимъ словомъ, противъ различныхъ человѣческихъ немощей дать всякаго рода врачевство." Св. Аѳанасій великій, минуя всѣ внѣшнія соприкосновенности этого псалма, смотритъ на него окомъ глубокаго пустынника и говоритъ: „въ псалмѣ семъ св. пророкъ описываетъ житіе святыхъ, подвиги ихъ, скорби, труды, также возстанія демоновъ, тысячи внушаемыхъ помысловъ, сѣти и прочія средства къ уловленію, а вмѣстѣ и то, чѣмъ святые одерживаютъ побѣду: законъ, словеса Божіи, терпѣніе, помощь свыше и, наконецъ, что послѣдуетъ за трудами—награды, вѣнцы, воздаянія." Св. Амвросій пишетъ, что „и другіе псалмы содержатъ нравственные уроки; но тѣ суть, какъ звѣзды, разсѣянныя по небу; а этотъ, какъ солнце, изливающее въ полдень обильный свѣтъ."

Такое богатство псалма сего и расположило насъ посвятить размышленію о немъ достойное время и, что Богъ пошлетъ, предложить то вниманію богобоязненныхъ и ревнующихъ о спасеніи своемъ христіанъ, въ

той увѣренности, что это хоть какую нибудь принесетъ имъ пользу. Св. Церковь видимо желаетъ, чтобы мы потверже знали и поглубже понимали этотъ псаломъ, положивъ чтеніе его на каждой повседневной полунощницѣ, когда освѣженная сномъ мысль бываетъ способнѣе,— и живѣе воспринимать и глубже проникать.

Предлагая, однакожъ, наши размышленія, долгомъ считаемъ заявить, что тутъ мало что будетъ своего. Все будетъ заимствуемо у св. Отцевъ и учителей Церкви, потрудившихся въ толкованіи сего псалма. Св. Амвросій посвятилъ ему цѣлую книгу; блаженный Августинъ въ церкви всенародно предлагалъ о немъ бесѣды: св. Аѳанасій великій, блаженный Ѳеодоритъ, св. Иларій вели толкованіе его на ряду съ толкованіемъ всѣхъ псалмовъ. Кромѣ ихъ, совѣтниками нашими будутъ: Зигабенъ Евѳимій и Аѳеимъ, блаженнѣйшій патріархъ іерусалимскій.

Въ изложеніи удержимъ раздѣленіе на осьмистишія, подражая св. Амвросію и блаженнѣйшему Аѳеиму, хотя этого нѣтъ ни въ славянскомъ, ни въ греческомъ текстѣ, тѣмъ болѣе, что это не одно внѣшнее разграниченіе, облегчающее чтеніе и поддерживающее вниманіе и охоту, безъ вліянія на внутреннее содержаніе. Думалось, что стихи каждаго осьмистишія не представляютъ единства; но болѣе внимательное изслѣдованіе показало, что каждымъ осьмистишіемъ заправляетъ одна мысль, на которую нанизываются стихи, какъ бисеръ на одну нитку. Само толкованіе и размышленіе покажетъ, насколько это вѣрно.

Какая же общая форма изреченій въ этомъ псалмѣ? Это не притчи, а молитвенныя обращенія къ Богу. Каждый стихъ есть молитва, но все объ одномъ—объ исполненіи закона Господня. Душа, сознавшая, что спасеніе только въ Богѣ чрезъ исполненіе святой Его воли, бесѣдуетъ съ Богомъ, моля Его просвѣщать, вразумлять,

укрѣплять, избавлять отъ искушеній внутреннихъ и непріятностей внѣшнихъ, возстановлять отъ паденій, избавлять отъ враговъ, словомъ, даровать ей, по милости Своей, быть благоугодною Ему. Повсюду идетъ рѣчь теплая, обращенная къ Богу прямо отъ сердца.

Еще одно замѣчаніе. Воля Божія, для насъ обязательная, въ продолженіи псалма, выражается не однимъ словомъ. Кромѣ обычнаго выраженія—законъ, заповѣди, встрѣчаются названія—свидѣнія, оправданія, словеса, судьбы, судьбы правды, путь, путь истины, путь заповѣдей, путь оправданій, стези заповѣдей, совѣты и проч. Каждое изъ этихъ названій означаетъ все ту же волю Божію о томъ, какъ намъ жить, или тотъ же законъ, только въ разныхъ его отношеніяхъ. Если какое либо изъ этихъ наименованій будетъ давать какой либо оттѣнокъ мысли, содержащейся въ изреченіи, то это будетъ указано въ своемъ мѣстѣ.

ПЕРВОЕ ОСМИСТИШІЕ.

Стихъ первый.

Блажени непорочніи въ пути, ходящіи въ законѣ Господни.

„Путемъ, пишетъ Θедоритъ, здѣсь пророкъ именуетъ жизнь, которую всѣ мы проходимъ отъ рожденія до гроба.“

Непорочны въ пути тѣ, которые живутъ непорочно, уклоняясь отъ всякаго грѣха. „Кто никогда ни въ чемъ не грѣшилъ, говоритъ св. Аѳанасій великій, тотъ непороченъ.“

Ходятъ въ законѣ Господни тѣ, которые, по выраженію Θеодорита, „жительствуютъ сообразно съ законами Божіими,“ исполняютъ всякую заповѣдь, какая ни встрѣтится по теченію жизни, не опуская ничего изъ сознаннаго обязательнымъ и ни отъ чего не отказываясь; иначе,—которые дѣлаютъ всякое добро.

Такимъ образомъ, эти два пункта заповѣдуютъ тоже, что въ другихъ мѣстахъ пророкъ выражаетъ словами: *уклонися отъ зла и сотвори благо,* отвѣчая на вопросъ: *кто есть человѣкъ хотяй животъ, любяй дни видѣти благи* (Пс. 33, 13. 15)? или что въ первомъ псалмѣ сначала: *не иде на совѣтъ нечестивыхъ,* а потомъ: *въ законѣ Господни воля его.*

Такъ вотъ кто блаженъ! Какимъ же блаженствомъ? Внутреннимъ или внѣшнимъ, здѣшнимъ или будущимъ? Если угодно Господу и не пагубно для человѣка, то

дается и внѣшнее счастіе; но внутреннее блаженство неотъемлемо отъ чистой и богоугодной жизни, которая, при всѣхъ внѣшнихъ лишеніяхъ и недостаткахъ, всякому приноситъ миръ и радость, истекающіе изъ спокойной совѣсти и непостыднаго воззрѣнія въ лице Господу, наполняетъ душу крѣпкою надеждою и возгрѣваетъ въ ней чувства, какія свойственно имѣть дѣтямъ къ отцу. Такой человѣкъ всегда упокоевается въ лонѣ промыслительной и благопопечительной любви Божіей. Это — здѣсь; потому-то св. пророкъ и говоритъ: не *будутъ* блаженны, а *суть*.

Что же будетъ,—*не у явися* (1 Ін. 3, 2). Будетъ то, что и на мысль человѣку не можетъ прійти,—такъ оно полно, высоко, многоцѣнно! Но путь тотъ же: непорочная жизнь по заповѣдямъ Господнимъ. Тамъ—отечество;—здѣсь—чужая сторона; жизнь—шествіе на родину. Между тѣмъ, всѣ живутъ; слѣдовательно, всѣ идутъ къ концу, но не всѣ шествуютъ на родину, не туда мѣтятъ, не туда приводитъ ихъ путь. О, когда бы *тако тещи*, чтобы *постигнуть!* (1 Кор. 9, 24). Зачѣмъ же стало? Обѣщается блаженство неизреченное; блаженства же кто не желаетъ, кто не ищетъ, кто для него не жертвуетъ всѣмъ? И мы грѣшные, грѣхолюбивые, ради чего любимъ грѣхъ? Ради того, что чаемъ обрѣсти въ немъ блаженство; и хоть онъ обманываетъ насъ, и, вмѣсто блаженства, томитъ и мучитъ, а мы все въ немъ валяемся: авось дождемся блаженства! Да, дождемся, какъ отъ репейника смоквы.

Блаженства всѣ желаютъ и ищутъ; оно есть двигатель всѣхъ дѣяній и предпріятій человѣческихъ, и большихъ и малыхъ. Но не всѣ понимаютъ, въ чемъ оно, и какъ къ нему дойти, и даже понявши, не всѣ такъ располагаются дѣйствовать, какъ нужно, чтобы достигнуть блаженства. Въ этомъ скрывается что-то непонятное. Чело-

вѣкъ осязательно терпитъ тутъ обманъ и даже нѣкоторое насиліе, и идетъ куда зря.

Блаженный Августинъ ведетъ объ этомъ пространную рѣчь. „Псаломъ сей съ самаго начала призываетъ насъ къ блаженству, предмету желаній всякаго человѣка. Есть ли кто, былъ ли когда нибудь, или будетъ ли такой, который не желалъ бы быть блаженнымъ? Какая же нужда призывать къ тому, къ чему душа человѣческая сама собою стремится? Вѣдь когда кто призываетъ къ чему, то склоняетъ волю того, къ кому обращаетъ рѣчь, устремиться къ предлагаемому имъ. Что же это съ нами дѣлаютъ, убѣждая возжелать того, чего не желать не можемъ? Не лишняя ли это рѣчь? Нѣтъ, не лишняя: блаженства всѣ желаютъ, но какъ его достигнуть—не всѣ знаютъ. Словами: *блажени непорочніи,* говорится какъ бы такъ: знаю, чего ты желаешь,—ты ищешь блаженства, такъ если хочешь быть блаженнымъ, будь непороченъ. Но въ томъ-то и дѣло, что блаженства всѣ желаютъ, а того, безъ чего достигнуть нельзя желаемаго всѣми, желаютъ очень немногіе. Вотъ онъ и выставляетъ напередъ всѣми желаемое блаженство, и тутъ же предлагаетъ непорочность чрезъ хожденіе въ законѣ Божіемъ, дабы чрезъ то, чего всѣ сами желаютъ, расположить и къ тому, чего не всѣ желаютъ. Быть блаженнымъ есть столь великое благо, что его желаютъ и добрые и недобрые; и то не дивно, что добрые ради его добры; но то достойно всякаго удивленія, что и недобрые недобры изъ желанія быть блаженными. И преданный чувственнымъ удовольствіямъ, и ищущій богатства и почестей, и опутавшійся всякими пороками,—всѣ ищутъ блаженства. Вотъ этихъ-то блуждающихъ, и ожидающихъ себѣ блаженства отъ пагубы и вызываетъ на должный путь Божественный сей гласъ, если только его услышатъ: *блажени непорочніи въ пути, ходящіи въ законѣ Го-*

сподни. Онъ гласитъ какъ бы такъ: куда идете вы? Вы гибнете, сами того не зная. Куда вы достигнуть желаете, туда идутъ не тою дорогою, какою вы идете. Конечно, вы желаете блаженства; но та дорога, какою вы идете, ведетъ въ пагубу. Перестаньте же искать такого великаго блага на такомъ зломъ пути. Вотъ куда идите, вотъ какою дорогою шествуйте! Оставьте пагубу путей развращенныхъ, вы, которые не можете оставить желанія блаженства. Напрасно вы мучитесь, стремясь туда, гдѣ вы только пятнаете себя. Не тѣ блаженны, которые пятнаютъ себя грѣхомъ и ходятъ въ развращеніи вѣка; но тѣ, которые *непорочни въ пути и ходятъ въ законѣ Господни*".

И то правда, что путь этотъ притруденъ и многоопасенъ. Путь заповѣдей самъ въ себѣ чистъ; но идущіе по нему идутъ непрестанно подъ дождемъ грязныхъ брызговъ, которые если попадутъ, то не остаются на одной поверхности, а въѣдаются внутрь. Ихъ приходится не стирать только и смывать, но вырѣзывать и выжигать. Св. Макарій изображаетъ этотъ путь пролегающимъ среди терній и трясинъ, гдѣ скрываются гады ядовитые и звѣри, а по мѣстамъ воткнуты копья и мечи. Сколько тутъ требуется вниманія, напряженія, труда, борьбы! Посему-то слово *непорочни* въ подлинникѣ есть тоже, какимъ обозначаютъ агнцевъ, назначенныхъ для пасхальной жертвы. Это, между прочимъ, указываетъ на то, что вступившіе на путь заповѣдей для того, чтобы быть непорочными, должны обречь себя, какъ на закланіе. Только тотъ, кто въ самомъ началѣ положилъ считать себя уже какъ бы умершимъ, возможетъ устоять противъ всѣхъ соблазновъ и трудностей: потому что кто считаетъ себя мертвымъ, тому что еще можетъ встрѣтиться невыносимое? Все такое меньше смерти. Вотъ это-то и значитъ, что Господь сказалъ: *иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе* (Мѳ. 16, 24).

Еслибъ можно было такъ, что когда сдѣлалъ должное, а когда и нѣтъ, то было бы сподручнѣе. Но такъ нельзя; изъ такого дѣйствованія ничего не выйдетъ. Это тоже, что строить да разорять; ужъ идти, такъ идти. Греческое слово, πορευόμενοι—ходящіе, даетъ мысль, что идущіе идутъ не останавливаясь, не обращая ни на что вниманія, не пугаясь преградъ, — идутъ, какъ течетъ какая либо величавая рѣка, пока войдетъ въ море. „Пророкъ, говоритъ блаженный Θеодоритъ, ублажаетъ тѣхъ, которые неуклонно шествуютъ путемъ царскимъ, и, слѣдуя внушеніямъ закона, не совращаются ни на правую, ни на лѣвую сторону;“ а св. Амвросій продолжаетъ: „непорочно ходящій въ законѣ Господни не перестаетъ никогда ходить этимъ путемъ; чтобъ не перестать быть непорочнымъ, не уклоняется ни на десное, ни на шуее, не озирается туда и сюда, не стоитъ неподвижно, словно ожидая чего, но шествуетъ, *задняя забывая, въ предняя же простираясь,* держа путь къ извѣстной цѣли, *къ почести вышняго званія*“ (Фил. 3, 13. 14). Вотъ чего надобно добиваться! А то многіе начинаютъ течь, но конца не достигаютъ. „Не вступить только надо на путь, говоритъ св. Иларій, но и продолжать шествовать имъ до самой цѣли. Пока кто идетъ по пути, тотъ еще не достигъ того, къ чему стремится. Потому-то блаженный Павелъ и говоритъ: *не яко достигохъ... гоню же* (Фил. 3, 12)... Вотъ и онъ стремился, и стремился такъ, что задняя забывалъ. Тотъ только и достигаетъ блаженства, кто такъ устремляется надеждою въ будущее.“

Стихъ второй.

Блажени испытающіи свидѣнія Его, всѣмъ сердцемъ взыщутъ Его.

Свидѣнія—свидѣтельства. Такъ называетъ св. пророкъ законъ, потому что законъ свидѣтельствуетъ о волѣ Божіей, о томъ, какъ говоритъ блаж. Ѳеодоритъ, „чего хочетъ отъ насъ Богъ, какъ желаетъ быть благоугождаемъ отъ насъ, и что воздаетъ тѣмъ, которые слѣдуютъ Его повелѣніямъ, и тѣмъ, которые не слѣдуютъ.“ Свидѣніями, впрочемъ, называется здѣсь вообще слово Божіе. Свидѣтель обыкновенно говоритъ слово о томъ, чего другіе не знаютъ, съ удостовѣреніемъ, что говоритъ правду. Міръ духовный и всѣ тайны, касающіяся Божескаго естества, мірозданія, міроправленія, искупленія и возустроенія всяческихъ, для насъ невѣдомы. Богъ Самъ далъ о нихъ свидѣтельство. Въ этомъ смыслѣ свидѣнія обнимаютъ всѣ словеса Божіи, все Божественное откровеніе. То и другое,—законъ ли только разумѣть, или все слово Божіе,—называться свидѣтельствомъ можетъ и потому еще, что истина того засвидѣтельствована удостовѣрительно для всѣхъ, такъ что сомнѣваться въ томъ не только неразумно, но и богоборно. Самъ Богъ торжественно изрекалъ законъ; Духомъ Божіимъ движимые пророки истолковывали его, предживописуя и имѣющее быть искупленіе всѣхъ; Сынъ Божій Богъ, воплотившись, возвѣстилъ явно объ Отцѣ и изъяснилъ волю Его и Свою, вступивъ съ человѣчествомъ въ новый завѣтъ; Духомъ Божіимъ исполненные апостолы возвѣстили эти тайны всему міру, и во всемъ мірѣ воздвигли единую св. Церковь, хранительницу истины.

Такимъ образомъ, Слово Божіе—отъ Бога; слѣдовательно, оно непреложно-истинно, ибо Богъ есть истина. Богъ Самимъ Собою свидѣтельствуетъ, что слово Его истинно. Но и давъ слово Свое въ руководство людямъ, Онъ не переставалъ, во все продолженіе его существованія на землѣ, свидѣтельствовать, что оно истинно-непреложно, защищая и покровительствуя тѣмъ, кото-

рые исповѣдуютъ истину его и поражая наказаніями тѣхъ, которые противъ совѣсти возстаютъ на него. Особенно же свидѣтельствуетъ Онъ это тѣмъ, что людямъ, вѣрнымъ слову, даетъ испытать и ощутить сердцемъ все то, что обѣтовано вѣрнымъ слову въ словѣ Божіемъ.

Испытывать свидѣнія Божіи, законъ или, вообще, слово Божіе можно или только умомъ, или не умомъ только, но и дѣломъ—первое предшествуетъ вступленію на путь воли Божіей, изложенной въ словѣ, а другое послѣдуетъ за нимъ.

Предшествующее дѣлу испытаніе Слова Божія,—умовое изслѣдованіе его и изученіе, одно дѣлается въ видахъ только знанія, а другое—въ видахъ послѣдованія ему.

Можно изучать слово Божіе и безъ слѣдованія ему, если не по упорному противленію Божію званію, то по отлагательству дѣла говоря въ себѣ: теперь изучимъ слово, а по времени станемъ жить по нему. Такое голое знаніе слова Божія не можетъ быть полно и удовлетворительно, потому что наибольшая часть истинъ его понимается уже послѣ вступленія на путь послѣдованія ему. По происхожденію своему, оно наиболѣе ограничивается теоретически — умовою стороною открываемаго, даже и въ тѣхъ предметахъ, которые касаются дѣятельности. И всегда путаетъ; потому что построевать умомъ теоріи объ открываемомъ въ словѣ Божіемъ, безъ соотвѣтственной жизни, есть тоже, что во внѣшнихъ наукахъ строить умозрительныя системы безъ опыта. Пространно объ этомъ голомъ знаніи и о путаніяхъ его пишетъ св. Исаакъ Сиріанинъ въ своемъ посланіи къ преподобному Симеону чудотворцу. Остающіеся при одномъ этомъ знаніи, конечно, не могутъ быть названы блаженными. Напротивъ, такое знаніе скорѣе послужитъ къ осужденію ихъ. *Рабъ, вѣдѣвый волю господина своего, и не уготовавъ, ни сотворивъ по воли*

его, біенъ будетъ много (Лк. 12, 47). При всемъ томъ, и такое знаніе можетъ быть спасительно, если слово Божіе испытывается не злонамѣренно, не съ упорствомъ, а съ нѣкоторымъ, хотя малымъ, сочувствіемъ. Собираются истины Божіи въ тоже сознаніе, гдѣ присутствуетъ и мракъ грѣхолюбія и суетность. Свѣтъ Божій не можетъ не обличать этой тьмы; а совѣсть, внимая сему, не можетъ не воздвигать голоса своего, вразумительнаго и понудительнаго. Придетъ моментъ, когда, изучающій слово Божіе умомъ, и желаніемъ обратится къ указаніямъ его, и положитъ намѣреніе слѣдовать ему неуклонно. Въ такомъ случаѣ, всѣ прежде собранныя свѣдѣнія изъ слова Божія послужатъ ему готовымъ матеріаломъ къ образованію внутренняго человѣка, какъ для возбудившагося въ сѣмени ростка служатъ первою пищею окружающіе его элементы въ самомъ же сѣмени.

Испытаніе слова Божія, въ видахъ послѣдованія ему, одно бываетъ съ тѣмъ, чтобы начать слѣдовать ему, а другое—чтобы, начавши, лучше слѣдовать ему. Слышитъ кто, что все, что онъ думаетъ и что дѣлаетъ, ложно и худо, и что истина содержится только въ словѣ Божіемъ,—беретъ слово Божіе, читаетъ, внимаетъ, образумливается и рѣшается слѣдовать его указаніямъ и требованіямъ. Вслѣдъ за св. мученикомъ Іустиномъ, сколько было такихъ въ церкви Божіей, которые, начавъ добрѣ, потомъ совершенно очистились, стали сосудами благодати, и прославляются нынѣ Церковію! И нынѣ они есть. Даже между христіанами есть много совсѣмъ не читавшихъ слова Божія и не знающихъ, что требуется отъ нихъ св. вѣрою и крещеніемъ: но когда, какимъ нибудь образомъ, наведены они бываютъ на чтеніе его, просвѣщаются умомъ и сердцемъ и становятся непостыдными дѣлателями въ домѣ Божіемъ. Но и тѣмъ, которые уже начали идти путемъ заповѣдей Божіихъ, нельзя оставаться безъ испытанія слова

Божія, потому что не вступить только должно на путь Божій, а слѣдовать имъ до конца, и притомъ прямо, не уклоняясь ни туда ни сюда. Вразумленія же относительно сего негдѣ взять, кромѣ слова Божія. Потому-то, начавши слѣдовать слову Божію, они никогда не выпускаютъ его изъ рукъ, изучая его и питаясь имъ, и имѣя закономъ на всякое дѣло свое, предпринимаемое и дѣлаемое ими, имѣть свидѣтельство изъ слова Божія. Неумѣющіе читать изощряютъ слухъ свой въ храмѣ Божіемъ, и, какъ птица по зернышку, собираютъ слова Божіи и, богатясь вѣдѣніемъ его, день ото дня становятся премудрыми въ словѣ, способными нерѣдко научать духовной жизни и многоученыхъ.

Кто же блаженны изъ всѣхъ ихъ? Блаженство испытующихъ свидѣнія Божіи начинается съ момента рѣшимости слѣдовать имъ дѣломъ. Хотя они не успѣли еще стать непорочными въ пути и чистыми сердцемъ, какъ требуется первымъ стихомъ для блаженства; но они уже начали движеніе къ блаженству, начавъ искать Господа,—блаженны еще пока надеждою, которая несомнѣнно вскорѣ приведетъ ихъ и къ дѣйствительному вкушенію блаженства. „Таковые, говоритъ блаж. Августинъ, надеждою блаженны, подобно тому, какъ *блажени изгнани правды ради*, — не тѣмъ, что есть, ибо испытываютъ зло, а тѣмъ, что прибудетъ имъ: *яко тѣхъ есть царство небесное* (Мѳ. 5, 10). Если они надеждою блаженны, то надеждою можно быть и непорочнымъ. Ибо въ жизни сей, хотя бы со всѣмъ усердіемъ старались мы ходить въ законѣ Господни, но *аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ, и истины нѣсть въ насъ* (1 Ін. 1, 8).

Воистину же блаженны изъ испытующихъ свидѣнія Божія тѣ, которые самымъ дѣломъ испытываютъ все, что указано въ словѣ Божіемъ. И начавшіе слѣдовать слову Божію не вдругъ вводятся въ опыты духовные. Вначалѣ они

неспособны къ тому: слишкомъ много еще шума и смятенія въ душѣ и сердцѣ ихъ. По времени же, когда уляжется волненіе, начинается и опытность духовная, съ маленькихъ случаевъ и до большихъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше; наконецъ, они пріобрѣтаютъ и *чувства, обученныя въ разсужденіи добра и зла* (Евр. 5, 14). Вотъ примѣры: каемся, и получаемъ разрѣшеніе; но тутъ же дается и удостовѣрительное чувство помилованія, хоть въ силѣ оно приходитъ послѣ трудовъ покаянныхъ. Кто это ощутитъ, тотъ на дѣлѣ испытываетъ, что есть отпущеніе грѣховъ. Кто не знаетъ, сколько благъ Господь! Но иной вкушаетъ, и чрезъ вкушеніе уже вѣдаетъ, яко благъ Господь. Всѣ мы молимся; но есть молитва, которая сама молится и увлекаетъ вслѣдъ за собою всего внутренняго человѣка. Кто это испытываетъ, тотъ только и знаетъ, что есть молитва. Сколько бываетъ внутреннихъ измѣненій въ человѣкѣ,—то онъ въ радости, то въ печали, то въ страхѣ, то въ чувствѣ безопасности и надежды; но всѣ такія чувства бываютъ и съ правой и съ лѣвой стороны. Есть радость о Господѣ и печаль по Богу; и есть радость и печаль поддѣльныя. Есть страхъ Божій и надежда спасительная, и есть страхованіе пустое и надежда обманчивая. Всѣ подобныя проявленія жизни въ духѣ испытываются дѣломъ, изучаются опытно, и изученныя вступаютъ въ руководительныя начала жизни. Чѣмъ же блаженны такіе люди? Тѣмъ самымъ, что испытываютъ; къ нимъ-то тогда приложимо слово: *царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лк. 17, 21).

Но есть еще высшее испытаніе свидѣній Божіихъ; испытаніе дѣломъ принадлежитъ дѣятельной жизни: есть жизнь созерцательная, въ которой и испытаніе созерцательное. Неуклонное исполненіе заповѣдей приводитъ къ очищенію сердца; сердце же чистое открываетъ уму окно въ духовный міръ, и онъ созерцаетъ тамъ предметы, какъ глазъ смотритъ на видимое во внѣ. Во всѣхъ писаніяхъ отече-

скихъ упоминается, что дѣятельная жизнь по заповѣдямъ приводитъ къ созерцанію, и что умъ, достигнувъ этой степени, созерцаетъ тайны Божіи. Въ чемъ это состоитъ, и какъ оно бываетъ—вѣдаютъ тѣ, которые сподобляются сего. Примемъ это вѣрою, такъ какъ это вообще свидѣтельствуется всѣми: а что можно и въ настоящемъ стихѣ разумѣть это, положимся на многознающихъ мужей. Зигабенъ приводитъ слѣдующія слова Евсевія на это мѣсто: „Св. пророкъ идетъ впередъ по порядку. Первые блаженные—непорочные въ пути, никогда и никакъ не преступающіе съ пути закона; это дѣятельные мужи. Вторые, востекши на высшую степень бываютъ блаженны, такъ какъ не нравъ только исправляютъ, но и созерцаютъ глубины свидѣній Божіихъ; это—созерцательные.“

Съ испытаніемъ свидѣній пророкъ поставляетъ въ непосредственной связи всесердечное взысканіе Господа: *всѣмъ сердцемъ взыщутъ Его*. Взысканіе Господа начинается съ того времени, когда начинается чтеніе слова Божія, въ видахъ послѣдованія ему. Когда же кто рѣшается слѣдовать требованіямъ и указаніямъ его, тогда, вмѣстѣ съ тѣмъ, вступаетъ онъ на стезю дѣятельнаго взысканія Его; и потомъ—какія степени проходитъ испытаніе свидѣній, вмѣстѣ съ нимъ проходитъ свои степени и взысканіе Господа. Они другъ друга возбуждаютъ, поддерживаютъ и оживляютъ. Но цѣль — взысканіе Господа не въ томъ только, чтобъ искать и искать; но искавши найти, и нашедши пребыть съ Нимъ и въ Немъ, обладая Имъ и будучи обладаемымъ отъ Него. Какъ только рѣшается человѣкъ слѣдовать заповѣдямъ, ища Господа, Господь принимаетъ его. Но опять-таки исканіе Господа еще бываетъ смѣшано со многими другими исканіями, которыя его перебиваютъ. Когда же кто вступаетъ въ состояніе опытности духовной,—взысканіе Господа выступаетъ впередъ и занимаетъ преобладающее мѣсто: всѣ

другія исканія ему подчиняются и имъ направляются; затѣмъ, оно занимаетъ все сердце и становится исключительнымъ. Это уже въ послѣднихъ степеняхъ дѣятельной жизни и въ жизни созерцательной, отличительная черта которой—душа и Богъ, и больше никого и ничего.

Приведемъ три свидѣтельства нашихъ толковниковъ относительно этого взысканія. Всякій самъ увидитъ, къ какому состоянію какое изъ нихъ относится.

Блажен. Аѳеимъ іерусалимскій говоритъ: „въ этомъ стихѣ св. Давидъ показываетъ способъ, какъ люди дѣлаются ходящими въ законѣ Господни. Когда, говоритъ онъ, станутъ испытывать свидѣнія Его; когда, то есть, трезвеннымъ и чистымъ помысломъ станутъ изслѣдовать словеса Его, истина коихъ засвидѣтельствована и исповѣдана,—тогда и Господа взыщутъ не только знаніемъ и пониманіемъ словесъ Его, но и сердцемъ, любя Его и всегда творя угодное Ему.“

Евѳимій Зигабенъ пишетъ: „кто читаетъ законъ и словеса Божіи съ углубленнымъ вниманіемъ и постигаетъ духовное сокровище, сокрытое внутри, тотъ, въ силу такого углубленія, начинаетъ отъ всего сердца искать Бога, узрѣвъ умно красоту Его и вкусивъ сладчайшаго свѣта Его. Тогда отрѣшается онъ отъ всего вещественнаго и услаждается Имъ единымъ.“

Блаж. Ѳеодоритъ увѣряетъ: „Всесердечное взысканіе возможно не всякому, а только достигшему самаго верха добродѣтели; такой человѣкъ не дѣлитъ уже ума своего на помышленія о Богѣ и о чемъ либо житейскомъ, но всего себя посвящаетъ Богу.“

Стихъ третій.

Не дѣлающіи бо беззаконія, въ путехъ Его ходиша.

По еврейскому тексту, стихъ этотъ читается такъ:

„такіе не дѣлаютъ уже беззаконія, въ путяхъ Его ходятъ.“ Не другая рѣчь и въ нашемъ текстѣ. Вмѣсто *дѣлающіи* поставимъ *дѣлая,* на что даетъ намъ право греческое слово, и получимъ: „не дѣлая беззаконія, они въ путяхъ Его стали ходить“.—стали ходить такъ рѣшительно, что установились въ этомъ хожденіи навсегда. Кто-жъ это такіе? Тѣ, которые дошли до показанныхъ предъ симъ степеней, вступили въ состояніе созерцанія и пребываютъ съ Господомъ, взыскавъ Его всѣмъ сердцемъ и обрѣтши Его. Что имъ приписывается? То, что они, хранимые всеобъемлещею благодатію пребывающаго въ нихъ Господа, никакъ не позволяютъ себѣ сдѣлать что-либо неугодное Господу, оскорбить Его какимъ-либо беззаконіемъ, но всегда неуклонно, и мыслію, и чувствомъ, и дѣломъ, ходятъ въ единыхъ путяхъ Божіихъ, не общихъ только, указуемыхъ общими предписаніями, но и частныхъ, опредѣляющихъ всякую въ жизни случайность.

Тутъ указывается высшее духовно-нравственное состояніе, въ которомъ находились св. апостолы, и послѣ нихъ многіе равноапостольные мужи. Къ нимъ-то относятся слова апостола Іоанна: *всякъ рожденный отъ Бога, грѣха не творитъ, яко сѣмя Его въ немъ пребываетъ, и не можетъ согрѣшати, яко отъ Бога рожденъ есть* (1 Ін. 3, 9). Возрожденіе зачинается въ крещеніи; но въ совершенствѣ является на послѣднихъ степеняхъ духовнаго преспѣянія, когда внутри человѣка все бываетъ пожерто Господомъ, и онъ является вполнѣ обновленнымъ, по образу Создавшаго его, — является, то есть, въ духѣ сыномъ Богу, по явному въ немъ богоподобію. Св. апостолъ Павелъ опредѣляетъ характеръ такихъ людей неподательною любовію: *кто ны,* говоритъ онъ, *разлучитъ отъ любве Божія?* Ничто, ни на землѣ, ни на небѣ, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ; потому

что любовь никогда не отпадаетъ. Такіе люди во всѣхъ путяхъ своихъ *водятся* уже *Духомъ Божіимъ* (Рим. 8, 14. 35), какъ это явственно оправдалось на св. апостолѣ Павлѣ, который о всѣхъ своихъ начинаніяхъ и дѣлахъ говоритъ: *недовольни есмы отъ себе помыслити что, яко отъ себе, но довольство наше отъ Бога* (2 Кор. 3, 5); потому что Онъ есть *дѣйствуяй въ насъ, и еже хотѣти и еже дѣяти о благоволеніи* (Фил. 2, 13). Такія лица суть орудія Божественнаго промышленія о насъ.

Такимъ образомъ здѣсь слово *пути* означаетъ не однѣ заповѣди, но вообще пути промышленія Божія, которыми опредѣляется для всякаго все наилучшее и спасительнѣйшее. Вся бѣда наша въ томъ, что мы не попадаемъ на слѣдъ промыслительныхъ опредѣленій; а не попадаемъ отъ того, что младенчествуемъ духомъ. Тѣ же, которые взошли въ эту мѣру, не только свое все видятъ, но и чужое. Умѣютъ они опредѣлить самымъ точнымъ образомъ, что кому, по намѣреніямъ Божіимъ, слѣдуетъ дѣлать. Припоминаю, что къ отцу Серафиму саровскому многіе приходили съ вопросами о путяхъ жизни, и очень многимъ онъ опредѣленно сказывалъ, какого пути держаться, чтобы не погубить души своей. Одной странницѣ сказалъ онъ: „ступай, сиди дома и работай, и тѣмъ кормись сама, да еще милостыню подавай.“ Другому страннику, хотѣвшему поступить въ монастырь, онъ велѣлъ странствовать, потому что жить въ обители ему не спасительно. Для другихъ онъ сказывалъ другое. И много бывало и есть такихъ зрителей путей Божіихъ. Къ такому совершенству и всѣ мы предназначены; и если лишаемся такого дара, то единственно по нерадѣнію и безпечности, а болѣе по грѣхолюбію; отъ того много толчемся въ жизни безъ толку, дѣлаемъ и передѣлываемъ, идемъ и возвращаемся, и разнообразно

перекрещиваемъ пути жизни. Будемъ, по крайней мѣрѣ, желать и молить Бога, чтобъ Онъ не лишалъ насъ такихъ мужей, которые могли бы видѣть всѣ пути Его, и какъ сами ходятъ въ нихъ, такъ и другимъ указывали бы ихъ. Путь же къ этому единственно тотъ, которымъ шелъ старецъ Серафимъ и подобные ему.

Св. Макарій спрашиваетъ: „могли ли апостолы согрѣшать?“ — и отвѣчаетъ: „не могли, но были, однакожъ, свободны дѣлать, что хотѣли.“ Благодать не вязала ихъ, но они сами не соглашались грѣшить. Вотъ его слова: „Согрѣшать они не могли, потому что, пребывая во свѣтѣ и при такой благодати, не превозносились. Впрочемъ, утверждаемъ, что благодать попускаетъ и совершеннымъ духовнымъ мужамъ имѣть свои изволенія и возможность дѣлать что хотятъ, и преклоняться на что угодно. И самая природа человѣческая, будучи немощна, имѣетъ возможность уклоняться отъ сопребывающаго съ нею добра“ (Бес. 27, § 11).

Блажен. Августинъ рѣшаетъ вопросъ: „какимъ образомъ святые, не дѣлая беззаконія, въ дѣлахъ Божіихъ ходятъ, между тѣмъ какъ истинно то, что *аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ и истины нѣсть въ насъ?* (1 Ін. 1, 8). Это недоумѣніе, говоритъ онъ, рѣшено апостоломъ Павломъ, который говоритъ о грѣхахъ святыхъ въ своемъ лицѣ: *не азъ сіе творю, но живый во мнѣ грѣхъ* (Рим. 7, 20). Если живетъ въ немъ грѣхъ, то какъ сказать, что онъ безъ грѣха? И однакожъ онъ ходитъ въ путяхъ Божіихъ и не дѣлаетъ беззаконія; ибо, хотя и есть оно въ немъ, но не онъ его творитъ, а живущій въ немъ грѣхъ. Это рѣшеніе однакожъ таково, что раждаетъ другое, болѣе трудное, недоумѣніе: какъ дѣлаетъ человѣкъ то, чего самъ не дѣлаетъ? потому что онъ сказалъ и то и другое, и *не еже хощу, сіе творю,* и *не азъ сіе творю* (Рим. 7, 20). Когда грѣхъ,

живущій въ насъ, дѣйствуетъ въ насъ, тогда не мы это дѣлаемъ, какъ скоро наша воля не соглашается съ нимъ и удерживаетъ члены тѣла отъ повиновенія ему; ибо что грѣхъ дѣлаетъ въ насъ безъ насъ, кромѣ однихъ прираженій и приманокъ къ непозволительному? Если не послѣдуетъ согласія на то воли, то нѣкая страсть (affectus) хотя и бываетъ въ движеніи, но ей не уступается никакое дѣйствіе (effectus). Это предписалъ тотъ же апостолъ, когда сказалъ: *да не царствуетъ грѣхъ въ мертвенѣмъ вашемъ тѣлѣ, во еже послушати его въ похотехъ его; ниже представляйте уды ваша оружія неправды грѣху* (Римл. 6, 12—13). Итакъ, грѣхъ дѣйствуетъ въ насъ чрезъ грѣховныя похоти, которыхъ, если послушаемъ, то и будемъ дѣйствовать грѣховно. Если же, послѣдуя апостолу, не послушаемъ ихъ, то не мы уже будемъ это дѣлать, но живущій въ насъ грѣхъ. Еслибы мы не имѣли никакихъ такихъ непозволительныхъ движеній, то ни мы, ни живущій въ насъ грѣхъ не дѣлалъ бы ничего худаго. Это движеніе непозволительной похоти, не слушаясь которой, мы не дѣлаемъ ее, потому почитается нашимъ дѣломъ, что оно есть немощь не чужой, а собственной нашей природы; такой немощи совершенно избавимся мы только тогда, когда не душою только одною, но и тѣломъ станемъ безсмертны. Такимъ образомъ, мы и въ путяхъ Божіихъ ходимъ, не слушаясь похотей грѣховныхъ, и не бываемъ безъ грѣха, потому что носимъ въ себѣ похоти грѣховныя. Еще вопросъ: словами молитвы Господней: *остави намъ долги наша*, что̀ мы просимъ отпустить,—дѣла ли, которыя дѣлаемъ, повинуясь похотямъ грѣховнымъ, или самыя эти похоти, которыя не мы творимъ, но живущій въ насъ грѣхъ? Я полагаю, что вина той немощи или болѣзни, изъ которой возникаютъ грѣховныя похоти, что апостолъ называетъ грѣхомъ (Рим. 7, 7—15), вся прощена намъ въ

таинствѣ крещенія, со всѣмъ, что надѣлали мы до того, повинуясь ей словомъ, дѣломъ и помышленіемъ; и послѣ сего эта немощь нисколько не вредила бы намъ, хоть и была бы въ насъ, еслибы мы никогда ни въ чемъ не слушались похотей ея, ни словомъ, ни дѣломъ, ни тайнымъ согласіемъ, пока, наконецъ, уврачевалась бы и она сама, и исполнилось въ насъ: *да пріидетъ царствіе Твое*. Но поелику *искушеніе есть житіе человѣку на землѣ* (Іов. 7, 1), то, хотя мы и далеки отъ явныхъ прегрѣшеній, но случается, что увлекаемся вслѣдъ движеній грѣховныхъ словомъ, дѣломъ или помышленіемъ. Бодрствуемъ мы противъ большихъ грѣховъ, но прорываются, по какому-либо невниманію и неосторожности нашей, маленькіе грѣхи, которые однакожъ если собрать всѣ, то они не могутъ не тяготить насъ. Вотъ по причинѣ ихъ-то и тѣ, которые всегда ходятъ въ путяхъ Божіихъ, молятся искренно: *остави намъ долги наша*."

Стихъ четвертый.

Ты заповѣдалъ еси заповѣди Твоя сохранити зѣло.

Въ трехъ предшествующихъ стихахъ св. пророкъ указалъ общій очеркъ нравственно-религіозной жизни, съ чего она начинается, черезъ что проходитъ и чего достигаетъ. Съ четвертаго стиха начинается его богомысленныя и молитвенныя обращенія къ Богу по всѣмъ сторонамъ и всѣмъ частностямъ этой жизни.

На первомъ мѣстѣ поставлено первое и главнѣйшее, именно, обязательство къ *зѣльной* ревности о храненіи заповѣдей, *зѣльно* заповѣдуемыхъ. Эта ревность есть неистощимый источникъ добрыхъ дѣлъ и всей богоугодной жизни, — есть купина, горящая въ сердцѣ и не сгарающая. Заградите источникъ,—прекратится теченіе освѣжающей и оживляющей воды; подавите ревность,—

престанетъ всякое добродѣланіе и всякая мысль о богоугожденіи. Погасите огонь, — не станетъ ни свѣта, ни тепла; погасите ревность, — душа не будетъ лежать ни къ чему доброму, совсѣмъ охладѣетъ къ жизни по Богу. По такой существенной важности ревнованія о храненіи заповѣдей, прежде всего о ней и упоминаетъ св. Давидъ. Но чтобы поддержать ее, тутъ же напоминаетъ онъ, что такая *зѣльная* ревность потому обязательна, что сами заповѣди *зѣло* заповѣданы. *Зѣльное* заповѣданіе заповѣдей естественно вызываетъ и *зѣльное* храненіе ихъ. Слово *зѣло* блаж. Августинъ относитъ и къ *заповѣдалъ,* и къ слову *сохранити,* хотя, очевидно, болѣе и прямѣе идетъ оно къ послѣднему.

Такимъ образомъ Богъ *зѣло заповѣдалъ заповѣди*, то есть заповѣдалъ намъ ихъ не какъ нѣчто только болѣе полезное и болѣе гожее, а какъ дѣло существенно необходимое, безъ котораго для насъ неизбѣжна погибель. Вотъ вамъ тѣсный путь заповѣдей: идите имъ, и придете въ животъ. Но есть и широкій путь беззаконія; если имъ пойдете, то онъ ввергнетъ васъ въ вѣчную погибель. *Зѣло заповѣданы* заповѣди и въ томъ смыслѣ, что Господь нигдѣ и никогда не показалъ равнодушія къ исполненію ихъ; не мимоходомъ, такъ сказать, проговорилъ ихъ, держа Себя потомъ такъ, что Ему какъ будто дѣла нѣтъ, исполняютъ ли ихъ или нѣтъ; а, давъ заповѣди, ревнуетъ о томъ, чтобъ онѣ были исполняемы. Для того и громы, и молніи при законодательствѣ; для того угрозы и дѣйствительныя страшныя казни неисполнителямъ и благословенія исполняющимъ ихъ. Потому-то святые Божіи и исповѣдали, что Онъ есть *Богъ ревнитель.* Къ заповѣдямъ Своимъ вотъ въ какое отношеніе ставитъ Онъ Самъ Себя: *аще хощете и послушаете Мя, благая земли снѣсте; аще ли не хощете и не послушаете, мечъ вы поястъ* (Ис. 1, 19. 20). Помяни изгнаніе изъ рая,

потопъ, Содомъ и Гоморру, пагубу египтянъ, истребленіе хананеевъ, плѣнъ вавилонскій, разореніе Іерусалима и храма, съ разсѣяніемъ народа еврейскаго, и многіе подобные суды Божіи на грѣшниковъ, и ты не можешь не сказать, что Богъ заповѣди Свои заповѣдалъ *зѣло*.

Если не станешь холодно относиться къ такимъ событіямъ, то не можешь и самъ не сдѣлаться *зѣльнымъ* ревнителемъ храненія заповѣдей. *Зѣло* заповѣдавшій заповѣди Господь требуетъ, чтобъ и мы *зѣло* хранили ихъ.

„Такое *зѣльное* храненіе, говоритъ патріархъ Аѳеимъ, требуетъ, чтобы мы со всякимъ тщаніемъ и постояннымъ усердіемъ, безъ ропота и разсѣянія, хранили заповѣди; не кое-какъ, прибавляетъ Ѳеодоритъ, а во всей точности,—требуетъ, чтобы мы не съ разсѣянною мыслію и беззаботнымъ сердцемъ дѣйствовали въ кругу заповѣдей, но всеусердно, со всѣмъ вниманіемъ, тщаніемъ и попечительностію исполняли повелѣнія Божія, съ благоговѣніемъ къ Тому. Кто далъ ихъ; только при этомъ наши дѣла послужатъ къ нашему преспѣянію въ вѣрѣ. Если же мы будемъ дѣлать ихъ съ нерадивымъ сердцемъ и умомъ, занятымъ другими помышленіями, то только внѣшно, членами тѣла будемъ исполнять долгъ, что̀. по причинѣ сердечной небрежности, не имѣетъ достоинства богоугоднаго дѣйствованія.“ какъ замѣчаетъ св. Иларій.

Такимъ образомъ указаніе на *зѣльное* храненіе заповѣдей предостерегаетъ насъ не отъ явнаго нарушенія ихъ, а отъ неисправнаго, неполнаго, неугоднаго Богу исполненія ихъ и, слѣдовательно, граничащаго съ ихъ нарушеніемъ.

Больше всего погрѣшаемъ мы въ этомъ отношеніи безсердечностью. Дѣла исправны, но въ нихъ не бываетъ сердца, да и душа-то не всегда. Потому-то мы встрѣчаемъ у святыхъ учителей нашихъ безпрестанное напоминаніе: смотри, чтобы какъ тѣло, такъ было и сердце

съ умомъ. Кладешь поклонъ,—и въ сердцѣ благоговѣйно падай предъ Всевидящимъ и Вездѣсущимъ; подаешь милостыню, — дѣлай это съ сердцемъ, обращеннымъ къ Тому. Кто готовъ невидимо принять ее, если такъ поступишь; прощаешь обиду, — прощай, разумѣя ее, какъ епитимію, посланную отъ Бога, для исходатайствованія тебѣ самому прощенія. Такъ и во всемъ, во всѣхъ дѣлахъ должно быть присуще истинное благонастроеніе внутреннее, отъ котораго получаетъ всю свою цѣну и внѣшняя дѣятельность.

Великое наше насчастіе, что мы все обращаемъ въ форму и не только тогда, когда начинаемъ съ формы, увлекаясь однимъ подражаніемъ, но и тогда, когда начинаемъ дѣйствовать съ настоящимъ строемъ сердца. Послѣ нѣсколькихъ пріемовъ дѣланія одного и того же съ участіемъ сердца, сердце начинаетъ равнодушничать, мысль блуждать, и дѣло дѣлается только по формѣ. Этимъ недугомъ могутъ страдать всѣ благочестивые навыки, даже тѣ, которые сопряжены съ своего рода трудами и тяготою въ исполненіи. Какъ же быть? Никакого противъ этого нѣтъ средства, кромѣ наложенія на себя такого правила, чтобы всегда начинать только, не думая, что дѣлаемое когда-либо было дѣлано. Всякій разъ, приступая къ нему, приступай какъ въ первый разъ. Когда св. Павелъ говорилъ, что онъ простирается впередъ, забывая все заднее, то хоть и не сказалъ онъ, что потому и стремится впередъ, что заднее забываетъ, а въ существѣ дѣла это такъ. Положившій себѣ такой законъ пріобрѣтаетъ навыкъ все дѣлать усердно, съ сердцемъ и вниманіемъ, и избѣгаетъ того приговора, который изрекается въ Апокалипсисѣ: *ни теплъ еси, ни студенъ, изблевати тя отъ устъ Моихъ имамъ* (3, 16).

То несомнѣнно, что постоянное, горячее ревнованіе о храненіи заповѣдей есть дѣло благодати Божіей· она

возбуждаетъ его, она и хранитъ; но это не значитъ, что намъ самимъ можно и руки опустить. Напротивъ, нашъ долгъ постоянно разжигать самихъ себя собраніемъ разнообразныхъ побужденій къ храненію заповѣдей и обложеніемъ ими сердца своего. Это будетъ то же, что подкладывать дрова въ горящую печь. Когда будетъ такое усиліе съ нашей стороны, то и благодать будетъ воздѣйствовать, превращая наше малое въ большое; а когда не будетъ, то и благодать отойдетъ. Часто спрашиваютъ: отъ чего охлажденіе? Да всегда почти отъ того, что сознательно, по разсѣянности, допущена небрежность въ томъ дѣлѣ, къ которому оказалось охлажденіе. Это есть внутреннее наказаніе отъ вразумляющей насъ благодати.

Стихъ пятый.

Дабы исправилися путіе мои, сохранити оправданія Твоя.

Исправилися—стали прямыми, приняли правое направленіе. *Путіе*—всѣ шаги мои, всѣ начинанія и предпріятія, все, что ни замышляю дѣлать, и внутренній строй, и внѣшнія дѣянія. *Сохранити*—такъ, то есть, чтобы я, воспріявъ эти оправданія въ совѣсть, осуществлялъ ихъ потомъ всею своею дѣятельностью, чтобъ они составляли душу всѣхъ моихъ дѣлъ. *Оправданія Твоя,* то есть то, что̀ Богъ почитаетъ правымъ, *елика истинна, елика честна, елика доброхвальна, аще кая добродѣтель или кая похвала* (Фил. 4, 8); или еще: *что есть воля Божія, благая, угодная и совершенная* (Рим. 12, 2).

Такимъ образомъ, пророкъ выражаетъ желаніе быть во всемъ исправнымъ предъ лицомъ Бога и всегда благоугождающимъ Ему посредствомъ хожденія во святой Его волѣ.

Но сила стиха сего не въ этой исправности и богоугодности, а въ воззваніи: *дабы,* которое, по св. Аѳана-

сію, употреблено вмѣсто: *о, еслибы; о, еслибы исправились пути мои!* Не говоритъ: о, еслибы *исправилъ* я пути свои, но исправились, какими Господь вѣсть судьбами. Этимъ выражается то, что хотя желаніе-то и есть, да силъ нѣтъ. О, *еслибы!*—это тоже, что „помоги Господи, дай силу, ниспосли благодать Свою.“ Блаж. Августинъ говоритъ по этому поводу: „иные думаютъ, что въ стремленіи нашемъ къ святости вся помощь свыше ограничивается лишь сообщеніемъ намъ вѣдѣнія о заповѣдяхъ, такъ что, познавъ ихъ, мы безъ особой уже благодати, одними своими силами, можемъ исполнять ихъ. Для вразумленія такихъ, св. пророкъ выражаетъ здѣсь желаніе высшей благодатной помощи къ храненію заповѣдей Божіихъ уже послѣ того, какъ имъ приняты были заповѣди Божіи, о чемъ сказано въ предыдущемъ стихѣ. Онъ какъ бы такъ говоритъ: „я уже получилъ заповѣди, которыя Ты заповѣдалъ хранить *зѣло;* я знаю ихъ: но заповѣдь Твоя свята и праведна и блага; я же проданъ подъ грѣхъ, который и *благимъ мнѣ содѣваетъ смерть,* если не поможетъ благодать Твоя (Рим. 7, 13). Помоги же!“

Сказавъ впереди, что Богъ обязываетъ насъ къ *зѣльному* храненію заповѣдей, *зѣло* Имъ заповѣданныхъ, св. пророкъ не прибавилъ никакого заключенія, въ родѣ, напримѣръ, такого: „и такъ, будемъ ревновать;“ это онъ самъ для себя изрекъ, молча, въ сердцѣ своемъ, давая примѣръ сдѣлать тоже и всякому самому же. Дѣло очевидное: Богъ повелѣваетъ; тварь должна повиноваться безъ разсужденій. Но, понуждаясь на это, онъ встрѣчается съ шаткостію намѣреній человѣческихъ, съ немощами и безсиліемъ человѣческой воли, опытно имъ дознанныхъ, и вопіетъ о помощи свыше,—благодатной.

И это есть второй производитель дѣятельной богоугодной жизни, рядомъ со своею усиленною ревностію

о томъ. Дѣло жизни богоугодной спѣется обоими ими нераздѣльно. Ни благодать безъ нашихъ свободныхъ усилій не станетъ помогать, ни наши усилія ничего прочнаго произвести не могутъ безъ благодати. Дѣло совершается при сочетаніи свободы и благодати. Не спрашивай, что больше, что меньше, что начинаетъ, что послѣдуетъ, потому что этого не постигнуть намъ; но просто содержи, что то и другое равно необходимо, когда одно безъ другаго ничего въ насъ не можетъ сдѣлать.

Спѣши поскорѣе выполнить, что отъ тебя зависитъ, подобно св. пророку Давиду, который сказалъ сначала о ревности, а потомъ воззвалъ и къ благодати. Божіе всегда готово, лишь бы мы были готовы. Потому-то и не усиливаетъ онъ своего моленія, а только взываетъ: *о, когда бы исправились пути мои!*

Припоминаются, при этомъ, сравненія, которыя такъ пригодно подбираетъ св. Макарій, для выясненія той истины, что ревновать — ревнуй, но помни, что безъ помощи свыше ни въ чемъ не успѣешь,—ни въ общемъ ходѣ жизни, ни въ частныхъ дѣлахъ. Ищущій, но безсильный — это у него то больной богачъ, окруженный своими близкими, которому ни они со всѣмъ своимъ доброжелательствомъ, ни онъ самъ со всѣми средствами помочь не могутъ, и вынуждены послать и сыскать врача, знающаго дѣло; то дитя, которое ѣсть ли хочетъ, или другаго чего желаетъ, будучи не въ силахъ сдвинуться съ мѣста, кричитъ только, чтобы мать услышала; то имѣющій нужду переплыть чрезъ рѣку, который ищетъ пригоднаго къ тому судна.

Всѣмъ этимъ убѣждаетъ онъ, чтобы мы не надѣялись на себя, а искали Божіей помощи и благодати. Казалось бы, нечего и убѣждать, и, однакожъ на дѣлѣ бываетъ такъ, что пока человѣкъ живетъ въ нерадѣніи, дотолѣ онъ чувствуетъ себя сильнымъ и держится той

мысли, что ему сто́итъ только начать, и все въ себѣ онъ самъ переправитъ. Даже начавъ дѣло исправленія себя, все еще полагается на свои труды, все еще много приписываетъ своимъ усиліямъ и многаго ожидаетъ отъ нихъ. Уже довольно спустя, когда, добросовѣстно трудясь, увидитъ, что все какъ-то не спѣется, онъ начинаетъ переходить на надежду и преданіе себя Божію изволенію и попеченію,—и опять таки не вдругъ, а понемногу, ибо все думается ему: на что же мнѣ и силы? Наконецъ, уже выбившись изъ силъ, и не находя желаемаго и ожидаемаго, бросаетъ онъ свои оружія и остается съ однимъ воплемъ: *имиже вѣси судьбами, спаси мя!*— доходитъ, то есть, до того, въ чемъ стоялъ св. пророкъ Давидъ, когда взывалъ: *о, когда бы исправились пути мои!*

Стихъ шестой.

Тогда не постыжуся, внегда призрѣти ми на вся заповѣди Твоя.

Не постыжуся—не посрамлюсь, не буду пристыженъ тѣмъ, что началъ и отсталъ, не доведя дѣла до конца. Что же начато? Начато ревностное хожденіе во всѣхъ заповѣдяхъ. Постыжается кто, если или совсѣмъ перестаетъ идти симъ путемъ, или не все то дѣлаетъ, что должно. Передъ кѣмъ стыдъ? Предъ совѣстью, предъ Богомъ, предъ ангелами, предъ святыми на небесахъ и предъ соборомъ земныхъ благоговѣйниковъ, потому что живой союзъ со всѣми ими неотлученъ отъ сознанія ревнителя доброй жизни; онъ чувствуетъ себя ходящимъ подъ взоромъ ихъ. Потому, сколько правое хожденіе веселитъ и ободряетъ, столько уклоненіе отъ пути истиннаго постыжаетъ при мысли о томъ. Внутренній стыдъ— отъ уступокъ страстнымъ внушеніямъ и влеченіямъ; внѣшній—отъ поползновенія на дѣла неподобныя, высшій—

отъ того и другаго. И не убѣжать отъ этого стыда; ибо тутъ совѣсть, отъ которой ни заповѣди вѣдомой скрыть нельзя, ни дѣла сдѣланнаго припрятать. Не то, чтобы, въ слѣдствіе сего, и дѣлать все лишь съ тѣмъ, дабы не ударить себя въ грязь лицомъ: но вѣдь и положеніе ударившаго себя въ грязь лицомъ довольно срамно, и не можетъ не остерегать. Человѣкъ—твореніе высшаго достоинства,—этого онъ не можетъ скрыть отъ себя: но это должно вести его не къ тому, чтобы величаться, а къ тому, чтобы держать себя по достоинству, что можно и безъ величанія. Св. пророкъ говоритъ только, что пребуду на непостыдномъ пути, если буду призирать на всѣ заповѣди Твои, Господи.

Блажен. Ѳеодоритъ пишетъ: „плодъ законопреступленія есть стыдъ. Такъ сказалъ и божественный апостолъ: *кій убо тогда имѣсте плодъ? о нихже нынѣ стыдитеся* (Рим. 6. 21). А исполняющіе всѣ Божіи заповѣди имѣютъ дерзновеніе въ совѣсти.“ Св. Амвросій выводитъ на среду прародителей и говоритъ: „молись, чтобъ исполнить тебѣ всѣ заповѣди и не быть посрамлену. Ужъ былъ ты покрытъ стыдомъ во Адамѣ и Евѣ; уже чувствовалъ себя обнаженнымъ и спѣшилъ прикрыться листвіемъ; уже подавлялъ тебя срамъ наготы, и ты покушался укрыться отъ лица Божія. Стало быть, знаешь, какъ тяжелъ стыдъ преступленія заповѣди: позаботься же ходить во всѣхъ заповѣдяхъ Божіихъ.“

Но сила стиха сего въ словѣ—*призрѣти*. Сначала св. пророкъ указалъ возжелавшему пожить богоугодно весь путь жизни, изобразивъ его начало, продолженіе и конецъ; потомъ снарядилъ его въ путь, возбудивъ ревность и облекши благодатною силою; теперь даетъ ему напутственныя наставленія, то есть, что надо имѣть, дабы пройти успѣшно начатый путь. На первомъ мѣстѣ поставляетъ онъ строгое вниманіе; ибо *призрѣти* зна-

читъ устремлять на что либо взоръ, приковать его къ тому. Собранное вниманіе—условіе успѣха и во всякомъ дѣлѣ. Кто руками дѣлаетъ, а мыслями блуждаетъ, тотъ и не скоро дѣлаетъ и часто ошибается; тѣмъ больше неизбѣжны остановки, пропуски и ошибки въ нравственной дѣятельности, при разсѣянности вниманія. Вниманію много дѣла. Надо внимать и тому, что происходитъ внутри, и тому, какъ текутъ дѣла во внѣ, и тому, что миновало, и тому, что ожидается. Въ настоящемъ стихѣ св. пророкъ указываетъ на вниманіе къ заповѣдямъ, внушая, что надобно вперить взоръ въ заповѣди, — и не постыдишься. Итакъ, прежде всего надо такъ настроиться, чтобы вниманіе исключительно было занято заповѣдями. Есть много дѣлъ, и человѣкъ неизбѣжно многодѣленъ, но не всѣ дѣла одного ранга: есть дѣла и придѣлки. Придѣлки дѣлаются мимоходомъ, а дѣла со всѣмъ тщаніемъ. Пророкъ требуетъ, чтобы заповѣди были главнымъ дѣломъ, а все прочее придѣлкомъ. У кого что есть главное, тотъ тѣмъ постоянно и занятъ,— ѣстъ ли, пьетъ ли, ходитъ или сидитъ, даже во снѣ то видитъ. Такъ и заповѣдями должно оковать все свое вниманіе, а прочее все имѣть, какъ мимоходное.

При этомъ само собою разумѣется, что, вперивъ вниманіе въ заповѣди, надо не просто смотрѣть на нихъ; а смотрѣться въ нихъ, какъ въ зеркало. „Въ заповѣди Божіи, говоритъ блаж. Августинъ,—читаешь ли ты ихъ, или въ памяти воспроизводишь, — надобно смотрѣться, какъ въ зеркало, по апостолу Іакову, который при этомъ заповѣдуетъ быть не слышателями только закона, но паче творцами (Іак. 1. 22. 23). Смотрѣться въ заповѣди, какъ въ зеркало, надо для того, чтобъ, увидѣвъ, какимъ должно быть, соотвѣтственно тому и настроивать себя. При посредствѣ заповѣдей, надо вообразить норму богоугодной жизни и осуществлять ее, надо нарисовать иде-

алъ совершенства и копировать его въ себѣ. Апостолъ Павелъ говоритъ: *теку не на безвѣстное* (1 Кор. 9. 26). Онъ ясно видѣлъ, что выйдетъ изъ его трудовъ, чего достигнетъ, и тѣмъ воодушевлялся. Это и всякому надо имѣть: и всякій, вѣрно текущій, дѣйствительно имѣетъ это. Св. Маркъ подвижникъ говоритъ, что первый нашъ врагъ есть невѣдѣніе, а второй — забвеніе. Забываемъ, кто мы и каковы должны быть, и предаемся безпечности. Слушатель забывчивый, который, усмотрѣвъ лицо свое въ зеркалѣ, тотчасъ забываетъ, каковъ онъ, не сдѣлаетъ никакого успѣха въ хожденіи по совершенному закону свободы (Іак. 1, 23—25).

Кто, такимъ образомъ, призираетъ на всѣ заповѣди, тотъ никогда не возмечтаетъ о себѣ и никогда не скажетъ: „довольно;“ а кто, вмѣсто ихъ, начнетъ всматриваться въ то, что около его, тому трудно удержаться отъ самомнѣнія. Впадшій же въ эту язву самодовольничаетъ, останавливается, осуждаетъ. За это отступаетъ отъ него благодать; срываются какъ псы съ цѣпей страстные позывы: безпомощный, если тутъ же не возвратится къ покаянію и воздыханіямъ, предается въ руки паденія, — и падаетъ. Вотъ и постыженіе. Кто призираетъ на заповѣди показаннымъ образомъ, тотъ до этого не дойдетъ,—не постыдится.

Стихъ седьмой.

Исповѣмся Тебѣ въ правости сердца, внегда научитимся судбамъ правды Твоея.

Тутъ выражается второе требованіе для успѣшнаго теченія путемъ Божіимъ: ученіе или навыкъ узнавать судьбы правды Божіей, и соотвѣтственно тому дѣйствовать. Правда Божія—это заповѣди: судьбы правды Божіей—это Божіи присужденія и опредѣленія, что, когда

и какъ должно быть дѣлаемо, дабы служить дѣлу богоугожденія и спасенія, а не разорять его. Это опредѣляется извѣстнымъ у св. отцевъ *разсужденіемъ*. Оно-то и есть второе требованіе для успѣха въ дѣлѣ Божіемъ.

Это разсужденіе или умѣнье опредѣлить, какъ въ какомъ случаѣ поступить наилучшимъ образомъ, пріобрѣтается не вдругъ, а постепенно. Въ началѣ приступающій къ дѣлу Божію обыкновенно самъ не разсуждаетъ, а все спрашиваетъ у умѣющихъ разсудить, какъ это бываетъ и во всякихъ житейскихъ дѣлахъ и начинаніяхъ. Но потомъ, при строгомъ вниманіи, о которомъ предложено въ предъидущемъ стихѣ, и при опытахъ руководства, дѣла за дѣлами, благоплодно совершенныя, даютъ душѣ навыкъ и самой опредѣлять кое-что. Навыкъ этотъ растетъ вмѣстѣ съ преспѣяніемъ жизни, и наконецъ устанавливается; пріобрѣтается внутренняя правота, которая прямо и вѣрно опредѣляетъ, что и какъ дѣлать; духъ правый обновляется во утробѣ, то есть, въ сердцѣ очищенномъ.

Это разсужденіе имѣетъ два отправленія: однимъ различаются помыслы, другимъ угадываются указанія промышленія Божія, то есть, чего хочетъ отъ насъ Богъ тѣмъ или другимъ случаемъ и обстоятельствомъ; ибо все отъ Него, и все строится ко благу нашему, во спасеніе намъ.

Кто хочетъ точнѣе узнать, что такое различеніе помысловъ, тотъ пусть читаетъ книгу отвѣтовъ Варсонофія и Іоанна—прозорливыхъ затворниковъ. Относительно всякаго дѣла помыслы могутъ двоиться и троиться, — по какому же поступить? Еслибы выступалъ страстный помыслъ такъ, какъ онъ есть въ сравненіи съ нестрастнымъ, тогда опредѣлять было бы легко: но обыкновенно у того, кто сталъ внимать себѣ, страстные помыслы не являются въ своемъ видѣ, а всегда подъ благовиднымъ прикрытіемъ. Потому-то всегда есть опасность — дѣй-

ствовать будто по добру, а между тѣмъ это будетъ по страсти. Въ помянутой книгѣ всевозможные случаи обсуждены богопросвѣщеннымъ умомъ прозорливыхъ старцевъ: тамъ представлена подробная наука, какъ угадывать судьбы правды Божіей въ этомъ отношеніи.

Второй предметъ разсужденія—узрѣніе промыслительныхъ указаній во всемъ, касающемся насъ отъ мала до велика, отъ вліятельныхъ на нашу участь событій въ жизни до мелочныхъ встрѣчъ, — основывается на той, несомнѣнно истинной, увѣренности, что все, съ нами бывающее, бываетъ по Божію изволенію. Поставляя насъ въ тѣ или другія обстоятельства, Господь ожидаетъ, чтобы мы поступали достойно попеченію Его о насъ. Онъ вездѣ есть, слѣдовательно, и съ нами; а будучи съ нами, смотритъ, съумѣемъ ли мы поступить такъ, какъ Онъ того желаетъ. Состоя такимъ образомъ подъ испытательнымъ и назирающимъ окомъ Божіимъ, мы не можемъ дѣйствовать, какъ попало, а должны обсуждать, чего именно хочетъ отъ насъ Богъ въ томъ или другомъ случаѣ; и соотвѣтственно тому поступать. Строгое вниманіе къ своимъ собственнымъ случайностямъ и дѣйствованіе всегда въ духѣ самоотверженной преданности въ волю Божію, даетъ, наконецъ, навыкъ вѣрно опредѣлять намѣренія Божіи о насъ. Мірская мудрость называетъ подобное сему дѣйствованіе благоразуміемъ; но разсужденіе духовное нерѣдко идетъ наперекоръ всѣмъ соображеніямъ благоразумія человѣческаго; отъ того-то оно является иногда буйствомъ, будучи, въ существѣ дѣла, мудрѣе всякой мудрости.

Такъ пріобрѣтается, наконецъ, какъ уже сказано, духъ правый, или правость сердца. Тогда исповѣданіе Богу совершается уже въ этой правости, такъ какъ она стала неотъемлемымъ достояніемъ. Исповѣданіе Богу имѣетъ много источниковъ. Здѣсь не о нихъ рѣчь, а о качествѣ

исповѣданія. Когда пріобрѣту, говоритъ, навыкъ узнавать судьбы правды Твоей или пріобрѣту правость сердца, тогда и исповѣданіе мое будетъ въ правости сердца,—искренно, съ дѣтскою простотою и чистотою; или, какъ пишетъ блаж. Ѳеодоритъ, — „тогда въ состояніи буду принести Тебѣ чистую пѣснь, когда познаю всѣ суды Твои, и буду жить согласно съ ними.“ Почему такъ? Потому, что и по внутреннимъ движеніямъ и по внѣшнимъ случайностямъ, при означенномъ разсужденіи, онъ осязательно удостовѣряется, что окруженъ всегда самымъ внимательнымъ и благоутробнымъ Божіимъ попеченіемъ, и вслѣдствіе того всецѣло предаетъ себя въ руки Божіи, упокоеваясь въ нихъ, какъ покоится дитя на лонѣ матери. Такъ какъ все Божіе идетъ во благо намъ, и такъ какъ это ощущается сердцемъ; то отсюда и непрестанное благодареніе и славословіе. Здѣсь — *исповѣмся Тебѣ* значитъ, какъ говоритъ Ѳеодоритъ, — буду благодарить, или, какъ изъясняетъ Августинъ, буду славословить Тебя и за такое попеченіе, и за самый навыкъ—узрѣвать судьбы правды Твоей.

Это исповѣданіе можетъ указывать и на то дѣланіе внимающихъ себѣ, которымъ они, сознавая, что состоятъ подъ всеблаговолительнымъ попеченіемъ Божіимъ, представляютъ Богу душу свою, какъ она есть, со всѣми немощами и недостоинствами, и молятся исправить ихъ, если то угодно и какъ угодно всесвятой Его волѣ. Блаж. Аѳѳимъ іерусалимскій разумѣетъ здѣсь подъ исповѣданіемъ исповѣдь всѣхъ своихъ преткновеній, отъ которыхъ никто никогда не свободенъ, чтобы оказаться чистымъ и неукоризненнымъ въ день страшнаго суда Божія, не въ большомъ только, но и въ маломъ. Съ этимъ граничитъ тотъ непрестанный вопль ищущихъ спасенія, который выражаютъ они словами: *имиже вѣси судьбами, спаси насъ, недостойныхъ!*

Стихъ осьмой.

Оправданія Твоя сохраню: не остави мене до зѣла.

Здѣсь выражается третье требованіе для успѣха въ дѣлѣ богоугодной жизни: *мужество*, съ какимъ надлежитъ приступать къ таковой жизни. Этими словами св. пророкъ выражаетъ тоже, что св. Павелъ: *вся могу о укрѣпляющемъ мя* (Фил. 4. 13).

Безъ мужества нельзя и начать такой жизни, такъ какъ она исполнена трудностей и окружена врагами спасенія. Начинающій, хоть и начинаетъ только, но не безъизвѣстенъ о томъ, что имѣетъ встрѣтить: не ласки встрѣтитъ онъ, а рыканіе львовъ, бросающихся поглотить его. У кого нѣтъ воодушевляющаго мужества вступить въ борьбу со всѣми этими противностями, тотъ съ первыхъ же шаговъ возвратится назадъ. У какого борца, при одномъ взглядѣ на противниковъ, руки дрожатъ и подламываются ноги, тотъ уже палъ прежде начала борьбы. Такъ и въ духовной жизни.

Гдѣ же взять такое мужество? Въ упованіи на Господа. Путь, на который вступаютъ ищущіе угодить Богу и спастись, есть путь Божій. Богъ благоволитъ къ нему, покровительствуетъ всѣмъ идущимъ по нему и блюдетъ ихъ. Все на этомъ пути уготовалъ Онъ въ пособіе имъ, и ожидаетъ только вступленія на него, чтобы снабдить ихъ всѣмъ нужнымъ. Въ чувствѣ этой, всегда готовой свыше, помощи и говоритъ рѣшающійся работать Господу: *оправданія Твоя сохраню*, только Ты не оставь меня *до зѣла*. Это же внушаетъ пророкъ и всѣмъ: *мужайтеся*, говоритъ онъ, *и да крѣпится сердце ваше, вси уповающіи на Господа* (Пс. 30. 25).

Не оставь до *зѣла*, то есть, *совсѣмъ*. Бываютъ Божія оставленія испытательныя и наставительныя, когда Го-

сподь отдаляетъ нѣсколько благодать, или сокращаетъ и скрываетъ дѣйствія ея, для испытанія и обученія произвола воли. Когда благодать пріосѣняетъ, тогда все спѣется, и въ помыслахъ, и въ чувствахъ, и въ дѣлахъ. Человѣческая немощь, нерѣдко присвоивая это состояніе себѣ, впадаетъ въ самомнѣніе и самодовольство, и тѣмъ отступаетъ отъ истины и кривитъ дѣло жизни. Чтобъ этого не было, или чтобы прекратить его, когда оно уже зачалось, благодать, попечительная о спасеніи ищущихъ Господа, желающая, чтобы всѣ они стояли въ разумѣ истины и въ правотѣ настроенія, отстраняется по временамъ и оставляетъ человѣка одного съ своими естественными силами. Вслѣдъ за этимъ, тотчасъ начинаются нестроенія внутри и безпорядочность во внѣ. Внимающій себѣ не можетъ не замѣтить оскудѣнія, какъ раздѣтый на холодѣ не чувствовать, что ему стало холодно; не можетъ не разумѣть и того, отъ чего это. Потому, если допущено самомнѣніе, тотчасъ кается внутри предъ Господомъ; а если не допущено, то исповѣдуетъ свое безсиліе. Въ томъ и другомъ случаѣ приступаетъ къ молитвѣ, и не отступаетъ, пока не возвратится благодать и не возстановитъ его благонастроенія; или, если это не удается, упокоивается въ преданіи себя Господу, осудивъ себя, какъ недостойнаго, на такое состояніе, и воодушевляясь терпѣніемъ нести его хотя и съ болью сердца, но покорно, пока Господу угодно будетъ воззрѣть на него милостивымъ окомъ Своимъ и снова просвѣтить тьму его.

Совсѣмъ другаго рода отступленіе наказательное. Тамъ благодать хоть и прекращаетъ свое дѣйствіе, но сама тутъ, и готова съ помощію; а здѣсь она совсѣмъ отступаетъ отъ человѣка и предаетъ его паденію его. Это бываетъ всякій разъ, когда совершается смертный грѣхъ, и человѣкъ нераскаянно пребываетъ въ немъ, не смотря

на вразумленія; но если покается, то и онъ бываетъ принятъ снова въ милость, смотря по покаянію. Петръ палъ, и покаявшись снова принятъ былъ въ благодать; Іуда палъ, но поелику не покаялся, то былъ совсѣмъ оставленъ и погибъ. Такъ благодать оставила и народъ іудейскій за противленіе Богу и богоубійство.

Вотъ для того-то, чтобы быть избавлену отъ такого страшнаго оставленія, св. пророкъ и обѣщается, при всѣхъ другихъ случаяхъ оставленія, пребыть терпѣливымъ и постояннымъ хранителемъ заповѣдей Божіихъ. *Сохраню*, — только не отступи отъ меня, не оставь меня совсѣмъ. Но такъ какъ ради грѣховъ отступаетъ благодать, то тутъ сокрыта и другая молитва: не дай мнѣ пасть такимъ паденіемъ, за которое праведно Ты оставляешь грѣшниковъ. А это тоже самое, что—оправданія Твоя сохраню, если Ты поможешь мнѣ всегда хранить ихъ. Не другой смыслъ можетъ имѣть и воодушевленное мужество вступающаго на путь богоугожденія. Не самонадѣянность одушевляетъ его, а крѣпкое упованіе на Бога, при увѣренности, что рѣшается идти, или идетъ уже вѣрнымъ путемъ, зная что это оправданія Господни, которыя правы, — что это законъ Господень, который непорочень,—что это свидѣтельство Господне, которое вѣрно (Пс. 18, 8. 9). При такой увѣренности, онъ не можетъ не чувствовать, что идетъ по твердой почвѣ, что путь его освѣщается свыше и ограждается сюду и сюду безопасностью. Вотъ и мужество! Вотъ и крѣпость сердца!

Пересмотрѣвъ, такимъ образомъ, все первое осмистишіе, мы находимъ, что въ немъ одинъ предметъ — указаніе основныхъ началъ богоугодной жизни. Первые три стиха опредѣляютъ степени, по которымъ восходитъ эта жизнь до послѣднихъ своихъ высшихъ совершенствъ; слѣдующіе два (4 — 5) обозначаютъ производительныя

силы этой жизни, какъ-то: *зѣльную* ревность и Божественную благодать; послѣдніе три (6 — 8) выясняютъ требованія или условія къ преспѣянію въ этой жизни,— вниманіе, разсужденіе и мужество въ Господѣ. Тутъ вся наука жизни истинно-нравственной и духовной. Св. Амвросій, приступая къ толкованію сего осмистишія, справедливо говоритъ: „первая литера *алефъ*, что значитъ *наука*“ *). Такимъ образомъ, внимательный читатель долженъ напередъ содержать въ мысли, что эти стихи совмѣщаютъ въ себѣ полную науку о нравственныхъ началахъ.

ВТОРОЕ ОСМИСТИШІЕ.

Изъясненіе стиховъ перваго осмистишія шло безъ всякой натяжки, какъ это видитъ всякій. Это заставляетъ думать, что представляемое ими единство содержанія не случайно, а преднамѣренно, то есть, стихи эти писались и подбираемы были такъ, чтобы выражать одно—главныя основы святой жизни. Хоть заключеніе отъ этого одного осмистишія къ прочимъ 21—и не слишкомъ состоятельно, но мы не можемъ удержаться отъ предположенія, что, можетъ быть, и въ нихъ, при всей видимой разрозненности содержанія стиховъ, всегда проводится одна мысль, и что она намекается значеніемъ буквы, которою они начинаются. Дѣлаемъ опытъ надъ вторымъ осмистишіемъ.

Вторая буква *бетъ* значитъ *домъ*. Предполагаемъ, что въ стихахъ его указывается, какой домъ должны мы приготовить для заповѣдей, гдѣ и какъ упокоить ихъ въ себѣ. Руководясь этою мыслью, можемъ признать, что первымъ стихомъ указывается, какъ домъ для вмѣщенія

*) По другимъ, *алефъ* значитъ *вождь*. И это не противъ содержанія сихъ стиховъ; ибо выраженныя въ нихъ положенія точно суть вожди въ дѣлѣ богоугодной жизни.

заповѣдей, вся природа человѣческая, и наипаче во время юности, когда она еще не успѣла испортиться; а послѣдующими стихами — по частямъ разныя способности души: воля—ст. 10, сердце—11, умъ—12, слово—13, чувство, вкусъ—14, разсудокъ—15, память—16. При самомъ разъясненіи очевиднѣе будетъ, какъ все это есть. А что душевныя способности могутъ имѣть точно такое отправленіе въ духовной жизни, указаніе на то находимъ въ притчахъ, гдѣ говорится ученику премудрости: *ты же напиши я* (заповѣди) *себѣ трижды, на совѣтъ, и смыслъ, и разумъ* (то есть, на этихъ трехъ силахъ и дѣйствіяхъ души, и вообще), *на широть сердца твоего* (Прит. 22, 21). Написаніе это означаетъ напечатлѣніе, пріятіе внутрь какъ въ домъ.

Стихъ девятый.

Въ чесомъ исправитъ юнѣйшій путь свой? Внегда сохранити словеса Твоя.

Еще не успѣлъ жить, а ужъ ему нужно исправленіе. Это, впрочемъ, не то значитъ, чтобы пророкъ предполагалъ тутъ юношескую испорченность; а то, что юность—такой возрастъ, который на все готовъ, быстродвиженъ и неудержимъ въ своихъ порывахъ. Онъ совѣтуетъ поскорѣе захватить эти порывы и дать имъ доброе направленіе. Чѣмъ же? Заповѣдями Божіими. Заповѣди да будутъ юному тѣмъ, чѣмъ бываетъ узда для рьяныхъ коней.

По слову Божію, *отъ юности прилежитъ человѣку помышленіе на злое* (Быт. 6, 5), если не руководить; а если поруководить, — то противъ помышленій злыхъ всегда будутъ возставать добрыя, и если дать юному хоть малый навыкъ въ добрѣ, то добрыя будутъ преодолѣвать злыя. Премудрый говоритъ: *безуміе виситъ на сердцѣ юнаго* (Прит. 22, 16). Какъ гиря, тянетъ его къ

недоброму возбужденность желаній, при легкости понятій о жизни и послѣдствіяхъ тѣхъ или другихъ дѣлъ. Можно отрѣзать эту гирю и привѣсить другую, которая будетъ тянуть его на противоположную сторону, и тоже съ неменьшею силою.

Неправо иногда говорятъ: „э, молодость! пройдетъ!“ Но опыты противнаго въ насъ и передъ нами. Пора бы намъ образумиться! Говорятъ, что скудельные сосуды навсегда сохраняютъ запахъ перваго, пропитавшаго ихъ, вещества. Таковъ и человѣкъ въ нравственномъ отношеніи. Направленіе и навыкъ первыхъ лѣтъ или остаются, или отзываются во всю жизнь. Не то, чтобы получившій доброе направленіе не могъ уже уклониться, или худо направленный исправиться: благодать сильна и этого послѣдняго переломить, а грѣхъ, при нерадѣніи, можетъ попортить и перваго; но хорошо настроенный юноша, когда случайно совращается, много-много и внутри себя, и въ раннихъ навыкахъ своихъ, имѣетъ воззваній и воплей, вразумляющихъ и остепеняющихъ его. И сколько надобно условій, чтобъ онъ остался въ злѣ навсегда! Такіе скоро образумливаются, и когда образумятся, скоро успѣваютъ исправить и возсоздать разоренное. Худо настроенные, особенно когда, при страстныхъ влеченіяхъ, попортятся и понятія,—не могутъ иначе возвратиться на путь добра, какъ особыми дѣйствіями Божіей благодати и, притомъ, всегда съ болѣзненными переворотами и, переломами. Но такъ какъ на такія воздѣйствія нѣтъ закона, ибо онѣ отъ свободы Божіей, и такъ какъ полное вліяніе ихъ на человѣка подлежитъ разностороннимъ условіямъ, то и видимъ, что изъ худо настроенныхъ вначалѣ рѣдко-рѣдко кто возвращается къ добру. Если же кто благодатію Божіею и обращается, то и начало этого обращенія болѣзненно, и все послѣдующее теченіе жизни исполнено бо-

реній. Правда, благодать все можетъ. Мы имѣемъ свѣтлые примѣры Моисея Мурина, Давида разбойника, Маріи египетской и другихъ. Но лучше не искушать благодати Божіей, потому что неизслѣдованы пути ея.

Премудрый Сирахъ учитъ такъ: *чадо, отъ юности твоея избери наказаніе, и даже до старости обрящеши премудрость* (Сир. 6. 18). Воспринятыя добрыя начала, если строго держаться ихъ, съ теченіемъ жизни, все больше и больше будутъ крѣпнуть, расширяться въ приложеніяхъ и займутъ, наконецъ, всѣ исходища жизни и обымутъ всѣ ея движенія и проявленія. Въ старости такой мужъ совершенъ, силенъ словомъ и дѣломъ. Какое богатое наслѣдство!... *А яже въ юности не собралъ еси, како можеши обрѣсти въ старости?* (Сир. 25, 5). Такъ-то благо есть, если человѣкъ *отъ юности возметъ на себя яремъ заповѣдей* (Плач. Іер. 3, 27). Будемъ же молиться Подателю всякаго добра, *да дастъ незлобивымъ коварство, отрочати же юну чувство и смыслъ* (Притч. 1, 4).

Вотъ мнѣнія о семъ св. отцевъ и учителей Церкви. Блаж. Ѳеодоритъ говоритъ: „юность непостоянна и удобопреклонна къ пороку, потому что обуревается разными волненіями страстей; потому имѣетъ нужду въ путеводителѣ, который бы направлялъ ее къ пристани. А это свойственно словесамъ Божіимъ, потому что они, отвращая отъ путей противныхъ, достаточны къ тому, чтобы направить на путь Божественный. Что для молодаго коня узда и ѣздокъ, то для юноши—Божественное слово.“

Св. Амвросій пишетъ: „не только взять должны мы яремъ слова, но взять еще въ юности. Если возьмемъ поздно, то намъ придется болѣе нести очистительные труды покаянія за прошедшее, чѣмъ услаждаться благодатію въ настоящемъ. Предотвратимъ же это, проводя лѣта юности въ благообразной исправности, чтобы каж-

дый изъ насъ въ старости, съ доброю совѣстію, могъ при случаѣ говорить: *Богъ, Иже питаетъ мя измлада даже до сего дне* (Быт. 48, 15), а не оплакивать съ болѣзнію сердца прошедшія паденія, вопія: *грѣховъ юности моей и невѣдѣнія моего не помяни* (Псал. 24, 7). Этотъ послѣдній врачуетъ свои болѣзни, а тотъ исповѣдуетъ силу здравія. Тому, кто беретъ яремъ доброй жизни по прошествіи лѣтъ юности, добро совершенное дается не вдругъ; потому что его поджигаютъ страсти, волнуютъ грѣховные навыки, и пути заблудные не допускаютъ его быть постояннымъ. Долго надо бороться такому человѣку, чтобы подавить и искоренить зло, всѣянное въ юности и устарѣвшее.“ Св. Иларій учитъ: „трудно отставать отъ навыковъ, отрываться отъ того, съ чѣмъ сроднишься и разрывать узы содружества. Лучше являться предъ Богомъ чистыми не въ силу отпущенія грѣховъ, а по самому невѣдѣнію зла (неиспытанію страстей); зная это, пророкъ Іеремія, для воспріятія ига заповѣдей, не ждетъ лѣтъ охладѣвшей старости, когда страсти замираютъ уже сами собою отъ пресыщенія. Долголѣтняго воина желаетъ онъ,—желаетъ, дабы рабъ Христовъ и вспомнить не могъ, чтобы когда нибудь побѣжденъ былъ грѣхомъ. Въ томъ, кто уже въ старости берется за добрую жизнь, есть, конечно, даръ снисходительнаго всепрощенія паденій, но нѣтъ утѣшеній, которое доставляетъ добрая совѣсть воспоминаніемъ о подъятыхъ подвигахъ.“

Столько-то необходимо юнѣйшему исправить рано путь свой! Успѣть въ этомъ онъ можетъ, по указанію пророка, сохраненіемъ заповѣдей или оправданій Божіихъ. Сохранить не то значитъ, говоритъ блаж. Августинъ, чтобы заучить и содержать въ памяти, а то, чтобы исполнять ихъ дѣломъ. Пусть каждый членъ тѣла и души возьметъ свою заповѣдь и проникнется ею такъ, чтобы

послѣ онъ и двигаться не могъ иначе, какъ по такой именно заповѣди. Каждый членъ тогда сдѣлается хранилищемъ и домомъ своей заповѣди, а все естество человѣческое — домомъ всѣхъ заповѣдей. Такъ юноша сдѣлаетъ естественно исправнымъ путь свой и вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ ему доброе направленіе и на все послѣдующее время жизни своей, только еще начинающейся.

Стихъ десятый.

Всѣмъ сердцемъ моимъ взыскахъ Тебе: не отрини мене отъ заповѣдей Твоихъ.

Сердце, ищущее Господа, есть, въ частности, первый въ существѣ нашемъ домъ для заповѣдей. О сердцѣ говорится и въ слѣдующемъ стихѣ, но не въ томъ же значеніи. Надо знать, что въ древности сердцемъ означали всю внутреннюю жизнь, и потому, чтобы отличить, какая именно сторона этой жизни въ какомъ мѣстѣ разумѣется подъ нимъ, надо обращать вниманіе на то, что ему придается. Въ настоящемъ мѣстѣ придается ему исканіе, стремленіе, дѣятельность. Дѣятельная сила въ душѣ есть воля—способность дѣяній, начинаній, предпріятій. Посмотрите на себя съ минуты пробужденія до засыпанія, и вы увидите, что какъ умъ постоянно занятъ помышленіями, такъ и воля дѣяніями и начинаніями: минуты не проходитъ безъ дѣла: то одно, то другое. Но можно дѣйствовать, какъ попало, безъ разбору, и можно дѣйствовать разумно, сообразно опредѣленнымъ цѣлямъ; можно дѣйствовать по самоугожденію и человѣкоугодію, и можно дѣйствовать по требованію долга, заповѣдей, воли Божіей. Пророкъ дѣланія свои ведетъ по заповѣдямъ, какъ это видно изъ прибавляемаго прошенія: *не отрини мене отъ заповѣдей*. Цѣлію же слѣдованія во всемъ заповѣдямъ онъ поставляетъ исканіе

Господа; онъ говоритъ: „всѣми начинаніями и дѣяніями воли моей, которыя всегда стараюсь я вести по заповѣдямъ Твоимъ, ищу единаго Тебя Господи.“ Дѣла и начинанія — внѣшняя дѣятельность; внутренняя сторона каждаго дѣла и начинанія есть заповѣдь, выраженіемъ которой онѣ служатъ; душа же всѣхъ дѣлъ и начинаній— исканіе Господа.

Такимъ образомъ, первый домъ заповѣдей—начинанія воли. Припоминаю отвѣтъ св. Антонія на вопросъ: „какъ спастись?—Что ни дѣлаешь, сказалъ онъ между прочимъ, имѣй на то свидѣтельство Писанія.“ Это все равно— что ни дѣлаешь, дѣлай по сознанію, что того требуетъ заповѣдь Божія; и притомъ, что ни дѣлаешь,—даже ѣшь ли ты или пьешь,—все твори во славу Божію, какъ заповѣдалъ апостолъ (1 Кор. 10, 31). А какъ сдѣлать, чтобы все у насъ шло по заповѣдямъ, тому научатъ вниманіе и разсужденіе, о которыхъ говорилось въ предъидущемъ осмистишіи. Сядь и разсуди, и при свѣтѣ заповѣдей Божіихъ опредѣли, какъ тебѣ слѣдуетъ дѣйствовать во всѣхъ обстоятельствахъ и случайностяхъ именно твоей жизни, и потомъ уже не отступай отъ этихъ опредѣленій, и будешь всегда ходить по заповѣдямъ и въ волѣ Божіей, будешь всѣмъ, и большимъ и малымъ, угождать Богу, приближаться къ Нему, искать Его,— и обрѣтешь наконецъ.

Поставивъ, такимъ образомъ, закономъ для себя каждый шагъ свой, каждое дѣло и начинаніе вести по заповѣдямъ, пророкъ молится: *не отрини мене отъ заповѣдей Твоихъ*. Что тутъ за мысль? Неужто Богъ отрѣваетъ кого нибудь отъ заповѣдей? Да,—возможно и по отношенію къ заповѣдямъ Божіимъ держать себя такъ, какъ держатъ себя иные въ отношеніи ко храму. Въ храмъ Божій зовутъ, а не гонятъ изъ него. Между тѣмъ, нѣкоторые такъ поставили себя въ отношеніи къ нему, что

Спаситель — воплощенная кротость — вынужденъ былъ взять веревку и выгнать ихъ изъ храма. Представимъ себѣ, что воздѣлываніе заповѣдей то же, что воздѣлываніе виноградника: приглашаются дѣлатели и дѣлаютъ; но приходитъ хозяинъ и, замѣтивъ, что иной не столько дѣлаетъ, сколько портитъ, говоритъ ему: „ты, братъ, поди-ка отсюда; я не хочу, чтобы ты работалъ, потому что ты только портишь." И тѣмъ съ большимъ удареніемъ скажетъ онъ это, если рабочій не разъ уже оказывался дурнымъ работникомъ. Такъ и въ отношеніи къ заповѣдямъ: есть дѣлатели непостыдные, есть дѣлатели и никуда негожіе: то лѣнятся, то пропускаютъ многое изъ должнаго, то дѣлаютъ не для Господа, а по самоугодію, или, чаще, по человѣкоугодію; то дѣлаютъ разсѣянно, кое-какъ, то съ ропотомъ и неудовольствіемъ, то съ гордостію и самодовольствомъ. Всѣ такіе дѣлатели только портятъ дѣло, а не дѣлаютъ, и по истинѣ достойны отриновенія. Какъ же бываютъ они отрѣваемы? Конечно, не бичемъ, а отъятіемъ благоволенія. Настоящіе дѣлатели заповѣдей получаютъ внутреннія утѣшенія, чувствуютъ Божій покровъ надъ собою, испытываютъ Божіе вспоможеніе; неисправные же дѣлатели лишаются всего этого; а будучи лишены этого, уже не въ силахъ исполнять заповѣдей,—и потому совсѣмъ опускаются и предаются порокамъ. Такимъ образомъ, *не отрини мене отъ заповѣдей* есть то же, что—не лишай меня Твоего благоволенія и Твоей благодатной помощи; ибо если лишишь, то это будетъ для меня то же самое, что отгнаніе отъ дѣланія заповѣдей.

Почему же пророкъ выразилъ такъ свою мысль? Выраженіе это взято отъ чувствованій кающагося. Кающійся, особенно нѣсколько разъ падавшій и нарушавшій обѣты свои Богу, приступая къ Нему, не можетъ не сознавать своей оплошности, и хотя вѣруетъ въ милосердіе Божіе

къ кающимся, но не можетъ не приходить иногда къ помысламъ: „а что, если Богъ не хочетъ больше меня принимать, извѣрился во мнѣ и никакого не обращаетъ на меня вниманія, какъ ни бейся?“ Особенно естественны такія помышленія, когда долго не видится никакого плода отъ трудовъ покаянія. „Бросилъ меня, думаетъ человѣкъ, не хочетъ воззрѣть на меня милостивымъ окомъ Своимъ!“ А Богъ дѣлаетъ это для того, чтобы сильнѣе разжечь покаянныя чувства и изъ нихъ выдѣлать сильнѣйшую рѣшимость быть уже всегда вѣрнымъ исполнителемъ заповѣдей Его.

Можно всему стиху сдѣлать такой перифразъ: „Ты, Господи, требуешь, чтобы мы всѣ дѣла свои и начинанія вели по заповѣдямъ Твоимъ, и въ этомъ образѣ дѣйствія не другое что имѣли въ мысли, какъ снисканіе Тебя единаго. Кто не будетъ такъ дѣйствовать, того Ты не принимаешь и никакой помощи тому не оказываешь. Вотъ я всѣмъ сердцемъ моимъ, всѣми дѣлами и начинаніями воли моей, которыя всѣ веду по заповѣдямъ Твоимъ, Тебя единаго ищу: не лиши же меня Твоего благоволенія и Твоей благодатной помощи; иначе выбьюсь изъ силъ и брошу. Я имѣю то, что требуется отъ меня; не лиши меня и того, что Ты обѣтовалъ отъ Себя.“ Это похоже на то, что сказалъ Господь: *имущему дано будетъ и преизбудетъ: отъ неимущаго же, и еже мнится имѣя, взято будетъ отъ него* (Мѳ. 25, 29). Св. Амвросій и Иларій пространно выясняютъ именно эту мысль. Рѣшимость быть всегда вѣрнымъ заповѣдямъ и въ исполненіи ихъ искать единаго Господа дѣлаетъ изъ души крѣпкій сосудъ, достойный пріятія Божіей благодати, которая имѣющимъ такое настроеніе всегда и дается, и силою своею дѣлаетъ то, что они всегда, самымъ дѣломъ, являются вѣрными заповѣдямъ, какъ въ началѣ хотятъ быть вѣрными Ему только въ намѣреніи. Настроеніе—

это словно магнитъ, привлекающій большее, или капиталъ, на который можно закупить все потребное съ избыткомъ.

Стихъ одиннадцатый.

Въ сердцѣ моемъ скрыхъ словеса Твоя, яко да не согрѣшу Тебѣ.

Сердце, покоющееся въ себѣ, какъ сила любви, есть, въ частности, второй домъ въ естествѣ нашемъ для заповѣдей. Можно исполнять заповѣди офиціально, можно исполнять ихъ по разсчету или по ригористическимъ урокамъ разсудка, безъ участія во всѣхъ такихъ случаяхъ сердца. Пророкъ говоритъ здѣсь: „я не такъ дѣйствую; заповѣди для меня не внѣшняя, опредѣляющая власть: она во мнѣ; я принялъ ихъ въ сердце и возлюбилъ ихъ. Дѣйствуя по нимъ, я дѣйствую по сердцу, и дѣйствуя по сердцу, дѣйствую по нимъ.“

Если возьмемъ при этомъ во вниманіе притчу Спасителя о сѣмени слова, то настоящимъ мѣстомъ будетъ выражаться не то сѣмя, которое пало при пути или на каменистой почвѣ, а то, которое пало на доброй землѣ и принесло плодъ во сто, шестьдесятъ и тридесять кратъ. „Скрытое въ глубинѣ сердца, говоритъ св. Аѳанасій великій, оно не боится похищенія отъ врага, или, прозябнувъ, пожженія зноемъ напастей и противностей.“ Глубоко пустило оно корни, и исходящее изъ него произрастеніе богоугодной дѣятельности полно жизни и крѣпости. Какой членъ нѣжнѣе сердца? А между тѣмъ, ничего нѣтъ надежнѣе того, что идетъ изъ сердца. Когда заповѣди въ сердцѣ, то исполненіе ихъ идетъ неопустительно и при томъ въ самомъ благообразномъ и привлекательномъ видѣ.

Великое совершенство—имѣть заповѣди скрытыми въ сердцѣ! Надобно, однакожъ, знать, что это совершается

не такъ скоро, какъ скоро говорится и даже какъ скоро образуется желаніе того. Сердце ближе и сочувственнѣе страстной сторонѣ. Для того, чтобъ оно, отрѣшившись отъ нея, обратилось все къ заповѣдямъ, надо его преобразовать: одно изъ него исторгнуть, а другое внѣдрить. Заповѣдь говоритъ: будь смиренномудръ, кротокъ, правдолюбивъ, чистъ, миролюбивъ, терпѣливъ и проч.; а сердце то гордится и тщеславится, то гнѣвается и ненавидитъ, то пристращается и похотствуетъ, то вздоритъ и ропщетъ и проч. Пока оно таково, нельзя сказать, что въ немъ скрыты заповѣди; потому что, еслибъ это было, то не только дѣлъ, но и чувствъ и помысловъ противныхъ заповѣдямъ не было бы внутри.

Какъ же преобразовать сердце? При усердномъ желаніи, трудомъ и терпѣніемъ. Но надо замѣтить, что трудъ нашъ, а самое дѣло преобразованія—отъ благодати. Съ самаго начала, какъ только рѣшитъ кто содѣвать свое спасеніе богоугодною жизнію,—совѣсть тотчасъ принимаетъ къ исполненію всѣ до одной заповѣди, и большія и малыя, и требуетъ этого отъ всего человѣка и отъ всѣхъ его силъ или членовъ, которыхъ касается извѣстная заповѣдь. Обычный ходъ дѣлъ нашихъ таковъ: мысль, сочувствіе, желаніе, дѣло. Сочувствіе стоитъ на переходѣ къ желанію, а желаніе предшествуетъ дѣлу. Положимъ, приходитъ нуждающійся: совѣсть тотчасъ требуетъ удовлетворить его, но сердце, не знающее еще сладости добродѣланія и не отставшее отъ любостяжанія, не изъявляетъ должнаго къ тому сочувствія и идетъ наперекоръ. По причинѣ несочувствія не раждается и желаніе, а безъ желанія и руки опустились. Такъ въ этомъ случаѣ, такъ и во всѣхъ другихъ. Сердце по природѣ сластолюбиво. Пока оно не вкуситъ отъ чего либо сладости, до тѣхъ поръ не можетъ имѣть къ тому сочувствія. Не было у человѣка достодолжнаго дѣланія по

заповѣдямъ.—сердце и не знаетъ сладости въ этомъ; потому-то и тогда, когда человѣкъ уже рѣшился дѣлать все по заповѣдямъ, сердце не изъявляетъ къ тому сочувствія, и такимъ образомъ прекращаетъ и самыя дѣла по заповѣдямъ, и, слѣдовательно, само себя лишаетъ возможности вкусить сладость отъ дѣланія заповѣдей. Какъ же быть? На первыхъ порахъ надобно дѣйствовать наперекоръ сердцу, по одному требованію совѣсти, силою воли разумной, подкрѣпляемой благодатію Божіею, нагибая себя, такъ сказать, на дѣланіе заповѣдей, какъ гнутъ нагрѣтую трость, когда это нужно. Св. Макарій великій многократно повторяетъ уроки, что кто хочетъ успѣть въ добродѣланіи, тотъ долженъ нудить себя на всякое доброе дѣло, наперекоръ сердцу, увѣряя, что дѣло, которое мы дѣлаемъ въ началѣ съ самопринужденіемъ, слюбится ему, и мы начнемъ его дѣлать уже по сочувствію къ нему сердца, потому что оно стало находить въ томъ удовольствіе.

Поступая такъ въ отношеніи къ одной, другой, третьей заповѣди, исполненіе которыхъ будетъ встрѣчаться по теченію нашей жизни, человѣкъ пріучаетъ сердце находить въ нихъ сладость, поселяетъ въ немъ сочувствіе къ нимъ, или, что то же, самыя заповѣди вселяетъ въ сердце и скрываетъ ихъ въ немъ. Чѣмъ больше трудовъ и опытовъ исполненія заповѣдей, тѣмъ большее число ихъ переходитъ въ сердце, а наконецъ и всѣ онѣ находятъ тамъ жилище себѣ. Такой человѣкъ можетъ тогда исповѣдать: „въ сердцѣ моемъ скрылъ я всѣ заповѣди.“

„Такъ, значитъ, это все свои труды, а благодать-то гдѣ же?“ Труды точно свои, но плодъ производитъ благодать. Благодать, съ минуты обращенія и принятія таинствъ крещенія или покаянія, уже присуща человѣку; но входитъ въ существо его и проникаетъ силы его не иначе, какъ вслѣдъ за напряженіемъ усилій человѣка. Когда чело-

вѣкъ сдѣлаетъ все свое, тогда приходитъ благодать и совершаетъ то, чего онъ сдѣлать не въ силахъ. Привить заповѣдь къ сердцу такъ, чтобы она неисходно тамъ была и заправляла самимъ сердцемъ, это ужъ дѣло благодати. Самъ человѣкъ, сколько бы ни трудился, сдѣлать этого не можетъ. Такимъ образомъ, при всѣхъ трудахъ человѣка, преобразованіе сердца совершается благодатію и только ею одною. Вотъ гдѣ существенное различіе христіанина отъ язычника!

Но и безъ трудовъ и подвиговъ въ дѣланіи заповѣдей, благодать не станетъ ничего прививать къ сердцу, оставляя его такимъ, какъ оно было, со всѣми страстными вкусами и влеченіями, хотя человѣкъ такой и крещенъ и принимаетъ другія таинства. Вотъ гдѣ разница христіанъ, проходящихъ труженическіе подвиги, и христіанъ, не считающихъ необходимымъ стѣснять себя, хотя и ведущихъ себя честно! Законъ духовной жизни таковъ: на что нѣтъ подвига, того и благодать не даетъ, хоть и съ однимъ подвигомъ ни въ чемъ не успѣешь.

Когда такимъ образомъ къ сердцу будутъ привиты всѣ заповѣди, такъ что онѣ составятъ существенное его содержаніе, тогда и сердце, вмѣстѣ съ совѣстію, станетъ требовать исполненія ихъ. Какъ вначалѣ оно во всемъ поперечило совѣсти, такъ теперь станетъ вторить его требованіямъ и влечь къ дѣламъ, предъявляемымъ извѣстною заповѣдію. Вотъ почему пророкъ и сказалъ, что онъ скрылъ въ сердцѣ своемъ слова Божіи, чтобъ не согрѣшать передъ Нимъ. Сердце, говоритъ Зигабенъ, само уже не допускаетъ до того. Пророкъ указываетъ, что принялъ самый надежный способъ къ тому, чтобы не оскорблять Бога нарушеніемъ Его заповѣдей, а чрезъ это и всѣмъ внушаетъ: „хотите не прогнѣвлять Господа грѣхами, — скройте заповѣди Его въ сердцѣ.“ Но, конечно, здѣсь же подразумѣвается и тотъ урокъ, что если

возжелаете достигнуть сего, то надобно употребить и тѣ пріемы, какіе оправдала духовная опытность потрудившихся въ томъ.

Стихъ двѣнадцатый.

Благословенъ еси Господи: научи мя оправданіемъ Твоимъ.

Третій въ естествѣ нашемъ въ частности домъ для заповѣдей есть богонаученный умъ. *Научи*, дай понять, сообщи и умѣніе дѣйствовать, дай уму моему знать заповѣди и все относящееся къ нимъ,—и видѣть, какъ въ какомъ случаѣ должно мнѣ дѣйствовать, чтобъ умъ мой былъ свѣтомъ, освѣщающимъ пути жизни и вѣрнымъ руководителемъ по нимъ; особенно благоволи, дабы въ умѣ моемъ не было шаткихъ колебаній, предположительныхъ мнѣній, а все утверждалось на непоколебимыхъ убѣжденіяхъ.

Научи оправданіямъ или заповѣдямъ. Когда дѣйствуютъ, можно одни заповѣди имѣть во вниманіи; но когда хотятъ познать заповѣди, тогда нельзя ограничивать своего взора одними заповѣдями, а непремѣнно надо обозрѣвать всю область истины, чтобъ заповѣди въ умѣ не висѣли ни на чемъ, или не были насыпаны въ него, какъ песокъ, безсвязно, но входили, какъ необходимый элементъ, въ составъ истины и сочетавались съ нимъ живымъ союзомъ; такъ, чтобы нельзя было коснуться одного, не колебля вмѣстѣ съ тѣмъ и всего.

Въ христіанствѣ пути жизни освѣщаются истинами о тріипостасномъ Божествѣ, Творцѣ и Промыслителѣ, о паденіи, о Божіемъ благоволеніи возстановить падшаго, о снисхожденіи единороднаго Сына Божія на землю воплощеніемъ, о совершеніи Имъ нашего спасенія Своими страданіями, смертію, воскресеніемъ и вознесеніемъ,

о ниспосланіи Божественнаго Духа на святыхъ апостоловъ, устроившихъ на землѣ Церковь Христову и учредившихъ въ ней таинства для освященія благодатію всѣхъ вѣрующихъ, и, наконецъ, о воскресеніи, судѣ и будущемъ вседлаженствѣ вѣрныхъ и неописанныхъ мученіяхъ невѣрныхъ. Всѣ эти истины тоже для духа, что воздухъ для тѣла. Какъ воздухъ, пріемлемый легкими, проходитъ по всему тѣлу въ крови и все оживляетъ: такъ и эти истины, будучи пріемлемы вѣрующимъ умомъ, проходятъ по всему составу духовной жизни и все въ ней оживляютъ собою. Отъ нихъ и зарождается эта жизнь, ими руководится и въ нихъ зритъ конецъ свой.

Жизнь духовная начинается съ сознанія паденія и невозможности возстать самому. Это ведетъ къ покаянію и прилѣпляетъ къ Господу, какъ единому Спасителю. Отсюда обѣтъ и рѣшимость быть вѣрнымъ Ему и вести непримиримую борьбу со всѣмъ, что возстаетъ внутри и что встрѣчается во внѣ противнаго тому, чего требуетъ отъ насъ Спаситель. Отсюда упованіе, что, не смотря на немощь естества нашего, Господь проведетъ вѣрующаго чрезъ всѣ искушенія и введетъ, наконецъ, въ вѣчное царство Свое. Отсюда терпѣніе и безжалостный къ себѣ трудъ надъ собою въ очищеніи себя и исправленіи въ себѣ неисправнаго, чтобы во всемъ представить изъ себя непостыднаго дѣлателя. Отсюда вѣра, что, спострадая такимъ образомъ Господу, пріобщаются свѣтлаго живота Его и здѣсь, хотя еще въ предначинаніи и предъизображеніи. Все это вытекаетъ изъ основныхъ истинъ христіанства и составляетъ основу богоугодной жизни. Тутъ сущность христіанскихъ нашихъ оправданій и отсюда, наконецъ, развивается и вся система христіанскихъ заповѣдей.

Скажутъ: „ктожъ этого не знаетъ, и къ чему молитва *научи?*“ Но есть знаніе голое, чисто умовое, которое

никогда не восходитъ дальше предположительныхъ воззрѣній; и есть знаніе живое, жизненное, въ которомъ всякая истина также тверда, какъ увѣренность въ своемъ существованіи. Это свойство сообщается ему живымъ убѣжденіемъ, котораго не колеблетъ и самая смерть. Молясь *научи*, пророкъ проситъ, чтобъ Господь всѣ истины, и теоретическія и практическія, такъ сроднилъ съ существомъ его, чтобы какъ не можетъ усомниться онъ ни на волосъ въ своемъ существованіи, такъ чтобы никогда не могъ допустить въ себѣ и тѣни сомнѣнія въ этихъ истинахъ. Въ этомъ и состоитъ прочность богоугодной жизни. Какъ нельзя идти по тонкой, колеблющейся доскѣ, потому что закружится голова и упадешь; такъ нельзя вести жизнь должную тому, у кого въ головѣ непрестанно возникаютъ предположенія: „да полно, не вотъ ли какъ надо? Не лучше ли вотъ этакъ? Да вѣдь и вотъ какъ можно!“ А кто, совсѣмъ поколебавшись въ нѣкоторыхъ истинахъ, думаетъ по своему устроить жизнь богоугодную, тотъ похожъ на человѣка, который, строя домъ, кладетъ между здоровыми вѣнцами и гнилые. Снаружи такой домъ представляется и новымъ и прочнымъ, а на самомъ дѣлѣ обреченъ уже паденію; такъ точно и жизнь такая только съ виду добра, но уже несетъ въ себѣ свое осужденіе. Такимъ образомъ, вотъ въ чемъ сущность прошенія! Пророкъ проситъ, чтобы въ немъ не было никакихъ колебаній, но чтобъ онъ ходилъ среди этихъ истинъ, какъ тотъ человѣкъ, который, вышедши на улицу, чувствуетъ, что земля подъ нимъ есть, и что онъ стоитъ на ней твердо, есть и все окружающее его, есть и небо надъ нимъ,—и на мысль ему не можетъ прійти, чтобы во всемъ этомъ чего нибудь не было.

Но какъ же пророкъ проситъ объ этомъ послѣ того, какъ уже скрылъ въ сердцѣ словеса Господни и всѣ на-

чинанія свои ведетъ по заповѣдямъ, ища единаго Господа? Такъ дѣйствовать нельзя безъ вѣдѣнія, о которомъ онъ проситъ только теперь.—Но и въ тѣхъ своихъ добрыхъ навыкахъ, въ веденіи всѣхъ дѣлъ и начинаній по заповѣдямъ и въ любви къ нимъ, развѣ установился онъ вдругъ? Приступая работать Господу, онъ не имѣлъ ни того, ни другаго; сознавая же необходимость того, конечно, молился: „Господи, дай мнѣ всѣ дѣла вести по заповѣдямъ! Господи, склони сердце мое возлюбить заповѣди!“ Господь услышалъ молитву его и даровалъ ему просимое. Тамъ онъ выражаетъ то, что возъимѣлъ уже въ концѣ трудовъ; а здѣсь указываетъ на то, что бываетъ въ началѣ исканія сего блага,—вѣдѣнія съ убѣжденіемъ. Онъ какъ бы внушаетъ: „я сказалъ—*взыскахъ, скрыхъ*... но не подумалъ бы кто, что это вдругъ такъ и сталось,—нѣтъ, предшествовали тому трудъ и молитва. Дѣло шло такъ, какъ я выражусь сейчасъ въ отношеніи къ пріобрѣтенію вѣдѣнія: *благословенъ еси Господи: научи мя оправданіемъ Твоимъ.*

Этимъ послѣднимъ благомъ преобразуется умъ, а двумя первыми воля и сердце. Замѣчательна послѣдовательность! Она взята съ жизни. Умъ одинъ никогда не знаетъ вполнѣ истины; она всегда у него въ видѣ предположительныхъ воззрѣній. Исключая чрезвычайныхъ Божіихъ воздѣйствій на душу, и богоугодная жизнь обыкновенно начинается при такомъ состояніи ума. Но потомъ, вмѣстѣ съ жизнію, эти воззрѣнія начинаютъ переходить въ живыя убѣжденія: онѣ зрѣютъ, множатся и разширяются, по мѣрѣ навыка воли вести дѣла и начинанія свои по заповѣдямъ, и по мѣрѣ возрожденія сочувствій сердца къ заповѣдямъ. Исполняются ли послѣднія,—полнота водворяется и въ первыхъ. Впрочемъ, строго судя, нельзя сказать, что впереди и что позади: они всѣ вмѣстѣ зрѣютъ, не отставая другъ отъ друга. Строитъ

же это внутреннее зданіе Господь благодатію Своею, при всевозможныхъ, безъ жалѣнія себя, усиліяхъ со стороны человѣка,—строитъ жилище, въ которое, наконецъ, Онъ приходитъ и вселяется со Отцемъ и Духомъ Святымъ, какъ Самъ обѣтовалъ: *къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (Ін. 14, 23).

Стихъ тринадцатый.

Устнама моима возвѣстихъ вся судбы устъ Твоихъ.

Это четвертый въ существѣ нашемъ домъ для заповѣдей Божіихъ—слово, потому что оно есть домъ мысли и чувства. Такъ какъ у пророка уже все внутри занято заповѣдями Божіими, уста же изрекаютъ только то, что есть внутри; то какъ ни заведетъ онъ рѣчь, она сама собою вся идетъ у него только о заповѣдяхъ Божіихъ. *Возвѣстихъ* — возвѣщалъ, возвѣщаю и буду возвѣщать. Я таковъ, что то и дѣло возвѣщаю, и не могу говорить ни о чемъ другомъ, какъ только о судьбахъ Твоихъ; и о предметахъ постороннихъ я разсуждаю не иначе, какъ въ томъ же духѣ.

Пророкъ говоритъ тутъ, какъ о дѣлѣ, уже установившемся въ немъ, давая намъ урокъ, какія рѣчи вести при встрѣчѣ другъ съ другомъ, во взаимномъ собесѣдованіи. Если же въ Ветхомъ Завѣтѣ Божеское такъ сильно занимало богобоязненную душу,—не тѣмъ ли болѣе должно оно занимать христіанина, когда Богъ несравненно большее и осязательнѣйшее явилъ къ намъ приближеніе Свое въ воплощеніи Бога Слова и въ низпосланіи Святаго Духа, силы Котораго и дѣйствуются въ насъ по вѣрѣ вѣрующихъ? Но такъ ли это на дѣлѣ? Случись какое либо чуть-чуть выдающееся событіе въ житейскомъ или гражданскомъ быту,—у насъ умолку нѣтъ; только и рѣчей, что о немъ, хотъ бы оно совсѣмъ насъ не касалось; а

дивное дѣло спасенія, Богомъ для насъ устроенное и въ каждомъ изъ насъ долженствующее дѣйствовать, не занимаетъ насъ нисколько. Обойдите нарочно цѣлый городъ,—вы нигдѣ и слова не услышите о томъ, и если сами заведете рѣчь, то ее постараются замять и обратить на другой предметъ. Такимъ образомъ, если судить о насъ по тому вѣрному началу, что отъ полноты сердца уста глаголютъ, то можно подумать, что въ сердцѣ у насъ совершенная пустота. и что дѣло Божіе не принялось въ немъ и не оставило никакого слѣда. Что же такое, послѣ этого, крещеніе наше? Что столько разъ повторяемое говѣніе, исповѣдь и причащеніе Св. Таинъ? Что хожденіе въ храмы Божіи и всѣ молитвословія? — Стыдно вишь, не принято! — А вотъ же царь, занятый управленіемъ народа, всегда окруженный высшимъ обществомъ, не стыдился говорить о дѣлахъ Божіихъ, не стыдился возвѣщать судьбы устъ Его. Если Богъ не стыдился изрекать намъ суды Свои для нашего блага, то какъ же намъ стыдиться изрекать ихъ? Какой нибудь мало-мальски видный человѣкъ скажетъ что нибудь и не совсѣмъ важное, мы поставляемъ себѣ въ честь вклеить его слово въ нашъ разговоръ; а то, что Богъ изрекъ устами Своими, будто бы унизитъ насъ, если мы то повторимъ!... Да ужъ не дошли ли мы до того, что и богобоязненнымъ совѣстно говорить при насъ о Божіихъ судахъ, чтобы не метать бисера предъ...?

Между тѣмъ, богаче, утѣшительнѣе и назидательнѣе предмета для бесѣдъ и быть не можетъ, какъ судьбы устъ Божіихъ, то есть, все то, что Господу угодно было сказать намъ, сдѣлать для насъ и учредить среди насъ, для нашего спасенія. Дѣянія Христа Спасителя и св. апостоловъ, судьбы Церкви, житія мужей славныхъ въ христіанствѣ по ученію и дѣламъ, пути Промысла Божія, многообразные случаи въ жизни каждаго изъ насъ, гдѣ

видѣнъ перстъ Божій,—вотъ предметы для бесѣдъ христіанина съ христіаниномъ! И сколько отсюда истекало бы силы къ благоустроенію каждаго лица въ частности, и потомъ цѣлаго общества!

Ни къ чему такъ легко не относятся, какъ къ слову; а между тѣмъ, рѣчи наши всегда оставляютъ слѣдъ по себѣ, и въ говорящемъ и въ слушающемъ. Это—сѣмена цѣлаго ряда помышленій, изъ которыхъ выростаютъ намѣренія и, наконецъ, дѣла; это—рычагъ, которымъ приводятся въ движеніе всѣ соотношенія лицъ между собою. Рѣчи добрыя созидаютъ, благоустрояютъ, укрѣпляютъ въ добромъ; рѣчи злыя разстраиваютъ и разслабляютъ все доброе и подготовляютъ на злое. И пусторѣчіе, хотя и пусто, не остается безъ плода: оно дѣлаетъ пустою душу,—а пустая душа къ чему способна? Понятно, послѣ сего, предостереженіе апостола, какъ бы словомъ гнилымъ не оскорбить Духа Святаго, которымъ знаменовались мы въ день избавленія.

Стихъ четырнадцатый.

На пути свидѣній Твоихъ насладихся, яко о всякомъ богатствѣ.

И еще домъ, или, прямѣе, мѣста и поприща, на которыхъ осуществляются заповѣди Божіи, на которыхъ вы всегда встрѣчаете ревнителей о богоугожденіи, и гдѣ находятъ они пребываніе пріятнымъ для себя. Безъ утѣшеній нѣтъ никого на землѣ: всякій ищетъ и находитъ ихъ по своему вкусу. Одинъ идетъ гулять въ увеселительный садъ, другой въ театръ, третій на вечеръ, четвертый въ ученое собраніе и т. п. Гдѣ же сладостнѣе быть богобоязненному ревнителю хожденія въ волѣ Божіей? На пути свидѣній Божіихъ: то въ храмѣ Божіемъ, то въ больницахъ, страннопріимницахъ, богадѣльняхъ, то

на должности, то дома—въ благочестивыхъ занятіяхъ, то на богомольи въ мѣстахъ святыхъ. Какъ вошедшій въ домъ, полный всякимъ добромъ и довольствомъ, утѣшается тѣмъ, что встрѣчаетъ все, въ чемъ привыкъ находить для себя удовольствіе, такъ и ревнитель о богоугожденіи находитъ удовольствіе быть въ указанныхъ мѣстахъ, находя въ нихъ удовлетвореніе образовавшемуся въ сердцѣ его вкусу: тамъ—утѣха, тамъ—рай его. „Ничто не плѣняетъ меня въ настоящей жизни, говоритъ онъ съ пророкомъ, ни злато, ни достоинства, ни почести, ни могущество! Вмѣсто всего, свидѣнія Твои, Господи, для меня и веселіе и богатство.“

Такъ, — „многотруденъ, говоритъ блаж. Ѳеодоритъ, путь добродѣтели, но весьма вожделѣненъ для усердно идущихъ по нему. Потому-то и Владыка нашъ Христосъ сказалъ: *возмите иго Мое на себе: иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть*“ (Мѳ. 11, 29. 30). Можно такъ думать, что въ словахъ: *яко о всякомъ богатствѣ,* берется въ сравненіе только удовольствіе отъ полученія богатства съ удовольствіемъ пребывать на означенныхъ путяхъ свидѣній Божіихъ; и можно вмѣстѣ съ тѣмъ доразумѣвать, что пребывать на означенныхъ поприщахъ и прибыльно столько же, сколько прибыльно тому, къ кому течетъ всякаго рода богатство. Обыкновенно иные думаютъ, что бывать въ церкви есть напрасная трата времени; а между тѣмъ не можетъ быть лучшаго употребленія времени, какъ пребываніе въ храмѣ Божіемъ, и кто бываетъ тамъ со вниманіемъ и усердіемъ, тотъ пріобрѣтаетъ въ нѣсколько часовъ столько, сколько внѣ его не дадутъ долгіе и многіе труды. Иные, когда видятъ ижидающаго достояніе свое на больныхъ, нуждающихся и требующихъ помощи, думаютъ, что это напрасная трата: а между тѣмъ не можетъ быть прибыльнѣе такого употребленія богатства, потому что, по слову Божію, по-

ступающій такъ полагаетъ свое достояніе въ руки Бога Самого, предпосылая его въ вѣчные кровы, и собирая тамъ на будущее сокровища неветшающія. Тоже слѣдуетъ сказать о держащихъ строго посты, говѣющихъ и ходящихъ на богомолье: „истощаются, изможданъ себя, обыкновенно говорятъ о нихъ", а между тѣмъ, никто не тучнѣетъ такъ въ духѣ, какъ они.

Насладихся... вкусилъ сладости, и доволенъ. Опытъ всѣхъ временъ говоритъ, что только тѣ и бываютъ довольны, которые находятъ удовольствіе быть на путяхъ свидѣній Божіихъ; они всегда веселы, всегда въ ровномъ расположеніи духа, безъ вспышекъ, безъ восхищеній. Другія радости восхищаютъ до того, что человѣкъ забывается и думаетъ, будто въ рай попалъ; но это лишь на минуту. Такія радости скоро переходятъ въ неопредѣленную тугу сердца, которая истребляетъ и память о нихъ. Это общая участь всѣхъ радостей не духовныхъ и не подчиненныхъ духовнымъ интересамъ. Нѣтъ въ нихъ того, чѣмъ бы могъ удовлетвориться духъ; а духъ—главное въ человѣкѣ, и когда онъ не удовлетворенъ, человѣкъ доволенъ быть не можетъ; все равно, какъ если бы считающему себя голоднымъ, не дали любимаго блюда, хотя бы другихъ и много было. Ухищряются размножать утѣхи, но этимъ только успѣваютъ заглушить, заморить на время духовный инстинктъ. Проходитъ пора утѣшная, и духъ снова беретъ свою силу, разбрасываетъ всѣ утѣхи и начинаетъ томить человѣка за то, что онъ не внимаетъ ему, не хочетъ доставлять ему свойственной, удовлетворяющей его пищи. Вотъ вамъ и Самсонъ новый! Въ забытьи онъ далъ опутать себя, а потомъ, какъ опомнился,—одно движеніе, и все разлетѣлось.

Стихъ пятнадцатый.

Въ заповѣдехъ Твоихъ поглумлюся, и уразумью пути Твоя.

Въ предъидущемъ стихѣ началось указаніе дома упокоенія не для заповѣдей, а для тѣхъ, кои ревнуютъ объ исполненіи ихъ, и указывается, въ какихъ мѣстахъ и въ какихъ занятіяхъ находятъ они себѣ покой и удовлетвореніе. Предъ этимъ сказано, что все наслажденіе ихъ—бывать на путяхъ свидѣній Божіихъ; возвратясь же къ себѣ въ домъ, чѣмъ бываютъ они заняты? Садятся изслѣдовать возникающіе вопросы о жизни, въ ея отношеніяхъ къ заповѣдямъ и дѣламъ вѣры. Урокъ объ этомъ пророкъ даетъ имъ словами: *въ заповѣдехъ Твоихъ поглумлюся.*

Поглумлюся—ἀδολεσχήσω. Послявянски, въ иныхъ случаяхъ, это слово переводится такъ: присидѣть, сидѣть за дѣломъ со вниманіемъ и терпѣливо, усидчиво трудиться надъ разрѣшеніемъ чего либо. Еврейское соотвѣтствующее тому слово означаетъ: совопросничать, взвѣшивать предъидущее и послѣдующее, причины и дѣйствія, средства и цѣли, и притомъ такъ, чтобы, отвлекшись отъ всего, однимъ этимъ и быть занятымъ. Такимъ образомъ, здѣсь указывается на богомысленное размышленіе, которому обыкновенно посвящаютъ нѣсколько уединеннаго времени боголюбивые люди, въ видахъ разъясненія всего соприкосновеннаго исполненію заповѣдей или дѣлу богоугожденія, которымъ они заняты, принимая въ руководство при семъ слово Божіе, отеческія писанія и совѣты мужей опытныхъ.

Вопросовъ и недоумѣній смутительныхъ кто можетъ избѣжать? И кто можетъ сказать, что онъ взвѣсилъ все-

возможныя случайности и напередъ знаетъ, какъ когда поступить? Такимъ образомъ, частію для разрѣшенія родившихся вопросовъ, частію для предупрежденія ихъ, а всего болѣе для питанія духа богомысленными созерцаніями, какъ только улучишь время, садись и углубляйся въ истины Божіи, читая при этомъ или слово Божіе, или отеческія писанія. Самое лучшее время для этого утро и вечеръ, а способъ совершенія сего дѣланія молитвенный. Молитвою начни, въ молитвенномъ настроеніи продолжи и молитвою кончи. Ангелъ хранитель найдетъ при этомъ возможность вложить въ умъ твой нужное именно тебѣ и собственно въ твоихъ обстоятельствахъ.

Иные опредѣляютъ себѣ читать оттуда столько-то, оттуда столько-то, и читаютъ много. Мысли освѣжаться могутъ и при этомъ, но польза получается не вся; а нерѣдко читаніе обращается почти въ безплодный процессъ. Лучшій порядокъ слѣдующій: возьми стишокъ, войди въ него всѣмъ вниманіемъ, и разлагай его на возможныя благопомышленія. Это первое дѣло. Въ родившихся мысляхъ ищи сторонъ, которыми могутъ онѣ повѣять на сердце и привлечь его къ себѣ. Это второе дѣло. За тѣмъ, извлеки себѣ изъ нихъ уроки и проведи ихъ по твоей жизни, намѣчая себѣ, что тамъ такъ-то надо поступить, а тамъ — такъ-то. Этимъ способомъ стишокъ пройдетъ своимъ содержаніемъ чрезъ всю душу, и, вышедши изъ нея, войдетъ въ жизнь въ свое время.

Вотъ единственно плодоносное богомысленное размышленіе, конечно, не спѣшное, но дающее больше всякаго многочтенія и многомышленія. „Да этакъ, скажутъ, много ли успѣешь начитать и обсудить?“ — Не много, да много. Иного стишка станетъ на два и на три пріема, иной и недѣлю займетъ. Но за то, что такъ добывается, то становится неотъемлемымъ, приснопита-

тельнымъ достояніемъ духа. Иной стишокъ столько даетъ отъ себя свѣта и тепла, что будетъ возгрѣвать духъ многіе дни. Дѣло здѣсь идетъ не о научномъ чтеніи, а объ углубленіи въ Писаніе, въ видахъ созиданія духа и разъясненія многосложныхъ путей жизни. Научникамъ долгъ велитъ много читать; а ищущіе созиданія духа никакъ не должны позволять себѣ читать много.

Основательнѣе могъ бы иной возразить: „не могу разсуждать, непривыченъ.“ Но кто на свѣтѣ не разсуждаетъ! Возьмите самаго простаго человѣка, и тотъ разсуждаетъ, конечно, въ кругу своихъ дѣлъ. Сказанное занятіе предлагается уже вступившимъ на путь заповѣдей и довольно осмотрѣвшимся на немъ. Стало быть, въ этой области они не совсѣмъ чужіе, и могутъ по этому разсуждать, при всей простотѣ своей. Дѣло не въ неумѣньи, а или въ лѣности ума, или въ его завистности, по которой онъ хочетъ захватить побольше и поскорѣе. Первое оставляетъ умъ въ бездѣйствіи, а второе подавляетъ его. Избѣгающій того и другаго, берется за трудъ обсужденія со смиреніемъ, и понемножку все подвигается впередъ, обогащаясь знаніемъ практической жизни, твердымъ и многостороннимъ. На немъ исполняется въ точности ожиданіе св. пророка отъ такого рода занятія: *и уразумью пути Твоя*. Живущій съ разумомъ, по зернышку собираетъ уроки мудрости духовной, чрезъ углубленіе въ заповѣди Божіи, и доходитъ, наконецъ, до яснаго вѣдѣнія порядковъ жизни по Богу, пріобрѣтая, наконецъ, возможность и иныхъ научать, даромъ что простецъ и наукъ никакихъ не проходилъ. Опыты этого разсѣяны по всей исторіи людей Божіихъ въ Церкви Христовой.

Стихъ шестнадцатый.

Во оправданіихъ Твоихъ поучуся: незабуду словесъ Твоихъ.

Это третье занятіе, въ которомъ боголюбивая душа находитъ покой и сладость. Оно похоже на предъидущее, и однакожъ разнится отъ него существенно. Тамъ говорится: *поглумлюся* (стану изслѣдовать усидчиво), а здѣсь—*поучуся;* тамъ плодомъ занятія ставится—*уразумлю,* а здѣсь—*не забуду. Не забуду*—дѣло памяти,—отсюда раждается наведеніе: *поучуся,* значитъ буду заучивать.

Поучуся — μελετήσω. Припоминаю: еще для первыхъ учениковъ св. Антонія положено было правиломъ заучивать на память нѣсколько псалмовъ, тотчасъ по приходѣ ихъ въ пустынь; потомъ внушалось: когда ты въ келліи не занятъ или идешь куда нибудь, то перечитывай на память заученные псалмы. Это называлось μελέτη. У насъ въ славянскихъ отеческихъ книгахъ часто читается заповѣдь: имѣй сокровенное поученіе—μελέτη. Это значитъ: собери вниманіе и повторяй непрестанно: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго!“ Примѣняя это значеніе слова *поучаться* — μελετάω—къ нашему тексту, мы можемъ принять, что въ немъ внушается заучиваніе мѣстъ Писанія на память и повтореніе въ свое время заученнаго, чтобы не забыть словесъ Божіихъ.

Св. Василій Великій свидѣтельствуетъ, что въ его время заставляли дѣтей на память заучивать нѣкоторые псалмы и притчи. Дѣлается ли что-либо подобное у насъ? Дѣлаютъ ли что подобное даже принявшіе на себя яремъ подвижничества?... Да, во многомъ мы отстали отъ древнихъ спасительныхъ обычаевъ! Но это не умаляетъ цѣны дѣланія, указываемаго въ настоящемъ стихѣ. Оно значитъ вотъ что: обсужденные, по предыдущему тексту, етишки

изъ Писанія заучивай на память, и заученные повторяй, какъ только свободны умъ и слово. Еврейское слово, соотвѣтствующее слову *поучуся,* значитъ—съ сладостію вращать въ умѣ и на языкѣ, какъ, напримѣръ, вращаютъ во рту конфекты. Такое занятіе можно предложить всѣмъ, ищущимъ искренно угождать Богу во всемъ.

У насъ многіе изъ подвизающихся читаютъ въ домахъ или келліяхъ Псалтырь. Это отчасти отвѣчаетъ уроку нашего стиха. Можетъ быть, сюда же можно отнести и молитвословіе домашнее, частное, келейное. Но прямѣе оно значитъ: нарочито избирать мѣста Писанія для заучиванія и потомъ повторенія ихъ въ умѣ.

Этимъ послѣднимъ занятіемъ заповѣди, занявшія уже всѣ силы души, займутъ и память и освятятъ ее. Благо отсюда неописанное! Одинъ изъ старцевъ сказалъ, что живущему въ мірѣ трудно достигнуть умиренія помысловъ, потому что онъ видитъ много зла, которое, оставаясь въ памяти, непрестанно тѣснится въ его вниманіе, и тогда даже, когда онъ сидитъ одинъ, воротившись домой. Какая толкотня помысловъ у мірянъ, объ этомъ и говорить нечего. Св. Макарій уподобляетъ состояніе ихъ умовъ трясенію и помыканію зеренъ пшеницы въ рѣшетѣ. Тѣ, которые остепеняются и начинаютъ идти путемъ заповѣдей, отдѣляются отъ дѣлъ чисто мірскихъ, но отъ помысловъ много страдаютъ, особенно въ началѣ. Помыслы не даютъ имъ ни молиться, ни читать, ни разсуждать, — все отбиваютъ отъ настоящаго дѣла. Какъ же отъ этого избавиться? Лучшаго способа нѣтъ, какъ изгнать злыя памятованія памятованіями добрыми... Какъ много помогаетъ въ этомъ случаѣ заучиваніе на память мѣстъ Писанія—и сказать нельзя. Тутъ происходитъ съ душою то же, что съ слабыми фруктами, когда ихъ просахарятъ. Сахаръ, проникнувъ всѣ поры ихъ, и сладость сообщаетъ имъ и сохраняетъ отъ порчи. Такъ и

душа, пропитанная заученными словесами Божіими, отбрасываетъ порчу срамныхъ и пустыхъ помысловъ, и въ сладость исполняется памятованіемъ о вещахъ Божіихъ.

Можетъ быть, этимъ разрѣшается и вообще вопросъ объ умиротвореніи помысловъ; можетъ быть, то-есть, и все это дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ помыслы худые и пустые замѣнить помыслами добрыми и спасительными, такъ какъ помышленія о добромъ никогда не производятъ ни смятенія, ни омраченія въ умѣ и сердцѣ, а одно созиданіе и благонастроеніе. Если принять это, то вотъ и правило для новоначальныхъ, какъ быть съ помыслами: заучивай поскорѣе и поболѣе мѣстъ Писанія, особенно словъ и дѣлъ Христа Спасителя, и повторяй ихъ чаще.

Но есть состояніе, которое дается людямъ, сподобившимся ощутительнаго дѣйствія благодати, и при которомъ бываетъ особый міръ внутренній, гдѣ уже нѣтъ и добраго многомыслія, а все поглощается единымъ, и во всемъ водворяется единство и простота, не допускающая никакой множественности, не только въ желаніяхъ и чувствахъ, но и въ помыслахъ. Надъ ними уже здѣсь начинаетъ исполняться то, что сказалъ апостолъ о жизни будущаго вѣка: *и будетъ Богъ всяческая во всѣхъ* (1 Кор. 15, 28).

ТРЕТЬЕ ОСМИСТИШІЕ.

Третья буква „гимель,“ значитъ верблюдъ.

Верблюдъ — самое сносливое вьючное животное. Въ этомъ отношеніи уподобляются ему труженики на пути заповѣдей, пока они еще не вошли во вкусъ этой жизни. Св. Антоній Великій, разсуждая о такихъ лицахъ, прилагаетъ къ нимъ слова другаго псалма: *скотенъ быхъ у Тебе* (Пс. 72, 22) въ томъ смыслѣ, что они несутъ труды жизни по Богу, а плодовъ ея еще не вкушаютъ: тянутъ это иго, какъ подъяремное животное. Такое состояніе

въ новоначальныхъ, кажется, у всѣхъ неизбѣжно; исключеній очень мало. Но оно находитъ и на тѣхъ, которые уже начали испытывать доброту богоугодной жизни именно тогда, когда ни мыслей, ни чувствъ, ни желаній добрыхъ не бываетъ: душа будто замерла и, озираясь кругомъ, видитъ себя отчуждаемою отъ всѣхъ и всѣмъ чужою. Къ этому присоединяется иногда натискъ внѣшнихъ непріятностей, которыя отяжеляютъ внутреннее недоброе состояніе. Преодолѣваетъ все это вѣрность данному слову и обѣту, съ уповательнымъ терпѣніемъ.

Все это пророкъ и изображаетъ въ настоящемъ осьмистишіи, которое и можно озаглавить такъ: о *притрудностяхъ,* встрѣчаемыхъ на добромъ пути, — внутреннихъ и внѣшнихъ, или о тяжелыхъ состояніяхъ, испытываемыхъ при этомъ.

Стихъ семнадцатый.

Воздаждь рабу Твоему: живи мя, и сохраню словеса Твоя.

Воздаждь—не то. что воздай за что-нибудь, какъ бы за подъятые труды, а дай по милости благопотребное, и дай полно, съ избыткомъ, какъ говорится и въ другихъ мѣстахъ Писанія: *не забывай вспхъ воздаяній Его* (Пс. 102, 2), всѣхъ обильныхъ благъ Его, или *благодать возблагодать* (Іоан. 1, 16). Говорящій такъ сознаетъ себя рабомъ Богу, не видитъ, чтобы, на перекоръ совѣсти, выступалъ когда-нибудь изъ воли Его; но видитъ въ себѣ оскудѣніе духовной жизни: душа замерла, мысли помрачились, потому и вопіетъ: *воздаждь,* дай снова благо отшедшее, возврати потерянное, исполни меня, опустѣвшаго. Такимъ образомъ, слова эти можно отнести ко всему осмистишію. Пророкъ говоритъ какъ бы такъ: блага были и отошли; возврати ихъ снова, живи мя. просвѣти очи, *отыми поносъ и уничиженіе.*

Живи мя... грѣшникъ, пока пребываетъ въ грѣхѣ, мертвъ для Бога и для жизни по Богу, хотя въ другихъ родахъ жизни и многодѣятеленъ и многосвѣдущъ. Когда благодать Божія пробуждаетъ его, тогда въ немъ начинаются первыя движенія духовной жизни; а когда, покаявшись, полагаетъ онъ жить потомъ по заповѣдямъ Божіимъ,—начинается и самая жизнь. Но на первыхъ порахъ она малоощутима. Мертвенность грѣховная вокругъ еще такъ осязательна, что не даетъ ощутить живности въ духѣ. Со временемъ приходитъ это чувство жизни о Господѣ, и сопровождается радостію жизни. Но продолжается не всегда непрерывно, а идетъ перемежающимся порядкомъ и почасту пресѣкается. Когда пресѣчется,—душа ниспадаетъ въ мертвенность, становится совсѣмъ какъ мертвая, и мертвеннымъ холодомъ вѣетъ отъ нея: никакого проявленія духовной жизни. Это и непріятно, и страшно; ибо когда духовное замираетъ, то оживаетъ плотское и грѣховное, а тутъ врагъ около,—долго ли до паденія? Вотъ объ этомъ-то состояніи и рѣчь у пророка.

Воздаждь рабу... и *живи мя,* раба Твоего, это, конечно, тоже. У человѣка не одна жизнь, а три: плотская, душевная и духовная. Надъ всѣми ими высится сознаніе разумно-свободное. Когда духъ пробуждается дѣйствіемъ Духа Божія, тогда человѣкъ, сознаніемъ и свободою, переходитъ въ духъ или на сторону духа, и закрѣпляетъ пребываніе въ этомъ чинѣ жизни обѣтомъ въ крещеніи или покаяніи, говоря въ первомъ: „отрицаюся сатаны и всѣхъ дѣлъ его и сочетаваюся Христу Господу,“ и во второмъ: „согрѣшилъ, не буду.“ Въ изображаемомъ пророкомъ состояніи душа замерла, не видно движеній духовной жизни; но сознаніе съ свободою, сокровеннымъ дѣйствіемъ совѣсти, держится, на сторонѣ духа. Они исповѣдуютъ себя рабами Господа, и помышленія не имѣютъ выступить изъ этого чина, или

переступить за черту его къ противникамъ: только не видятъ подъ собою обычныхъ проявленій жизни по Богу. Эта внутренняя вѣрность Господу и даетъ имъ дерзновеніе вопіять ко Господу: *оживи,* и питать надежду, что оживитъ.

Состояніе омертвѣнія души иначе называется состояніемъ нечувствія. Ничѣмъ ее не разшевелишь: и благое ее не привлекаетъ, и страшное не страшитъ. Какъ же быть? Терпѣть и молиться, исповѣдуя свою немощь.

Это состояніе есть точное изображеніе на опытѣ того, что есть человѣкъ самъ по себѣ, безъ дѣйствія благодати. Отстранилась немного благодать, и человѣкъ сталъ никуда негожъ. Затѣмъ это такъ и дѣлается, чтобы человѣкъ потверже заучилъ и никогда не забывалъ, что и тогда, какъ онъ бываетъ въ добромъ состояніи, самъ по себѣ все никуда негожъ, — и если является имѣющимъ нѣчто, то все таки то не его, а придано ему со внѣ, хотя и такъ, что навсегда можетъ остаться въ немъ, если не впадетъ въ грѣхъ присвоенія чужаго.

И сохраню словеса... и тутъ не перестаетъ онъ хранить ихъ; но безсердечно, какъ машина,—какъ машина стоитъ на молитвѣ, какъ машина исполняетъ и другія дѣла заповѣдей, какія встрѣчаются. Для состояній подобнаго рода законъ такой: никакъ ни въ чемъ не отступай отъ заведенныхъ порядковъ; терпи и молись. Перетерпишь,—придетъ опять оживленіе отъ Господа, и начнешь опять хранить словеса Божіи, но уже не какъ машина, а какъ живое лицо, отъ сердца, по охотнымъ начинаніямъ, съ охотнымъ и пріятнымъ трудомъ въ исполненіи ихъ.

Стихъ осмнадцатый.

Открый очи мои, и уразумѣю чудеса отъ закона Твоего.

Духъ человѣка, имѣющій назначеніе жить въ Богѣ и

къ Нему возводить всего человѣка, по паденіи, слѣпъ. Хотя въ немъ неизгладимо существуетъ увѣренность въ бытіи Бога, съ сознаніемъ всесторонней зависимости отъ Него и обязательства благоугождать Ему всячески неуклоннымъ слѣдованіемъ внушеніямъ совѣсти, въ надеждѣ, соотвѣтственной трудамъ, будущей по смерти жизни; хотя есть въ немъ всѣ эти стихіи духовной жизни, какъ видимъ изъ всѣхъ языческихъ религій, но всѣ онѣ покрыты темнотою и неопредѣленностію такъ, что, на основаніи ихъ, скорѣе можно выразиться такъ: носитъ духъ человѣка непоколебимое убѣжденіе и чутье, что есть нѣчто высшее и совершеннѣйшее, что есть порядокъ вещей и дѣлъ чистѣйшій и блаженнѣйшій; но что оно именно есть, того онъ не знаетъ, а ищетъ только, съ увѣренностію, что это не пустое исканіе. Какое-то покрывало лежитъ на немъ и мѣшаетъ ему зрѣть истину вещей тѣхъ. Потому-то и естественна ему молитва: *открый очи мои.*

Когда человѣкъ приступаетъ къ Господу, тогда вземлется съ духа его покрывало, и онъ ясно видитъ все то, чего искалъ гадательно. Блаженства, какое доставляется этимъ прозрѣніемъ, описать нельзя, какъ это свидѣтельствуютъ испытавшіе его. Но какъ исшедшій на свѣтъ изъ темнаго мѣста считаетъ и небольшой свѣтъ очень яркимъ; осмотрѣвшись же, начинаетъ находить его умѣреннымъ,—такъ и въ духѣ: побывъ въ открытомъ первоначально свѣтѣ духовномъ, онъ доходитъ до чувства, что хотя онъ уже и видитъ, но видитъ зерцаломъ въ гаданіи, какъ засвидѣтельствовалъ св. Павелъ. Потому и просвѣтленному во Христѣ Іисусѣ никакъ не излишня молитва: *открый очи мои.*

Но по характеру этого осьмистишія можно тутъ разумѣть нѣкоторое другое покрытіе очей духовныхъ, именно временное омраченіе и ослѣпленіе ока умнаго, бывающее

въ людяхъ, живущихъ по Богу или наказательно, или поучительно. Человѣкъ бываетъ ослѣпленъ или въ отношеніи къ себѣ, или въ отношеніи къ другимъ, или въ отношеніи къ текущему ходу вещей, и вѣритъ, что оно такъ и есть, какъ ему кажется, и стоитъ за то, и держитъ себя по смыслу такой увѣренности; тогда какъ на дѣлѣ оно не такъ: истина сокрыта отъ него, покрывало лежитъ на очахъ его, потому онъ и не видитъ. Послѣ открывается истина, и ходившій тутъ же и не видѣвшій ее въ недоумѣніи окаявается себя за то, что видя не видѣлъ,—и научается такимъ опытомъ не довѣрять своему зрѣнію, и не взирая на то, что ходитъ во свѣтѣ, искренно съ болѣзнію сердечною молится къ Подателю Свѣта: *„открый очи мои...* дай мнѣ видѣть истину о себѣ, о другихъ и о всемъ, окружающемъ меня, чтобы по чувствамъ и дѣламъ держать себя въ истинно должномъ чинѣ, а не мнимо-истинномъ.“

Особый видъ ослѣпленія духовнаго временнаго есть *забвеніе*. Св. Маркъ подвижникъ часто горько жалуется на этого врага и другихъ предостерегаетъ отъ его козней. Приходитъ врагъ и уноситъ изъ вниманія спасительныя, возбудительныя и остерегательныя помышленія; забываетъ человѣкъ, что онъ, куда идетъ, что его ожидаетъ, кому работаетъ, подъ чьимъ взоромъ живетъ и дѣйствуетъ, и по причинѣ такого забвенія начинаетъ дѣйствовать, какъ несмысленное, рѣзвое дитя. Не всегда это сопровождается большими ошибками, но всегда отъ этого падаетъ внутренняя энергія и разстраивается весь строй духовный. Вотъ и поводъ къ молитвѣ тѣмъ, которые искренно ищутъ совершенства: *„открый очи мои,* дай мнѣ всегда держать предъ очами ума, во вниманіи моемъ, что я безотвѣтный грѣшникъ, что око Твое всегда обращено на меня и видитъ всего меня, что вотъ-вотъ смерть, и я долженъ буду вступить въ мрачныя мѣста истязаній.

потомъ предстать предъ Тебя и выслушать Твое опредѣленіе о мнѣ: дай помнить это, чтобы неослабно дѣйствовать во спасеніе свое, пока время, и крѣпче держаться за спасительный крестъ, въ силѣ котораго вся моя надежда."

У кого глаза открыты, тотъ видитъ окружающее, какъ оно есть. У кого открыты умныя очи, тотъ видитъ Бога и Божественный порядокъ вещей.—разумѣетъ, въ чемъ онъ и чего отъ насъ требуетъ. Это и разумѣетъ св. пророкъ, когда говоритъ: *и уразумью чудеса отъ закона Твоего.*

Стихъ девятнадцатый.

Пришлецъ азъ есмь на земли: не скрый отъ мене заповѣди Твоя.

Пришлецъ я на землѣ,—эту мысль всякій долженъ носить въ сердцѣ своемъ; не имѣю здѣсь пребывающаго града, но грядущаго взыскую; отечество мое не здѣсь: тутъ я случайно, на время, странникъ. Прямое отсюда слѣдствіе такое: если я странникъ, то мнѣ нечего здѣсь заводиться всѣмъ на долгія лѣта или навсегда, что ко всему здѣсь я долженъ относиться, какъ къ чуждому мнѣ, не касающемуся меня, держать себя такъ, какъ въ гостинницѣ: отдыхать лишь, а тамъ опять въ путь; дѣлать все мимоходомъ и принимать, какъ мимоходное, имѣя одно только въ мысли и желаніи—безостановочно шествовать вѣрнымъ путемъ въ свое отечество.

Эта мысль, если не всегда зараждаетъ, то всегда поддерживаетъ и раздуваетъ зародившееся желаніе обращенія и ревнованія о спасеніи. Но, по образованіи рѣшимости содѣвать свое спасеніе богоугодною жизнію, она становится необходимою стихіей нравственно-духовной жизни. Вступившій на этотъ путь причисляется самымъ

дѣломъ къ Іерусалиму небесному, и тамошнимъ, такъ сказать, начинаетъ дышать воздухомъ. Если такъ, то чувство странничества наземнаго не должно отходить отъ него; потому что какъ только отойдетъ оно, человѣкъ выступаетъ изъ своего чина,—изъ тамошняго, по сердцу, становится здѣшнимъ, и, переставая дышать тамошнимъ воздухомъ, замираетъ, имѣя только видъ, что живъ, тогда какъ на дѣлѣ мертвъ.

Ничто столько не пагубно для жизни по Богу, какъ забвеніе этой коренной истины, но ничто меньше и не помнится, какъ эта истина. Всѣ мы подъ рядъ и думать не думаемъ, что живемъ здѣсь на время, и всего заготовляемъ такъ много, или заботимся о всемъ здѣшнемъ такъ, какъ бы и конца не было этой жизни. Молиться бы надо: „не скрой отъ насъ, Господи, той истины, что всякъ земля есть и въ землю пойдетъ; не скрой, или не давай ей закрыться въ умѣ и памяти суетною многозаботливостію.“ Но и молитва объ этомъ не приходитъ на умъ; молясь обо всемъ, объ этомъ мы никогда не молимся. Такъ велико ослѣпленіе наше въ этомъ отношеніи! Инымъ уже думается, что и вѣчная жизнь будетъ на землѣ, и что сохранятся такія же отношенія и тогда, какія въ ходу теперь. Грубое невѣдѣніе дѣла!

Другая соприкосновенная съ странничествомъ нашимъ мысль—невѣдѣніе какъ дѣйствовать, и непріязненности на чужой сторонѣ. Когда кто приходитъ въ чужую страну, никому невѣдомый и самъ никого не знающій, не знающій чужихъ обычаевъ,—на него смотрятъ, какъ на чужаго, и неродственно и подозрительно.

Мы—странники на землѣ, и, казалось бы, слѣдовало ожидать, что не знаемъ, какъ здѣсь жить; на дѣлѣ же кто лучше насъ понимаетъ это дѣло? Но вѣдь въ такомъ случаѣ мы уже не странники, а свои на землѣ; странниками становимся, когда возродится въ насъ тяготѣніе

къ небесному отечеству, и мы станемъ отчуждаться отъ всего здѣшняго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, раждается и забота знать, какъ быть, какъ держать себя, чтобы не запутаться опять здѣшнимъ, но словомъ и дѣломъ являть, что мы странники и пришельцы. Вотъ такое-то недоумѣніе и видитъ св. пророкъ въ душѣ странника, и влагаетъ ему усердную молитву: *не скрый отъ мене заповѣди Твоя*... покажи, то есть, какъ вообще долженъ я дѣйствовать и какъ поступать во всякомъ случаѣ, чтобъ не выступить изъ воли Твоей!

Тотъ, кто сталъ въ духѣ странникомъ, всегда встрѣчаетъ непріязнь. Нападающіе явно, тѣснящіе, гонящіе не такъ опасны, какъ опасны невидимые враги, дѣйствующіе на умъ и сердце и благовидностію прикрывающіе пагубныя внушенія свои. Ложь, страсть, явный грѣхъ легко разобрать; но внушенія благовидныя не всегда разгадаешь, не всегда увидишь, что подъ ними кроется. Какъ поступить во спасеніе, только Богъ вѣдаетъ, и только Онъ можетъ раскрыть сплетеніе пагубное, или прямо Самъ, или чрезъ другихъ людей опытныхъ. Въ словахъ пророка это болѣе и чувствуется въ молитвѣ. Странникъ я, говоритъ онъ, всюду враги: тотъ говоритъ туда иди, тотъ—туда; Ты Одинъ, Господи, все знаешь: не скрой отъ меня, какъ мнѣ поступить лучше; скажи, какова воля Твоя о мнѣ въ настоящихъ обстоятельствахъ, чтобы не попасть въ засаду!

Св. Маркъ подвижникъ, послѣ нечувствія и забвенія съ ослѣпленіемъ, часто жалуется и на невѣдѣніе, полагая въ немъ источникъ многихъ нашихъ ошибокъ, паденій и уклоненій отъ праваго пути, въ шествіи нашемъ въ небесное отечество наше.

Стихъ двадцатый.

Возлюби душа моя возжелати судбы Твоя на всякое время.

Возлюби возжелати, то есть, сильно возжелала душа моя быть всегда охотною исполнительницею воли Твоей святой, всего того, что присуждаешь Ты мнѣ дѣлать. Въ этомъ случаѣ стихъ этотъ будетъ представлять причину, почему такъ безпокоятъ молитвенника указанныя предъ симъ недобрыя состоянія—нечувствія, ослѣпленія, или забвенія и невѣдѣнія. „Я, говоритъ, сильно желаю быть исправнымъ предъ Тобою во всякое время, а они мнѣ мѣшаютъ, останавливаютъ, прерываютъ, уклоняютъ въ другую сторону. Это и безпокоитъ меня; потому-то я и молюсь и вопію объ избавленіи отъ нихъ.“ Но замѣчать такія состоянія, и чувствовать всю помѣху отъ нихъ въ духовной жизни можетъ только сильно возжелавшій совершенства въ ней, и не только возжелавшій, но и преуспѣвшій въ ней сколько-нибудь и испытавшій противоположныя имъ состоянія. Только такой человѣкъ, при появленіи упомянутыхъ состояній, и можетъ замѣтить, что внутри произошла перемѣна, и перемѣна не къ лучшему. Осязательнѣе всего видится это въ омертвѣніи чувства или въ состояніи нечувствія: тутъ будто жизнь пресѣкается. Тѣмъ же, которые не имѣютъ такого желанія и хоть небольшой опытности, и не въ догадку, что это состояніе дурное. Оно постоянно у нихъ, и если измѣняется какъ-нибудь, то въ однородномъ кругѣ измѣненій, такъ какъ нечувствіе духовное не мѣшаетъ быть чувствительнымъ ко внѣшнему, особенно къ разительнымъ явленіямъ въ области изящнаго. Духовное ослѣпленіе и забвеніе не мѣшаютъ широко распростирать пытливость и утѣшаться всестороннимъ ея удовлетвореніемъ.

Невѣдѣніе духовное не мѣшаетъ быть научнымъ знатокомъ внѣшнихъ текущихъ дѣлъ и вѣрнымъ въ своемъ родѣ оцѣнщикомъ ихъ. Такія бросающіяся въ глаза проявленія жизни мнимо-духовной заслоняютъ истинно-духовную сторону нашей жизни, и не даютъ замѣтить ея отсутствія. Отъ того и заботы нѣтъ о возстановленіи ея въ соотвѣтственной силѣ. Напротивъ, тотъ, кто имѣлъ, но потерялъ, не можетъ не замѣтить ея отсутствія, и такъ какъ онъ возжелалъ ее всѣмъ желаніемъ, то не можетъ не тревожиться, не бояться за себя, и не заботиться о возвращеніи того, что было и быть бы должно, но чего нѣтъ, какъ увѣряетъ неложное сознаніе.

Таково отношеніе сего стиха къ предыдущимъ тремъ, если *возлюбихъ возжелати* принять въ значеніи „сильно возжелалъ.“ Но блаж. Августинъ даетъ этимъ словамъ такой смыслъ: „разумная воля моя настоятельно требуетъ, чтобы я желалъ: но желанія нѣтъ, подобно тому, какъ больной разумно желаетъ принимать пищу, но нѣтъ аппетита, и желудокъ не принимаетъ пищи. Пророкъ говоритъ какъ бы такъ: знаю я, что слѣдовало бы мнѣ желать ходить въ судьбахъ Твоихъ, и разумно требую этого отъ себя, и опредѣлилъ себя на то, но душа не отвѣчаетъ этому и не имѣетъ желанія.“ Здѣсь онъ представляетъ какъ бы болѣзнь свою душевную предъ Бога, чая уврачеванія. Въ такомъ смыслѣ настоящій стихъ будетъ продолженіемъ изображенія неудобствъ и препятствій, встрѣчаемыхъ на пути жизни духовной. На этомъ пути словно удары какіе поражаютъ по временамъ душевныя силы, и онѣ отказываются дѣйствовать по требованіямъ духа. Когда поражено бываетъ чувство, тогда появляется состояніе нечувствія; когда пораженъ бываетъ умъ, тогда онъ или слѣпотствуетъ, или забывается; когда поражена бываетъ воля, тогда человѣкъ впадаетъ въ состояніе разслѣненія и неподвижности на дѣла, по тре-

бованію духа. О первыхъ двухъ сказано въ предыдущемъ стихѣ; послѣдняя же неужели пропущена? Вотъ для полноты-то изображенія сихъ пораженій можетъ быть и лучше съ блаж. Августиномъ въ настоящемъ стихѣ видѣть указаніе на пораженіе воли нехотѣніемъ.

Св. Маркъ подвижникъ всякій разъ, когда касается сихъ пораженій, выставляетъ три—невѣдѣніе или забвеніе, нечувствіе и разлѣненіе. Съ чего это начинается,—бываетъ неодинаково, но больше съ забвенія. Отъ забвенія — нечувствіе; отъ того и другаго — разлѣненіе или нерадѣніе. Это полный апоплексическій ударъ въ душѣ. Но надо имѣть въ мысли, что все это бываетъ съ людьми, стоящими на добромъ пути. О нихъ и рѣчь у св. пророка. У живущихъ по страстямъ эти три постоянно существуютъ, но не замѣчаются ими. Тѣ же, о которыхъ собственно говоритъ пророкъ, замѣчаютъ свои измѣненія на худшее, жалѣютъ о томъ и молятся; слѣдовательно, они не изъ числа работающихъ страстямъ. Они вышли изъ того рабства, и попали въ эти недобрыя состоянія случайно. Вина, конечно, въ нихъ, но рѣдко кто можетъ сказать, отъ чего именно они находятъ. Господь же милостивъ, и кто, замѣтивъ такую худобу въ себѣ, прибѣгаетъ къ Нему съ сокрушеніемъ, къ тому Онъ являетъ скоро Свое благоволеніе и возстановляетъ внутреннее его въ свойственномъ ему чинѣ.

Стихъ двадцать первый.

Запретилъ еси гордымъ: проклятіи уклоняющіися отъ заповѣдей Твоихъ.

Запретилъ — сказалъ, то-есть, не гордитесь, и сказалъ съ прещеніемъ, съ угрозою, съ опредѣленіемъ строгаго наказанія. Зачѣмъ же говорится объ этомъ?

Можетъ быть, пророкъ продолжаетъ рѣчь о препятствіяхъ къ успѣхамъ въ духовной жизни, и, сказавъ впереди о пораженіи душевныхъ силъ бездѣйствіемъ, говоритъ теперь о томъ, какъ можетъ даже самая напряженная дѣятельность быть поражена, какъ проказою, гордостію, и предостерегаетъ отъ того. Онъ говоритъ какъ бы такъ: знаю, Господи, сколько пагубна гордость и сколько она Тебѣ противна; потому молюсь: избавь меня отъ нея; иначе за нее отымешь Ты благодать Свою, а безъ благодати у меня пойдетъ паденіе за паденіемъ, и стану я въ рядъ всегда уклоняющихся отъ заповѣдей Твоихъ, и пойду подъ клятву, изреченную Тобою на нихъ: ибо проклятъ всякъ, кто не пребудетъ во всѣхъ, писанныхъ въ законѣ, *еже творити я* (Втор. 27, 26).

То правда, что для начавшихъ преуспѣвать самый опасный врагъ—самомнѣніе и гордость, въ связи съ осужденіемъ и презрѣніемъ другихъ. Добро такъ привлекательно и цѣнно въ очахъ души, что, замѣтивъ въ себѣ еще только начатки его, она ужъ и мѣры себѣ не знаетъ. Но этимъ показываетъ она лишь неопытность свою и скудость, и скоро обличается въ томъ праведнымъ судомъ Божіимъ. Господь близъ и вразумляетъ. Возмечтавшій о себѣ почти тутъ же спотыкается въ чемъ-либо, иногда не очень значительномъ. Если опомнится, дальнѣйшихъ вразумленій и не послѣдуетъ; а если не опомнится, попускается возстать страстямъ срамнымъ, дабы осязательнѣе дать почувствовать, что рука Божія, покрывавшая его, отнята, и врагамъ открытъ къ нему свободный доступъ. Это не то, что обреченіе на паденіе, а посрамленіе внутреннее передъ собою за высокое о себѣ мнѣніе. Вразумившійся въ покаяніи обращается къ Избавителю и, вступая въ чинъ уничиженныхъ, возвращаетъ себѣ и благодатный покровъ; а не вразумившійся нерѣдко падаетъ: горькое вразумленіе униженіемъ!

Такимъ образомъ, можно и такъ понимать соотношеніе сего стиха; но, кажется, прямѣе будетъ, если разумѣть стихъ этотъ не о внутреннихъ искушеніяхъ гордостію, а о внѣшнихъ искушеніяхъ отъ гордыхъ. Тогда порядокъ въ этомъ осмистишіи будетъ такой: первые четыре стиха будутъ говорить о внутреннихъ препонахъ къ преуспѣянію, а послѣдніе четыре о внѣшнихъ неблагопріятностяхъ таковому преспѣянію, источникъ которыхъ гордость сыновъ міра сего, съ презорствомъ взирающихъ на смиренныхъ труженіковъ въ дѣлѣ Божіемъ. Въ такомъ случаѣ *запретилъ еси*—надо будетъ читать—*запрети*, въ соотвѣтствіе слѣдующему—*отъими*.

Гордые, по св. пророку, почитаются образцовыми законопреступниками, ибо они, по слову его, законопреступничаютъ *до зѣла* (Пс. 118, 51). Ревнителямъ объ исполненіи всякой правды Божіей и дѣла бы до нихъ нѣтъ, потому что и возбужденіе къ жизни по Богу и поддержку ея они почерпаютъ совсѣмъ изъ другаго источника, а не въ какомъ-либо вниманіи людей міра; да и послѣднимъ лучше бы держать себя такъ же въ отношеніи къ первымъ. Но имъ не терпится: всегда встрѣчаютъ они въ порядкѣ людей Божіихъ, то съ вопросами—зачѣмъ то и то дѣлается и держится, то не рѣдко и съ требованіями отстать отъ такихъ порядковъ жизни, которые колютъ имъ глаза. Это и заставляетъ многихъ изъ ревнителей благочестія оставлять обычное сожительство и удаляться въ горы и пустыни, чтобы тамъ, или по одиночкѣ, или братствами, безпрепятственнѣе жить въ трудахъ о спасеніи и богоугожденіи. Но для другихъ неудобно такое отдаленіе, и они по необходимости остаются въ сожительствѣ съ людьми противнаго духа, терпя всѣ неудобства отъ того, наипаче въ духовномъ, а нерѣдко и въ житейскомъ отношеніи. Отъ лица ихъ-то и вопіетъ св. пророкъ: *запрети гордымъ;* сдѣлай такъ,

чтобъ они, если уже нѣтъ надежды на измѣненіе ихъ къ лучшему, не касались насъ: а такъ какъ имъ нельзя внушить этого словомъ, то дай имъ какое-либо внѣшнее вразумленіе. Тогда, видя покровъ Твой надъ нами, а себѣ готовое наказаніе, они, если не изъ благоговѣнія къ Тебѣ, не изъ уваженія къ закону Твоему и къ ревнителямъ его, то хоть изъ страха потерпѣть какое-либо зло непредвидѣнное, оставятъ насъ въ покоѣ.

Слова: *прокляти уклоняющіися отъ заповѣдей Твоихъ* иначе переводятся такъ: запрети гордымъ,—этимъ подпадающимъ подъ клятву за уклоненіе отъ заповѣдей Твоихъ, или этимъ уклоняющимся отъ заповѣдей Твоихъ и тѣмъ навлекающимъ на себя положенную за то клятву. Такой переводъ какъ будто лучше подходитъ къ теченію рѣчи: но и обычный переводъ не представляетъ ничего затруднительнаго въ этомъ отношеніи. Выйдетъ такъ: запрети гордымъ, потому что вѣдь уже положено правдою Твоею быть подъ клятвою тѣмъ, кои уклоняются отъ заповѣдей Твоихъ.

Стихъ двадцать второй.

Отъими отъ мене поносъ и уничиженіе, яко свидѣній Твоихъ взыскахъ.

Люди міра сначала не обращаютъ вниманія на людей Божіихъ, обнаруживая къ нимъ лишь холодность, смѣшанную съ презрѣніемъ и нескрываемою непріятностію встрѣчаться съ подобными людьми; но потомъ начинаютъ поносить ихъ и уникать, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые ближе къ нимъ и больше другихъ обнаруживаютъ твердости въ слѣдованіи однажды принятому образу жизни. Люди Божіи готовы все это терпѣть, и терпятъ молча, пока это остается безъ вреда для самаго пути Божія, по которому они идутъ. Но когда уже дѣ-

ло доходитъ до этого, то они возвышаютъ голосъ, только не предъ людьми, а предъ Тѣмъ, Кто назираетъ всѣ пути человѣческіе, и просятъ Его снять съ нихъ поносъ и уничиженіе ради того, что отъ нихъ онъ переходитъ и на тѣ свидѣнія, которыхъ они взыскуютъ.

Слова: *яко свидѣній Твоихъ взыскахъ,* можно относить и къ *отъими*. Отъими поношеніе, потому что я свидѣній Твоихъ ищу; я Твой, Твоей волѣ слѣдую, Твои повелѣнія исполняю; защити же, такъ какъ Ты обѣщалъ не давать Своихъ въ обиду. Можно относить ихъ и къ *поношенію и уничиженію:* за то, что я свидѣніямъ Твоимъ въ точности слѣдую, меня всячески поносятъ и уничижаютъ,—избавь же меня отъ этого, ибо чрезъ это путь Твой хулится.

Чиста молитва только въ послѣднемъ смыслѣ; но не неумѣстна она и въ первомъ, не по немощамъ только естества, но и по нуждамъ нравственнымъ. Кто не знаетъ, какимъ подавляющимъ гнетомъ ложится на душу поношеніе! Оно подрываетъ энергію въ самыхъ энергичныхъ и разслабляетъ самыя многодѣльныя руки и ноги. И вотъ, какъ сдавленный естественно ищетъ простора, такъ и эта душа вопіетъ: отъими, Господи, эту тяготу! Она вяжетъ мнѣ руки и ноги, и я двинуться не могу впередъ. И это дѣлается не потому, что нѣтъ терпѣнія, ибо поношеніе уже терпится, а ищется только исходъ изъ непріятнаго положенія, и ищется именно тамъ, гдѣ единственно и искать его можно, то-есть, отъ Того, въ рукѣ Котораго судьбы всѣхъ людей. Такая молитва не плодъ нетерпѣнія, а свидѣтельство вѣры и упованія. Съ другой стороны, и то возможно, что отъ тяготы подорвется энергія къ жизни по Богу, а отъ этого подрыва раздражатся и возстанутъ замершія было страсти и навыки. Боящійся паденій и вопіетъ: избави; я ищу свидѣній Твоихъ, но и боюсь, какъ бы не разслабнуть и не пасть.

Впрочемъ, въ этомъ воззваніи можетъ быть и такой смыслъ: отъими подавляющее дѣйствіе поношенія и уничиженія, дай силу быть къ нему равнодушнымъ и держать себя такъ, какъ бы его не было. Если такой оборотъ молитвы не неумѣстенъ, то, въ поддержаніе мужественнаго перенесенія безславія, можно собирать въ умѣ представленія, могущія усилить такую рѣшимость и придать мужества. Поношеніе здѣшнее избавляетъ отъ посрамленія на страшномъ судѣ. Насколько потерпишь эту напраслину здѣсь, настолько ублаженія приготовишь себѣ тамъ. Путь поношенія—не запустѣлый какой-нибудь, по которому кто-кто проходитъ; онъ тѣсно полонъ шествующими по нему. Всѣ святые прошли имъ, и впереди всѣхъ Самъ Началовождь Господь; значитъ, идти по нему не должно быть скучно. Къ тому же, никакой пластырь такъ скоро не вытягиваетъ дурныхъ соковъ злокачественнаго нагноенія тщеславія, самовозношенія и гордости, какъ поношеніе. Имѣя все это въ мысли, можно молиться: отъими разстраивающую силу у поношенія; а поносить, пусть поносятъ. Буду сидѣть, покрытый этимъ посрамленіемъ, какъ обложенный пластыремъ. Это, наконецъ, сдѣлаетъ меня болѣе способнымъ исполнять свидѣнія Твои, Господи, которыя я вседушно взыскалъ.

Стихъ двадцать третій.

Ибо сѣдоша князи, и на мя клеветаху, рабъ же Твой глумляшеся во оправданіихъ Твоихъ.

Это третья степень непріязненныхъ отношеній сыновъ вѣка къ сынамъ Божіимъ. За поношеніемъ и униженіемъ слѣдуютъ совѣщательные замыслы, собиранія клеветъ, конечно, не на добро. Премудрый и истолковываетъ эти засѣданія князей вѣка такъ: *скрыемъ въ землю мужа праведна неправедно, пожремъ же его, якоже адъ, жива, и возмемъ память его отъ земли* (Прит. 1, 11. 12).

Хотя и сознаютъ, что возстаютъ на праведнаго неправдою; но, желая придать своему злодѣйству видъ правды, собираютъ клеветы. Такъ собирали лжесвидѣтельства и на Христа Спасителя. Кого намѣтитъ злоба человѣческая, того ужъ не перестанетъ преслѣдовать до конца: ее поджигаетъ врагъ всякаго добра, и она покоя не имѣетъ, пока не достигнетъ желаемаго—насытиться злодѣяніемъ.

Но да не возглаголютъ уста наша дѣлъ человѣческихъ! Господь да избавитъ всякаго отъ такихъ вопіющихъ дѣлъ! Что же дѣлать тѣмъ, кому угрожаетъ что-либо подобное? А вотъ что: *рабъ же Твой*, говоритъ пророкъ, *глумляшеся во оправданіихъ Твоихъ*. Вотъ ужъ онъ и не молится: „отъими, или отврати“, но въ сердцѣ своемъ предалъ себя въ жертву своенравной злобѣ, и, не обращая на нее вниманія, дѣлаетъ свое дѣло, всеусердно изслѣдуетъ оправданія Божіи, чтобы точнѣе исполнять ихъ. Такъ и всякому надобно дѣйствовать: пусть злоба злится, а ты свое дѣлай; *Бога бойся и заповѣди Его храни* (Екл. 12, 13).

Изъ такого отношенія св. пророка къ напраслинамъ вытекаетъ убѣжденіе, что наикрѣпчайшая поддержка перенесенія ихъ есть свидѣтельство совѣсти въ томъ, что къ такимъ нападкамъ не подано никакого повода. Кто можетъ сказать въ себѣ предъ лицомъ Бога: изслѣдую оправданія Твои, сличаю съ ними жизнь свою, и не нахожу вины въ себѣ,—того напраслины должны только веселить, какъ истолковываетъ это св. апостолъ Петръ: *аще укоряеми бываете о имени Христовѣ, блажени есте: яко славы и Божій Духъ на васъ почиваетъ: онѣмъ убо хулится, а вами прославляется. Да не кто убо отъ васъ постраждетъ яко убійца, или яко татъ, или яко злодѣй, или яко чуждопосѣтитель: аще ли же яко Христіанинъ, да не стыдится, да прославляетъ же Бога въ части сей*

(1 Петр. 4, 14—16). За что же да прославляетъ Бога? За то, что, по Его опредѣленію, *блажени изгнани правды ради: блажени* тѣ, кого *поносятъ и ижденутъ, и рекутъ всякъ зълъ глаголъ* на нихъ, Господа ради. Имъ уже уготована великая мзда на небесахъ, въ увѣренности о которой они отсюда могутъ радоваться и веселиться не самопрельщенно.

Но, съ другой стороны, тѣ же оправданія Божіи свидѣтельствуютъ, что нѣтъ человѣка безъ грѣха, и что если, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, совѣсть можетъ вѣрно свидѣтельствовать о невиновности, то, вообще, невиннымъ признать никого она не можетъ. Не теперь, такъ прежде сдѣлано что-нибудь, требующее должнаго воздаянія; вотъ оно-то и пришло подъ видомъ напраслины. Милость Божія устроила такъ ради того, чтобы подвергнуть человѣка очистительному страданію здѣсь, во времени, и избавить отъ наказанія въ вѣчности. Сторонніе не могутъ видѣть такого соотношенія внѣшняго съ внутреннимъ: все это дознается и исповѣдуется во внутреннемъ святилищѣ совѣсти, предъ лицомъ Всевидящаго Бога. Но кто дозналъ это и исповѣдалъ Божію правду въ настоящемъ, прозрѣвая вмѣстѣ и въ соотношеніе его къ вѣчному, тотъ не можетъ не радоваться, встрѣчая напраслины, какъ бы онѣ горьки ни были. Невидимое и будущее онъ объемлетъ, какъ настоящее, и, за обиліемъ блаженства чаемаго, не чувствуетъ всей горечи текущихъ скорбей. И это благо терпящимъ скорби и напасти прибываетъ по мѣрѣ того, какъ углубляются они въ оправданія Божіи. Тамъ они ясно зрятъ эти законы правды Божіей, и находятъ въ нихъ утѣшеніе себѣ.

Но христіанинъ, углубляясь въ оправданія Божіи, находитъ тамъ нѣчто бо́льшее, сравнительно съ ветхозавѣтнымъ, именно, заповѣдь о любви ко врагамъ. Лю-

бовь ко врагамъ заповѣдуется не къ тѣмъ только, со стороны которыхъ нападки прошли и уже отчасти забыты, но и къ тѣмъ, злоба коихъ испытывается,—заповѣдуется любить ихъ въ то время, какъ бьютъ, рѣжутъ, грабятъ, и любить не такъ, какъ иные говорятъ: „я ему зла не желаю и не дѣлаю, только видѣть его не могу", а любить по всему свойству чувства любви. Кто, углубляясь въ оправданія Божіи, нападетъ на это чувство, тотъ почерпнетъ изъ него такое благодушіе, которое отгонитъ всякую горечь непріязненности, такъ что и слѣда ея не будетъ. Примѣры этого видимъ во многихъ мученикахъ. Они бывали и во всѣ времена; а если осмотрѣться, то и теперь ихъ увидимъ.

Стихъ двадцать четвертый.

Ибо свидѣнія Твоя поученіе мое есть, и совѣти мои оправданія Твоя.

Св. пророкъ выставляетъ причину, почему онъ, когда видитъ, что враги сплетаютъ клеветы во зло ему, углубляется въ оправданія Божіи: такое ужъ у меня правило, говоритъ онъ, тамъ поучаться и тамъ искать себѣ совѣта.

Словомъ—*поученіе* переведено такое слово, которое собственно значитъ—въ сладость перебирать въ умѣ или повторять языкомъ реченія Божественнаго слова, и вслѣдствіе того находить утѣшеніе въ нихъ.

Совѣти — совѣтники, или собраніе разбирающихъ какое-либо дѣло. Св. пророкъ, въ противность засѣданію князей вѣка, учреждаетъ свое, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ страха Божія и совѣсти, умъ находитъ въ словѣ Божіемъ рѣшеніе—какой образъ дѣятельности должно противопоставить злодѣйскимъ замысламъ враговъ. Такимъ образомъ, свидѣнія и оправданія Божіи, вообще Божіе слово для него и служитъ утѣшеніемъ и руко-

водственнымъ вразумленіемъ въ притрудностяхъ, встрѣчаемыхъ на пути богоугодной жизни.

Нужно ли говорить, что лучшаго образа дѣйствованія и придумать нельзя? И во внутреннихъ и во внѣшнихъ тѣснотахъ, иди къ слову Божію: оно выведетъ тебя на свѣтлую и просторную дорогу, научивъ безбѣдно обходить встрѣтившіяся затрудненія. При этомъ немногое надо приложить отъ себя,—одну совершенную покорность велѣніямъ Божіимъ, и чего бы онѣ ни потребовали, съ готовностію жертвовать всѣмъ въ удовлетвореніе имъ. Такое настроеніе есть каналъ, по которому изъ слова Божія изливается въ душу благопотребное ей въ то или другое время, потому что тутъ же присутствуетъ и Изрекавшій это слово и Видящій нужды ищущихъ въ Немъ руководства себѣ, и умѣющій печатлѣть въ умѣ и совѣсти уроки Своей дивной премудрости. Св. Исаакъ Сиріанинъ говоритъ: „Божественною благодатію путеводимые въ жизни своей къ просвѣщенію всегда ощущаютъ, что какбы умный какой лучъ проходитъ по стихамъ написаннаго, и отличаетъ уму голыя слова отъ того, что душевному вѣдѣнію сказано съ великою мыслію“ (Сл. 1, стр. 7). „Если умъ, продолжаетъ онъ, плаваетъ на поверхности моря Божественныхъ Писаній, и не можетъ проникнуть мыслей Писанія до самой глубины, уразумѣть всѣ сокровища, таящіяся во глубинѣ его, то и того уже, что умъ занятъ рвеніемъ къ уразумѣнію Писанія, достаточно для него, чтобы единымъ помышленіемъ о досточудномъ водительствѣ Божіемъ крѣпко связать свои помыслы и воспрепятствовать имъ; тогда какъ сердце немощно и не можетъ вынести озлобленій, встрѣчающихся при внѣшнихъ и внутреннихъ браняхъ.“

Этотъ стихъ хотя связанъ видимо только съ предыдущимъ, но силу его можно распространить на все осмистишіе, такъ какъ въ словѣ Божіемъ сокрыто врачевство

и противъ внутреннихъ, указанныхъ выше, пораженій ослѣпленіемъ, забвеніемъ, нечувствіемъ, нерадѣніемъ или разлѣненіемъ. И замѣтить-то ихъ, навесть на мысль, что онѣ есть въ душѣ, даетъ слово Божіе; а потомъ оно же поможетъ и выйти изъ этихъ дурныхъ состояній, и силою своего вліянія и нужными указаніями. Равно и во внѣшнихъ всѣхъ помѣхахъ пути Божію оно же даетъ умѣніе, какъ быть. Потому-то, какъ хорошо дѣлаютъ тѣ, которые всякій день посвящаютъ нѣсколько времени чтенію Божественнаго Писанія, освѣщаемому внимательною молитвою! И сами того не замѣчая, они созидаются и настроиваются на богоугодное дѣйствованіе, или заготовляютъ въ запасъ помышленія, которыя, въ часъ нужный, сами выйдутъ изъ сердца и укажутъ нужный на тотъ разъ образъ слова и дѣла.

Вотъ и третье осмистишіе располагается все естественно по одной мысли. Такимъ образомъ, наведеніе, что и всѣ онѣ составлены такимъ же образомъ, пріобрѣтаетъ большую достовѣрность. Всячески это налагаетъ обязательство искать въ каждомъ осмистишіи единства, и, когда не найдется оно, приписывать то своей недозоркости, а не тому, чтобы его не было на самомъ дѣлѣ.

ЧЕТВЕРТОЕ ОСМИСТИШІЕ.

Четвертое осмистишіе характеризуется буквою *далетъ*—дверь.

Съ этимъ словомъ приходятъ на умъ умилительныя пѣсни Церкви: *Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче,* или: *Милосердія двери отверзи намъ, благословенная Богородице.* Покаяніе и есть содержаніе предлежащаго осмистишія. Дидимъ говоритъ: „пророкъ беретъ здѣсь лицо кающагося грѣшника,“ и съ нимъ проходитъ весь путь обращенія, съ перваго пробужденія совѣсти до

рѣшительнаго вступленія на путь заповѣдей, чтобы, на случай, если кто вздумаетъ покаяться, видѣлъ онъ путь, котораго должно держаться въ этомъ первѣйшемъ дѣлѣ.

Въ дѣлѣ духовной жизни есть много дверей. Каждая степень въ ней имѣетъ свою дверь, минуя которую нельзя вступить на нее. Начальныя — это дверь изъ грѣха, и дверь вступленія въ правый путь. Онѣ, повидимому, такъ нераздѣльны, что исходъ изъ одной жизни и входъ въ другую совершаются чрезъ одну и ту же дверь: на дѣлѣ же онѣ отстоятъ одна отъ другой, и иногда на очень большое разстояніе. Между ними есть промежутокъ, который надобно пройти осторожно, будто корридоръ темный. Эти три момента и изъясняются въ настоящемъ осмистишіи. Дверь покаянія—ст. 25—27; переходъ, ст. 28. 29;—дверь въ правую жизнь—ст. 30—32.

Стихъ двадцать пятый.

Прильпе земли душа моя: живи мя по словеси Твоему.

Это первый вопль грѣшника по пробужденіи отъ сна грѣховнаго. Грѣхъ и страсти имѣютъ сѣдалище и опору въ плоти, а пищу, удовлетворяющую ихъ, находятъ въ чувственныхъ земныхъ вещахъ и въ суетныхъ обольстительныхъ обычаяхъ вѣка сего. Грѣшникъ втягивается во все это, и, пока работаетъ грѣху, не можетъ не только почувствовать, но даже видѣть, какъ неестественно его положеніе. Но когда, благодатію Божіею, пробуждается отъ усыпленія; то первое, что ему тѣснится въ сознаніе, это—униженіе, какому подверглась въ немъ его богоподобная душа: „до чего я довелъ себя!.. Мнѣ слѣдовало бы вращаться на небѣ, въ Богѣ и вещахъ божественныхъ, а я пресмыкаюсь по землѣ, валяюсь въ земномъ, и оторваться отъ этого не хочу.“

Норма жизни человѣка—жизнь въ Богѣ духомъ, привлекающая туда же и жизнь души съ тѣломъ. Въ духѣ—образъ Божій. Свидѣтельствуется онъ дѣйствіемъ страха Божія и совѣсти и недовольствомъ ничѣмъ земнымъ. Это—требованія жизни духовной. Исполняются онѣ дѣйствіями души и тѣла, и когда исполняются, тогда человѣкъ всѣмъ естествомъ своимъ восходитъ къ богоподобію; а когда не исполняются, тогда беретъ верхъ душевно-тѣлесность, и требованія духа слабѣютъ и слабѣютъ до того, что какъ бы совсѣмъ замираютъ, и человѣкъ становится словно не человѣкъ, словно и жизнь-то въ немъ только что тѣлесная. Какъ потомъ пробуждается духъ,—это тайна Божія. Но, пробудившись, онъ побѣдоносно возвышаетъ голосъ свой; прежде господствовавшая душевно-тѣлесность смиряется и смолкаетъ, оставляя полный просторъ дѣйствовать тому сознанію, что, состоя подъ ея гнетомъ, человѣкъ не тѣмъ былъ, чѣмъ бы слѣдовало ему быть. Отсюда вопль: „увы! *прильпе земли душа моя!*“ Это очень похоже на жалобу пришедшаго въ себя блуднаго сына: *азъ же гладомъ гиблю* (Лук. 15, 17).

Прекрасно изображаетъ это состояніе св. Амвросій, въ лицѣ падшаго праотца нашего. „Подъ землею разумѣется вещественное. Человѣкъ, уклонившись отъ заповѣди Божіей, склонился на вещественное и плотское, и исполнила его любовь къ вѣку сему. Изверженный за это изъ рая, восхитительнаго мѣста сладости, на эту землю бѣдную, Адамъ оплакиваетъ себя, говоря: *прильпе земли душа моя*. Въ другомъ мѣстѣ тоже выражаетъ пророкъ такъ: *смирися въ персть душа моя, прильпе земли утроба моя* (Пс. 43, 26). Это голосъ приносящаго покаяніе. Прежде, блаженствуя и питаясь небеснымъ, не зналъ онъ заботъ и нуждъ житейскихъ, а нынѣ—согбенъ подъ тяжестію печалей вѣка сего, увлекаемый похотями плоти и любоиманіемъ. Такъ бы и оставался падшій всег-

да прикованнымъ къ землѣ, будучи не въ силахъ подняться горѣ, еслибы Христосъ не поднялъ его крестомъ Своимъ. И донынѣ остается такимъ всякій, кто удаляется отъ Христа. Но тотъ, кто внялъ гласу Христову: *гряди по Мнѣ*, не будетъ болѣе прилѣпляться къ землѣ. Земля—плоть и духъ міра плѣняютъ насъ нѣкоторыми блудничными приманками, подрумянивая лица страстей плотскими сластями, чтобы скрыть непривлекательную дѣйствительность и красивою наружностію обольщать приближающихся. Но когда на время обманутое внутреннее око ума стрясетъ прахъ, помрачавшій его, тогда спадаетъ и прикраса съ страстей, и усматривается, какъ призрачны прелести вѣка сего. Итакъ, не низводи въ персть смерти душу свою, которую Богъ почтилъ естественною нѣкоторою высотою, и далъ ей силу возбуждаться и возноситься горѣ. Въ союзѣ души съ тѣломъ сокрыто естественное таинство жизни нашей; и душа будто невольно льнетъ къ землѣ и земному, частію потому, что оно есть временное жилище наше, частію потому, что тѣло наше изъ земли. Но будь твердъ и молись съ апостоломъ избавить тебя отъ тѣла смерти сея (Рим. 7, 24). Будемъ ходить въ волѣ Божіей, чтобы можно было сказать о насъ, что мы прилѣплены къ Богу. Кто живетъ по влеченію плоти, тотъ плоть есть, а кто живетъ по заповѣдямъ Божіимъ, тотъ духъ есть. Да не будетъ же душа наша плотію, не допустимъ, чтобъ и о насъ было сказано: *плоть суть*, какъ сказано было о тѣхъ,. кои привлекли на себя казнь потопную (Быт. 6, 3). Но скорѣе, плоть наша да станетъ душевною, заслуживъ это имя покорностію велѣніямъ души. Справедливо сравниваются съ ангелами тѣ, которые чуждаются похотей плотскихъ. Они—плоть, но не суть во плоти, а въ духѣ, каковы были тѣ, къ коимъ сказалъ апостолъ: *вы же нѣсте во плоти, но въ дусѣ* (Рим. 8, 9). Итакъ, воз-

чувствовавъ униженіе души, преклоненной похотьми до праха, молись, да будетъ она оживлена, по слову Господа, Который влечетъ къ Себѣ души, отвлекая ихъ отъ земли. Живится же та душа, которая пошла путемъ Христовымъ. Она стала мертва грѣху, жива же Богу, послѣ того, какъ, спогребшись Христу, стала въ Немъ праведною."

Блаж. Августинъ видитъ здѣсь вопль не человѣка, въ первый разъ обращающагося отъ грѣха, но уже идущаго путемъ добродѣтели и чувствующаго прираженія плотскихъ земныхъ влеченій. Впереди, говоритъ, сказалъ пророкъ: *рабъ же Твой глумляшеся во оправданіихъ Твоихъ,—свидѣнія Твоя поученіе мое есть;* а здѣсь говоритъ: *прильпе земли душа моя.* Не то ли должны мы изъ сего уразумѣть, что сколько бы кто ни преуспѣвалъ въ оправданіяхъ Господнихъ, всегда въ немъ остается пристрастіе смертной плоти къ земному, чего ради и есть искушеніе житіе человѣку на землѣ (Іов. 7, 1); и что отъ этой мертвящей земляности, если не перестаетъ преуспѣвать, каждодневно болѣе и болѣе оживаетъ онъ, будучи животворимъ Тѣмъ, Чьею благодатію внутренній нашъ человѣкъ обновляется по вся дни (2 Кор. 4, 16). Апостолъ, когда говорилъ, что, живя въ тѣлѣ, отходимъ отъ Господа (тамъ же 5, 6), и когда самъ желалъ разрѣшиться и быть со Христомъ (Фил. 1, 23), не на эту ли прилипчивость къ землѣ указывалъ? Потому-то здѣсь въ словѣ пророка не неприлично разумѣть подъ землею тѣло, какъ отъ земли сущее. И на него, поколику оно еще тлѣнно и обременяетъ душу (Прем. 9, 15), можно жаловаться Богу: *прильпе земли душа моя, живи мя!* Правда, мы не безъ тѣлъ нашихъ и въ вѣчности со Христомъ будемъ (1 Сол. 4, 13—16); но тогда онѣ, не будучи тлѣнны, не будутъ и душъ обременять. Тамъ не души къ тѣламъ, а тѣла къ душамъ будутъ бо-

лѣе прилѣпляться, души же къ Богу. Тамъ тѣла будутъ жить изъ душъ, прилѣпляясь къ нимъ, а души будутъ жить изъ Бога, къ Коему прилѣпляться для нихъ благо есть, какъ увѣряетъ пророкъ въ другомъ мѣстѣ: *мнѣ же прилѣплятися Богови благо есть* (Пс. 72. 28). Пророкъ, впрочемъ, жалуется не на союзъ души съ тѣломъ, а на плотскую похоть, воюющую чрезъ тѣло на духъ (Гал. 5. 17), и, вопія такимъ образомъ, не разрѣшенія отъ тѣла желаетъ, а того, чтобы похоть эта болѣе и болѣе умалялась, сила же духа надъ нею болѣе и болѣе возрастала, пока, наконецъ, та совсѣмъ изсякнетъ, а сей достигнетъ въ мѣру совершенства даннымъ намъ Духомъ Святымъ.

Сознавъ неестественное прилѣпленіе свое къ землѣ, духъ вопіетъ къ Богу: *живи мя*. Оживленія ищетъ связанный узами смерти и чувствующій свою мертвенность. Пророкъ то же самое говоритъ этимъ: „мертвъ я,— оживи мя.“ Прилѣпленіе къ землѣ и земному есть смерть духа: но онъ уже вопіетъ, уже въ движеніи, уже ожилъ,— ожилъ, но лишь настолько, чтобы сознать оковывающую его мертвенность грѣха и страстей. Нѣтъ еще въ немъ силы разорвать эти узы, желаетъ онъ вырваться изъ нихъ, но чувствуетъ, что они настолько крѣпки, что ему не сладить съ ними; потому-то и молится къ Богу о животворной силѣ. Это второй шагъ къ отверзающейся двери покаянія. Благодать приходитъ и возбуждаетъ; пробужденный сознаетъ худость состоянія своего; дѣйствіе благодати на первый разъ этимъ и ограничивается. Далѣе духу самому предлежитъ возжеланіе выйти изъ своего худаго состоянія; возжелавши—рѣшиться на то; рѣшившись, принять должныя мѣры, и затѣмъ приступить къ самому дѣлу. Возжеланіе, рѣшимость, готовность на всѣ мѣры—все это идетъ хорошо въ духѣ, въ мысленныхъ дѣйствіяхъ души; но коль скоро надо при

ступить къ дѣлу, то не оказывается настолько энергіи въ нравственныхъ силахъ человѣка, чтобъ онъ могъ привесть въ исполненіе задуманное и рѣшенное. *Живи мя*,— это молитва о притокѣ благодатныхъ силъ для воодушевленія духа и исполненія его дѣйственною энергіею къ противленію земнымъ влеченіямъ и привычкамъ. Благодать Божія всегда присуща, тѣмъ паче благодать, уже возбудившая духъ, но она не входитъ самовластно въ душу, пока она сама не отверзетъ ей входа сознаніемъ своего безсилія и богопреданною молитвою. „*Живи мя;* я готовъ; жажду тебя, какъ сухая земля жаждетъ дождя.“

„По *словеси Твоему*, значитъ тоже, что по обѣтованію Твоему“, говоритъ блаж. Августинъ, „Когда, поясняетъ Анѳимъ, преступивъ заповѣдь, согрѣшилъ я,— *прильпе земли душа моя*, и объяла меня смерть, по причинѣ раздѣленія съ Тобою и отдѣленія отъ Тебя, Живодавче Господи. Но вотъ я каюсь, оживотвори же меня по слову Твоему, что будешь милостивъ къ кающимся, не желая смерти грѣшника.“

Стихъ двадцать шестой.

Пути моя возвѣстихъ: и услышалъ мя еси: научи мя оправданіемъ Твоимъ.

Того, кто взыскалъ оживленія, благодать Божія готова преисполнить своею животворною силою. Но въ царствѣ Божіемъ, въ жизни, созидаемой Богомъ, все совершается своимъ порядкомъ, въ свое время. Жизнь благодатная не возобновляется въ душѣ грѣшника иначе, какъ по исповѣданіи имъ грѣховъ своихъ и полученіи разрѣшенія въ таинствѣ покаянія. Возбужденный благодатію грѣшникъ вожделѣваетъ богоугодной, чистой жизни; для этого, пересмотрѣвъ всѣ свои непотребства, оплакива-

етъ ихъ въ сердцѣ своемъ и съ сокрушеніемъ исповѣдуетъ Богомъ поставленному рѣшителю нравственныхъ узъ, полагая твердое намѣреніе ходить уже неуклонно въ заповѣдяхъ Божіихъ. Подъ дѣйствіемъ разрѣшенія, благодать Божія посѣщаетъ пустовавшее, по причинѣ грѣха, сердце, и жизнь духовная оживаетъ. Получивъ такое благодатное оживленіе, въ чувствѣ крѣпости о Господѣ, онъ готовъ теперь на всякое богоугодное дѣло и на всякій въ этомъ родѣ трудъ, только бы ему знать, что то-то и то-то дѣйствительно угодно Богу и спасительно. Всѣ эти измѣненія или повороты въ духѣ кающагося и изображаетъ пророкъ въ настоящемъ стихѣ. *Пути моя возвѣстихъ* — значитъ, исповѣдалъ грѣхи мои; *услышалъ мя еси* Ты, Господи, принялъ мою исповѣдь и простилъ мнѣ всѣ грѣхи мои, — *научи* же теперь *мя оправданіемъ Твоимъ*,— укажи, что именно дѣлать, чтобы не сдѣлать мнѣ погрѣшности, — а я готовъ, пріявъ уже Твою благодатную помощь.

Пути моя возвѣстихъ, стало-быть, пути недобрые, какъ замѣчаетъ блаж. Августинъ. Свои пути у человѣка тѣ, коими ходитъ онъ въ угоду себѣ и своимъ пожеланіямъ,—пути, противоположные путямъ Божіимъ, идущій которыми непремѣнно идетъ на перекоръ себѣ и своимъ склонностямъ и привычкамъ. Св. Амвросій пишетъ: „надобно знать, что значитъ ходить своими путями, и что—путями Божіими. Кто творитъ волю плоти и живетъ въ утѣхахъ міра сего, тотъ ходитъ своими путями, услаждается ими и радъ имъ; кто же ищетъ не того, что ему желательно, а того, что угодно Богу, тотъ идетъ путемъ Господнимъ. Такимъ образомъ ясно, что пути наши—одно, а пути Божіи—другое. Кто хочетъ идти путями Божіими, тотъ пусть знаетъ, что ему слѣдуетъ прежде оставить свои пути,—пути плоти и всѣ

мудрованія вѣка сего: оставляя же ихъ, исповѣдать передъ Богомъ, ничего не утаивая."

Такимъ образомъ, говоритъ св. Иларій, „возвѣщеніе это въ словахъ—*пути моя возвѣстихъ*, не есть похвала, но покаянное исповѣданіе грѣховъ своихъ. Онъ исповѣдалъ грѣхи свои для того, чтобы, послѣ сего исповѣданія, сдѣлаться способнымъ къ пріятію и обученію оправданіямъ Божіимъ."

Исповѣдающій грѣхи получаетъ прощеніе: *и Ты услышалъ мя еси*. Въ другомъ мѣстѣ изображаетъ Пророкъ эту неизреченную милость Божію полнѣе: *беззаконіе мое познахъ и грѣха моего не покрыхъ: рѣхъ: исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви, и Ты оставилъ еси нечестіе сердца моего* (Пс. 31, 5). Такое благостынное обѣтованіе Божіе вошло потомъ въ законъ вѣщаній Духа, какъ преподаетъ св. Исаія отъ лица Божія: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ис. 43, 26). Условіе прощенія—искренность исповѣди, безжалостной къ себѣ, ничего ни прикрывающей, обличающей себя во всей наготѣ, представляющей человѣка кающагося такимъ, какимъ зритъ его встревоженная и благодатію просвѣщенная совѣсть. Въ такой только исповѣди—надежда исправленія послѣдующаго.

„Оставляя грѣхи свои, говоритъ св. Амвросій, Давидъ возвѣщаетъ ихъ предъ Богомъ, ничего не умалчивая, исповѣдуется, не утаивая паденій. Кто такимъ образомъ не прикрываетъ своихъ грѣховъ, тотъ, очевидно, болѣзнуетъ самъ въ себѣ о томъ, что̀ дѣлалъ, и бросаетъ въ діавола, что̀ онъ внушалъ. Кто себя осуждаетъ, тотъ хоть и грѣшенъ, но уже началъ быть праведнымъ, потому что правду говоритъ о себѣ, не щадя себя, и въ этомъ исповѣдуетъ Божіе правосудіе, предъ которымъ не считаетъ возможнымъ прикрыть что-либо. О, когда бы Адамъ восхотѣлъ скорѣе обвинить себя, чѣмъ прикрывать!"

Увѣренность въ помилованіи стоитъ на переходѣ къ правой жизни. Надо пройти эту дверь милосердія, чтобы вступить въ путь жизни по Богу. Неиспытавшій сего подавляется безнадежностью, убивающею всѣ ростки жизни. У испытавшаго сердце расширяется, и всѣ силы приходятъ въ напряженіе. Это есть слѣдствіе не однихъ нравственныхъ измѣненій, а вмѣстѣ, какъ уже выражено, и притока благодатныхъ силъ, которымъ разрѣшеніе отверзаетъ дверь въ сердце, опорожненное предъ тѣмъ искреннею исповѣдію. Исповѣдающійся говоритъ: „согрѣшилъ, не буду: только Ты помоги и не оставь меня." Ощутивъ осѣненіе силы Божіей, по разрѣшеніи грѣховъ, онъ въ радости возглашаетъ: *и Ты услышалъ мя еси.*

Научи мя оправданіемъ Твоимъ. Дверь распахнулась; поприще новой жизни открыто,—но оно испещрено разнообразными тропами. Не всякому по всѣмъ имъ должно проходить, а всякому своими, ему подходящими. Какими же? Такими, какими знаетъ одинъ Тотъ, Кто есть устроитель всего спасеннаго сего пути. Но кто укажетъ ихъ, кромѣ Его? Отсюда и вопль: *научи мя оправданіемъ Твоимъ;* научи не только куда пойти и что сдѣлать, но и какъ пойти и какъ сдѣлать.

„Не довольно исповѣдать грѣхи, говоритъ св. Амвросій; мы желаемъ и исправиться, по сему и просимъ Бога научить насъ оправданіямъ Своимъ, чтобы послѣ опять не погрѣшить какъ-нибудь. Пророкъ проситъ быть наученнымъ отъ Господа, потому что Онъ одинъ есть учитель нашъ, по Его собственнымъ словамъ (Мѳ. 23, 8)." Августинъ прибавляетъ къ сему: „исповѣдалъ я Тебѣ, Господи, недобрые пути свои. Ты простилъ меня, теперь научи же меня Твоимъ путямъ, да такъ научи, чтобы я не зналъ только, но и дѣлалъ, что должно дѣлать. Какъ о Господѣ сказано, что Онъ не зналъ грѣха (2 Кор. 5, 21) въ той мысли, что не дѣлалъ,—такъ, наоборотъ.

истинно знающимъ правду должно почитать того, кто дѣлаетъ и исполняетъ."

Научи—будетъ значить, по этому смыслу, обучи. Какъ дѣтей учатъ ходить, взявши за руки и заставляя ихъ переступать ножонками, такъ и благодать обучаетъ ступаніямъ въ духовной жизни, вѣрнымъ, безошибочно ведущимъ къ цѣли. Условіе одно—вниманіе къ себѣ и преданность невидимому водительству. Неложно то, что обѣтовано: *будутъ вси научени Богомъ* (Ін. 6, 45). Всѣ избранники Божіи, свѣтлости жизни которыхъ дивимся мы, были непосредственно учимы и руководимы Духомъ Божіимъ; отъ того они и шли прямо, не уклоняясь ни направо, ни налѣво. И то дивно, что, смотря на нихъ со стороны, не можемъ не изумляться притрудностямъ шествія ихъ; а сами они ни мало не замѣчали этой шероховатости пути: шли себѣ спокойно, даже съ услажденіемъ. Сила жизни о Христѣ Іисусѣ поглощала все, могущее казаться непріятнымъ.

Но отъ чего же не всѣмъ преподается такая наука? Отъ чего не всѣмъ даруется такое обученіе, ниспосылается такое облегчающее руководство? Ихъ будто на рукахъ носитъ благодать, а мы словно заброшены. Нѣтъ,—не мы брошены, а мы бросили. Возъимѣй такое же самоотверженіе и ненадѣяніе на себя и на что бы то ни было, кромѣ Бога; предай себя всецѣло въ волю Божію, положивъ себя въ руки благодати Божіей,—она и тебя понесетъ какъ носила чтимыхъ тобою дивныхъ святыхъ. А то тебѣ подана была рука: ты взялся за нее, немножко прошелъ, водимый и поддерживаемый ею, не терпя непріятностей ни отъ трясинъ, ни отъ колючекъ; потомъ, подумавъ, что ужъ ты и самъ съумѣешь и идти и дорогу выбирать,—оторвался отъ мощной руки, поддерживающей тебя, и остался одинъ съ своими смышленіями и догадками. Вотъ и кружишься ты

среди колючекъ и болотъ, вязнешь, уязвляешься,—а кто виноватъ? Трудишься и потѣешь, а толку нѣтъ. Все отъ самочинія, самонадѣянности и ложнаго сознанія силы о себѣ самомъ, а не о Господѣ. Развѣ такой путь святыхъ?... Чтожъ и удивляться, что и плодъ не тотъ? Богъ хочетъ всѣмъ спастись; но не всѣ хотятъ спасаться такъ, какъ Богъ хочетъ ихъ спасать.

Все содержаніе этого стиха блаж. патріархъ іерусалимскій Анѳимъ изображаетъ такъ: „Преданный плотскимъ страстямъ и ходящій путемъ похотей своихъ совершаетъ пути свои; а кто обуздываетъ ихъ и живетъ цѣломудренно, тотъ идетъ путемъ, ведущимъ къ Богу. Но когда падшій и сознавшій свои грѣхи открываетъ предъ Богомъ свои недобрые пути, тогда Богъ, услышавъ молитву его, прощаетъ ему всѣ прежнія худобы и ведетъ къ праведности, научая оправданіямъ Своимъ.“

Стихъ двадцать седьмой.

Путь оправданій Твоихъ вразуми ми, и поглумлюся въ чудесьхъ Твоихъ.

Чего здѣсь проситъ пророкъ, прося вразумить его въ пути оправданій?

Можно полагать, что онъ проситъ дальнѣйшаго и подробнѣйшаго познанія пути спасительнаго, познанія всего, относящагося къ нему, познанія разныхъ сторонъ и частей богоугодной жизни.

Во первыхъ, чтобы умѣть различать добро отъ зла и разоблачать кажущееся добро, подъ которымъ кроется зло,—умѣть замѣтить возникающія недобрыя чувства при добрыхъ дѣлахъ и тотчасъ же отстранять ихъ и исправлять добродѣланіе, знать порядокъ, въ какомъ должно вести дѣла жизни духовной, ибо не всегда все пригоже дѣлать,—начинающему не слѣдуетъ браться за

то, что подручно только уже усовершившимся. Такъ поучаютъ св. Златоустъ, Θеодоритъ и св. Амвросій. Мысль св. Златоуста приводитъ Зигабенъ въ своемъ Толкованіи. „Право молится пророкъ быть причастникомъ Божественнаго разумѣнія, чтобы вѣрно распознавать путь правый, чтобы не погрѣшить, и вмѣсто добра не взяться за зло; потому что нерѣдко зло бываетъ похоже на добро.“ Θеодоритъ пишетъ: „Нужно намъ Божественное разумѣніе, чтобы по закону Божію успѣвать въ добродѣтели, и водящемуся человѣколюбіемъ не имѣть въ виду тщеславія, подвижнику не домогаться человѣческой похвалы, цѣломудренному не изъ стыда невоздержной жизни. но по любви къ добродѣтели, хранить цѣломудріе. Посему пророкъ справедливо умоляетъ о томъ, чтобы ему стать причастнымъ Божественнаго разумѣнія и познать путь правды.“ Св. Амвросій говоритъ: „Не считаетъ довольнымъ, чтобы Господь Богъ нашъ научилъ его оправданіямъ Своимъ, но прибавляетъ: *путь оправданій* и проч. Смотри, какой порядокъ! Напередъ надобно научиться оправданіямъ Господнимъ, потомъ узнать постепенность и порядокъ оправдательныхъ дѣйствій, что̀ должно быть прежде, и что̀ потомъ; ибо знать что̀ дѣлать и не знать порядка дѣланія, не значитъ имѣть совершенное знаніе. Претыкаются большею частію на томъ, что дѣйствуютъ не какъ должно, не въ порядкѣ.“ Иное умѣстно въ мірскомъ сожительствѣ, иное въ мірооотреченной жизни; иное въ новоначаліи, иное въ преуспѣяніи; иное въ общежитіи, иное въ отшельничествѣ; иное по внѣшнему чину, иное по внутреннему строю жизни христіанской. Всему свое время и свое мѣсто. И хорошее только въ свое время и въ своемъ мѣстѣ вполнѣ хорошо.

Во вторыхъ, подъ путемъ оправданій можно разумѣть здѣсь, какъ полагаетъ блаж. Августинъ, „самыя высшія

оправданія, которыхъ, преуспѣвая болѣе и болѣе, желаетъ достигнуть св. пророкъ, и которыя называетъ онъ чудесами Божіими; ибо между оправданіями (Божіими заповѣдями) и дѣлами жизни по Богу есть столь дивныя, что тѣ, которые дѣломъ не проходили ихъ, по немощи человѣческой, повѣрить не могутъ, чтобы можно было до нихъ достигнуть." Таковы — любовь ко врагамъ, не какъ дѣло внѣшнее, а какъ чувство внутреннее, живое и искреннее,—мужество мучениковъ, не то, что покойное лишь состояніе духа во время мученій, но хвалебно-отрадное, блаженно-радостное,—непрестанная молитва, со всѣми существенными принадлежностями молитвы, столь непостижимая, что, для объясненія ея, прибѣгаютъ къ иносказаніямъ, между тѣмъ какъ она въ дѣйствительности есть и составляетъ неотъемлемое качество лицъ, ставшихъ единъ духъ съ Господомъ, — совершенное безпопеченіе, не въ чувствахъ только, но и дѣломъ, въ преданіи себя въ волю Божію, по слову обѣтованія Его: *сія вся приложатся* (Мѳ. 6, 33), за которое благоволительно принималъ Господь и неоскудно питалъ Своихъ рабовъ отъ щедротъ Своихъ,—отрѣшеніе отъ тѣлесныхъ потребностей до забвенія ихъ, безъ изнуренія, однакожъ, тѣла, которое оставалось и здорово и довольно крѣпко, такъ что совершало обычныя службы и подѣлія. Все это и подобное сему суть чудеса нравственно-христіанской жизни, созидаемой благодатію Духа Святаго о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Чудесамъ этимъ нельзя не изумляться.

Въ третьихъ, можно разумѣть здѣсь, со св. Иларіемъ, желаніе прозрѣть сквозь ветхозавѣтные оправдательные чины, чтобъ узрѣть истинное оправданіе въ прообразуемомъ ими Избавителѣ всѣхъ. Иларій пишетъ: „рѣчь эта (то есть, путь *оправданій вразуми мя*) полагаетъ различіе между оправданіями и путемъ ихъ. Къ тому же, само

собою разумѣется, что то, чего стремятся достигнуть извѣстнымъ путемъ, не тоже, что и самый путь, по которому стремятся. Пребывая въ законѣ. онъ просилъ не тому научиться, что тогда совершалось въ вещественномъ служеніи Богу, ибо это и такъ видно, — но тѣмъ будущимъ тайнамъ, которыя сокрыты были подъ образомъ настоящихъ видимыхъ вещественныхъ оправданій. Вспомнилъ онъ, что оправданія отъ закона представляютъ въ себѣ тѣнь истинныхъ Божественныхъ оправданій. Постановленія подзаконныя суть, по этому, какъ бы путь къ тому, что ими прообразуется. Чтобы уразумѣть этотъ путь оправданій, дойти, то есть, отъ тѣни до настоящаго тѣла, и молится пророкъ, дабы, уразумѣвъ, углубляться въ созерцаніе сихъ чудесъ Божіихъ (чудныхъ плановъ домостроительства спасенія нашего въ Господѣ). Законъ и установленъ для того, чтобы быть зерцаломъ грядущихъ (чаемыхъ подзаконными) благъ."

Подобная мысль и для насъ, христіанъ, можетъ имѣть значеніе. Мы имѣемъ свой внѣшній чинъ оправданій, который проходитъ всякій, ищущій примиренія съ Господомъ, оскорбленнымъ множествомъ сознанныхъ грѣховъ. Есть у насъ и говѣніе, и постъ, и стояніе на молитвѣ въ церкви, уединеніе и удаленіе отъ житейскихъ дѣлъ, исповѣданіе грѣховъ, принятіе епитиміи и труды по исполненію ея. Путь этотъ всякій проходитъ. Сколько онъ цѣлесообразенъ,—это доказываетъ опытъ всѣхъ временъ. Но сила не во внѣшнемъ ходѣ дѣла, а во внутреннихъ расположеніяхъ, какія должны быть возгрѣваемы при этомъ въ сердцѣ; и чередованіе собственно этихъ расположеній есть путь оправданія, а не чередованіе показанныхъ внѣшнихъ дѣйствій. Можно пройти всѣ ихъ, и ничего не получить. Потому-то и настоитъ необходимость, приступая къ нимъ и проходя ихъ, молить Господа, чтобы Онъ вразумилъ насъ пройти этотъ путь истинно, сер-

дечно, благоплодно, чтобы въ концѣ и дѣломъ получить искомое, и за тѣмъ подивиться и не переставать дивиться чудесамъ безпредѣльнаго милосердія Божія къ кающимся грѣшникамъ.

Что значитъ: и *поглумлюся въ чудесьхъ Твоихъ?* Очевидно, этимъ пророкъ указываетъ на то, что онъ обѣщаетъ дѣлать, по полученіи искомаго вразумленія. Но чтожъ это? Слово *глумиться, поглумиться* приняло у насъ значеніе не то, какое имѣетъ соотвѣтствующее ему греческое ἀδολεσχεῖν. Въ отечникахъ слово это переводится такъ: „присѣдѣть, усидчиво заниматься чѣмъ либо, напримѣръ, присѣдѣть чтенію, богомыслію, умной молитвѣ, рукодѣлію“ и т. под.

Св. Амвросій пишетъ: „ἀδολεσχεῖν есть продолжительное нѣкоторое размышленіе и неотступное углубленіе ума во что либо, а также трудолюбное упражненіе въ чемъ либо, душевное или тѣлесное, съ тѣмъ, чтобы навыкнуть чему.“ Такимъ образомъ, есть присѣдѣніе умовое, и есть дѣятельное. Какое же здѣсь разумѣется у пророка? То и другое. Получившій вразумленіе о пути оправданій Божіихъ не можетъ не углубляться въ нихъ размышленіемъ и созерцаніемъ. Потомъ, такъ какъ вразумленіе дается о жизни дѣятельной, и за тѣмъ, опять, чтобъ дать должное направленіе жизни и дѣятельности, то вразумленный не можетъ оставаться праздным, а тотчасъ берется за дѣло и, пребывая въ немъ, постоянно пріобрѣтаетъ навыкъ къ нему.

„Такъ, говоритъ св. Амвросій, кто позналъ тайны Божіи, тотъ углубляется созерцаніемъ въ чудеса Божіи, въ нихъ открывающіяся.“ По словамъ Зигабена, онъ такъ говоритъ Господу: „часто буду разсуждать о дивныхъ дѣлахъ, совершенныхъ Тобою, чтобы услаждаться постиженіемъ ихъ, которое Ты даруешь мнѣ.“ Но этимъ однимъ не должно ему довольствоваться, а „какъ гото-

вящійся къ состязанію на зрѣлищахъ долго упражняетъ члены свои, чтобъ они навыкли пріемамъ и окрѣпли; такъ, учитъ св. Амвросій, должно дѣятельно присѣдѣть указуемому въ Писаніи, чтобъ постигнуть сокрытыя въ немъ тайны и совѣты Божіи.“

Другіе, подъ словомъ *поглумлюся*, разумѣютъ: буду вести пространныя бесѣды о чудесахъ милости и правды Твоей: *возрадуется языкъ мой правдѣ Твоей* (Пс. 50, 16); буду всюду восхвалять и дивные пути оправданій Твоихъ, и Тебя, устрояющаго ихъ. Дидимъ говоритъ: „всѣмъ буду разсказывать о чудесахъ Твоихъ.“ Св. Аѳанасій пишетъ: „пріобрѣтши разумѣніе таинъ, заключающихся въ оправданіяхъ Твоихъ и возможность идти путемъ ихъ, я въ состояніи буду бесѣдовать и вести слово о чудесахъ сихъ оправданій.“

Стихъ двадцать восьмой.

Воздрема душа моя отъ унынія: утверди мя въ словесѣхъ Твоихъ.

Дологъ трудъ, далекъ путь, продолжительно исканіе. Промежутокъ между обращеніемъ на путь заповѣдей и свободнымъ хожденіемъ по нему проходитъ въ состояніи полугорькомъ и полуотрадномъ, полуживомъ и полумертвомъ. У одного онъ длиннѣе, у другаго короче; но у всякаго бываетъ. Таковъ законъ правды Божіей въ устроеніи нашего спасенія. Крещенный или искренно покаявшійся есть уже и сынъ и наслѣдникъ; но одному предстоитъ пройти полный курсъ воспитанія, а другому только законную епитимію. Конецъ этого состоянія есть, когда вычистится душа, и дѣятельность ея на добромъ пути сдѣлается легкобыстродвижною, какъ будто не видящею препятствій и задержаній. До того же времени борьба и трудъ: многое приходится испытать труженику.

Два бываютъ у него главныхъ удара: первый—ослабленіе энергіи нравственной, второй — сильный напоръ неправыхъ движеній внутри и недобрыхъ раздраженій со внѣ. О первомъ говорится въ настоящемъ стихѣ. это—уныніе; о второмъ въ слѣдующемъ.

Уныніе есть скучаніе за дѣломъ. Когда оно нападаетъ, дѣла идутъ вяло. До того все дѣлается охотно, дѣло спѣется, и время за дѣломъ не замѣчается. Но когда нападетъ уныніе, дѣлающій начинаетъ посматривать по сторонамъ, и — то дѣлаетъ, то останавливается, такъ вотъ и хочется поскорѣе бросить дѣло. Это бываетъ и въ житейскомъ быту, бываетъ и въ духовной жизни. Пропадаетъ охота и въ церкви стоять, и дома Богу молиться, и читать, и обычныя добрыя дѣла исправлять. Труженикъ начинаетъ скучать за всѣмъ этимъ; отъ того, и дѣлая, какъ будто не дѣлаетъ, и проку нѣтъ никакого отъ такого дѣланія. Онъ точь-въ-точь полусонный, у котораго работа изъ рукъ валится. Это состояніе изображаетъ пророкъ въ словахъ: *воздрема душа моя отъ унынія*.

Дреманіе есть только остановка дѣланія, а не худодѣланіе; но само-то оно худо. Въ тѣлесной жизни оно естественно; въ духовной ему не слѣдъ быть, ибо тутъ неотмѣнимая обязанность — трезвиться и бодрствовать. Худо оно, какъ остановка, такъ какъ мы обязаны непрестанно идти впередъ; худо и тѣмъ, что граничитъ съ худымъ дѣйствованіемъ. Задремавшій можетъ пасть и разбиться, можетъ быть схваченъ врагомъ и понесть раны и пораженія, даже смертельныя. Потому, задремавшій духовно въ унынiи, сознавъ свою дремоту, не можетъ не укорять себя и не устрашиться за себя. Отсюда и вопль о пробужденіи и оживленіи: самъ съ собою никто не можетъ сладить въ это время.

Блаж. Августинъ пишетъ: „проходя труды въ стяжаніи

добродѣтелей, и нѣкоторымъ образомъ будучи утомленъ ими, онъ сказалъ: *воздрема душа моя отъ унынія.* Что значитъ *воздрема душа,* если не то, что она охладѣла въ питаемой надеждѣ скоро стяжать добродѣтели? Вотъ онъ и молится, боясь, какъ бы, воздремавъ, не отпасть отъ тѣхъ добродѣтелей, въ которыхъ, думалось, уже преуспѣлъ.“—„Онъ. прибавляетъ св. Иларій, называетъ себя дремлющимъ, но не уснувшимъ. Кто спитъ, тотъ находится въ состояніи сна. преодоленъ сномъ; а кто дремлетъ, тотъ еще не уснулъ, но находится въ преддверіи сна. Пророкъ дремлетъ, но не спитъ, и молится, чтобы, раздремавшись, не заснуть.“

Зигабенъ приводитъ мнѣніе Исихія, что когда душа дремлетъ, грѣхъ не спитъ, но, подкрадываясь, покушается увлечь ее и привлечь къ себѣ. „Начало сна, говоритъ онъ, есть дреманіе. а начало паденія—разлѣненіе и разслабленіе души унынiемъ. Какъ дремлющій влечется ко сну, такъ нравственно разслабѣвшій—къ грѣху.“

Хорошо также изображаетъ это состояніе одинъ изъ западныхъ толковниковъ псалтиря (Беллярминъ): „въ странствіи жизни сей едва ли найдется человѣкъ, который бы не разслаблялся, и, соскучивъ постоянною борьбою, какую духъ ведетъ съ плотію, не охладѣвалъ бы къ ней, не задремывалъ, когда скучно становится идти притруднымъ путемъ, на коемъ плоть воюетъ противъ духа.“

Вотъ слова блаж. Ѳеодорита: „частое прираженіе грѣха разслабляетъ нерѣдко силу помысловъ, дѣлаетъ, что подвижникъ начинаетъ утомляться, производитъ въ немъ, такъ называемое, унынiе; разслабѣвающая же душа преклоняется ко сну, а сонъ наводитъ смерть. Посему пророкъ проситъ утвердить его и укрѣпить. Это говоритъ онъ и въ другомъ мѣстѣ: *просвѣти очи мои, да не когда усну въ смерть* (Пс. 12, 4), называя смертію грѣхъ.“

Какъ же быть въ этомъ недобромъ состояніи? Во-первыхъ, молиться; во-вторыхъ, пребывать твердо въ заведенныхъ порядкахъ и начатыхъ дѣлахъ, хоть вкусъ къ нимъ и пропалъ; въ третьихъ, размышлять о дивныхъ путяхъ Божіихъ, открытыхъ въ словѣ (Божіемъ). Всѣ эти способы содержатся въ молитвѣ пророка: *утверди мя въ словесѣхъ Твоихъ*.

Итакъ, прежде всего, молись. Унывшій пророкъ обращается къ Богу. Вмѣстѣ съ нимъ, возносись туда и ты, немощный, и проси, чтобъ опять въ тебѣ возгнетенъ былъ тотъ же жаръ, при которомъ предъ симъ всякій трудъ былъ тебѣ не въ трудъ, чтобы возвратился къ тебѣ огнь благодати, и ты, будучи возбуждаемъ имъ, не переставалъ усердно шествовать путемъ заповѣдей Господнихъ.

Молясь, не отставай ни отъ чего, что прежде дѣлалъ. Пусть не будетъ вкуса,—нудь себя, силою воли нагибай выю твою и весь станъ твой подъ воспринятое иго. Блаж. Августинъ перефразируетъ молитву пророка такъ: „утверди меня въ тѣхъ словесахъ Твоихъ, которыя я уже держу, которыя уже исполняю, чтобы отъ нихъ, мало-по-малу преуспѣвая, подвигался я и къ другимъ.“ По св. Амвросію: „пророкъ проситъ здѣсь быть утвержденнымъ въ словесахъ Божіихъ, *да не подвижутся ноги его* (Пс. 16, 5) и *не проліются стопы его* (Пс. 72, 2). Этого не претерпитъ тотъ, кто крѣпко и мужественно стоитъ въ правотѣ сердца. Какъ дерево, глубоко пустившее корни, онъ держитъ себя неподвижно противъ всякаго чуждаго напора и гнета.“

При томъ и другомъ, усугуби богомысленное размышленіе о дивныхъ путяхъ Божіихъ. Въ другомъ псалмѣ пророкъ прямо говоритъ, что когда унылъ въ немъ духъ, то онъ, для отогнанія его, помянулъ дни древніе и сталъ поучаться въ дивныхъ дѣлахъ Божіихъ. Изъ этого что вышло? Душа стала, какъ земля безводная, то есть, жажду-

щая; пробудились духовные вкусы и потребности, и душа, убитая унынiемъ, ожила. Тоже и здѣсь. По св. Аѳанасію, пророкъ учитъ, что невозможно иначе изгнать духъ унынія, какъ только поученiемъ въ Божественныхъ словесахъ. Посему надлежитъ трезвиться и бодрствовать по слову Господа: *бдите и молитеся* (Мр. 14, 38).

Св. Иларій пишетъ: „*утверди мя въ словесѣхъ Твоихъ*, чтобы, будучи утвержденъ разумѣнiемъ всѣхъ путей Твоихъ, я не только не спалъ, но и дреманію не поддавался, а непрестанно пребывалъ во всякой бодренности.“

Та-же мысль и у Зигабена: „*утверди мя въ словесѣхъ*, то есть, въ размышленiи о заповѣдяхъ Твоихъ, чтобы мнѣ всегда въ этомъ упражняться, ибо чрезъ это я надѣюсь отгонять дреманіе унынія.“

Пространнѣе объ этомъ пишетъ св. Амвросій: „совершенный, устремляя умъ свой къ Божественнымъ таинствамъ, не дремлетъ, но всегда бодствуетъ: и хотя тѣломъ иногда спитъ, но сердцемъ бдитъ. Въ другомъ мѣстѣ пророкъ говоритъ: *аще дамъ сонъ очима моима и вѣждома моима дреманіе* (пока не созижду храма Богу. Пс. 131, 4). Итакъ, не дремлетъ тотъ, кто задумалъ создать храмъ Господу не изъ камней, а изъ благихъ мыслей, чувствъ и расположенiй, возбуждаемыхъ и образуемыхъ небесными словесами. Слово Божіе разгоняетъ унынiе—сонъ души и унынiе ума. Сонъ нападаетъ отъ печали и заботъ вѣка. Но прилѣпляющiйся къ Богу бѣгаетъ такихъ заботъ; удовольствiе же находитъ въ познанiи вѣчнаго порядка вещей, не смущаясь никакимъ измѣненiемъ вещей земныхъ.“

Блаж. Анѳимъ замѣчаетъ, что „въ пятомъ и шестомъ изданiи (перевода Библіи) и у Симмаха стоитъ вмѣсто ἐνύζαξεν—воздремала, ἔζαξεν—капать, промокать стала; этимъ означается, что душа человѣка праведнаго плотно и прочно сложена, а душа грѣшника разстраивается и

дѣлается дырявою, текучею; потому и имѣетъ нужду въ Божіемъ сплоченіи и скрѣпленіи."

Св. Амвросій, упоминая о таковомъ переводѣ, находитъ двѣ мысли въ словѣ пророка; первая: *душа* стала капать, стала въ себя принимать чуждое, не дающее ей покоя и изгоняющее во внѣ; вторая: *душа* стала промокать, испускать изъ себя принятое прежде спасительное слово, наполняясь, вмѣсто его, душевредными помыслами. Вотъ слова его: „Другіе читаютъ не ἐνύςαξεν, а ἔςαξεν, что значитъ—стала капать, пропускать влагу. Мысль будетъ такая: душа мужа совершеннаго, будучи хорошо настроена и скрѣплена, не каплетъ, какъ своды и потолки, плотно и прочно устроенные. Говорится: *капли изгоняютъ человѣка въ день зимень изъ дома его* (Прит. 27. 15). Стало быть, надлежитъ намъ скрѣпить душу свою такъ, чтобъ она не капала; надо прочно сплотить ее нераздѣльнымъ сочетаніемъ добродѣтелей, чтобъ она могла хранить тайну вѣчнаго Царя, подобно св. Маріи, которая слагала всѣ словеса въ сердцѣ своемъ, чтобы какое-либо изъ нихъ не излилось оттуда устами: кто скоръ на слова, тотъ, какъ переполненный сосудъ, туда и сюда изливаясь, опорожняетъ свое внутреннее и наводняется внѣшними пристрастіями, не умѣя ни кровли себѣ устроить, ни сохранно удержать принятое слово. Та душа не имѣетъ порчи (дыръ, трещинъ), которая великодушнымъ терпѣніемъ поддерживаетъ въ себѣ верхъ (сводъ, потолокъ) правды и стѣны прочихъ добродѣтелей. Потому не каплетъ, не льется, не изливается: нѣтъ въ ней распущенности, измѣнчивой подвижности, невнимательной небрежности, не исторгается изъ нея ничто дырою языка."

Стихъ двадцать девятый.

Путь неправды отстави отъ мене, и закономъ Твоимъ помилуй мя.

Второе пораженіе, встрѣчаемое труженикомъ, проходящимъ подъэпитимійное состояніе, есть, бывающее по временамъ, возбужденіе грѣховности,—само ли по себѣ, или по внѣшнимъ возбужденіямъ, или отъ дѣйствія завистливаго врага. Оно бываетъ такъ мрачно и смутительно, что испытывающій его, кажется, будто уже и блудъ сотворилъ, и отъ Бога отрекся, и въ человѣконенавидѣніе впалъ; чувствуетъ онъ, что исполнилась золъ душа его, и животъ его аду приблизился (Пс. 87, 4). Пока человѣкъ живетъ въ нерадѣніи и грѣхолюбіи, то хоть и постоянно въ душѣ его возраждаются грѣшныя влеченія и хоть онъ тотчасъ же склоняется на удовлетвореніе ихъ, но это нисколько не тревожитъ его; а когда покается и дастъ добросовѣстное обѣщаніе не поблажать болѣе себѣ, и особенно когда уже нѣсколько остепенится и отвыкнетъ отъ страстныхъ дѣлъ своихъ, тогда такого рода прираженія не могутъ не смущать его, не возбуждать болѣзнованій и опасеній. Отсюда и вопль ко Господу: *путь неправды отстави отъ мене.*

Что это за путь неправды? Это возбуждающіяся въ душѣ страстныя движенія, которыя ведутъ ко всякой неправдѣ и грѣху. Они прицѣпились, прильнули къ душѣ; онъ проситъ оторвать ихъ отъ нея и далеко отбросить: пусть они будутъ во внѣ, а не внутри, такъ чтобы можно было проходить сквозь ихъ, не чувствуя никакого вреда, какъ не чувствуетъ вреда отъ заразительной болѣзни тотъ, у кого нѣтъ предрасположенія къ ней. Св. Иларій

пишетъ: „путь неправды есть путь грѣха. Пророкъ молитъ Бога отодвинуть отъ него путь грѣха, — путь, которымъ идутъ прямо ко грѣху, — отнять всѣ возбужденія плотскихъ страстей, сдѣлать такъ, чтобъ не належало какое-либо искушеніе отъ похоти, по которому, какъ по дорогѣ, идутъ ко грѣху."

Св. Амвросій продолжаетъ ту же мысль: „не сказалъ— отстави меня отъ пути неправды, но путь неправды отстави отъ меня, сознавая, что онъ въ немъ есть и дѣйствуетъ. И въ самомъ дѣлѣ, пока мы ведемъ жизнь недобрую, путь неправды пребываетъ внутрь насъ и не отстаетъ отъ насъ. Покаявшійся же заботится о томъ, чтобы отдалить его отъ себя. Такъ какъ наслѣдственная зараза неправды привошла къ намъ отвнѣ, то настоитъ нужда и въ стороннемъ освободителѣ отъ нея. Вотъ и молитва: *путь неправды отстави*. Молись и ты, говоря: бѣдный я человѣкъ! Кто отставитъ отъ меня путь неправды?—и услышишь: благодать Божія чрезъ Господа нашего Іисуса Христа."

Дидимъ разумѣетъ здѣсь всякое, а не особое какое-либо пораженіе грѣха; но это не чуждо смысла сего стиха. Онъ говоритъ: „Произволеніемъ отставшій отъ пути неправды и возжелавшій приступить къ закону Божію, молится, да будетъ совершено это Богомъ, приводящимъ къ концу всѣ благія начинанія. Равно и тотъ, кто возненавидѣлъ прежнее невѣдѣніе и возжелалъ противоположнаго ему вѣдѣнія, не имѣя силъ самъ прогнать невѣдѣніе и просвѣтиться вѣдѣніемъ, взываетъ къ единому всѣхъ Учителю: невѣдѣніе отстави отъ мене, и вѣдѣніемъ Твоимъ помилуй меня!"

Закономъ Твоимъ помилуй мя. Какимъ же это закономъ? „Закономъ человѣколюбія Твоего, говоритъ Зигабенъ; ибо законъ человѣколюбія Божія въ томъ и состоитъ, что Богъ милуетъ кающагося и всею душою обращаю-

щагося и прибѣгающаго къ Нему.“ Правда требуетъ наказанія нарушителю правды; человѣколюбіе же Божіе ходатайствуетъ о помилованіи. Это главный законъ въ настоящемъ періодѣ нашего существованія. Терпящій нападки отъ грѣха не можетъ не сознавать, что такую власть надъ собою прежде онъ самъ подалъ грѣху, самъ вскормилъ въ себѣ эту змію, потому праведно и терпитъ; а если праведно, то гдѣ же спасеніе ему, какъ не въ человѣколюбіи? Онъ и молится въ этомъ смыслѣ: „самъ виноватъ я, праведно терплю эти нападки,—но окажи мнѣ, Господи, милость, отставь этотъ путь неправды, по закону человѣколюбія Твоего.“

Слова—*закономъ Твоимъ* могутъ еще значить: такъ, какъ законъ Твой велитъ или требуетъ. Какъ больной, ища помощи у врача, чаетъ отъ него выздоровленія по законамъ врачебной науки, такъ и здѣсь. Богъ врачуетъ немощи духовныя; но есть свой законъ для этого уврачеванія, помимо котораго уврачаванію состояться нельзя. „Какимъ же это закономъ ищетъ онъ милованія? вопрошаетъ блаж. Августинъ. Не инымъ какимъ, какъ закономъ вѣры. Законъ вѣры состоитъ въ томъ, что мы молимся, да будетъ намъ даровано благодатію совершить то, чего сами мы не въ силахъ совершить.“

Закономъ Твоимъ помилуй мя— значитъ опять тоже, что *благослови меня такою-то вещію,* то есть, дай мнѣ такую-то вещь въ благословеніе. Такимъ образомъ, выйдетъ: окажи мнѣ милость дарованіемъ закона Твоего; исторгни неправыя движенія изъ сердца, а на мѣсто ихъ напиши тамъ, впечатлѣй, внѣдри законъ Твой, такъ чтобы онъ проникнулъ весь составъ мой, заправлялъ всѣми движеніями силъ моихъ, завладѣлъ всѣми исходами жизни моей и дѣйствій моихъ,—и я, сознавая то, могъ нелестно исповѣдать законъ Бога моего въ сердцѣ моемъ. Это значеніе ближе всѣхъ къ дѣлу и совмѣщаетъ въ

себѣ всѣ другія. И еврейскій текстъ говоритъ: удостой меня закона, сподоби закона.

Св. Иларій даетъ такую мысль: „дай мнѣ исповѣданіемъ закона Твоего сподобиться милости Твоей и блаженствовать въ полнотѣ ея. Пророкъ молится, чтобы Богъ закономъ Своимъ помиловалъ его. Закономъ же милость Божія привлекается, по Писанію, вотъ какъ: *и нынѣ, Израиле, что проситъ Господь Богъ твой у тебе, точію еже боятися Господа Бога твоего, и ходити во всѣхъ путехъ Его, и любити Его, и служити Господу Богу твоему отъ всего сердца твоего, и отъ всея души твоея, хранити заповѣди Господа Бога твоего, и оправданія Его, елика азъ заповѣдаю тебѣ днесь, да благо тебѣ будетъ* (Второз. 10, 12. 13). Итакъ, если законъ учитъ ходить въ путяхъ Божіихъ, да благо будетъ ходящему въ нихъ, то и тогда, когда пророкъ молится, чтобы Богъ закономъ помиловалъ его, молится о томъ, что заключено въ законѣ, то есть, чтобы, ходя въ путяхъ Божіихъ, достигнуть блаженства.“

Стихъ тридцатый.

Путь истины изволихъ, и судьбы Твоя не забыхъ.

Мрачный переходъ конченъ. Кающійся вступаетъ въ состояніе безпринужденнаго и самоохотнаго хожденія въ заповѣдяхъ. Когда это совершится, въ душѣ происходитъ то же, что испытываетъ человѣкъ, вступившій изъ темноватаго коридора въ свѣтлые и разукрашенные покои. Это свѣтлое состояніе пророкъ изображаетъ въ трехъ послѣднихъ стихахъ настоящаго осьмистишія (30, 31 и 32).

Нельзя не замѣтить особой полноты въ этомъ изображеніи и гармоніи въ соотношеніи разныхъ сторонъ строя жизни духовной въ эту пору. Съ одной стороны, указывается рядъ отношеній свободы къ заповѣдямъ; съ дру-

гой — рядъ благодатныхъ воздѣйствій, испытываемыхъ душою. Въ первомъ идутъ—*изволихъ*—избралъ, *прилпнухся*—сердцемъ возлюбилъ, *текохъ*—живо дѣйствую въ исполненіи; во второмъ—*судьбы Твоя не забыхъ*, принялъ въ убѣжденіе всю сущность домостроительства Твоего въ устроеніи спасенія; далѣе—*не посрами,* полагаюсь на Тебя всѣмъ упованіемъ моимъ; *разширилъ еси сердце мое*,—я почувствовалъ притокъ благодатныхъ животворныхъ воздѣйствій Твоихъ. Само собою явствуетъ, что цѣль всего—въ *текохъ* и въ *егда разширилъ еси сердце мое:* преисполнила меня благодать Твоя, расширилось сердце мое, и я пошелъ путемъ заповѣдей Твоихъ, не замѣчая препонъ и не допуская преткновеній. Прочія указанія—лишь путь и поддержка сего послѣдняго, говоритъ св. Иларій.

Путь истины... Всякій живущій и дѣйствующій уже имѣетъ свой путь, но не у всякаго есть путь истинный. И Спаситель различалъ два пути—широкій и узкій, и далъ имъ оцѣнку по тому концу, къ которому приводитъ тотъ и другой, Изъ идущихъ всякій идетъ извѣстнымъ путемъ, и многимъ путь ихъ кажется прямъ и истиненъ, тогда какъ на дѣлѣ онъ кривъ и призраченъ, — только кажется путемъ, и путемъ прямымъ, а на дѣлѣ вовсе не таковъ. Пророкъ говоритъ, что вся эта разнообразная призрачность путей раскрылась предъ нимъ; я, говоритъ, увидѣлъ, что одинъ только есть путь истинный, и избралъ его. Св. Амвросій пишетъ: „Пророкъ говоритъ такъ для того, дабы показать, что онъ искренно обратился. Скупой не можетъ говорить такъ, пристрастный къ мірскому и вещественному—тоже, потому что какимъ образомъ этотъ путь будетъ путемъ истиннымъ, когда богатый въ вѣкѣ семъ не можетъ взять отсюда съ собою богатства, и по смерти становится бѣднѣе бѣднаго Лазаря? Точно также нельзя считать путемъ истины и мір-

скую славу и печаль вѣка сего. Истина — въ вѣчномъ: временное призрачно. Если желаемъ ходить путемъ истины, сдѣлаемся странниками для міра и начнемъ жить вѣрою. Живущій вѣрою живетъ въ Богѣ, Который есть единый истинно Сый: а преданный міру только *образомъ ходитъ* (Пс. 38, 7), и истина (дѣйствительность) скоро обличитъ его."

Что же для насъ путь истины? Жизнь по Евангелію, въ духѣ вѣры христіанской. Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть и истина и путь. Иди въ слѣдъ Господа Христа, и будешь идти путемъ истины. Но сдѣлай такъ, чтобъ это было самымъ дѣломъ, а не по имени только. *Не всякъ глаголяй: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе, но творяй волю Отца небеснаго* (Мо. 7, 21). Вступи истинно на путь истины, а не кажись только идущимъ по нему.

Путь истины изволихъ,—избралъ всею моею волею, вся воля моя въ немъ, и уже не влается она туда и сюда. До навыка добру, до возобладанія внутри свѣта истины, воля все еще продолжаетъ двоиться. Во всякомъ предлежащемъ дѣлѣ совѣсть, уже просвѣщенная и оживленная свѣтомъ Евангелія и благодати, указываетъ богоугодный образъ дѣйствованія: но чувствуешь, что не знать откуда идутъ предложенія, совсѣмъ противоположныя ему, и кто-то вступаетъ въ споръ съ совѣстію. Помня условіе помилованія въ покаяніи—обѣтъ быть вѣрнымъ волѣ Божіей, воля, хоть и далека бываетъ отъ согласія на эти чуждыя предложенія, а все посматриваетъ назадъ, не безъ нѣкотораго влеченія, къ котламъ египетскимъ,—двоится, значитъ. Это двоеніе и есть признакъ, что внутри, во глубинахъ нашего существа, дѣло обращенія еще не кончено; тамъ все еще остаются задатки чуждой жизни, какъ ростки, придавленные, но готовые тотчасъ распуститься, дай только имъ просторъ.

Доселѣ подъэпитимійное состояніе еще не кончено, а слѣдовательно, дѣло покаянія еще не довершено, еще не слышится внутри утѣшительный гласъ: *отпущаются тебѣ грѣси твои* (Мѳ. 9, 2). Но когда это пройдетъ, все нечистое испарится, самоугодіе погаснетъ, страсти замолкнутъ, — тогда не бываетъ уже раздвоенія; тогда на всякое представляющееся благое дѣло изволяется всею полнотою воли. Вотъ объ этомъ-то и поминаетъ пророкъ, какъ видно, въ радованіи и веселіи духовномъ.

И судьбы Твоя не забыхъ. „Изволилъ, говоритъ блаж. Августинъ, путь истины, по коему тещи, и судьбы Твоя не забылъ, чтобы тещи.“ Въ памятованіи судебъ Божіихъ—и возбужденіе, и поддержка изволенія пути истиннаго. Созерцаніе судебъ Божіихъ печатлѣетъ въ сознаніи неизбѣжность именно этого пути и связываетъ волю, Отъ того она и изволяетъ его, рѣшительно, безъ колебаній; возлагаетъ на себя законъ неуклонно идти этимъ путемъ.

Но что такое эти судьбы? Все теченіе судовъ Божіихъ, или опредѣленій о насъ богопромыслительной воли Божіей, съ того момента, съ какого благоугодно было Богу открыть ихъ, до того, въ какое кто входитъ сознаніемъ въ полное созерцаніе ихъ, не исключая изъ круга сего и того, что видитъ совершившимся на себѣ самомъ; иначе сказать,—все домостроительство спасенія рода нашего и спасенія того, кто говоритъ это. Эти судьбы Божіи видятся и въ началѣ покаянія, но въ чертахъ слишкомъ общихъ. Когда же покаявшійся добросовѣстно проходитъ подъэпитимійное состояніе, они все болѣе и болѣе уясняются, и, уясняясь, связуются съ сознаніемъ, какъ въ томъ, что касается всѣхъ спасаемыхъ, такъ и въ томъ, что касается самаго очищающагося лица. Наконецъ, они всѣ ясно зрятся и сраствоpяются съ сознаніемъ такъ, что составляютъ неотъем-

лемую его часть. Какъ всякій, ясно сознающій себя человѣкомъ, сознаетъ и себя и все окружающее, такъ ясно сознаетъ и очистившійся весь строй судовъ Божіихъ и свое среди ихъ положеніе. Все это въ цѣлости такъ тѣснится въ его сознаніи, что онъ и забыть того не можетъ. Какъ помнитъ Бога и себя въ Немъ, такъ помнитъ и судьбы Божіи. „Онѣ, говоритъ Аѳиимъ, изъ мысли у него не выходятъ, всегда вращаются предъ очами ума его."

Предъидущее—*изволихъ* съ этимъ—*не забыхъ* состоитъ въ прямой связи, какъ необходимое слѣдствіе, въ духѣ нравственной необходимости. Входящій въ познаніе судовъ Божіихъ удостовѣряется до неотразимой очевидности въ томъ, что все строится по волѣ Божіей, и что эта воля какъ положила что̀, такъ тому и быть: никто и ничто не сильно измѣнить или отмѣнить ее. Положила она устройство спасенія такъ и такъ, и уже ничто не можетъ поколебать этого положенія. Дѣйствуй же или такъ, какъ положено, или оставайся внѣ спасаемыхъ и, слѣдовательно, иди въ погибель. Когда удостовѣреніе въ этомъ займетъ сознаніе такъ, какъ, напримѣръ, сознаніе днемъ, что это день, а ночью — сознаніе того, что это ночь; тогда тотъ, у кого живо чувство самосохраненія, каково должно оно быть у кающагося, не можетъ колебаться. Онъ переходитъ весь на сторону Божіихъ опредѣленій, слагается съ ними, изволяетъ ихъ,— и колебаніямъ конецъ. Бичеванія, строганія желѣзными когтями, разженныя печи—все ни по чемъ! Все существо его объято тою истиною, что или устоять и спастись, или пошатнуться и погибнуть. Такова сила нравственной необходимости! Міръ видимый стоитъ, скрѣпленный физическою необходимостію; міръ нравственный течетъ въ строѣ, скрѣпляемый необходимостію нравственною, печатлѣемою въ сознаніи и волѣ избранниковъ всепра-

вящею десницею всеблагаго Бога, всѣмъ хотящаго спастись именно такъ, а не иначе.

Стихъ тридцать первый.

Прильпихся свидѣніемъ Твоимъ, Господи, не посрами мене.

Раздвоеніе воли кончается въ ту пору, когда исчезаютъ всѣ сочувствія къ грѣховному и страстному. Брань грѣху и страстямъ объявляется въ минуту покаянія; но то совершается въ высшей волѣ, сердце же не вдругъ отрывается отъ привычныхъ усладъ. Глазъ ли увидитъ, ухо ли услышитъ, или на мысль придетъ что нибудь изъ прежняго,—въ сердцѣ отдается сочувствіе къ тому, хотя духъ,—высшая сторона нашей природы,—замѣтивъ это, тутъ же укоряетъ его. Но вдругъ нельзя вѣрно оторваться. Постоянство противленія злу подавляетъ, однакожъ, все болѣе и болѣе такое сочувствіе, возраждая, вмѣсто его, неблаговоленіе, досаду и гнѣвъ на грѣховныя возраждающіяся движенія. Наконецъ, гнѣвъ и раздраженіе покрываютъ всю область страстнаго. Это знакъ, что отъ сердца отрѣзаны всѣ нити, связывавшія его съ грѣхомъ.

Это отрываніе сердца отъ грѣха одно не бываетъ, но ему всегда сопутствуетъ прилѣпленіе къ противоположному добру. Онѣ идутъ вмѣстѣ, и на сколько сильно одно, на столько крѣпнетъ другое. Сердцу нельзя быть безъ привязанности: это его природа. Отрѣшаясь отъ одного, оно прилѣпляется къ другому, и нельзя различить—прилѣпленіе ли производитъ отрѣшеніе, или отрѣшеніе даетъ свободу прилѣпленію. Такимъ образомъ, когда изъ сердца исторгаются всѣ сочувствія грѣховныя, что свидѣтельствуется гнѣвомъ противъ всего грѣховнаго, то въ тоже время совершается и полное прилѣпленіе ко всему доброму.

Одного старца спрашивали: чѣмъ доказывается то, что прощены кому либо грѣхи? Старецъ отвѣчалъ: „тѣмъ, если онъ возненавидѣлъ ихъ.“ Такое же рѣшеніе предлагаетъ и Василій Великій. Если это возненавидѣніе современно прилѣпленію къ добру, и если кто можетъ сказать о себѣ, что онъ прилѣпился ко всему добру,— тотъ вполнѣ можетъ быть увѣренъ, что грѣхи его прощены. Бремя эпитиміи кончилось... Въ древнихъ сказаніяхъ читаемъ, что когда кто, нагрѣшивъ много, каялся, и, исповѣдавъ грѣхи свои старцамъ, просилъ врачеванія, то они отводили его въ уединенную келлію, и, преподавъ ему правила, запирали въ ней. Проходилъ извѣстный срокъ: эпитимія совершала свое дѣло, и под-эпитимійный слышалъ гласно: „Господь принялъ покаяніе твое, грѣхи твои прощены.“ Тоже самое внутренно совершается и у того, кто, возненавидѣвъ грѣхъ, прилѣпился къ свидѣніямъ Божіимъ. Не совнѣ, а внутри его должно слышаться изрекаемое свыше въ совѣсти удостовѣреніе, что грѣхи его отпущены, — и такой не постыдится. Вотъ что пишетъ объ этомъ св. Амвросій: „Тотъ, кто хотя и много надѣлалъ срамнаго, но испросилъ себѣ въ томъ прощеніе у Христа Господа, не посрамится; ибо такому изрекается: *отпущаются грѣхи твои... иди въ миръ*. Не посрамится же онъ, когда отпущеніе грѣховъ совершится въ немъ дѣломъ, — когда не только грѣхъ, но и страсть грѣховная отъята будетъ отъ него,—когда правда отринетъ всѣ неправды, мужество—страхъ, воздержаніе—нечистоты, чтобъ отпущеніе (отторженіе) грѣховъ было не на время только, но навсегда. Внидетъ въ душу твою Христосъ, возъобитаетъ въ умѣ твоемъ Іисусъ, и въ скиніи сердца твоего не будетъ уже болѣе мѣста грѣху.“

Слова св. Амвросія переносятъ вниманіе наше въ будущій вѣкъ, предъ престолъ суда Божія. Блаж. Аѳоимъ

іерусалимскій прямѣе выражаетъ это такъ: „кто такимъ образомъ прилѣпился къ свидѣніямъ Божіимъ, того не посрамитъ Господь въ день суда.“ Въ этомъ случаѣ слова *не посрами мене* выражаютъ непоколебимое упованіе вѣрующаго, добросовѣстно потрудившагося надъ собою: *и Ты не посрамишь мене, Господи*. Такое упованіе есть неотъемлемая принадлежность духа спасающагося. Безъ него и начаться нельзя дѣлу спасенія, а тѣмъ болѣе продолжаться. Но тамъ оно въ зачаткахъ, а теперь созрѣло. Если вѣрно, что на душѣ отпечатлѣваются слѣды грѣховъ и страстныхъ наклонностей, что она бываетъ исписана ими, такъ что предстань она, обнаженная отъ прикрывающаго ее тѣла, предъ тѣми, которые способны видѣть ее, и они, безъ особыхъ указаній, прочтутъ ее всю,—то какой срамъ ожидаетъ души не очистившіяся, когда онѣ предстанутъ предъ сонмомъ ангеловъ и святыхъ, видя сами свою срамоту, и зная, что и всѣ окружающіе видятъ ее. Этого теперь мы и вообразить не можемъ; и Спаситель не изобразилъ, а сказалъ только, что имъ будетъ такъ тяжело, что онѣ пожелаютъ быть подавленными горами, чѣмъ стоять въ такой срамотѣ передъ взорами всѣхъ. Вотъ почему пророкъ, получивъ удостовѣреніе въ исторженіи изъ естества его всѣхъ нечистотъ, и сознавая, что тамъ всюду качествуетъ любовь ко всестороннему добру, въ радости духовной свидѣтельствуетъ свое непосрамляющее упованіе: *не посрами!*—и я увѣренъ, что не посрамлюсь. Чистыя очи святыхъ не увидятъ, послѣ сего, ничего срамнаго во мнѣ, и мнѣ не стыдно будетъ стоять среди сонма ихъ. Св. Иларій пишетъ: „тотъ получаетъ прощеніе прежнихъ грѣховъ, кто прилѣпился къ свидѣніямъ Божіимъ. Въ словѣ Господнемъ такъ сказано: *се отъяхъ, яко облакъ, беззаконія Твоя, и яко примракъ—грѣхи твоя* (Ис. 44, 22). Богъ можетъ отдалить отъ насъ все, что служитъ

къ стыду и посрамленію нашему, если и мы добросовѣстно можемъ сказать: *прильпихся свидѣніемъ Твоимъ.*"

Но говорящій такъ еще здѣсь живетъ, еще на пути, еще въ плаваніи, а не въ пристани. Крушеніе бываетъ и у берега; разбойники могутъ схватить и ограбить на углу вашего дома. Пока живъ человѣкъ, онъ не можетъ не бояться вражескихъ нападеній и не чувствовать нужды въ помощи противъ нихъ. Дерзость врага обыкла снова пробираться въ прежнія, покоившія его, души, уже подметенныя и убранныя. Въ этомъ отношеніи—*не посрами* будетъ значить вотъ что: теперь,—благодареніе Тебѣ, Господи,—все исправилось и наладилось по волѣ Твоей; но боюсь, какъ бы врагъ опять не прокрался какъ-нибудь и не низвратилъ всего моего строя. Ужъ онъ знаетъ, какъ со мною справиться; не посрами же мене Господи, и не предай врагамъ душу, исповѣдающуюся Тебѣ. — „Не посрами меня, продолжаетъ блаж. Августинъ, да притеку туда, куда теку, да достигну того, къ чему стремлюсь, такъ какъ это дѣло ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога. Я всецѣло прилѣпился къ заповѣдямъ Твоимъ и готовъ совершать съ любовію всякое встрѣчающееся доброе дѣло, но желаніе и исканіе—мое, а сила—Твоя. Всѣмъ упованіемъ моимъ возлагаюсь на Твою, всегда готовую ищущимъ Тебя, помощь,—не посрами меня; дай мнѣ и дѣйствовать по всей полнотѣ моего прилѣпленія къ заповѣдямъ Твоимъ; преисполни силою Твоею, чтобы какъ-нибудь и со мною не случилось того, что случается съ тѣмъ, кто, начавъ строить домъ, не въ состояніи довести до конца, или съ тѣмъ, кто, поспѣшивъ начать войну, оказался несостоятельнымъ къ ней."

Упованіе, что Начавшій въ насъ дѣло спасенія доведетъ его до конца, и чрезъ всѣ неровности жизни благоуспѣшно проведетъ до вратъ смерти, и чрезъ нихъ

къ непосрамленному водворенію въ сонмѣ прославленныхъ, зарождается съ самаго начала обращенія къ Богу. Вмѣстѣ съ трудами по дѣлу приближенія къ Богу, оно ростетъ, и опирается, преимущественно на томъ сознаніи, что съ нашей стороны все, что было въ нашихъ силахъ, уже употреблено въ дѣло. И Богъ особыхъ содѣйствій не являетъ, пока у человѣка есть еще свои силы, не пущенныя въ ходъ, ибо и онѣ отъ Бога. Пророкъ говоритъ теперь какъ бы такъ: я уже сдѣлалъ все возможное, истощилъ силы Твои, данныя мнѣ въ естествѣ моемъ; далѣе и шага не могу сдѣлать, а остается еще много. Приди же теперь ко мнѣ съ особою помощію и помоги мнѣ довершить начатое мною, широкое, по самому Твоему начертанію, дѣло. Страшно мнѣ будетъ даже предъ самимъ собою, что, начавъ дѣйствовать по такому широкому плану, остановлюсь на полъ-дорогѣ. Вотъ теперь-го собственно и начинается настоящее дѣйствованіе, когда Ты, а не я буду дѣйствовать.

Стихъ тридцать второй.

Путь заповѣдей Твоихъ, текохъ, егда разширилъ еси сердце мое.

Текохъ - ἔδραμον, побѣжалъ, то-есть, путемъ заповѣдей Твоихъ, вырвался на свободу, вышелъ на большую просторную дорогу. Прежде руки и ноги перепутывались, и дорога была неровна и терниста: теперь и дорога просторна и гладка, и руки и ноги развязаны. Когда раздвоеніе воли прекратится, и сочувствіе грѣху и страстямъ замретъ, тогда внутри не встрѣчается болѣе помѣхъ къ благодѣланію, въ угожденіе Богу. Какъ вяжутъ страсти,—всякій знаетъ, хоть бы и не получилъ еще восхваляемой здѣсь свободы. Своекорыстіе *(себѣ нужно)* вяжетъ щедродательность, саможалѣніе—всякаго рода воздержа-

ніе, многопопечительность и забота *(некогда)*—упраздненіе отъ всего для бесѣды съ Богомъ въ молитвѣ. Такъ, всякое доброе начинаніе, возникающее въ сердцѣ, тотчасъ бываетъ связываемо тутъ же раждающимся противоположнымъ недобрымъ чувствомъ, и дѣло или совсѣмъ оставляется, или останавливается на время. Эти противленія добру происходятъ отъ сочувствій сердца грѣху и отъ раздвоенія воли. Когда же они замрутъ, тогда противленія внутри прекращаются, а если иногда заходятъ отъинуда, то не имѣютъ опредѣляющей силы, и всякое добро, какъ замышляется, такъ и исполняется, охотно, скоро, живо, съ удовольствіемъ и радостію.

Причина быстротечности по пути заповѣдей есть благодатное разширеніе сердца. Благодать Божія присуща сердцу съ первой минуты пробужденія грѣшника. Въ крещеніи, или покаяніи она входитъ внутрь и обитаетъ въ человѣкѣ; но полнаго дѣйствія своего не оказываетъ, не являетъ себя сознанію человѣка спасаемаго, пока не очистится сердце его, хотя преимущественно ея же дѣйствіемъ, но въ слѣдствіе усилій самого человѣка. Это время и есть трудничество, или подъэпитимійное состояніе. Возлагается ли на кого эпитимія канонная, или нѣтъ, а внутренней никому не миновать, и срока ей никто опредѣлить не можетъ. Тамъ все идетъ само собою, право учреждаясь соотношеніемъ свободы и благодати. И вотъ когда терминъ этотъ кончается, благодать воссіяваетъ въ сердцѣ, и сердце становится широко-широко... Это бываетъ современно прекращенію раздвоенія воли и сочувствія сердца грѣху, ибо тогда только сердце становится чистымъ, достойнымъ вмѣстилищемъ Духа. Созидается сердце чисто, и духъ правый обновляется во утробѣ спасаемаго.

Св. отцы изображаютъ пространно эти два одновременныя явленія въ духовной жизни. Св. Иларій пишетъ:

„Все у пророка идетъ въ порядкѣ. Сначала сказалъ онъ: *путь неправды отстави;* потомъ: *путь истины изволихъ;* далѣе: *прильпихся свидѣніемъ Твоимъ;* теперь заканчиваетъ: *путь заповѣдей Твоихъ текохъ, егда разширилъ еси сердце мое.* До этого дойдено постепенно. Все предыдущее было за тѣмъ, чтобы свободно пойти путемъ заповѣдей Божіихъ. Но путь, ведущій въ животъ, и тѣсенъ и прискорбенъ,—тѣсенъ потому, что имъ надобно идти со всѣмъ вниманіемъ и осторожностію;—прискорбенъ потому, что на немъ много скорбей и лишеній. Но какъ же пророкъ хвалится, что онъ побѣжалъ путемъ симъ? Не самъ собою, говоритъ, но *текохъ, егда разширилъ еси сердце мое.* Свободно пошелъ онъ путемъ Господнимъ послѣ того, какъ началъ быть широкъ сердцемъ; не прежде возмогъ онъ потещи такъ, какъ напередъ самъ сдѣлавшись пространнымъ и достойнымъ Бога жилищемъ.“

Блаж. Августинъ представляетъ пророка будто слышащимъ вопросъ свыше: „какъ потекъ ты путемъ заповѣдей Господнихъ,—ужели самъ собой? Нѣтъ, Господи, отвѣчалъ онъ, *текохъ, егда ты разширилъ еси сердце мое,*— не однимъ моимъ произволеніемъ, какъ бы не нуждаясь въ Твоей помощи, но потому, что Ты разширилъ сердце мое. Разширеніе сердца есть возлюбленіе заповѣдей. То даръ Божій, если мы пребываемъ въ заповѣдяхъ Его, не утѣсняясь страхомъ наказанія а разширяясь любовію и услажденіемъ въ нихъ. Широту эту обѣщаетъ намъ Самъ Богъ: *вселюся въ нихъ*, говоритъ, *и похожду* (2 Кор. 6, 16). И какъ просторно тамъ, гдѣ вселяется и шествуетъ Богъ!... Въ этомъ просторѣ изливается любовь въ сердца наши Духомъ Святымъ, даннымъ намъ!“ (Римл. 5, 5).

Св. Амвросій указываетъ тутъ нѣкоторые другіе оттѣнки: „Не могъ бы онъ тещи путемъ симъ, еслибъ сердце его было сжато и утѣснено. Текущимъ по пути

Господню апостолъ, сказавъ напередъ о себѣ: *сердце мое распространися*, говоритъ: *распространяется* (2 Кор. 6, 11. 13). И смотрите, какое различеніе: путь предлежитъ тѣснѣйшій, а сердце должно быть пространнѣйшее, чтобы послужить жилищемъ Отцу и Сыну и Святому Духу,—чтобы Богъ-Слово, пришедъ и толкнувъ въ двери сердца, не нашелъ его тѣснымъ и не отказался обитать въ немъ. Надо тещи широтою внутренняго человѣка, а не тѣснотою внѣшняго дѣланія, чтобы достигнуть преднамѣреннаго (1 Кор. 9, 24). Достигаетъ только тотъ, кто течетъ такимъ образомъ, и только онъ можетъ сказать: *теченіе скончахъ* (2 Тим. 4, 7). успѣшно протекъ, ибо текъ, какъ добрый конь."

Чистое сердце исполняетъ благодать Духа; вмѣстѣ съ нею, и любовь изливается въ сердце, свидѣтельствуясь полнымъ, самоохотнымъ, радостнымъ и живымъ исполненіемъ всѣхъ заповѣдей. Надъ тѣмъ, кто достигъ сего, исполняется утѣшительное обѣтованіе: *къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (Ін. 14, 23).

Что же, и конецъ теченію? Нѣтъ,—здѣсь только начало настоящему теченію, каково оно должно быть по преднамѣренію Божію во Христѣ Іисусѣ. Доселѣ длилось покаяніе съ подъ-эпитимійнымъ состояніемъ, и состояло въ возобладаніи всѣми, дорованными намъ въ Господѣ, средствами, и воспріятіи свободы дѣйствовать ими безпрепятственно. Теперь слѣдуетъ начаться и самому дѣйствованію, чистому, и ни на волосъ не отступать отъ предначертаній Божественнаго промышленія, опредѣляющаго и судьбу всѣхъ, и образъ участія и дѣйствованія въ ней всякаго частнаго лица. Достигшій сего исповѣдуетъ, что Богъ есть уже дѣйствуяй въ немъ и еже хотѣти, и еже содѣяти, и когда дѣйствуетъ, говоритъ: *не азъ, но благодать, яже со мною* (1 Кор. 15, 10).

ПЯТОЕ ОСМИСТИШІЕ.

Пятое осмистишіе охарактеризовано буквою *Ге*—вотъ.

Вотъ,—говоримъ мы, когда хотимъ выразить опредѣленность, точность, очевидность чего либо, какъ бы указывая,—вотъ, посмотри. Въ настоящемъ осмистишіи св. Пророкъ опредѣленно выражаетъ, въ чемъ все дѣло спасительной богоугодной жизни. Приводя на память все, высказанное доселѣ, онъ говоритъ какъ бы такъ: вотъ въ чемъ дѣло! Все отъ Бога; у Него ищи и начертанія благаго пути (ст. 33), и вѣдѣнія (ст. 34), и силы (ст. 35). Но знай, что сколько бы ты ни просилъ сего,—не получишь, если и съ своей стороны не употребишь всѣхъ усилій; посему ищи (ст. 33), храни (ст. 34), желай (ст. 35). Только взаимное сочетаніе свободы и благодати даетъ жизнь истинную, благоуспѣшную. Что отъ Бога, то всегда готово: ты только не дремли и не предавайся лѣности. Нудя же себя на всякое добро, заботься особенно о томъ, чтобы намѣренія твои были чисты. Нечистыя намѣренія губятъ доброту добрыхъ дѣлъ. И такъ, не попускай себѣ имѣть при добродѣланіи корыстные виды (ст. 36). Не примѣшивай къ сему увлеченія и услажденія суетностями (ст. 37). Да воодушевляетъ тебя во всемъ одинъ страхъ Божій (ст. 38). При этомъ, однакожъ, помни, что сколько бы ни смотрѣлъ ты за собою, уничижительныя для тебя помышленія проскользнутъ: кайся въ нихъ, и, какъ многія изъ нихъ не бываютъ замѣчены, а иныя и теперь, когда око твое устремляется въ сердце, можетъ быть, кроются тамъ подъ личиною какого либо добра,—то кайся непрестанно. Покаяніе да будетъ фономъ твоей жизни (ст. 39). За тѣмъ, предавъ себя въ руки Божіи, говори: всѣмъ желаніемъ хочу угодить Тебѣ, Господи (ст. 40).

Стихъ тридцать третій.

Законоположи мнѣ, Господи, путь оправданій Твоихъ, и взыщу ѝ выну.

Законоположи, научи, напечатлѣй въ совѣсти, опредѣленно укажи, что я долженъ дѣлать, дабы не теряться въ домышленіяхъ и догадкахъ, а все видѣть ясно. Въ другихъ псалмахъ говоритъ Пророкъ: *законоположи мн, Господи, въ пути Твоемъ* (Пс. 26, 11), *настави мя, Господи, на путь Твой, и пойду во истинѣ Твоей* (Пс. 85, 11). Темнота и неопредѣленность несносны. Блаж. Ѳеодоритъ пишетъ: „всегда, говоритъ Пророкъ, имѣю нужду въ озареніи и законоположеніи Твоемъ, чтобы знать путь оправданій Твоихъ и шествовать по нему безпрепятственно.“

Но, можетъ быть, замѣчаетъ Беллярминъ, Пророкъ выражаетъ этимъ желаніе не столько того, чтобы сказанъ былъ ему законъ, сколько того, чтобы законъ былъ воспринятъ внутрь всѣми силами существа, чтобъ онъ сталъ закономъ для всѣхъ силъ души, былъ преобладателемъ образа дѣятельности, и вообще, и по частямъ.

Когда дано будетъ такое яснозрѣніе закона, а тѣмъ болѣе такая власть ему внутри, тогда ищущему богоугожденія естественно не искать болѣе ничего, какъ только исполненія его во всякое время и во всѣхъ случаяхъ, гдѣ только откроется возможность приложить его. Пророкъ и прилагаетъ: *и взыщу ѝ выну;* только у меня и заботы и усилій будетъ, чтобъ удовлетворять закону. „Одного, говоритъ Оригенъ, проситъ у Бога, а другое обѣщаетъ привнесть отъ себя. Ты, говоритъ, Господи, законоположи мнѣ путь оправданій Твоихъ; а я все время жизни моей посвящу на то, чтобы взыскивать его.“

Весьма изобразительно представляетъ это законоположеніе Божіе св. Амвросій. „Воины, находящіеся въ походѣ, не сами распоряжаются своимъ ходомъ, но получаютъ отъ царя-вождя росписаніе, куда и какъ идти, и строго его соблюдаютъ. Только при этомъ находятъ они все готовымъ на пути. Если же кто изъ нихъ пойдетъ другимъ путемъ, то ни провіанта не получитъ, ни квартиры не найдетъ. Все это царь повелѣваетъ заготовить на опредѣленномъ имъ пути, и только для тѣхъ, которые слѣдуютъ его указанію, не уклоняясь ни направо, ни налѣво. Онъ же распредѣляетъ и стоянки: три дня, напримѣръ, идти, а четвертый отдыхать. Кромѣ того, избираются города, обилующіе водою и всякимъ продовольствіемъ, въ которыхъ полагается стоять по три, по четыре дня, и болѣе. Такимъ образомъ, путь совершается безъ крайняго утомленія, пока достигнутъ города, въ которомъ потрудившимся воинамъ дается полное успокоеніе. Знай же, что такимъ образомъ и Христосъ, вождь святыхъ, законополагаетъ имъ путь для шествія ко граду Божію. Прообразъ этого видимъ на переходѣ израильтянъ изъ Египта въ землю обѣтованную. Станы этого шествія описаны Моисеемъ, по повелѣнію Божію. Но вникни, кто распоряжался этими станами, равно какъ и всѣмъ путемъ. Богъ предшествовалъ имъ днемъ въ столпѣ облачномъ, прохлаждая шествующихъ, а ночью — въ столпѣ огненномъ, разгоняя тьму и освѣщая путь. Столпъ, то огненный, то облачный, былъ законоположителемъ пути; изъ столпа говорилъ къ нимъ Богъ. Гдѣ надлежало отдыхать народу отъ труда путеваго, тамъ останавливался столпъ, и далѣе не двигался. Когда же надлежало идти, столпъ поднимался и шелъ туда, куда слѣдовало направляться народу. Этотъ столпъ былъ прообразомъ Господа Іисуса, имѣвшаго пріити (и пришедшаго) *на облацѣ легцѣ,* какъ сказалъ Исаія (Ис. 19, 1), то есть,

чрезъ воплощеніе въ Дѣвѣ Маріи, которая была легка, по причинѣ непорочности дѣвства и осѣненія отъ Духа Святаго. Предадимъ же и мы путь свой водительству Господа Іисуса: да будутъ заповѣди Его законоположеніемъ пути нашего. Кто слѣдуетъ путемъ повелѣній Его, тотъ почиваетъ въ сѣни Христовой. Объ этомъ и невѣста воспѣла въ пѣсняхъ: *подъ сѣнь Его восхотѣхъ и сѣдохъ* (Пѣс. пѣс. 2, 3). Такъ можетъ говорить и всякая душа, равно какъ и все собраніе христіанъ—Церковь. Онъ царь, Онъ вождь нашъ, и все прекрасно расположилъ въ пути и шествіи нашемъ. Если случается что на пути скорбное, стѣснительное, что не подъ силу намъ,—Онъ, какъ вождь нашъ, услаждаетъ скорбь, разширяетъ тѣсноту, подаетъ немощи силу и крѣпость. Если земной царь умѣетъ доставлять все потребное воинамъ своимъ,—не тѣмъ ли болѣе всеблагій Богъ вѣдаетъ, что нужно рабамъ Его, и знаетъ, какъ доставить имъ? Такъ-то всякая душа прохлаждается подъ сѣнію Христа Господа, поя съ пѣсненною невѣстою: *подъ сѣнь Его восхотѣхъ и сѣдохъ, и плодъ Его сладокъ*. Онъ пасетъ ее на мѣстѣ злачномъ, воспитываетъ на водѣ покойной, то есть, благодатію св. таинствъ. Проходя далѣе путемъ истиннымъ, она вступаетъ въ блаженный станъ любви и исповѣдуетъ: *уязвлена есмь любовію азъ* (Тамже—5). Есть и другіе станы, въ которые съ любовію вступаетъ вѣрно шествующая къ цѣли своей душа,—станъ креста и погребенія. А не добрыхъ становъ устраняется душа. *Путемъ царскимъ пойдемъ, не совратимся ни на десно, ни на шуее, дондеже прейдемъ предѣлы Твоя* (Числ. 20, 17), такъ говорили послы Моисея царю Едому, то есть, земному, потому что земное все, и направо и налѣво, не добро: не добръ станъ неразумія, не добръ станъ невоздержанія. Израилю надлежало миновать ихъ, не останавливаясь, чтобы достигнуть премудрости и стать тамъ

станомъ, потому что въ десницѣ ея жизнь, а въ шуйцѣ—всякое довольство (Прит. 3, 16). Хорошо сказалъ Пророкъ: *законоположи*, то есть, положи во мнѣ законъ, чтобъ онъ пребывалъ въ сердцѣ неподвижнымъ и твердымъ; чтобъ оно никакою бурею вѣка сего не было отторгаемо отъ любви къ нему; чтобы такимъ образомъ онъ самъ себѣ былъ законъ, имѣя дѣло законное написаннымъ въ сердцѣ своемъ. *Взыщу*, говоритъ, *ѝ выну*. И вѣрно; потому что не малость какая нибудь ищется. а рай, царство Божіе. содружество ангеловъ, вѣчно-блаженныя обители. Потому-то и искать надлежитъ не день, не два, не нѣсколько мѣсяцевъ, но всегда и чрезъ все, чтобы побольше собрать такого, что достойно воздаянія.

Послѣднюю мысль о напечатлѣніи закона въ сердцѣ съ особою полнотою развиваетъ блаж. Августинъ. „Апостолъ говоритъ, что праведнику законъ не лежитъ, а лежитъ онъ беззаконникамъ и непокоривымъ (1 Тим. 1, 9—11). Ужели таковъ былъ тотъ, кто говоритъ здѣсь: *законоположи мнѣ, Господи*,—каковы тѣ. для коихъ, по слову апостола, положенъ законъ? Нѣтъ—еслибъ онъ былъ таковъ, то не сказалъ бы выше: *путь заповѣдей Твоихъ текохъ*. Что же значитъ молитва его — положить ему законъ, когда онъ не полагается праведнику? Не полагается онъ ему такимъ же образомъ, какъ положенъ народу непокоривому, на скрижаляхъ каменныхъ, а на скрижаляхъ сердца плотяныхъ (2 Кор. 3, 3), не по ветхому завѣту съ горы Синая, раждающему въ работу (Гал. 4, 24), а по новому, о коемъ пишетъ пророкъ Іеремія: *се дніе грядутъ, глаголетъ Господь, и завѣщаю дому Израилеву и дому Іудину завѣтъ новъ, не по завѣту, его же завѣщахъ отцемъ ихъ въ день, въ оньже, емшу Ми за руку ихъ, извести я отъ земли Египетскія, яко тіи не пребыша въ завѣтѣ Моемъ, и Азъ небрегохъ ихъ, глаголетъ*

Господь. Яко сей завѣтъ, его же завѣщаю дому Израилеву: по днехъ онѣхъ, глаголетъ Господь, дая законы Моя въ мысли ихъ, и на сердцахъ ихъ напишу я, и буду имъ въ Бога, и тіи будутъ Ми въ люди (Іер. 31, 31—33). Вотъ какимъ образомъ желаетъ онъ, чтобы положенъ былъ ему законъ отъ Господа.—не такъ, какъ положенъ онъ неправеднымъ и непокорнымъ, принадлежащимъ къ ветхому завѣту, на скрижаляхъ каменныхъ; но такъ, какъ чадамъ святымъ, свободнымъ, чадамъ вышняго Іерусалима, Духомъ Святымъ, какъ перстомъ, написуется въ сердцѣ.—не какъ такой, который только въ памяти содержатъ, а въ жизни презираютъ, но какъ такой, который разумно знаютъ и любовно исполняютъ, по широтѣ любви, а не по тѣснотѣ страха. Кто по страху наказанія дѣлаетъ дѣло законное, а не по любви къ правдѣ, тотъ дѣлаетъ его невольно: а кто дѣлаетъ законное невольно, у того навѣрно кроется желаніе, чтобы не было такого закона. Такимъ образомъ, онъ не другъ закона, а скорѣе недругъ, когда желаетъ, чтобъ его не было. Дѣло не дѣлаетъ чистымъ того, кто нечистъ произволеніемъ. Такой не можетъ сказать, что впереди сказано: *путь заповѣдей Твоихъ текохъ, егда разширилъ еси сердце мое;* ибо такое разширеніе сердца означаетъ любовь, которая, по апостолу, есть исполненіе закона (Рим. 13, 10). Почему же проситъ онъ положить ему законъ, когда, еслибъ не былъ онъ ему положенъ, то онъ и не текъ бы путемъ заповѣдей въ широтѣ сердца? Это онъ говоритъ такъ потому, что, стремясь къ преуспѣянію, вѣруетъ, что оно есть даръ Божій. Полагая это прошеніе вслѣдъ за предыдущимъ, чего другаго проситъ онъ, какъ не того, чтобы преуспѣвать болѣе и болѣе къ жизни по закону? Этотъ законъ назвалъ онъ здѣсь путемъ оправданій; но не другой путь есть и путь заповѣдей, по которому онъ уже пошелъ, когда разширилось любовію

къ закону сердце его. Такимъ образомъ, онъ уже шелъ, а теперь и еще желаетъ идти, все идти, чтобы достигнуть почести вышняго званія Божія. Потому-то и прибавилъ: *и взыщу и выну*. Какъ будетъ онъ искать того, что̀ имѣетъ, если не такъ, что и то, что̀ имѣетъ уже, имѣетъ потому что дѣлаетъ, и то, что взыскивать будетъ, будетъ взыскивать чрезъ стремленіе къ совершенству въ томъ же родѣ дѣятельности. Но что значитъ *выну?* Ужели не будетъ конца исканія? *Выну*—все время, пока живемъ здѣсь; ибо дотолѣ только и преуспѣяніе, а тамъ завершается и запечатлѣвается хорошо здѣсь преуспѣвшій. Здѣсь взыскивается законъ чрезъ преуспѣваніе въ исполненіи его, а тамъ предлежитъ полнота наслажденія въ немъ и ради его,—и для исканія ничего не остается."

Стихъ тридцать четвертый.

Вразуми мя, и испытаю законъ Твой, и сохраню и всѣмъ сердцемъ моимъ.

„Въ предъидущемъ стихѣ, пишетъ Зигабенъ, испрашивалось вѣдѣніе закона общее и расположеніе къ нему общее, вообще ко всему законному, ко всему тому, на чемъ есть печать воли Божіей,—испрашивалось оживленіе совѣсти и возвышеніе силы голоса ея; теперь испрашивается вѣдѣніе законнаго образа дѣйствованія въ частностяхъ, какъ бы такъ: дай разуму моему такую остроту умнаго зрѣнія, чтобъ я вѣрно могъ опредѣлять всякій разъ, какъ должно мнѣ поступить, чтобы дѣло мое вполнѣ было сообразно съ духомъ Твоего закона, съ Твоею волею, съ Твоими благими намѣреніями о мнѣ и о всѣхъ людяхъ. За тѣмъ и обѣщалось прежде вообще взысканіе законнаго, а здѣсь обѣщается храненіе или исполненіе его во всякомъ случаѣ. Сердечность же и тамъ и здѣсь одинакова. Только сердце можетъ взыски-

вать *выну:* потому-то тамъ и неприбавлено: *всѣмъ сердцемъ взыщу.* Исполнять же законное можно и безъ сердца: вотъ почему здѣсь и прибавлено: „всѣмъ сердцемъ буду хранить.“ Сердечность составляетъ всю цѣну храненія закона. Но такъ какъ сердце слѣпо, то и испрашивается вразумленіе, чтобы лучи свѣта разумнаго освѣщали область законнаго, и указывали сердцу направленія цѣлесообразныхъ стремленій. Пророкъ какъ бы такъ молится: „дай мнѣ, Господи, вразумленіе и просвѣщеніе Духомъ Твоимъ, да помощію Его, со вниманіемъ и усердіемъ изслѣдую законъ Твой; понявъ его точно, я обѣщаю и исполнять его вѣрно. „И Господь повелѣлъ испытывать Писанія; но испытующимъ потребно озареніе свыше, чтобъ и найти искомое, и сохранить найденное“, замѣчаетъ блаж. Ѳеодоритъ. „Прежде, говоритъ Беллярминъ, испросилъ расположеніе къ закону, а теперь просить вѣрнаго и подробнаго знанія его, не для любопытства, а для храненія познаннаго.“

Св. Иларій такъ обозрѣваетъ весь составъ этого стиха: „Зная, что первое дѣло премудрости есть, когда не знаешь чего, обращаться за вразумленіемъ къ знающимъ (Прит. 17, 28), Пророкъ, вопервыхъ, проситъ разума, чтобъ уразумѣвать то, чего не разумѣетъ; зная потомъ, что, получивъ духъ разумѣнія, надлежитъ упражнять его въ изслѣдованіи, говоритъ: *и испытаю законъ Твой;* зная при томъ, что праведный плодъ испытаній есть исполненіе дѣломъ открытаго изслѣдованіемъ и познаннаго, прибавляетъ: *и сохраню и;* разумѣя же, что дѣятельное исполненіе познаннаго получаетъ силу и цѣну отъ сердца, онъ заключаетъ весь кругъ своей рѣчи такъ: *и сохраню и всѣмъ сердцемъ моимъ.* Но что именно проситъ Пророкъ уразумѣть и изслѣдовать? Духовное знаменованіе всего узаконеннаго. Какъ, напримѣръ, шесть рабочихъ дней напоминаютъ шесть дней творенія, а седьмой—день покоя,—покой

Божій по твореніи; какъ новомѣсячное празднество будто въ зерцалѣ предъизображаетъ вѣчное празднованіе новой жизни на небесахъ, такъ чтобъ разумѣть и все прочее: что̀ значитъ юбилей седьмилѣтній и пятидесятилѣтній, что̀ обрѣзаніе, что опрѣсноки, что Пасха, что сама земля обѣтованная. Все это проситъ разумѣть, обѣщая, что, уразумѣвъ то, будетъ углубляться въ разумѣемое изслѣдованіемъ; углубляясь же, дорожить тѣмъ, и дорожа, хранить то всѣмъ сердцемъ своимъ."

Св. Амвросій далѣе проводитъ эту мысль, совѣтуя глубже входить въ уразумѣніе богоугоднаго дѣйствованія, вслѣдъ за истолкованіемъ, которое дано дѣламъ закона отъ Господа. „Намъ должно ходить въ духовномъ законѣ, или въ заповѣдяхъ Господа, которыя изрекъ Онъ, когда говорилъ: *речено древнимъ... Азъ же глаголю вамъ* (Мѳ. гл. 5). Какъ есть Святое, а выше его Святое Святыхъ, такъ есть заповѣдь, и заповѣдь заповѣдей. Когда уразумѣешь такъ (духовно) законъ, тогда и сохранять его будешь сердцемъ. Іудей не хранитъ сердцемъ закона; читаетъ его устами, а умомъ не разумѣетъ и сердцемъ не любитъ. Потому-то и укоряется онъ: *устами чтитъ Мя, сердце же его далеко отстоитъ отъ Мене* (Ис. 29. 13). Какъ можетъ содержать законъ тотъ, кто далекъ отъ законодателя?"

Углубляясь такимъ образомъ въ законъ, усвояя себѣ духовное его разумѣніе и дѣйствуя по сему послѣднему, „истинный законолюбецъ достигаетъ, наконецъ, по словамъ блаж. Августина, высотъ святой и богоугодной жизни, на коихъ любитъ Бога отъ всего сердца, отъ всей души и всего помышленія, и ближняго своего какъ самого себя; а въ этомъ состоитъ весь законъ и пророки."

Не отъ того ли часто не видно должнаго плода отъ трудовъ у многихъ ревнителей благочестія и среди христіанъ, что не просятъ разумѣнія и не углубляются въ

изслѣдованіе о томъ, что есть вящшее закона? Отъ того и толкаются въ преддверіяхъ, не входя внутрь. Внѣшній чинъ имѣетъ и христіанство: безъ него нельзя быть человѣку. Но въ христіанствѣ онъ имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ въ ветхозавѣтномъ устроеніи вѣры. Тамъ пунктуально начертано все перстомъ Божіимъ, и отступающій отъ начертаній, хотя бы ими опредѣлялась одна внѣшность, погрѣшалъ. Церкви Христовой не дано такого начертанія, а данъ ей духъ жизни о Христѣ Іисусѣ, который самъ развился и облекся во все дивное благолѣпіе церковнаго чина. И какъ духъ жизни сей не изсякаетъ: такъ и внѣшнее облаченіе сего духа непрекращаемо. Онъ не закоченѣваетъ на одномъ, чтобъ оно стало, какъ иго работы подзаконной; но всегда свободенъ обновляться, какъ ежегодно обновляютъ одежды свои дерева, отъ избытка внутренней жизни. Законъ одинъ: *все да будетъ благообразно и по чину* (1 Кор. 14, 40).

Въ этомъ чинѣ, какъ онъ дошелъ до насъ, мы и воспитываемся, и возгрѣваемъ въ себѣ имъ духъ жизни. Вся сила въ этомъ духѣ. Коль скоро онъ не въ движеніи, то есть, когда мы движемся лишь въ благоустроенномъ чинѣ Церкви; то ничѣмъ не разнимся отъ іудеевъ, обрѣзанныхъ безъ обрѣзанія сердца, очищавшихъ внѣшнее сткляницы, безъ заботы о внутренней чистотѣ,—устами говорившихъ: Господи, Господи! а въ сердцѣ преслѣдовавшихъ преимущественно свои эгоистическія цѣли. Іудей приносилъ жертву положенную, и отходилъ покойнымъ въ домъ. Чѣмъ разнится отъ него тотъ, кто, простоявъ, напримѣръ, внѣшно церковную службу съ мыслями суетными и страстными, возвращается спокойно домой, съ увѣренностію, что совершилъ дѣло должное и притомъ такъ исправно, что больше отъ него ничего и не требуется? Ничѣмъ.—это настоящій іудей въ духѣ. На одной съ ними линіи стоитъ и тотъ, кто въ домѣ пере-

читываетъ положенныя молитвы и кладетъ счетомъ поклоны, не заботясь о молитвенномъ строѣ ума и сердца; и однакожъ, исправивъ это дѣло благочестія, держитъ въ умѣ и сердцѣ, что за нимъ не состоитъ болѣе никакой повинности, а остается только ожидать вѣнца правды. Таже цѣна и всѣхъ добродѣланій, которыя исходятъ не изъ духа жизни, а творятся ex officio, будучи вызываемы внѣшнею, такъ сказать, совѣстію, и сопровождаясь тою же самоувѣренностію, что, вслѣдствіе ихъ, мы правы, и съ насъ нечего больше взыскивать.

Къ внѣшнему чину мы такъ пристрастились, что забыли и настоящую его цѣну и значеніе. Отъ того коснись его кто въ чемъ-либо, сейчасъ крикъ со всѣхъ сторонъ: *субботы не хранитъ*! (Ін. 9, 16). Стань входить внутрь и выяснять, что это существенно, а это, какъ внѣшнее, не важно,—послышишь укоры: „иллюминатъ, мистикъ, духоборецъ!“ Много ли найдется такихъ, кои, благоговѣйно проходя и содержа всѣ чины, вмѣстѣ съ тѣмъ держали бы убѣжденіе, что всѣ такія дѣянія сами по себѣ ничто, а всю цѣну имѣютъ отъ того духа, съ какимъ ихъ совершать и принимать должно? Конечно, благоговѣйно должно чтить установившіеся чины, но не потому, чтобъ они сами въ себѣ имѣли какую либо силу (кромѣ св. таинствъ), а потому, что ими служимъ Богу, въ отношеніи къ Коему если кто дѣлаетъ что небрежно, подлежитъ клятвѣ не за то или другое дѣяніе, а за неблаговѣйное его исполненіе. Въ этомъ отношеніи, во всемъ внѣшнемъ чинѣ Церкви,—и большое и малое по виду,—все должно быть совершаемо съ полнымъ всесердечнымъ благоговѣніемъ, но не къ дѣлу внѣшнему, а къ Богу, къ Коему относимся чрезъ него. Всякое внѣшнее дѣйствованіе можно замѣнить десятками другихъ; но духъ, съ коимъ слѣдуетъ совершать ихъ, всегда долженъ быть одинъ и неизмѣненъ. Если мы упустимъ это изъ виду,

то прикуемъ себя къ одному и набьемъ себѣ вѣру, что иначе ужъ нельзя: отсюда внѣшнее станетъ узами, наводя страхъ: „не коснись, ниже вкуси, ниже осяжи." А это и есть рабство боязливое, отъ котораго да избавитъ Господь вѣрующихъ!

Стихъ тридцать пятый.

Наставн мя на стезю заповѣдей Твоихъ, яко тую восхотѣхъ.

Испросилъ сосложенія съ закономъ, чтобы взыскать его; испросилъ разума, чтобы вѣрно уразумѣвать законное,—зачѣмъ же теперь дѣло? Хочешь, знаешь,—ну, такъ иди. Нѣтъ,—говоритъ,—поведи, настави (по гречески: ὁδήγησον), проводи, возьми за руку и веди, какъ водитъ поводырь слѣпца. Тутъ есть часть сознанія и немощи: въ духовномъ порядкѣ, при всемъ воодушевленіи на жизнь въ немъ,—есть часть сознанія и робости, или несмѣлости ступать непривычною стезею духовной жизни, привыкнувъ къ дѣйствіямъ ощущаемымъ и искаиіямъ осязательнаго свойства,—есть часть сознанія и слѣпоты духовной, малоувѣренности, что, дѣйствуя такъ и такъ, дѣйствуешь право, потому что окончательная увѣренность въ этомъ пріобрѣтается опытомъ, а его еще нѣтъ, пока не вступлено на путь и не пройдено этимъ путемъ сколько нужно, чтобъ ознакомиться съ духовными опытами. Этимъ завершается кругъ крайнихъ духовныхъ нуждъ, обусловливающихъ спасительный образъ дѣйствованій: законоположи, вразуми, поведи. Послѣдняя молитва полагаетъ ищущаго въ руки человѣколюбиваго Бога, Который только того и ждетъ, чтобы человѣкъ, наконецъ, весь Ему предался, дабы безпрепятственно дѣйствовать въ немъ, и внутренно и внѣшно. И причина услышанія полагается въ расположеніи такого же рода: поведи, говоритъ, *по стезѣ, яко тую*

восхотѣхъ. По нашему, можно бы на это отвѣтить такъ: мало ли ты чего не захочешь! Но въ порядкѣ Божественнаго промышленія о разумносвободныхъ тваряхъ этимъ только и открывается просторъ свободному богодѣйствію въ насъ, во спасеніе наше. Благость Божія уже готова простереться къ намъ съ своими дарами. Если не на всѣхъ изливается она, то потому только, что не всѣ желаютъ и не всѣ взыскиваютъ этихъ даровъ. Возжеланіе открываетъ входъ имъ, какъ, напримѣръ, разширеніе легкихъ входъ въ нихъ воздуха, и открытіе окошка входъ свѣта въ темныя комнаты. Пророкъ говоритъ какъ бы такъ: дѣло стояло за моимъ хотѣніемъ; вотъ же я, по благодати Твоей, восхотѣлъ; веди же меня. Блаж. Ѳеодоритъ пишетъ: „не просто проситъ, чтобы Богъ всяческихъ сдѣлался руководителемъ его въ пути, но показываетъ вмѣстѣ и свое стремленіе къ шествію путемъ симъ.“ Но этимъ же самымъ показываетъ, что и одного стремленія его недостаточно къ достиженію того, чего взыскалъ онъ. Блаж. Августинъ говоритъ: „будучи не силенъ самъ собою исполнить повелѣваемое, безъ помощи повелѣвающаго, онъ молится: поведи. Мало моего хотѣнія, если Ты Самъ не поведешь меня по той стезѣ, по какой восхотѣлъ я идти, по внушенію Твоему.“ Св. Иларій пишетъ: „сознаетъ слабость естества своего и то, что не можетъ безъ особаго вождя идти стезею заповѣдей. Вождь всѣхъ, шествующихъ этою стезею, есть Богъ, какъ заповѣдано: *въ слѣдъ Господа Бога вашего ходите, и къ Нему прилѣпляйтеся* (Второз. 13, 4). Нашъ вождь—Христосъ Господь, рекшій: *иже хощетъ по мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой и послѣдуетъ Мнѣ* (Мѳ. 16, 24). Онъ первый проложилъ стезю страданій, Евангелія ради.“

Не такъ ли и есть, въ самомъ дѣлѣ, что намъ, христіанамъ, молиться надо не столько о томъ, чтобы по-

дано было руководство, сколько о томъ, чтобы даны были вѣдѣніе и умѣнье пользоваться уже готовымъ руководствомъ, представляющимся въ лицѣ Господа Іисуса? Св. Аѳанасій у Зигабена говоритъ: „у кого нѣтъ вѣрнаго вождя, тотъ не можетъ идти путемъ заповѣдей. Но намъ надлежитъ быть подражателями Христа Господа.—взять крестъ Его и послѣдовать Ему.“ Св. Амвросій полнѣе объясняетъ это: „Христосъ, говоритъ онъ, предшествуетъ,—мы послѣдуемъ. Онъ первый проложилъ путь новозавѣтной жизни. Если мы постимся.—Онъ прежде насъ постился; если за имя Божіе терпимъ оскорбленія,—Онъ прежде насъ претерпѣлъ ихъ для нашего искупленія: *плещи Своя вдалъ на раны и ланиты на заушеніе* (Ис. 50, 6), и взошелъ на крестъ, чтобъ научить насъ, что, стоя за истину, не должно и смерти бояться.“

Почему сказалъ св. Давидъ: *настави на стезю заповѣдей?* Потому, что стезею называется узкая, непирокая тропинка; а таковъ и есть путь заповѣдей. Тѣсенъ и прискорбенъ путь, ведущій въ животъ; путь же этотъ не иной какой, какъ путь заповѣдей. Блаж. Августинъ говоритъ: „Давидъ назвалъ здѣсь путь заповѣдей стезею по той причинѣ, что тѣсенъ путь, ведущій въ животъ, хоть идти по нему все-таки надобно, и еще съ расположеннымъ сердцемъ.“ А можетъ быть, говоритъ Зигабенъ, „стезею названъ путь заповѣдей потому, что онъ не новъ, и не необыченъ, но изстари учащаемъ и проторенъ праведниками, которые шли по нему.“ Св. Иларій пишетъ: „стезя—τρίβος есть протертая, учащаемая дорожка. Избранные люди начали ходить въ заповѣдяхъ Божіихъ отъ начала вѣка. Этою стезею шелъ Авель; по ней шествовалъ Сиѳъ; идя по ней, Енохъ угодилъ Богу; Ной удостоился быть сохраненнымъ отъ потопа; Мелхиседекъ сподобился благословить отца вѣрующихъ и стать прообразомъ Христа; Авраамъ сдѣ-

лался другомъ Божіимъ; Исаакъ—наслѣдникомъ великихъ обѣтованій; Іаковъ—Израилемъ, носителемъ чаянія языковъ; Іовъ восторжествовалъ надъ врагомъ."

А можетъ быть, потому еще путь заповѣдей есть стезя, узкая дорожка, что идущій по ней обыкновенно идетъ одинъ. Идущихъ по пути заповѣдей много, но у всякаго своя стезя, держась которой онъ только и можетъ достигнуть туда, куда идетъ. Много совѣтниковъ, много примѣровъ, много товарищей: но шаги всякій дѣлаетъ свои, и своею ногою ступаетъ въ свое мѣсто на своей стезѣ. Внимательно идущій чувствуетъ это одиночество, и на каждомъ шагу помнитъ, что, кромѣ его, идущаго, есть только Богъ, *вездѣ сый и вся исполняяй*. Въ этомъ отношеніи истинно богоугодно идущіе путемъ заповѣдей всѣ до единаго—монахи; ибо монахъ тотъ, кто живетъ такъ, что въ сознаніи его держится только Богъ, и онъ самъ предъ Нимъ въ благоговѣйномъ предстояніи, не смотря на труды и многодѣланіе, когда оно встрѣчается. И надо признать, что только такой строй внутри и даетъ истинныхъ шествователей стезею заповѣдей, безъ различія пола и внѣшнихъ отличій жизни.

Путь заповѣдей и потому еще можетъ быть названъ стезей—тропинкой, что проходитъ извилинами, минуя обрывы, острые каменья и колючки. Стезя заповѣдей сама по себѣ пряма и прямо ведетъ къ цѣли, но, по причинѣ противностей извнѣ и неустройствъ внутри, извивается въ разномъ смыслѣ. И это бываетъ такъ необходимо, что Самъ, невидимо, но вѣрно руководящій Своихъ сшественниковъ, намѣренно уклоняетъ шествіе туда и сюда, какъ видитъ болѣе удобнымъ и необходимымъ для руководимаго. Ту же необходимость имѣютъ и попущенія Божіи, но они суть только отъятіе ведущей и поддерживающей руки. Прямыя же воздѣйствія на измѣненіе шествованій въ одномъ и томъ же лицѣ суть

измѣненія въ подвигахъ и дѣланіяхъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, по которымъ для стороннаго наблюдателя можетъ показаться, что тотъ же человѣкъ, да сталъ совсѣмъ не тотъ. Напримѣръ, подвизавшійся обычно сдѣлался юродивымъ: затворникъ—общительнымъ и всѣмъ доступнымъ; строгій постникъ—обычнымъ воздержникомъ, любитель церковныхъ молитвословій, — молитвенникомъ не по книгамъ. Тѣхъ потребностей, по которымъ это совершается, никто не можетъ обрисовать, даже не въ состояніи предугадать ихъ и тотъ, кто подъялъ ихъ. Это тайны живущихъ, и сами участники въ нихъ сознаютъ нравственно пригодность ихъ только для нихъ; а отъ чего и какъ все это устрояется, уяснить себѣ не могутъ: только благодарятъ Господа, все во благо намъ устрояющаго.

Какъ же, послѣ этого, далеки отъ истины тѣ, которые нормою жизни поставляютъ жизнь по сознанію долга, а долгъ опредѣляютъ указаніями внѣшнихъ отношеній и порядковъ жизни! Это такъ далеко отъ истины, какъ закорузлая кора дерева отъ истоковъ жизни, которою оно живится.

Стихъ тридцать шестой.

Приклони сердце мое во свидѣнія Твоя, а не въ лихоимство.

Слѣдующіе три стиха (36, 37 и 38) соотвѣтствуютъ тремъ предъидущимъ въ этомъ осмистишіи. Тамъ—(33) *законоположи... взыщу;* здѣсь — (36) дай, чтобъ я не искалъ при этомъ ничего другаго, кромѣ Тебя и закона Твоего. Тамъ — (34) *вразуми... сохраню;* здѣсь — (37) сдѣлай, чтобы сердце мое услаждалось только закономъ Твоимъ, а не обращалось къ чему либо изъ того, въ чемъ обыкла находить услажденіе человѣческая сует-

ность. Тамъ — (35) *наставн... восхотѣхъ*; здѣсь — (38) пѣстуномъ моимъ и стражемъ благаго хотѣнія моего поставь во мнѣ страхъ Твой. Такъ понимаетъ это. соотношеніе Беллярминъ. Мы будемъ приводить слова его въ своемъ мѣстѣ подъ каждымъ стихомъ,

Очевидно, что здѣсь указываются правильныя чувства и намѣренія, какими слѣдуетъ руководиться при исполненіи воли Божіей, чрезъ отверженіе чувствъ и намѣреній неправильныхъ. Дѣятельность правую краситъ благонамѣренность. точно такъ, какъ неблагонамѣренность обезображиваетъ ее, — передъ очами людей не всегда, но предъ очами Всевидящаго Бога и просвѣщенною Имъ совѣстію—всегда.

Прямая мысль въ настоящемъ стихѣ—объ исключительномъ возлюбленіи воли Божіей, съ отверженіемъ любоиманія или жадности пріобрѣтенія. Осмотрись кругомъ и увидишь, что преимущественныя хлопоты у людей о томъ, чтобы имѣть, и чѣмъ больше кто имѣетъ, тѣмъ больше желаетъ имѣть. Это болѣзнь, которую Пророкъ называетъ здѣсь πλεονεξία,—жадность имѣть все больше и больше. Такъ какъ она, овладѣвая человѣкомъ, занимаетъ всѣ силы его души такъ, что о Богѣ и волѣ Его святой и подумать некогда, а не то ужъ чтобы *взыскивать* Его *выну* (Пс. 104, 4); то Пророкъ и молится отвратить сердце его отъ такого бѣдственнаго исканія и приклонить къ свидѣніямъ Божіимъ,— сдѣлать такъ, чтобъ оно о томъ только и болѣзновало, какъ бы представлять человѣка исправнымъ во всѣхъ свидѣніяхъ Божіихъ, и только тогда находило бы себя довольнымъ, когда человѣкъ будетъ таковъ, а не тогда, когда получаетъ какіе-либо прибытки по житейскимъ дѣламъ.

Не имѣть нельзя, потому что нужна пища, нужна одежда, нуженъ кровъ; обо всемъ этомъ надобно про-

мыслить, чтобы никому не быть въ тягость. Даже пустынные отшельники прилежали трудамъ рукодѣлія, чтобъ и себя содержать, и подѣлиться, когда нужно, съ другими. У св. Пророка рѣчь не о томъ, чтобъ ничего не имѣть, но чтобы не болѣть любоиманіемъ, жаждою имѣть все больше и больше, съ пристрастіемъ къ тому, что уже имѣется. Онъ какъ бы говоритъ такъ: сдѣлай, чтобъ, и имѣя, я былъ какъ неимѣющій, чтобъ сердце мое пусто было отъ имѣющихся у меня вещей, и прилѣпилось все сполна къ единымъ свидѣніямъ Твоимъ.

Беллярминъ говоритъ: „этотъ стихъ соотвѣтствуетъ первому въ семъ осьмистишіи (33-му). Тамъ молился Пророкъ о напечатлѣніи въ сердцѣ закона; а здѣсь молится объ отклоненіи его отъ любоиманія, которое больше всего мѣшаетъ исполненію закона. Излей, говоритъ, въ сердце мое обильнѣйшую благодать, которою оно преклонялось бы къ храненію заповѣдей Твоихъ, а не было одолѣваемо любоиманіемъ. „Поворотн, Господи, объясняетъ Зигабенъ, сердце мое на любовь къ заповѣдямъ Твоимъ; помоги благодатію Твоею моему произволенію, и не допусти, чтобъ оно склонилось на любовь къ многоиманію и было препобѣждаемо благами міра сего."

Но здѣсь не столько правило жизни, сколько указанія законной цѣли, при исполненіи закона. Пророкъ молится: дай мнѣ, оставаясь вѣрнымъ закону Твоему, не имѣть въ виду ничего корыстнаго; дай мнѣ любить законъ Твой не тогда только, когда я въ довольствѣ, но хотя бы Ты у меня и все отнялъ, дай сердцу моему быть преклоненнымъ къ единому закону Твоему, ради того, что въ немъ благая воля Твоя. Св. Амвросій пишетъ: „Святый не ищетъ интересовъ, но, вмѣнивъ все въ уметы, да Христа пріобрящетъ, проситъ, чтобы такъ было настроено и сердце его, ибо знаетъ, что интересующее плоть—вредно для души, такъ какъ оно вредитъ

добродѣтели.“ Блаж. Августинъ говоритъ: „Богъ требуетъ, чтобы мы чтили Его и оставались вѣрными свидѣніямъ Его даромъ, безъ всякихъ корыстныхъ видовъ, ибо въ корыстности—корень всѣхъ золъ. По гречески стоитъ здѣсь πλεονεξία—страсть имѣть болѣе того, сколько имѣемъ. Она то и есть корень всему злу. Первые люди не были бы обольщены врагомъ и не пали бы, еслибы не возжелали имѣть больше, чѣмъ получили, и стать больше того, чѣмъ были созданы. Врагъ обѣщалъ имъ: *будете яко бози* (Быт. 3, 5). — и желаніе имѣть больше низвергло ихъ. Желая имѣть болѣе, нежели сколько получили, они потеряли и то, что имѣли. Врагъ говорилъ объ Іовѣ: *еда туне* (даромъ) *Іовъ чтитъ Господа?* (Іов. 1, 10). Врагъ думалъ, что этотъ праведный мужъ, въ своемъ богобоязненномъ богоугожденіи, имѣлъ сердце, приклоненное къ любоиманію, и служитъ Богу, какъ наемникъ, изъ-за временныхъ благъ, коими обогощалъ его Богъ, Но какъ безкорыстно было его служеніе Богу,—показало самое искушеніе. Такимъ образомъ, когда сердце неприклонно къ любоиманію, тогда мы чтимъ Бога ради Бога, чтобы Богъ былъ и наградою за почитаніе Его. Будемъ же любить Бога (и законъ Его) ради Его Самого; Его же будемъ любить и въ насъ самихъ,—Его же и въ ближнихъ нашихъ.“

Богатымъ, когда они держатся благочестія, трудно различить, ради чего они благочестивы, — Господа ли ради и Его закона, или ради своего довольства. Во время довольства, они и сами не могутъ опредѣлить этого съ точностію, по лукавству сердца, которое, и при стараніи все дѣлать Господа ради, можетъ укрывать въ себѣ опору на довольство. Это обнаруживаютъ только лишенія, и чѣмъ онѣ шире, тѣмъ рѣшительнѣе удостовѣреніе, что если и при этомъ не прекращается любовь къ Богу, то значитъ, что она и прежде была не изъ-за то-

го, что имѣлось и теперь потеряно. Въ обычномъ же теченіи дѣлъ многоимѣющіе, во избѣжаніе любоименія, должны возгрѣвать въ сердцѣ своемъ такое расположеніе, умственно поставляя себя въ разныя положенія лишеній, и возстановляя въ сердцѣ мирное при томъ устроеніе. Этимъ могутъ они напечатлѣть въ душѣ такое рѣшеніе, что хоть все будетъ взято, и имъ придется остаться не при чемъ, они будутъ готовы на это хоть сейчасъ. Настроясь такъ, они, и имѣя, будутъ какъ ничего неимѣющіе, что, по апостолу, есть послѣдній предѣлъ совершенства въ этомъ отношеніи для живущихъ въ мірѣ и не могущихъ не имѣть.

Есть и духовная корыстность, когда трудятся въ исполненіи закона, въ надеждѣ полученія духовныхъ благъ здѣсь, или въ будущей жизни. Это корыстность тонкая, которую нелегко опредѣлить и различить. Вообще, надо сказать: коль скоро, при трудахъ благочестной жизни, имѣется въ виду другое что нибудь, кромѣ Бога, угожденія и покорности волѣ Его,—то тутъ уже есть своекорыстіе. Что именно можно имѣть въ виду, кромѣ Бога и въ духовномъ порядкѣ вещей,—пусть опредѣляетъ всякій самъ въ себѣ, вникая построже въ сердце свое, и когда замѣтитъ, пусть молится не менѣе богатыхъ вѣка сего: *приклони, Господи, сердце мое во свидѣнія Твоя, и не въ лихоимство*. Открытіе это должно быть скорбно для нихъ; но въ утѣшеніе имъ можно сказать, что нельзя вдругъ востечь на высоту духовной чистоты: нужны время, трудъ и постепенность. И замѣтить эту нечистоту не вдругъ можно; но, замѣтивъ, кажется, немногаго стоитъ отторгнуть неправое. Богъ есть устроитель спасенія. Онъ и до этого доведетъ, то есть, чтобъ и увидѣть, и поправить.

Пророкъ проситъ *приклонить сердце*. А самъ же что?— Да что подѣлаешь съ сердцемъ, когда оно не всегда при-

легаетъ къ тому, необходимость чего сознана? Сознана необходимость ходить въ свидѣніяхъ Божіихъ, а сердце не льнетъ къ нимъ. Отъ того и молитва: *приклони, Господи.* Однакожъ, это не значитъ, что самимъ при этомъ можно оставаться бездѣйственными,—нѣтъ: надо и Богу молиться о приклоненіи сердца къ заповѣдямъ, и самимъ нудить его къ такому склоненію, насколько это находится въ нашей власти и силѣ. Когда истощишь свои силы, тогда и помощь Божія придетъ, и восполнитъ недостающее въ твоихъ усиліяхъ и трудахъ. Блаж. Θеодоритъ пишетъ: „вода обыкновенно стремится по склону, и какъ скоро находитъ гдѣ нибудь выходъ, стекаетъ туда вся. Такъ, послѣ того, какъ діаволъ открылъ путь ко грѣху,—человѣческое естество устремилось къ худшему. Посему весьма прилично Пророкъ умоляетъ о томъ, чтобы сердце его приклонено было во свидѣнія Божіи, и избѣжало поводовъ испытать стремленіе къ иному.“ Св. Иларій разъясняетъ это такъ: „Все къ дарованію Божію относитъ Пророкъ,—и законоположеніе пути оправданій, и вразумленіе, и руководство, и, наконецъ, склоненіе сердца къ свидѣніямъ. Можетъ быть, по поводу такого благоговѣйнаго смиренія, иной нечестиво дерзнетъ сказать: если все отъ Бога, если человѣкъ ничего не можетъ имѣть кромѣ того, что получитъ отъ Бога, какъ даръ; то человѣческое невѣдѣніе и грѣховность не имѣютъ вины. Такъ думать нечестиво, и Пророкъ тутъ же предотвращаетъ всякій къ тому поводъ. Молится онъ, исправляя дѣло, свойственное немощному; но тутъ же присовокупляетъ, какой трудъ богоугожденія долженъ привнесть и отъ себя. Когда говоритъ: *законоположи ми, Господи, путь оправданій,* то показываетъ, что законоположеніе, испрашиваемое смиренною молитвою, есть отъ Бога. Когда же прибавляетъ: *и взыщу и выну*, то указываетъ, чего требуетъ отъ него долгъ его собственнаго благочестія. И въ прочихъ сти-

хахъ то и другое сочетаваетъ онъ вмѣстѣ. Говоритъ, напримѣръ: *настави мя на стезю заповѣдей Твоихъ*, и тутъ же прибавляетъ: *яко тую восхотѣхъ*. Прежде научаетъ благочестно испрашивать того, что идетъ отъ Бога, а потомъ обозначаетъ и то, что, съ сознаніемъ долга и смиреніемъ, долженъ привносить человѣкъ и отъ себя. Молится, да даруетъ Богъ: починъ, слѣдовательно, отъ насъ, если мы молимся, да будетъ даръ отъ Него: если же даръ отъ Него по нашему почину, то наше дѣло—искать, просить, толкать и за тѣмъ полученное хранить и употреблять въ дѣло."

Блаж. Августинъ даетъ такой оборотъ этой молитвѣ: „Что значитъ имѣть сердце свое приклоненнымъ къ чему либо, если не хотѣть того? Такимъ образомъ, онъ молится о томъ, чтобы восхотѣть свидѣній: но вѣдь онъ уже восхотѣлъ ихъ, какъ выразилъ въ предыдущемъ стихѣ: *яко тую восхотѣхъ*,—и восхотѣлъ уже, и молится, чтобы восхотѣть,—показывая тѣмъ, что онъ желаетъ преуспѣвать въ самомъ хотѣніи."

Св. Амвросій даетъ при этомъ такой урокъ: „О, когда бы и намъ, подражая молитвѣ святаго, и молиться о томъ же, о чемъ онъ молился, и дѣломъ дѣлать то, о чемъ молимся! Какая польза молиться Богу, чтобъ Онъ отвратилъ сердце отъ корыстности, а самому день и ночь заботиться о прибыткахъ? Сдѣлаемъ же, чтобы и душа сочувствовала тому, о чемъ молимся языкомъ. Господь смотритъ на то, куда клонится сердце. Если сердце несогласно съ языкомъ, то Онъ не слушаетъ молитвословящаго. Потому-то хотѣвшій добрѣ молиться, говоритъ: *помолюся духомъ, помолюся и умомъ: воспою духомъ, воспою и умомъ*" (1 Кор. 14, 15).

Стихъ тридцать седьмой.

Отврати очи мои, еже не видѣти суеты: въ пути Твоемъ живи мя.

Стихъ этотъ отвѣчаетъ второму въ семъ осмистишіи, 34-му. Тамъ проситъ Пророкъ дара разумѣнія, для изслѣдованія закона; здѣсь же, чтобъ очи ума не отвратились къ суетностямъ: *еже не видѣти суеты,* то есть, чтобы не быть заняту умомъ въ помышленіи о временныхъ вещахъ; сдѣлай, то есть, такъ, чтобы я весь погруженъ былъ въ законъ Твой. *Въ пути Твоемъ*, то есть, когда я иду путемъ Твоимъ, храню законъ Твой, *живи* меня, обновляй, храни, подкрѣпляй. Такъ толкуетъ Беллярминъ.

Суета—это все, что придумано и дѣлается не по нуждѣ и пользѣ, а для услажденія своихъ чувствъ и своей похоти. Міръ биткомъ набитъ такими вещами и обычаями. Кто живетъ среди этого, тотъ все кружится, не имѣя возможности опомниться.—все гоняется онъ за чѣмъ-то; а это что-то все бѣжитъ отъ него и вырывается изъ рукъ, когда кажется, вотъ-вотъ уже завладѣлъ имъ. Въ этомъ отношеніи суета значитъ толкотня безъ толку, безъ пользы. Пророкъ молится отвратить очи его отъ такой суеты, потому что она, при всей пустотѣ своей, привлекательна: взгляни только,—повлечетъ и потянетъ; не поостерегись,— увлечетъ и утянетъ. Но какъ же *отврати?*—Самъ не смотри; вѣдь никто не заставляетъ. Такъ-то такъ,—но, живя среди суеты, нельзя не взглядывать; это можно лишь въ безлюдной пустынѣ. А между тѣмъ, это воззрѣніе раздражаетъ кроющіеся въ сердцѣ позывы; а возбужденные позывы вызываютъ сочувствіе и сосложеніе, съ которыми тѣсно граничитъ увлеченіе и круженіе въ суетѣ. Когда позывы раздражены, гла-

за невольно обращаются къ предметамъ раздражающимъ, и еще болѣе раздражаютъ ихъ. Тутъ уже они бываютъ прикованы къ этимъ вещамъ, и душа чрезъ нихъ пьетъ сласть, одуряющую и убивающую ея разумность. *Отврати очи* - будетъ имѣть такой смыслъ: не дай мнѣ воззрѣніемъ на вещи суетныя увлекаться суетою и прицѣпляться къ нимъ вниманіемъ и сочувствіемъ моимъ, потому что въ этомъ—смерть для меня. Держи меня лучше на пути заповѣдей Твоихъ, потому что въ этомъ жизнь. Дай, чтобы я пребывалъ въ нихъ весь моимъ сердцемъ и вниманіемъ, и въ такомъ пребываніи находилъ и жизнь и сладость жизни, оживляющую и возбуждающую энергію—все быстрѣе и быстрѣе теци тѣмъ же путемъ Твоимъ.

Блаж. Аѳѳимъ пишетъ: „обращающій очи на суетное идетъ путемъ смерти и отдаляется отъ жизни Божіей. Съ нимъ бываетъ тоже, что съ женою Лота, обратившеюся поглядѣть. Отвратившій же очи свои, *еже не видѣти суеты,* избавляется отъ смерти, какъ избавился и Лотъ. Такой хорошо справляетъ дѣло свое и доводитъ его до конца, какъ и тотъ, кто, возложивъ руку свою на рало, не озирается вспять."

Св. Аѳанасій пространнѣе рузумѣетъ суету, подводя подъ нее все, не относящееся къ богоугожденію и спасенію. „Суета, говоритъ онъ, есть неистовое пристрастіе къ зрѣлищамъ, углубленіе мысли въ недолжное и неприличное умопредставленіе. Это самое объясняетъ Павелъ: *въ суетѣ ума ихъ, помрачени смысломъ, суще отчуждени отъ жизни Божія* (Еф. 4, 17. 18). Суета ума состоитъ въ томъ, когда кто, имѣя его, не пользуется имъ къ усмотрѣнію истиннаго, а предаетъ его связующему сатанѣ. Посему Псалмопѣвецъ, молясь, чтобы не постигло его такое несчастіе, говоритъ: *отврати очи мои, еже не видѣти суеты,* такъ какъ и это есть благодать Бо-

жія. Пророкъ называетъ суетою также то, что есть красиваго въ тѣлѣ. и что плотскимъ очамъ представляется хорошимъ."

Послѣднюю мысль полнѣе излагаетъ блаж. Θеодоритъ: „Безполезное и ни къ чему не служащее суетно; а таковы мнимыя пріятности въ жизни. Такъ именуетъ ихъ и Премудрый: *суета суетствій, всяческая суета* (Еккл. 1,2). И пересказавъ за тѣмъ, какъ созидалъ онъ домы, насаждалъ сады, устроялъ резервуары, присовокупляетъ: *и се вся суета и произволеніе духа* (Еккл. 2, 11). Посему Пророкъ умоляетъ, чтобы очи ума его склонились къ иному созерцанію и не обольщались суетою настоящаго."

„Какія же это очи и отъ какой суеты отвратить молится Пророкъ? спрашиваетъ св. Иларій, и отвѣчаетъ: „Очи души и тѣла... отъ всего, что̀ люди цѣнятъ высоко, но что само въ себѣ ничтожно и непорочно. Таковы: театральныя зрѣлища, состязанія въ циркахъ, цѣнныя одежды, золото, камни и т. п. Какой плодъ отвращенія очей отъ такой суеты? Жизнь духовная."

„Такъ какъ мы немощны, пишетъ св. Амвросій, то, и при всемъ желаніи не увлекаться любоиманіемъ, часто бываемъ уязвляемы имъ чрезъ воззрѣніе на чужое, со внѣшней стороны свѣтлое,—состояніе, домъ, наряды и т. п. и начинаемъ желать тѣхъ же суетностей, то Пророкъ и прибавляетъ: *отврати очи*... вѣдь и то Божій даръ, чтобы око наше отвращалось отъ суетныхъ благъ вѣка сего. Все блаженство въ Господѣ. Потому-то и сказано: *блаженъ мужъ, емуже есть имя Господне упованіе его, и не призрѣ въ суеты и неистовленія ложная*" (Пс. 39, 5).

Съ такой точки зрѣнія, въ этомъ стихѣ является уже правило жизни. Блаж. Августинъ указываетъ въ немъ урокъ о цѣли доброй дѣятельности, и мысль свою о томъ

излагаетъ пространно. „Что значитъ, говоритъ онъ, *отврати очи мои, еже не видѣти суеты?* Ужели мы, пока живемъ въ мірѣ семъ, можемъ не видѣть суеты? Не въ томъ ли смыслѣ говоритъ это Пророкъ, въ какомъ заповѣдуетъ апостолъ: *вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ, одесную Бога сѣдя. Горняя мудрствуйте, а не земная. Умросте бо, и животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ?* (Кол. 3, 1—3). Можно и такъ разумѣть эти слова; но есть тутъ и другая мысль, которая, мнѣ кажется, болѣе подходитъ къ этому мѣсту. Господь говоритъ въ Евангеліи: *аще будетъ око твое просто, все тѣло твое свѣтло будетъ: аще ли око твое лукаво будетъ, все тѣло твое темно будетъ* (Мѳ. 6, 22. 23). Потому-то, когда дѣлаемъ что нибудь доброе, весьма важно при этомъ то, что̀ имѣется въ виду. Вѣрность наша долгу оцѣнивается не исполненіемъ только его, но и цѣлію, съ какою онъ исполняется. И дѣлая что либо, мы должны имѣть во вниманіи не только то, хорошо ли задуманное дѣло, но особенно, хорошо ли то, для чего мы хотимъ дѣлать его. И вотъ эти-то очи, которыми смотримъ мы на то, для чего дѣлаемъ то, что̀ дѣлаемъ, и проситъ Пророкъ отвратить, да не видятъ суеты, то есть, чтобы, дѣлая что, не ее имѣли мы въ виду, не ради ея дѣлали то. Въ этой суетѣ преимущественное мѣсто занимаетъ любовь къ человѣческой славѣ, ради которой много и великаго дѣлали люди, прозванные великими въ вѣкѣ семъ и много хвалимые народомъ,— люди, которые искали славы не у Бога, а у людей, и, получивъ ее, получили мзду свою, суетные — суетную. Отъ этой-то суеты желая отвратить очи учениковъ Своихъ, Господь внушаетъ имъ, чтобы никакихъ добрыхъ дѣлъ не дѣлали они, *да видими будутъ человѣки;* иначе не будетъ имъ награды отъ Отца небеснаго. Потомъ, когда сталъ давать имъ заповѣди о добрыхъ дѣлахъ по

частямъ.—о милостынѣ. молитвѣ, постѣ, вездѣ внушалъ, чтобъ ничего изъ этого не было дѣлаемо для человѣческой славы, говоря, что тѣ, которые дѣлаютъ съ такою цѣлію, уже получили награду свою (Мѳ. 6, 1—23), то есть, не вѣчную, которая отложена святымъ у Отца небеснаго, а временную, которой ищутъ тѣ, кои, при дѣлахъ своихъ, имѣютъ въ виду суетную славу человѣческую. Дѣлать что либо доброе ради этой похвалы и значитъ—имѣть очи, обращенныя на суету. Не сама похвала человѣческая осудительна, ибо люди не могутъ не хвалить добраго, но осудительно увлекаться ею, и ради ея дѣлать что либо. Даже и тогда, когда отъ людей воздается похвала какому либо праведнику (помимо его искательства), — и тогда онъ не долженъ на ней останавливаться, засматриваться на нее, но и ее относить къ славѣ Божіей, ради коей единой дѣлаютъ всякое добро истинно добрые; ибо отъ Него, а не сами отъ себя, бываютъ они добрыми. Господь и говоритъ въ той же бесѣдѣ: *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ* (Мѳ. 5, 16). Гдѣ положилъ Онъ послѣднюю цѣль, туда и должны мы смотрѣть, дѣлая что либо доброе, то есть, на славу Божію, отвращая въ тоже время очи свои отъ суетности человѣческой. Далѣе, — если суетно дѣлать добро для славы человѣческой, не тѣмъ ли болѣе суетно дѣлать его для полученія или умноженія денегъ, или другихъ какихъ либо временныхъ выгодъ, отнѣ прибывающихъ? Все суета! Не для временнаго спасенія должны мы дѣлать добрыя дѣла, но для спасенія, уповаемаго въ вѣчности, гдѣ будемъ наслаждаться неизмѣннымъ блаженствомъ, которое даровано будетъ намъ отъ Бога, или, лучше, которое есть для насъ Самъ Богъ. Еслибы святые, дѣлая добро, имѣли въ виду временное спасеніе, то св. муче-

ники, которымъ неизбѣжно предлежала потеря такого спасенія, никогда не совершили бы добраго дѣла исповѣданія. Они получали помощь въ мученіяхъ, не имѣя въ виду временнаго, потому что *суетно спасеніе человѣческое* (Пс. 59. 13). Не возжелали они и *дне человѣческаго* (Іер. 17. 16), потому что *человѣкъ суетѣ уподобися: дніе его, яко сѣнь, преходятъ* (Пс. 143. 4). При этомъ не должно упускать изъ виду, что коль скоро внушается просить у Бога даже и того, что, по видимому, состоитъ въ нашей власти (очи отвратить), то этимъ подтверждается необходимость благодати рѣшительно для всего. Нѣкоторые не отвратили очей своихъ отъ суеты, потому что думали стать праведными и святыми сами собою, и возлюбили славу человѣческую паче, нежели славу Божію, много о себѣ думая, и слишкомъ полагаясь на силу своего произволенія,—потому и пали."

Стихъ тридцать осьмой.

Постави рабу Твоему слово Твое въ страхъ Твой.

„*Слово* значитъ здѣсь тоже, что законъ и заповѣди. Поставить ихъ въ страхъ—значитъ оградить силу ихъ обязательства въ совѣсти страхомъ Божіимъ, сдѣлать, то есть, такъ, чтобы человѣкъ, какъ только сознаетъ, что на то и то есть прямая воля Божія, выраженная въ словѣ Его, тотчасъ со страхомъ устремлялся къ исполненію того, не смотря ни на какія жертвы. Пророкъ проситъ, чтобы Богъ послалъ силу, движущую и воодушевляющую на исполненіе заповѣдей, исполнивъ сердце страхомъ Своимъ. Какъ въ жизни общественной указы царскіе ограждаются страхомъ, такъ что получающіе ихъ оставляютъ всѣ другія дѣла и спѣшатъ привести поскорѣе ихъ въ исполненіе; такъ и въ жизни нравственно-религіозной страхъ Божій подвигаетъ и нудитъ со всею энергіею

исполнять волю Божію, коль скоро она въ чемъ либо сознана. Св. Аѳанасій въ этомъ отношеніи называетъ страхъ Божій пѣстуномъ заповѣдей Божіихъ; а блаж. Ѳеодоритъ перефразируетъ содержаніе сего стиха такъ: „сдѣлай меня твердымъ въ словесахъ Твоихъ, неизмѣнно охраняя страхомъ Твоимъ; да будетъ, то есть, на мнѣ страхъ Твой, держащій меня въ боязни и не попускающій мнѣ уклоняться отъ словесъ Твоихъ.“

Этотъ стихъ, по Беллярмину, отвѣчаетъ третьему въ этомъ осмистишіи—35-му. „Тамъ Пророкъ просилъ благодати исполненія закона; а здѣсь проситъ отвратить непостоянство и дать благодать неизмѣннаго и непоколебимаго пребыванія въ законѣ. Онъ какъ бы такъ говоритъ: сдѣлай, чтобы силою страха Твоего укоренился во мнѣ законъ Твой, и я пребывалъ въ немъ неуклонно.“

Такъ,—страхъ Божій есть возбудитель и охранитель ревности объ исполненіи заповѣдей Божіихъ и вѣрной имъ жизни. Изъ этого никто не исключается. Если и въ великомъ Пророкѣ имѣлъ онъ такое значеніе, тѣмъ болѣе должно быть оно въ каждомъ изъ насъ. Отличительною чертою и вѣрнымъ признакомъ того, стоитъ ли кто на правомъ пути, есть богобоязненность. Если имѣешь ее, то ты въ добромъ состояніи; а если не имѣешь, то въ худомъ, хоть бы въ твоемъ поведеніи и не видно было худыхъ дѣлъ.

Надобно, однакожъ, различать страхъ и страхъ. „Страхъ бываетъ двоякаго рода, пишетъ блаж. Анѳимъ: одинъ рабскій, какой имѣетъ рабъ, не любящій господина своего и не дорожащій волею его, но не преступающій ее изъ боязни наказанія за то, — это страхъ несовершенныхъ; другой—страхъ друга, боящагося потерять любовь любящаго его,—это страхъ совершенныхъ. Этого-то втораго страха и проситъ себѣ Пророкъ, чтобъ онъ утверждалъ слово Божіе въ сердцѣ его, и держалъ

его непреклоннымъ предъ соблазнами и смущеніями міра сего."

Объ этомъ же пишетъ и блаж. Августинъ: „не стоитъ слово Божіе въ томъ, кто сдвигаетъ его въ себѣ (съ основъ, или съ мѣста ему должнаго), дѣлая противное ему; но стоитъ оно въ томъ, кто пребываетъ въ немъ неподвижно. Богъ установляетъ слово Свое въ тѣхъ, кому дастъ духъ страха своего,—*не духъ работы паки въ боязнь* (Рим. 8, 15), который изгоняется вонъ совершенною любовію, но духъ того страха, о коемъ говоритъ,—страха чистаго, пребывающаго во вѣки.—страха, по которому боятся оскорбить любимаго."

Это различеніе страховъ на словахъ всѣ знаютъ, но на дѣлѣ нерѣдко смѣшиваютъ ихъ и принимаютъ одинъ за другой. Не хотѣлось бы, конечно, сознаться, что, если не всегда, то по временамъ, нами руководитъ страхъ рабскій. Но лучше сознать это, чѣмъ прикрывать, за тѣмъ, чтобы подумать и объ измѣненіи такого страха. Совершеннымъ вдругъ никто не становится. И страхъ сначала бываетъ рабскій, потомъ наемническій, а наконецъ приходитъ и сыновній. И первый хорошъ въ свое время; но не хорошо останавливаться на немъ, а надо подвигаться все выше и выше, пока не достигнемъ сыновнихъ чувствъ, степени коихъ не имѣютъ конца.

Истинная богобоязненность сопровождается всегда ревностію по Богу; но какъ и эта ревность бываетъ не по разуму, такъ не по разуму бываетъ и страхъ Божій. Богобоязненное сердце ревнуетъ дать силу заповѣдямъ Божіимъ и въ себѣ и во внѣ, въ томъ кругѣ людей, въ коемъ вращается. Въ томъ и другомъ случаѣ неразумiемъ можно надѣлать много неполезнаго. Можно истощить себя бросаясь то на-то, то на другое, безъ соображенія—умѣстно ли оно и сообразно ли съ нашими силами,—или можно себѣ повредить, обращая ревность не

на главное, а на побочное и вводное. И другимъ можно повредить, вмѣшиваясь съ своею ревностію всюду, безъ соображенія своей хлопотливости съ мѣстомъ и лицами. О такихъ проявленіяхъ страха Божія пространно разсуждаетъ св. Амвросій. „Посмотри, говоритъ, какъ можетъ Богъ отвратить отъ суеты очи того, къ кому благоволитъ: Онъ поставляетъ ему слово Свое въ страхъ. Страхъ Господень есть начало премудрости. Но и самый страхъ Божій, если не будетъ съ разумомъ, не принесетъ никакой пользы, а больше повредитъ. Іудеи, имѣя страхъ такой, имѣютъ и ревность; но такъ какъ имѣютъ ее не по разуму, то самою ревностію и страхомъ собираютъ на себя еще большій гнѣвъ Божій... Тѣмъ, что обрѣзываютъ дѣтей своихъ и хранятъ субботы, они показываютъ, что имѣютъ страхъ Божій; но такъ какъ не разумѣютъ, что законъ духовенъ, то обрѣзываютъ только тѣло, а не сердце свое. Боятся возгнести огонь въ субботу, а между тѣмъ законъ запрещаетъ собственно возжигать въ сей святой день огнь похоти. Но что я говорю объ іудеяхъ? Есть и между нами такія строгія правила, коихъ понести человѣкъ бываетъ не въ состояніи. Страхъ Божій является у нихъ въ томъ, что они заводятъ дисциплину, стараясь возвысить добродѣтели; а неразуміе въ томъ, что не состраждутъ немощи, не взвѣшиваютъ возможности. Да не будетъ же страхъ нашъ неразуменъ! Какъ истинная мудрость начинается отъ страха Божія, и нѣтъ духовной мудрости, которая была бы чужда сего страха, такъ и страхъ не долженъ быть безъ мудрости. Святой страхъ есть какъ бы базисъ для слова (премудрости). Какъ статуя устанавливается на пьедесталѣ, и какъ она получаетъ большую грацію тогда, когда устанавливается такъ, что стоитъ твердо, такъ и слово Божіе, или разумное Божіе прекрасно устанавливается на святомъ страхѣ и сильнѣе укореняется въ

сердцѣ, боящемся Бога, да не испадетъ слово изъ сердца человѣка, да не налетятъ птицы и не похитятъ его изъ сердца безпечнаго и неискренняго. Но и самъ страхъ Божій долженъ быть утверждаемъ словомъ Божіимъ и плодотворнѣе приспособляемъ къ жизни, чтобы не быть ему безъ разума, какъ и пьедесталъ, принявъ на себя статую, не бываетъ чуждъ ея граціи. Читай Исаію и смотри, сколькимъ добродѣтелямъ подчинилъ онъ страхъ, чтобъ сдѣлать его добрымъ и безукоризненнымъ: *духъ*, говоритъ, *премудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія, и,* наконецъ, *духъ страха Божія* (Ис. 11, 2–4). Какой же рядъ добродѣтелей должно пройти, чтобы достигнуть достодолжнаго страха Божія! Наставляется онъ премудростію, настраивается разумомъ, направляется совѣтомъ, утверждается крѣпостію, правится вѣдѣніемъ, украшается благочестіемъ. Отъими все это у страха Божія, и онъ останется неразумнымъ, неосмысленнымъ, однимъ изъ такихъ, по которому *внѣуду брани, внутрьуду боязни* (2 Кор. 7, 5), которымъ былъ бы, конечно, препобѣжденъ и Павелъ, если бы не имѣлъ въ себѣ утѣшающаго и вразумляющаго Господа. Не пропусти безъ вниманія и того, что говорится въ притчахъ: *тогда уразумѣеши страхъ Господень.* Когда жъ это *тогда?* Когда *премудрость призовеши и разуму даси гласъ твой, чувство же взыщеши великимъ гласомъ: и аще взыщеши ея, яко сребра, и якоже сокровища испытаеши ю: тогда уразумѣеши страхъ Господень* (Прит. 2, 3—5).

Нечего и поминать о томъ, что какъ въ предъидущихъ двухъ стихахъ можно видѣть указаніе цѣлей, какія слѣдуетъ имѣть при добродѣланіи, такъ тоже можно видѣть и въ этомъ стихѣ. Тамъ указывалось, какихъ цѣлей не должно имѣть въ виду; а здѣсь—какую цѣль должно имѣть. Пророкъ проситъ, чтобы Богъ научилъ его и

расположилъ сердце его все дѣлать изъ угожденія Ему единому, творить добро не по одному чувству долга, не по одному требованію нравственнаго достоинства разумной твари, а потому особенно, что на то есть воля Божія, святая и угодная, что такъ хочетъ Богъ. Языческая мудрость не восходила выше земли, и искала въ самомъ человѣкѣ и около его цѣлей и побужденій къ добродѣланію; христіанство же открыло небо, освоило съ нимъ человѣка и располагаетъ его все дѣлать въ угодность всевидящему и всеправящему Царю видимаго и невидимаго міра, внушая притомъ, что чтобы кто ни сдѣлалъ въ этомъ духѣ, оно не ускользнетъ отъ вниманія Того, въ угодность Кому творится, хотя бы видимо ничего не давало и не обѣщало.

Стихъ тридцать девятый.

Отъими поношеніе мое, еже непщевахъ: яко судьбы Твоя благи.

„Поношеніе, говоритъ блаж. Аѳеимъ, бываетъ двоякое: одно—напраслина, когда поносятъ неправедно, какъ, напримѣръ, поносили невѣрные вѣрующихъ: отъ этого поношенія не только мы не бѣгаемъ, но ищемъ его, какъ источника славы и чести; другое, которое слѣдуетъ за грѣхами нашими, и которое особенно покроетъ нераскаянныхъ въ день суда. Его то отнять и молитъ Бога Пророкъ, по благимъ судамъ Своимъ присуждающаго прощеніе и подающаго очищеніе грѣховъ кающимся грѣшникамъ.“

Грѣхъ обѣщаетъ сласть не безъ придатка и почета въ свойственномъ ему кругу; на дѣлѣ же онъ сопровождается горечью и срамомъ, не всегда видимо, но всегда существенно. О человѣкѣ, сдѣлавшемъ что нибудь нехорошее въ быту гражданскомъ и семейномъ, обыкно-

венно говорятъ: „ударилъ себя въ грязь лицомъ:“ точно также ударяетъ себя въ грязь лицомъ грѣшникъ въ области духовной, предъ всевидящимъ Богомъ, предъ ангелами и святыми, предъ своею совѣстію,—предъ всѣмъ, наконецъ, міромъ добра и свѣта. Приходящій въ сознаніе грѣшникъ, прежде всего, усматриваетъ въ себѣ эту срамоту, жалѣетъ и досадуетъ на себя, и порывается поскорѣе избавиться отъ такого поношенія. Но пока онъ сознаетъ себя находящимся еще здѣсь, въ обычномъ порядкѣ жизни, это поношеніе еще не такъ сильно тѣснитъ его; а когда перенесется онъ мыслію къ страшному суду Божію, тогда ужасъ объемлетъ всѣ члены его отъ представленія того, какъ съ такою срамотою будетъ стоять онъ предъ соборомъ всѣхъ чистѣйшихъ созданій Божіихъ и предъ Самимъ Богомъ. Потому и вопіетъ: *отъими поношеніе мое,* чтобъ и слѣда не было на мнѣ этой обличительной срамоты грѣха. „Пророкъ говоритъ св. Аѳанасій, какъ человѣкъ, сдѣлавъ грѣхъ, видитъ, что поношеніе послѣдуетъ за нимъ къ Божественному судилищу по воскресеніи, а потому молится и произноситъ предложенный стихъ.“

Отъими поношеніе,—не прости только, но очисти существенно,—оторви и отбрось, чтобы остаться мнѣ въ чистомъ естествѣ, какъ Ты первоначально создалъ меня по образу Твоему, безъ прицѣпки этихъ гадинъ грѣха, которыми я облѣпилъ себя. Отпущеніе грѣховъ дается тотчасъ же, лишь только покаешься; но вычищеніе души отъ грѣховъ совершается не вдругъ, а требуетъ труда, какъ, напримѣръ, мытье бѣлья. Конечно, Богъ, по особымъ щедротамъ Своимъ, можетъ и вдругъ убѣлить душу и переплавить, какъ золото въ горнилѣ, въ одно мгновеніе; но это есть уже особенная благодать,—а кто же дерзнетъ испрашивать ее у Бога?

Грѣшная срамота, объ отнятіи которой молится здѣсь

Пророкъ, точнѣе опредѣляется словами: *еже непщевахъ*. *Непщевать* значитъ—думать, полагать. Выходитъ мысль такая: хоть явныхъ грѣховъ я за собой и не вижу; но не могу думать, что я ужъ безсраменъ. Грѣховная срамота можетъ быть во мнѣ глубже моего сознанія. Полагая, что это такъ, я и молюсь: очисти меня и отъ этой невидимой мною срамоты. „Молясь объ отъятіи поношенія, говоритъ св. Иларій, Пророкъ молится объ отъятіи грѣховъ, потому что за грѣхами слѣдуетъ поношеніе. Но видно, что онъ исповѣдуетъ здѣсь не опредѣленный какой либо грѣхъ, совершенный дѣломъ, а такой, который только подозрѣваетъ въ себѣ, по причинѣ немощи плоти; ибо не говоритъ: отъими поношеніе, которое во мнѣ есть, а то, которое я нещую, предполагаю, подозрѣваю, показывая этимъ, что, сознавая немощь свою, онъ не можетъ не сознавать и поношенія своего.“

Излагая подобную же мысль, св. Амвросій намекаетъ на возможность и такой мысли у Пророка: отъими срамъ, который я навлекъ на себя, задумавъ сдѣлать грѣхъ, хотя и не сдѣлалъ его дѣломъ. Подъ этимъ могутъ быть разумѣваемы всѣ мысленные грѣхи—помыслы нечистые, сочувствія, сосложенія съ ними и невольныя грѣшныя увлеченія. Молитва Пророка здѣсь будетъ таже, что въ другомъ мѣстѣ: *отъ тайныхъ моихъ очисти мя* (Пс. 18, 13). „Это мѣсто, говоритъ св. Амвросій, нѣсколько темновато, но его уясняетъ апостолъ: *ничтоже*, говоритъ онъ, *въ себѣ свѣмъ: но ни о семъ оправдаюся* (1 Кор. 4, 4). Зналъ онъ, что человѣкъ есть; сколько могъ, остерегался не грѣшить по принятіи таинства крещенія. и, хотя не сознавалъ за собою явнаго грѣха, но какъ человѣкъ, исповѣдалъ себя грѣшникомъ, зная, что только одинъ Господь Іисусъ Христосъ *грѣха не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его* (1 Петр. 2, 22).

Подобно сему и Пророкъ, хотя и самъ старался уклоняться всячески отъ грѣха, но желалъ, чтобы Богъ былъ отражателемъ всякаго отъ него грѣха. Хотя поношеніе и отнято было уже отъ него покаяніемъ: но онъ думалъ—не остается ли еще оно за нимъ, скрытно отъ него. Потому и молилъ, чтобы и это отнято было отъ него Самимъ Господомъ. Который одинъ знаетъ, чего можетъ не знать и самъ сдѣлавшій. Можетъ быть, *помышлялъ* значитъ—задумывалъ, и Пророкъ молится: отъими грѣхъ, который я замышлялъ, или которымъ услаждался въ сердцѣ и помышленіи моемъ, но который не совершилъ дѣломъ."

На чемъ же Пророкъ основываетъ надежду, что такъ и будетъ, какъ онъ молится? На единой безпредѣльной благости Божіей. Явные грѣхи прощаются по благости, и тайные отъемлются по той же благости. Что дать въ искупленіе грѣховной срамоты? Нечего. Хоть бы ты не зналъ сколько надѣлалъ добрыхъ дѣлъ,—все онѣ будутъ только должныя, которымъ одна надпись: *еже должны бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лк. 17, 10); грѣхи твои все остаются грѣхами, и стоятъ на томъ же мѣстѣ въ жизни твоей, гдѣ ты поставилъ ихъ, какъ истуканныя издѣлія. Кто приметъ ихъ съ линіи жизни твоей? Одна благость Божія, смертію Сына Божія, вознесшаго грѣхи наши на крестъ и раздравшаго тамъ рукописаніе ихъ,—благость, умоляющая правду Божію сбросить съ дороги жизни нашей эту срамоту. Возгрѣй же посильнѣе эту вѣру, и привлеки ею благость: вмѣстѣ съ нею призови и правду, приведи ее на мѣсто грѣховъ твоихъ, и проси попалить ихъ всѣ огнемъ, извлекаемымъ твоею вѣрою изъ креста Господня. *Нѣсть иного имене подъ небесемъ, о немже подобаетъ спастися намъ* (Дѣян. 4, 12).

„Мы, пишетъ блаж. Августинъ, впали не въ одинъ грѣхъ, а во многіе; мы покрылись поношеніемъ и сты-

домъ. Но приступили мы къ крещенію,—и отнять имъ всякій грѣхъ, а съ грѣхомъ и всякое поношеніе. Отъялъ Господь Іисусъ поношеніе мое поношеніемъ Своимъ, когда распялся на крестѣ: ибо *елицы во Христа крестихомся, въ смерть Его крестихомся* (Рим. 6. 3); не оставалось во мнѣ ничего, о чемъ бы я имѣлъ нужду просить, чтобы отъять. Но, послѣ крещенія, я снова впалъ въ поношеніе и долженъ приносить покаяніе и молить отъять отъ меня это поношеніе. Одно осталось мнѣ прибѣжище—покаяніе; и если я не принесу его, то усугублю тѣмъ поношеніе грѣха въ себѣ. Чего бояться исповѣдаться, или сказать грѣхи свои? Чего страшиться открыть поношеніе свое предъ Тѣмъ, суды Коего благи? Что въ другихъ горько, то во Христѣ сладко и пріятно; ибо Онъ Самъ есть сладчайшій. *Вкусите и видите, яко благъ Господь* (Пс. 33, 9). Сладки суды Божіи тому, кто исповѣдуется, потому что Самъ Богъ говоритъ: *Азъ есмь, Азъ есмь, заглаждаяй беззаконія Твоя Мене ради, и грѣхи твоя, и не помяну. Ты же помяни, и да судимся: глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ис. 43, 25. 26). Сладки суды Божіи не для одного кающагося, но для всего неба, ибо Господь сказалъ: *радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся* (Лк. 15, 7). Если такъ сладки суды Божіи, то употребимъ усиліе и трудъ вкусить отъ этого сладкаго плода.“

Мысли эти, въ отношеніи къ предметамъ настоящаго осмистишія, опредѣленно указываютъ—какъ окончательно вычищать свою жизнь. Положимъ всеусильно ревновать о богоугожденіи, уповая на вседѣйственную, всегда готовую, разнообразную благодать Божію; положимъ въ трудахъ добродѣланія и подвижничества не имѣть худыхъ цѣлей, а все направлять во славу Божію, подъ дѣйствіемъ страха Божія. Кратко, точно, опредѣленно сказать бы такъ: будь таковъ, и будешь спасенъ.

Но такому рѣшенію противится рѣшеніе совѣсти самихъ спасаемыхъ, которые, при всемъ усиліи, не въ день, а въ каждый часъ видятъ себя седмижды падающими. Ко всему указанному доселѣ не достаетъ, стало быть, еще одного средства, которымъ очищались бы всѣ эти паденія. Оно и предлагается въ настоящемъ стихѣ; это—непрестанное покаяніе. Какъ только сознаешь внутри себя какую либо неисправность или нечистоту,—спѣши къ покаянію, и съ сокрушеніемъ молись: отъими, Господи, эту срамоту, по благости Твоей! Это—метла, сметающая всякій соръ съ дороги жизни. Этимъ правиломъ завершается весь союзъ правилъ. Кто облекся въ это оружіе, о томъ можно сказать, что онъ облекся теперь во вся оружія Божія... Равно, у кого недостаетъ его, о томъ слѣдуетъ говорить: вооруженіе его ненадежно; недостаетъ у него очень важнаго оружія, безъ котораго всѣ другія не приведутъ его къ побѣдѣ.

Стихъ сороковой.

Се возжелахъ заповѣди Твоя: въ правдѣ Твоей живи мя.

Во всемъ этомъ осмистишіи выясняется съ разныхъ сторонъ тотъ законъ жизни духовной, что человѣку принадлежитъ въ ней исканіе и трудъ, сколько силъ есть, а самое дѣло жизни совершается и спѣется благодатію Божіею. Выяснивъ все, относящееся сюда, Пророкъ дѣлаетъ общее заключеніе относительно себя: *се возжелахъ,* говоритъ, и представляю то, что отъ меня требуется, всей душою желаю и ищу: даруй же и Ты мнѣ то, что зависитъ отъ благодати Твоей. – оживи меня, какъ положила оживлять насъ правда Твоя, вразумляй, возбуждай сочувствіе и энергію, дай силы и терпѣніе безостановочно и успѣшно идти путемъ угодной тебѣ жизни. Не указываю, что и когда мнѣ дать: Тебѣ, единому Всеправедному, вполнѣ вѣдомъ путь правды: *или-*

же вьси судьбами, спаси мя. Блаж. Августинъ пишетъ: „всѣмъ сердцемъ, всею душею и всемъ помышленіемъ возжелалъ я любить Тебя и ближняго своего, какъ самого себя, такъ какъ въ этомъ вся совокупность заповѣдей. Не моею, но Твоею правдою оживи меня, то есть, исполни меня той любовію, которой я возжелалъ; помоги мнѣ исполнить то, что Ты повелѣваешь; даруй Самъ, что заповѣдуешь. Самъ я въ себѣ имѣю только то, чѣмъ умереть; а чѣмъ жить, того не могу нигдѣ найти, какъ только въ Тебѣ единомъ: живи же меня правдою Твоею.“

Почему же не въ началѣ, а въ концѣ сказалъ онъ о такомъ расположеніи? Потому, что оно само приходитъ не въ началѣ, а послѣ того, какъ истощатся всѣ свои средства и усилія. Съ начала обращенія, хотя и говоритъ обращенный: „Господи, помоги!“ но сокровенно многаго ожидаетъ отъ своихъ усилій и напряженныхъ исканій. И успѣхъ ему дается лишь въ томъ, что онъ навыкаетъ этимъ способомъ всѣмъ порядкамъ богоугодной жизни; дальше же самъ идти не можетъ. Между тѣмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ навыкомъ, у того, кто внимаетъ себѣ, раскрывается и сознаніе существенныхъ требованій такой жизни. Когда навыкъ установится,—вниманіе и усиліе, до сихъ поръ устремленныя на этотъ навыкъ, остаются свободными. У кого не раскрылось сознаніе существеннаго въ духовной жизни, у того они засыпаютъ, и дѣло жизни предается застою; а у кого раскрылось, у того они устремляются въ эту сторону, и чѣмъ выше теперь цѣль, тѣмъ напряженнѣе и они. Но чего не дано достигнуть своими усиліями, того и не достигнешь ими, какъ ни бейся. Опытное удостовѣреніе въ этомъ начинается вмѣстѣ съ устремленіемъ своихъ усилій на стяжаніе сознанныхъ чертъ духовной жизни. Когда перепробуются всѣ пріемы, а успѣха все нѣтъ и нѣтъ; тогда

остается одно: сложить свои орудія и вопить: *ими же вѣси судьбами, спаси мя;* желаю, ищу, но живить меня силенъ только Ты правдою Твоею.

Въ обычныхъ опытахъ благочестной жизни до очевидности оправдывается это надъ навыкомъ молитвѣ Іисусовой. Мало въ ней словъ, но онѣ совмѣщаютъ все. Изстари признано, что, навыкнувъ молиться этою молитвою, можешь замѣнить ею всѣ молитвословія. И есть ли кто изъ ревнующихъ о спасеніи, кто не былъ бы знакомъ съ этимъ дѣланіемъ? Велика сила этой молитвы, по изображенію св. отцовъ; а между тѣмъ на дѣлѣ видимъ, что не всѣ, имѣющіе навыкъ къ ней, причастны этой силѣ, не всѣ вкушаютъ отъ плодовъ ея. Отъ чего это? Отъ того, что сами хотятъ забрать въ свое владѣніе то, что принадлежитъ дарованію Божію и есть дѣло благодати Господней. Начать повторять эту молитву утромъ, вечеромъ, ходя и лежа, за дѣломъ и на досугѣ — есть наше дѣло: на это не требуется особой помощи Божіей. Трудясь все въ томъ же порядкѣ, можно самому дойти до того, что языкъ и безъ нашего сознанія все будетъ повторять эту молитву. Можетъ послѣдовать за этимъ и нѣкое умиреніе помысловъ, и даже своего рода сердечная теплота: но все это будетъ, какъ замѣчаетъ въ „Добротолюбіи“ инокъ Никифоръ, дѣло и плодъ нашихъ усилій. Остановиться на этомъ, значитъ тоже, что удовольствоваться умѣньемъ поцугая произносить извѣстныя слова, даже такія, какъ „Господи помилуй.“ Плодъ отъ этого такой: будешь думать, что имѣешь, тогда какъ ровно ничего не имѣешь. Это и случается съ тѣми, у кого, во время навыкновенія этой молитвѣ, поколику то зависитъ отъ насъ, не раскрывается сознаніе того, въ чемъ существо ея. Не сознавая же того, они довольствуются указанными естественными начатками дѣйствій ея и прекращаютъ исканіе. Но у кого сознаніе то рас-

кроется, тотъ не прекратитъ исканія; а видя, что сколько ни усиливается дѣйствовать по старческимъ указаніямъ, все ожидаемаго плода не обнаруживается, пресѣкаетъ всякое ожиданіе плода отъ одного своего усилія, и все упованіе возлагаетъ на Бога. Когда это образуется, тогда открывается возможность и благодатному воздѣйствію: приходитъ благодать въ моментъ ей одной вѣдомый и прививаетъ молитву ту къ сердцу. Тогда, какъ говорятъ старцы, все тоже будетъ по внѣшнему порядку, но не тоже по внутренней силѣ.

Что сказано объ этой молитвѣ, то приложимо ко всякому проявленію жизни духовной. Возьмите сердитаго и предположите, что онъ возревновалъ погасить гнѣвливость и стяжать кротость. Въ подвижническихъ книгахъ есть указанія на то, какъ должно править собою, чтобъ этого достигнуть. Усвояетъ все это онъ и начинаетъ дѣйствовать по вычитаннымъ указаніямъ. Докуда же дойдетъ онъ своими усиліями? Не далѣе, какъ до молчанія устъ при серчаніи, съ нѣкоторымъ укрощеніемъ самаго серчанія; а чтобы совсѣмъ погасъ гнѣвъ и въ сердцѣ водворилась кротость, до этого онъ самъ никогда не дойдетъ. Это бываетъ уже тогда, когда приходитъ благодать и прививаетъ кротость къ сердцу.

Такъ въ отношеніи и ко всему. Какого бы плода духовной жизни ни взыскалъ ты, искать—ищи всеусильно, но не ожидай плода отъ твоего исканія и твоихъ усилій, а возверзи печаль твою на Господа, безъ всякаго отчисленія чего либо на свою долю, *и Той сотворитъ* (Пс. 36, 5). Молись: желаю, ищу; но живи меня Ты правдою Твоею. Господь опредѣлилъ: *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Ін. 15, 5). И законъ этотъ исполняется въ духовной жизни съ точностію, ни на волосъ не уклоняющеюся отъ опредѣленнаго. Когда спрашиваютъ: что мнѣ сдѣлать, чтобы пріобрѣсть ту или

другую добродѣтель?—можно всѣмъ отвѣчать: обратись ко Господу, и Онъ тебѣ дастъ; другаго способа къ полученію искомаго нѣтъ. Св. Аѳанасій на настоящій стихъ и пишетъ такъ: „вотъ онъ и хранилъ заповѣди, съ любовію расположенъ былъ къ нимъ, и исполнялъ ихъ ради ихъ самихъ, а все же проситъ себѣ у Бога жизни праведной и добродѣтельной, чтобъ она изъ сердца шла. Такъ можетъ говорить только желающій жить въ Сынѣ, вѣруя, что въ Немъ только жизнь." Блаж. Августинъ такъ выражаетъ мысль Пророка: „живи мя правдою Твоею, то есть, Христомъ, ибо Онъ *бысть намъ премудрость отъ Бога, правда же и освященіе и избавленіе, да, якоже писано есть, хваляйся о Господѣ да хвалится* (1 Кор. 1, 30. 31).

ШЕСТОЕ ОСМИСТИШІЕ.

Шестое осмистишіе идетъ подъ буквою Вавъ—*крюкъ*. Крюкъ вбиваютъ въ берегъ и привязываютъ къ нему лодки. Привязавъ крѣпко лодку свою, хозяинъ ея спокойно сидитъ дома, въ увѣренности, что вода не унесетъ ее. И якорь есть крюкъ. Когда якорь надеженъ,—а онъ нарочно такимъ и дѣлается,—тогда корабль, стоящій на якорѣ, не боится волнъ, какъ бы сильны онѣ ни были. Якорь у апостола есть образъ упованія,—*котва души твердая и извѣстная* (Евр. 6, 19). Такъ понималъ это слово и Пророкъ и такое давалъ ему духовное знаменованіе. Потому-то и собралъ онъ подъ этою буквою стихи, которые всѣ говорятъ объ упованіи. Въ первыхъ четырехъ стихахъ (41—44) излагаются преимущественно основы упованія: неложное слово обѣтованій Божіихъ (41—42) и суды Божіи, явленные дѣломъ на благочестивыхъ и нечестивыхъ (43—44); въ послѣднихъ четырехъ изображаются дѣйствія, въ какихъ обнаруживается все-

лившаяся въ сердце надежда, именно: широта хожденія, или свобода дѣйствованія (45), небоязненное возвѣщеніе истины даже предъ сильными земли (46), преслѣдованіе единаго на потребу съ безпопеченіемъ о всемъ (47), и терпѣливое и неизмѣнное пребываніе въ добрѣ, несмотря ни на какія препятствія (48). Тутъ почти цѣлый трактатъ объ упованіи. Послѣ предыдущаго стиха, очень естественно было вести объ этомъ бесѣду. Тамъ остановился Пророкъ на преданности въ волю Божію, которая составляетъ душу упованія; но, начавъ о томъ рѣчь, онъ не хотѣлъ уже отстать отъ нея и провелъ ее чрезъ все настоящее осмистишіе.

Стихъ сорокъ первый.

И да пріидетъ на мя милость Твоя, Господи, спасеніе Твое по словеси Твоему.

„Этотъ стихъ, замѣчаетъ блаж. Августинъ, видимо соединенъ съ предыдущимъ, потому что не говоритъ: *да пріидетъ;* но *и да пріидетъ,* показывая этимъ, что тутъ выражается слѣдствіе предыдущаго.“ Чего же онъ проситъ? Милости; но милости, не какъ только благоволенія, а какъ воспоиненія не достающаго самымъ дѣломъ. Потому и прибавляетъ: *спасеніе Твое* да пріидетъ; да пріидетъ, то есть, милость Твоя спасающая, или милостивое спасеніе Твое. Милость, исходя отъ Бога и почивая на человѣкѣ, содѣлываетъ спасеніе его. „Если спросишь, говоритъ далѣе блаж. Августинъ, что это за милость.—слушай, что тотчасъ слѣдуетъ: *спасеніе Твое.*“ „Напередъ, пишетъ св. Иларій, молится о милости, а потомъ о спасеніи, ибо спасеніе наше отъ Божіей милости: оно есть дѣло благости Божіей къ намъ.“ „Когда, поясняетъ Зигабенъ, придетъ милость Твоя, то придетъ и спасеніе Твое, ибо конецъ милости есть спасеніе “

Но цѣль у Пророка изъяснить этими словами не столько то, чего онъ просилъ, сколько то, на основаніи чего онъ чаетъ несомнѣнно исполненія просимаго, потому что говоритъ: *и да пріидетъ*, или *да пріидетъ же*. Еслибы Самъ Богъ спросилъ его: почему ты такъ пристаешь ко Мнѣ? — онъ отвѣтилъ бы: *по словеси Твоему*. Какъ человѣкъ смѣло приходитъ къ человѣку, давшему честное слово, и говоритъ ему: ты далъ слово, такъ сдѣлай же по слову твоему,—такъ приступаетъ теперь Пророкъ и къ Богу, говоря какъ бы такъ: Самъ Ты въ словѣ Твоемъ сказалъ, что не оставишь прибѣгающихъ къ Тебѣ; вотъ я прибѣгаю по слову сему, сотвори же со мною милость и спаси меня!

„Чтобы не подумалъ кто, говоритъ св. Иларій, что онъ молится въ надеждѣ невѣрной и нетвердой, Пророкъ, помянувъ о милости и спасеніи, тотчасъ прибавляетъ: *по словеси Твоему*, дабы показать, что упованіе его въ молитвѣ происходитъ изъ вѣры въ непреложность обѣтованій Божіихъ.“ — „По словеси твоему, то есть, по обѣтованію Твоему; обѣтованія же идутъ отъ Того, Кто нарицаетъ несущая, яко сущая.“ замѣчаетъ блаж. Августинъ.

Зачѣмъ же обѣтованія? Не достаточно ли одной увѣренности въ благости Божіей, готовой на всякую милость? Господь, по немощи нашей, нашелъ это недостаточнымъ; отъ того по всему пространству слова Своего разсѣялъ обѣтованія. Мысль о томъ, что благъ Господь, можетъ породить и философствующій умъ; но эта мысль даетъ только возможность и вѣроятность милости, которая держитъ душу въ нетвердой, шаткой, влающейся предположительности. Твердость убѣжденія, несомнѣнная увѣренность въ готовой милости порождается только словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ. Когда оно слышится и пріемлется, тогда—конецъ всѣмъ колебаніямъ,

какъ увѣряетъ св. апостолъ: *елика обѣтованія Божія, въ томъ ей и въ томъ аминь* (2 Кор. 1. 20).

Немощь наша въ этомъ отношеніи такъ велика, что Богъ, для возстановленія упованія нашего, не ограничивался однимъ словомъ обѣтованія, но прилагалъ еще и клятву къ нему, въ удостовѣреніе непреложности совѣта Своего, *да двѣма вещми непреложнымі крѣпкое утѣшеніе имамы* (Евр. 6, 17. 18). Какъ будто и послѣ того, какъ выразилъ Господь обѣтованіе, возможно еще колебаніе: а что если перемѣнилъ Онъ совѣтъ Свой? Вотъ и удостовѣряетъ Господь клятвою, что что̀ сказано Имъ, то непреложно: *клятся Господь, и не раскается* (Пс. 109, 4). Съ этою-то цѣлію обѣтованія Божіи изображены въ словѣ Божіемъ подробно, указаны и предметы ихъ, и условія, и всѣ соприкосновенности, чтобы всякому ясно было, что коль скоро онъ все исполняетъ по указанію слова Божія, то колебаніе упованія его не должно имѣть въ немъ мѣста; онъ долженъ быть твердо увѣренъ, что получитъ искомое и просимое.

Изъ этого выходитъ то, что если кому нужно подогрѣть ослабѣвающее упованіе, то самое надежное къ тому средство—возстановленіе въ памяти, сознаніи и чувствѣ всѣхъ словесъ Божіихъ, которыми удостовѣряетъ Онъ въ Своей милости прибѣгающихъ къ Нему, съ тѣмъ, конечно, условіемъ, чтобы тотчасъ полагать намѣреніе исполнять и все то, что Богъ возлагаетъ при этомъ и на нашу голову. Перечитывай словеса Божіи и всесердечно подчиняй себя всему тому, къ чему онѣ тебя обязываютъ; и воскреснетъ упованіе твое, и начнешь опять ходить, *яко левъ уповая*. Много немощей у насъ внутри, много непріязненностей и во внѣ; мы ходимъ какъ по трясинѣ, готовые погрязнуть въ ней. Но слово Божіе укажетъ тебѣ десницу Божію, всегда простертую къ тебѣ и поддерживающую тебя. Опираясь на нее, ты смѣло

пойдешь и по водѣ предъ лицемъ Господа, только не выпускай изъ души крѣпости упованія, чтобъ не было и тебѣ, какъ нѣкогда Петру, справедливаго упрека: *маловѣре, почто усумнѣлся еси?* (Мѳ. 14, 31).

Стихъ сорокъ второй.

И отвѣщаю поношающимъ ми слово, яко уповахъ на словеса Твоя.

Въ этихъ словахъ двѣ мысли: первая, когда станутъ поносить меня—зачѣмъ я такъ строго держусь закона Твоего, не смотря на лишенія,—я отвѣчу имъ: потому, что *уповахъ*, возложилъ упованіе мое *на словеса Твои*. Въ такомъ случаѣ здѣсь будетъ говориться тоже, что въ предыдущемъ стихѣ, то есть, будетъ указываться основа упованія въ словесахъ или обѣтованіяхъ Божіихъ, съ приложеніемъ только особаго случая обнаруженія такого упованія,—именно, поношенія поносящихъ добродѣтель и благочестіе. Зигабенъ пишетъ: „тѣмъ, которые будутъ поносить меня, зачѣмъ страдаю за добродѣтель и соблюденіе заповѣдей, я отвѣчу такое слово, что уповаю на словеса Бога моего. Богъ обѣтовалъ, что дастъ многія блага тѣмъ, кто будетъ хранить заповѣди Его. Хоть я и злострадаю и бѣдствую, но заповѣдей хранить не перестаю, потому что питаю такія благія надежды." Блаж. Ѳеодоритъ коротко выражаетъ сущность дѣла: „Твое, Господи, обѣтованіе поддерживаетъ меня; съ этою надеждою и совершаю я путь."

Чѣмъ воодушевлялись св. мученики, вступая въ подвигъ мученичества, какъ не увѣренностію въ непреложности словесъ Божіихъ? Милость Божія покрывала ихъ и являла скорую помощь въ облегченіи страданій; но это было не со всѣми, да и въ тѣхъ, съ которыми было, обнаруживалось не тотчасъ, какъ только начинались му-

ченія. Чѣмъ поддерживали они себя въ этомъ подвигѣ? Словомъ Господа, которое нерѣдко они и повторяли гласно, когда было терзаемо тѣло ихъ и слухъ былъ оскорбляемъ поносительными для ихъ исповѣданія словами.

Св. подвижники, и древніе и нынѣшніе, въ чемъ находили и находятъ опору твердости въ воспринятомъ ими образѣ жизни, сущность котораго состоитъ во всестороннихъ произвольныхъ лишеніяхъ, съ прибавленіемъ, особенно нынѣ, поносительныхъ противъ нихъ рѣчей? Не въ чемъ иномъ, какъ въ обѣтованіяхъ Божіихъ. Хорошо выражается это изреченіемъ одного старца: „господинъ мой сказалъ мнѣ: работай мнѣ; о прочемъ же ни о чемъ не заботься: то ужъ моя будетъ забота.“

Истинно добродѣтельные и истинно благочестивые люди никогда не имѣютъ недостатка въ случаяхъ возгрѣвать свое упованіе, или свидѣтельствовать его предъ лицемъ поносящихъ. Какъ сказано въ словѣ Божіемъ, что *хотящіи благочестно жити гоними будутъ* (2 Тим. 3, 12), такъ оно всегда и бываетъ. Сказано, чтобы приступающій работать Господу уготовлялъ душу свою на искушенія: они всегда и встрѣчаютъ ихъ, — и это не только отъ нечестивыхъ и грѣшныхъ, но нерѣдко и отъ не чуждающихся порядковъ богоугодной жизни, по разнымъ недоразумѣніямъ, источника которыхъ не доберешься. Откуда что возьмется; а терпѣть—все терпи. Чѣмъ же подкрѣпиться? Словомъ Господа: *блажени есте, егда поносятъ вамъ, и изженутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ* (Мѳ. 5, 11. 12). *Мужайтеся, и да крѣпится сердце ваше!* (Пс. 30, 25). *Близъ Господь сокрушенныхъ сердцемъ* (Пс. 33, 19). Въ десницѣ Его—покровъ вамъ; въ шуйцѣ—стрѣлы врагамъ вашимъ. *Очи Его призираютъ на васъ, и уши Его въ молитву*

вашу (Пс. 33. 16). *Живый же въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится* (Пс. 90. 1).

Вторая мысль въ настоящемъ текстѣ такая: когда Ты, Господи, окажешь мнѣ милость и спасешь меня во очію всѣхъ,—тогда я буду имѣть, что отвѣчать поносящимъ меня, въ оправданіе упованія моего на Тебя. Очевидная помощь заградитъ уста поносящихъ уповающаго на обѣтованія Божіи. Въ такомъ случаѣ, тутъ будетъ дѣлаться намекъ на новую основу упованія—полученіе или ощущеніе дѣйствительной помощи отъ Бога, бывающей тоже по слову Его. Слово изъ устъ Бога глубоко коренитъ упованіе; но оно все еще есть нѣчто чаемое, созерцаемое, теоретическое. Когда же избавленіе получается на дѣлѣ, тогда сила Божія ощущается всѣмъ существомъ и упованіе входитъ въ жизнь. Сознаніе, что такой человѣкъ есть человѣкъ Божій, сливается съ сознаніемъ его бытія, и становится неотлучнымъ качествомъ проявленій духовной его жизни. Это даетъ ему смѣлость смотрѣть въ глаза поносителямъ, и исходящее отъ нихъ поношеніе возвращать на нихъ самихъ. Уповаю, потому что бываю избавляемъ, — слѣпы вы, что ли? *На Мя упова,* сказалъ Господь, *и избавлю и: покрыю и, яко позна имя Мое. Воззоветъ ко Мнѣ и услышу его: съ нимъ есмь въ скорби, зиму его и прославлю его, долготою дней исполню его, и явлю ему спасеніе Мое* (Пс. 90. 14—16).

Одинъ мученикъ, весь истерзанный и едва стоявшій на ногахъ, когда судья крайне нечестиво поносилъ его вѣру въ Распятаго, помолился внутренно ко Господу, и, въ виду всѣхъ, раны его исчезли, кровь омылась, силы возстановились, и онъ сталъ, какъ бы не страдавшій. „Вотъ что значитъ Распятый Господь, упованіе на Котораго ты такъ уничижаешь!“ сказалъ св. мученикъ.

Св. Аѳанасій такъ перефразируетъ мысль этого стиха: если пріобрѣту милость Твою, а милость эта будетъ для

меня въ спасеніи Твоемъ, то возъимѣю дерзновеніе противъ тѣхъ, которые поносятъ меня и возстаютъ на меня. Скажу, что не заслуживаетъ поношенія тотъ, кто содержитъ такіе догматы, надъ которыми издѣваются чуждые вѣры невѣжды; докажу, что догматы эти исполнены разума и премудрости. Тоже говоритъ и блаж. Ѳеодоритъ: „даруй, Владыко, спасеніе, которое обѣтовалъ Ты въ священныхъ словесахъ Твоихъ, чтобы съ дерзновеніемъ начать мнѣ рѣчь съ смѣющимися надо мною; потому что кто бѣдствуетъ, тотъ молча выслушиваетъ дѣлаемыя ему укоризны; а кто бываетъ обрадываемъ избавленіемъ, тотъ самъ обличаетъ злобно укоряющихъ его.“ Такимъ же образомъ изъясняетъ это и св. Иларій съ блаж. Августиномъ. Первый пишетъ: „стихъ этотъ соотвѣтствуетъ теченію мыслей. Если, говоритъ, придетъ на меня милость Твоя и спасеніе Твое, по слову Твоему, то я буду имѣть что отвѣтить тѣмъ, кто укоряетъ меня въ неразуміи и въ обманчивой надеждѣ за упованіе на словеса Твои. Что тогда можетъ сказать невѣрующій противъ такого опыта, подтверждающаго неложность обѣтованій Божіихъ?“ Второй говоритъ: „Поносящимъ слово о Христѣ отвѣчаю словомъ же о Христѣ, такъ какъ Имъ попрекаютъ насъ тѣ, для кого Христосъ распятый есть *соблазнъ и безуміе* (1 Кор. 1, 23). Они не знаютъ, что *Слово плоть бысть и вселися въ ны* (Ін. 1, 14),—Слово, которое *было въ началѣ, было у Бога, было Богъ* (Ін. 1, 1). Еслибъ знали, *не бы Господа славы распяли* (1 Кор. 2, 8). Но на кого пріидетъ милость и покрывающее его спасеніе, тотъ отвѣтитъ поносящимъ слово истины. Мало имѣть въ сердцѣ Христа и не хотѣть исповѣдать Его, боясь поношенія, но надо отвѣчать поносящимъ слово. Мученики отвѣчали слово, по обѣтованію: *не вы будете глаголющіи,* но *Духъ Отца вашего, глаголяй въ васъ* (Мѳ. 10, 20).“

Опыты милости Божіей за упованіе возвышаютъ упованіе, сообщая ему небоязненное дерзновеніе исповѣданія самаго упованія. Такихъ опытовъ не лишенъ никто. Всякій, внимательно слѣдящій за жизнію, не можетъ не увидѣть перста Божія, изводившаго его изъ дѣйствительной крайности, или предотвращавшаго находившую и готовую постигнуть его бѣду; и потому жаловаться на недостатокъ возбуждающихъ упованіе случаевъ никто не можетъ. Могутъ быть только невнимательные къ путямъ Промысла Божія, или зазнающіеся, которые хоть и видятъ иногда нѣчто особенное, но приписываютъ то или случайному стеченію обстоятельствъ, котораго не знаетъ истинно вѣрующій, или — что не менѣе худо — своему благоразумію и умѣнью пользоваться встрѣчающимися обстоятельствами, къ поддержанію и возвышенію своего благосостоянія.

Стихъ сорокъ третій.

И не отъими отъ устъ моихъ словесе истинна до зѣла, яко на судьбы Твоя уповахъ.

Первыя слова темноваты, потому что не сразу поймешь, когда и какъ Богъ отнимаетъ слово истины, и притомъ— *до зѣла;* значитъ, отнятіе его не *до зѣла* еще можетъ быть сносно. Потому-то толковники понимаютъ ихъ не одинаково.

По содержанію сего осмистишія, ихъ надо понимать такъ, чтобъ не отдаляться отъ главнаго здѣсь предмета— упованія. Въ предъидущемъ стихѣ говорилось: если явишь, Господи, милость Твою ко мнѣ, то я буду имѣть, что сказать поносящимъ меня. Здѣсь продолжается таже мысль: „а если не явишь, то я не буду имѣть, что сказать имъ; слово замретъ на устахъ моихъ. Пророкъ молится не ставить его въ такое положеніе, а всегда

являть надъ нимъ покровъ Свой, чтобъ онъ могъ побѣдоносно такими опытами милости защищать свое упованіе на судьбы Божіи. Зачѣмъ, однакожъ, повторяется эта мысль? Затѣмъ, кажется, чтобы выразить нѣкоторое ограниченіе широты своего прошенія, какъ это даетъ понять слово—*до зѣла*. Молился: яви милость, и буду имѣть, что сказать поносителямъ моимъ; теперь прибавляетъ: а если уже угодно правдѣ Твоей отнять такое защитительное слово сокращеніемъ явленія милости ко мнѣ, то—не *до зѣла;* не навсегда оставляй меня въ посрамленіи предъ врагами моими, но, оставивъ на время поучительнымъ оставленіемъ, опять являй предъ всѣми покровъ Свой надо мною, чтобъ и я опять находилъ въ устахъ моихъ слово истины, что не напрасно уповаю на судьбы Твои. „Молюсь, толкуетъ Беллярминъ, да не будетъ отнято отъ меня слово истины, которымъ я могъ бы отвѣчать поносящимъ меня. Не лишай меня Твоей милости; не сдѣлай того, что я не посмѣю слова сказать въ оправданіе упованія моего; не заключи такимъ образомъ устъ, исповѣдающихся Тебѣ и возвѣщающихъ надежду на обѣтованія Твои. Но если ужъ надобно будетъ отнять его, то отъими на столько, чтобъ испытать только меня, а не *до зѣла,* не совсѣмъ, не въ конецъ.“

Блаж. Августинъ переносится вниманіемъ своимъ къ положенію мучениковъ, къ тому, какъ мужественно держали они въ устахъ своихъ исповѣданіе, не взирая на нестерпимость мученій. Но были и такіе, которыхъ одолѣвалъ страхъ и они отрекались отъ истины: слово истины словно похищалось изъ устъ ихъ, было отнимаемо отъ нихъ. Изъ такихъ одни навсегда оставались въ отпаденіи, другіе—снова возвращались къ исповѣданію истины; у первыхъ въ конецъ, *до зѣла* было отнимаемо слово истины, а у послѣднихъ не въ конецъ, не *до зѣла*. „Многіе, говоритъ онъ, тѣснимые тяготою гоненія, не могли

вынести поношенія и отрекались отъ Христа, а потомъ снова возвращались. Какъ будто имѣя ихъ въ мысли, Пророкъ молится: *не отъими отъ устъ моихъ словесе истинна до зѣла,* то есть не въ конецъ, какъ было и съ ними; ибо, отрекшись на время отъ вѣры, они потомъ возвращались въ покаяніи, и исповѣданіемъ истины снова восхищали пальму мученичества. Такъ было и съ Петромъ, который на часъ отрекся изъ страха, а потомъ возстановилъ себя плачемъ, въ концѣ же вѣнчался и мученическимъ вѣнцомъ. У него и подобныхъ ему не было отнято слово истины *до зѣла,* въ конецъ. *Не отъими,* значитъ — не попусти чтобы выпало слово истины изъ устъ моихъ. И Самъ Господь говоритъ къ Петру: *молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя* (Лк. 22, 32); а это то же значитъ, что—да не отымется слово истины у тебя *до зѣла.*“

Блаж. Аѳеимъ причину отнятія слова истины или исчезновенія его изъ устъ полагаетъ въ грѣхѣ. Пока нѣтъ явнаго грѣха, истина возвѣщается смѣло; а когда впадешь въ грѣхъ, то уже совѣстно становится возвѣщать истину устами, не оправдывая ее дѣлами и жизнію. Богъ не отнимаетъ слова прямымъ воздѣйствіемъ; но попускаетъ паденія за гордость, которыми связывается языкъ. „Кто впадаетъ въ какой-либо грѣхъ, говоритъ онъ, у того вземлется слово истины не только изъ устъ, но и изъ сердца. *Грѣшнику же рече Богъ: вскую повѣдаеши оправданія Моя и воспріемлеши завѣтъ Мой усты твоими?* (Пс. 49, 16).“

Если брать этотъ стихъ отдѣльно, внѣ контекста, то можно останавливаться и на этихъ послѣднихъ мнѣніяхъ; но прямая мысль — первая. Къ ней обязываетъ вторая половина стиха: *яко на судьбы Твоя уповахъ,* чѣмъ выражаетъ Пророкъ вторую основу своего богоупованія. И въ этомъ главная цѣль его рѣчи. Прежде говорилъ

что уповаетъ на Бога, вѣруя слову Его, которымъ Онъ обѣщалъ не оставлять прибѣгающихъ къ Нему и творящихъ волю Его; а теперь говоритъ, что уповаетъ. будучи располагаемъ и возбуждаемъ къ тому судьбами Божіими. Судьбы Божіи значатъ здѣсь тѣ Божіи суды, которые Онъ не изрекалъ только, но и въ дѣло приводилъ, наказывая грѣшниковъ и возвышая и защищая праведниковъ. Пророкъ испрашиваетъ защиту потому, что уповаетъ, а уповаетъ потому, что суды Божіи были таковы и надъ цѣлыми народами, и надъ частными лицами, и что если по тѣмъ же судамъ и съ нимъ поступитъ Богъ, то ему непремѣнно должно получить милость и спасеніе отъ Бога.

Судьбы, имѣвшіяся при этомъ у Пророка въ виду, суть всѣ тѣ, которыя были и до него: какъ Ной съ семействомъ своимъ спасенъ былъ отъ потопа, какъ благословленъ Авраамъ и патріархи, какъ наказанъ Египетъ, а народъ Божій спасенъ, какъ народъ этотъ веденъ былъ въ землю обѣтованную среди милостей и караній, какъ онъ поселенъ въ землѣ обѣтованной, и какъ потомъ то предаваемъ былъ, за забвеніе Бога, въ рабство сильнымъ сосѣдамъ, то снова избавляемъ, когда, покаявшись, обращался къ Богу. Созерцающій эти суды не можетъ не питать глубокаго убѣжденія, что у Бога всегда готова милость даже къ большому грѣшнику, только не упорствуй и не иди ожесточенно противъ Бога. Созерцаніе этихъ судовъ было постояннымъ занятіемъ Пророка, и онъ могъ говорить: *яко вся судьбы Его предо мною* (Пс. 17, 23). Изъ нихъ онъ почерпалъ удостовѣреніе въ томъ, что Богъ есть *Господь, судьбы творяй* (Пс. 9, 17), и что *судьбы Его истинны, оправданны вкупѣ* (Пс. 18, 10). Посему, всецѣло предаваясь Богу, онъ исповѣдуетъ: *отъ лица Твоего судьба моя изыдетъ* (Пс. 16. 2).

Если перевесть рѣчь Пророка по нашему, то выйдетъ, что упованіе на судьбы Божіи то же, что упованіе на промыслительное попеченіе о насъ Божіе, возгрѣваемое припамятованіемъ опытовъ, какіе явилъ Господь около насъ и въ насъ, покровительствуя добрымъ и вразумляя недобрыхъ. Лицъ стороннихъ нельзя знать такъ, чтобы вѣрно оцѣнивать, какъ и почему идутъ къ нимъ такіе и такіе суды Божіи; а себя какъ не знать? Еслибы у человѣка достало терпѣнія прослѣдить всѣ измѣненія въ своей участи, въ теченіи цѣлой жизни, по отношенію ихъ преимущественно къ своему внутреннему состоянію и къ Богу, то несомнѣнно открылъ бы онъ, что какъ на вѣсахъ двѣ чаши въ совершенномъ всегда состоятъ соотвѣтствіи, такъ въ совершенномъ соотвѣтствіи состоятъ и наши внѣшнія судьбы, опредѣленныя судьбами Божіими, со всѣмъ тѣмъ, что происходитъ внутри насъ и особенно съ тѣмъ, каковы мы въ отношеніи къ Богу. Есть лица, которыя до того свыкаются съ созерцаніемъ этого Божія порядка, что каждую, какъ говорится, случайность опредѣляютъ съ этой точки зрѣнія; потому-то и носятъ убѣжденіе, что собственно случайнаго ничего нѣтъ. Философы пишутъ, что нѣтъ случая; а въ жизни только и видятъ, что случайности. Благочестіе же и безъ философіи носитъ въ сердцѣ ту истину, что все отъ Бога. У Бога все, какъ въ устроеніи великаго міра, такъ и въ устроеніи участи всякаго маленькаго человѣка, мудро опредѣлено мѣрою, вѣсомъ и числомъ. Какъ это—нашему уму не постигнуть. *Судьбы Божіи—бездна многа* (Пс. 35. 7). Сколько въ этомъ утѣшенія и сколько крѣпости получаетъ упованіе того, кто дошелъ до такого убѣжденія! Блаж. Августинъ подъ судьбами, возгрѣвающими упованіе, разумѣетъ здѣсь именно судьбы каждаго лица. „*На судьбы Твоя уповахъ*, то есть суды Твои, коими Ты меня исправляешь и наказываешь, не только не отни-

мають у меня надежды, но и возвышаютъ ее; ибо *егоже любитъ Господь, наказуетъ, біетъ же всякаго сына, егоже пріемлетъ* (Евр. 12, 6).“

Стихъ сорокъ четвертый.

И сохраню законъ Твой выну, въ вѣкъ и въ вѣкъ вѣка.

Это выводъ изъ предыдущаго и дополненіе его. Этимъ выражается условіе къ образованію упованія со стороны человѣка. Со стороны Бога оно образуется вѣрою въ непреложность слова Божія или Божіихъ обѣтованій и размышленіемъ о судьбахъ Божіихъ, явленныхъ надъ цѣлыми народами, или надъ частными лицами, преимущественно же надъ самымъ тѣмъ, кто ищетъ возгрѣть въ себѣ упованіе; а со стороны человѣка—рѣшимостію ходить въ волѣ Божіей и особенно самымъ храненіемъ закона Божія. Это послѣднее условіе столь важно, что безъ него и первыя два не въ силахъ что либо дать въ дѣлѣ образованія упованія. Пророкъ зналъ необходимость сего и выразилъ поэтому рѣшеніе свое въ настоящемъ стихѣ. Предъ симъ созерцалъ онъ суды Божіи, и, конечно, не могъ не видѣть, что всѣмъ имъ одна надпись: всякая милость—богобоязненнымъ ревнителямъ объ исполненіи закона, и всякая кара—нечестивымъ, не боящимся Бога и небрегущимъ о Его законѣ. Вотъ онъ и постановляетъ для себя самъ въ себѣ и изрекаетъ предъ Богомъ такое правило: „когда такъ, то буду хранить законъ Твой всегда и во всемъ, и въ сей жизни и въ вѣчности.“

Этотъ законъ упованія изрекается Пророкомъ не здѣсь только, но по всему пространству псалмовъ, въ разнообразныхъ формахъ выраженія. Раскройте книгу Псалмовъ, и вы на всякой страницѣ найдете не одно свидѣтельство о томъ. Да это такая истина, которой нечего

и доказывать: она сама собою держится въ сознаніи благочестно воззрѣвающаго къ Богу. Какъ можно что либо ожидать отъ Бога, когда самъ ты Бога знать не хочешь, и въ своенравіи непрестанно прогнѣвляешь Его безстрашнымъ нарушеніемъ воли Его? А между тѣмъ, если испытать себя, какъ должно, то найдемъ, что мы не совсѣмъ безукоризненны, въ этомъ отношеніи. Мы всѣ молимся: но какой смыслъ можетъ имѣть молитва безъ упованія? Молимся потому, что, имѣя нужду въ чемъ либо, надѣемся получить то отъ милостиваго Бога, и знаемъ, что милостивый Богъ всегда готовъ даровать намъ нужное: отъ чего же молитва наша, и не чуждая упованія, не привлекаетъ милости Божіей? Отъ того, что отношеніе наше къ Богу невѣрно. Богъ подай намъ все, а мы для Него ничего не хотимъ дѣлать; и если дѣлаемъ что нибудь какъ будто по Божьему, то только то, что попадется подъ руку безъ особеннаго намѣренія и избранія; и при томъ, дѣлая кое-что, оставляемъ въ себѣ много неугоднаго Богу, намѣренно прикрывая то забвеніемъ, какъ будто мы ни въ чемъ не виноваты. Какъ же, при такой неискренности и небрежности въ храненіи должнаго отношенія къ Богу, надѣяться, что Богъ несомнѣнно сдѣлаетъ для насъ то, о чемъ мы Его просимъ? Исправьте эту неисправность, и тогда увидите, какъ пойдутъ къ вамъ отъ Бога всѣ милости: *волю боящихся Его сотворитъ, и молитву ихъ услышитъ и спасетъ* (Пс. 144, 19).

Скажете: да кто же безъ грѣха? И если грѣхъ погашаетъ упованіе, а безъ упованія молитва—не молитва, то зачѣмъ и молиться? Но когда Пророкъ говоритъ: *сохраню законъ Твой,* то выражаетъ не дѣйствительное сохраненіе, а рѣшимость быть всегда вѣрнымъ закону. Эта рѣшимость всегда и живетъ въ благочестивомъ духѣ, хотя и то вѣрно, что и праведникъ седьмижды въ день

падаетъ. Падаетъ седьмижды, но не остается и одного раза въ паденіи—а падаетъ и встаетъ, падаетъ и встаетъ. Это похоже на бѣгъ по скользкой или камнями усѣянной дорогѣ: кто положилъ достигнуть конца пути, тотъ сколько бы ни падалъ, никогда не станетъ валяться на дорогѣ, а упавши вскочитъ и опять побѣжитъ. Путь богоугожденія таковъ и есть. Старайся всегда быть чистымъ въ совѣсти предъ Богомъ, людьми и собою, и коль скоро попадешь въ какую нечистоту, тотчасъ очищай себя; намѣренно же и съ сознаніемъ никогда не позволяй оставаться въ тебѣ чему либо нечистому и оскорбительному для Бога. Стараясь такъ, будешь въ такомъ же положеніи, въ какомъ находился и Пророкъ, когда говорилъ: *сохраню законъ Твой,* и будешь имѣть дерзновеніе въ молитвѣ, которая будетъ свидѣтельствоваться несомнѣннымъ упованіемъ получить то, чего ты ищешь и просишь.

Смотрите, какъ широка и всеобъемлюща рѣшимость Пророка хранить законъ Божій: *выну,* говоритъ, *въ вѣкъ и въ вѣкъ вѣка. Выну,* διὰ πάντος, во всемъ, во всѣхъ случаяхъ жизни, и важныхъ и неважныхъ,—*въ вѣкъ,* пока буду жить въ вѣкѣ семъ,—*въ вѣкъ вѣка,* въ вѣчности. Св. Амвросій говоритъ, что Пророкъ ни одного момента жизни не оставляетъ въ небреженіи, а ревнуетъ преисполнить и пропитать всю ее закономъ. „И въ пѣстунство дѣтства и отрочества, и подъ дисциплиною юности, и въ зрѣлости мужа и старца обѣщаетъ не преступать предѣловъ, положенныхъ каждому возрасту. Вѣдь и душа имѣетъ свои возрасты, по которымъ востекаетъ къ зрѣлости, и, протекши которые, можетъ говорить: *теченіе скончахъ* (2 Тим. 4, 7). Полный возрастъ души, возрастъ старости душевной, есть *житіе нескверно* (Прем. 4, 9). Итакъ, выну хранить законъ тотъ, кто и въ возрастахъ тѣлесныхъ, и въ степеняхъ

преспѣянія душевнаго не позволяетъ себѣ уклоняться отъ закона.“

Св. Иларій, высказавъ подобную же мысль, обозрѣваетъ затѣмъ всѣ области бытія и всюду видитъ свои законы. Стало быть, если есть будущая жизнь,—а она есть несомнѣнно,—то и тамъ будетъ свой законъ. „Конца жизни своей не видитъ Пророкъ. Вѣра его не ограничивается вѣкомъ симъ, и вѣрность свою простираетъ онъ въ безконечность. Сказавъ: *выну*, онъ не оставилъ ни одного момента въ жизни, въ который допустилъ бы забвеніе: а когда прибавилъ: *въ вѣкъ вѣка*, то восходилъ къ сохраненію вѣчнаго закона, котораго здѣшній есть только тѣнь и который вступитъ въ силу тогда, когда вѣчность преемственно заступитъ мѣсто вѣка сего. Въ загробной жизни есть законъ для отшедшихъ отсюда душъ, по которому онѣ одна отъ другой раздѣляются пропастію великою, какъ даетъ разумѣть Господь въ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ. И по воскресеніи будетъ для воскресшихъ законъ, по которому они, какъ звѣзда отъ звѣзды, будутъ разниться во славѣ (1 Кор. 15, 41). Есть законы и для ангеловъ, по которымъ одни непрестанными гласы восхваляютъ Бога; другіе же предстоятъ невидимому Богу въ глубокомъ молчаніи; ангелы же дѣтей выну видятъ лице Отца небеснаго (Мѳ. 18, 10). Такимъ образомъ, зная, что есть вѣчные законы, Пророкъ обѣщаетъ и предрасполагаетъ себя хранить ихъ, полагая сохранять въ вѣкѣ семъ и тѣ, которые суть только тѣнь ихъ.“

Блаженные Ѳеодоритъ и Августинъ объясняютъ, какъ это будетъ совершаться въ будущемъ вѣкѣ. Первый пишетъ: „словами *въ вѣкъ вѣка* Пророкъ далъ разумѣть будущую жизнь, въ которой всѣмъ дано будетъ чистое и полное храненіе законовъ Божіихъ.“ Второй говоритъ: „Подъ закономъ здѣсь должно разумѣть тотъ, о которомъ

говоритъ апостолъ: полнота закона есть любовь (Рим. 13, 10). Этотъ законъ хранится святыми не только въ вѣкѣ семъ, но будетъ хранимъ и въ будущемъ во вѣки. Не частныя заповѣди, но самая полнота закона будетъ тамъ въ дѣйствіи, безъ всякой опасности грѣха; ибо и Бога мы будемъ любить полнѣе, потому что узримъ Его,—и ближняго, потому что Богъ будетъ всяческая во всѣхъ (1 Кор. 15, 28).“

Стихъ сорокъ пятый.

И хождахъ въ широтѣ, яко заповѣди Твоя взыскахъ.

Съ этого стиха до конца осьмистишія (45—48) изображаются плоды упованія, или каковъ сталъ Пророкъ послѣ того, какъ возгрѣлъ въ сердцѣ своемъ крѣпкое упованіе упомянутыми способами. Блаж. Августинъ говоритъ: „прежде искалъ, а теперь (въ ст. 45—48) повѣствуетъ и исповѣдуетъ, какимъ сдѣлала его милость Божія, которую онъ испрашивалъ,—показываетъ, что услышанъ, и, въ слѣдствіе того, вотъ что: *хождахъ въ широтѣ*“....

Широта хожденія всегда есть прямое слѣдствіе вѣрности заповѣдямъ Божіимъ; и это потому, что заповѣди убиваютъ живущія въ насъ и тѣснящія насъ страсти. Что всякое стѣсненіе и вязаніе нашей нравственной свободы зависитъ отъ страстей,—это всякій самъ знаетъ. Что сжимаетъ руку, готовую уже на благотвореніе? Своекорыстіе: себѣ нужно. Что томитъ душу, при видѣ счастія сосѣда? Зависть. Что приковываетъ къ постели или вяжетъ ноги, когда слѣдовало бы идти въ церковь помолиться? Самоугодіе и лѣность. Такъ и во всемъ. Но кто взыскалъ заповѣди, то есть, возлюбилъ ихъ и положилъ быть всегда имъ вѣрнымъ, тотъ, хоть тоже чувствуетъ припадки подобныхъ страстей, но они не опредѣляютъ его, не вяжутъ: онъ тотчасъ отражаетъ ихъ; а когда окрѣпнетъ въ дѣланіи заповѣдей, то и совсѣмъ почти ихъ не чуетъ.

„Тому не тѣсно, говоритъ св. Амвросій, кто ума своего не заключаетъ въ земное и плотское, но направляетъ его къ небесному и жительство свое имѣетъ на небесахъ, а грѣшный сдавливается узами своихъ страстей. Возьмите богача: онъ владѣетъ уже множествомъ полей, а все ему тѣсно, все желаетъ онъ большаго: ему мало цѣлой земли." Св. Иларій пишетъ: „Пророку не тѣсно. Тѣсны сердца грѣшниковъ; и душа оскверненная не удостоивается посѣщенія Божія. Обиталище для принятія Бога необъятнаго нужно пространное; а оно уготовляется вѣрностію заповѣдямъ. Пророкъ ходитъ въ широтѣ, потому что въ немъ обитаетъ Богъ; а Богъ обитаетъ потому, что онъ заповѣди Его взыскалъ. Припомнимъ, въ какую широту разумѣнія входитъ умъ нашъ, когда мы, занимаясь чтеніемъ Божественныхъ Писаній, изслѣдуемъ заповѣди Божіи, и какъ широки бываютъ чувства смиренія нашего, когда онѣ плѣняются въ Божественныя желанія. Грѣхи же сокращаютъ широту всякой души; отвсюду бываетъ тѣсно тому, кто не удостоился быть жилищемъ славы Божіей."—„Что значитъ ходитъ въ широтѣ? спрашиваетъ блаж. Августинъ, и отвѣчаетъ: „значитъ ходить въ любви, которая излилась въ сердца наши Духомъ Святымъ, даннымъ намъ. Онъ учитъ насъ исполненію заповѣдей въ любви Бога и ближнихъ."

Зигабенъ даетъ этой широтѣ другой оттѣнокъ. Онъ перефразируетъ это мѣсто такъ: „во всѣхъ дѣлахъ моихъ находилъ я просторъ и встрѣчалъ успѣхъ, потому что полюбилъ заповѣди Твои, и всегда вѣренъ былъ имъ. Будучи даже въ скорби отъ искушеній, не тяготился тѣмъ; ибо доброе свидѣтельство совѣсти моей внутренно удостовѣряло меня въ крѣпкой любви и ненарушимой вѣрности заповѣдямъ Твоимъ, разширяя сердце мое и въ скорби. Добрая совѣсть всегда утѣшаетъ того, кто ее имѣетъ."

Но, судя по контексу, въ настоящемъ мѣстѣ прямѣе будетъ разумѣть ту широту, въ какой чувствуетъ себя ходящимъ и дѣйствительно ходитъ уповающій на Бога. Эту широту упованія, равно какъ и условіе ея—вѣрность Богу въ исполненіи заповѣдей Его, пространно въ разныхъ мѣстахъ живописуетъ св. Исаакъ Сиріанинъ. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

„Есть, говоритъ онъ, нѣкоторый сокровенный Промыслъ. Сподобишься его и ты, если прежде съ вѣрою понудишь себя попеченіе свое возвергнуть на Бога, и свою попечительность замѣнить Его промышленіемъ. И когда Богъ усмотритъ въ тебѣ, что ты со всею чистотою мыслей довѣрился Богу болѣе, чѣмъ самому себѣ, и понудилъ себя уповать на Бога болѣе, нежели на душу свою, тогда вселится въ тебя та неодолимая сила, и ощутительно почувствуешь, что она съ тобою несомнѣнно,—та сила, которую ощутивъ въ себѣ, многіе идутъ въ огонь, и не боятся ходя даже по водамъ, не колеблясь въ помыслѣ своемъ опасеніемъ потонуть; потому что вѣра укрѣпляетъ душевныя чувства человѣка, и онъ ощущаетъ въ себѣ, что какъ будто что-то невидимое убѣждаетъ его не внимать видѣнію вещей страшныхъ и не взирать на видѣніе невыносимое для чувствъ“ (Сл. 49, стр. 313).

„Если однажды ты ввѣрилъ себя Господу, вседовлѣющему для охраненія тебя и смотрѣнія о тебѣ, и если пойдешь въ слѣдъ Его, то не заботься уже ни о чемъ относительно себя, но скажи душѣ своей: на всякое дѣло довольно для меня Того, Кому однажды предалъ я душу свою. Меня здѣсь нѣтъ; Онъ это знаетъ. Тогда на дѣлѣ увидишь чудеса Божіи,—увидишь, какъ во всякое время Богъ близокъ, чтобы избавлять боящихся Его, какъ и Промыслъ Его окружаетъ ихъ, хотя и не видимъ. Но потому что невидимъ тѣлесными очами Хранитель, пре-

бывающій съ тобою, не должень ты сомнѣваться о Немъ, будто бы Его нѣтъ; ибо нерѣдко открывается Онъ и тѣлеснымъ очамъ, чтобы ты благодушествовалъ (также стр. 316). Когда утвердишься въ такомъ упованіи тогда побѣгутъ отъ тебя устрашающія и ужасающія тебя мысли, и все, что встрѣтится тебѣ труднаго и неудобнаго, покажется тебѣ удобнымъ и легкимъ (также стр. 320)."

„Вѣдѣніе (свое благоразуміе) сопровождается страхомъ, вѣра—надеждою. Въ какой мѣрѣ человѣкъ водится способами вѣдѣнія, (то есть, самъ устрояетъ свое благосостояніе по указанію благоразумія), въ такой же мѣрѣ связуется онъ страхомъ, и не можетъ освободиться отъ него. А кто послѣдуетъ вѣрѣ (уповающей), тотъ вскорѣ дѣлается свободенъ и самовластенъ, и, какъ сынъ Божій, всѣмъ пользуется съ свободою, самовластно. Возлюбившій вѣру (уповающую), какъ Богъ, распоряжается всякимъ тварнымъ естествомъ. А вѣдѣніе (свое благоразуміе) всюду встрѣчаетъ преграды. И какъ быть иначе? Текучее естество воды на хребетъ свой не пріемлетъ тѣлесныхъ стопъ, и приближающійся къ огню сожигаетъ себя. Вѣра же (уповающая) властно преступаетъ эти предѣлы, воодушевляясь обѣтованіемъ: *аще сквозь огнь прейдеши, не сожжешися, и рѣки не покрыютъ тебе* (Ис. 43, 2). Многіе по вѣрѣ входили въ пламень, обуздывали сожигающую силу огня, и невредимо проходили посреди его, и по хребту моря шествовали, какъ по сушѣ (сокращ. стр. 144, 145)."

Вотъ какъ объясняетъ онъ то, что такое упованіе возможно только при вѣрномъ служеніи Богу въ исполненіи Его заповѣдей. „Человѣкъ, который вовсе неимѣетъ заботы о скоропреходящемъ, но всецѣло, днемъ и ночью, ввѣряетъ себя Господу, не заботится ни о чемъ мірскомъ, по великой своей рачительности о добродѣтеляхъ, а все свое время употребляетъ на занятія Божественныя, и по-

тому нерадитъ о пріуготовленіи себѣ яствъ и одеждъ, объ устроеніи жилища тѣлу и о всемъ прочемъ,—такой человѣкъ прекрасно и разумно надѣется на Господа. И это подлинно истинная и самая мудрая надежда. Да и справедливо такому надѣяться на Бога, потому что онъ сдѣлался рабомъ Ему, и рачителенъ къ дѣлу Его. Такой достоинъ, чтобы на немъ особеннымъ образомъ показалъ Богъ попечительность Свою. Но человѣкъ, у котораго сердце совершенно погребено въ земномъ, который всегда ѣстъ съ зміемъ персть, никогда не печется о благоугодномъ Богу, не имѣетъ попеченія ни объ одной добродѣтели,—такой человѣкъ не можетъ имѣть свѣтлаго упованія. Будучи стѣсняемъ скудостію или подавляемъ плодами беззаконій своихъ, можетъ быть, и онъ скажетъ: возложу упованіе на Бога, и Онъ сдѣлаетъ меня безпечальнымъ, и дастъ мнѣ послабленіе. Безразсудный! до сего часа не вспоминалъ ты о Богѣ, но оскорблялъ Его непотребствомъ дѣлъ своихъ, и имя Божіе ради тебя, какъ написано, хулимо было язычниками; а теперь осмѣливаешься открывать уста свои и говорить: на Него возложу упованіе. Онъ поможетъ мнѣ и попечется обо мнѣ! Въ посрамленіе таковыхъ хорошо сказалъ Богъ чрезъ пророка: *Мене день отъ дне ищутъ и уразумѣти пути Моя желаютъ, яко людіе, правду сотворившіи и оправданій Бога своего не оставившіи* (Ис. 58, 2). Къ числу такихъ-то принадлежитъ и тотъ безразсудный, который и мыслію своею не приближался къ Богу, а коль скоро окружили его скорби, онъ воздѣваетъ къ Нему руки свои съ упованіемъ: возложу, говоритъ, упованіе на Бога; Онъ избавитъ меня. Не обольщайся; надежду на Бога предваряетъ трудъ для Бога въ дѣланіи заповѣдей Его. Вѣруешь ли, что Богъ промышляетъ о тваряхъ Своихъ? Да сопровождаетъ же вѣру твою и приличное дѣланіе, и тогда услышитъ тебя Богъ (Сл. 67, стр. 497–500).“

Стихъ сорокъ шестый.

И глаголахъ о свидѣніяхъ Твоихъ предъ цари, и не стыдяхся.

Это второй кругъ дѣлъ, въ которыхъ обнаруживается крѣпкое, созрѣвшее въ сердцѣ упованіе — небоязненное свидѣтельство истины Божіей. Когда слово и дѣло идутъ на перекоръ желаніямъ и пристрастіямъ слышащихъ и видящихъ, оно вездѣ сопровождается непріятностями, а тѣмъ болѣе слово истины, когда оно изрекается предъ сильными земли. Можно у Пророка видѣть здѣсь рѣчь вообще о свидѣтельствѣ истины и правды предъ кѣмъ бы то ни было,—свидѣтельствѣ нестыдящемся, небоязненномъ, несмотря на послѣдствія; а что онъ сказалъ: *предъ цари*, то можно доразумѣвать *даже*, то есть, *даже* предъ цари, а о другихъ—прочихъ и говорить нечего.

Свидѣтельство истины и правды есть прямое слѣдствіе вѣрности закону и хожденія въ заповѣдяхъ, которыми образуется въ сердцѣ искренняя добросовѣстность, которая не можетъ допустить, чтобы языкъ скрылъ истину, или сказалъ противное истинѣ. Но такая добродѣтель обнаруживается тихо, и когда къ тому случай откроется въ житейскомъ или гражданскомъ порядкѣ жизни. Тутъ, когда не касаются ея и не спрашиваютъ,—она молчитъ. Но у Пророка разумѣется особая добродѣтель мужественнаго свидѣтельства истины, когда она не сидитъ на мѣстѣ, и не ждетъ, когда ее затронутъ, а сама исходитъ на поприще народовъ, и дѣйствуетъ среди ихъ небоязненно. Вызываетъ же ее пламень любви къ Богу и славѣ Его, и особенное мановеніе свыше, а то и прямое посланіе отъ Бога, какъ это было у пророковъ, апостоловъ, мучениковъ и исповѣдниковъ.

Что движетъ и воодушевляетъ человѣка вѣрнаго Богу и заповѣдямъ Его на дѣло свидѣтельства истины? Убѣжденіе, что онъ исправляетъ чрезъ то дѣло Божіе, которому Помощникъ и Покровитель Самъ Богъ; потому-то онъ и увѣренъ, что Богъ поддержитъ его и не дастъ ему пасть предъ напоромъ противляющихся и грозящихъ ему силъ. Непріятности, потери, муки и самая смерть не ставятся въ числѣ неудачъ; мученикъ, напримѣръ, замученный считается побѣдителемъ, потому что, не смотря на множество орудій къ отклоненію его отъ истины, онъ устоялъ въ ней непоколебимо. Что на душѣ у такихъ свидѣтелей, въ часъ свидѣтельства? Они не на землѣ въ эту пору, а на небѣ, въ созерцаніи обѣтованныхъ благъ. Очевиднѣе всего это было въ мученикахъ, которые и воодушевлялись тѣмъ, что вотъ-вотъ оставятъ бѣдную землю и вселятся въ свѣтлыя обители Божіи, и нерѣдко умоляли мучителей не отлагать мученій, а скорѣе, посредствомъ ихъ, препроводить ихъ ко Христу, да будутъ съ Нимъ причастниками славы Его.

Наши толковники всѣ стоятъ вниманіемъ, при этомъ стихѣ, на картинѣ мучениковъ. Св. Аѳанасій пишетъ: „таковъ былъ Павелъ, таковъ Петръ, таковъ ликъ апостоловъ и мучениковъ.“ Св. Амвросій говоритъ: „Прилично исходить такому слову изъ устъ всякаго мученика, который, бывъ позванъ предъ судилище, не стыдился, когда князи и судьи поносили его за вѣру въ Распятаго, а, напротивъ, вмѣнялъ себѣ въ славу крестъ Христовъ, и небесными свидѣтельствами доказывалъ, что въ крестѣ спасеніе міру.“ Блаж. Ѳеодоритъ перечисляетъ и ветхозавѣтныхъ свидѣтелей истины: „Съ великимъ удобствомъ, говоритъ Пророкъ, совершалъ я путь, и, живя по заповѣдямъ Твоимъ, не боялся царскаго могущества, а съ великимъ дерзновеніемъ обращалъ рѣчь и къ царямъ, потому что жизнь, согласная съ закономъ,

дѣлаетъ человѣка дерзновеннымъ. Свидѣтель сему и великій Давидъ, потому что, прежде грѣхопаденія, съ великимъ дерзновеніемъ говорилъ предъ Сауломъ; а послѣ грѣха спасался бѣгствомъ отъ сына отцеубійцы, шелъ, поникнувъ въ землю и покрывъ главу. И великій Илія, твердо полагаясь на правду, обличалъ злочестіе Ахаавово, и Даніилъ сказалъ Навуходоносору: и теперь, *царю, совѣтъ мой да будетъ угоденъ тебѣ, и грѣхи твоя милостынями искупи, и неправды твоя щедротами убогихъ* (Дан. 4, 24). Такъ и Павелъ вѣщалъ Агриппѣ, Фесту и Феликсу; такъ добропобѣдные мученики ни во что ставили угрозы царей злочестивыхъ."

Но нѣкоторые толкователи наводятъ на мысль, что здѣсь можно разумѣть и проповѣдниковъ слова Божія во всякое время. Проповѣдь немолчна въ Церкви, и хотя обращается къ христіанамъ, однакожъ не всегда встрѣчаетъ среди ихъ христіанскій пріемъ. Въ этомъ стихѣ внушается примѣромъ Пророка не кривить проповѣди истины, не прикрывать ее какими либо изворотами изъ угожденія сильнымъ земли, но излагать безъ уклончивости, смѣло. Убѣжденіе въ истинѣ, при доброй жизни, даетъ дерзновеніе. Св. Аѳанасій пишетъ еще: „Какъ приличествуетъ слово сіе (стихъ этотъ) мученику, который за Христа ведется *предъ владыки и цари* (Мѳ. 10, 18); такъ приличествуетъ оно и отверзающимъ уста свои предъ царственными святыми душами. Посрамленія достоинъ тотъ, кто, пріявъ слово отъ Бога, не благовѣствуетъ силою многою!" Св. Иларій восходитъ къ источнику такого слова: „долгъ расширеннаго сердца—обильно изливать изъ себя словеса божественнаго ученія. Проповѣдникамъ истины должно, при этомъ, руководствоваться не примѣромъ только Пророка, но и словомъ Господа, Который знающимъ ее заповѣдалъ проповѣдать ее всюду, воодушевляя ихъ: *не бойтеся.*"

Дидимъ, у Зигабена, располагаетъ таковыхъ возъимѣть умъ мучениковъ: „Произносящему устами своими словеса Божіи надобно имѣть умъ мучениковъ и всегда быть готовымъ на страданія за слово истины. Посему-то свидѣтельство Божіе и названо словомъ, означающимъ вмѣстѣ и мученичество.“

И всякій всюду, въ своихъ обстоятельствахъ жизни можетъ непрестанно встрѣчать поводы къ свидѣтельству истины, и можетъ даже пострадать за то. Чѣмъ же ему воодушевляться на такое свидѣтельство, какъ не упованіемъ на Бога, не оставляющаго правды и правыхъ?

Стихъ сорокъ седьмой.

И поучахся въ заповѣдехъ Твоихъ, яже возлюбихъ зѣло.

Третій плодъ упованія—исканіе единаго на потребу. Читая этотъ стихъ, невольно переносишься мыслію къ Маріи, сидящей у ногъ Спасителя и внимающей словесамъ, исходившимъ изъ божественныхъ устъ Его. Тутъ же приходитъ на мысль и урокъ Господа, въ лицѣ Марѳы, изреченный всѣмъ: *Марѳо, Марѳо, печешися и молвиши о мнозѣ: едино же есть на потребу. Марія же благую часть избра, яже не отъиметься отъ нея* (Лк. 10, 41); а далѣе и общій законъ, возложенный на всѣхъ: *ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ* (Мѳ. 6, 33). Что же выходитъ? То, что Пророкъ, возгрѣвши въ себѣ упованіе, отрѣшился сердцемъ отъ всего житейскаго, земнаго, суетнаго, и занятъ былъ однѣми заповѣдями Божіими, то есть, какъ лучше уразумѣть ихъ и какъ лучше исполнить; ибо *поучахся*, значитъ—учился не понимать только, но и умѣть дѣлать. Все это потому, что возлюблены заповѣди, а возлюблены потому, что въ нихъ однѣхъ кроются вѣчные элементы жизни, къ созерцанію которыхъ перенесло его упова-

ніе, возгрѣтое, какъ указано выше, въ предъидущихъ стихахъ.

Какъ только придется услышать намъ слово о *единомъ на потребу*, тотчасъ приходятъ на умъ потребности, необходимыя для поддержанія тѣла, и раждается вопросъ: да какъ же это? Но когда говорится, что надо избрать *единое на потребу*, то это не значитъ, что внушается ничего не дѣлать, а только соразмѣрять труды съ достоинствомъ дѣлъ: главному дѣлу посвящать главную заботу и преимущественный трудъ, а дѣламъ побочнымъ, придаточнымъ—заботу второстепенную и даже десятистепенную и таковой же трудъ. Положи на первомъ мѣстѣ богоугожденіе и спасеніе чрезъ исполненіе заповѣдей, а на второмъ, третьемъ и четвертомъ—все прочее, относящееся къ поддержанію жизни; и къ первому прилежи всѣмъ сердцемъ своимъ, а къ послѣднимъ относись внѣшне, касаясь ихъ какъ бы только концами пальцевъ, и будешь вѣрнымъ исполнителемъ того, что сказалъ Господь о *единомъ на потребу* и объ избраніи части благой. То будетъ у тебя главное дѣло, а это все—придѣлки или подѣлія, какъ выражались древніе великіе подвижники. Нельзя не трудиться и не дѣлать въ житейскомъ и гражданскомъ быту, но надо вести эти дѣла въ подчиненіи главному, въ его духѣ, а не противно ему.

Припоминаю при этомъ бесѣду одного старца съ ученикомъ, въ которой, когда старецъ, объяснивъ различіе дѣла и придѣлковъ, жаловался, что нынѣ (въ то время, то есть, когда это говорилось) порядокъ извратился, и придѣлки стали главнымъ дѣломъ, а главное дѣло—придѣлкомъ, ученикъ просилъ его объяснить ему это примѣромъ. „Вотъ видишь ли, сказалъ старецъ,—сидишь ты за рукодѣльемъ, а тутъ ударили въ било къ церковной молитвѣ; слѣдуетъ тотчасъ бросить работу и

спѣшить въ церковь, положивъ нѣсколько поклоновъ въ келліи своей. Ты такъ и сдѣлаешь, если у тебя на сердцѣ главнымъ дѣломъ имѣется дѣло Божіе. Но если ты скажешь: докончу, немного осталось, и просидишь сколько нибудь за работою, отнявъ это время у службы Божіей, то покажешь, что для тебя работа и пріобрѣтеніе работою дороже дѣла Божія, и строй твой душевный перевернулся головою внизъ, а ногами къ верху. Такъ разумѣй и о прочемъ."

Прилагая это сказаніе къ себѣ и обобщая его, мы получимъ вотъ что: коль скоро у кого только и заботы, что о временныхъ потребностяхъ, дѣло же спасенія и богоугожденія всегда изъ-за нихъ отодвигается на задній планъ и относящееся къ нему исполняется лишь на столько, на сколько допускаютъ тѣ заботы, и притомъ кое-какъ, наскоро, и на половину: то у него главное стоитъ не тамъ, гдѣ ему слѣдуетъ быть, и придѣлье занимаетъ не свое мѣсто. Тамъ, гдѣ число такихъ лицъ размножается до того, что непохожихъ на нихъ уже не видно, все общество находится не въ настоящемъ строѣ; съ духовной точки зрѣнія это будетъ общество ходящихъ вверхъ ногами. А такъ какъ это не въ порядкѣ вещей, то, естественно, что за этою непорядочностію развивается въ немъ и всякая другая непорядочность: отсюда смятеніе, разложеніе и пагуба. Сколько хлопотъ, шума, толкотни! Выходитъ же изъ всего этого одна грязь. Часто слышимъ, что оставившіе міръ и уединившіеся въ обители толкутъ воду;—нѣтъ, вотъ эти толкутъ, да добро бы воду, а то грязь; тѣ избрали благую часть, которая не отнимется отъ нихъ. Они питаютъ благое упованіе, которое не посрамитъ ихъ; безупованельнымъ же ничего другаго и не остается, какъ хвататься за щепки, которыя вмѣстѣ съ ними погрязаютъ въ бездну.

Стихъ сорокъ осьмой.

И воздвигохъ руцѣ мои къ заповѣдемъ Твоимъ, яже возлюбихъ, и глумляхся во оправданіихъ Твоихъ.

Четвертый и послѣдній плодъ созрѣвшаго въ душѣ упованія—неуклонное пребываніе на добромъ пути или терпѣніе въ добродѣланіи. Воздвигающій руки къ заповѣдямъ тоже, что возложившій руку свою на рало, по слову Спасителя. Какъ этотъ послѣдній только тогда успѣшно обработываетъ землю, когда не озирается вспять и не глазѣетъ по сторонамъ, а проводитъ борозду за бороздою, не смотря на то, что трудновато и потъ льетъ,—такъ и дѣлатель, воздвигшій руки свои къ заповѣдямъ, только тогда можетъ преуспѣть въ исполненіи ихъ, когда вооружится терпѣніемъ, и ни труда не будетъ жалѣть, ни препятствій устрашаться, а все дѣло за дѣломъ вести сообразно съ заповѣдями. Что именно объ этомъ рѣчь у Пророка, на это, кромѣ однообразности выраженія съ приточною рѣчью Господа, наводитъ еще и слово *глумляхся*—ηδολέσχουν, то есть, присѣдѣлъ оправданіямъ и заповѣдямъ Божіимъ, терпѣливо пребывалъ въ добродѣланіи.

Чѣмъ производится такое постоянство и твердость? Любовію, которая *николиже отпадаетъ*. Но прежде чѣмъ придетъ любовь, чѣмъ воодушевлять себя, и чѣмъ дѣйствительно воодушевляются дѣлатели? Ни чѣмъ другимъ, какъ упованіемъ.

Въ упованіи приступаютъ къ дѣлу спасенія и богоугожденія, въ упованіи и продолжаютъ его. Какого ни возьмите предпринимателя, душа предпріимчивости его есть надежда на успѣхъ; такъ и здѣсь. Надѣются успѣть,—и трудятся. Это упованіе сначала бываетъ голое.

одно, безъ всякой поддержки со стороны другихъ духовныхъ движеній, кромѣ непоколебимой вѣры, которая все живитъ; но потомъ, когда посредствомъ терпѣливаго присѣдѣнія заповѣдямъ и оправданіямъ, покажутся хоть слабые плоды успѣха и сердце начнетъ входить во вкусъ этого рода жизни,—тогда упованіе имѣетъ это вкушеніе сладости добродѣланія, какъ одежду отъ холода и прикрытіе отъ зноя, и окриляется еще болѣе, какъ окриляется идущій домой, когда увидитъ издали кровъ свой: и ногъ своихъ удержать не можетъ; онѣ бѣгутъ сами собою. Такое самоохотное хожденіе въ заповѣдяхъ есть плодъ терпѣливаго пребыванія въ исполненіи ихъ.

Св. Аѳанасій пишетъ: „Пророкъ называетъ здѣсь руками дѣятельныя силы, потому что дѣло есть конецъ поученія въ заповѣдяхъ. По пріятіи слова о заповѣдяхъ, всего лучше воздвигать руки къ исполненію на дѣлѣ того, что требуется въ заповѣдяхъ,—не съ печалію или по принужденію, но съ добрымъ расположеніемъ.“ Блаж. Ѳеодоритъ прилагаетъ: „Царство Божіе не *въ словеси,* но *въ силѣ* (1 Кор. 4, 20). Посему и Пророкъ къ наученію присовокупилъ и дѣятельность. Чему научился. то и дѣломъ исполнилъ. *Не слышателіе бо закона праведни предъ Богомъ, но творцы закона оправдятся* (Рим. 2, 13); потому-то онъ и сказалъ: *глумляхся во оправданіихъ Твоихъ,* такъ какъ непрестанно былъ занятъ ими.“

„Прекрасный порядокъ! взываетъ св. Амвросій. Прежде размышлять и поучаться въ заповѣдяхъ Божіихъ, чтобы тѣмъ расположить себя къ усердному дѣйствованію по нимъ, а потомъ и дѣйствовать по нимъ. Какъ конецъ изученія, напримѣръ, исторіи есть памятованіе о событіяхъ ея, такъ конецъ поученія въ божественныхъ словесахъ есть дѣйствованіе по нимъ,—труды, направленные къ исполненію ихъ. Надо руки поднять на дѣло по заповѣдямъ, и дѣлать ихъ съ любовію и радостію, чтобы

не вынужденно было добро наше, не со скорбію и тяготою дѣлалось, а доброхотно. Не съ охотою дѣлающій—рабъ. Кто другъ, тотъ дѣлаетъ дѣло доброхотно. Постараемся же, заключаетъ св. Амвросій, чтобы доброхотнымъ исполненіемъ заповѣдей и намъ заслужить слова: *васъ же рекохъ други* (Ін. 15. 15).

Св. Иларій идетъ далѣе: „И размышленіе съ любовію недостаточно: надо приложить дѣятельность воли,—воздвигнуть руки къ заповѣдямъ, не на разореніе ихъ, а для смиреннаго исполненія, чтобы вѣрѣ и упованію соотвѣтствовали дѣла. *Глумленіе* показываетъ непрерывность дѣланія. Онъ себя представляетъ постояннымъ блюстителемъ оправданій, постановленныхъ свыше, не столько взирая на настоящее ихъ, сколько прозрѣвая и услаждаясь будущимъ.“

Это прозрѣваніе въ будущее, подаваемое упованіемъ, есть главная подпора терпѣнію въ дѣланіи должныхъ дѣлъ и производитель ихъ. Апостолъ заповѣдуетъ, напримѣръ: *въ молитвѣ терпите, бодрствующе въ ней*—(Кол. 4, 2). Для чего же? Для того, что *просяй пріемлетъ, ищай обрѣтаетъ и толкующему отверзается* (Мѳ. 7, 8). Св. Петръ учитъ: *подадите... въ воздержаніи терпѣніе*. Это для чего? *Сія бо сущая въ васъ и множащаяся, не праздныхъ ниже безплодныхъ сотворятъ вы въ Господа нашего Іисуса Христа познаніе* (2 Петр. 1, 5—8). Далѣе: *и всяко, еже аіще творите, отъ души дѣлайте, яко Господу, а не человѣкомъ*. Для чего? *Вѣдяще, яко отъ Господа пріимете воздаяніе достоянія* (Кол. 3, 23. 24). Такъ безъ терпѣнія въ добродѣланіи—ни въ чемъ не успѣешь, а терпѣнія этого негдѣ почерпать, какъ въ упованіи. Это упованіе и должно, по сему, возгрѣвать всеусердно, вооружась вѣрою.

СЕДЬМОЕ ОСМИСТИШІЕ.

Седьмое осмистишіе идетъ подъ буквою *заитъ*—маслина. Маслина—дерево, изъ плодовъ котораго выдѣлывается елей,—символъ милости Божіей и всего утѣшительнаго и цѣлительнаго. Ни одинъ, можетъ быть, предметъ изъ міра вещественнаго не прилагается въ словѣ Божіемъ такъ часто и разнообразно къ предметамъ духовнымъ, какъ елей: то онъ елей радости (Пс. 44, 8), то помазанія (Исх. 25, 6), то цѣлительности (Ис. 1, 6), то свѣтѣнія (Исх. 27, 20), то елей жертвенный (Лев. 6, 15), то хлѣбный (въ хлѣбѣ) (Лев. 8, 26), то благочестія (Екк. 7, 2), то мира (въ пѣсни: *милость мира,*—Ἔλεον εἰρήνης).

Въ настоящемъ осмистишіи св. Давидъ собираетъ изреченія, выражающія то, о чемъ скорбѣла душа его и откуда бралъ онъ утѣшеніе для нея. То безпокоитъ его медленность исполненія обѣтованій Божіихъ (—49), то смиряющія обстоятельства жизни (—50), то гордые враги и насмѣшники (51, 52), то, вообще, размноженіе грѣха и нечестія (—53), то пребываніе на землѣ—мѣстѣ странничества нашего (—54). Во всѣхъ этихъ прискорбіяхъ онъ ищетъ и находитъ утѣшеніе себѣ только въ Богѣ и святомъ законѣ Его, всячески стараясь сохранять должное къ нимъ отношеніе. Это послѣднее выражается разнообразно по фразѣ, но почти одинаково по мысли, какъ это мы увидимъ (55—56).

Стихъ сорокъ девятый.

Помяни словеса Твоя рабу Твоему, ихже упованіе далъ ми еси.

Словеса съ упованіемъ, на которыя Пророкъ питалъ утѣшительныя надежды, были данныя ему обѣтованія. Онъ проситъ вспомнить о нихъ, конечно, потому, что въ текущихъ обстоятельствахъ было что-нибудь не соотвѣтствовавшее ожиданіямъ, возбужденнымъ словами Господа, или потому, что впереди видѣлъ онъ нѣчто такое, что могло разрушить его надежды, или потому, что чувствовалъ въ ту пору нужду въ утѣшеніи и милости Божіей; обѣтованія же обѣщали всякую милость, потому онъ и говоритъ: „помяни что̀ сказалъ и даруй хоть малую часть изъ обѣщаннаго, потому что, въ особенности теперь, я чувствую въ томъ нужду." Въ основѣ такого прошенія лежитъ непоколебимая увѣренность въ непреложности слова Божія.

Помяни... но неужели и у Бога бываетъ забвеніе, какъ у человѣка? Не можетъ быть. Такъ почему же говорится—*помяни?* Слово это часто употребляется въ Писаніи, и въ прямомъ и обратномъ смыслѣ, какъ, напримѣръ: *почто мя забылъ еси?* (Пс. 41, 10), или: *вскую... забываеши нищету нашу?* (Пс. 43, 25). И Самъ Богъ говоритъ чрезъ Пророка, что забудетъ всѣ согрѣшенія грѣшника, если онъ, обратившись, покается (Іез. 18, 22). Забвеніе въ Богѣ слѣдуетъ понимать не такъ, какъ понимается оно у насъ, людей. Когда Богъ, сверхъ ожиданія человѣческаго, измѣняетъ порядокъ вещей, не измѣняя совѣта Своего, *пребывающаго во вѣкъ* (Пс. 32, 11), то говорится, что Онъ *раскаялся*. Такъ говорится о Немъ—*забы,* когда, по видимому, Онъ замедляетъ Своею помощію или исполненіемъ обѣтованія Своего, или должнымъ воздаяніемъ грѣшникамъ, или другимъ чѣмъ-либо, какъ будто выпало изъ памяти у Него то, чего надѣются, или чего боятся, но что не сбывается, хотя Богъ дѣлаетъ это по особенному промышленію Своему, не по оскудѣнію памяти, и не по измѣненію воли. Такимъ образомъ,

когда говорится Ему: *помяни,* то этимъ выражается лишь желаніе молящагося получить обѣщанное. а не то, чтобы что-либо предлагалось Богу, какъ будто выпавшее у Него изъ мысли. *Помяни,* говоритъ, *словеса Твоя рабу Твоему;* это значитъ: исполни то, что Ты обѣщалъ рабу Твоему; *ихже упованіе далъ ми еси*—значитъ: „положившись на слова Твои, выражавшія обѣтованіе, я, толкуетъ блаж. Августинъ, сталъ питать надежду.“

Св. Иларій видитъ въ этомъ словѣ еще ту мысль, что какъ обѣтованія Божіи суть условныя, даны, то есть, подъ условіемъ вѣрности того, кому онѣ даны, то Пророкъ, не надѣясь исполнить этихъ условій самъ, проситъ Бога помочь ему въ этомъ, чтобы потомъ исполнить и обѣтованіе, ограниченное такими условіями. „Пророкъ молится, говоритъ онъ, да явится достойнымъ того, чтобы Богъ удостоилъ его помянуть о словѣ Своемъ, которымъ обнадежилъ его.“

Что это за словеса Божіи къ Давиду — опредѣленно указывается въ словѣ Божіемъ. Такъ Богъ говорилъ ему чрезъ пророка Наѳана: *поялъ тя отъ пажити овчія на властительство людемъ моимъ Израилю, и бѣхъ съ тобою во всѣхъ, аможе ходилъ еси, и искоренихъ вся враги твоя отъ лица твоего.* И далѣе: *и упокою тя отъ всѣхъ враговъ твоихъ,* и проч. Услышавъ такой отвѣтъ Божій, св. Давидъ воззвалъ: *Кто есмь азъ, Господи мой, Господи, и что домъ мой, яко возлюбилъ мя еси даже до сихъ: и мала сія предъ Тобою суть, Господи мой, Господи. И глаголалъ еси о домъ раба Твоего вдалеко.* И ниже: *И нынѣ, Господи мой, Господи! Ты еси Богъ, и словеса Твоя будутъ истинна, и глаголалъ еси о рабѣ Твоемъ благая сія. И нынѣ начни и благослови домъ раба Твоего, еже быти ему во вѣкъ предъ Тобою, яко Ты, Господи мой, Господи, глаголалъ еси, и отъ благословенія Твоего да благословится домъ раба Твоего, еже быти въ вѣкъ*

предъ Тобою (2 Цар. 7. 8—29). Обнадеженный этими словами, св. Давидъ не переставалъ ожидать событія ихъ и, опираясь на неизмѣняемость слова, изреченнаго чрезъ пророка, приступаетъ къ Богу съ молитвою, да помянетъ обѣтованія, о которыхъ необычно Ему забывать. „Не по горделивому какому либо притязанію, толкуетъ св. Амвросій, говоритъ онъ такъ, но въ увѣренности, что Богъ истинный не можетъ быть ложенъ въ словахъ Своихъ. Онъ говоритъ какъ бы такъ: не по восхищенію уповалъ я; напротивъ, Ты самъ сдѣлалъ то, что я сталъ питать надежды. Рабъ я,—жду напитанія отъ господина; воинъ я,—жду оброка отъ царя."

Таковъ смыслъ этихъ словъ въ устахъ св. Давида. Но въ какомъ смыслѣ можемъ и мы обращать ихъ къ Богу? И намъ всѣмъ даны въ Господѣ Іисусѣ обѣтованія, не о будущемъ только, но и о настоящемъ. Приводя посему на мысль эти обѣтованія и не видя ихъ исполненія на себѣ, молись, да помянетъ ихъ Богъ и исполнитъ въ тебѣ, и если препона къ исполненію ихъ находится въ тебѣ, то проси, вмѣстѣ съ тѣмъ, разрушить эту препону и сдѣлать тебя достойнымъ принятія того, что обѣтовано. Такъ обѣщано всепрощеніе кающимся; но всепрощеніе приноситъ радость, а у тебя все таже туга и какъ будто нечаяніе,—молись же, чтобы Господь изрекъ въ сердцѣ твоемъ обѣтованное всепрощеніе, и ты ощутилъ радость отъ того, потому что *блажени, ихже оставишася беззаконія и ихже прикрышася грѣси* (Пс. 31, 1). Обѣщано, что крещенный водою и Духомъ, или омытый слезами покаянія обновляется духовно и начинаетъ жить новою жизнію: это же должно совершиться и въ тебѣ; а между тѣмъ, ты сознаешь, что дѣянія ветхаго человѣка все продолжаютъ прорываться съ такою же будтобы силою, какъ и прежде,—и молись, чтобъ избавилъ тебя Господь благодатію Своею отъ *тѣла смерти сея* (Рим. 7, 24),

и чтобы не грѣхъ, а уже Самъ Богъ жилъ въ тебѣ. Обѣщано, что всѣ будутъ научены Богомъ, не внѣшне, чрезъ письмена, а внутренне, чрезъ написаніе невидимымъ перстомъ глаголовъ Божіихъ на скрижаляхъ сердца: слѣдуетъ и въ тебѣ этому быть; а ты видишь все не ясно, и въ сердцѣ твоемъ никогда не изрекается всепросвѣщающее и оживотворящее слово.—и молись, чтобы Господь сталъ наконецъ, для тебя свѣтомъ, просвѣщающимъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ. Обѣщано, что истинные поклонники будутъ поклоняться Богу духомъ: слѣдуетъ и тебѣ такъ поклоняться; а ты, между тѣмъ, видишь, что и тѣлесное-то поклоненіе твое неисправно, а духовнаго и начатковъ нѣтъ,—вотъ и молись, чтобы *Дающій молитву молящемуся* и тебя научилъ приступать къ Нему въ молитвѣ достодолжно. Такъ поступай и въ отношеніи ко всему другому. Но, при этомъ, чтобы молитва твоя не была пустымъ словомъ, не забывай исполнять или обѣщаться исполнять то, что требуется отъ тебя самого, дабы смыслъ словъ твоихъ всегда былъ таковъ: „вотъ я дѣлаю, или буду дѣлать по силѣ, что отъ меня зависитъ.—вспомни же, Господи, и Ты, что обѣтовано Тобою работающимъ Тебѣ, и исполни благъ Твоихъ бѣдную душу мою.“ Когда потрудишься такъ въ жизни, то и въ концѣ ея можешь сказать съ апостоломъ: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ. Прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, его же воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный Судія* (2 Тим. 4, 7. 8). Это верхъ обѣтованій и надеждъ, опирающихся на словѣ Господа: *идѣже есмь Азъ, ту и слуга мой будетъ* (Іоан. 12, 26).

Стихъ пятидесятый.

То мя утѣши во смиреніи моемъ, яко слово Твое живи мя.

Прежде сего, Пророкъ выражалъ мысль, что въ жизни

его есть что-то не соотвѣтствующее обѣтованіямъ Божіимъ, потому и просилъ воспомянуть о нихъ; теперь опредѣленно сказываетъ, что именно смущало его. Это—какія-то смиряющія, уничижающія, убивающія духъ обстоятельства, и что среди ихъ онъ оживляетъ убитую горемъ душу свою словомъ Господнимъ.

Что же такое это „смиряющее?" Могло быть и сознаніе нравственныхъ своихъ недостатковъ, съ которыми не справишься; „оживляющее" же въ этомъ случаѣ будетъ слово Господа о томъ, что тотъ, кто смиренно думаетъ о себѣ, возвысится, а болѣе всего то обѣтованіе, что возскорбѣвшій объ этомъ и взывающій къ Богу всегда получитъ благодатное оживленіе: пошлетъ Господь Духа Своего и созиждется раззорившійся нравственный строй его. Такъ учитъ блаж. Августинъ: „Можно здѣсь разумѣть, говоритъ онъ, то смиреніе, которымъ смиряются, исповѣдуя грѣхи свои и горделиво не приписывая себѣ правды. Смиряющимъ себя такимъ образомъ дано такое утѣшительное слово: *Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Іак. 4, 6). И Самъ Господь сказалъ: *возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется* (Лк. 14, 11). Но, прибавляетъ блаж. Августинъ, хорошо разумѣть здѣсь и то смиреніе, когда кто смиряется скорбію, посылаемою къ сокрушенію гордости и испытанію терпѣнія. Живительное для таковыхъ слово такое: въ *терпѣніи вашемъ стяжите души ваша*, и - *власъ главы вашея не погибнетъ* (Лук. 21, 18); и еще: *вѣренъ Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи вамъ понести* (1 Кор. 10, 13). Такое же упованіе далъ Господь и въ молитвѣ, которой научилъ насъ, повелѣвъ говорить въ ней: *и не введи насъ во искушеніе*. Если Онъ хотѣлъ, чтобы молящіеся такъ говорили

въ молитвѣ. то, конечно, этимъ далъ и обѣтованіе, что исполнитъ просимое."

Тоже разумѣетъ и св. Аѳанасій о словахъ Пророка: *то мя утѣши во смиреніи моемъ.* „Это самое упованіе (о коемъ сказано въ предъидущемъ стихѣ), порожденное во мнѣ словомъ Твоимъ, утѣшало и успокоивало меня столько, что если постигало меня какое-либо бѣдствіе, или опасность, чаяніе смерти, тяжкая болѣзнь, или потеря имущества, или гоненіе, или что-либо другое, по мнѣнію людей, тяжкое,—то утѣшеніемъ для меня было упованіе."

Св. Амвросій говоритъ также: „упованіе, осѣнившее меня, воздѣйствіемъ слова Твоего утѣшало меня и воодушевляло къ терпѣнію непріятностей, встрѣчаемыхъ мною въ жизни. А уповалъ онъ такъ потому, что вѣренъ былъ Господу: безъ этого не возъимѣлъ бы онъ упованія. Это видно на св. апостолѣ Павлѣ. Когда Павелъ шелъ противъ имени Господа, то не имѣлъ утѣшенія упованія; а когда началъ терпѣть за имя Его, то почерпалъ утѣшеніе изъ источника упованія. Смотри же, какъ, сдѣлавшись вѣрнымъ, и всѣхъ воодушевлялъ онъ къ терпѣнію и благодушію. *Кто ны разлучитъ отъ любве Божія, скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечъ? Якоже есть писано: яко Тебе ради умерщвляеми есмы весь день, вмѣнихомся, яко овцы заколенія.* За тѣмъ прибавляетъ и то, какъ можно все это перенесть: *но во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за Возлюбльшаго ны* (Рим. 8, 35—37). Итакъ, кто хочетъ препобѣдить противности, когда случится гоненіе, или бѣда, или смерть, или тяжкая болѣзнь, или набѣгъ разбойниковъ, или отобраніе имѣній, или другое какое бѣдствіе, — удобно препобѣдитъ все это тотъ, кто преисполненъ утѣшительною надеждою Пусть встрѣтится что-либо подобное. — оно не можетъ дѣйствовать подавляю-

щимъ образомъ на того, кто въ сердцѣ носитъ убѣжденіе, что *недостойны страсти нынѣшняго вѣка къ хотящей явитися въ насъ славѣ* (Рим. 8, 18). Кто чаетъ лучшаго, тотъ не можетъ быть сокрушенъ чѣмъ-либо маловажнымъ."

Еще и другое разумѣетъ св. Амвросій подъ *смиряющимъ*, именно, внутреннія искушенія отъ грѣха и діавола, съ которыми надо вступать въ борьбу, въ надеждѣ побѣды силою благодати Господней. „Во время смиренія нашего, говоритъ онъ, утѣшительница наша — надежда. Временемъ же смиренія души нашей я полагаю время искушенія. Душа наша смиряется, когда бываетъ предаваема искусителю на испытаніе тягостными притрудностями, которыя неизбѣжны, чтобъ устоять въ борьбѣ и препобѣдить, когда чувствуешь приступъ противной силы. Въ этихъ-то искушеніяхъ и живится душа словомъ Божіимъ. Оно есть жизненная эссенція души нашей, которою она питается, возращается и управляется. И нѣтъ ничего, что могло бы такъ живить душу разумную, какъ слово Божіе. На сколько вкореняется оно въ душѣ нашей, когда, разумѣется, оно пріемлется и вкушается, на столько раскрывается и жизнь души. Напротивъ,—по мѣрѣ того, какъ оскудѣваетъ слово Божіе въ душѣ,—и жизнь души терпитъ ущербъ и оскудѣніе. Какъ союзъ между душою и тѣломъ поддерживается и живится жизненнымъ духомъ, такъ словомъ Божіимъ и благодатію Духа животворится душа наша (поддерживается союзъ ея съ Богомъ, источникомъ жизни). Потому-то мы всячески должны стараться, чтобы, оставя все прочее позади, собирать словеса Божіи и вносить ихъ во владычественное наше (умъ), въ чувства (сердце), въ начинанія (волю), и во всѣ дѣла наши, чтобы вся дѣятельность наша согласна была съ изреченіями Писанія, и дѣянія наши нисколько

не разнились съ строемъ небесныхъ заповѣдей. Тогда и ты можешь говорить: *слово Твое живи мя.*“

Послѣднюю мысль св. Аѳанасій выражаетъ такъ: „ничто не даетъ разумной душѣ силъ жить своею жизнію такъ, какъ Божіе слово. Въ какой мѣрѣ Божіе слово возрастаетъ въ душѣ человѣческой, постигаемое и пріемлемое ею, въ такой же мѣрѣ возрастаетъ и то, что составляетъ жизнь (а именно, чтобы жить здѣсь добродѣтельно), и что въ послѣдствіи дастъ жизнь вѣчную.“

Св. Иларій всѣ изложенныя мысли совмѣщаетъ кратко въ слѣдующихъ словахъ: „Упованіе утѣшало его *во смиреніи*, то есть, когда терпѣлъ онъ презрѣніе, насмѣшки и обиды, когда безчествуемъ былъ поношеніями. Зная, что борьба съ искушеніями такого рода неизбѣжна въ настоящемъ вѣкѣ, онъ утѣшалъ себя въ ней надеждою, возбужденною въ немъ Самимъ Богомъ, и оживотворялся словомъ Божіимъ. Изъ него почерпалъ онъ удостовѣреніе, что слава на небесахъ несравненно выше, чѣмъ степень нынѣшняго его уничиженія за вѣрность волѣ Божіей. Зналъ онъ также, что душа, наполненная словесами Божіими, содержитъ въ себѣ какъ бы нѣкое пастбище вѣчной жизни. Кто живится словомъ Божіимъ, того не колеблетъ пустая слава счастливцевъ. Знаетъ онъ, что его бѣдность богаче ихъ богатства, его постность насыщается небеснымъ благообиліемъ, его смиреніе вознаградится преславною честію.“

Стихъ пятьдесятъ первый.

Гордіи законопреступоваху до зѣла: отъ закона же Твоего не уклонихся.

„Гордые, говоритъ, преступали законъ Твой въ продолженіи многаго времени, но я не послѣдовалъ ихъ худому примѣру и беззаконію; или такъ: гордые без-

законно поступали въ томъ, что насмѣхались надо мною, какъ непрестанно поучающемся въ законѣ Твоемъ, но изъ-за насмѣшекъ ихъ я не оставилъ поученія въ законѣ Твоемъ. Гордыми называетъ онъ презрителей и преступниковъ Божественнаго закона, потому что такіе преступники обыкновенно бываютъ горды." Такъ объясняетъ этотъ стихъ Зигабенъ.

Въ предыдущемъ стихѣ изъ неопредѣленно скорбнаго указалъ онъ на смиряющія обстоятельства жизни; а теперь и изъ этого круга скорбныхъ случайностей выдѣляетъ онъ такія, которыя исходятъ отъ гордыхъ презрителей закона, хулящихъ законъ, насмѣхающихся надъ исполнителями его и сбивающихъ всѣхъ съ должнаго пути. Это—коноводы всякаго зла, встрѣча съ которыми наиболѣе болѣзнена для людей, преданныхъ закону и искренно, всѣмъ сердцемъ, любящихъ его. Они-то и суть законопреступники *до зѣла,* то есть, не только преступающіе законъ, но и возстающіе на него, презирающіе, ненавидящіе и вооружающіеся противъ него злымъ словомъ своимъ. Противъ нихъ-то Пророкъ вооружался постоянствомъ и твердостію въ вѣрности закону, не позволяя себѣ не только преступить его, но и подумать о чемъ либо противномъ ему. „По закону, говоритъ, проводилъ я жизнь, соблюдая владычественную силу души моей (умъ), чтобы не утаевать въ сердцѣ моемъ слово беззаконное;" „ибо, толкуетъ это мѣсто св. Аѳанасій, когда преступаютъ они законъ *до зѣла,* я даже и въ маломъ не преступалъ закона Твоего."

Въ этомъ стихѣ выражаетъ Пророкъ только твердость своего характера; но эта твердость не исключала и сердечнаго болѣзнованія. Гдѣ же находилъ онъ цѣлительный елей на такую рану сердца? Въ воспоминаніи о судахъ Божіихъ. Вотъ и урокъ, какъ надо дѣйствовать, когда вокругъ насъ распространяются не преступники

только закона, но и презрители и поносители его. Пусть ихъ! Ты пребудь твердъ: всѣхъ не переговоришь и не переувѣришь. Есть на небѣ Судія всѣхъ, Который видитъ, какъ возстаютъ на Его повелѣнія, и съумѣетъ воздать всѣмъ должное.

„Гордость, говоритъ св. Амвросій, въ человѣкѣ есть великій грѣхъ. Отъ нея получило начало и наше поврежденіе. Этою стрѣлою въ началѣ уязвилъ и поразилъ насъ діаволъ. Еслибы человѣкъ, обманутый хитрою рѣчью змія, не восхотѣлъ быть Богомъ, и еслибы, довольствуясь данными ему ограниченіями, не коснулся запрещеннаго, то никогда не перешло бы къ намъ пагубное наслѣдство паденія. Да что говорю я о человѣкѣ! Самъ діаволъ черезъ гордость потерялъ благодать естества своего, когда сказалъ: *выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой, буду подобенъ Вышнему* (Ис. 14, 14),— и ниспалъ изъ сонма ангеловъ. Будучи праведно наказанъ за такое преступленіе, онъ вздумалъ сдѣлать причастнымъ тому и человѣка и перелилъ въ него ядъ свой. Что можетъ быть хуже такого грѣха, который начало свое получилъ отъ возстанія противъ Бога! Потому-то Писаніе и говоритъ: *Богъ гордымъ противится.* Какъ отмститель оказаннаго Ему неуваженія, Богъ предпринялъ какъ бы спеціальную брань съ гордостію. Онъ говоритъ какъ бы такъ: „гордый—это Мой врагъ; Меня онъ вызываетъ, Мнѣ надо схватиться съ нимъ.“ Потому-то Пророкъ и говоритъ: *гордіи законопреступоваху до зѣла,* то есть, гордымъ свойственно не только дѣлать неправду, но неправду *зѣльную.* Показавъ, какова сила зла въ гордости, надо было научить насъ и тому, какъ побѣждать ее. Онъ это и дѣлаетъ: *отъ закона,* говоритъ, *Твоего не уклонихся.* Такимъ образомъ, одинъ законъ Божій можетъ выжать сокъ гордости, научая богобоязненнаго и благоговѣйнаго человѣка осмотрительности, съ кото-

рою онъ долженъ править собою. Многіе, не только чуждые вѣрѣ, но изъ тѣхъ, которые уже довольно вкусили отъ добраго глагола заповѣдей, бываютъ прельщаемы успѣхами гордыхъ, видя, какъ нарушители закона, ходатаи нечестія, высокомѣрные презрители искренно вѣрующихъ, превозносящіеся надъ тѣми, которые, по страху Божію и повиновенію небеснымъ заповѣдямъ, смиряютъ сердце свое.—видя, какъ такіе обилуютъ въ вѣкѣ семъ богатствомъ, славою, почестями и властію,— и какъ, чѣмъ тягчайшія они дѣлаютъ неправды, тѣмъ обильнѣйшій получаютъ притокъ мірскихъ выгодъ, и какъ люди праведные большею частію терпятъ недостатокъ и другія невзгоды, — видя все это, возмущаются тѣмъ до омраченія ума и склоняются къ тому, что будто въ этомъ судѣ Божій нѣкоторымъ образомъ погрѣшаетъ, забывая ту главную истину, истину очевиднѣйшую, что воздаяніе за труды богоугожденія положено не въ этомъ вѣкѣ, а отложено на вѣкъ будущій. Но рѣдкіе берутъ это во вниманіе. Въ началѣ и самъ Давидъ соблазненъ былъ этимъ, какъ пишетъ: *се сіи грѣшницы и гобзующіи въ вѣкъ* (богатящіеся въ вѣкѣ семъ), *удержаша богатство. И рѣхъ: еда убо всуе оправдихъ сердце мое и умыхъ въ неповинныхъ руцѣ мои, и бихъ язвенъ весь день?* (Пс. 72, 12. 13). Нерѣдко и среди насъ, несовершенныхъ, иные, видя подобное, говорятъ: гдѣ же провидѣніе Божіе, гдѣ правда? Вонъ горделивецъ обилуетъ, высокомѣрный богатится, нечестивецъ счастливъ и въ силѣ; а этотъ праведный лежитъ, брошенный всѣми, въ такой бѣдности, что хлѣба насущнаго не имѣетъ, и къ тому же терпитъ поношеніе отъ нечестивца, попирается гордецомъ. Конечно, это не легкое искушеніе, и ты не избудешь его, если не прозришь въ грядущее, если не напитаешся обильнѣе небесными оброками. Давидъ думалъ прежде, что онъ зналъ эту истину; но когда пришло искушеніе, то оказалось,

что не знаетъ, потому-то и волновался и болѣзновалъ духомъ; потому и говоритъ: *и непщеваxъ разумѣти: сіе трудъ естъ предо мною, дондеже вниду во святило Божіе, и разумѣю въ послѣдняя ихъ* (тамже ст. 16. 17). Увидѣвъ, въ пророческомъ духѣ, какъ гордые за то, что такъ возносятся, будутъ отвержены и уничижены, онъ говоритъ: *како быша въ запустѣніе? Внезапу исчезоша, погибоша за беззаконіе свое, яко соніе востающаго* (тамже ст. 19—20). Такъ позналъ онъ, что успѣхи нечестивыхъ въ вѣкѣ семъ суть сновидѣніе, а не дѣйствительность; ихъ преимущества дотолѣ и видятся имъ, пока спятъ. Какъ только пробудятся они отъ сна сего, тотчасъ окажутся жаждущими тѣ, кои видѣли себя доселѣ напоенными,—алчущими, которые видѣли себя обильно напитанными, словомъ, изъ сна того не вынесутъ они ничего твердаго, что успокоило бы ихъ въ дѣйствительности. Да, крѣпкимъ сномъ спятъ люди вѣка сего... Пусть бодрствуютъ они для міра, но для Бога они спятъ; и хорошо говоритъ о нихъ св. Іовъ, который прежде дивился ихъ показности: *будутъ, аки плевы предъ вѣтромъ, или якоже прахъ, его же взя вихрь* (Іов. 21, 18); умираютъ въ горести души, ничего не вкусивши и не имѣя никакого блага (тамже ст. 25). А праведникъ, имѣя свидѣтельство доброй совѣсти, утѣшаетъ себя особенно тѣмъ, что ожидаетъ его напослѣдокъ, зная, что, съ исходомъ изъ сей жизни, онъ освободится отъ всѣхъ притрудностей и несомнѣнно получитъ воздаяніе за дѣла свои. Но это доступно только тому, кто можетъ сказать о себѣ: *отъ закона Твоего не уклонихся,*—въ комъ не только сіяетъ благодать добродѣланія, но и чистота искренней совѣсти. Мы воинствуемъ Господу по закону не видимыми только дѣлами, но и сокровенными чувствами. Законъ и говоритъ: *да не будетъ слово тайно въ сердцы твоемъ беззаконія* (Втор. 15, 9), чтобы, то

есть. не только дѣломъ не погрѣшалъ ты и не проговаривался словомъ. видя гордыхъ въ славѣ, но и въ тайнѣ сердца своего не принималъ приражения неправды. когда помышляешь при этомъ о судахъ Божіихъ.

„Изложимъ теперь кратко. какое настроеніе слѣдуетъ имѣть мужу святому. Во первыхъ. ему должно памятовать небесныя обѣтованія; во вторыхъ, разумѣть. какая участь положена для живущихъ, чтобы. когда встрѣтятся бѣды и скорби, не падалъ онъ духомъ. но утѣшалъ себя надеждою. почерпаемою изъ цѣпи свидѣтельствъ Божественнаго Писанія; въ третьихъ. не слѣдуетъ ему, какъ невѣру какому. уклоняться отъ закона. когда увидитъ. что гордые нечестивцы и неправедники обилуютъ богатствомъ въ вѣкѣ семъ. но твердо теци по своей стезѣ, избѣгая общенія съ гордыми. дабы избѣжать и заражения отъ нихъ. такъ какъ *нечистъ предъ Богомъ всякъ высокосердый* (Притч. 16, 5)."

Стихъ пятьдесятъ второй.

Помянухъ судьбы Твоя отъ вѣка, Господи, и утѣшихся.

Этотъ стихъ служитъ дополненіемъ предыдущаго. „Помянулъ я, Господи, говоритъ онъ какбы такъ, праведные суды Твои, отъ начала міра Тобою явленные, какъ Ты страждущихъ за добродѣтель чтишь и прославляешь. какъ тѣхъ, которые полны счастья со грѣхомъ, безчестишь и посрамляешь, и воспоминаніемъ этимъ утѣшился въ скорбяхъ и злостраданіяхъ моихъ, предъ лицомъ гордыхъ порицателей закона Твоего." Такъ толкуетъ это мѣсто Зигабенъ.—„Содержа. говоритъ св. Аѳанасій Великій, въ памяти то, чѣмъ отъ вѣка и до вѣка воздается каждому, чѣмъ утѣшается праведникъ и пребываетъ безпечаленъ; воспомянувъ суды, какіе творилъ Ты древле надъ притѣснителями израильтянъ, я утѣшился, зная, что

и самъ не буду оставленъ въ гоненіяхъ, и что съ людьми все бываетъ по суду Божію.“—„Привелъ я себѣ на мысль, поясняетъ блаж. Ѳеодоритъ, что было съ Авелемъ, Авраамомъ, Исаакомъ, Іаковомъ, Іосифомъ, Іовомъ, Моисеемъ, какъ попущено было впадать имъ въ различныя искушенія, и какъ содѣлалъ Ты ихъ въ послѣдствіи славными и знаменитыми, я почерпнулъ въ этомъ для себя достаточное утѣшеніе.“—„Гордые, пишетъ св. Амвросій, своими нападками на законъ колебали мою преданность закону; но я помянулъ суды Твои и, утѣшась ими, возвратился къ прежнимъ убѣжденіямъ и рѣшеніямъ; ибо если кто, будучи научаемъ закономъ и убѣждаемъ примѣрами, не станетъ питать той глубокой увѣренности, что слова Божіи непреложно—истинны, тотъ въ опасности скоро уклониться отъ закона. Но собери въ памяти прошедшее, пересмотри цѣпь древнихъ событій, и увидишь, что какъ грѣшникъ не избѣгаетъ кары за свои неправды, такъ и праведникъ не лишается воздаянія за свою правоту. Смотри,—вонъ въ самомъ началѣ Адамъ, за преступленіе небесной заповѣди, изгоняется изъ жилища райскаго; вонъ Каинъ Божіимъ приговоромъ осуждается оплачивать стенаніемъ и трясеніемъ братоубійственное злодѣйство; вонъ Енохъ, за благоговѣйство взятый на небо, избѣгаетъ жала смерти; вонъ Ной, за богоугодную праведность побѣдитель потопа, дѣлается новымъ родоначальникомъ рода человѣческаго; вонъ Авраамъ, за вѣру, пріемлетъ обѣтованіе потомства по всему лицу земли; вонъ Іаковъ, за терпѣніе, печатлѣетъ народъ вѣрующихъ печатію новаго, даннаго ему, имени (именемъ израильтянъ); вонъ Давидъ, за кротость, предпочитается старшимъ братьямъ и облекается честію царскою; вонъ Илія, за ревность Божію, колесницею взятый на воздухъ, вселяется въ новаго рода жилище, въ обитель небесную. Перебирая все это въ памяти, найдешь, от-

куда взять утѣшеніе, и чѣмъ подкрѣпить себя въ вѣрности Божіимъ повелѣніямъ. Хранящему заповѣди сладки суды Божіи, а небрегущему о нихъ горьки; ибо въ посрамленіи грѣшныхъ онъ предвидитъ готовящійся ему самому приговоръ Божій. У кого совѣсть чиста, тотъ не смущается ничѣмъ, прилагая къ себѣ утѣшительное опредѣленіе: *наслѣдницы Богу, снаслѣдницы же Христу: понеже съ Нимъ страждемъ, да и съ Нимъ прославимся*“ (Рим. 8, 17).

Какъ естественно находящемуся въ горести, особенно терпящему напраслину, обращаться въ утѣшеніе себя къ праведному суду Божію, это доказываетъ повседневный опытъ. Обижаемый какое обыкновенно произноситъ слово, когда возьметъ его за сердце? „Богъ тебѣ судья!“ или: „есть Богъ праведный, Который все видитъ!“—и тѣмъ вполнѣ облегчаетъ свое горе и успокоиваетъ свое сердце. Съ другой стороны, ничто такъ не остепеняетъ грѣшниковъ и обидчиковъ, какъ воспоминаніе о судьбахъ Божіихъ и праведномъ окончательномъ судѣ Его, на которомъ ничто ужъ не укроется и ничто не останется безъ воздаянія. Кто хоть немного придетъ въ сознаніе и чувство этого суда, тотчасъ опускаетъ руки, простертыя на беззаконіе, и останавливаетъ ноги, текущія на грѣхъ. Судъ Божій есть постоянный проповѣдникъ покаянія, и внимающій этой проповѣди не посрамится. Блаж. Августинъ замѣчаетъ, что слово *утышихся* нѣкоторые понимаютъ, какъ „получилъ урокъ,“ принялъ наставленіе.

Св. Амвросій обращаетъ ко всѣмъ такое слово: „Кто же изъ насъ таковъ, чтобы могъ утѣшиться воспоминаніемъ судовъ Божіихъ? Для грѣшниковъ страшны и человѣческіе суды, — насколько же страшнѣе должны быть для нихъ суды Божіи! Посмотрите, какъ бываетъ въ обычномъ теченіи дѣлъ. Невиноватые съ радостію идутъ

въ судъ и, досадуя на медленность, требуютъ скорѣйшаго рѣшенія; а виноватые боятся и бѣжатъ суда. и когда попадутся въ чемъ-либо, то всячески стараются оттянуть подальше день суда,—и какимъ испугомъ поражаются они. когда наступаетъ наконецъ часъ его! Подобное тому, но въ необъятнѣйшихъ размѣрахъ, повторится и на судѣ Божіемъ. Блаженъ, кто съ радостію можетъ ожидать сего небеснаго суда!“

Стихъ пятьдесятъ третій.

Печаль пріятъ мя отъ грѣшникъ, оставляющихъ законъ Твой.

Размноженіе нечестія и повсемственнаго разврата—вотъ новый источникъ скорби для Пророка! Впереди указалъ онъ на выдающіяся изъ этого круга личности,—на насмѣхающихся и на нападающихъ; теперь обозначаетъ всю сплошную массу грѣшащихъ безъ страха Божія и страха суда Его, хоть и не нападающихъ, но видомъ своимъ и безстыдствомъ смущающихъ благочестивое сердце. Въ этомъ стихѣ онъ говоритъ только о скорби изъ-за того, а въ слѣдующемъ указываетъ, откуда приходило ему утѣшеніе въ такой скорби.

Печаль брала его, при видѣ умноженія грѣха, столь сильная, что онъ бывалъ близокъ къ обмороку, какъ показываетъ греческое слово ἀθυμία и соотвѣтственное ему слово еврейское. Сердце, любящее Бога и ближняго, и не можетъ иначе относиться къ этому; ибо грѣхомъ и Бога безчестятъ тѣ, кои носятъ на себѣ имя Божіе, и себя самихъ губятъ безвозвратно, если не покаются. Принимая то и другое къ сердцу, искренно благочестивый мучится. О праведномъ Лотѣ св. апостолъ Петръ пишетъ: *видѣніемъ и слухомъ праведный живый въ нихъ* (среди беззаконныхъ Содомлянъ) *день отъ дне душу праведну*

беззаконными дѣлы мучаше (2 Петр. 2, 8). Тоже испытывалъ и праведный Давидъ: *видѣхъ*, говоритъ онъ, *беззаконіе и пререканіе во градѣ. Днемъ и нощію обыдетъ й по стѣнамъ его: беззаконіе и трудъ посредѣ его, и неправда: и не оскудѣ отъ стогнъ его лихва и лесть* (Пс. 54. 10—12). Болѣзнуя о такомъ положеніи людей, онъ и говоритъ: *печаль пріятъ мя*.

„Не многимъ обще такое чувство, говоритъ св. Амвросій. Большая часть печалятся, когда терпятъ отъ кого-либо обиду, или убытокъ, или безчестіе: но болѣе совершенные и болѣе крѣпкіе духомъ печалятся не о своемъ униженіи, а о грѣхѣ тѣхъ, кто унижаетъ ихъ. Имъ причинена обида, а они воздыхаютъ о паденіи другаго, оплакивая себя, какъ причину грѣха обидчиковъ. Такъ поступалъ и св. Павелъ: *отъ печали многія и туги сердца*, писалъ онъ къ Коринѳянамъ, *написахъ вамъ многими слезами* (2 Кор. 2, 4). Но скорбя самъ, онъ не хочетъ, однакожъ, опечаливать тѣхъ, которые достойны были обличенія: *не яко*, прибавляетъ онъ, *да оскорбитеся, но любовь да познаете, юже имамъ изобильно къ вамъ* (Тамъже). Понятно, что онъ хочетъ того, дабы падшіе пришли въ сокрушеніе покаянія, увѣряя ихъ, что такого рода сокрушеніе будетъ для него источникомъ радости: *аще бо*, продолжаетъ онъ, *азъ скорбь творю вамъ, то кто есть веселяй мя, точію пріемляй скорбь отъ мене?* (Тамъже ст. 2). Такимъ образомъ, онъ хоть и обличаетъ, но съ тѣмъ, чтобы, причинивъ нѣкую скорбь, привести ко спасенію, — осуждаетъ, чтобы разрѣшить, — отлучаетъ, чтобъ искреннѣе принять. Павелъ таковъ, между прочимъ, и потому, что, будучи свѣдущъ въ законѣ, зналъ поучительный примѣръ того, кто говорилъ: *печаль пріятъ мя отъ грѣшникъ*. Болѣзновалъ Давидъ не о томъ, что его презирали, не отъ того, что ему доставалось, а о томъ, что былъ оставляемъ и презираемъ законъ Божій; болѣзно-

валъ о тѣхъ, которые это дѣлали, потому что они погибали чрезъ то для Бога. Какъ добрый отецъ, когда помѣшавшійся сынъ бранитъ его и злословитъ и даже бьетъ, оплакиваетъ не себя, но бѣдственное положеніе сына своего; такъ и добрый человѣкъ, когда видитъ, что какой-либо грѣшникъ дѣлаетъ недостойное, въ присутствіи даже старца, не уважая сѣдинъ его, и не сознавая, въ грѣховномъ обезумленіи, какъ непристойно и нечестно поступаетъ онъ, болитъ о немъ, воздыхаетъ, какъ о смертельно больномъ. Какъ добрый врачъ сначала предлагаетъ совѣты, потомъ, взявшись лечить, не бросаетъ уже больнаго, несмотря на то, что больной отъ нетерпѣнія скажетъ что-нибудь и непріятное ему; такъ и праведникъ не отвращается отъ грѣшника, несмотря на презрѣніе, которое терпитъ отъ него. Встрѣчая даже обиды, приписываетъ ихъ не ему, а неистовству смущающаго его врага, и заботится не о вознагражденіи себя, а объ уврачеваніи души отчаянно больнаго духомъ."

„Источникъ такой заботы о грѣшникахъ, говоритъ св. Иларій, есть любовь по Богу, въ силу которой, когда страждетъ одинъ членъ, состраждутъ ему и всѣ другіе." — „*Печаль пріятъ*... пишетъ св. Аѳанасій, то есть, печаль о грѣшникахъ, изъ которыхъ одни грѣшатъ, не извѣдавъ и начала законовъ, а другіе хоть и знаютъ законъ, но преступаютъ его. *Аще страждетъ единъ удъ, съ нимъ страждутъ вси уди: аще ли же славится единъ удъ, съ нимъ радуются вси уди*" (1 Кор. 12, 26).

Равнодушіе къ разливу нечестія и поголовнаго разврата обличаетъ ослабленіе нравственно религіозныхъ чувствъ. Когда это случается, общество бываетъ въ положеніи эпидемическомъ. Когда зайдетъ куда холера, всѣ жители чувствуютъ припадки холерины въ разныхъ степеняхъ; такъ и тутъ: расширяющіеся нечестіе и развратъ затрогиваютъ понемногу всѣхъ. Иной и не участвуетъ дѣ-

ломъ. за то смотритъ; иной хоть и не смотритъ. но молчитъ. и рѣдко-рѣдко кто подыметъ голосъ. да и то полушопотомъ. Таково и наше несчастное время! Это. однакожъ, не оправдываетъ равнодушія. потому что ревновать о славѣ Божіей и о царствованіи добра и свѣта есть долгъ всѣхъ сознающихъ. что въ этомъ истинное благо человѣка, человѣческихъ обществъ и человѣчества.

Стихъ пятьдесятъ четвертый.

Пѣта бяху мнѣ оправданія Твоя, на мѣстѣ пришельствія моего.

Пѣта—ψαλτὰ,—пѣтельны, возбуждали, то есть. къ пѣнію. Кто занятъ чѣмъ-либо до воодушевленія и съ чувствомъ удовольствія, тотъ готовъ пѣть. и поетъ. если умѣетъ. Отъ избытка сердца уста говорятъ. Такъ и Пророкъ, углубляясь въ оправданія Божіи. воспріявъ ихъ сердцемъ и увлекшись любовію къ нимъ. пѣлъ о нихъ, хвалилъ и выражалъ ихъ достоинство, божественную важность и обязательность для всѣхъ.

Поставляя эти слова въ соотношеніе съ предыдущимъ, мы видимъ. что тамъ высказывалась печаль, а тутъ указывается источникъ утѣшенія. Онъ какъ бы такъ говоритъ: „грѣхъ и нечестіе, размножившіеся вокругъ меня, повергали въ печаль душу мою; а я, углубляясь въ оправданія Твои, согрѣвалъ любовію къ нимъ сердце мое, и тѣмъ прогонялъ мрачное настроеніе въ себѣ и то пагубное вліяніе, которое обыкновенно оставляетъ въ душѣ окружающая насъ грѣховность.“ Или такъ: „скорбно было видѣть разливъ зла и нечестія вокругъ себя, но я утѣшался оправданіями Твоими, размышляя о нихъ и возгрѣвая удостовѣреніе въ непреложности и спасительности ихъ, въ противоположность пагубѣ. наводимой нечестіемъ.“

Мѣсто пришельствія это—настоящая жизнь. Чувство, *яко странни и пришельцы есмы на земли* (Евр. 11, 13), обще всѣмъ искренно богобоязненнымъ людямъ. У Пророка оно возвышалось тѣмъ, что въ окружающихъ онъ не видѣлъ никакого согласія съ настроеніемъ своего сердца. Они замышляли и дѣлали одно, а онъ—совсѣмъ другое и потому былъ чужой между ними. Въ немъ дѣйствовалъ иной духъ жизни, не отъ міра сего. Потому-то, отдѣлясь отъ всѣхъ, онъ прилѣплялся къ тому, что исходило изъ той же области небесной, изъ которой была и сила жизни, воодушевлявшая и услаждавшая его оправданіями, изшедшими отъ Бога. Онѣ вѣяли на него роднымъ воздухомъ отечества духовнаго. И какъ весною, когда пробудившаяся новая жизнь охватываетъ вышедшаго на просторъ поля изъ душнаго жилья, невольно исторгается пѣснь для выраженія радости жизни, такъ пѣлъ и Пророкъ, когда въ оправданіяхъ охватили его родныя духу небесныя стихіи. Этимъ онъ и себя утѣшалъ, и отгонялъ навѣвавшійся на него дурной духъ изъ грѣшнаго міра.

И въ церкви Божіей за тѣмъ установлено пѣніе пѣсней духовныхъ еще святыми апостолами, чтобы души собравшихся благочестивыхъ людей утѣшить въ разнообразныхъ прискорбностяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣять духъ міра, который не можетъ не вліять тлетворно на живущихъ въ его средѣ. Вошедшій въ домъ Божій не можетъ вдругъ стать предъ Бога: его надо отпѣть, а когда онъ отпоется, надо ввести въ сочувствіе съ духовною областію. То и другое достигается духовнымъ пѣніемъ въ храмахъ. Безъ пѣнія, богослуженіе не будетъ въ своемъ чинѣ.

И внѣ храма ничѣмъ такъ легко не отвѣешь духъ міра, какъ пѣніемъ духовныхъ пѣсней. Когда припадки его усилятся,—начинай пѣть, и онъ отойдетъ. Для это-

го надо имѣть заученные псалмы и пѣсни. Св. Иларій пишетъ: „Пророкъ, воспріявъ однажды слухомъ псаломскія пѣсни, примѣромъ своимъ научаетъ насъ всегда хранить ихъ въ сердцѣ, чтобы потомъ повторять ихъ и устами, какъ бы службу справляя.“—„Гордые, говоритъ св. Амвросій, не уклонили его отъ закона; онъ находилъ утѣшеніе въ судахъ Божіихъ. И печаль отъ грѣшниковъ не поглощала его; противъ нея вооружался онъ пѣніемъ объ оправданіяхъ Божіихъ. Что держится на сердцѣ, о томъ обычно и поется; а что поется, то лучше запечатлѣвается въ чувствахъ. Не слѣдуетъ намъ поверхностно пробѣгать то, что читаемъ, дабы не во время только чтенія содержать то въ мысли, но и когда нѣтъ книги въ рукахъ. Оправданія Божіи да будутъ для насъ гимномъ, пѣснію, псалмомъ; воспоемъ духомъ, воспоемъ и умомъ (1 Кор. 14, 15), чтобы, если забудемъ о томъ во время нужное, не сказано было каждому изъ насъ: *отвергль еси словеса Моя вспять* (Пс. 49, 17). Чтобы прогнать забвеніе отъ святаго дома, мудрый Соломонъ велѣлъ пѣть пѣвцамъ, и они возвѣщали о дивныхъ дѣлахъ Божіихъ (2 Парал. 5, 12). Въ собраніи молящихся Богу всегда должны быть поющіе, чтобы пѣніемъ ихъ отгоняемъ былъ духъ нечистый, подобно тому, какъ пѣніемъ св. Давида отгоняемъ былъ духъ, мучившій Саула (1 Цар. 16, 23). Случалось, что и пророки, предъ тѣмъ, какъ пророчествовать, приказывали искуснымъ пѣвцамъ пѣть, чтобы пріятнымъ сладкозвучіемъ предрасположиться къ наитію благодати Духа (4 Цар. 3, 15). Сладко пѣніе не то, которое нѣжитъ слухъ, но которое возвышаетъ духъ и сердце; и Новый Завѣтъ названъ пѣснію, ибо Самъ Господь благоволилъ изречь: *пискахомъ вамъ, и не плясасте* (Лк. 7, 32). Воспѣлъ Онъ намъ въ Евангеліи отпущеніе грѣховъ. Должны были внять сему Іудеи,—не вняли, и заслужили укоръ.“

„Но оправданія Божіи не могутъ быть пѣваемы тѣмъ, кто не огрѣшился отъ всѣхъ заботъ земныхъ. Посему Пророкъ и прибавилъ: *на мѣстѣ пришельствія моего.* Здѣсь мы пришельцы, а у Бога свои. Потому-то апостолъ говоритъ, что въ домѣ Божіемъ, по призваніи къ вѣрѣ, мы уже не странніи и пришельцы, но сограждане святыхъ и домашніе Божіи (Ефес. 2, 19); а кто домашній Божій, тотъ уже выходитъ изъ міра; кто вращается въ небесныхъ вещахъ, тотъ странникъ на землѣ; кто поетъ, у того отложены всѣ тяготящія заботы, или разсчеты, сжимающіе сердце. Не какъ опечаленный заботою о недоступныхъ, но какъ свободный отъ всѣхъ тѣлесныхъ нуждъ и страстей пѣлъ тотъ же Пророкъ: *воспою Тебѣ Боже, въ гуслехъ: возрадуется устнѣ мои, егда воспою Тебѣ, и душа моя, юже еси избавилъ* (Пс. 70, 22. 23). Такъ пѣлъ онъ въ радости, потому что былъ насыщаемъ лучшими благами. Духъ его насыщался пищею благоговѣнія къ божественному,—и онъ пѣлъ.“

Стихъ пятьдесятъ пятый.

Помянухъ въ нощи имя Твое, Господи, и сохранихъ законъ Твой.

Послѣдніе два стиха представляютъ общій выводъ изъ предыдущаго, на чемъ, то есть, главнымъ образомъ, должно останавливаться при всѣхъ непріятностяхъ, наводящихъ скорбь, или, какой всеобъемлющій законъ жизни нашей на землѣ, полной скорбей и бѣдъ. Этотъ законъ словами сына Давидова можно выразить такъ: *помни Бога и заповѣди Его храни,* взыскавъ ихъ, конечно, всею душею, *яко сіе всякъ человѣкъ* (Еккл. 12, 13). Это есть содержаніе предлежащихъ стиховъ.

Помянухъ въ нощи имя Твое. Ночь здѣсь означаетъ или обыкновенную часть сутокъ, или, въ смыслѣ пере-

носномъ, настоящую жизнь вообще, или скорбныя обстоятельства жизни, или припадки забвенія, нечувствія и возстанія всякихъ недобрыхъ помысловъ, чувствъ и страстей.

Въ первомъ случаѣ будетъ мысль такая: ночью, когда все вокругъ меня погрузилось въ глубокое молчаніе, когда и душа моя освободилась отъ гнета внѣшнихъ впечатлѣній, я вспомнилъ имя Твое, живѣе созналъ, что Ты и Творецъ, и Промыслитель, и Воздаятель милостивый и праведный, въ рукѣ Котораго все: слѣдовательно, и я съ бѣдною душой моей. Помянувъ это, я воодушевился большею рѣшимостію хранить законъ Твой. Или такъ: не ночью только, но и во всякое другое время я всегда поминалъ имя Твое; оно не выходило у меня изъ мысли, при всѣхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ жизненныхъ, и это подало мнѣ удобство сохранить законъ Твой. Если я хранилъ его доселѣ, то потому, что воспоминалъ о Тебѣ, что Ты вездѣприсущъ, — сознавалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ неумѣстно, при этомъ, допускать что либо неугодное Тебѣ, не только въ словахъ и дѣлахъ, но и въ мысляхъ, и всегда оставался я вѣрнымъ закону Твоему.

Во второмъ смыслѣ можно понимать это такъ: хотя непріятности, бѣдствія, напасти и всякаго рода неудачи наводили мракъ на душу мою, и колебали вѣрность закону Твоему; но, помянувъ въ этой ночи имя Твое и сознавъ, что все отъ Тебя и все строится ко благу моему, я успокоивался и оставался вѣрнымъ закону Твоему.

Какую ни взять мысль,—намѣреніе у Пророка, при этихъ словахъ, одно—внушить, что памятованіе о Богѣ есть источникъ всякаго утѣшенія и полной крѣпости нравственнаго характера, всегда вѣрнаго Богу.

Блаж. Θеодоритъ пишетъ: „*помянухъ въ нощи*... Ликъ святыхъ, всегда вставая ночью, и молится и пѣснословитъ Бога всяческихъ. Но думаю: что ночью именуется

здѣсь время искушеній, потому что оно приноситъ мракъ, и, подобно ночи, постигаетъ людей. Въ это-то время преимущественно необходимо памятовать о Богѣ всяческихъ: это утѣшаетъ, ободряетъ и отражаетъ противные помыслы."

Блаж. Августинъ подводитъ подъ это и всѣ скорбности, о которыхъ поминалось въ семъ осмистишіи: „ночь, говоритъ онъ, есть и уничиженіе, въ какое поставляетъ насъ наша смертность,—ночь отъ гордыхъ, законопреступствующихъ до *зъла,*—ночь отъ печали изъ-за грѣшниковъ, оставляющихъ законъ Божій,—ночь, наконецъ, отъ мѣста пришельствія сего, пока пріидетъ Господь и во свѣтъ приведетъ тайная тьмы и объявитъ совѣты сердечные, и тогда похвала будетъ каждому отъ Бога (1 Кор. 4, 5). Въ этой ночи должно человѣку памятовать о Богѣ, *да хваляйся, о Господѣ хвалится* (1 Кор. 1, 31); потому-то и написано: *не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь славу* (Пс. 113. 9), такъ какъ чрезъ это можно расположиться хранить законъ не ради себя, а ради славы Божіей, какъ это и дѣлалъ Давидъ, по указанію настоящаго стиха. Не сохранилъ бы онъ закона, еслибы, понадѣявшись самъ собою сохранить его, не помнилъ объ имени Божіемъ; *ибо помощь наша во имя Господа* (Псал. 123, 8)."

Св. Амвросій говоритъ: „Праведному свойственно во всякое время устремляться на хваленіе Бога, не только днемъ, но и ночью. *Помянухъ,* говоритъ,—всегда, значитъ, помнилъ, не позволялъ ни одному моменту времени пройти безъ молитвеннаго обращенія къ Богу. Если занимающіеся свѣтскими науками не поблажаютъ сну, то во сколько разъ больше желающіе познать Бога не должны быть воспящаемы въ этомъ со стороны сна тѣлеснаго, уступая ему лишь столько, сколько требуется естествомъ! Давидъ всякую ночь омочалъ слезами постель свою, вставалъ въ полночь и исповѣдывался Гос-

поду; а ты всю ночь думаешь отдавать непробудному сну! Тогда-то наиболѣе и долженъ ты молиться Господу; тогда-то наиболѣе и просить Его помощи, наиболѣе опасаться грѣха, когда кажется тебѣ, что ты отъ всѣхъ сокрыть. Когда тьма вокругъ и стѣны укрываютъ тебя, тогда наисильнѣе возстановляй мысль, что Богъ видитъ все и сокровенное. Не говори: покрытъ я тьмою,—кто меня видитъ, и кого мнѣ бояться заключенному и спрятанному въ стѣнахъ? *Лице Господне на творящихъ злая* (Псал. 33, 17). Но пусть не видишь ты свидѣтеля,—а самъ-то себя развѣ не видишь? И развѣ не боишься ты свидѣтельства своей совѣсти? Не знаешь развѣ, что мракъ ночи—не обезопаситель, а возжигатель грѣха? Когда сномъ и пищею разгорячается тѣло, тогда ослабляется бодренность ума, и крѣпость его расшатывается сномъ, а затѣмъ нападаетъ похотливость и возмущаетъ сердце. И это бываетъ тѣмъ опаснѣе, что тогда не видится срамота нечистоты, не цѣнится свѣтлость непорочности, не сознается слава цѣломудрія. Ночь была, когда Іуда предалъ Господа и Петръ отрекся отъ Него. Особенно въ это время надлежитъ памятовать о Богѣ, пересматривать оправданія Его, перечитывать увѣщательныя наставленія Его. Заповѣди о чистотѣ да не отходятъ отъ мысли твоей; занятый ими умъ отвратитъ воспламененіе похоти, охладитъ разженіе плоти.“

Стихъ пятьдесятъ шестой.

Сей бысть мнѣ, яко оправданій Твоихъ взыскахъ *).

*) По нашему переводу, *сей* относится къ закону, о которомъ предъ симъ упомянулось; но погречески, αὕτη не можетъ относиться къ закону, который, и по гречески, мужескаго рода. Куда же отнести это? Впереди слово женскаго рода стоитъ только *ночь*; но нашли, что относить къ ночи αὕτη неумѣстно, и положили относить его къ подразумѣваемой памяти. Такъ думаютъ св. Амвросій, св. Иларій, блаж. Августинъ и Зигабенъ. По-

Въ этомъ стихѣ могутъ быть допущены двѣ мысли: память объ имени Божіемъ была для меня причиною того, что я взыскалъ оправданій Твоихъ; и еще: память эта *бысть во мнѣ,* образовалась и укрѣпилась въ душѣ моей потому, что я взыскалъ оправданій Твоихъ.

Въ ходѣ жизни ревнующихъ о богоугожденіи и спасеніи то и другое совершается на самомъ дѣлѣ. Вспомнитъ человѣкъ о Богѣ, о томъ, что во всемъ отъ Него зависитъ, и что долженъ будетъ нѣкогда во всемъ дать отчетъ Ему,—и приходитъ въ себя; видя, за тѣмъ, неисправности въ жизни, рѣшается исправить ихъ и посвятить потомъ себя на хожденіе въ волѣ Божіей. Очевидно, что не иное что, а памятованіе о Богѣ, заставило его взыскать оправданій Божіихъ. Такъ разумѣетъ это блаж. Ѳеодоритъ: „Это, говоритъ Пророкъ, привело меня въ состояніе одержать верхъ надъ собою (переломить себя) и избрать для себя стяжаніе Твоихъ оправданій.“ За тѣмъ, взыскавшій такого рода жизнь не можетъ обойтись безъ того, чтобы не памятовать о Богѣ, ибо всякая заповѣдь, какую предлежитъ ему исполнять, есть Божія заповѣдь, а ему предлежитъ исполнять ихъ непрестанно, такъ какъ всѣ дѣла и отношенія наши обложены заповѣдями. Всякій шагъ и напоминаетъ ему о Богѣ, и жизнь, постоянно вѣрная заповѣдямъ, неизгладимо напечатлѣваетъ память о Немъ въ умѣ и сердцѣ. За такое дѣло образованія памятованія о Богѣ, онъ и самъ произвольно берется, и нудитъ себя къ нему, въ той увѣренности и опытомъ извѣданной пользѣ отъ сего, что, при этомъ, исполненіе заповѣдей течетъ благоуспѣшнѣе, и страсти преодолѣваются легче и глубже.

слѣдній пишетъ „обычно св Давиду во многихъ случаяхъ глаголъ превращать въ соотвѣтствующее ему имя, и разумѣть его въ рѣчи, даже не ставя его. Впереди сказалъ—*помянухъ* . , а теперь говоритъ: *эта память бысть мнѣ.*“

Св. Иларій пишетъ: „αὕτη, haec, относится къ памятованію, которымъ поминалъ онъ по ночамъ имя Божіе, а словами: *бысть мнѣ* означаетъ, что оно набѣжало не случайно, воспринято не на время, но всегда было, и пребывало въ немъ, и навсегда укоренилось внутри его силою вѣры. *Бысть* же такимъ оно для него потому, что онъ взыскалъ оправданій. Чрезъ непрестанное взысканіе ихъ онъ достигъ того, что сталъ содержать непрестанную память о Богѣ во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ."

Этотъ стихъ, какъ замѣчено, вмѣстѣ съ предыдущимъ составляетъ заключеніе сего осмистишія, въ которомъ св. Пророкъ, указавъ разныя скорби и источники утѣшеній въ нихъ, выражаетъ, наконецъ, на чемъ остановиться и оставаться вѣрнѣе. Онъ говоритъ какъ бы такъ: взыскавъ угождать Богу чрезъ хожденіе во святой волѣ Его, пребудь въ непрестанной памяти Божіей, всего себя предавъ Богу и отъ Него ожидая содѣйствія всякому благому дѣлу. Отсюда прибудетъ тебѣ неодолимое мужество въ борьбѣ съ скорбями и неколебимая вѣрность заповѣдямъ Божіимъ.

Приводимъ на этотъ предметъ нѣсколько словъ св. Исаака Сиріанина.

„Человѣкъ сомнѣвающійся, что Богъ помощникъ въ добромъ дѣланіи, боится тѣни своей, и во время достатка и обилія томится голодомъ, и при окружающей его тишинѣ исполняется бури; а кто уповаетъ на Бога, тотъ твердъ въ сердцѣ своемъ, и всѣмъ людямъ явна достаточность его, и предъ врагами его похвала его.

„Заповѣди Божіи выше всѣхъ сокровищъ міра. Кто стяжалъ ихъ, тотъ внутри себя обрѣтаетъ Бога. Кто успокоивается всегда въ Божіемъ попеченіи, тотъ пріобрѣлъ Бога домоприставникомъ своимъ; кто вожделѣваетъ исполненія воли Божіей, тотъ будетъ имѣть путеводите-

лями небесныхъ ангеловъ; кто боится грѣховъ, тотъ безпретковенно совершаетъ страшное шествіе, и во время сумрака предъ собою и внутри себя обрѣтаетъ свѣтъ. Стопы боящагося грѣховъ охраняетъ Господь, и во время ползновенія предваряетъ его милость Божія.“

ОСЬМОЕ ОСМИСТИШІЕ.

Осьмое осмистишіе идетъ подъ буквою *хетъ*—грѣхъ. Пророкъ говоритъ тутъ не о самомъ грѣхѣ, а о томъ, какъ грѣшникъ вырывается изъ узъ его, и какіе употребляются пріемы, чтобъ устоять на добромъ пути. Онъ беретъ грѣшника въ ту минуту, когда, по пробужденіи отъ грѣховнаго усыпленія, ему предстоитъ рѣшить,—или перестать грѣшить, или, отложивъ покаяніе, опять ходить тѣмъ же путемъ грѣха. Передъ нимъ міръ со сластями, и Господь съ заповѣдями. Обсудивъ, какъ слѣдуетъ, ту и другую сторону, онъ рѣшаетъ: *часть моя еси, Господи: рѣхъ сохранити законъ Твой* (ст. 57). Рѣшился хранить законъ впередъ,—а съ прежнею-то жизнію что сдѣлать? Ничего другаго, какъ, припадши къ человѣколюбцу Богу, вопіять: *помилуй мя по словеси Твоему* (ст. 58)! Покаяніе принесено, разрѣшеніе грѣховъ получено: за тѣмъ, что же дѣлать? Надо обдумать новую жизнь, и въ общемъ и въ частностяхъ, подвесть ее подъ заповѣди Божіи,—и возвратить ноги свои на свидѣнія Божіи (ст. 59). При вступленіи въ новый путь, сколько препятствій! Но когда обдумывались порядки новой жизни, всѣ они были предусмотрѣны,—и на подъятіе ихъ и преодолѣніе изъявлена готовность, чего бы это ни стоило. Отъ того-то встрѣча съ ними и не колеблетъ положившаго намѣреніе хранить заповѣди (ст. 60). Чувствительнѣе всего могли бы колебать это намѣреніе товарищи грѣховной жизни и грѣховные навыки; но и они не заставятъ твердо

рѣшившагося забыть законъ Божій (ст. 61). Такимъ образомъ всѣ связи съ грѣхомъ порваны. Но искушеніямъ еще не конецъ: надо укрѣплять себя въ добрѣ и запасаться силами на противостояніе злу. Пророкъ указываетъ три могущественнѣйшихъ на это пріема: ночныя бдѣнія (ст. 62), общеніе въ словѣ и молитвѣ съ людьми богобоязненными (ст. 63) и особенно—преданіе себя милости Божіей (ст. 64).

Стихъ пятьдесятъ седьмой.

Часть моя еси, Господи: рѣхъ сохранити законъ Твой.

Часть моя еси, Господи. Кому прилично сказать это? Прилично и оставляющему все и возжелавшему служить едину Господу; но прилично и оставляющему грѣхъ и возвращающемуся на добрый путь закона Божія. Оба они въ сердцѣ своемъ говорятъ: „Тебѣ, Господи, посвящаю всего себя.“—первый, чтобы всегда пребывать съ единымъ Господомъ, избирая часть Маріи, слушавшей у ногъ Господа только слово Его; а второй, чтобъ угождать Господу исполненіемъ заповѣдей Его, въ посильномъ служеніи братіямъ. На обоихъ ихъ призираетъ Господь, такъ какъ и они полагаютъ въ сердцѣ своемъ Ему угождать.

Мысль въ этомъ стихѣ та, что душа въ единомъ Господѣ полагаетъ верховное свое благо, свое сокровище и источникъ всего желаннаго. Люди избираютъ себѣ разные предметы, въ которыхъ чаютъ находить удовлетвореніе своимъ желаніямъ, и которымъ потомъ посвящаютъ всѣ свои занятія, и все свое время; находятъ ли искомое — имъ самимъ это лучше знать Но тѣ, которые, минуя все, въ единомъ Богѣ полагаютъ свое послѣднее благо, дѣйствительно находятъ его въ Немъ, такъ какъ ничто не можетъ дать довольства духу нашему, кромѣ

Бога: ужъ таково свойство его. Онъ-то и служитъ непрестаннымъ призывателемъ душъ нашихъ. Зоветъ же онъ не гласно, а молча, изъявляя недовольство всѣмъ, чѣмъ изъ круга тварей думаетъ напитать его человѣкъ. Слово Божіе даетъ ясность и опредѣленность его зову, а благодать—силу. И вотъ, когда, по милости Божіей, срѣтятъ они человѣка, живущаго или вдали отъ Бога, или въ богозабвеніи, обымутъ и проникнутъ его; тогда, склоняясь на нихъ и рѣшаясь жить по ихъ указанію, онъ отвращается отъ всего, и говоритъ во глубинѣ сердца своего: „*часть моя еси, Господи.* Отселѣ все прочь; Тебя единаго буду искать, къ Тебѣ единому стремиться.“

Судя по заглавію осмистишія, Пророкъ имѣлъ тутъ въ мысли именно этотъ моментъ, какъ это видно и изъ втораго полустишія: *рѣхъ сохранити законъ Твой.* Блуждалъ я доселѣ на распутіяхъ грѣха; теперь полагаю твердое намѣреніе хранить законъ Твой, Господи, чтобъ, угодивъ Тебѣ, стяжать Тебя, и въ Тебѣ обрѣсти полное успокоеніе сердцу моему. Отселѣ Ты часть моя, и законъ Твой — правило моей жизни! Это рѣшеніе есть выводъ или слѣдствіе изъ предшествующихъ измѣненій, происходящихъ въ душѣ грѣшника, ибо не вдругъ онъ можетъ сказать такъ. Какой грѣшникъ не сознаетъ, что онъ грѣшникъ и что ему надо бросить, наконецъ, худой образъ жизни своей! Это свойственно лишь ожесточеннымъ и отчаяннымъ. Большая же часть ихъ думаетъ такъ: погрѣшу еще немного, а потомъ брошу. Хотя чрезъ это они все больше и больше запутываются въ сѣтяхъ грѣха; но отрицать въ нихъ такой мысли нельзя, развѣ ужъ они дойдутъ до ожесточенія и окончательно предадутъ себя грѣху и чрезъ грѣхъ сатанѣ, къ чему, впрочемъ, и идутъ они, отлагая свое обращеніе. Такимъ образомъ всѣ почти грѣшники думаютъ только нынѣ погрѣшить, а завтра обратиться. Но инымъ приходитъ на умъ не

завтра, а нынѣ, сейчасъ, заняться своимъ обращеніемъ, и притомъ съ тою серьезностью, какой требуетъ самое дѣло.

Какъ это приходитъ на умъ, какъ приковывается къ тому вниманіе и какъ заинтересовывается этимъ человѣкъ до того, что, оставя все, одинъ только этотъ предметъ берется обсудить и рѣшить окончательно, не отлагая ни на минуту,—это секретъ нашей духовной жизни, котораго никто объяснить не въ силахъ. Говоримъ только, что благодать Божія, ей только вѣдомыми путями, проходитъ внутрь до глубины сознанія и совѣсти, и растревоживаетъ тамъ духъ человѣка такъ, что онъ находитъ неотложнымъ дѣломъ сейчасъ же заняться своимъ нравственнымъ состояніемъ и исправленіемъ его.

Но это только начало дѣла. Можно сказать, что рѣдкій грѣшникъ не испытываетъ внутри такого поворота: но, побывъ въ немъ нѣсколько минутъ, или часъ-другой, или даже день-другой, отступаетъ отъ него, не дошедши до должнаго рѣшенія, и опять предается прежнему „завтра." Ужъ это дѣло свободы, такъ какъ обращеніе производится не одною благодатію, а совмѣстно съ свободою. Благодать разшевелила духъ, слово Божіе прошло до раздѣленія души и духа, сознаніе и совѣсть внятно услышали обличеніе прежней жизни и согласились съ нимъ,—теперь предлежитъ самому человѣку работа—обсудить, и одно отбросить, а другое принять. И это главное: тутъ начинается борьба внутри на жизнь или на смерть. На одной сторонѣ—привычный грѣхъ съ сатаною и міромъ; на другой — духъ и совѣсть съ благодатію, а сознаніе съ свободою стоитъ посреди, съ желаніемъ, однакожъ, отдѣлаться отъ рабства грѣху, преодолѣвъ поработителей. Какъ и что происходитъ тогда въ лабораторіи духа — кто опредѣлитъ? И самъ тотъ, въ комъ это происходитъ, не всегда припомнитъ все, бывающее въ ту пору. Но,

наконецъ, грѣхъ, міръ. сатана обличаются въ неправости, разоблачается ихъ обманчивость; человѣкъ ясно сознаетъ, что былъ прельщаемъ и увлекаемъ призраками на пагубу себѣ, и отвращается отъ нихъ, какъ отъ враговъ; переходя желаніемъ и избраніемъ на противоположный имъ путь заповѣдей и богоугожденія. Благодать Божія закрѣпляетъ это желаніе за человѣкомъ, и въ духѣ произносится рѣшеніе: *„рѣхъ сохранити законъ Твой, Господи.* Отселѣ—Ты, Господи, часть моя!“

Вотъ моментъ, который изображается Пророкомъ въ этомъ стихѣ, Это есть первый, главный и источный порывъ изъ области грѣха. Послѣ него и все прочее идетъ уже, хотя не безтрудно, но не безуспѣшно. Человѣкъ сталъ уже твердою ногою на землю обѣтованную.

Стихъ пятьдесятъ осьмой.

Помолихся лицу Твоему всѣмъ сердцемъ моимъ: помилуй мя по словеси Твоему.

Человѣкъ-грѣшникъ положилъ намѣреніе не оскорблять болѣе грѣхами своими Господа и всегда хранить законъ Его,—ну, а съ прежнею-то жизнію какъ быть? Куда дѣвать это множество безобразныхъ дѣлъ, которыя въ книгѣ правды вѣчной числятся за грѣшникомъ и должны быть изглажены, чтобы та же самая правда дала свободный доступъ милостямъ Божіимъ къ грѣшнику? Къ такому изглажденію грѣховъ у самого грѣшника нѣтъ никакихъ способовъ. Осмотрѣвшись кругомъ, и ни откуда не чая въ этомъ отношеніи помощи, онъ прибѣгаетъ только къ милости Божіей, и вопіетъ: *помилуй мя*! И не просто говоритъ это, но отъ всего сердца, и не какъ-нибудь неопредѣленно, но ясно сознавая Бога присущимъ предъ собою, и правосудящимъ неправды его, не предъявляя никакихъ правъ на милость, которую оскорблялъ, грѣша

въ надеждѣ на нее, а припоминаетъ только обѣтованіе Божіе, что Онъ готовъ принимать всякаго кающагося: *помилуй мя по словеси Твоему*!

На этомъ пунктѣ врагъ обыкъ уловлять обращающагося отъ грѣха безнадежіемъ помилованія, ради множества грѣховъ, и тѣмъ пресѣкать ему путь къ обращенію. „Куда, говоритъ, идешь? Нѣтъ тебѣ помилованія! Видишь, сколько срамныхъ дѣлъ ты надѣлалъ! Съ какимъ лицемъ предстанешь ты предъ Бога, всесвятаго и всеправеднаго?" Поразительно раздается этотъ голосъ въ совѣсти:—и нѣтъ грѣшника, который не былъ бы имъ поражаемъ на пути обращенія своего. Доселѣ врагъ выставлялъ только прелести царства своего, какъ у него все сладко, славно и всего вдоволь; но когда грѣшникъ, ощутивъ горечь сластей его, срамоту славы его, убыточность довольства его, рѣшительно отринулъ все, — то онъ берется за другой пріемъ: „отсюда отстанешь, представляетъ онъ ему, а туда не пристанешь. Видишь, каковъ ты? Кто тебя приметъ? Ужъ оставайся такъ, какъ есть. Богъ правды рѣшилъ уже участь твою, и положилъ, ради великихъ непотребствъ твоихъ, не принимать тебя болѣе на лицо къ Себѣ."

Искренно кающійся все это и сознаетъ, и соглашается, что такъ и слѣдовало бы поступить съ нимъ; но вѣра удостовѣряетъ его, что нѣтъ грѣха, побѣждающаго милосердіе Божіе. Онъ видитъ въ Богѣ не милость, которую заслоняетъ правда, а правду, заслоняемую милостію,—и милостію не голою, а такою, которая ведетъ съ правдою всѣ разсчеты праведно, удовлетворяя всѣ ея предъявленія. Онъ вѣруетъ, что Господь Іисусъ Христосъ всѣ грѣхи наши вознесъ на древо, и крестомъ всѣ рукописанія ихъ растерзалъ. Остается только усвоить себѣ этотъ актъ экономіи спасенія нашего, что и дѣлаетъ онъ, прилагая къ обѣту — хранить законъ, обѣтъ спо-

страдать Господу. Воодушевляясь этимъ, грѣшникъ говоритъ предъ Богомъ въ совѣсти: „я все готовъ перенесть, и внѣшно и внутренно, измучу себя, преогорчу за грѣховныя сласти и утѣхи, только помилуй!“ Эта совѣстная эпитимія, согрѣваемая вѣрою и отъ ней получающая вѣсъ предъ Богомъ, открываетъ входъ благонадежности въ сердце; и наперекоръ искусителю, устрашающему, что Богъ на лицо его не приметъ, обращающійся начинаетъ лицу-то Божію и молиться отъ всего сердца: *помилуй мя,* живо сознавая, что онъ стоитъ предъ Самимъ Богомъ, неизслѣдимо великимъ и всеправеднымъ, и при томъ такъ, что въ оправданіе свое ничего не можетъ представить,—а все таки стоитъ передъ Нимъ, окриляемый благонадежностью, что давшій ему бытіе и хранившій его во дни беззаконій его не отринетъ его и не лишитъ участія во спасеніи, щедродательно устроенномъ для всѣхъ и всѣмъ независимо подаваемомъ. Сознаніе о Богѣ живо въ кающемся, и наипаче съ той стороны, что Онъ есть огнь поядаяй. Отъ того и благонадеженъ онъ, стоя предъ Нимъ, и предавая участь свою въ руки Его; потому-то отъ всего сердца и молится Ему: *помилуй мя!*

Отъ всего сердца,—не съ холоднымъ разсужденіемъ, а съ полнотою покаянныхъ чувствъ. То стыдъ, что такъ унизился, то самоукореніе, что могъ, да не хотѣлъ, то сокрушеніе, что столь милосердаго Бога оскорблялъ, то жалѣніе, что такъ себя испортилъ, то страхъ — ну, если въ самомъ дѣлѣ Богъ отвергнетъ, то опять благонадежность, что Тотъ, Кто Сына Своего не пощадилъ для нашего спасенія, какъ же не дастъ прощенія, испрашиваемаго во имя Его? Всѣ такія чувства проходятъ одно за другимъ и держатъ молящагося въ напряженномъ состояніи, въ которомъ онъ болѣзненно вопіетъ изъ глубины души: *помилуй мя по словеси Твоему!*

Доколѣ же такъ вопіять ему? Началъ, и пусть вопіетъ. Развѣ можно забыть, какъ много оскорбленъ Богъ? Если нельзя, то нельзя назначать и времени, когда совѣсть перестала бы вынуждать вопли сокрушеннаго покаянія. И это еще за прошедшее; а тутъ поминутно подбавляется и новое, хоть и не самоохотно; потому-то сокрушенному покаянію нѣтъ предѣла. Оно составляетъ фондъ богоугодной жизни: *сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ*. Путь сокрушеннаго безопаснѣе отъ паденій, ибо *смиренны стопы его, и не поткнутся*.

Стихъ пятьдесятъ девятый.

Помыслихъ пути Твоя, и возвратихъ ноздѣ мои во свидѣнія Твоя.

О грѣхахъ плачь, а жить все таки надо, какъ обѣщался, по закону Божію. Въ сердцѣ держи плачъ, а прочими членами дѣлай дѣла правды, какъ прежде дѣлалъ ими дѣла неправды. Не ходи уже тамъ, гдѣ прежде блуждали ноги твои, а направляй ихъ на пути Божіи, во свидѣнія Его и заповѣди. Освободившись отъ грѣха, поработись правдѣ,—и какъ прежде представлялъ *уды свои рабы нечистотѣ и беззаконію*, теперь представляй уды свои *рабы правдѣ во святыню* (Рим. 6, 19).

Благодареніе Господу, мы не имѣемъ надобности ломать голову свою надъ тѣмъ, какъ жить, чтобы болѣе уже не оскорблять Бога дѣлами своими. У насъ есть Евангеліе, есть апостольскія писанія и писанія пророческія. Всюду пространно изображены *пути Божіи*,—пути, Имъ Самимъ опредѣленные для насъ. Приведи на мысль пути эти, приложи ихъ къ себѣ и къ теченію жизни твоей, прилодь все такъ, чтобы тебѣ удобно было ходить по нимъ, и потомъ возврати ноги твои съ путей недобрыхъ.

Заповѣди исполняются не одними ногами, но на всякій членъ есть своя заповѣдь. Не блуждай глазами, чтобъ не встрѣтиться съ грѣхомъ, который осужденъ Господомъ; не открывай слуха своего на всякую рѣчь, чтобъ не раздражить похотныхъ помысловъ, или не набрать матеріаловъ для пересудливости въ осужденіе себѣ; воздержи вкусъ отъ сластей, и гортань отъ многоядѣнія, чтобъ отъ меньшей сласти не перейти къ пагубнѣйшей и умноженіемъ тука не добыть разлѣненія, сонливости и болѣзней; свяжи языкъ молчаніемъ и благоразуміемъ въ словѣ, чтобы словоохотливостію не забресть къ пустословію и, растревоживъ улегшееся въ себѣ зло, на зло себѣ, и въ другихъ не засѣменить подобнаго же зла; замѣни ненужныя развлеченія домосѣдствомъ, чтобы, углубивъ вниманіе уединеніемъ, являться всегда крѣпкимъ на борьбу съ собою и со врагомъ; пріучи руки къ щедродательности и труду, чтобы, за неимѣніемъ празднаго времени, некогда было занимать ихъ дѣломъ грѣшнымъ, и чтобы молитва облагодѣтельствованныхъ тобою всегда покрывала тебя отъ невидимыхъ стрѣлъ. Занимайся только Богомъ и вещами божественными; предпріятія и начинанія направляй лишь къ тому, чтобы отъ нихъ больше было добра во славу Божію; не ищи другихъ утѣхъ и услажденій, кромѣ тѣхъ, кои о Господѣ. Собери все это и подобное сему и направь жизнь свою такъ, чтобъ она вся шла по свидѣніямъ Божіимъ.

Собирая свидѣнія Божіи и прилагая ихъ къ себѣ, въ нихъ же найдешь и нравственное подкрѣпленіе себѣ къ хожденію по нимъ. Вотъ что говоритъ св. Аѳанасій Великій: „поелику всю мысль мою устремилъ я на заповѣди Твои, то и вступилъ на путь свидѣній.“ Привлекательны Божіи свидѣнія; заповѣдь Господня свѣтла и свѣтоносна. Когда освѣтишь ею всю жизнь свою, то въ какомъ привлекательномъ свѣтѣ явится она, особен-

но когда сопоставляешь ее съ мрачною жизнію въ грѣхѣ и страстяхъ! Вступилъ ты на путь сей, такъ имѣй же эту свѣтлость и свѣтоносность заповѣдей путеводною звѣздою, и напрягайся достигнуть ея. Естество наше прекрасно, стройно и боголѣпно. Заповѣди ничего лишняго не налагаютъ, а только поставляютъ естество наше, какъ ему слѣдуетъ быть. Кто всегда исполняетъ заповѣди, тотъ самъ становится свѣтлымъ и свѣтоноснымъ, и это потому, что заповѣди пролагаютъ путь Богу въ душу, или, вѣрнѣе Самъ Богъ чрезъ нихъ устрояетъ этотъ путь Себѣ къ намъ и, вселившись и возобитавъ въ насъ, преисполняетъ свѣтомъ все естество наше. Крѣпись и мужайся! Сколько мрака, тревогъ и нестроеній испыталъ ты, живя въ грѣхѣ; столько же свѣта, покоя и мудрой во всемъ стройности предлежитъ тебѣ, если пребудешь вѣренъ заповѣдямъ, которые позналъ ты, обдумалъ и нашелъ ихъ приложимыми къ себѣ.

Помышленіе о путяхъ Божіихъ однажды на всю жизнь устанавливаетъ стопы обратившагося отъ грѣха и сопутствуетъ ему на всякомъ шагу. Обдумать и обсудить въ началѣ можно только общее; между тѣмъ, всякое дѣло, всякій шагъ имѣетъ свои особенности, которыя тоже всѣ должно опредѣлять, при свѣтѣ свидѣній Божіихъ. Но коль скоро начала вѣдомы ясно,—частности изъ нихъ опредѣлятся почти сами собою. Однакожъ внимать все таки надо и непрестанно обсуждать и слова и дѣла свои, чтобъ не погрѣшить и не запятнать чѣмъ либо совѣсти своей. Опыты жизни потомъ пріучатъ къ этому такъ, что опредѣленіе должнаго ни въ какомъ случаѣ не затруднитъ, какъ бы запутаннымъ оно ни казалось. Въ этомъ смыслѣ выводитъ отсюда такой урокъ для насъ св. Иларій: „Пророкъ поминаетъ, какъ онъ поступалъ, и даетъ урокъ, какъ и намъ надлежитъ поступать. Онъ обдумываетъ каждый шагъ свой, и такъ по-

лагаетъ его, чтобъ онъ былъ сообразенъ съ свидѣніями Божіими. Ни языку говорить, ни ногѣ ступать, ни рукѣ простираться къ дѣланію чего либо не позволялъ онъ прежде, чѣмъ обсудить все дѣло во всѣхъ подробностяхъ, чтобы дѣйствіе было потомъ лишь исполненіемъ положеннаго въ умѣ, при свѣтѣ свидѣній Божіихъ.“ Отъ того и твердъ бываетъ человѣкъ въ дѣлахъ своихъ; и если встрѣтитъ что либо, то не останавливается, потому что все это большею частію вошло уже въ его планъ. Такого ужъ не поразишь нечаянностью.

Стихъ шестидесятый.

Уготовихся и не смутихся сохранити заповѣди Твоя.

Уготовленіе, какъ и обдумываніе путей Божіихъ двояко: одно—въ началѣ вступленія въ этотъ путь, при обзорѣ его всего; другое—каждодневное, при прозрѣніи возможныхъ случайностей дня. Еще премудрый Сирахъ совѣтовалъ приступающему работать Господу, да уготовитъ душу свою *на искушенія* (Сир. 2, 1). Не на покой и утѣхи зоветъ и Господь вслѣдъ Себѣ, но говоритъ: *въ мірѣ скорбни будете* (Ін. 16, 33). „Обращающійся отъ грѣха къ добродѣтели, говоритъ св. Аѳанасій, для угожденія Господу, напередъ это видитъ, и избирая этотъ путь, готовится на всѣ непріятности, или, по слову Господа, беретъ крестъ свой и послѣдуетъ Ему. Отъ того, что ни встрѣтилось бы съ нимъ, ничто не смущаетъ, ничто не колеблетъ его мужества, потому что, поясняетъ блаж. Ѳеодоритъ, „приведши себя въ готовность встрѣчать прираженія бѣдствій, не подвергается обуреванію и при внезапномъ прираженіи. Такъ мужественный Даніилъ, такъ блаженные отроки, такъ досточудные Маккавеи, такъ всѣ мученики Спасовы преодолѣвали злочестіе.“

Безуспѣшность препятствій или тѣхъ, кои стремятся поколебать благоразумно приступающаго къ Господу, зависитъ отъ того, что онъ въ самомъ началѣ, когда еще рѣшается на этотъ путь, отвергается себя, отвергается, то-есть, жизни своей, и рѣшеніемъ воли приноситъ ее въ жертву Господу. Потому-то, хотя бы и смерть встрѣтилъ, она не была бы для него неожиданностью. Какъ къ борцу, который борется на отчаянную, приступа нѣтъ, ибо самое настроеніе придаетъ ему поражающее мужество; такъ нѣтъ у врага пріемовъ къ преодолѣнію того, кто, вступая на путь добродѣтели, напередъ положилъ—умереть, но не отступать отъ нея.

Св. Павелъ видитъ источникъ несокрушимой крѣпости таковыхъ въ любви ихъ ко Господу. Съ Господомъ сочетаваются они въ началѣ, ибо чрезъ вѣру въ Него возникаютъ къ благонадежности помилованія, и не чрезъ вѣру только, но съ приложеніемъ рѣшимости и желанія войти въ спостраданіе съ Нимъ. Отъ того горятъ къ Нему любовію, и любовь эта есть несокрушимая ихъ сила. *Кто ны разлучитъ отъ любви ко Господу,—скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе?... Ничто, ни смерть, ни настоящее, ни будущее... Все препобѣждаемъ за Возлюбльшаго насъ* (Рим. 8, 35—37).

Таково общее приготовленіе; но бываетъ у нихъ, или должно быть у всѣхъ насъ приготовленіе частное. Каждый день, съ утренней молитвы, обозри всѣ возможныя случайности, и соотвѣтственно тому, какія могутъ они, по свойству своему, возбуждать въ тебѣ мысли и чувства, заготовь противомыслія и противочувствія и огради ихъ благими помышленіями, чтобъ они имѣли крѣпость въ себѣ. Это же дѣлай и всякій часъ, какъ скоро видишь что либо приближающееся; поскорѣй окинь взоромъ возможное, и облекись въ орудія противодѣйствія. Нечаян-

ность поражаетъ и полошитъ душу; а вполошенная, она не можетъ имѣть ни силы, ни соображенія.

Приготовленіе это состоитъ въ томъ, чтобы загодя положить не поддаваться впечатлѣнію и не допускать возбуждающагося движенія до сердца. Тамъ глазъ, тамъ слухъ, тамъ слово, тамъ движеніе, тамъ другое что нибудь падаютъ на сердце, какъ камень на спокойно стоящую воду, и пошли круги помысловъ и движеній. Борись съ ними! А если не допустишь до сердца, если напередъ противомыслiемъ и противочувствіемъ закрѣпишь поверхность сердца, такъ что она станетъ будто льдомъ покрывавшаяся вода; тогда всѣ эти камешки, со внѣ внутрь падающіе, будутъ отскакивать, свидѣтельствуя звукомъ своимъ лишь то, что они ударяли, но въ глубь не прошли.

Пророкъ готовился и не смущался, а всегда хранилъ заповѣди Божіи, къ исполненію которыхъ обязывали его встрѣчи. Иное возбуждало гнѣвъ, а онъ не гнѣвался; иное возбуждало похоть, а онъ не похотствовалъ; иное приводило къ осужденію, а онъ не осуждалъ; иное—къ зависти, а онъ не завидовалъ; иное заставляло тщеславиться и выситься, а онъ не тщеславился, а смирялся. Такъ и во всякомъ случаѣ, какая заповѣдь на него приходилась, ту и исполнялъ. И это шло у него всегда вѣрно и правильно, потому что ко всему этому онъ готовился. Не въ ту пору прибиралъ заповѣдь, когда дѣйствовать приходилось, а напередъ заготовлялся; отъ того и успѣхъ былъ добрый.

Стихъ шестьдесятъ первый.

Ужя грѣшникъ обязашася мнѣ: и закона Твоего не забыхъ.

Ужя, по объясненію бл. Θеодорита, означаютъ верви; *обязашася*—затянуты на мнѣ; верви, какими чувствуетъ себя затянутымъ обращающійся отъ грѣха къ добродѣтели,

суть или связи съ грѣшниками—грѣховное сотоварищество, или свои грѣховные навыки, которые, дѣйствительно, суть верви, вяжущія всякаго грѣшника туго-натуго. Порвать то и другое—труднѣе всего; даже и тогда, когда они бываютъ порваны, трудность эта не уменьшается, ибо, при встрѣчѣ или съ прежними обстоятельствами или лицами, въ головѣ подымается буря воспоминаній, и сердце отзывается на нихъ сочувственно. Тогда они заслоняютъ собою, какъ туманомъ или облакомъ пыли, свѣтлый ликъ закона, и безобразіе свое преобразуютъ въ заманчивую прелесть. Не смотря на это, я, говоритъ Пророкъ, не забылъ закона Твоего, не далъ имъ затмить его въ моемъ сознаніи, или дать сочувствію къ нимъ какой либо перевѣсъ надъ сочувствіемъ къ закону.

Порвать эти верви необходимо бываетъ въ первый же актъ рѣшимости, какъ это и бываетъ, ибо тогда все приносится въ жертву Господу, несмотря ни на какія послѣдствія такого шага. За тѣмъ, когда обдумываются порядки новой жизни (ст. 59), имѣется въ виду и то, какъ противодѣйствовать дурному товариществу, и то, какъ искоренять худые навыки и въ самомъ себѣ. Въ такомъ порядкѣ и идетъ потомъ самая жизнь обратившагося. Но онъ еще только исправляющійся; сочувствіе къ прежнему пробуждается въ немъ всякій разъ, какъ скоро возбуждаютъ ихъ какіе либо случаи; а возбуждаясь, они какъ будто вновь вяжутъ и затягиваютъ. Тутъ-то, для противодѣйствія имъ, и возстаетъ въ сознаніи и совѣсти память закона, которому положено слѣдовать вседушно въ часъ рѣшимости. Эта память вновь разрываетъ тѣ верви, какъ порвала ихъ вначалѣ рѣшимость хранить уже законъ. Хотя Пророкъ говоритъ: *не забыхъ,* но этимъ даетъ разумѣть, что содержалъ въ памяти законъ, и что память эта была ножомъ, обрѣзывавшимъ тѣ верви, когда они вновь самодѣльно сплетались и покушались затянуть его.

Разсказываютъ объ одномъ исправившемся, что, когда товарищи недоброй жизни, встрѣтивъ его, звали на прежнія дѣла, онъ сказалъ имъ наотрѣзъ: „я уже не тотъ“. и, отвернувшись отъ нихъ, пошелъ своею дорогою. Такъ-то сильна и многозначительна первая, полная и неотступающая рѣшимость! Она даетъ ту крѣпость и силу воли, которую не сильны поколебать даже и болѣе нѣжныя связи, чѣмъ сотоварищество.

Св. Іоаннъ Коловъ, въ „Достопамятныхъ сказаніяхъ“, предлагаетъ на этотъ предметъ такую приточную исторійку. „Въ одномъ городѣ жила красивая прелестница, имѣвшая много поклонниковъ; понравилась она и правителю области. Разъ онъ сказалъ ей: обѣщай жить цѣломудренно, и я женюсь на тебѣ. Она согласилась, и поступила къ нему въ домъ. Но прежніе поклонники ея не переставали искать ее, и узнавъ, что она взята правителемъ, обдумывали, какъ бы выманить ее оттуда. Если, разсуждали они, мы прямо пойдемъ въ домъ, то правитель засадитъ насъ въ тюрьму; а мы сдѣлаемъ вотъ что: пойдемъ позади дома и свиснемъ; она узнаетъ нашъ свистъ, и выйдетъ къ намъ. Такъ и сдѣлали. Но остепенившаяся прелестница, услышавъ свистъ, заткнула уши, и, вбѣжавъ во внутренніе покои, заперла двери“. Притчу эту св. Іоаннъ Коловъ толковалъ такъ: прелестница — грѣшная душа; ея друзья — страсти и грѣшные люди; правитель — Христосъ; внутренній покой — сердце, преданное Христу; свистаніе — соблазны помысловъ и встрѣчъ. Такъ обратившаяся ко Господу душа всегда убѣгаетъ въ сердце, чтобы въ молитвѣ предстать тамъ Господу и тѣмъ разгонять возстающіе соблазны.

Вотъ какъ грѣховныя верви, порванныя первою рѣшимостію работать Господу, удобно разрываются потомъ и всякій разъ, какъ врагъ замышляетъ снова опутать ими исправляющагося грѣшника.

Стихъ шестьдесятъ второй.

Полунощи востахъ исповѣдатися Тебѣ о судьбахъ правды Твоея.

Этотъ стихъ и два послѣдніе указываютъ, какіе пріемы берутся, дабы удобнѣе отторгнуться отъ узъ грѣха. Многое и изъ сказаннаго доселѣ имѣетъ тотъ же смыслъ, потому что и то, чтобы обдумать всѣ порядки новой жизни и опредѣлить ихъ заповѣдями, есть пріемъ противостоянія грѣху, — и то, чтобы напередъ готовиться къ возможнымъ встрѣчамъ, могущимъ соблазнить, есть то же пріемъ; пріемъ и то, чтобы порвать всѣ грѣшныя связи и измѣнить обычаи, питающіе грѣхъ. Но здѣсь указываются самые рѣшительные пріемы.

Полунощи востахъ. Разумѣемъ это, какъ ночное бдѣніе, проводимое въ славословіи и молитвѣ. Св. Аѳанасій пишетъ: „Не только день, но и ночь, даже самую средину ночи, когда овладѣваетъ наиболѣе пріятный сонъ, проводилъ я, пѣснословя Тебя и воспѣвая праведныя опредѣленія Твои. Такъ поступалъ и божественный апостолъ вмѣстѣ съ Силою, когда, пріявъ на себя раны и бичеванія, съ связанными ногами, растворялъ молитву съ пѣснопѣніемъ и пожалъ плодъ сего прекраснаго бдѣнія, потому что извѣдалъ на себѣ божественнную щедродательность.“

Къ этому подходятъ и слова св. Амвросія: „Не довольно днемъ молиться,—надобно вставать и ночью, и въ полночь. Самъ Господь проводилъ ночи въ молитвѣ, чтобы Своимъ примѣромъ возбуждать и тебя къ молитвѣ. Прежде говорилъ Пророкъ: *помянухъ въ нощи имя Твое* (ст. 55); а теперь говоритъ: *въ полунощи востахъ*,—чтобы научить и тебя не ночью только, но въ самую полночь вставать на молитву. Можно помянуть ночью Бога и не встать;

можно встать и не стать на молитву,—а онъ говоритъ: всталъ въ полночь и сталъ на молитву исповѣдатися Богу. Въ это наипаче время надо молиться Богу и оплакивать грѣхи свои; не только просить прощенія въ прошедшихъ грѣхахъ, но молитвою отвращать грѣхи настоящіе и предограждать себя отъ будущихъ. ибо въ ту пору много подступаетъ къ намъ искушеній. Тогда наипаче горитъ похоть плоти, и врагъ строитъ свои приманки, цѣпляясь за нее. Тогда кровь бываетъ въ бо̀льшемъ движеніи, а умъ, одолѣваемый сномъ, теряетъ трезвенность свою. Врагъ и подступаетъ свободно, и разбрасываетъ свои сѣти, чтобы запутать душу, отложившую осмотрительность. Нечистые духи обступаютъ ее, окружаютъ мракомъ и начинаютъ внушать всякое непотребство, толкуя, что никто не видитъ; нѣтъ ни доносчика, ни свидѣтеля. Если умъ воспротивится, то вступаетъ съ нимъ въ споръ, представляя въ примѣръ много святыхъ, которые согрѣшали, но потомъ испрашивали себѣ прощеніе и покрывали прежніе грѣхи. Такого рода исправленія ненавидитъ врагъ, но, чтобы обольстить, обѣщаетъ это исправленіе. Когда же успѣетъ вызвать согласіе на грѣхъ, тогда видя, что отъ самаго грѣха душа удерживается уже не любовію къ добродѣтели, а страхомъ суда и наказанія, натолковываетъ ей разныя обманныя мысли, такъ что она и сама себѣ начинаетъ уже говорить: *кто мя видитъ? Тма окрестъ мене, и стѣны закрываютъ мя,—кого убоюся?* (Сир. 23, 25). Не видитъ Вышній, не доходятъ до Него грѣхи наши, не смотритъ Онъ на наши гнусности. Такъ-то время это удобно для искушенія. Разсмотри все это, и бодренно воспаряй тогда мыслію къ Богу, чтобы врагъ, видя, что свѣтомъ пребыванія твоего съ Богомъ заключенъ для него приступъ къ душѣ твоей, бѣжалъ отъ тебя, и ты безъ соблазна перешелъ полночное время. Вставай же въ этотъ часъ на молитву, въ который искуситель обыкъ

ввергать насъ въ непотребства. Чѣмъ больше опасность, тѣмъ большую надо привлекать и помощь свыше. Она и готова, но только бодрствующему и молящемуся. Вставай же и возбуждай умъ свой. Не воздремлетъ и Хранящій тебя, если найдетъ недремлющимъ, но Самъ возстанетъ, будучи возбуждаемъ бодренностію души твоей: повелитъ вѣтрамъ, и улягутся, и водворится тишина въ груди твоей, взволнованной бурею вражескихъ прираженій. Надо намъ въ эту пору вставать и потому еще, что Женихъ приходитъ въ полночь. Смотри же, чтобъ не засталъ Онъ тебя спящимъ. Надо вставать для славословія Господа и воспѣванія благодарныхъ Ему пѣсней; надо исповѣдать судьбы Его вѣчныя, восписуя Ему все доброе, бывающее съ нами. Что ты на добромъ пути, это Его присужденіе: Онъ хранитъ предающихъ себя Ему. И во всякое время такъ надо поступать.—и ни днемъ, ни ночью, и ни въ какое другое время не переставать славословить Бога.“ И всѣ, желавшіе пресѣчь въ себѣ худое и водворить доброе, любили посвящать полночь молитвѣ, и, вообще, большую часть ночи проводить въ бесѣдѣ съ Богомъ. Св. Исаакъ Сиріанинъ приписываетъ этому подвигу весьма великое значеніе въ преспѣяніи духовномъ.

Почему же Пророкъ изъ всѣхъ подвиговъ поминаетъ только объ этомъ? Потому, что онъ есть сокращенное представленіе всѣхъ другихъ. Кто въ полночь не даетъ покоя тѣлу, тотъ будетъ ли покоить его въ другое время? Дастъ ли ему пищи въ сытость и питія вдоволь? Поблажитъ ли ему въ лѣности на трудъ? Позволитъ ли ему омовенія, куренія и масти благовонныя? Попуститъ ли гулянья и развлеченія? Вставанье въ полночь есть цвѣтъ на деревѣ всѣхъ тѣлесныхъ подвиговъ. Равно молитва полночная есть сокращеніе всѣхъ душевныхъ подвиговъ—трезвенія, бодренности, вниманія, богомыслія, углубленія въ словеса Божіи, созерцанія таинъ Божіихъ и всѣхъ дѣлъ

Его промышленія, и всего прочаго, что обыкновенно дѣлаетъ душа, въ видахъ противленія грѣху и страстямъ и насажденію въ себѣ добродѣтелей. Объ этомъ только и помянулъ Пророкъ, зная, что кто такъ поступаетъ, тотъ видитъ, что за полунощнымъ бдѣніемъ у него стоятъ и всѣ другія дѣланія, свойственныя подвизающимся; потому нечего было и поминать объ нихъ. По ходу же его наставительныхъ молитвенныхъ воззваній, надобно было коснуться сего предмета, какъ звена, совершенно необходимаго въ цѣпи его уроковъ.

Стихъ шестьдесятъ третій.

Причастникъ азъ есмь всѣмъ боящимся Тебе, и хранящимъ заповѣди Твоя.

„Симмахъ, вмѣсто *причастникъ*, говоритъ: „союзникъ“, переводчикъ же Сирскій: „другъ.“ Отвращаясь, т.-е. тѣхъ, которые избираютъ противное законамъ Твоимъ, я имѣлъ сообщниками и близкими къ себѣ поставляющихъ выше всего страхъ Божій и вознамѣрившихся жить согласно съ закономъ. Тоже сказалъ Пророкъ и въ другомъ мѣстѣ: *мнѣ же зѣло честни быша други Твои, Боже.* Пс. 138, 17“ (Θеод.).

Прежде выставляемы были грѣховныя связи съ грѣшниками, какъ самое крѣпкое вервіе, влекущее ко грѣху; теперь, въ противовѣсъ тому, предлагается благочестное общеніе съ богобоязненными и добродѣтельными людьми. Въ полунощной молитвѣ совмѣстилъ Пророкъ всѣ труды, подъемлемые человѣкомъ въ пользу добра въ себѣ самомъ, въ своемъ лицѣ; въ общеніи же съ боящимися Бога и хранящими заповѣди Его совмѣщаетъ онъ все, чѣмъ можемъ мы пользоваться къ побѣдѣ надъ зломъ отъ другихъ, идущихъ тѣмъ же съ нами путемъ, разумѣя здѣсь взаимную бесѣду, совѣтъ братскій или заповѣдь старческую и вза-

имную любовь. Становясь всѣми этими способами причастникомъ съ другими ревнителями добра, подвизающійся дѣлается столько же сильнымъ, сколько сильны всѣ они вмѣстѣ, — и Богъ посредѣ ихъ. Если тамъ Господь, гдѣ два или три собраны во имя Его, то тѣмъ болѣе тамъ, гдѣ ихъ десятки и сотни, особенно, когда никто изъ нихъ не тянетъ куда либо въ сторону или назадъ, а всѣ идутъ впередъ и впередъ, къ почести вышняго званія. Вступившему въ такое содружество и ослабѣть некогда, и уклониться некуда. Примѣръ и соревнованіе непрестанно и ревность возжигаютъ, и представляютъ способы удовлетворять ей.

Одинъ молодой подвижникъ спрашивалъ старца: „какъ мнѣ возъимѣть страхъ Божій?“—Поди, отвѣтилъ ему старецъ, прилѣпись къ мужу, исполненному страха, и научишься, какъ имѣть страхъ Божій.—Другому старцу говорили: „что ты не учишь ученика своего и не толкуешь ему, какъ и что нужно дѣлать?“—Что учить? отвѣчалъ онъ. Пусть смотритъ, какъ я дѣлаю, и себѣ пусть такъ дѣлаетъ.—И страху Божію и всякой другой добродѣтели примѣръ—самый лучшій учитель. Ни одного слова не произноситъ онъ, а все изъясняетъ и всему научаетъ столько, что слову потомъ и дополнять нечего. А сколько имѣетъ силы общая молитва! О скитскихъ подвижникахъ говорили, что нѣтъ ничего, чего бы они не могли испросить кому угодно въ молитвѣ своей, когда всѣ начнутъ молиться. Отъ того, пока тамъ держался тѣсный братскій союзъ и пока всѣ одинаково ревновали о преуспѣяніи,—и процвѣтала духовная жизнь. Всякій съ вѣрою объявлялъ имъ: „братія и отцы! такое и такое искушеніе томитъ меня,—помолитесь!“ Начиналась молитва, и искушеніе проходило. И во всякое время и во всякомъ мѣстѣ общеніе людей богобоязненныхъ, взаимная ихъ любовь и довѣріе даютъ такую крѣпость ихъ нравственному строю, которымъ всякій

изъ нихъ силенъ бываетъ противостоять всякому искушенію, какъ бы оно сильно ни было. Вотъ почему и св. Пророкъ, говоря о пріемахъ, какіе употреблялъ онъ противъ грѣха, въ числѣ сильнѣйшихъ помѣстилъ и братское общеніе съ боящимися Бога и хранящими заповѣди Его.

„Кто, говоритъ св. Григорій Великій, прилѣпляется къ человѣку, ревнителю добра, тотъ получаетъ пользу отъ одного пребыванія съ нимъ, а не только что отъ его бесѣдъ и примѣра. Онъ возгрѣваетъ тѣмъ въ себѣ любовь къ истинѣ и добродѣтели, научается, какъ освободиться отъ тьмы грѣховной, воспринимаетъ желаніе созерцать свѣтъ вѣчный; въ немъ уже не найдешь равнодушія или холодности къ вещамъ Божественнымъ.“

Стихъ шестьдесятъ четвертый.

Милости Твоея, Господи, исполнь земля: оправданіемъ Твоимъ научи мя.

И подвиги, которые несетъ самъ въ себѣ ревнитель добра, и помощь, какую получаетъ онъ отъ общенія съ людьми богобоязненными,—сами по себѣ только человѣческія орудія, и дѣйственны только въ мѣру силъ человѣческихъ. Если они являются мощными къ преодолѣнію зла, то потому, что Господу угодно бываетъ приложить къ нимъ Свою силу. Привлекая благодать Божію, они разсѣиваютъ зло и укрѣпляютъ въ добрѣ. Потому-то, при всѣхъ ихъ, внимательная вѣра не останавливается на нихъ, но, минуя ихъ, восходитъ горѣ и, при всѣхъ трудахъ своихъ и при всемъ пособіи отъ другихъ, ожидаетъ помощи *оттуда*. Вотъ это самое и выражаетъ Пророкъ въ словахъ: *оправданіемъ Твоимъ научи мя*. И я, говоритъ, обучаю себя въ подвигахъ душевныхъ и тѣлесныхъ, и другіе меня учатъ и словомъ и примѣромъ,—но и то и другое мало надежно и мало успѣшно. Ты Самъ, Господи,

научи меня всему, и укажи, что нужно дѣлать, и дай умѣнье, какъ дѣлать, и силу къ тому подай. Какъ мастеръ, который беретъ къ себѣ неуча и, обучивъ его, потомъ пускаетъ отъ себя полнымъ знатокомъ своего мастерства, настоящимъ мастеромъ.—такъ, и Ты, Господи, возьми меня и обучи мастерству добродѣланія и угожденія Тебѣ Единому. Вотъ о чемъ проситъ Пророкъ! Надежду же свою на умоленіе Господа и на полученіе просимаго основываетъ на одной благости Божіей. Вся земля, говоритъ, исполнена милости Твоей, Господи,—я ли одинъ буду обдѣленъ ею? Уповаю, Господи, что не лишишь Ты и меня милости Твоей. Не богатства прошу себѣ, не чести и славы, а ищу только, — научи меня, какъ благоугождать Тебѣ, вѣрно исполняя всѣ заповѣди Твои. Если ты питаешь и неразумное животное, то усомнюсь ли я, что напитаешь и душу мою, созданную Тобою по образу и по подобію Твоему? *Милости Твоея, Господи, исполнь земля: оправданіемъ Твоимъ научи мя.*

Въ дѣлѣ преспѣянія духовнаго это ненадѣяніе на себя и на другихъ, и чаяніе истинной помощи только отъ Господа есть расположеніе первой важности. Приступающій работать Господу обыкновенно много загадываетъ дѣлать самъ, и дѣлаетъ; но это дѣланіе не простирается далѣе обученія себя внѣшнимъ порядкамъ благочестивой жизни, и много-много если на удержаніе грѣховныхъ въ душѣ движеній, на столько, впрочемъ, чтобъ они не проторгались въ слово и дѣло, какъ, напримѣръ, гнѣвъ. Но надо еще насадить добродѣтели въ сердцѣ, а для этого исторгнуть оттуда страсти; надо поставить умъ предъ Господа и всегда пребывать съ Нимъ; надо стать и душевно и тѣлесно во всемъ святымъ и непорочнымъ, какъ подобаетъ готовящемуся получить царство небесное, куда не войдетъ ничто нечистое. Кто же введетъ все это въ душу? Никто, какъ Господь благодатію Своею! Усердно начав-

шій работать Господу скоро самъ научается опытно, что самъ собою онъ ни къ чему недоволенъ. Дальнѣйшіе опыты утверждаютъ его болѣе и болѣе въ этомъ убѣжденіи, и дѣло кончается совершенною преданностію себя и всей участи своей въ волю Божію, съ воплемъ сердечнымъ: *ими же вѣси судьбами, спаси мя!* Такой же смыслъ имѣютъ и слова Пророка.

Опытные въ такомъ дѣланіи говорятъ: когда страсть возбуждается и помыслы смущаютъ душу, — не борись самъ, а зови Господа на помощь, и Онъ защититъ тебя. Такъ это и бываетъ. Но какъ въ одномъ случаѣ, такъ и въ другомъ, и во всякомъ; какъ въ одинъ день, такъ и во всѣ, всегда и во всемъ ищи защиты у Господа, и Онъ не дастъ тебя въ обиду врагамъ. Такъ и идетъ борьба со страстьми. А добродѣтели какъ вкореняются? Я, говоритъ апостолъ *насадилъ, Аполлосъ напоилъ, а возрастилъ Богъ* (1 Кор. 3, 6). Такъ было у Коринѳянъ; такъ бываетъ и со всякимъ. *Безъ Мене,* говоритъ Господь, *не можете творити ничесоже* (Ін. 15, 5). Стало быть, нечего и браться. Становись, и взывай: *оправданіемъ Твоимъ научи мя, Господи.*

Св. Амвросій пишетъ: „Пророкъ того ради желаетъ быть отъ самаго Господа наученъ оправданіямъ Божіимъ, что на землѣ трудно найти такого учителя, который ухитрился бы научать тому, чего самъ не вѣдаетъ. Потому-то онъ внутреннимъ желаніемъ устремляется къ Тому учителю, Который одинъ есть истинный учитель; да и какъ человѣкъ можетъ учить чему либо истинному, когда самъ онъ ложь? И праведно Господь не велѣлъ кого либо на землѣ нарицать своимъ учителемъ, потому что настоящій учитель одинъ для всѣхъ. И какъ Давидъ могъ бы другаго искать учителя, когда самъ сказалъ о Богѣ: *учай человѣка разуму?* (Пс. 93, 10)? Учитъ же Богъ и души просвѣщаетъ, вливая въ нихъ свѣтъ вѣдѣ-

нія, когда ищутъ его и отверзаютъ уста сердца своего для принятія свѣтлости небесной благодати. *Ищите и обрящете* (Мѳ. 7, 7); толцы и въ дверь Писанія, и отверзется тебѣ,—но опять не инымъ кѣмъ, какъ Богомъ—Словомъ, о Которомъ читаешь ты въ Апокалипсисѣ, что Онъ, яко Агнецъ, отверзъ книгу, запечатлѣнную печатями."

ДЕВЯТОЕ ОСМИСТИШІЕ.

Девятое осмистишіе идетъ подъ буквою Тетъ—бреніе.

Бреніе, грязь есть, между прочимъ, и уничижительное слово; такъ мы говоримъ иногда: съ грязью смѣшать. Но есть и цѣлительныя грязи; и Господь, сотворивъ бреніе отъ плюновенія, помазалъ очи слѣпому и исцѣлилъ его. Бреніе въ рукахъ скудельника даетъ въ производствѣ разныя издѣлія, годныя на всякую потребу. Какую же мысль принять въ руководство при размышленіи о семъ осмистишіи? Можно взять и мысль о бреніи, какъ о цѣлительной грязи, и видѣть въ этомъ мѣстѣ указаніе того, какія цѣлительныя средства употребляетъ Господь для уврачеванія душъ, недугующихъ грѣхами; можно взять мысль о бреніи, какъ о матеріалѣ, изъ котораго скудельникъ выдѣлываетъ разные сосуды, и видѣть въ этомъ мѣстѣ то, какимъ образомъ Господь, взявъ души, какъ бреніе, дѣлаетъ изъ нихъ сосуды въ честь. Обѣ мысли прилагаются удобно; но чтобы не путаться въ наведеніяхъ, беремъ одну послѣднюю. Въ подобномъ значеніи слово—бреніе, употреблено и апостоломъ Павломъ: *или не имать власти скудельникъ на бреніи, отъ тогожде смѣшенія сотворити овъ убо сосудъ въ честь, овъ же не въ честь?* (Рим. 9, 21). Какъ скудельникъ дѣлаетъ сосуды, подвергая бреніе разнымъ операціямъ; такъ и Господь образуетъ душу, подвергая ее разнымъ воздѣйствіямъ, внутреннимъ и внѣшнимъ. Эти образова-

тельныя въ рукахъ Господнихъ средства суть духовныя—благодать и слово Божіе (ст. 65, 66) и внѣшнія, по Божію устроенію.—жизнь скорбная или счастливая (ст. 67, 68). и по Божію попущенію, нападки людей небогобоязненныхъ (ст. 69, 70). Указавъ это, Пророкъ какъ бы сводитъ итогъ образовательныхъ Божественныхъ дѣйствій. и обозначаетъ. сколь успѣшно это дѣйствіе (ст. 71, 72). Онъ говоритъ все о себѣ; но надо полагать, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ онъ разумѣетъ и особыя лица. На себя же все сводитъ для того, чтобы читающій. понявъ что къ нему относится. тѣмъ же оборотомъ рѣчи слово Пророка могъ относить и къ себѣ. Осмистишіе это, очевидно. состоитъ въ прямой связи съ предыдущимъ. Тамъ онъ показалъ, какъ грѣшникъ, все болѣе и болѣе вырываясь изъ узъ грѣха, наконецъ. предаетъ себя всецѣло въ руки Господа: а здѣсь показываетъ. какъ Господь относится къ такой душѣ, взявъ ее, какъ бреніе. Пророкъ коротко коснулся духовнаго воздѣйствія на душу, а раскрываетъ больше то. какъ *Господь внѣшнею участію прибѣгающихъ къ Нему способствуетъ ихъ внутреннему преуспѣянію.* Такъ можно и выразить смыслъ этого осмистишія.

Стихъ шестьдесятъ пятый.

Благость сотворилъ еси съ рабомъ Твоимъ, Господи, по словеси Твоему.

Кому прилично такое слово? Обращенному благодатію Божіею отъ грѣха къ добродѣтели. Въ его лицѣ и говоритъ Пророкъ: „извѣдалъ я опытомъ благость Твою.“— „Наставленному въ Божественныхъ заповѣдяхъ, говоритъ св. Аѳанасій, преподается урокъ быть не безчувственнымъ къ благодѣяніямъ Божіимъ, такъ какъ онъ не освободился бы отъ грѣха и не былъ бы сопричисленъ

къ рабамъ Господнимъ, еслибы не была тому виною Божественная нѣкая благодать. Таковъ былъ св. Павелъ, который никогда не забывалъ великой милости Божіей, явленной ему въ его обращеніи къ вѣрѣ во Христа, и который не пропускалъ ни одного случая прославлять благодать Божію, просвѣтившую и хранящую его. Таковы и всѣ надлежащимъ образомъ пользующіеся таковою благодатію, ибо непамятованіе о семъ означало бы, что они изпали отъ нея."

Кто идетъ путемъ погибельнымъ, тотъ самъ вступаетъ на этотъ путь; никто не виноватъ тутъ, кромѣ его самого. По нашему, и пусть бы шелъ; но благость Божія не можетъ сносить того, что украшенный образомъ Божіимъ безобразитъ его чрезъ грѣхъ и чрезъ сообщество съ врагами Божіими; потому Онъ разными способами открываетъ себѣ входъ въ душу его, чтобы внушить ей опасность такого пути и дать возчувствовать ее: то внутренно воздѣйствуетъ Онъ чрезъ умъ и совѣсть, то внѣшно, чрезъ слово Свое, чрезъ дивныя дѣла Своего промышленія, чрезъ примѣры людей богобоязненныхъ и чрезъ многообразное сплетеніе вразумляющихъ обстоятельствъ жизни. Всѣмъ этимъ останавливается грѣшникъ на пути своемъ и погружается въ раздумье. Но и тутъ, когда начнетъ раздумывать, благодать Божія блюдетъ возникающія добрыя намѣренія, и даетъ имъ перевѣсъ. Затѣмъ, когда выскажетъ человѣкъ рѣшеніе: *часть моя еси, Господи: рѣхъ сохранити законъ Твой* (ст. 57), — она воодушевляетъ его и преисполняетъ силою привесть въ исполненіе такое рѣшеніе. Когда начавшій дѣйствовать въ этомъ новомъ порядкѣ жизни обратится вспять, и припомнитъ, какъ все устроилось, то ничего не можетъ сказать, кромѣ того, что *благость сотворилъ еси, Господи, съ рабомъ Твоимъ;* погибать бы мнѣ, но вотъ благодать Твоя пробудила меня отъ безпечности, просвѣтила слѣ-

поту мою. и извела меня изъ *рова страстей и изъ бренія тины грѣховной* (Пс. 39, 3). Слава долготерпѣнію Твоему, Господи, не погубившему меня во время грѣховнаго моего безобразія! Слава милосердію Твоему, призвавшему меня на путь добродѣтели и научающему меня по силамъ моимъ угождать Тебѣ! Слава благоснисхожденію Твоему, несмотря на малость усердія моего, не бросающему меня и не дающему врагамъ моимъ снова возобладать мною! *Благость сотворилъ еси съ рабомъ Твоимъ!* Я не былъ рабомъ, или былъ и тогда рабомъ по долгу, но бѣжалъ отъ лица Твоего по своеволію, и ходилъ въ воляхъ своихъ, свергнувъ благое иго Твое, и совсѣмъ забывъ о подработности Тебѣ. Но отъ лица Твоего куда убѣжишь?! Только врагъ до того ослѣпляетъ насъ, что намъ думается, будто не видитъ Богъ; око же Твое все видитъ. Видѣло оно и меня на распутіяхъ моихъ, и во всѣхъ непотребствахъ моихъ; но не погнушалось снова возвратить меня на путь правый, и изъ непотребнаго раба сдѣлать потребнымъ, хоть сколько нибудь начавшимъ угождать Тебѣ, и хоть малое что дѣлающимъ въ дому Твоемъ по волѣ Твоей. *Благость сотворилъ Ты, Господи, со мною*, сотворивъ меня снова рабомъ Твоимъ!

Благость сотворилъ еси, Господи, со мною по словеси Твоему. Какое же это слово? *Живу Азъ*, глаголетъ Господь, *не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися нечестивому отъ пути своего, и живу быти ему* (Іез. 33, 11). И то уже благость, что есть такое обѣтованіе, ибо грѣшникъ, пока грѣшитъ, дерзости его и самонадѣянности предѣла нѣтъ; а когда бываетъ пойманъ законнымъ-Владыкою своимъ, и глазъ къ Нему не смѣетъ показать. Не будь такого сильнаго обѣтованія, врагъ всѣхъ успѣвалъ бы ввергать въ отчаяніе. Только на него опираясь, наперекоръ страшливости своей, приступаетъ грѣшникъ къ Господу. Къ успокоительной же благонадежности восхо-

дитъ уже послѣ того, какъ удостоится милостивой встрѣчи и пріятія отъ Отца Своего небеснаго. Воспоминая это, Пророкъ и исповѣдуетъ, что точно Господь сотворилъ благость съ рабомъ Своимъ по словеси Своему, совершенно такъ, какъ обѣтовалъ, вполнѣ согласно съ тѣмъ.

Стихъ шестьдесятъ шестой.

Благости и наказанію и разуму научи мя, яко заповѣдемъ Твоимъ вѣровахъ.

Ты позвалъ меня отъ грѣха на путь заповѣдей Твоихъ; я увѣровалъ, что дѣйствительно нѣтъ другаго пути, кромѣ пути заповѣдей Твоихъ, и вступилъ на него. Дополни же дѣло благости Своей, научи меня какъ идти симъ путемъ, чтобы шествіе мое было благоугодно Тебѣ: *благости и наказанію и разуму научи мя*,—„благости, объясняетъ Зигабенъ, то есть, любви къ братіямъ моимъ, — наказанію, то есть, искусству въ дѣятельной добродѣтели (благоразумію),—разуму, то есть, вѣдѣнію Божественныхъ вещей или совершенству созерцательному. Научи меня такъ, чтобы я обладалъ этими качествами.“

Въ первомъ стихѣ сказано о принятіи покаявшагося въ школу Божію; здѣсь же представляется программа образованія. Всѣ показанные предметы указаны въ словѣ Божіемъ: изучай это слово и узнаешь ихъ. Но Пророкъ ищетъ отъ Господа наученія, потому что обученіе себя словомъ Откровенія есть только внѣшняя наука; созиданіе же и образованіе внутренняго человѣка совершается, подъ дѣйствіемъ слова, невидимою благодатію Божіею; потому онъ и молится: Самъ, Господи, приди и привей къ душѣ моей эти качества, чтобы, дѣйствуя по нимъ, я дѣйствовалъ не какъ по уставу написанному, а

самъ изъ себя, словно мнѣ и свойственно было такъ дѣйствовать.

Научи: я готовъ все слушать и все дѣлать, какъ внушишь.—только научи; такъ какъ я знаю, что ничему не научишься, если не станешь учиться; но знаю опять и то, что нельзя научиться, если не учатъ. „Можетъ быть, толкуетъ это мѣсто блаж. Августинъ, я окажусь и непонятливымъ въ чемъ либо; но Ты, какъ нѣкогда ученикамъ Своимъ отверзъ умъ разумѣти Писанія, отверзи и мой умъ. Можетъ быть, и пойму иное, но не буду умѣть дѣлать, такъ Ты научи меня *творити волю Твою* (Пс. 142, 10). Можетъ быть, будетъ и умѣнье дѣлать, но не будетъ доставать усердія къ дѣланію; такъ вдохни же Ты въ меня благую любовь, источникъ усердія на всякое добро, чтобы земля сердца моего всегда износила благой плодъ въ угодность Тебѣ. *Се душа моя, яко земля жаждущая* (Пс. 142, 6), жаждетъ поученія Твоего".

Научи меня *благости.* „Молится, продолжаетъ блаж. Августинъ, чтобы Богъ вдохнулъ любовь къ добру, сладкую, охотную, или, говоря прямѣе, да даруется отъ Бога любовь къ Богу, и ради Бога любовь къ ближнему." Этимъ желается созиданіе внутри всего нравственно-религіознаго строя, угоднаго Богу. Это верхъ обученія Божія. Въ комъ водворится любовь, того уже нечему учить. Она сама далѣе все подѣлаетъ.

Научи *наказанію.* Люди не наказанные, значитъ, неразумные люди. Стало быть, наказаніе есть разумность дѣйствованія, или умѣнье надлежащимъ образомъ дѣйствовать, мудрость практическая. Она опредѣляетъ мѣсто, время, средства, соотвѣтствіе лицамъ и всѣмъ другимъ соприкосновенностямъ дѣлъ, чтобы всякое дѣло являлось прекраснымъ, какъ прекрасное издѣліе искуснаго художника. Любовь—духъ жизни, наказаніе—внѣшнее ея благообразіе.

Научи *разуму*, то есть, вѣдѣнію таинствъ вѣры. Какъ взошедшее солнце освѣщаетъ все на землѣ и всю атмосферу дѣлаетъ свѣтлою, такъ и вѣдѣніе Божественнаго освѣщаетъ всю область ума, и все сущее и бывающее дѣлаетъ ясно свѣтлымъ. Свѣтлость даетъ вкусить радость жизни, прогоняетъ сонъ и поднимаетъ на дѣло и дѣланіе. Освѣщенные предметы сами манятъ къ себѣ и сами же даютъ понять, съ какой стороны подойти къ нимъ. Отъ того все видящій свѣтло не можетъ быть недѣятельнымъ. Умственная же темнота, напротивъ, подсѣкаетъ энергію, и если она подвигается натуральнымъ побужденіемъ, то дѣйствуетъ тогда, какъ нѣчто пришлое. Свѣтъ вѣдѣнія въ жизни такъ много значитъ, что безъ него жизнь не можетъ быть успѣшною. Потому-то хоть это поученіе стоитъ и позади другихъ, но на дѣлѣ оно всегда впереди.

Указанное здѣсь обученіе происходитъ духовнымъ образомъ. Оно почерпается изъ слова Божія, прививается Божіею благодатію къ сердцу того, кто все познанное обращаетъ и въ дѣло. Основа же обученія—вѣра. Если ученикъ не вѣритъ учителю, то и азбукѣ не выучится. Тѣмъ болѣе духовной жизни нельзя научиться, если приступишь къ этому не съ полною вѣрою, что это заповѣди Божіи, что они ведутъ къ Богу, дѣлаютъ благоугоднымъ Ему и прямымъ путемъ приводятъ къ наслѣдію вѣчнаго блаженства. Только неколеблющаяся вѣра во все это поддерживаетъ усердіе къ обученію и даетъ крѣпость и силу довести его до конца.

Стихъ шестьдесятъ седьмой.

Прежде даже не смиритимися, азъ прегрѣшихъ: сего ради слово Твое сохранихъ.

Съ этого стиха и далѣе изображается Божіе обученіе

со внѣшней стороны. Тутъ говорится объ обученіи чрезъ скорби, бѣды и лишенія; въ слѣдующемъ же стихѣ—чрезъ счастливое теченіе жизни. „Здѣсь, какъ объясняетъ Зигабенъ, говоритъ Пророкъ: прежде, чѣмъ подвергся я злостраданіямъ, грѣшилъ; но, нагрѣшивъ, привлекъ наказаніе и смиренъ имъ. Будучи же вразумленъ этимъ, я образумился, и началъ хранить законъ Твой, и храню, чтобы, согрѣшивъ, опять не подвергнуться смирительному наказанію.“

Св. Аѳанасій пишетъ: „будучи преданъ бѣдамъ за прежніе, мною содѣянные, грѣхи, доведенъ я до смиренія, претерпѣвъ это по праведному суду Божію. Посему-то, подвергшись врачеванію, прошу научить меня и привести въ познаніе, что смиреніе, до котораго доведенъ я, служитъ къ пользѣ и къ вразумленію моему.“

Вотъ слово и блаж. Ѳеодорита: „Самъ я, говоритъ Пророкъ, навлекъ на себя наказаніе; въ опредѣленіи о моемъ наказаніи нѣтъ ни малѣйшей несправедливости; за грѣхомъ послѣдовало наказаніе, за наказаніемъ храненіе законовъ. Былъ я болѣнъ, потерпѣлъ отъ врача сѣченіе, и сталъ здоровъ.“

„Видѣ благость Божію въ непощаденіи, взываетъ св. Амвросій. Наказываніе есть признакъ любви, а не отверженія. Благъ Господь во всемъ, и когда прощаетъ кающагося, и когда наказываетъ грѣшнаго: *его же бо любитъ Господь наказуетъ* (Евр. 12, 6). Пророкъ говоритъ какъ бы такъ: наказаніе на время казалось мнѣ горькимъ, но оно принесло благой плодъ,—воззвало меня отъ грѣха: *наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя* (Пс. 117, 18). Отсюда всякому, кого смирятъ обстоятельства, вотъ какой урокъ: „не стыдись сознать вину свою и исправиться, и за тѣмъ блюдись, чтобы не согрѣшить опять.“

Пророкъ указываетъ только на то, какъ скорби и лишенія обращаютъ на путь добродѣтели. Опыты того, что такъ дѣйствительно бываетъ, повсюдны. Но они же, въ

рукахъ спасающаго насъ Промысла Божія, служатъ иногда вѣрнымъ, а нерѣдко и исключительнымъ средствомъ и къ тому, чтобы держать на этомъ пути и возводить исправляющагося къ возможному совершенству. Пророкъ и не говоритъ, чтобы смирившія его обстоятельства измѣнились, когда онъ началъ хранить слово Божіе, а только указываетъ, какую произвели они въ немъ перемѣну. Для иного путь тѣсный и прискорбный есть самый надежный стражъ добродѣтели, да можетъ быть, и для большей части изъ насъ. Не даромъ же ревнители нравственнаго совершенства, по зрѣломъ обсужденіи дѣла, находятъ, что гораздо лучше, оставя все, вести жизнь среди прискорбныхъ лишеній. Если человѣческое благоразуміе такъ находитъ, то не тѣмъ ли болѣе Божественная премудрость? Или не потому ли человѣческая мудрость такъ поступаетъ, что слѣдуетъ внушеніямъ Божіимъ, или примѣрамъ Божескихъ распоряженій въ устроеніи участи усердно работающихъ Ему?

Послушаемъ на этотъ предметъ наставленіе св. Павла: *Сынъ мой! не пренебрегай наказанія Господня, и не унывай, когда Онъ обличаетъ тебя. Ибо Господь, кого любитъ, того наказуетъ: бьетъ же всякаго сына, котораго принимаетъ. Если вы терпите наказаніе, то Богъ поступаетъ съ вами, какъ съ сынами; ибо есть ли какой сынъ, котораго бы не наказывалъ отецъ? Если же остаетесь безъ наказанія, которое всѣмъ обще, то вы незаконныя дѣти, а не сыны. При томъ, если мы, будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боимся ихъ, то не гораздо ли болѣе должны покоряться Отцу духовъ, чтобы жить? Тѣ наказывали насъ по своему произволу для немногихъ дней, а Сей для пользы, чтобы намъ имѣть участіе въ святости Его. Всякое наказаніе въ настоящее время кажется не радостію, а печалію; но послѣ наученнымъ чрезъ него доставляетъ мирный*

плодъ праведности. И такъ, укрѣпитесь опустившіяся руки и ослабѣвшія колѣна, и ходите прямо ногами вашими, дабы хромлющее не сокрушилось, а лучше исправилось (Евр. 12, 5—13).

Стихъ шестьдесятъ осьмой.

Благъ еси Ты, Господи: и благостію Твоею научи мя оправданіемъ Твоимъ.

Для одного скорби вразумительны, а другаго они могутъ ожесточить. Такого скорѣе образумитъ неожиданное счастіе, чѣмъ какія либо потери. Вотъ такого то человѣка и беретъ здѣсь Пророкъ, и какъ бы опасаясь, чтобы скоро не послѣдовалъ ударъ свыше, молится: не наказывай, но, яко Благій, благостію Твоею научи меня!

И въ медицинѣ не всѣ лѣкарства горьки, и не всѣ пластыри рвутъ или жгутъ: есть лѣкарства сладкія, есть пластыри, пріятно дѣйствующіе. Хорошій врачъ, когда видитъ, что, безъ ущерба леченію, можетъ пользовать безъ боли, всегда избираетъ послѣднее и самъ по себѣ, а тѣмъ болѣе, когда о томъ его просятъ. Не тѣмъ ли болѣе поступитъ такъ сердобольный Отецъ нашъ небесный, Который лучше всѣхъ видитъ, что кому благопотребно? „Посмотри на врача, говоритъ св. Амвросій, то горькія употребляетъ онъ лѣкарства, рѣзанія и прижиганія, то пріятныя и не производящія ничего болѣзненнаго. Но когда больной, по своему темпераменту, не можетъ сносить болѣзненнаго лѣченія, то долгъ врача избѣгать горькихъ медикаментовъ, или такъ составлять ихъ, чтобы горькое было скрываемо въ пріятномъ. Такъ дѣйствуетъ и Господь на насъ, врачуя наши нравственныя немощи.“

Насъ часто смущаетъ вопросъ: отъ чего неравна участь людей? Никто еще не умудрился объяснить этого до осязательной очевидности въ частностяхъ. Но общій законъ

промышленія Божія въ этомъ отношеніи ясно открытъ въ словѣ Божіемъ, и притомъ самый утѣшительный. Богатство и бѣдность, слава и безвѣстность, преобладающее господство и смиренное послушаніе, и все прочее, чѣмъ испещренъ бытъ человѣческій на землѣ, суть въ рукахъ Божіихъ нраво-образовательныя средства. Что кому лучше идетъ въ этомъ отношеніи, то ему и подается. Лучше свѣтлый бытъ,—подается свѣтлый; лучше низкій,—подается низкій; лучше средній,—средній и дается. И никакъ нельзя вступить въ споръ: вонъ тому какъ хорошо, а онъ, между тѣмъ, вовсе не такъ-то исправенъ. А почему ты знаешь,—можетъ быть, если умалить его благосостояніе, онъ станетъ еще хуже? Равно нельзя говорить: вотъ еслибъ тому-то посчастливилось, сколько бы было отъ него добра! А знаешь ли, что если улучшится его состояніе, онъ самъ станетъ лучше? Всякому дана такая участь, въ которой одной онъ и можетъ дѣлать наибольшую сумму добра. При другой участи, онъ не можетъ столько дѣлать; а измѣнить ее на худшее или на лучшее, значитъ ввергнуть его въ зло существенное. Цѣль бытія нашего на землѣ—нравственное совершенство, для должнаго приготовленія себя къ вѣчности. Все сюда и направлено Господомъ. Полная разгадка разнообразія участей нашихъ будетъ тамъ Тамъ всѣ увидятъ, какъ все хорошо было устроено; а здѣсь мы живемъ пока во тьмѣ. Разумнѣе всѣхъ тотъ, кто, всецѣло предавъ участь свою и всѣхъ людей въ руки Господу, держитъ себя спокойнымъ въ отношеніи ея неравностей.

Есть сказаніе, какъ одинъ жилъ трудами рукъ своихъ, и все, что вырабатывалъ, раздавалъ бѣднымъ, удерживая на свою долю лишь столько, сколько нужно на прожитіе; на утро ничего не сберегалось. Кто-то изъ богоугодныхъ людей, видя, какъ онъ благотворитъ, подумалъ: что еслибъ ему достатокъ, сколько бы надѣлалъ онъ добра!—и сталъ молиться, чтобы Богъ послалъ ему довольство.

Послалъ Богъ; но тотъ, сдѣлавшись богатымъ, не только не сталъ помогать бѣднымъ, но и гналъ ихъ отъ себя съ ожесточеніемъ. Увидѣвъ это, онъ опять помолился, чтобы Господь лучше возвратилъ его въ прежнее труженическое житье. Господь и возвратилъ, и тотъ опять началъ жить по прежнему, дѣлясь тѣмъ, что добывалъ, съ бѣдными. Въ этомъ же родѣ были бы и всѣ другія поправки участей людскихъ, какія мы придумываемъ иногда съ нашимъ благоразумiемъ и правосудiемъ.

Тоже и относительно измѣненій въ участяхъ: иному лучше постоянно ровное состояніе, иному то повышеніе его, то пониженіе, а иному однократное измѣненіе изъ лучшаго въ худшее, или изъ худшаго въ лучшее. Іовъ то въ высшей степени счастливъ, то крайне несчастливъ, то опять счастливъ; Авраамъ всю жизнь живетъ въ полномъ довольствѣ; Іосифъ изъ раба дѣлается правителемъ цѣлаго царства; Саулъ бѣдственно кончаетъ жизнь, и для всего рода своего полагаетъ конецъ царскому величію.

Такъ дѣйствуетъ Господь не потому, что имѣетъ власть и силу измѣнять участи людей, а потому, что такъ дѣйствовать лучше всего для нихъ самихъ, для ихъ послѣднихъ цѣлей. А такъ какъ и счастіемъ ведетъ Господь къ добру, то очень умѣстна и молитва: *благостію Твоею, Господи, научи мя оправданіемъ Твоимъ.*

Стихъ шестьдесятъ девятый.

Умножися на мя неправда гордыхъ: азъ же всѣмъ сердцемъ моимъ испытаю заповѣди Твоя.

Стихъ этотъ и слѣдующій показываютъ, какъ способствуютъ совершенству нравственному людскія напраслины. Въ рукахъ Божіихъ и онѣ обращаются въ орудія для образованія человѣка и обученія его добру.

Спаситель сказалъ св. апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и

всѣмъ вѣрнымъ, что Онъ изъемлетъ ихъ изъ міра, и что за это будетъ ненавидѣть ихъ міръ. Еслибы, говоритъ Онъ, вы отъ міра были, то міръ любилъ бы васъ, какъ свои исчадія; нынѣ же, поелику Я изъялъ васъ изъ міра, то міръ васъ не перестанетъ ненавидѣть. Такъ это всегда и бываетъ: входитъ ли въ соприкосновеніе съ людьми вѣка сего ревнитель о богоугожденіи, или нѣтъ.—одна извѣстность о томъ, что онъ таковъ, отвращаетъ отъ него живущихъ въ самоугодіи. И это понятно: онъ обличаетъ ихъ собою. Они не могутъ отрицать, что и сами должны бы быть такими же, какъ и онъ; но терпѣть не могутъ, когда напоминаютъ имъ о томъ. Да и онъ хоть ничего не говоритъ имъ, но мысль о немъ, а тѣмъ болѣе присутствіе его растревоживаетъ ихъ совѣсть, которая начинаетъ ихъ точить; значитъ, онъ и виноватъ. Безъ встрѣчъ непріязнь къ нему глухо ходитъ по сердцу; но при первой встрѣчѣ обнаруживается недоброхотствомъ и желаніемъ мѣшать во всемъ и вредить ему; желанія обращаются въ дѣла, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Безъ вины виноватый богобоязненный человѣкъ со всѣхъ сторонъ осыпается укорами, напраслинами, обидами, оскорбленіями. Не можетъ этого онъ не видѣть, и хоть благодушно терпитъ, но передъ Богомъ праведно свидѣтельствуетъ, что умножилась на него, и все болѣе и болѣе умножается неправда людская.

Умножися. Пророкъ не жалуется, а только свидѣтельствуетъ о томъ съ тѣмъ, чтобы сказать: они свое, а я свое. „Чѣмъ усерднѣе кто работаетъ Господу, говоритъ св. Амвросій, тѣмъ болѣе возбуждаетъ къ себѣ враговъ, какъ тотъ мужественный борецъ, который вызываетъ противъ себя множайшихъ соперниковъ, чтобъ, одолѣвъ ихъ, стяжать свѣтлѣйшій вѣнецъ правды.“

Неправда. То-то и воодушевительно, что неправда. Что вы терпите скорби, говоритъ св. Петръ, объ этомъ

не тужите много. Объ одномъ только заботьтесь, чтобъ это не было по вашей какой-либо винѣ. Если же страдаете только за то, что ревностно служите истинному Богу, то радуйтесь. *Аще укоряеми бываете о имени Христовѣ, блажени есте: яко славы и Божій Духъ на васъ почиваетъ. Понеже пріобщаетеся Христовымъ страстемъ, радуйтеся, яко да и въ явленіе славы Его возрадуетеся веселящеся* (1 Петр. 4. 13. 14).

Гордыхъ. Пророкъ называетъ гордыми вообще живущихъ въ богозабвеніи, не хотящихъ знать заповѣдей Божіихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильныхъ земли, держащихъ въ рукахъ своихъ какую-либо власть, или знатныхъ и богатыхъ. И въ обыкновенныхъ грѣшникахъ, при плохой внѣшней ихъ обстановкѣ, гордость есть главная причина грѣха, а тѣмъ болѣе у такихъ, которые почему либо выше другихъ. Зазнается человѣкъ, и забываетъ Бога, и начинаетъ презирать законъ Его. За тѣмъ, уже нелюбы ему и всѣ люди богобоязненные и строгіе исполнители заповѣдей Божіихъ. Но какъ бы они ни злились, а я *всѣмъ сердцемъ испытаю заповѣди Твоя.* „Какъ бы ни множилась неправда, изъясняетъ блаж. Августинъ, любовь моя къ заповѣдямъ Твоимъ не изсякнетъ. Такъ говоритъ тотъ, кто въ сладость поучается въ оправданіяхъ Божіихъ. Сладки ему заповѣди Божіи, и онъ изслѣдуетъ ихъ съ любовію, чтобы познанное дѣлать и дѣлая познавать; потому что познанное совершеннѣе познается, когда исполняется дѣломъ.“

Испытаю,—буду изслѣдовать и углубляться въ значеніе Твоихъ заповѣдей, чтобы понять ихъ во всей широтѣ воли Твоей, выраженной въ нихъ, не обсѣкая ихъ и не сокращая, потому только, что встрѣчаю препятствія, и что это противно сынамъ вѣка. Какъ познаю, такъ и исполнять буду, то есть, буду показывать опыты исполненія заповѣдей Твоихъ въ совершенствѣ, предъ лицемъ

враговъ Твоихъ и всякой правды, ненавидящихъ и меня. На то себя опредѣляю, чтобъ быть всегда вѣрнымъ заповѣдямъ Твоимъ, не принимая въ разсчетъ противодѣйствія тому гордыхъ; даже учиться у нихъ буду: ибо то должно быть и есть настоящая воля Твоя, противъ чего они болѣе возстаютъ. И буду еще учиться изъ того, что стану придумывать, какъ бы, несмотря на ихъ противленіе, всегда приводить въ исполненіе дѣла угодныя Тебѣ.

Стихъ семидесятый.

Усырися, яко млеко, сердце ихъ: азъ же закону Твоему поучихся.

Что вышло изъ умноженія неправды гордыми, и изъ вѣрности заповѣдямъ человѣка богобоязненнаго? У тѣхъ сердце ожестѣло или отолстѣло, а этотъ вполнѣ обучился закону Божію.

Усырися сердце, ожестѣло какъ сыръ. Молоко, сгустившись и ожестѣвши, становится сыромъ: такъ и сердце гордыхъ, по природѣ мягкое, жестѣетъ отъ неправды. „До того простерли гордость, говоритъ св. Аѳанасій, что сердце въ нихъ стало, какъ сыръ.“ — „Это сходствуетъ, пишетъ Ѳеодоритъ, съ пророческимъ изреченіемъ: *одебелѣ бо сердце людей сихъ, и ушима своима тяжко слышаша, и очи смѣжиша* (Ис. 6, 10); сходствуетъ и съ тѣмъ, что въ книгѣ Исхода сказано о Фараонѣ: *ожесточися сердце Фараоново* (Исх. 8, 19). Посему Пророкъ и говоритъ: они имѣютъ сердце упорное, и сами претворили мягкость его въ грубость, подобно тому, какъ сгущаютъ и усыряютъ молоко; а я таялъ, поучаясь закону Твоему.“ Значеніе этого одно и тоже—упорное противленіе Богу и Божіимъ порядкамъ: *уты, утолстѣ, разширѣ, и забы Бога создавшаго его* (Втор. 32, 15). „Сердце святыхъ, говоритъ св. Аѳанасій, утончено, а сердце гордыхъ утолщено.“

Такъ бываетъ съ бѣднымъ сердцемъ человѣческимъ потому, что не въ ту сферу вводитъ его неправда, въ какой ему слѣдуетъ быть по естеству; вотъ оно и сжимается. „Молоко, пишетъ св. Амвросій, по природѣ своей, чисто, пріятно на видъ и подвижно; а когда портится, то закисаетъ. Такъ и сердце человѣческое, по природѣ, чисто, мягко, тепло; но когда примѣшается въ него порокъ, оно хладѣетъ, жестѣетъ и мрачится. Молоко, окисши, ссѣдается, и уже не имѣетъ свойственной ему пріятности; такъ и человѣкъ, пока не поврежденъ неправдою, бываетъ пріятенъ въ словахъ и въ обращеніи; но когда уклоняется въ неправду; измѣняется, ибо инымъ становится сердце его. Неправда сжимаетъ его и, вмѣсто пріятнаго доброхотства, оно исполняется горечью недоброжелательства. Такъ усыряется сердце гордостію и непріязнію, когда естественную его кротость, источающую доброту, повреждаютъ закваскою злобы и лукавства.“

Жестѣетъ сердце съ первыхъ опытовъ неправды, и потомъ все болѣе и болѣе ожестѣваетъ; конецъ этого — состояніе ожестѣнія. Въ противоположность сему у богобоязненнаго, подъ дѣйствіемъ неправдъ, созрѣваетъ обученность закону, подвижность на всякое добро и твердость въ доведеніи начинаемыхъ добрыхъ дѣлъ до конца. А такъ какъ онъ не по чувству только долга стоялъ въ добрѣ, но всѣмъ сердцемъ, по любви къ нему и наипаче къ Тому, Кто далъ законъ, то, чѣмъ больше онъ устаиваетъ въ немъ, не смотря на ожесточенное сопротивленіе тому, тѣмъ теплѣе согрѣвается сердце любовію, тѣмъ оно мягче, и человѣкъ сердечнѣе. Самъ онъ всегда теплъ и вокругъ себя распространяетъ теплоту.

Пророкъ говоритъ: *поучихся,* научился, узналъ, все обсудилъ, или дѣломъ изучилъ, и знаю твердо, содержа то въ сердцѣ. Что ни встрѣтилось бы мнѣ, нѣтъ нужды

ломать голову, чтобы усмотрѣть, какъ лучше поступить: само сердце мнѣ то скажетъ. Какъ изъ порочнаго сердца, по слову Господа, при разныхъ встрѣчахъ, исходятъ помышленія злыя: такъ и изъ сердца добраго исходятъ помышленія добрыя, указывающія, какое добро и какъ слѣдуетъ сдѣлать въ тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ. *Поучихся* — напоминаетъ слово апостола о чувствахъ, обученныхъ въ разсужденіи добра и зла. Такимъ образомъ, оправдывается самымъ дѣломъ то, что неправда гордыхъ, устремляемая, по попущенію Божію, на боящихся Бога и хранящихъ законъ Его, есть, по Его промыслительному устроенію, школа для обученія сихъ послѣднихъ въ добрѣ. И пророкъ, говоря, что научился, свидѣтельствуетъ, что цѣль обученія достигнута, что школа эта дѣйствительно доводитъ поступающихъ въ нее до того, что требуетъ изученія и для чего они вводятся въ нее.

Такъ-то въ жизни все зависитъ отъ того, съ какимъ духомъ встрѣчаютъ бывающія случайности. Ни одна изъ нихъ, по природѣ своей, не ведетъ къ злу: зло отъ произволенія. Что вреднаго для Іосифа сдѣлала жена Пентефріева? Ничего. Она только въ большемъ блескѣ явила его цѣломудріе; а другіе сами напрашиваются на грѣхъ. Будь твердъ; и внѣшніе случаи, могущіе ввести въ грѣхъ, не только не повредятъ тебѣ, а, напротивъ, послужатъ къ бо́льшему утвержденію тебя въ добрѣ. Одна устойчивость проложитъ дорогу къ другой, и такъ далѣе. Въ концѣ добудется стойкость въ добрѣ — не легкая, а любовная, сердечная, привлекающая.

Стихъ семьдесятъ первый.

Благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, яко да научуся оправданіемъ Твоимъ.

Какъ успѣшно окончившій курсъ въ какомъ-либо заведеніи изъявляетъ сердечную благодарность обучавшимъ его: такъ и Пророкъ, прошедши Божію школу нравственнаго обученія горестями жизни и напраслинами людскими, благодаритъ Бога, введшаго его въ этотъ скорбный путь обученія и проведшаго чрезъ него съ успѣхомъ. Когда говоритъ: *яко да научуся*, то указываетъ не цѣль Божію въ смиреніи его, а свидѣтельствуетъ о достиженіи ея. Мысль у него такая: ввелъ меня Господь въ эту школу, чтобы научить; я прошелъ этотъ курсъ, и теперь, слава Богу, наученъ; иначе не научиться бы мнѣ.

Св. Аѳанасій пишетъ: „Пророкъ какъ-бы такъ говоритъ: благодушествую въ немощахъ, въ оскорбленіяхъ, въ нуждахъ, въ гоненіяхъ, въ тѣснотахъ, только бы явиться достойнымъ оправданій Твоихъ, ища того, чему иначе и научиться невозможно.“

„Пророкъ, говоритъ Ѳеодоритъ, восписуетъ врачу благодарность за жестокія врачевства, дознавъ, что ими возвращено здоровье.“ Господь могъ бы обучить и не вводя въ лишенія и скорби; но того требуютъ правда и благость. Грѣшникъ кающійся и исправляющійся, то есть, обучающійся заповѣдямъ идетъ изъ области грѣха противоположно тому, какъ погружался въ нее. Возлюбивъ грѣхъ, набралъ онъ себѣ грѣховныхъ навыковъ и привязался ко множеству вещей, удовлетворяющихъ этимъ навыкамъ. Такія вещи цѣнны въ очахъ его. Господь снимаетъ съ нихъ эту призрачную цѣнность отнятіемъ ихъ, показывая дѣломъ, сколь они ничтожны и сколько грѣшатъ, дѣйствуя въ угожденіе людямъ. За это и отплачивается онъ, покаявшись, перенося благодушно напраслины отъ людей,—иногда даже отъ тѣхъ, которымъ прежде угождалъ. Лишенія и напраслины это очистительный путь.

Припомнимъ и тактику врага, который всюду встрѣ-

ваетъ и съ своимъ злоумышленіемъ. Пока у кающагося и исправляющагося еще не испарились сочувствія къ предметамъ страстей, до тѣхъ поръ онъ надѣется возвратить опять къ себѣ бѣжавшаго изъ его области, возбуждая злые помыслы и пожеланія. Но когда сочувствіе это изсякнетъ, и въ сердцѣ водворится трезвенность и чистота, тогда этотъ способъ соблазненія уже не подаетъ ему никакой надежды на успѣхъ. Онъ обращается къ другому: неуспѣлъ увлечь въ похоть,—ну такъ устрою дѣла такъ, чтобы увлечь его въ ненависть. Для этого онъ поднимаетъ противъ своего нелюба людей подручныхъ себѣ; и вотъ начинаютъ они осыпать его оскорбленіями, насмѣшками, обидами, притѣсненіями, гоненіями, всякими неправдами, даже сами не понимая иногда, для чего такъ дѣлаютъ. Но труженикъ, понимающій, откуда все это исходитъ и съ какою цѣлію, все терпитъ благодушно, и, какъ бы ни были чувствительны напраслины, всячески старается не впасть въ непріязнь къ кому-либо и не дать такимъ образомъ врагу восторжествовать надъ собою и не лишить его плода и всѣхъ прежнихъ трудовъ, подъятыхъ въ борьбѣ съ похотію. Самъ Господь, попускающій такія искушенія, помогаетъ ему устоять. Тогда врагъ перестаетъ бороть его и съ этой стороны, видя, что нападенія его готовятъ труженику только вѣнцы, а его злоумышленіямъ не пособствуютъ. Когда врагъ отстаетъ, тогда и людскія напраслины прекращаются: иные примиряются съ нимъ, иные оставляютъ его въ покоѣ, отстраняясь отъ него.

Такой ходъ дѣла повторяется всюду. Отъ того мы видимъ въ писаніяхъ отеческихъ указанія, что когда кто подвергается напраслинамъ отъ людей, то значитъ, что онъ возводится на высшую степень совершенства. Прошедшій эти испытанія является очищеннымъ, какъ золото въ горнилѣ, и сіяетъ свѣтлостію боголюбезнаго

нрава, смиреніемъ, сокрушеніемъ, кротостію, правотою, милостивостію, чистотою, миролюбіемъ и миротвореніемъ. Онъ есть одинъ изъ числа тѣхъ, о коихъ свидѣтельствуетъ св. апостолъ: *иже Христови суть, плоть распяша со страстьми и похотьми: на таковыхъ нѣсть закона* (Гал. 5, 23. 24); потому что онъ не совнѣ имъ предписывается, а является въ нихъ самихъ, водвореннымъ въ сердцѣ ихъ.

Стихъ семьдесятъ второй.

Благъ мнѣ законъ устъ Твоихъ, паче тысящъ злата и сребра.

Это и есть то совершенство, съ которымъ труженикъ исходитъ изъ горнила искушеній, какъ указано передъ симъ. Благъ ему законъ, потому что онъ весь имъ проникнутъ; ни мысль—движенія, ни желаніе—стремленія, ни сердце—сладости внѣ закона не имѣютъ, а все въ немъ вращаются. Умъ находитъ въ немъ удовлетворительное рѣшеніе всѣхъ своихъ вопросовъ, сердце—удовлетвореніе всѣхъ вкусовъ, воля—достиженіе всѣхъ желаній. Вотъ потому-то онъ и благъ, что даетъ высшее благо, какого только можетъ желать человѣкъ, именно, покой духу. Апостолъ, въ посланіи къ Филиппійцамъ, объясняетъ, почему это такъ: *прочее,* говоритъ онъ, *братіе моя, елика истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродѣтель, и аще кая похвала, сія помышляйте.... сія творите: и Богъ мира будетъ съ вами* (Фил. 4, 8—9).

Законъ есть выраженіе воли Божіей. Если закономъ полно все внутри, значитъ, волею Божіею полно; элементъ Божескій принятъ внутрь и срастворенъ со всѣмъ существомъ человѣка. Онъ и служитъ проводникомъ для вселенія внутрь Бога, и приготовляетъ Ему достойное

жилище. И вселяется любообщительный Богъ; а гдѣ Богъ, тамъ все желанное и превожделѣнное.

И строгаго обученія, о которомъ поминалось впереди, у Господа цѣль та, чтобы, очистивъ душу, приготовить себѣ жилище въ ней. Еще въ созданіи по образу и подобію Своему Онъ назначалъ ее для этой цѣли: но паденіе разстроило дѣло. Оно привнесло въ насъ нечистоту страстей, отдалившихъ Господа. Сдѣлалось невозможнымъ войти Ему въ общеніе съ душою, пока въ ней страсти; надо прежде ихъ изгнать; а изгоняются они принятіемъ и сращеніемъ съ душою противоположныхъ имъ заповѣдей. Затѣмъ, какъ сдѣланная изъ желѣза вещь бываетъ мягка, ненадежна къ дѣлу, пока не закалится, такъ и душу, пріявшую всѣ заповѣди, закаливаетъ Господь въ горнилѣ всестороннихъ искушеній, изъ котораго выходитъ она уже не только хорошо обдѣланною во всѣхъ частяхъ, но и твердою, прочною,—является, то есть, благонадежнымъ сосудомъ для вмѣщенія Господа. Онъ и вселяется. *Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ* (Мѳ. 5, 8),—узрятъ не внѣ, предъ собою, а въ себѣ, у себя, дома. Это благо даетъ законъ; отъ того и благъ онъ.

Паче тысящъ злата и сребра. Подъ словами золото и серебро здѣсь представляются всѣ блага міра сего, а *тысящи*—ихъ количество безсчетное. Собери, говоритъ, безсчетное множество благъ міра; они всѣ ничто для меня сравнительно съ закономъ устъ Божіихъ. И не думайте, чтобы въ этомъ выраженіи была какая нибудь натяжка. У вкусившихъ, посредствомъ вѣрности закону, колико благъ Господь, всѣ другія блага возбуждаютъ не сочувствіе, а отвращеніе. Есть вещи, которыми мерзитъ человѣкъ; и что испытываетъ онъ, встрѣчаясь съ такими вещами, то испытываетъ и вкусившій Господа, при встрѣчѣ съ благами міра,—не какъ дѣла рукъ Божіихъ, а какъ предметовъ, предлагаемыхъ въ противовѣсъ закону Бо-

жію. Иной, можетъ быть, подумаетъ: ну, это ужъ слишкомъ. Нѣтъ, не слишкомъ; но и это сравненіе еще мало для поясненія того, какъ относится сердце, вкусившее благо закона, къ тысячамъ злата и сребра. Отъ чего иной съ такою же жадностію раздаетъ все, съ какою никто другой не собираетъ? Отъ того, что онъ со всѣмъ разсчитался; все для него чуждо, все это соръ, который надо разметать. А въ заключеніе всего, и жизнь, самое дорогое достояніе свое, отдаетъ онъ за законъ устъ Господнихъ; и все отъ того, что и сердцемъ, и мыслію, и сознаніемъ онъ уже не на землѣ, а въ другомъ мірѣ, куда и стремится, сбросивъ эту бренную одежду, мѣшающую ему быть лицомъ къ лицу съ Господомъ. Это, впрочемъ, естественное теченіе развитія духовной жизни; имѣющіе ее и въ начаткахъ легко понимаютъ это, такъ какъ требованіе духа, съ самаго начала, ударяетъ на такое расположеніе. Но въ совершенствѣ оно является на послѣднихъ степеняхъ развитія духа, подъ дѣйствіемъ Духа Божія.

ДЕСЯТОЕ ОСМИСТИШІЕ.

Десятое осмистишіе идетъ подъ словомъ „іодъ“—рука. Рука—символъ всемогущества Божія. Все сотворилъ, все и содержитъ Онъ въ десницѣ Своей и о всемъ промышляетъ. Этому соотвѣтствуетъ содержаніе сего осмистишія. Помянувъ о сотвореніи себя Богомъ и дарованіи разумѣнія къ исполненію своего назначенія (ст. 73, 74),—Пророкъ далѣе молится, чтобы Господь улучшилъ и внѣшнюю участь его къ славѣ богоугодной жизни. Праведно, говоритъ, Ты, Господи, смирилъ меня (ст. 75); но буди милость Твоя ко мнѣ и щедроты Твои да пріидутъ на меня, во первыхъ, по словеси Твоему (ст. 76),—во вторыхъ, да живъ буду (ст. 77),—въ третьихъ, да постыдятся гордіи (ст. 78),—въ четвертыхъ, да обратятся ко

мнѣ боящіеся Тебя (ст. 79). Но главное, устрой, да будетъ сердце мое непорочно въ оправданіяхъ Твоихъ (ст. 80).

Это осмистишіе, по содержанію, очень сходно съ предыдущимъ, ибо разсматриваетъ жизнь нравственную въ томъ же отношеніи.

Стихъ семьдесятъ третій.

Руцѣ Твои сотвористѣ мя, и создастѣ мя: вразуми мя, и научуся заповѣдемъ Твоимъ.

Пророкъ поминаетъ о твореніи не за тѣмъ, чтобъ излагать этотъ предметъ, а чтобы въ семъ дѣйствіи Божіемъ получить подкрѣпленіе молитвѣ своей о помощи Божіей къ нравственному преуспѣянію своему. Я Твое созданіе, Господи; а Ты создалъ меня не за тѣмъ, чтобы я погибалъ, но чтобы удостоился вѣчнаго блаженства. А такъ какъ для этого необходимо исполнять волю Твою, выраженную въ заповѣдяхъ, то вразуми меня и научи, какъ это сдѣлать.

Поминаніемъ о твореніи Пророкъ приводитъ на мысль послѣднюю цѣль человѣка, и въ указаніи на нее даетъ побужденіе къ богоугодной жизни. Человѣкъ созданъ по образу Божію и подобію для того, чтобы жить богоподобно, и чрезъ богоподобіе стать въ живое общеніе съ Богомъ. Благъ Господь,—будь и ты благъ; долготерпѣливъ Господь,—терпи и ты; праведенъ Господь,—блюди правду и ты; истиненъ Господь,—возлюби истину и ты; кротокъ и смиренъ сердцемъ Господь,—будь таковъ и ты; милуетъ Господь,—прощай и ты; словомъ, какимъ благоволилъ явить Себя Господь, такимъ будь и ты. Потому-то и сказано: *будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Мѳ. 5, 48). Но если собрать всѣ эти свойства Божіи и, соотвѣтственно тому, выразить нашу обязанность подражать имъ, то получится весь кругъ заповѣдей Бо-

жіихъ. Такимъ образомъ, и выходитъ, что жить въ богоподобіи значитъ жить по заповѣдямъ Божіимъ. Пророкъ и говоритъ прямо: *вразуми мя, и научуся заповѣдемъ Твоимъ.*

Вразуми и научуся. Ты далъ мнѣ разумъ, Господи; но разумъ не источникъ истины, а сила, пріемлющая истину. Видѣть все, чему какъ должно быть, онъ не можетъ; но онъ способенъ уразумѣть все, что откроетъ ему Твоя премудрость. Такимъ Ты создалъ его; таковъ онъ и у меня: вразуми же меня; вложи въ умъ мой разумѣніе всего того, что нужно къ исполненію заповѣдей Твоихъ, то есть, вложи и самое познаніе заповѣдей съ признаніемъ ихъ неотложности, и твердое намѣреніе жить по нимъ. Тогда я самымъ дѣломъ научуся, какъ исполнять ихъ и опытомъ познаю, сколько жизнь по нимъ блаженна, и какъ прямо ведетъ она меня къ послѣдней цѣли моей.

„Пророкъ, разсуждаетъ св. Амвросій, начинаетъ рѣчь выставляя себя дѣломъ рукъ Божіихъ, чтобъ удобнѣе приклонить благоволеніе Творца къ творенію Своему; ибо хотя матерія для нашего тѣла взята изъ бренія, хотя мы и плотію обложены, костьми и жилами сшиты, но никто не усомнится, что человѣкъ есть наилучшее твореніе Божіе. Посмотри на одно устройство тѣла, и найдешь, что ничего не можетъ быть красивѣе и благоустроеннѣе его. Впрочемъ, формы членовъ тѣлесныхъ превосходны и у другихъ животныхъ, но кромѣ того въ нихъ нечего похвалить; а человѣкъ превосходенъ не тѣмъ, что видимо, а тѣмъ, что невидимо, что, содержась въ тѣлѣ смертномъ, предназначено для вѣчности, что, пребывая и въ земной гостинницѣ, жительствуетъ на небѣ и состоитъ въ живомъ союзѣ съ Богомъ. Посему Соломонъ праведно воззвалъ: *велика вещь человѣкъ* (Прит. 20, 6), ибо онъ есть истолкователь Божественнаго міротворенія и подражатель Богу. Затѣмъ и сотворенъ былъ человѣкъ послѣ того, какъ уже были благоустроены небо и земля, и при томъ не словомъ:

да будетъ, но по нѣкоемъ Божественномъ совѣщаніи: *сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію* (Быт. 1, 26). Богъ начиналъ какъ бы особый нѣкій трудъ, не потому, чтобы для Него не то же было—сотворить великое, какъ и малое, но для того, чтобы показать особенность человѣка. *И вдуну въ лице его дыханіе жизни* (Быт. 2, 7). Внемли же себѣ, человѣкъ, и устремляйся къ Тому, дыханіемъ Коего вдохновенъ ты. Познай, чѣмъ ты великъ, и возревнуй быть въ томъ великимъ. Земное въ тебѣ не такъ велико: но велико то, что носитъ въ себѣ образъ Божій. Неизреченно—велико это преимущество! Смотри же, блюди и не погуби великаго дара сего. Какъ это сдѣлать, учитъ тебя Пророкъ, молясь, и тебя поучая молиться: *вразуми мя и научуся заповѣдемъ Твоимъ.* Сознавая себя духовнымъ, онъ проситъ дара,—перваго между дарами Духа,—духа премудрости и разума, не для того, чтобъ изслѣдовать небо и землю, но чтобы точно уразумѣть волю Божію и вѣрно исполнять ее.“

Стихъ семьдесятъ четвертый.

Боящіися Тебе узрятъ мя и возвеселятся, яко на словеса Твоя уповахъ.

„Я буду поводомъ къ веселію для благочестивыхъ, говоритъ Пророкъ, потому что я на Тебя уповалъ, и достигъ конца, соотвѣтствующаго сему упованію.“ Такъ объясняетъ это мѣсто Ѳеодоритъ. „Пророкъ научаетъ, говоритъ св. Аѳанасій Великій, что не одинъ онъ приметъ сіе дарованіе (то есть, что, будучи вразумленъ, научится заповѣдямъ Божіимъ), но что будетъ оно простерто на всѣхъ боящихся Господа; ибо (научившійся заповѣдямъ) однимъ только благочестивымъ пріятенъ, ощутительно познаваемый ими и въ словѣ и въ предначертаніяхъ премудрости, которою онъ обладаетъ; для другихъ же тяжело

и видѣть его, потому что жизнь его не похожа на жизнь другихъ, и различна отъ стезей ихъ. Потому онъ и говоритъ: *возвеселятся, яко на словеса Твоя уповахъ.*“

Получивъ вразумленіе отъ Господа. Пророкъ надѣется, что, съ помощію Божественной мудрости, хорошо научится жить по заповѣдямъ Божіимъ, явится, то есть, совершеннымъ въ нравственномъ отношеніи. Теперь говоритъ, что всѣ богобоязненные, увидѣвъ его такимъ, возвеселятся. Чему же? *Яко на словеса Твоя уповахъ,* или тому, то есть, что хорошо я сдѣлалъ, возложивъ упованіе на словеса Твои. вседушно предавшись имъ и въ совершенствѣ ихъ исполнивъ,—или тому, что я не напрасно уповалъ, но достигъ того, чего надѣялся. То или другое—все одно. Ударъ мысли не на этомъ, а на томъ, что богобоязненные, увидѣвъ его нравственное преспѣяніе, возвеселятся. Пророкъ Божій не особится, но сознаетъ себя состоящимъ въ союзѣ со всѣми богобоязненными, которыхъ обыкновенно интересуетъ не свой только личный успѣхъ,—но болѣе всего—успѣхъ другихъ, ревнующихъ объ угожденіи Богу. Славу Божію и славу богоугодной жизни видятъ они въ томъ, что жизнь богоугодная процвѣтаетъ, что число лицъ живущихъ по Богу множится, и что всякій, начавши дѣло свое, доводитъ его до конца, не останавливаясь на полдорогѣ.

Но выставляя это предъ Господомъ для умоленія Его о помощи себѣ, онъ даетъ разумѣть, что и Самому Господу пріятно видѣть такое общее сорадованіе успѣхамъ въ доброй жизни. Господь создалъ насъ на радость; *нечестивому же нѣсть радоватися* (Ис. 48, 22), радуется только богобоязненное благочестіе. И вотъ Господь, видя, какъ разширяется такое радованіе, утѣшается тѣмъ, ибо это значитъ, что цѣль Его въ твореніи достигается. На небѣ — лики ангеловъ присно радуются въ общемъ своемъ составѣ; на землѣ, по ихъ примѣру, и общество

людей богобоязненныхъ также радуется общею радостію. Радость жизни разливается всюду. Пророкъ умоляетъ Господа тѣмъ утѣшеніемъ, которое Онъ имѣетъ, видя радость богобоязненныхъ.

Изъ этого видно, что не одно сознаніе живаго союза съ Богомъ, но и сознаніе живаго союза со всѣми угождающими Богу входитъ въ составъ духа богоугодно настроеннаго, какъ неотъемлемая черта. Одинъ умникъ сказалъ: я не вижу этого союза. Неудивительно; потому что онъ невидимъ, и устрояется безъ особыхъ напряженій и исканій. Въ каждой мѣстности одинаково настроенные Богу естественно знаются другъ съ другомъ; ибо, видя одинаковыя стремленія, сходятся и сорадуются другъ другу. „Чистый, говоритъ св. Амвросій, естественно располагается къ чистому и сорадуется ему; милосердый располагается къ щедродательному и сорадуется ему; постникъ—къ постнику, молитвенникъ—къ молитвеннику.“ Хоть они и не вмѣстѣ тѣломъ, но духомъ всегда неразлучны. Случись побыть кому въ другой мѣстности, и тамъ онъ скоро спознается съ единодушными, и становится съ ними въ одинъ духъ. Еще мѣстность еще общеніе. Такъ духовное общеніе расходится кругомъ. Сѣдящій въ тѣсномъ уголку состоитъ въ живомъ сердечномъ союзѣ со всѣми знаемыми богоугодниками, и въ мысли ихъ держитъ болѣе, нежели иной, бывая съ кѣмъ либо лицомъ къ лицу. Въ этомъ общеніи и крѣпость жизни. Кто сознаетъ себя одинокимъ предъ лицомъ Бога, тотъ да не хвалится, что достодолжно является предъ Богомъ. Не хочетъ Богъ и не благоволитъ къ такимъ одиночкамъ. А пустынники? Пустынники весь міръ носятъ въ сердцѣ: они не одиночки въ духѣ.

Стихъ семьдесятъ пятый.

Разумѣхъ, Господи, яко правда судьбы Твоя, и воистинну смирилъ мя еси.

Предполагается, что Пророкъ получилъ мудрость и научился заповѣдямъ; вступилъ въ союзъ съ богобоязненными и обвеселилъ ихъ всѣхъ своимъ совершенствомъ. Стало быть, эта сторона духовная свѣтла. Теперь онъ начинаетъ просить, чтобы Господь подвелъ въ уровень съ нею и внѣшнюю его участь. На первомъ мѣстѣ ставитъ сознаніе, что если она доселѣ не свѣтла, то въ держаніи ея такою ничего нѣтъ неправаго: самъ я виноватъ; Ты праведно, Господи, смирилъ меня. „Пророкъ, толкуетъ Ѳеодоритъ, говоритъ это, преимущественно изъявляя благопризнательность свою. Знаю въ точности, говоритъ онъ, что право и праведно произнесъ Ты приговоръ надо мною, и подвергъ меня всякаго рода напастямъ.“

Разумѣхъ... когда это? Послѣ того, какъ покаялся, какъ сталъ жить исправно и, испросивъ вразумленія, научился заповѣдямъ Божіимъ. А до тѣхъ поръ что было? До тѣхъ поръ и на мысль не приходило посмотрѣть на жизнь свою съ этой точки зрѣнія, то есть, какъ и почему такъ направляетъ рука Господня теченіе ея. Или если и приходило, то въ основаніе и причину, почему она была такова, никакъ не ставилась своя грѣшность и виновность. Грѣшникъ, пока въ грѣхѣ,—слѣпъ и не видитъ перста Божія надъ собою, и хоть кругомъ во грѣхахъ, но не имѣетъ того въ мысли, что въ измѣненіяхъ своей участи несетъ наказаніе за грѣхи, а скорѣе склоняется къ тому убѣжденію, что терпитъ напрасно,— и готовъ отнестись съ ропотомъ къ распоряженіямъ Про-

мысла Божія. Такъ искривленъ у него умъ! И недивно,—потому что чрезъ грѣхъ получилъ къ нему доступъ врагъ—отецъ лжи, который и исполняетъ его своимъ кривотолкованіемъ.

Но когда благодать коснется сердца грѣшника, и онъ пробудится отъ своего грѣховнаго сна, тогда мгла, покрывавшая его умъ, начинаетъ разсѣяваться. Когда завершится покаяніе рѣшимостію жить исправно,—около него становится уже довольно свѣтло. Жизнь исправная по заповѣдямъ усиливаетъ этотъ свѣтъ. Когда нравъ добродѣтельный совсѣмъ установится, тогда атмосфера умовая очищается, и умъ ясно видитъ, почему что было въ жизни его. Тогда говоритъ онъ съ Пророкомъ: *разумѣхъ*,—теперь, то есть, ясно вижу, *яко правда судьбы Твоя, и воистину смирилъ мя еси*.

„Кто, пишетъ св. Амвросій, разумѣетъ пути Промысла Божія, тотъ можетъ употребить тѣже слова, какія здѣсь изрекаетъ св. Давидъ. Безъ вѣдома Божія ничто не бываетъ; все, что бываетъ, бываетъ по Его суду. Но къ познанію сего приводитъ то, о чемъ онъ выше молился, то есть, чтобы Богъ вразумилъ, какъ научиться заповѣдямъ. Получивъ такое вразумленіе, уразумѣлъ онъ и праведность судовъ Божіихъ. Это уразумѣніе есть достояніе мужа совершеннаго. Иное дѣло—вѣровать, и иное—разумѣть. Вѣра—въ томъ, кто воспріялъ страхъ Божій: разумѣніе—въ томъ, кто умудрился уже во спасеніе... Смиренъ я былъ, чтобы это уразумѣть, потому что тѣ, кои высокосерды, не имѣютъ очей, чтобы видѣть такую истину. Когда же смиряемся, тогда познаемъ грѣхи свои, и самымъ смиреніемъ очищаемъ паденія свои. *Смирихся*, говоритъ, и *спасе мя* (Пс. 114, 5). Истинно смиренъ, кто смиренъ во спасеніе; не тщетно подвергся скорбямъ тотъ, кто направленъ ими къ покаянію. Но между уразумѣніемъ означенной истины и страхомъ, приведшимъ

къ покаянію, есть разстояніе. Господь говорилъ къ увѣровавшимъ іудеямъ: *аще пребудете въ словеси Моемъ... уразумѣете истину* (Ін. 8, 31—32). Видите ли, не съ самаго начала, какъ только кто, по страху Божію, слушаетъ слово Его, дается уразумѣніе.“

Стихъ семьдесятъ шестой.

Буди же милость Твоя, да утѣшитъ мя по словеси Твоему, рабу Твоему.

Рабу Твоему относить можно и къ „*по словеси Твоему*“, и къ „*буди же милость Твоя рабу Твоему.*“ Послѣднее лучше, ибо первое само собою разумѣется. Такъ толкуетъ св. Аѳанасій: „умоляю, да будетъ, по слову Твоему, милость Твоя утѣшеніемъ и ободреніемъ рабу Твоему; ибо многіе, пріявъ утѣшеніе, предаются обольщенію, будто бы пріобрѣли его собственнымъ благоразуміемъ. Чтобы и мнѣ не впасть въ такое же заблужденіе, да будетъ мнѣ, рабу Твоему, по слову Твоему, милость Твоя.“

Въ какой же связи состоитъ это съ предыдущимъ? Вотъ въ какой: „Но время уже, говоритъ Ѳеодоритъ, человѣколюбію и утѣшенію: ибо Ты обѣтовалъ кающимся благоволеніе Свое. То самое сказалъ Богъ и устами Исаіи: *егда возвратився воздохнеши, тогда спасешися* (30, 15), и устами Малахіи: *обратитеся ко Мнѣ и обращуся къ вамъ*“ (3, 7). Чего же стало быть, просить? Милости утѣшенія, по слову Господа.

Можно, впрочемъ, разумѣть это и такъ: измѣни смиряющія меня обстоятельства, скорбныя на утѣшительныя. Пластырь произвелъ свое дѣйствіе, сними же его. Хоть объ этомъ далеко лучше насъ знаетъ самъ Врачъ душъ и тѣлесъ, однакожъ, молиться объ этомъ не неумѣстно, только не безусловно, а съ подразумѣваніемъ: если благоугодно Тебѣ, Господи, если это спасительно будетъ для

меня; молиться, то есть, не выходя изъ предѣловъ преданности въ волю Божію, которая составляетъ душу богоугодной жизни. Мы видимъ изъ опытовъ, что Господь измѣняетъ иногда скорбное на утѣшительное, какъ, напримѣръ, въ Іовѣ: а иногда до конца жизни держитъ въ смирительномъ положеніи, какъ видимъ это на Лазарѣ, который съ гноища взятъ и на лоно Авраамово.

Св. Амвросій полагаетъ, что Пророкъ молится только о милости утѣшенія, не касаясь смирительныхъ обстоятельствъ, и предавая волѣ Божіей измѣнить ихъ на лучшее, или такъ оставить. „Иной, говоритъ онъ, смиренный бѣдствіями, молится о томъ, да престанутъ искушенія, да укротитъ Господь свирѣпствующую противъ него бурю бѣдъ; а Пророкъ, какъ крѣпкій и мужественный борецъ, уразумѣвшій, какъ бѣдствія и скорби возводятъ душу къ совершенству, желаетъ не скорбности удалить, не противности отклонить, – проситъ пресѣчь не все то, что причиняетъ утомленіе и трудъ, а молится, чтобы во время притрудной борьбы его противъ бури искушеній подано было ему утѣшеніе, чтобы мужественнымъ духомъ переносить наносимое, и чтобы не ослабѣть отъ приражеій печали и унынія. Такимъ образомъ, онъ умоляетъ благость Божію не попустить, чтобы, бывъ лишенъ помощи, подаваемой утѣшеніемъ, не прекратилъ онъ, не кончивъ, начатаго имъ добраго воинствованія. На небесахъ несомнѣнно готово утѣшеніе всѣмъ терпящимъ за добродѣтели, и тѣмъ бо́льшее утѣшеніе, чѣмъ бо́льшія подъяты скорби; но и здѣсь, изъ опасенія пасть подъ тяжестію бѣдствій, моли Господа, да даруетъ тебѣ утѣшеніе, какъ даровалъ св. Павлу, который свидѣтельствуетъ: *благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи: утѣшаяй насъ о всякой скорби нашей, яко возмощи намъ утѣшити сущія*

во всякой скорби, утѣшеніемъ, имже утѣшаемся сами отъ Бога (2 Кор. 1, 3—4).“

Но нельзя не видѣть, что, кромѣ душевнаго утѣшенія, Пророкъ чаетъ и внѣшняго утѣшенія, какъ даетъ разумѣть и теченіе рѣчи. Ниже говоритъ онъ, чтобъ и враги увидѣли это и устыдились, и богобоязненные тоже обратились къ нему (78—79). То и другое возможно лишь тогда, когда утѣшеніе не въ сердце только влито, но и внѣшне оказано.

Стихъ семьдесятъ седьмой.

Да пріидутъ мнѣ щедроты Твоя, и живъ буду, яко законъ Твой поученіе мое есть.

„Пророкъ, говоритъ Ѳеодоритъ, лишившись Божія благоволенія, почитаетъ себя мертвымъ; посему умоляетъ, чтобы ему какъ бы снова ожить, по Божію человѣколюбію.“—„Да пріидутъ, толкуетъ Зигабенъ, Господи, щедроты Твои на меня, поглощаемаго печалію, и я живъ буду ими; да пріидутъ же на меня потому, что предметъ всегдашняго моего помышленія и попеченія есть законъ Твой, а не какое либо благо міра сего.“

Щедроты—благоутробіе, подающее благо, не только какъ благорасположеніе, но какъ показывающее щедрость самымъ дѣломъ. *Да пріидутъ,—милость* какъ выше сказано, *да будетъ,* а *щедроты да пріидутъ,*—милость, какъ постоянный покровъ, а щедроты, какъ перемѣжающееся ниспосланіе нужныхъ благъ, которыя отходятъ и приходятъ. *И живъ буду*—и оживу. Какъ о томъ, кто былъ убитъ горемъ, и потомъ обрадованъ, или какъ о томъ, кто, обѣднѣвъ, опять богатѣетъ, или, будучи обезчещенъ, опять входитъ въ почетъ, говорятъ: „ожилъ“; такъ и Пророкъ проситъ щедротъ, чтобъ ожить въ чувствахъ сердца. Это оживленіе здѣсь, какъ и предыдущая ми-

лость утѣшенія, стоятъ у Пророка въ противоположность смирительнымъ или уничижительнымъ обстоятельствамъ, праведно посланнымъ отъ Бога, какъ исповѣдалъ онъ выше. Потому, по теченію рѣчи, они относятся къ поправленію внѣшняго быта покаявшагося и исправившагося. Что умѣстно просить и объ этомъ, это видно изъ молитвы Господней, въ которой, наряду съ высокими духовными благами, стоитъ и—*хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь* (Мѳ. 6. 11). Но при этомъ надо имѣть въ умѣ: если Господу такъ угодно. Если Ты видишь, Господи, что то и то полезно для спасенія моего, то даруй мнѣ. Безусловно прилично просить только духовныхъ благъ покаянія, сохраненія рѣшимости жить хорошо, разумѣнія воли Божіей, молитвы, терпѣнія и проч. О внѣшнихъ же благахъ всегда надлежитъ молиться условно, а еще лучше,—предавая свою участь въ волю Божію.

И живъ буду—можно,—соотвѣтственно тому, какъ понималъ св. Амвросій: *да утѣшитъ мя* въ предыдущемъ стихѣ,—понимать и какъ оживленіе терпѣливаго духа мужества. Тѣсныя обстоятельства производятъ два рода дѣйствій: наводятъ печаль и подрываютъ энергію Въ предыдущемъ стихѣ Пророкъ молился о милости утѣшенія, которымъ отгоняется печаль; а здѣсь молится объ оживленіи энергіи. Пусть,—какъ бы такъ онъ говорилъ,—пусть все остается, какъ есть,—пусть буду состоять я подъ смирительнымъ гнетомъ; но у меня опускаются руки, слабѣетъ мужество: вдохни же въ меня непоколебимую твердость и неустрашимую бодрость сердца, чтобъ и я самъ сознавалъ, и другіе видѣли, что какъ ни тѣсно мнѣ, но я нимало не слабѣю въ нравственныхъ силахъ, а все тотъ же, все также бодро выступаю на борьбу съ лишеніями и скорбями.

Яко законъ Твой поученіе мое есть. Вотъ на чемъ основываетъ Пророкъ упованіе на то, что молитва его бу-

детъ услышана. Только и мыслей у меня, говоритъ онъ, что о законѣ Твоемъ; тѣмъ только и занятъ я, какъ бы лучше его исполнить; а по суду Твоему, блаженны тѣ, воля коихъ въ законѣ Твоемъ, и кои поучаются въ немъ день и ночь. Не Ты ли сказалъ: *Азъ любящія Мя люблю, и ищущіи Мене обрящутъ благодать?* (Прит. 8, 17). „Потому, прибавляетъ св. Аѳанасій, какъ обѣщалъ Ты утѣшеніе, такъ и сотвори, ущедряя служителей Твоихъ.“

Милости утѣшенія просилъ себѣ Пророкъ, какъ рабу; а щедротъ оживленія проситъ, какъ ревнитель закона. То и другое научаетъ, что приступать къ Богу съ прошеніями въ молитвѣ благонадежно могутъ только тѣ, кои усердно работаютъ и всячески стараются благоугождать Ему. Мы часто жалуемся, что молитва наша не услышана: не работали Богу,—и не услышана молитва.

Стихъ семьдесятъ осьмой.

Да постыдятся гордіи, яко неправедно беззаконноваша на мя: азъ же поглумлюся въ заповѣдехъ Твоихъ.

Гордыми Пророкъ называетъ презрителей закона, которые, не любя законъ, не любятъ и ревностныхъ исполнителей его, презираютъ ихъ, насмѣхаются надъ ними и не задумываются причинять имъ всякій вредъ. Видя ревнующихъ о богоугожденіи исполненіемъ заповѣдей Божіихъ въ смирительномъ положеніи, они еще болѣе возстаютъ на нихъ и на правила ихъ жизни. Это и значитъ неправедно беззаконновать на нихъ. Пророкъ молится: отними у нихъ, Господи, этотъ поводъ презрительно говорить о законѣ и относиться такъ же и къ исполнителямъ его. Возврати мнѣ свѣтлое состояніе, и положи тѣмъ конецъ торжеству ихъ. Пусть станетъ явно предъ лицемъ всѣхъ, что не напрасно рабы Твои

строго исполняютъ законъ Твой, и эти гордые, предъ лицемъ всѣхъ поносящіе законъ Твой, посрамлены будутъ. Всѣ, видящіе во мнѣ перемѣну на лучшее, вмѣсто того, что прежде недобрымъ окомъ посматривали на меня и на законъ Твой, станутъ послѣ сего презрительно относиться къ тѣмъ самымъ гордымъ и смѣяться надъ ними.

Пристыжденіе внѣшнее можетъ и не сопровождаться стыдѣніемъ предъ собою и своею совѣстію, можетъ оставлять безъ измѣненія прежнее отношеніе къ закону и ревнителямъ его; но въ словахъ Пророка можно видѣть и то еще желаніе, чтобы гордые устыдились того, что они были таковы, измѣнили и исправили и взглядъ свой на законъ и жизнь свою по отношенію къ нему.

„Пророкъ, говоритъ блаж. Θеодоритъ, не проклинаетъ враговъ, но молится за нихъ, потому что стыдъ пролагаетъ путь ко спасенію. Самъ воспользовавшись такимъ врачевствомъ, онъ желаетъ и имъ имѣть его." Св. Амвросій продолжаетъ туже мысль: „уврачевавшись, сталъ врачемъ, и желаетъ цѣлить даже тѣхъ, которые уязвляли его, дабы, сознавъ неправость свою, они устыдились своихъ недобрыхъ дѣлъ. Стыдъ большею частію служитъ къ нашему исправленію. Когда человѣкъ начинаетъ стыдиться какого либо своего поступка, то тѣмъ самымъ побуждается оставить то, что причиняетъ стыдъ. Вотъ этого-то и желаетъ имъ Пророкъ, желаетъ, то есть, чтобы они сознали то, какъ худо поступали и чтобы, сознавши то, устыдились, а устыдившись, отстали отъ прежнихъ неправдъ." Св. Аѳанасій развиваетъ также эту мысль: „Если, говоритъ, измѣнишь, Господи, мою участь на лучшую, то гордые постыдятся; а я не превознесусь тѣмъ, что они постыждены, но *поглумлюся въ заповѣдяхъ Твоихъ.*" Это не ослабитъ моей ревности объ угожденіи Тебѣ исполненіемъ запо-

вѣдей Твоихъ, а, напротивъ, усилитъ ее. *Поглумлюся*— присѣдѣть буду, усугублю прилежаніе и трудъ, такъ неотступно буду заниматься имъ, какъ иной усидчиво занимается любимымъ дѣломъ. Когда отойдетъ тѣснота, то у меня словно развяжутся тогда руки. Силы, обращенныя на то, чтобы нести лежащую на мнѣ тяготу, я обращу на исполненіе закона: больше буду изучать его, большія придумывать средства къ исполненію его и приложенію къ жизни въ моихъ улучшенныхъ обстоятельствахъ. Пророкъ заготовляетъ рѣшеніе на дѣланіе, чтобы, когда придетъ просимое, быть на-готовѣ, такъ дѣйствовать, и не сказать душѣ: *имаши многа блага лежаща на лѣта многа: почивай, яждь, пій, веселися* (Лк. 12, 19).

Стихъ семьдесятъ девятый.

Да обратятъ мя боящіися Тебе и вѣдящіи свидѣнія Твоя.

Блаж. Ѳеодоритъ читаетъ это мѣсто такъ: *да обратятся ко мнѣ,* и мысль текста выражаетъ слѣдующимъ образомъ: „Пророкъ умоляетъ о томъ, чтобы снова быть въ единеніи и имѣть общеніе съ праведными. Яснѣе,— замѣчаетъ онъ,—выразилъ это Симмахъ: да возвратятъ меня боящіеся Тебя, да возвратятъ, конечно, къ себѣ, да пріимутъ, то есть, меня въ братское общеніе.“

Да обратятъ мя. Такъ какъ онъ представляетъ себя уже обращеннымъ отъ грѣха къ добродѣтели, и не только обращеннымъ, но и преуспѣвшимъ на этомъ пути, то здѣсь уже неудобно разумѣть такое обращеніе. Посему лучше понимать это слово такъ: *да обратятъ меня къ себѣ.* Выгнали меня за грѣхи мои, какъ недостойнаго быть въ сообществѣ ихъ; смирительное положеніе мое обратило меня на путь добродѣтели, но оно же прикрывало и мое исправленіе, или, если не могло его при-

крыть, потому что оно прозрачно, то не могло не наводить сомнѣнія, принять ли я обратно въ милость Твою. Праведные и готовы были бы вступить со мною въ общеніе; но полагая, по несвѣтлой участи моей, что я состою подъ гнѣвомъ и неблаговоленіемъ Твоимъ, не рѣшаются на это. Когда же Ты измѣнишь участь мою на лучшую, то праведные увидятъ, что Ты возвратилъ мнѣ благоволеніе Свое, и обратилъ меня къ Себѣ, позовутъ, примутъ, обратятся ко мнѣ съ распростертыми объятіями и заключатъ со мною опять братскій, сердечный союзъ.

Видимаго общенія праведные не прерываютъ и со впадающими въ грѣхъ; напротивъ, входятъ въ ихъ положеніе и всячески стараются возвратить ихъ на путь правды: но интимность между ними естественно прекращается, такъ какъ у тѣхъ стали уже не тѣ рѣчи, не тѣ мысли, не тѣ занятія. Праведнымъ уже неудобно вести съ ними бесѣду: у праведныхъ бесѣда лишь о томъ, что у нихъ на сердцѣ,—о Богѣ и богоугожденіи, а у грѣшныхъ—все о вещахъ міра. Имъ скучно бывать другъ съ другомъ; потому искреннее общеніе между ними само собою прекращается. Когда же обращается грѣшникъ, то праведники не могутъ этого не видѣть, не радоваться тому и не содѣйствовать утвержденію его на добромъ пути. Но наученные опытомъ отпаденія его, держатъ себя нѣсколько вдали отъ него, то есть, не сразу начинаютъ жить душа въ душу и повѣдать ему тайны сердца своего, тайны духовной жизни. Когда онъ покажетъ уже вѣрныя доказательства того, что установился на добромъ пути, тогда и они обращаются къ нему съ открытымъ сердцемъ. Все это происходитъ по прямымъ законамъ соотношеній душевныхъ. Пророкъ признакомъ того, что онъ совсѣмъ исправился, поставляетъ возвращеніе ему щедротъ Господнихъ. Когда возвратятся они,

то и праведные обратятся къ нему; но не ради возвращенія щедротъ, а ради того нравственнаго совершенства, признакомъ котораго служитъ его возвращеніе.

Боящіися Тебе и вѣдущіи свидѣнія Твоя, то-есть, не только богобоязненные, но и искусившіеся въ исполненіи закона, и вѣдающіе вѣрно всѣ тайны жизни по Богу. Тутъ намѣренно прибавлено: *вѣдущіи свидѣнія Твоя,* чтобъ означить пунктъ, на которомъ опять устраивается сердечное общеніе,—общеніе, основанное на томъ, когда взаимно повѣряютъ тайны богоугодной жизни, для взаимнаго созиданія въ духѣ и пособствованія другъ другу для преспѣянія въ жизни духовной.

Стихъ восемдесятый.

Буди сердце мое непорочно во оправданіихъ Твоихъ, яко да не постыжуся.

Въ нравственной жизни двѣ стороны: благоповеденіе и непорочность сердца. Благоповеденіе немудрено направить и выдержать; а стяжать и сохранить сердце непорочнымъ есть трудъ великій. Все, что устроено Господомъ во спасеніе наше, сводится къ тому, чтобъ сердце стало непорочнымъ; а порочность его составляютъ привившіяся къ нему страсти. Хоть они и неестественны, но глубоко вошли въ насъ и стали наряду съ естественными потребностями, такъ что сдѣлать сердце непорочнымъ есть тоже, что пересоздать его. Очевидно, что, кромѣ Творца, этого никто сдѣлать не можетъ. Онъ все для этого и сдѣлалъ: устроилъ способъ оправданія, даровалъ новую жизнь, исполнилъ силами, учредилъ освятительные и исправительные чины, установилъ отеческое руководство. Благодать приходитъ и полагаетъ основу непорочности; потомъ труды самопротивленія и самоисправленія, подъ руководствомъ освятительныхъ чиновъ,

изгоняютъ одну за другою страсти. и на мѣсто ихъ насаждаютъ добрыя расположенія. Въ концѣ трудовъ. сердце является совершенно непорочнымъ, исполненнымъ всѣхъ плодовъ Духа, о которыхъ упоминаетъ св. Павелъ: *любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе* (Гал. 5. 22).—или такимъ. какимъ изображаетъ его Господь въ блаженствахъ: сокрушеннымъ и смиреннымъ, кроткимъ, правдолюбивымъ, милостивымъ, чистымъ. миротворнымъ. терпѣливымъ, упователънымъ. Непорочное сердце не только чуждо всего порочнаго. но и полно всякою добротою.—добротно.

Да не постыжуся. Пророкъ не упоминаетъ, какъ и гдѣ да „не постыдится.“ Ближайшее непостыженіе бываетъ во время возстанія внутреннихъ браней. Подымаетъ врагъ бурю помысловъ и недобрыхъ движеній, но когда сердце непорочно и добротно, тогда эти прираженія, подходя къ нему со внѣ, встрѣчаютъ въ противоположныхъ себѣ расположеніяхъ добрыхъ, укорененныхъ въ сердцѣ, сильное отраженіе: гнѣвъ отражается кротостію, гордость и тщеславіе—сокрушеніемъ и смиреніемъ, нечистота—чистотою, корыстность—правотою и милостивостію, обиды — терпѣніемъ, и какое ни подойди недоброе движеніе, оно найдетъ себѣ отпоръ въ противоположномъ себѣ добромъ настроеніи сердца. Какъ ни ухитряйся врагъ, не одолѣть ему того, у кого сердце непорочно: послѣдній никогда не постыдится передъ первымъ.

Второй моментъ непостыженія есть время смерти и прохожденія мытарствъ. Какъ ни дикою кажется умникамъ мысль о мытарствахъ, но прохожденія ими не миновать. Чего ищутъ эти мытники въ проходящихъ? Того, нѣтъ ли у нихъ ихняго товара. Товаръ же ихъ какой? Страсти. Стало быть, у кого сердце непорочно и чуждо

страстей, у того они не могутъ найти ничего такого, къ чему могли бы привязаться; напротивъ, противоположная имъ добротность будетъ поражать ихъ самихъ, какъ стрѣлами молнійными. На это одинъ изъ немногоученыхъ вотъ какую еще выразилъ мысль: мытарства представляются чѣмъ-то страшнымъ; а вѣдь очень возможно, что бѣсы, вмѣсто страшнаго, представляютъ нѣчто прелестное. Обольстительно — прелестное, по всѣмъ видамъ страстей, представляютъ они проходящей душѣ одно за другимъ. Когда изъ сердца, въ продолженіи земной жизни, изгнаны страсти и насаждены противоположныя имъ добродѣтели, тогда что ни представляй прелестнаго, душа, не имѣющая никакого сочувствія къ тому, минуетъ то, отвращаясь отъ того съ омерзеніемъ. А когда сердце не очищено, тогда къ какой страсти наиболѣе питаетъ оно сочувствія, на то душа и бросается тамъ. Бѣсы и берутъ ее будто друзья, а потомъ ужъ знаютъ, куда ее дѣвать. Значитъ, очень сомнительно, чтобы душа, пока въ ней остаются еще сочувствія къ предметамъ какихъ либо страстей, не постыдилась на мытарствахъ. Постыдженіе здѣсь въ томъ, что душа сама бросается въ адъ.

Но окончательное непостыдженіе—на страшномъ судѣ, предъ лицемъ всевидящаго Судіи, предъ сонмомъ ангеловъ и всѣхъ святыхъ. Эту картину всѣ Божіи угодники непрестанно имѣли въ мысли, и всячески старались не отступать умомъ отъ того момента, когда изъ устъ Судіи изыдетъ: *отыди,* или *пріиди,* чтобы въ немъ имѣть побужденіе беречь себя не только отъ явныхъ грѣховъ, но и отъ грѣховныхъ мыслей и чувствъ. Это одно и попаляло у нихъ все недоброе, и насаждало все доброе. Потому, нѣтъ сомнѣнія, что въ словахъ Пророка въ настоящемъ мѣстѣ имѣется въ виду преимущественно это послѣднее непостыдженіе, такъ какъ мысль о немъ

есть наилучшее средство къ насажденію въ сердцѣ непорочности.

ОДИННАДЦАТОЕ ОСМИСТИШІЕ.

Одиннадцатое осмистишіе идетъ подъ буквою „Кафъ“ — ладонь.

Ладонью даютъ пощечину, оскорбительную для того, кто ее получаетъ; ладонью прикасаются къ щекѣ любимой особы, чтобы слаще поцѣловать. Такимъ образомъ, она есть и орудіе обиды и оскорбленія, и орудіе любви самой теплой. Такое заглавіе очень идетъ къ этому осмистишію, такъ какъ въ немъ Пророкъ представляетъ лицо оскорбляемое, тѣснимое неправедно, и обращающееся къ Богу въ уповательной молитвѣ о помощи и заступленіи. Онъ говоритъ какъ бы такъ: „бьютъ меня, — приласкай же Ты меня, Господи!“ Все, что здѣсь говорится, очень приложимо къ Іову, къ св. мученикамъ и, во многихъ чертахъ, къ борющимся со страстьми и похотьми.

Стихъ восемьдесятъ первый.

Исчезаетъ во спасеніе Твое душа моя, на словеса Твоя уповахъ.

Исчезаетъ во спасеніе, то-есть, сильно желаетъ получить спасеніе отъ Тебя, и притомъ, такъ сильно, что доходитъ до изступленія. „Желающіе чего либо сильно, говоритъ блаж. Ѳеодоритъ, но лишаемые желаемаго, говорятъ о себѣ, что они какъ бы исчезаютъ. Такъ бываетъ съ томимыми сильною жаждою и не имѣющими воды; такъ бываетъ съ тѣми, которые съ часу на часъ ждутъ возвращенія кого-либо изъ знакомыхъ и, не видя его прибытія, исчезаютъ отъ желанія; такъ и борющіеся

съ какими либо несчастіями и ожидающіе Божія покрова, когда видятъ замедленіе его, какъ бы исчезаютъ.“ „*На слово Твое уповахъ,* то есть, на обѣтованіе,“ поясняетъ св. Аѳанасій.

Вотъ уже третье осмистишіе посвящаетъ Пророкъ изображенію бѣдствующихъ и утѣсняемыхъ за вѣрность волѣ Божіей и заповѣдямъ Его. И здѣсь подъ спасеніемъ разумѣется избавленіе отъ смирительныхъ и уничижительныхъ нападковъ, скорбей и лишеній за слово Божіе. Что говорится здѣсь. то очень прилично Іову на гноищѣ, или какому-либо мученику, долгое время томившемуся въ узахъ и почасту мучимому, а равно и всякому безвинному страдальцу. Но можно взять эти слова отдѣльно отъ другихъ, и видѣть въ нихъ вопль души, жаждущей спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ отъ грѣха и пагубы вѣчной. Такъ думаютъ св. Аѳанасій, св. Амвросій и блаж. Августинъ.

Св. Аѳанасій пишетъ: „Пророкъ учитъ насъ вожделѣвать слова и исполняться любовію къ спасенію Божію; а какое же иное спасеніе, кромѣ пришествія Господня?“ Св. Амвросій говоритъ: „*Исчезаетъ;*—кто всею душою переходитъ въ то, что любитъ, тотъ о томъ и думаетъ, о томъ рѣчь ведетъ, къ тому привязанъ, въ то впивается всею душою. Такое чувство испытываетъ мать, ожидающая возвращенія любимаго сына, какъ испытала это мать Товіи. Что значитъ: *исчезаетъ во спасеніе душа?* Вотъ что: душа, прилѣпившаяся къ Господу, какъ бы перестаетъ быть душою, а бываетъ *единъ духъ съ Господомъ* (1 Кор. 6, 17). Святой и богобоязненный ничего не желаетъ, кромѣ спасенія Божія, которое есть Христосъ Господь: только Его вожделѣваетъ онъ, Его желаетъ, къ Нему устремляется всѣми силами, Его грѣетъ въ лонѣ ума Своего, Ему открывается и предъ Нимъ изливаетъ душу свою, и одного только боится, какъ бы

не лишиться общенія съ Нимъ. Въ другомъ мѣстѣ Пророкъ говоритъ о себѣ: *возжада Тебе душа моя* (Пс. 62, 2), а немного ниже прибавляетъ: *прильпе душа моя по Тебѣ, мене же пріятъ десница Твоя* (Тамъ же 9). Кто жаждетъ, тотъ желаетъ быть при источникѣ, и ничего такъ не домогается, какъ поскорѣе добраться до воды. Такъ устремляется и душа къ Господу. И Господь, воспріявъ ее въ десницу Свою и изливъ въ нее Свою силу, дѣлаетъ то, что она будто перестаетъ быть: *живу,* говоритъ она, *не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20). Какъ исчезаетъ душа во спасеніе Божіе, хорошо изображаетъ св. пророкъ Іеремія: и *бысть,* говоритъ онъ, *въ сердцы моемъ яко огнь горящъ, палящъ въ костехъ моихъ, и разслабѣхъ отъвсюду, и не могу носити* (Іер. 20, 9). Хорошо сказалъ: *на словеса упованъ,*— прежде возгарается упованіе, и за нимъ уже слѣдуетъ исчезновеніе. Размышляя о томъ, что читалъ въ словѣ Божіемъ и видя, что, находясь въ тѣлѣ, какъ бы узами какими либо жизни сей связанный, отстоялъ онъ отъ спасенія Божія, вожделѣвалъ его, стремился къ нему, исчезалъ въ немъ, изливался въ него всѣмъ сердцемъ. Такъ исчезаетъ духъ и того, кто, отвергшись себя, весь прилѣпляется Христу Господу. Кто, исчезая въ себѣ, прилѣпляется къ Нему, тотъ теряетъ свое, и воспріемлетъ Божеское, вѣчное, вполнѣ успокоивающее.“

Стихъ восемьдесятъ второй.

Исчезоша очи мои въ слово Твое, глаголюще: когда утѣшиши мя?

„Здѣсь, толкуетъ блаж. Ѳеодоритъ, *словомъ* называется обѣтованіе Божіе. Исчезаетъ въ него тотъ, кто ожидаетъ исполненія Божія обѣтованія и прекращенія облежащихъ его золъ.“

И въ обычной рѣчи говорятъ иногда о томъ, кто долго ждетъ кого либо, съ сильнымъ желаніемъ его видѣть: „глаза просмотрѣлъ.“ Такъ тяготимый скорбію, молитвенно обращая очи свои къ Богу, проситъ и ждетъ помощи,—ждетъ дни, мѣсяцы и годы, а помощь все не приходитъ. Какъ же ему не возопить: *когда утѣшиши?* Этимъ выражается не оскудѣніе упованія, а сила желанія. Прилично было взывать такъ тому мученику, котораго двадцать восемь лѣтъ мучили; измучатъ, и опять въ темницу; чуть-чуть оправится, опять мучатъ и опять въ темницу; прилично было и тридцати-осьмилѣтнему разслабленному, у котораго каждое лѣто предъ глазами получалъ кто нибудь исцѣленіе, послѣ него заболѣвшій и не столь долго лежавшій при купѣли; прилично было іерихонскому слѣпцу, сидѣвшему при пути, и насилу дождавшемуся того, чтобы мимо его проходило спасеніе его. И въ словѣ Пророка, и въ этихъ примѣрахъ слышится сильный урокъ намъ—не оскудѣвать упованіемъ при нескоромъ исполненіи прошеній объ избавленіи отъ гнетущихъ насъ нуждъ и, взывая: *когда, Господи, утѣшиши?*—не терять упованія.

Вышепоименованные св. отцы разумѣютъ и это мѣсто о душѣ, ищущей спасенія въ Господѣ. Но когда душа прилѣпляется къ Господу и имѣетъ Его въ себѣ, такъ чего же еще желать ей? Одного: полнѣйшаго исполненія того, чего ожидаетъ она отъ Господа. Кающемуся изрекается всепрощеніе въ таинствѣ покаянія; но чувство прощенія, или внутреннее удостовѣреніе, что грѣхи прощены, приходитъ не скоро. Сокрушающемуся о томъ духу прилично вопить: *когда утѣшиши?* Одинъ старецъ заключилъ большую покаявшуюся грѣшницу въ келліи и, по истеченіи трехъ лѣтъ, сказалъ ей: „Богъ открылъ мнѣ, что прощены всѣ грѣхи твои.“ Въ этотъ промежутокъ времени, не умѣстно ли ей было взывать: *когда*

утѣшиши? Что идетъ къ покаянію, то и ко всякому дарованію духовному о Христѣ Іисусѣ. Ни одно не дается, или не присвояется душѣ тотчасъ: всему свое время; и утвержденіе во всякой добродѣтели приходитъ въ свое лишь время. Ничего не восхитишь самовольно изъ руки Господней: ищи, молись, жди,—отсюда и вопль: *когда утѣшиши?* Блаж. Августинъ пишетъ: „словами—*когда утѣшиши* Пророкъ показываетъ, какъ тягостно замедленіе полученія желаемаго. Но дающій замедляетъ даяніемъ ради того, чтобы тѣмъ пріятнѣе было полученіе, и тѣмъ бдительнѣе соблюдаемо было полученное. Господь знаетъ, что когда кому дать, ибо Онъ всегда все располагаетъ мѣрою, вѣсомъ и числомъ."

Св. Амвросій вопль — *когда утѣшиши* относитъ къ душѣ, возжелавшей благодати созерцанія. Дѣятельное совершенство есть первая ступень христіанской жизни, а созерцаніе—вторая, высшая. На нее восходятъ по очищеніи души, но не сами собою, а возводятся Господомъ и благодатію Духа. Между тѣмъ, возжелавшій его и самъ устремляетъ туда око ума своего; но, при всемъ напряженіи, самъ ничего не видитъ. У Господа же и благодати Его всему свое время. Отсюда вопль: *когда утѣшиши?* Всѣ тайны Божіи открыты въ словѣ Божіемъ, но постигаются только тогда, когда благодать даетъ ихъ постигнуть. Внезапно узрѣваетъ умъ въ словѣ то, чего прежде не видалъ въ немъ, хотя и нѣсколько разъ читалъ и обдумывалъ его.

Стихъ восемьдесятъ третій.

Зане быхъ яко мѣхъ на слантѣ: оправданій Твоихъ не забыхъ.

Въ двухъ первыхъ стихахъ Пророкъ выражалъ только сильное желаніе помощи и скорбь, что не скоро полу-

чаетъ чаемое; теперь выставляетъ причины, почему праведно было бы ускорить исполненіемъ обѣтованія и прекратить его страданія.

Первая причина та, что я, говоритъ, сталъ, какъ мѣхъ на сланѣ, на морозѣ, на льду, или на снѣгу; и однакожъ, все таки оправданій Твоихъ не забылъ и не забываю. „Мѣхъ, разсуждаетъ Зигабенъ, на морозѣ морозится, сжимается, портится, становится никуда негожимъ.“ Сталъ я, говоритъ, никуда негожъ,—посмотрѣть на меня,—хоть брось, и все это отъ горестей, лишеній, нападковъ и притѣсненій. Состоянія никакого, и силы тѣла истощились: ни кола, ни двора, голоденъ, нагъ и босъ; къ тому же и слѣпъ, и хромъ, и разслабленъ, едва движусь. Къ кому же умѣстнѣе поспѣшить за помощію? Вѣдь это все за оправданія Твои,—за то, что я вѣренъ Тебѣ и не отступаю отъ закона Твоего. Какъ пристала бы такая рѣчь Лазарю на гноищи его! И однакожъ, Лазарь оставленъ, какъ былъ, до конца дней. Потому, надобно всегда при словахъ Пророка доразумѣвать, что онъ береть на себя лицо разнаго рода страждущихъ и, входя въ ихъ положеніе, отъ лица ихъ простираетъ къ Богу молитвенное слово,—не устраняя, впрочемъ, преданности въ волю Божію, которая составляетъ душу молитвы и есть неотъемлемое качество угождающихъ Богу, какъ должно.

Св. отцы, толкуя это мѣсто въ нравственномъ отношеніи,—въ сравненіи—*яко мѣхъ на сланѣ* видятъ указаніе на самоумерщвленіе, первое условіе къ преспѣянію въ духовной жизни, которое строго исполнялъ и св. Павелъ: *умерщвляю тѣло мое,* говоритъ онъ, *и порабощаю, да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (1 Кор. 9, 27). Св. Аѳанасій пишетъ такъ: „Праведные еще въ жизни отъ злострадній дѣлаются мертвецами; потому уподобляются болѣе мѣхамъ, нежели людямъ,

охладѣвъ, какъ отвердѣвшій иней. Дѣлается мѣхомъ на сланѣ тотъ, кто истнѣваетъ плоть свою, не оставляетъ въ ней ничего воспламеняющагося и похотнаго, но какъ бы оледеняетъ ее."

Въ томъ же смыслѣ говоритъ и св. Амвросій: „мѣхъ дѣлается изъ кожи животнаго, переставшаго жить: такъ надо и намъ умереть грѣху и плоти, если желаемъ жить ради Бога. Тогда мы станемъ мѣхи новы, въ которые надежно можно вливать и вино новое. Кто хочетъ и тѣло питать и благодать сохранять, тотъ ищетъ невозможнаго. Мѣхъ на сланѣ есть тотъ, кто всегда носитъ мертвость Господа на тѣлѣ своемъ, кто не утучняетъ тѣла своего, какъ тѣ, о коихъ сказано: наѣлись, напились, и пошли плясать (Исх. 32, 6). Кто упивается не виномъ, а Духомъ, тотъ пусть хвалится, подобно Давиду, что онъ сталъ, какъ мѣхъ на сланѣ."—„При воспламененіи духовныхъ желаній, пишетъ блаж. Августинъ, желанія плотскія охладѣваютъ. Объ этомъ и говоритъ здѣсь Пророкъ. Подъ словомъ „мѣхъ" указываетъ онъ на похотливую плоть, а подъ „сланію"—небесный даръ, которымъ, какъ морозомъ, убиваются плотскія похоти. Слѣдствіемъ сего бываетъ то, что оправданія Божіи не выпадаютъ изъ памяти, потому что тогда и не думается о другомъ, когда *плотоугодіе не творится въ похоти* (Рим. 13, 14).

Стихъ восемьдесятъ четвертый.

Колико есть дней раба Твоего? Когда сотвориши ми отъ гонящихъ мя судъ?

Пророкъ говоритъ какъ бы такъ: идутъ дни за днями, годы за годами: жду заступленія Твоего, а оно не приходитъ. Вотъ ужъ и жизнь на закатѣ, а я все подъ гнетомъ,—враги же мои торжествуютъ. Когда же, Господи, сотворишь Ты судъ надъ гонящими меня, когда посрамишь ихъ и поднимешь меня изъ уничиженія?

Какъ естественъ такой вопль тому, кругомъ кого ликуютъ враги его и Божіи! Того и гляди, что грянетъ смерть, — неужели же враги эти останутся ненаказанными? Конечно. онъ болитъ и за себя, но не отдѣляетъ себя отъ интересовъ Божіихъ. Воодушевляемый на такое дерзновенное слово чувствомъ правды Божіей, онъ какъ бы такъ говоритъ: ужели Ты попустишь правдѣ Твоей быть ненаказанно оскорбляемою? Вотъ тутъ кроется и вторая причина, почему слѣдовало бы ускорить помощь страждущему.

Блаж. Августинъ уподобляетъ этотъ вопль воплю апокалипсическихъ избіенныхъ: *доколѣ, Владыко святый и истинный, не судиши и не мстиши крови нашей отъ живущихъ на земли?* (Апок. 6, 10). И въ томъ и въ другомъ—свидѣтельство, что неправедные обидчики отмщаются еще на землѣ, что не всѣмъ дается до смерти доживать въ неправдахъ, безъ земнаго за то воздаянія. Еслибы такъ было, то люди забыли бы, что есть Судія. Полное за все воздаяніе отложено до всеобщаго суда; но и здѣсь иногда воздаетъ Господь во свидѣтельство того, что путь неправды—ненадежный путь. Иные доживаютъ и до гроба въ счастіи, для того, какъ показала притча о богатомъ и Лазарѣ, да воспріимутъ благая, за нѣкоторыя добродѣтели, въ животѣ своемъ.

Вопль этотъ имѣетъ свой смыслъ и въ нравственномъ отношеніи. Преуспѣвающіе въ борьбѣ со страстьми и похотьми, поддерживаемыми тайными воздѣйствіями врага нашего спасенія, видя, что жизнь на исходѣ, а страсти между тѣмъ все еще въ силѣ, и боясь, какъ бы не перейти неочищенными въ другую жизнь, праведно взываютъ о судѣ надъ непрестающимъ гнать и угнетать ихъ, чрезъ возбужденіе страстей, сатаною. Смыслъ молитвы такой: отрази и прогони его отъ меня; тогда мнѣ легче будетъ управиться съ остатками во мнѣ грѣха въ оставшіе-

ся для меня дни: и я, можетъ быть, хоть подъ конецъ жизни вкушу сладость сердечной чистоты. Св. Аѳанасій пишетъ: „малы дни человѣческіе на землѣ; посему Пророкъ молится, чтобы въ продолженіе ихъ скорѣе сокрушенъ былъ сатана подъ ноги его, и чтобы ему самому покорить душу снисшедшему въ нее Божественному Слову."

Пространнѣе объ этомъ говоритъ св. Амвросій: „Утвердившись на твердомъ основаніи добродѣтели, Пророкъ молится, чтобы дана была ему сила попрать не человѣка, но того, кто привыкъ захватывать для себя въ человѣкѣ владычественное мѣсто. И апостолъ учитъ, что чрезъ судъ надъ грѣхомъ въ человѣкѣ (во время покаянія и отверженія грѣха) совершается судъ надъ сатаною, и что его глава сокрушается чрезъ преодолѣніе грѣха: *Богъ*, говоритъ онъ, *да сокрушитъ сатану подъ ноги ваша вскорѣ* (Рим. 16, 20). Такимъ образомъ, Пророкъ проситъ, чтобы Богъ далъ ему стопами вѣры своей стереть врага и попрать, какъ прахъ,—чтобы еще въ этомъ тѣлѣ, несмотря на краткость дней жизни, восторжествовать надъ нимъ. Это торжество надъ врагомъ получается тогда, когда дается ему возчувствовать надъ собою власть и силу человѣка, котораго прежде держалъ онъ въ узахъ грѣха и страстей. Это бываетъ, когда благодать Божія возрождаетъ и преобразуетъ человѣка. Господь даетъ такой душѣ власть наступать на враговъ своихъ и сокрушать главы ихъ вѣрою, дѣлами и подвигами своими. Такъ всякій можетъ побороть врага. Когда творимъ дѣла непотребныя, врагъ гордится надъ нами; но когда ревнуемъ о дѣлахъ чистоты, правды и воздержанія, тогда мы попираемъ этого змія и скорпія."

Стихъ восемьдесятъ пятый.

Повѣдаша мнѣ законопреступницы глумленія, но не яко законъ Твой, Господи.

Тутъ представляется третья причина, по которой нельзя не услышать вопля Пророка, или вопля того, отъ лица кого говоритъ онъ. Законопреступники, говоритъ, сбивали меня съ пути, предлагая слѣдовать правиламъ ихъ жизни. Конечно, послушавъ ихъ, я избавился бы отъ ихъ нападковъ и обидъ; но я не согласился на это, потому что то, что предлагали они, было очевидными баснями и глумленіями надъ всякою правдою. Не таковъ законъ Твой. Стало быть, не праведно ли будетъ пощадить меня и избавить отъ гнета враговъ правды? Какъ не соблазняли мучители св. мучениковъ? И правость своего зловѣрія выставляли, и вѣру во Христа Господа распятаго уничижали, и предлагали счастіе и довольство, — св. мученики, не всѣ словомъ, но всѣ дѣломъ отвѣтствовали имъ: „все это глумленія, все это ваши собственныя измышленія и ложь, коими вы и себя обманываете, и другихъ хотите прельстить. Не таковъ законъ Божій; не такова воля Божія о спасеніи нашемъ!“ И во всякое время не мало бываетъ лицъ, которыя подвергаются лишеніямъ и притѣсненіямъ со стороны не любящихъ правду за то только, что они не хотятъ участвовать съ ними въ ихъ неправдѣ. Слѣдовательно, во всякое время эти слова встрѣчаютъ людей, которымъ прилично обращаться съ ними къ Богу въ молитвѣ своей.

Въ нравственномъ отношеніи, приложеніе этихъ словъ обширно и повсюдно. Подъ именемъ законопреступниковъ разумѣются здѣсь и прямо грѣшники, которые рѣчами своими иногда покушаются сбивать съ добраго пути ревнителей добра,—и страсти съ грѣховными привычками, которыя, вмѣсто словъ, предъявляютъ свои требованія подъ видомъ закона, а болѣе всего духи нечистые, которые всюду встрѣвають съ своими предложеніями и внушеніями, склоняя оставить законъ воли Божіей и жить по своей, то есть, по ихъ волѣ. Всѣ эти враги истины

никогда не предлагаютъ грѣхъ, какъ грѣхъ и беззаконіе. а всегда прикрываютъ его какбы облакомъ, подъ коимъ онъ кажется сноснымъ, позволительнымъ, а иногда даже и неизбѣжнымъ. Любитель закона Божія, привыкшій ходить путями его, имѣетъ чувства обученныя въ разсужденіи добра и зла, и легко разоблачаетъ льстивыя прикрытія и обличаетъ ложь: все это, говоритъ онъ, хоть и походитъ на законъ, но на самомъ дѣлѣ есть *не яко законъ Твой, Господи,*—и отвращается отъ того. Никто изъ вѣрно идущихъ путемъ Божіимъ не свободенъ отъ такихъ обольщеній; слѣдовательно, всякій изъ таковыхъ можетъ въ слова молитвы своей влагать и эти слова Пророка.

Но не у всѣхъ такой разумъ, и не всѣ могутъ сами разузнавать скрытую прелесть. Потому неопытнымъ слѣдуетъ обращаться къ опытнѣйшимъ, для разъясненія дѣла и указанія, что право. Врагъ иногда за сто верстъ начинаетъ, чтобы довесть иного до худаго дѣла. Неопытный ничего пока не видитъ, кромѣ обычныхъ дѣлъ; но дальше и дальше, и самъ не замѣчая того, спотыкается и падаетъ въ грѣхъ. Злые духи участвуютъ въ дѣлахъ нашихъ больше, нежели сколько мы думаемъ и догадываемся. Шагу нѣтъ, чтобы они не встрѣвали во что, — и все въ тѣхъ видахъ, не удастся ли схватить кого и посмѣяться надъ нимъ. Потому Господь такъ настойчиво и говоритъ: *всѣмъ глаголю—бдите* (Мр. 13, 37). Бдѣть надо, отрѣвая худое; но не менѣе надо бдѣть, разсматривая и не худое, что приходитъ на умъ, какъ дѣло пригожее и полезное.

Стихъ восемьдесятъ шестой.

Вся заповѣди Твоя истина: неправедно погнаша мя, помози ми.

Пророкъ подтверждаетъ этимъ то, почему онъ не послушалъ глумленій законопреступниковъ и остался вѣрнымъ закону: потому, говоритъ, что *законъ Твой—истина,* и за тѣмъ дѣлаетъ изъ этого выводъ: слѣдовательно, они неправедно стали гнать меня; гнать за истину—какая тутъ правда? Потому и молится онъ: *помози* же мнѣ, Господи, покровитель всякой правды, неправедно гонимому! Въ этомъ заключается четвертая причина, почему слѣдуетъ оказать ему помощь. „Предпочитаю, пишетъ Ѳеодоритъ, законъ Твой, потому что вижу всѣ заповѣди Твои украшенными истиною; а въ томъ, что они гонятъ меня—великая неправда.“

На убѣжденіи, что путь, которымъ мы идемъ, истиненъ, стоитъ твердость рѣшимости неуклонно идти имъ, несмотря ни на какія препятствія. Оно даетъ мужество и воодушевляетъ, но при всемъ томъ не отнимаетъ чувства скорбности гоненій и не прикрываетъ неправедности ихъ. Посему, и при такомъ убѣжденіи умѣстна молитва: *помози ми;* оно даже даетъ наибольшее дерзновеніе къ молитвѣ о помощи. Терпящій праведно не гоненіе терпитъ, а наказаніе несетъ,—какъ же ему молиться: *помози ми?* Это возможно для него лишь подъ условіемъ покаянія. Но и при этомъ умѣстнѣе молитва: „праведно терплю; прости и помилуй!“ Св. Амвросій пишетъ: „Не сказалъ Пророкъ: поелику гонятъ меня, помоги мнѣ; но *неправедно погнаша мя, помози ми.* Вѣдь иной можетъ и гоненіе терпѣть, но праведно; есть праведное преслѣдованіе порока. Но когда кто терпитъ гоненіе за правду, за чистоту, за вѣру, такому прилично говорить слова Пророка: *неправедно погнаша мя, помози ми.*“

Въ словахъ *помози ми,* можно видѣть и молитву объ избавленіи отъ гоненій, и молитву о помощи къ перенесенію скорбностей гоненія. У ревнителей добродѣтели напереди стоитъ убѣжденіе, что Богъ лучше насъ знаетъ

что намъ полезно во внѣшней участи нашей. „Какъ добрый воинъ, говоритъ св. Амвросій. Пророкъ не бѣжитъ отъ битвы и не боится схватокъ съ врагомъ, привыкнувъ къ войнѣ: но какъ вѣрный и испытанный молится о ниспосланіи свыше помощи, и благоговѣйною молитвою оживляетъ свое мужество. Не проситъ, чтобъ улеглось преслѣдованіе, но молится о помощи къ перенесенію его. Зналъ онъ, что хотящіе благочестно жити не могутъ обойтись безъ гоненій; посему охотно встрѣчаетъ ихъ, чтобы только стоять въ благочестіи. Много у насъ гонителей, и видимыхъ и невидимыхъ; преслѣдуютъ насъ нечистые духи, преслѣдуютъ еретики, язычники, іудеи. Всѣ тѣ, которые хотятъ благочестно жить, непремѣнно бываютъ подъ гнетомъ гоненій, такъ что и минуту, свободную отъ гоненій, трудно улучить ревнителю благочестія. И, пожалуй, можно даже заключить, что когда не терпимъ гоненій, то вѣрно потому, что живемъ не совсѣмъ благочестно; ибо если вѣрно изреченіе, что *вси хотящіи благочестно жити о Христѣ Іисусѣ гоними будутъ* (2 Тим. 3, 12); то вѣрно и то, что кто не терпитъ гоненія, тотъ еще не начиналъ жить истинно — благочестно о Христѣ Іисусѣ. Когда нѣтъ борьбы, то я боюсь,—не потому ли это, что нѣтъ желающаго вступить со мною въ борьбу? Господь сказалъ: *аще Мене изгнаша, и васъ изженутъ* (Ін. 15, 20). Св. Давидъ въ духѣ слышалъ это слово, прежде еще воплощенія Господня, и будто ученикъ Христовъ не уклонялся отъ воеванія, но смѣло вступалъ въ борьбу; ибо зналъ, что это утвердитъ его въ благочестіи, обезопаситъ ему спасеніе и принесетъ вѣнецъ славы.

Стихъ восемьдесятъ седьмой.

Вмалѣ не скончаша мене на земли: азъ же не оставихъ заповѣдей Твоихъ.

„Едва, толкуетъ св. Аѳанасій, не лишился я жизни отъ гоненій.“—„Ужъ они, прибавляетъ Зигабенъ, свалили меня на земь; еще не много, то и жизни бы лишили; но я и въ такой крайности не оставилъ заповѣдей Твоихъ; въ нихъ поучаюсь и ихъ храню.“ Сначала подходили враги со льстивою рѣчью, желая склонить меня на свою сторону; но такъ какъ я не поддался имъ, то они взялись за другое и сравняли меня съ землею, лишивъ всего и доведши до того, что хоть умереть. Но я перетерпѣлъ и эти смертельныя страданія, а все таки не отступилъ отъ заповѣдей Твоихъ. Точь въ точь исполнялось это на св. мученикахъ.

Въ этомъ пятая причина, почему справедливо поданіе помощи и избавленіе отъ угнетеній. Вотъ доведенъ я до послѣдней крайности, а все стою. Если Ты испытываешь меня, Господи, то, кажется, испытаніе уже состоялось полное, и пора положить ему предѣлъ; а такъ какъ, несмотря на крайность смертельную, Ты хранишь еще жизнь мою, то изъ этого я заключаю, что Ты, наконецъ, готовъ ущедрить меня покоемъ, потому и молюсь: избавь.

Въ нравственномъ отношеніи здѣсь можно видѣть указаніе на самыя сильныя возбужденія грѣховности и устояніе противъ нихъ. Тутъ послѣдній предѣлъ, до котораго простирается и дѣло произволенія человѣческаго въ борьбѣ со страстьми—не соглашаться на худое. Согласіе и несогласіе — всегда дѣло свободы; его никто насиловать не можетъ, ни Самъ Богъ всемогущій. Но дальше этого успѣхъ уже нейдетъ, поколику онъ зависитъ отъ произволенія. Укротить страсти, отсѣчь ихъ отъ естества нашего, сдѣлать ихъ нечувственными, или, что тоже, возвесть въ чистоту, есть дѣло благодати Божіей. Пророкъ и говоритъ въ лицѣ боримаго: о, какъ сильны были возбужденія! Какъ бурный вѣтеръ накло-

няетъ слабое растеніе до самой земли. такъ было и со мною; но я не поддался. Теперь я все сдѣлалъ. что отъ меня зависѣло, доверши же, Господи дѣло Своею благодатію, и укроти борющія меня страсти. А пожалуй, выражаетъ и опасеніе: устоять-то я устоялъ; но кто знаетъ, устою ли послѣ? Лучше возьми отъ меня, Господи, эти страсти!

Св. Амвросій выражаетъ послѣднюю мысль: „Не напрасно прибѣгъ онъ къ Божественной помощи. зная, что брань у него йдетъ съ сильными врагами, и много предлежитъ ему схватокъ съ ними: то нападаютъ нечистые духи, то плоть возстаетъ съ своими приманками. Хоть и противостоишь имъ, а все боишься, какъ бы не пасть. Научимся же изъ сего опасаться болѣе всего своего домашняго врага, котораго всегда носимъ съ собою. Не столько силенъ онъ, сколько льстивъ и разнообразенъ въ прираженіяхъ. Онъ воспламеняется виномъ, горитъ похотію, возжигается отъ взора на мимоидущую случайно женщину, питается надеждою, но и отъ безнадежности не слабѣетъ, возбуждается приманками, но не кончается и удовлетвореніемъ. А вотъ и поразители его: его надламываетъ страхъ, изможданетъ трудъ, а страданія сокрушаютъ его голову.“

Стихъ восемьдесятъ осьмой.

По милости Твоей живи мя, и сохраню свидѣнія устъ Твоихъ.

Цѣль жизни настоящей есть исполненіе заповѣдей Божіихъ. Кто этого держится, тотъ носитъ въ самомъ себѣ основу того, на чемъ, по промышленію Божію, можетъ держаться жизнь его. „Но, замѣчаетъ блаж. Ѳеодоритъ, Пророкъ слово свое украсилъ смиренномудріемъ, потому что просилъ жизни не какъ воздаянія за правду,

но какъ дара милости, обѣщаясь хранить за то свидѣнія Божіи.“

Какъ въ предъидущемъ осмистишіи молилъ,—молилъ, и наконецъ сказалъ: пусть будетъ такъ, какъ Твоей волѣ угодно. только да будетъ сердце мое непорочно,—такъ и здѣсь: просилъ-просилъ, и въ заключеніе говоритъ: ну. пусть торжествуютъ враги; только жизнь мнѣ сохрани. чтобы мнѣ больше преуспѣть въ храненіи свидѣній Твоихъ,—заключаетъ, то-есть, преданностію въ волю Божію, которая составляетъ существо молитвы.

Въ нравственномъ отношеніи, эта молитва должна быть молитвою о благодатномъ оживленіи. Св. Амвросій толкуетъ этотъ стихъ такъ: „Страсти возстаютъ и мѣшаютъ мнѣ вѣрно исполнять заповѣди Твои,—пошли же благодать, или усугубь благодать, оживляющую духъ мой. Тогда святыя духовныя движенія будутъ заглушать движенія обезсиленнаго грѣха, и я безпрепятственно буду хранить свидѣнія Твои. Я воздерживаюсь отъ дѣлъ грѣховныхъ; но отсѣки самыя страсти, чтобы мнѣ, возрѣвая напримѣръ, на жену, не похотствовать на нее даже въ сердцѣ моемъ.“

Или можно и такъ: *живи мя,* соблюди меня для вѣчнаго живота. Пусть эта жизнь идетъ ужъ тѣсно, но не лиши меня вѣчнаго блаженства; а я обѣщаюсь хранить свидѣнія Твои, вѣрность которымъ есть неотложное условіе къ полученію блаженства въ вѣчности. „Словами: *живи мя*, говоритъ св. Амвросій, Пророкъ просилъ, конечно, не того, что имѣлъ, то-есть, жизни, ибо жилъ, но того, чего желалъ, то-есть, чтобы жить въ вѣчности. разумѣя блаженную жизнь. Зная, однакожъ, что въ этомъ многоволнующемся тѣлѣ трудно сохранить неизмѣннымъ доброе настроеніе души, онъ проситъ милости, чтобы непрестанно быть оживляему Духомъ, и чрезъ то всегда жить для Бога и быть мертвымъ грѣху. Ибо когда мертвъ

будетъ грѣхъ въ насъ,—будетъ жива жизнь для Бога, и храненіе заповѣдей продолжится непрерывно и постоянно, и проложитъ путь къ вѣчной жизни въ Богѣ."

ДВѢНАДЦАТОЕ ОСМИСТИШІЕ.

Двѣнадцатое осмистишіе слѣдуетъ подъ буквою или словомъ *ламедъ*—учить.

Учить означаетъ и то, чтобы другихъ учить, и то, чтобы самому учиться, заучивать. Къ настоящему осмистишію приложимо только послѣднее значеніе. Въ немъ говорится о поученіи въ законѣ Божіемъ, чтобы, то-есть, уразумѣвать волю Божію и дѣйствовать сообразно съ нею. Предметъ этотъ многообъятенъ, и Пророкъ неоднократно уже обращалъ на него вниманіе. Въ настоящемъ случаѣ онъ показываетъ, къ какому убѣжденію привело его поученіе въ законѣ Божіемъ и какія блага оно доставило ему. Изучивъ законъ, убѣдился я, говоритъ онъ, что если кто хочетъ истинно жить, то ему нельзя иначе сего достигнуть, какъ сообразуясь съ закономъ Божіимъ, выражающимъ волю Божію о насъ. Посмотри,—на небѣ невидимомъ и на небѣ видимомъ, и на землѣ и во всѣхъ явленіяхъ ея,—все покорствуетъ волѣ Божіей. Если хочешь жить среди тварей, такъ устроенныхъ, то направляй себя и ты по волѣ Божіей; иначе будешь затертъ такимъ общимъ движеніемъ, если пойдешь наперекоръ ей (ст. 89—91). Я такъ положилъ себѣ дѣйствовать, и вотъ что получилъ: при всѣхъ смирительныхъ обстоятельствахъ, не погибъ (—92); дѣйствуя по оправданіямъ Божіимъ, я ожилъ (—93); взыскавъ ихъ, присвоился Богу и чувствую себя спасеннымъ (—94); враги разставляли мнѣ сѣти, но погибели моей не устроили, потому что уразумѣніе свидѣній Божіихъ научило меня разгадывать ихъ козни и миновать ихъ (—95); наконецъ, вступивъ на путь воли Божіей, я чувствую, что вышелъ

на просторъ и свободу, вступилъ въ область, которой нѣтъ предѣла (—96). Приступая къ объясненію сего осмистишія, св. Амвросій молится такъ: „пріиди, Господи Іисусе, отверзи намъ дверь сего пророческаго ученія, такъ какъ она для многихъ затворена, хотя съ перваго раза и представляется отверстою.“

Стихъ восемьдесятъ девятый.

Во вѣкъ, Господи, слово Твое пребываетъ на небеси.

Въ стихахъ 89—91-мъ изображаетъ Пророкъ, какъ все въ твореніяхъ покорствуетъ волѣ Божіей. Въ настоящемъ стихѣ говоритъ, что слово Бога живаго непреложно исполняется на небѣ мысленномъ и вещественномъ; въ слѣдующемъ скажетъ, что и на землѣ все пребываетъ потому, что такъ устроилъ Богъ по премудрой волѣ Своей; а потомъ прибавитъ, что всѣ явленія на землѣ, отъ великихъ до малыхъ, каково, напримѣръ, преемство дней и ночей, все совершается по волѣ Божіей, чтобы изъ всего того вывесть: *яко всяческая работна Тебѣ.*

Во вѣкъ, Господи, слово Твое пребываетъ: Какое слово? То, которое изречено Богомъ, когда Онъ творилъ міръ. Рече Богъ: да будетъ свѣтъ, и бысть; рече Богъ: да будетъ твердь,—и бысть; рече Богъ: да будетъ солнце, луна и звѣзды,—и явились. И все, къ чему тогда изречено,—*бысть*, такъ то и пребываетъ. Воля Божія о бытіи міра осуществилась бытіемъ его; но и пребываетъ онъ потому, что пребываніемъ своимъ осуществляетъ волю Божію о своемъ пребываніи. Хочетъ Богъ, чтобы все пребывало,—и пребываетъ, и притомъ пребываетъ такъ, какъ Ему угодно. Слово Божіе, совѣтъ Божій и опредѣленія Его неизмѣнны.

Во вѣкъ тоже значитъ, что „испоконъ вѣка“, съ самаго, то есть, начала бытія вселенной. Но оно можетъ

означать и весь вѣкъ сей, съ начала бытія до преставленія свѣта, послѣ коего явится *новое небо*. Потому-то и не сказано: во вѣкъ вѣка, или во вѣки вѣковъ, а только *во вѣкъ*. Такъ объясняютъ слово св. Иларій, Аѳеимъ и проч. Во весь періодъ настоящаго образа бытія міра, какъ началò все быть на небѣ, такъ и пребываетъ и пребудетъ до скончанія вѣка.

Блаж. Ѳеодоритъ пишетъ: „Тебѣ. Владыко, говоритъ Пророкъ, все удобно и возможно, потому что повелѣніе Твое хранятъ неподвижные своды небесъ.“ Тоже сказалъ онъ и въ псалмѣ 148-мъ: *поставилъ я въ вѣкъ: повелѣніе положи, и не мимо идетъ* (Пс. 148, 6).

Св. Амвросій дѣлаетъ изъ этого такой выводъ: „Видишь,—и въ тебѣ должно пребывать то, что пребываетъ на небеси. Храни же слово Божіе въ сердцѣ Твоемъ. и храни такъ, чтобъ оно не забывалось. Храни законъ Божій и поучайся въ немъ. Если хочешь познать силу пророческаго реченія, вознесись отъ видимаго къ мысленному и бери изъ него нравственные уроки. Если слово Божіе пребываетъ на небеси, будемъ подражать небу, гдѣ оно пребываетъ. Съ неба возьми примѣръ для своей жизни. Есть ли какое либо нарушеніе закона въ солнцѣ? Не всегда ли оно соблюдаетъ обычный бѣгъ свой? И луна не всегда ли въ одинаковомъ порядкѣ умаляетъ или увеличиваетъ дискъ свой? И звѣздъ соотношеніе и движеніе (видимое) по небу не всегда ли одинаково? Такъ все на небѣ хранитъ свой законъ и пребываетъ въ своемъ чинѣ. Такъ неизмѣнно да пребываетъ и въ тебѣ слово Божіе, опредѣляющее образъ дѣйствованія твоего.“

Когда Пророкъ говоритъ, что слово Божіе пребываетъ на небеси, то прямо разумѣетъ видимое небо; но при размышленіи ничто не мѣшаетъ отъ видимаго неба вознестись и къ невидимому,—сонмамъ ангеловъ и святыхъ. „Этимъ же изреченіемъ, говоритъ блаж. Ѳеодо-

ритъ, Пророкъ даетъ разумѣть и то, что сонмы ангеловъ, обитающіе на небѣ, хранятъ законъ Божій и свободны отъ всякаго преткновенія.“ Къ подобной мысли приходятъ и св. Амвросій, св. Иларій, Аѳеимъ, Зигабенъ. Впрочемъ, и на этомъ небѣ показался было нарушитель воли Божіей, но онъ скоро сверженъ былъ оттуда со всѣми, кого успѣлъ увлечь; и теперь умное небо пребываетъ чисто, свѣтлѣясь въ ангелахъ словомъ Божіимъ, пребывающимъ и составляющимъ неизмѣнную норму всѣхъ ихъ движеній, и внутреннихъ и внѣшнихъ. Воля Божія тамъ исполняется въ такомъ совершенствѣ, что Господь поставилъ намъ въ заповѣдь всегда молиться, да будетъ она и въ насъ такъ же, какъ и на небѣ ангельскомъ.

Останавливаясь на этой мысли, св. Амвросій побуждаетъ насъ къ ревнованію устроить и на землѣ подобное же небо. Какъ же это? А вотъ какъ: „слушай, говоритъ онъ, что пишетъ апостолъ: *якоже облекохомся во образъ перстнаго, тако да облечемся и во образъ небеснаго* (1 Кор. 15, 49). Вотъ и небо! Такіе люди имѣютъ полное дерзновеніе говорить: *наше жительство на небесѣхъ есть* (Фил. 3, 20), ибо тутъ качествуютъ вѣра, воздержаніе, отрѣшеніе отъ всего, — жизнь небесная. Какъ землею названъ тотъ, кто отпалъ отъ небесной благодати чрезъ нарушеніе заповѣди и сталъ связаннымъ земными страстями; такъ справедливо небомъ назвать того, кто отрѣшеніемъ отъ всего земнаго ревнуетъ ангельскому житію. Небо тамъ, гдѣ присущи небесныя добродѣтели, хотя бы это было и на землѣ. *Небо Мнѣ престолъ,* говоритъ Господь у Пророка. Это не вещественное, полагаю, небо, а скорѣе то, въ которое входитъ Христосъ и въ которомъ вечеряетъ Онъ, постучаніемъ раздраживъ напередъ любовное желаніе принять Его. И не одинъ Онъ входитъ, но съ Отцемъ, какъ Самъ сказалъ: *Азъ и Отецъ пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (Ін. 14, 23).

Продолжая тоже наведеніе, св. Иларій говоритъ: „когда сказалъ Пророкъ, что слово Божіе пребываетъ на небѣ, то есть, въ мірѣ ангельскомъ, не слѣдуетъ думать, что его нѣтъ уже на землѣ, то есть, въ сердцахъ разумныхъ тварей. Изъ насъ (крещенныхъ) нѣтъ никого, кто бы лишенъ былъ дара небесной благодати, и кто не имѣлъ бы пребывающаго въ себѣ слова Божія, когда трезвится, со всѣми живетъ мирно, воздерживается, милосердствуетъ, вообще, когда покорствуетъ заповѣдямъ Божіимъ, исполняя возлагаемыя ими на насъ дѣла. Въ тѣхъ слово Божіе пребываетъ какъ на небѣ, въ которыхъ оно не нарушается ни гнѣвомъ, ни похотію, ни лукавствомъ, ни человѣкоугодіемъ.“

Стихъ девяностый.

Въ родъ и родъ истина Твоя: основалъ еси землю, и пребываетъ.

Послѣ указанія неотступности неба отъ велѣній Божіихъ, слѣдовало бы указывать неотступность отъ тѣхъ же велѣній и земли; но Пророкъ вставляетъ въ среду одно крайне знаменательное изреченіе: *въ родъ и родъ истина Твоя.* Съ какою мыслію?

Можно слова эти поставлять въ соотношеніе съ предыдущимъ стихомъ: противъ *во вѣкъ* станетъ—*въ родъ и родъ*, а *истина Твоя* будетъ стоять противъ—*слово Твое*. Въ такомъ случаѣ, онѣ будутъ служить объясненіемъ того стиха. И *истина Твоя* будетъ означать тѣже непреложные законы бытія неба, какіе выражаются и словомъ: *слово Твое*... Смотрю на небо, и оно внушаетъ мнѣ, что слово Твое во вѣкъ пребываетъ; тоже видѣлъ и предшествующій намъ родъ, и за — предшествующій. Изъ рода въ родъ переходитъ истина непреложности учрежденныхъ Тобою порядковъ на небѣ.

Но можно полагать, что въ словахъ этихъ содержится нравственное приложеніе всего сказаннаго въ первыхъ трехъ стихахъ этого осмистишія (89—91) о неизмѣнности порядковъ міра физическаго. Указалъ онъ эту неизмѣнность на небѣ, укажетъ и на землѣ: *основалъ еси землю и пребываетъ. Учиненіемъ Твоимъ пребываетъ день.* Слѣдовало бы потомъ приложить: такъ въ мірѣ вещественномъ, но не иначе дѣется и въ мірѣ нравственномъ: и здѣсь—*въ родъ и родъ* пребываетъ *истина* Божія. Разсудилъ же Пророкъ помѣстить это не въ концѣ, а выше, чтобъ эту, по высотѣ небесной, высокую истину, не отдалять отъ указанія неизмѣнности порядковъ Божіихъ на небѣ. Такимъ образомъ, Пророкъ учитъ, что какъ въ мірѣ видимомъ неизмѣнны положенные Богомъ законы бытія; такъ и въ мірѣ нравственномъ въ родъ и родъ пребываетъ истина Божія. Какая же это истина? И та, о которой всѣмъ повѣдаютъ небеса, что есть Богъ, Творецъ, Вседержитель, Промыслитель и Судія вселенной, Которому разумныя твари должны угождать вѣрнымъ слѣдованіемъ законамъ, положеннымъ въ совѣсти. Эта истина всѣми исповѣдуется; во всякомъ родѣ и родѣ она заправляетъ главнымъ образомъ жизнію народовъ, и нѣтъ силы, которая могла бы заглушить голосъ ея. Она пребываетъ въ родъ и родъ и пребудетъ во всѣ роды и вѣки вѣковъ. И особенно та истина, которая сообщена людямъ чрезъ Откровеніе. Богъ открывалъ волю Свою Адаму, Ною, патріархамъ—родоначальникамъ избраннаго народа, особенно же Моисею на Синаѣ. Но и послѣ него не переставалъ Онъ вразумлять народъ Свой чрезъ святыхъ мужей, которымъ являлся Самъ, или посылалъ къ нимъ ангеловъ Своихъ. Пророкъ Давидъ и самъ на себѣ испыталъ такія откровенія.

Но эти откровенія нерѣдко касались частныхъ случаевъ. Какая же истина изъ откровенныхъ пребываетъ

въ родъ и родъ? Та, что имѣлъ прійти Избавитель и спасти родъ нашъ. Эта истина составляла душу всѣхъ откровеній и всѣхъ учрежденій Божіихъ въ народѣ Своемъ. Ее принялъ св. Давидъ отъ предшествовавшихъ родовъ и передалъ послѣдующимъ, живописуя въ богодухновенныхъ псалмахъ своихъ имѣющаго прійти Избавителя, такъ какъ бы видѣлъ Его во очію. Въ родъ и родъ исповѣдуема была эта истина до св. Давида; а онъ провидѣлъ, что ее будутъ исповѣдывать и въ послѣдующіе вѣка также въ родъ и родъ. Всякій родъ пріемлетъ эту истину отъ предшествовавшаго, передаетъ послѣдующему, и исповѣдавъ, что она пребывала до него въ родѣ и родѣ, ручается за то, что она пребудетъ неизмѣнно и во всѣ роды послѣ него. И нѣтъ силы, которая могла бы пресѣчь шествіе этой истины изъ рода въ родъ.

Для Пророка эта истина была только чаемая; для насъ же она — совершившійся фактъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ скоро она совершилась, то уже перестала быть достояніемъ одного народа Божія, а сдѣлалась достояніемъ всѣхъ народовъ. И однажды утвердившись, въ одномъ извѣстномъ народѣ, она уже пребываетъ изъ рода въ родъ, и пребудетъ во всѣ роды во вѣки вѣковъ.

Наши толковники, при этомъ изреченіи Пророка, преимущественно останавливаются на переходѣ богооткровенной истины отъ одного народа въ достояніе всѣхъ другихъ народовъ. Такъ блаж. Ѳеодоритъ пишетъ: „*Въ родъ и родъ истина Твоя*. Ее сохранилъ Ты іудейскому роду, и другому наставшему послѣ него. Разумѣемъ же народъ изъ язычниковъ, улучившій спасеніе отъ Спасителя нашего Іисуса Христа.“ Св. Аѳанасій говоритъ: „Два суть рода пріявшихъ истину Божію: іудейскій народъ, у котораго есть законъ и пророки, и Церковь. Посему, истина Божія не въ роды, но въ родъ первый и въ родъ второй. Прочіе же народы пребываютъ въ

заблужденіи. Но когда родъ первый отринулъ истину, и сказалъ: *возьми, возьми отъ земли таковаго* (Дѣян. 22, 22); тогда истина отъ рода перваго перешла къ роду второму.“—„И такъ, заключаетъ св. Амвросій, во всѣхъ народахъ царствуетъ ложь; истина только въ Церкви, ибо всѣ вѣрующіе составляютъ одинъ родъ. Церковь всѣхъ объединяетъ, и она одна обладаетъ истиною.“

Стихъ девяносто первый.

Учиненіемъ Твоимъ пребываетъ день: яко всяческая работна Тебѣ.

Конецъ предыдущаго стиха: *основалъ еси землю и пребываетъ,* соединяется, въ толкованіи, съ настоящимъ стихомъ, такъ какъ они вмѣстѣ выражаютъ одну мысль, именно ту, что и на землѣ и на небѣ все совершается и движется по волѣ Божіей.

Богъ основалъ землю, назначилъ, то есть, ей мѣсто въ цѣпи планетъ солнечной системы, и установилъ отношеніе ея къ солнцу, лунѣ и другимъ тѣламъ; и какъ Онъ установилъ, такъ все это и пребываетъ доселѣ, и пребудетъ, пока угодно Богу, чтобы пребывало такъ. И на самой землѣ все основалъ Богъ. Онъ расположилъ въ стройномъ соотношеніи воздухъ, воду и землю, земные пласты, соли, металлы.—все дѣло рукъ Его, и гдѣ чему назначено лежать, тамъ оно и лежитъ. Не сами собою являлись и разныя роды растеній, а вышли изъ земли по повелѣнію творческаго слова Божія; равно и животными наполнились воздухъ, вода и земля потому, что такъ повелѣлъ Господь всяческихъ. Такъ основалъ Богъ землю со всемъ, что въ ней и на ней, и какъ основалъ, такъ все и пребываетъ.

Учиненіемъ Твоимъ пребываетъ день. „Землѣ, говоритъ

блаж. Θеодоритъ, далъ Ты долговѣчность, и она пребываетъ, какъ повелѣлъ Ты. День отдѣлилъ Ты отъ ночи, и идутъ они по законамъ Твоимъ."

Вращаніе земли вокругъ самой себя, при опредѣленномъ отношеніи ея къ солнцу, даетъ перемѣну дня и ночи. Но поелику Богъ опредѣлилъ землѣ и вращаться вокругъ себя и быть въ такомъ отношеніи къ солнцу, то и перемѣна дней и ночей входила въ планъ основанія земли. Мы привыкли въ этой перемѣнѣ, и потому она не кажется намъ чѣмъ либо великимъ; но на дѣлѣ эта перемѣна, отъ которой зависитъ и перемѣна временъ года, условливаетъ круговращеніе жизни всѣхъ тварей, сущихъ на землѣ. Когда говоритъ Пророкъ, что *учиненіемъ Божіимъ пребываетъ день*, то хочетъ привесть намъ на мысль, что порядки измѣненій на землѣ всѣ опредѣлены Богомъ такъ, чтобы твари могли жить на ней, и если живутъ, то потому, что, по Божію учиненію, пребываютъ неизмѣнными тѣ порядки.

Яко всяческая работна Тебѣ. Это выводъ изъ всего сказаннаго и подтвержденіе того. Все рабски покорствуетъ Богу, да иначе и быть тому нельзя. Творецъ есть и Вседержитель, и держимое держитъ, какъ Ему благоугодно. Когда говоритъ Пророкъ: *всяческая работна Богу*, то не исключаетъ ничего. Облако движется и несетъ дождь туда, куда Богъ повелѣваетъ, чтобъ однѣ поля оросить, а другія оставить палящему зною солнца. Буря несется, куда Богъ ее направляетъ, и исполняетъ суды правды или милости Его. Огонь воспламеняется, и иногда поядаетъ грады и села, потому что такъ повелѣлъ ему Богъ. И ничто не бываетъ случайно; все движется по законамъ милости Божіей и правды, премудро и цѣлесообразно.

Такъ, и на небѣ и на землѣ все покорствуетъ Богу; но покорствуетъ потому, что не можетъ не покорствовать, не имѣя свободы. Однѣ разумныя твари получили

свободу, и среди общаго рабства тварей ходятъ независимо, какъ цари, не стѣсняясь узами неизмѣнныхъ законовъ. Богъ почтилъ ихъ самовластіемъ, но не за тѣмъ, чтобъ они своевольничали, а за тѣмъ, чтобы свободно и самоохотно подчинялись той же волѣ Божіей. Далъ и имъ Богъ законы и начерталъ ихъ въ сердцѣ ихъ; но свободы ихъ не связалъ, а оставилъ имъ на произволъ—исполнять ихъ, или не исполнять, предупредивъ только, что если будутъ исполнять, то будутъ блаженны, а если нѣтъ, то страдать будутъ.

Рабство же всѣхъ тварей предъ глазами ихъ поставилъ для того, чтобъ имѣли они въ немъ побужденіе и напоминаніе. Если всяческая работна Богу, то и вамъ не пристало уклоняться отъ общаго порядка. Подклоните же свою свободу подъ иго воли Божіей самоохотно.

Когда въ какой нибудь многосоставной машинѣ,—положимъ, на мельницѣ, гдѣ дѣйствуетъ множество колесъ,—одно какое либо колесо не захотѣло бы подчиняться общему движенію,—всѣ другія колеса, не переставая дѣйствовать подъ вліяніемъ движущей ихъ силы, сотрутъ его и сомнутъ. Такъ и съ свободною тварію: хотя свободно, но все же необходимо подчиняться обще со всѣми тварями волѣ Божіей, чтобы жить блаженною жизнію. Возъимѣла она смѣлость отступить отъ воли Божіей,—и вотъ трутъ ее и мнутъ всѣ твари, поучительно напоминая ей объ ея отступленіи отъ общаго чина, и поучительно призывая возвратиться въ общій строй, чтобы вмѣстѣ со всѣми работать Богу всею душею, всѣмъ сердцемъ, всѣми силами и всѣмъ помышленіемъ.

Стихъ девяносто вторый.

Яко аще бы не законъ Твой поученіе мое былъ, тогда убо погиблъ быхъ во смиреніи моемъ.

Изъяснивъ какъ все въ мірѣ работно Господу Богу, Пророкъ умалчиваетъ о томъ, что, въ слѣдствіе такого положенія дѣлъ, и онъ положилъ твердое намѣреніе всегда ходить въ волѣ Божіей, — умалчиваетъ потому, что это ужъ неизбѣжное дѣло для всякаго, у кого есть разумъ, а говоритъ только о томъ, какія благія отъ того были для него послѣдствія. Первое то, что въ смирительныхъ обстоятельствахъ только поученіе въ законѣ Божіемъ избавило его отъ пагубы.

Мы видимъ, что Пророкъ Давидъ съ дѣтства прилѣплялся всѣмъ сердцемъ къ Богу и всячески старался угождать Ему. За то и избранъ въ цари народа избраннаго, и, по одолѣніи Голіаѳа, пошелъ счастливымъ путемъ къ возвышенію. Вотъ уже онъ зять Саула; но врагъ возбудилъ въ тестѣ зависть къ нему, и Давидъ принужденъ былъ бѣжать изъ царскихъ чертоговъ и скитаться среди ежеминутныхъ опасеній за свою жизнь. Одинъ Богъ хранилъ его въ этихъ обстоятельствахъ Пророкъ осязательно видѣлъ это, и не переставалъ исповѣдать то, когда возвратились къ нему счастливые дни.

За что же Богъ являлъ ему такую милость? За то, что онъ пребывалъ вѣренъ Ему и ни въ чемъ не позволялъ себѣ отступать отъ сознанной воли Божіей. Что съ нимъ ни случалось,—онъ смотрѣлъ не на то, чтобы было такъ, какъ бы ему самому хотѣлось, или какъ бы сдѣлать выгоднѣе и лучше, а на то, чего хотѣлъ отъ него Богъ въ томъ или другомъ случаѣ; смотрѣлъ онъ въ законъ, и въ немъ поучался, какой предлежитъ ему избрать путь такъ, чтобъ это было благоугодно Богу. Чего бы лучше и сподручнѣе, какъ умертвить Саула, когда онъ лежалъ предъ нимъ безъ защиты? Но ему и на мысль не приходило это, потому что лице помазанника Божія считалъ онъ неприкосновеннымъ. Страхъ Божій, всегда присущій сердцу его, удерживалъ его отъ злыхъ не только дѣлъ,

но и помышленій. А поелику онъ всегда былъ такъ настроенъ, и имѣлъ всегдашнее удостовѣреніе въ своей совѣсти, что не нарушалъ воли Божіей въ угодность себѣ, то сердце его полно было упованіемъ на Бога; а такое крѣпкое упованіе всегда привлекаетъ милость Божію и покровъ Его. Воспоминая объ этомъ, онъ исповѣдуетъ теперь, что тогда, въ смирительныхъ обстоятельствахъ, погибъ бы непремѣнно, еслибы законъ Божій не былъ наставникомъ, которому онъ во всемъ слѣдовалъ. Не будь этого,—не было бы и покрова Божія надъ нимъ; а надъ кѣмъ нѣтъ покрова Божія, того подавляетъ злоба людская и козни исконнаго врага нашего спасенія.

Такъ спасались отъ пагубы и всѣ праведные. Что помогло Іосифу не затеряться въ Египтѣ и не пропасть безъ вѣсти? То, что онъ учился изъ закона Божія, какъ вести себя въ нежданныхъ и негаданныхъ обстоятельствахъ жизни своей. Страхъ Божій былъ причиною того, что онъ сохранилъ цѣломудріе, а отсюда пошли уже и всѣ милости Божіи. Что спасло отроковъ въ Вавилонѣ? То, что, поучаясь въ законѣ Божіемъ, они имѣли его единственнымъ руководителемъ, какъ дѣйствовать среди невѣрныхъ, въ рукахъ которыхъ была жизнь ихъ. Отсюда мудрость ихъ и спасеніе даже въ пещи огненной. Что раньше всѣхъ ихъ спасло Іова, въ крайне крутомъ переворотѣ жизни его? То, что онъ всегда поучался въ законѣ Бога своего и пребылъ ему вѣрнымъ, несмотря на всякіе соблазны.

Блаж. Ѳеодоритъ пишетъ: „это можно сказать всякому изъ благочестивыхъ, впадающему въ бѣдствія: и Іосифу, избѣгшему рабства, прелюбодѣянія и клеветы, и Даніилу, получившему запрещеніе молиться, и тремъ отрокамъ, принуждаемымъ поклониться истукану, и побѣдоноснымъ мученикамъ, претерпѣвшимъ всѣ роды казней. Такъ имѣлъ право говорить и Давидъ, изгнанный

Сауломъ и принужденный жить съ иноплеменниками и съ людьми злочестивыми. Можетъ быть, и онъ пріобщился бы нечестію ихъ, еслибы не поучался непрестанно въ Божіемъ законѣ."

Тоже можетъ исповѣдать и всякій подвижникъ, когда минуетъ его буря страстей и сильныя смущенія отъ бѣсовъ. Блюдетъ его отъ паденій страхъ Божій и непоколебимая вѣрность закону Божію. Потому-то, по минованіи искушенія, и они всегда отъ сердца говорятъ словами св. Аѳанасія Великаго; „отъ прираженія лукавыхъ помысловъ и нападенія сопротивныхъ силъ погибъ бы я, еслибы законъ Твой не сталъ для меня опорою."

Стихъ девяносто третій.

Во вѣкъ не забуду оправданій Твоихъ, яко въ нихъ оживилъ мя еси.

Прежде Пророкъ сказалъ о томъ, что спасительнаго испыталъ онъ отъ поученія въ законѣ Божіемъ и отъ вѣрности ему; теперь говоритъ о своей рѣшимости въ слѣдствіе того: такъ какъ Ты соблюлъ животъ мой, *оживилъ мя еси,* оставилъ въ живыхъ за то, что я поучался въ законѣ Твоемъ и слѣдовалъ ему во всемъ, то и впередъ я никогда не забуду оправданій Твоихъ, слѣдуя коимъ, человѣкъ является правымъ предъ Тобою. „Дознавъ опытомъ, поясняетъ блаж. Ѳеодоритъ, что оправданія Твои даютъ жизнь, я сохраню неизгладимое памятованіе о нихъ." *Не забуду,* не памятію только и помышленіемъ, а дѣломъ и жизнію,—не забуду, то есть, ходить въ нихъ, исполнять ихъ. Опыты благихъ послѣдствій отъ исполненія заповѣдей и оправданій Божіихъ воодушевляютъ рѣшимостію—навсегда оставаться вѣрными имъ. Съ этимъ сладостнымъ оживленіемъ, которое даетъ жизнь по волѣ Божіей, ничто не можетъ сравнить-

ся. Желая оставаться навсегда въ такомъ оживленіи, я ужъ не хочу ничего знать, кромѣ оправданій Твоихъ. „Какъ оздоровѣвшій, говоритъ Дидимъ у Зигабена, отъ какой либо тяжкой болѣзни, при пособіи извѣстныхъ лекарствъ, не забываетъ никогда про нихъ, такъ и Пророкъ, будучи оживленъ Богомъ въ оправданіяхъ, какія имѣлъ отъ Него, говоритъ, что во вѣкъ не забудетъ ихъ, выставляя побужденіемъ къ тому оживленіе свое въ нихъ.“

Слово Пророка указываетъ не на одно сохраненіе жизни тѣлесной, ради вѣрности оправданіямъ Божіимъ, но болѣе того на оживленіе души, которое всегда бываетъ въ силѣ, хотя бы и не послѣдовало сохраненія жизни. Потому-то и говоритъ онъ: *яко въ нихъ оживилъ мя еси.* Это тоже, что сказать: я чувствую въ себѣ жизнь, которая качествуетъ во мнѣ чрезъ посредство оправданій Твоихъ. И дѣйствительно, гдѣ нѣтъ обличеній совѣсти, гдѣ нѣтъ предпочтенія себѣугодія богоугожденію, несмотря на сопровождающія такой образъ жизни произвольныя и непроизвольныя лишенія, тамъ только и есть настоящая жизнь; и какъ настоящая, она не можетъ не намащать души елеемъ радованія, проникая всѣ составы ея, и всюду оставляя слѣды довольства и умиротворенія. Посему св. Аѳанасій и пишетъ касательно этого мѣста: „буду взирать на Твои законы, потому что въ нихъ обрѣтаю жизнь, какъ и сказалъ Ты мнѣ, что *сотворивый та человѣкъ живъ будетъ въ нихъ* (Лев. 18, 5). Слѣдовательно, живъ одинъ праведникъ, хотя, по видимому, и умираетъ; а неправедные—мертвы, хотя и кажутся живыми, потому что первые въ себѣ самихъ имѣютъ основу жизни—правду, а послѣдніе, не имѣя этой основы, подобны неодушевленнымъ вещамъ, которыя не сами собою, а отвнѣ приводятся въ движеніе.“

Такимъ образомъ, можно сказать, что если иные бы-

ваютъ невѣрны заповѣдямъ Божіимъ, то потому, что не успѣли испытать, сколь животворно дѣйствуетъ на душу исполненіе ихъ. Испытать же не допускаетъ ихъ невѣріе: не вѣрятъ, что такъ есть, и не дѣлаютъ опытовъ самоотверженнаго исполненія заповѣдей; тогда какъ противоположная тому жизнь представляется имъ предлагающею испытанныя удовольствія, хоть удовольствія эти всегда отзываются горечью. Надобно повѣрить и вступить на путь заповѣдей. Сладость жизни по заповѣдямъ не тотчасъ дается вкусить для того собственно, чтобы посредствомъ сего испытать вѣру и дать ей окрѣпнуть. Но она есть и ожидается тѣми, кои вступили на этотъ путь. Когда испытаніе пройдетъ, тогда дается ощутить и сладость жизни такой, какъ свидѣтельство того, что началось оживленіе души подъ благотворнымъ дѣйствіемъ вѣрности заповѣдямъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ ощутительнѣе это оживленіе. Наконецъ, вселяется въ сердце и полнота жизни. Это ужъ тогда, когда приходитъ Господь со Отцемъ и Святымъ Духомъ и творитъ себѣ обитель въ душѣ, ради долгой, постоянной и терпѣливой ея вѣрности заповѣдямъ.

Стихъ девяносто четвертый.

Твой есмь азъ, спаси мя: яко оправданій Твоихъ взыскахъ.

Самъ Богъ присвояетъ Себѣ вѣрно исполняющихъ волю Его, называя ихъ Своими рабами, Своими вѣрными слугами, друзьями, сынами и дщерями; и вступающіе на путь заповѣдей чувствуютъ, что вступаютъ какбы въ нѣкое свойство съ Богомъ, становятся своими Ему. Такъ бываетъ и между людьми: когда кто вѣрно служитъ кому, то не считаетъ себя чуждымъ ему, и вѣруетъ, что и тотъ, кому онъ служитъ, не считаетъ его чужимъ себѣ.

Такъ и въ дѣлѣ Божіемъ. Это взаимоприсвоеніе составляетъ духовный союзъ Бога съ вѣрными душами и душъ вѣрныхъ съ Богомъ. Вотъ это-то родство съ Богомъ и исповѣдуетъ здѣсь св. Пророкъ: я Твой, говоритъ онъ, потому что *оправданій Твоихъ взыскахъ;* взыскалъ я оправданій Твоихъ, и сталъ Твой. Вѣрую, что и Ты имѣешь теперь меня Своимъ; спаси же меня, какъ Своего. *Твой азъ, спаси мя!* „Твой я рабъ, говоритъ св. Аѳанасій Великій, Твой я по благодати сынъ, Твой я служитель.“—„Не всѣ, прибавляетъ блаж. Ѳеодоритъ, могутъ говорить такъ: кто рабъ грѣху, тотъ лжетъ, именуя себя рабомъ Божіимъ: *имже кто побѣжденъ бываетъ, сему и работенъ есть* (2 Петр. 2, 19). Посему, если мы, освободившись отъ грѣха, положимъ намѣреніе слѣдовать Божіимъ законамъ, то и мы можемъ говорить о себѣ словами Пророка.“

О, какого великаго дара, какого неизреченнаго преимущества лишаетъ насъ грѣхъ!... *Божій,* такое званіе дается исполнителямъ заповѣдей Божіихъ, и не званіе только, но самое существенное свойство и родство съ Богомъ! Кто посвящаетъ себя на служеніе Богу, взыскавъ оправданій Его, того Богъ, благодатію Святаго Духа, претворяетъ въ новаго человѣка, и бываетъ онъ Божій, какъ рожденный отъ Бога. Что значатъ предъ этимъ всѣ титла и всѣ преимущества земныя!... А между тѣмъ, мало кто помышляетъ объ этомъ, беззаботно предаваясь грѣху въ самоугодіи плоти, тогда какъ грѣхъ не только ничего не даетъ, но расточаетъ даже и то, что человѣкъ имѣетъ отъ щедродателя—Бога. Отъ того-то мы и не имѣемъ права говорить: *Твой есмь азъ.* Какіе же мы, въ самомъ дѣлѣ, *Его,* когда совѣсть громко говоритъ намъ, что мы только и дѣлаемъ, что творимъ плотоугодіе въ похоти?

Увлекаясь преимуществомъ такого титла, иной, пожалуй, и рванулся бы сказать: „Твой я, Господи;“ — но

возстаютъ ближайшіе его господа, которымъ онъ работаетъ, и зажимаютъ ему уста. „Приходитъ похоть, разъясняетъ эту мысль св. Амвросій, и говоритъ: мой ты, потому что плотоугодничаешь: ты продалъ себя мнѣ за любовь къ такой-то; я заплатила за тебя твоимъ паденіемъ съ такой-то блудницею. Приходитъ любостяжаніе и говоритъ: мой ты; серебро и золото, которое ты имѣешь, цѣна рабства твоего; то, чѣмъ ты владѣешь, есть уплата за твое самовластіе (съ моей) и продажа свободы (съ твоей стороны). Приходитъ роскошество и говоритъ: мой ты; однодневное пированіе есть цѣна за всю жизнь твою; эти роскошныя явства есть уплата за твою голову; я купило тебя за чаши вина, стяжало за дорогія блюда. Приходитъ честолюбіе и говоритъ: мой ты; развѣ не знаешь, что за то я доставило тебѣ власть надъ другими, чтобы ты мнѣ покорствовалъ? Ты рабъ мой, за то, что я подчинило тебѣ другихъ. Приходятъ и всѣ другіе пороки и страсти, и каждая изъ нихъ говоритъ: мой ты, — и тотъ, кому говорятъ они это въ правду, не смѣетъ и языка поворотить противъ нихъ. Какъ же такому осмѣлиться сказать Христу Господу: Твой я? Нѣтъ, отвѣтитъ Онъ тебѣ: *не всякъ глаголяй ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное* (Мѳ. 7, 21). Не всякій, говорящій Мнѣ: Твой я, есть Мой. Ты Мой, если только совѣсть твоя не обличаетъ тебя въ лживости слова твоего, если рѣчи твоей не противорѣчатъ дѣла и помышленія сердца твоего. Не отрицаю, что тотъ Мой, кто самъ не отвергаетъ сего, или, лучше, кто отвергается самъ себя. Не хочу имѣть рабомъ того, кто рабствуетъ многимъ господамъ; ибо какъ будетъ Моимъ тотъ, кто языкомъ говоритъ: *Твой есмь азъ,* а дѣлами опровергаетъ это, и жизнію своею показываетъ, что преданъ діаволу? Не Мой тотъ, кого разжигаетъ похоть, ибо у Меня чистота; не Мой тотъ,

кого возмущаетъ скородвижный гнѣвъ, потому что Я—кротость; не Мой тотъ, кто услаждается пиршествами, потому что у Меня строгая во всемъ воздержность. У меня миръ, и вздорливости Я не вѣдаю. Что мнѣ до того, о комъ діаволъ можетъ сказать: онъ мой; онъ передо мною преклонилъ выю свою, и я нахожу въ немъ много своего? Имя-то онъ носитъ Твое, а служитъ мнѣ. Св. Пророкъ Давидъ праведно сказалъ: *Твой есмь азъ*, потому что всегда преданъ былъ Господу, *яко оправданій Твоихъ взыскахъ*, то-есть, я ничего не искалъ чуждаго Тебѣ, но всегда желалъ одного того, что Твое есть: *оправданій Твоихъ взыскахъ*. Онѣ — единственное достояніе мое; а чрезъ нихъ и Самъ Ты—часть моя еси, Господи.“

Стихъ девяносто пятый.

Мене ждаша грѣшницы погубити мя: свидѣнія Твоя разумѣхъ.

Грѣшники—ненавидѣвшіе меня, враги мои,—составили засаду, чтобъ я попался въ ихъ руки, дабы погубить меня. Но такъ какъ я ничего не зналъ и знать не хотѣлъ, кромѣ свидѣній Твоихъ, то благость Твоя благоволила принять меня подъ свой покровъ, и я избавленъ былъ отъ рукъ ихъ; грѣшники ждали благопріятнаго случая, и не дождались. Если искусный лоцманъ умѣетъ провесть судно среди подводныхъ камней, то не тѣмъ ли болѣе знаетъ, какъ провесть Своихъ, Господь среди всѣхъ окружающихъ и срѣтающихъ ихъ опасностей? Тутъ какъ будто пропущено: Ты взялъ меня подъ Свой покровъ; но мысль эта прямо вытекаетъ изъ предъидущаго: *Твой есмь азъ, спаси мя:* здѣсь же доразумѣвается только услышаніе сей молитвы. Св. Аѳанасій пишетъ: „надлежало бы сказать: внялъ я разумомъ (свидѣніямъ

Твоимъ), и помышленіемъ о Тебѣ (молитвеннымъ), привлекшимъ помощь Твою, привелъ въ недѣйствительность злоумышленія ихъ.“ Или, пожалуй, такая здѣсь мысль: грѣшники строятъ ковы мнѣ, надѣясь погубить меня; но я, оставаясь всегда вѣрнымъ заповѣдямъ Твоимъ, и по нимъ однимъ направляя шаги мои, миную ихъ ковы и бываю спасенъ. Я и не знаю, что тамъ или здѣсь у нихъ творится; но поелику я стараюсь всегда поступать только такъ, какъ внушаютъ свидѣнія Твои, то и прохожу безопасною дорогою и дѣлаю тщетными покушенія ихъ.

Слова эти можно приложить къ мученикамъ. Чего-чего не употребляли мучители, чтобъ отклонить ихъ отъ вѣры и такимъ образомъ погубить душу ихъ! Но и ласки и козни ихъ оставались тщетными предъ твердыми духомъ вѣрующими, потому что они ничего не хотѣли знать кромѣ явной воли Господа, завѣщавшей имъ исповѣдать Его предъ человѣками. То одно, то другое мученіе употребляли мучители, ожидая, что вотъ-вотъ отвергнутся мучимые Господа Христа; но ожиданія ихъ не оправдывались. Св. Амвросій говоритъ: „Святый, вышедши изъ судилища, гдѣ изреченъ ему смертный приговоръ, могъ сказать: *мене ждаша грѣшницы погубити мя,* — употребляли, то-есть, всѣ роды казней и мученій; но отъ исповѣданія моего отвлечь меня не могли. Вѣра побѣдила приманки жизни и терзанія тѣла. Ожидали грѣшники восторжествовать надо мною; но благодареніе Христу Господу, даровавшему мнѣ восторжествовать надъ мучителями моими! Оставайтесь побѣжденными, чаявшіе одержать побѣду! *Гдѣ ти, смерте, жало?* (1 Кор. 15, 55). Не твоя, но наша уже начинаетъ быть побѣда, потому что мы теперь побѣждаемъ въ тебѣ, въ которой прежде были побѣждаемы. Итакъ, прилично мученику сказать: *мене ждаша грѣшницы погубити мя.* Чрезъ

минуту (по усѣкновеніи) видитъ онъ хоры ангеловъ и говоритъ въ радости: мене ждали тѣ, которые радуются о спасеніи всякой души, чтобы взять меня отъ земли,—видитъ тамъ славу святыхъ, и говоритъ: мене ждали праведные воспріять меня въ сожительство свое,—видитъ Господа Іисуса и говоритъ: меня ждалъ Христосъ Господь, чтобъ увѣнчать меня.“

Прилично говорить такъ и всѣмъ подвизающимся въ богоугожденіи. Противъ нихъ вооружается міръ и съ прелестями своими и съ своею ненавистію; имъ строятъ скрытые ковы исконные враги нашего спасенія: и тотъ и тѣ ожидаютъ успѣха; но когда человѣкъ, съ которымъ вступаютъ они въ борьбу, всѣмъ своимъ умомъ занятъ лишь свидѣніями Божіими, то всѣ покушенія ихъ погубить его остаются безуспѣшными. Какъ паутину разрываетъ онъ всѣ сѣти враговъ, и всѣ стрѣлы ихъ отскакиваютъ отъ него, какъ отъ несокрушимаго утеса. Другимъ полна душа его, въ иномъ мірѣ витаетъ умъ его, къ инымъ предметамъ питаетъ сочувствіе сердце его; потому и искушенія не увлекаютъ его, а пораждаютъ непріязнь противъ себя, всѣваемую духомъ молитвеннымъ. Св. Амвросій влагаетъ въ уста подвизающагося слѣдующія слова: „грѣшники разставляли мнѣ сѣти, чтобъ увлечь меня на грѣхъ, и заразою его погубить меня; но приманки грѣха не отвратили меня отъ созерцанія предметовъ Божественнаго вѣдѣнія, и не отклонили вниманія моего отъ углубленія въ заповѣди Твои, Господи. Въ свидѣніяхъ Твоихъ былъ я всѣмъ умомъ моимъ, и только ихъ разумѣлъ. Еслибы я не былъ такъ преданъ имъ, то, можетъ быть, грѣхъ и увлекъ бы меня, и я погибъ бы: но *се* благодатію Твоею *есмь, еже есмь* (1 Кор. 15, 10).“

Стихъ девяносто шестой.

Всякія кончины видѣхъ конецъ: широка заповѣдь Твоя зѣло.

Кончина — συντελεία, окончаніе дѣла, можетъ означать и самое дѣло, предпріятіе и начинаніе. *Конецъ* — πέρας — предѣлъ. Пророкъ говоритъ: всякаго дѣла или предпріятія и начинанія видѣлъ я предѣлъ; начинается оно, продолжается, и приходитъ къ концу своему. Заповѣдь же Твоя широка зѣло, то-есть, не имѣетъ конца; начни ее исполнять и никогда не дойдешь до того, чтобы сказать: кончилъ, больше не требуется. И еще: всякое начинаніе и дѣло занимаетъ извѣстный кругъ, въ которомъ дѣйствуетъ, и дальше котораго вліяніе его не простирается. Заповѣдь же Божія безгранична, и такъ широка, что и предѣла нельзя ей назначить.

Въ какомъ смыслѣ можно говорить такъ о заповѣдяхъ?

Вопервыхъ, въ томъ, что преуспѣянію во всякой заповѣди нельзя положить предѣла. Степени восхожденія или совершенствованія въ каждой изъ нихъ не имѣютъ конца. Каждая заповѣдь обязуетъ къ свойственной ей добродѣтели; но на какую высокую степень ни стань въ какой-либо добродѣтели, никогда не можешь сказать: „довольно;“ потому что есть еще степень ея выше той, на которой ты стоишь. Возьмите милосердіе: можно ли думать, чтобы кто либо дошелъ въ немъ до послѣдняго предѣла совершенства, когда предѣломъ этимъ назначено милосердіе Отца небеснаго, въ Которомъ все безпредѣльно? И какую кто ни возьми добродѣтель, послѣднимъ предѣломъ ея будетъ совершенное богоподобіе. А такъ какъ этотъ предѣлъ никогда недостижимъ для твари, то она вѣчно будетъ восходить до него и никогда не дойдетъ. Когда сказалъ Господь: *будите совершени, якоже*

Отецъ вашъ небесный совершенъ есть (Мѳ. 5, 48), то этимъ указалъ Онъ на обязанность созданныхъ по образу Божію—стремиться къ безконечному совершенству во всякой добродѣтели. Если же обязательно достигать этого, — а никто не можетъ сказать о себѣ, что уже достигъ,—то отсюда само собою вытекаетъ, что смиреніе есть самое естественное чувство у всѣхъ преуспѣвающихъ въ добродѣтеляхъ, и чѣмъ кто выше по добродѣтелямъ, тѣмъ бываетъ смиреннѣе; ибо предъ нимъ открывается безконечный путь, который предлежитъ еще ему пройти. Если же безконечный, то все пройденное—ничто; путь какъ бы еще и не начатъ. Потому-то, такіе люди, при всѣхъ усиліяхъ и стремленіяхъ, обыкновенно говорятъ: *не у достигохъ, — гоню же, аще и постигну* (Фил. 3, 12). Св. Аѳанасій пишетъ: „Это — слова со всякимъ преуспѣяніемъ восшедшаго на самый верхъ добродѣтели, достигшаго совершеннаго блага, многому положившаго и начало и конецъ. Ибо окончаніе перваго усовершенія служитъ началомъ послѣдующаго, по сказанному: *егда скончаетъ человѣкъ, тогда начинаетъ* (Сир. 18, 6)."

Вовторыхъ, широка заповѣдь потому, что вступившій на путь ея вступаетъ въ область воли Божіей, которая объемлетъ все сущее и бывающее. Мысль эта стоитъ въ согласіи съ мыслію первыхъ трехъ стиховъ сего осмистишія, то-есть, что все и на небѣ и землѣ покорствуетъ волѣ Божіей. Такъ какъ заповѣдь есть выраженіе воли Божіей, то начавшій ходить по заповѣдямъ вступаетъ въ безпредѣльную широту, гдѣ царствуетъ воля Божія. Тогда какъ живущій не по заповѣдямъ, выходя чрезъ то изъ предѣловъ воли Божіей, подвергается утѣсненію и давленію со стороны всего, что покорствуетъ волѣ Божіей,—живущій по заповѣдямъ Божіимъ состоитъ въ гармоніи со всѣмъ; а благопріятное отношеніе его ко всему даетъ ему безпрепятственный просторъ бытія и дѣйствованія.

Отсюда вытекаетъ, въ третьихъ, то, что заповѣдь широка потому еще, что исполняющему ее даетъ широту или полную свободу. Только ходящій по заповѣдямъ и собою обладаетъ, и всѣми дѣлами своими и всѣми отношеніями своими распоряжающійся по Божьему, не подчиняется внѣшнему, а, напротивъ, внѣшнее подчиняетъ себѣ. Каждая страсть и страстная привычка есть связка свободы, по которой человѣкъ становится рабомъ ея. Это всякій знаетъ и испытываетъ на себѣ. Заповѣди даны въ противоядіе страстямъ: навыкшій исполненію какой-либо заповѣди убиваетъ противоположную ей страсть. А пошедшій, или направившійся по всѣмъ заповѣдямъ, убиваетъ всѣ страсти; если же убиваетъ, то уничтожаетъ въ нихъ и свойство вязанія; а если уничтожается это свойство, то, стало быть, человѣкъ получаетъ полную свободу. Вотъ это именно и есть, какъ говоритъ св. апостолъ, *свобода чадъ Божіихъ*; въ этомъ и состоитъ таинство искупленія.

ТРИНАДЦАТОЕ ОСМИСТИШІЕ.

Тринадцатое осмистишіе идетъ подъ буквою или словомъ *Мемъ*—пятно.

Пятно—тоже, что порокъ или недостатокъ въ вещи, а равно нравственный недостатокъ какой либо и, наконецъ, грѣхъ.

Разсуждая съ этой точки зрѣнія, встрѣчаемъ вопросы: въ чемъ состоятъ недостатки или пороки, пятнающіе человѣка, и откуда они, какими слѣдствіями сопровождаются и какъ поправить ихъ?

Въ настоящемъ осмистишіи Пророкъ показываетъ, какъ исправляются главнѣйшіе пороки душевные: слѣпота ума, неправость воли и огрубѣніе сердца, нечувствіе. Всѣ они исправляются поученіемъ въ законѣ Бо-

жіемъ и вѣрнымъ ему послѣдованіемъ. Жизнь по заповѣдямъ открываетъ очи ума, и тогда онъ уразумѣваетъ все ясно (ст. 97—100), возвращаетъ правость волѣ, упорядочивая всѣ начинанія ея (ст. 101, 102), возстановляетъ въ сердцѣ забитое чувство ко всему святому и божественному (ст. 103, 104).

Стихъ девяносто седьмой.

Коль возлюбихъ законъ Твой, Господи, весь день поученіе мое есть.

Коль возлюбихъ законъ Твой, Господи, то есть, какъ любезенъ мнѣ законъ Твой! Такъ взываетъ душа, испытавшая благотворныя дѣйствія жизни по заповѣдямъ Божіимъ. Приступающій къ исполненію заповѣдей можетъ приступать къ сему по страху наказаній, по стыду порока предъ людьми, по убѣжденію ума, что такъ должно, еще не чувствуя влеченія къ нимъ, не зная, какой вкусъ сокрытъ въ нихъ; тутъ онъ ведется, какъ ведомый, и трудится, какъ подъяремное животное. Но потомъ, мало по малу, начинаетъ ощущать благо отъ такого образа жизни и входить во вкусъ ея, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше; наконецъ, удостовѣряется, что ничего нѣтъ блаженнѣе, какъ удаляться отъ зла и творить благое, поучаясь въ законѣ Господнемъ день и ночь. Тутъ уже прилежитъ онъ закону не по сознанію долга или другому какому либо побужденію, а по сердечной любви къ нему, ибо благаго нельзя не любить. Блаж. Ѳеодоритъ пишетъ: „Не всякій, исполняющій законъ Божій, исполняетъ его по любви, но иные исполняютъ его изъ боязни и страха наказанія, а иные домогаясь славы отъ людей; искренніе же любители добродѣтели стараются исполнять Божіи повелѣнія изъ расположенія къ добру.“

Св. Иларій говоритъ: „Можно бы сказать: какъ точно исполняю я законъ Твой! Но такъ какъ больше цѣны, когда кто дѣлаетъ что любя, а не страшась, то Пророкъ и говоритъ: *коль возлюбихъ законъ Твой!* Послѣдованіе волѣ Божіей по любви далеко отстоитъ отъ исполненія долга по страху. Пророкъ и свидѣтельствуетъ, что его покорность закону происходитъ отъ преданности и любви, а не отъ чего либо другаго. Многіе соблюдаютъ постъ, потому только, что боятся укора за то отъ пастырей; иные подаютъ бѣднымъ потому только, чтобъ не подвергнуться обличенію въ скупости; другіе ходятъ въ церковь изъ-за того лишь, чтобы избѣжать стыда, когда сдѣлаютъ имъ замѣчаніе за такое нерадѣніе. Всѣ такіе дѣлаютъ не потому, что любятъ. Въ любви качествуетъ самоохотное усердіе къ дѣлу, дѣлаемому съ радостію и удовольствіемъ. Кто что любитъ, тотъ того охотно и желаетъ."

Кто что любитъ, тотъ о томъ непрестанно и помышляетъ. И Пророкъ, возлюбившій законъ, поучался въ немъ весь день; поучался при всякомъ дѣлѣ, чтобъ дѣло его было Богу угодно, не оскорбляло Его: поучался и на свободѣ отъ дѣлъ, заготовляя образчики для дѣлъ, чтобы, при встрѣчѣ съ ними, не затрудняться, какъ поступить; поучался и потому одному, что такое поученіе питаетъ душу небесными Божественными стихіями помышленій добрыхъ и чувствъ благихъ. Послѣдній образъ поученія чаще можетъ имѣть мѣсто, да онъ и удобоисполнимѣе. Есть въ правилахъ отцевъ—съ утра читать слово Божіе съ углубленіемъ, пока нападешь на такое мѣсто, которое падетъ на сердце. Такое мѣсто будетъ потомъ занимать тебя цѣлый день, какъ ключь какой, заводящій играющую машинку. Иные для того, чтобъ умъ былъ занятъ весь день Божественнымъ, совѣтуютъ заучивать псалмы на память, и потомъ перечитывать

ихъ. Иные, посильнѣе умомъ, утвердивъ съ утра умъ въ богомысліи, не отходятъ помышленіемъ отъ Бога весь день. Все это, хоть и разное занятіе, но одинаковое исполненіе того, что говоритъ Пророкъ: *весь день поученіе мое есть.*

Для того, кто такъ поступаетъ, и ночь какъ день, или, лучше, для него нѣтъ ночи, а все день. Потому-то, можетъ быть, и сказалъ Пророкъ: *весь день,* не поминая о ночи, какъ дѣлалъ въ первомъ псалмѣ: *въ законѣ Господни поучится день и нощь.* Св. Аѳанасій пишетъ: „у преуспѣвающаго—день, когда живетъ онъ по закону, и ночь, когда не поучается въ немъ всѣмъ сердцемъ своимъ, и не дѣлаетъ того, что должно дѣлать по закону. А для преуспѣвшихъ, которые содѣлались святыми, нѣтъ уже ночи, а все день.“ Тоже говоритъ и св. Иларій: „Что возлюбилъ Пророкъ, тѣмъ и занятъ непрестанно: возлюбилъ законъ, и поучается въ немъ безпрерывно весь день. Не отвлекаютъ его другія занятія, и не наводятъ забвенія заботы и суеты вѣка сего. Всегда онъ одинъ и тотъ же, и всегда въ одномъ и томъ же. Весь онъ въ поученіи въ возлюбленномъ ему законѣ, что и дѣлаетъ изъ всей жизни его одинъ непрерывный день.“

Стихъ девяносто осьмой.

Паче враговъ моихъ умудрилъ мя еси заповѣдію Твоею, яко въ вѣкъ моя есть.

Пророкъ начинаетъ объяснять то, какъ преданность его заповѣдямъ отогнала слѣпоту отъ очей ума его. Враги нашего спасенія, чрезъ обаяніе прелестей міра, или чрезъ смятеніе помышленій, всѣваемыхъ ими, часто омрачаютъ умъ, такъ что онъ, какъ слѣпой, ничего не видитъ и дѣйствуетъ на-обумъ. Враги же въ эту пору направляютъ его на худое; онъ и падаетъ. Пророкъ увѣряетъ,

что онъ избавленъ былъ отъ такихъ бѣдъ заповѣдію Божіею. Она умудряла его, раскрывая козни враговъ и дѣлая безуспѣшными всѣ покушенія ихъ погубить его, или сдѣлать ему какую нибудь пакость.

Кто знаетъ заповѣди, у того сама собою воображается въ головѣ одна общая норма жизни. Она освѣщаетъ всѣ пути жизни и всѣ сплетенія обстоятельствъ. Недоумѣнія не смущаютъ его, и вопросъ—какъ же быть, не ждетъ разрѣшенія: все рѣшается сразу. Но, само собою разумѣется, что не одному знанію принадлежитъ такое благо, а знанію, утверждающемуся на жизни. Умудрилъ, говоритъ, Ты меня, Господи, заповѣдію Твоею, то есть, тѣмъ, что научилъ, какъ ходить въ заповѣдяхъ, предписавъ и давъ мнѣ силы исполнять ихъ. Опыты жизни по заповѣди умудрили меня, и врагамъ не удастся болѣе обмануть меня: я сталъ мудрѣе ихъ; не столько они хитры въ устроеніи зла, сколько я мудръ въ дѣланіи добра, по волѣ Твоей.

Блаж. Ѳеодоритъ пишетъ: „Пророкъ, исповѣдавъ, что пламенно любитъ законъ Божій, приписываетъ все Божіей благодати и говоритъ: отъ Тебя пріявъ премудрость и вѣдѣніе, возлюбилъ я законъ Твой, потому что Ты далъ мнѣ познаніе большее, нежели врагамъ моимъ.“

Одна изъ хитростей вражескихъ состоитъ въ томъ, чтобы внушить: однажды только согрѣши, а тамъ, покаявшись, опять примешься за добрыя дѣла. Противъ этого Пророкъ выставляетъ нераскаянную рѣшимость, высказанную однажды навсегда: ни за что не отступать отъ заповѣди Божіей; хоть умереть, а заповѣди Божіей не нарушить. Это и выражаетъ онъ словами: *яко въ вѣкъ моя есть*. Такая рѣшимость держитъ мысль всегда нераздвоенною, не допускающею раздумыванія,—ужъ не послабить ли себѣ? Такія пагубныя внушенія всячески старается всѣять врагъ; но въ томъ, кто держитъ на

сердцѣ: *въ вѣкъ моя есть* заповѣдь, онѣ не оставляютъ слѣда, а какъ приходятъ, такъ и отходятъ.

Рѣшимость такая: *въ вѣкъ моя есть,* — не иначе возможна, какъ при готовности и на смерть, еслибъ безъ нея невозможно было остаться вѣрнымъ заповѣди. Отсюда и сила ея непоколебимая. Кто обрекъ себя на смерть, того что уже можетъ поколебать? А кто выступаетъ на дѣло съ саможалѣніемъ, тотъ самъ въ себѣ носитъ измѣнника, который въ часъ битвы предастъ его врагамъ. Такой ужъ не перехитритъ враговъ своихъ, а бываетъ въ рукахъ ихъ, какъ мячикъ, который они перебрасываютъ куда и какъ имъ угодно, на забаву себѣ и посмѣяніе ему. Св. Исаакъ говоритъ о такихъ: „поелику въ самомъ началѣ не рѣшились они предать себя на смерть, то во всѣхъ браняхъ оказываются послѣдними и немужественными. Такіе боязливы и болѣе всего щадятъ свое тѣло. И врагъ, какъ бурею, гонитъ ихъ; ибо не видитъ въ нихъ силы душевной, какую обыкъ видѣть во святыхъ.“

Стихъ девяносто девятый.

Паче всѣхъ учащихъ мя разумѣхъ, яко свидѣнія Твоя поученіе мое есть.

Нѣтъ ничего дивнаго оказаться умудреннымъ заповѣдію Божіею паче врагъ; но то дивно, что Пророкъ. поучаясь въ законѣ Божіемъ, сталъ свѣдущѣе и разумнѣе всѣхъ учителей своихъ. Кто эти учители, и какъ Пророкъ превзошелъ ихъ разумѣніемъ?

Перваго не сказываетъ Пророкъ. Но кто бы они ни были, а все же люди, и Пророкъ лучше ихъ разумѣлъ, потому что послѣ нихъ взялъ его къ Себѣ подъ науку Свою Господь, какъ сказалъ онъ предъ симъ. Такъ какъ Господь умудрилъ его заповѣдію, то онъ сталъ не только

мудрѣе враговъ, но разумнѣе и самихъ учителей своихъ—людей. Посему, въ этихъ словахъ выражается не какое-либо самовозношеніе или гордое мнѣніе о себѣ Пророка, а исповѣданіе милости Божіей, въ томъ, что Онъ, по благодати Своей, далъ ему разумѣть полнѣе и совершеннѣе волю Свою, нежели какъ передавали ее ему учители. Св. Амвросій говоритъ: „Слова сіи могли бы показаться неумѣстнымъ притязаніемъ, еслибы Пророкъ не предпослалъ имъ сказаннаго предъ симъ, что умудрилъ его Господь. Тому, кого учила сама Премудрость, и нельзя было не разумѣть паче всѣхъ. Потому-то и въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ: *блаженъ человѣкъ, егоже аще накажеши, Господи, и отъ закона Твоего научиши его*“ (Пс. 93, 12).

Когда Господь поучаетъ кого либо, то разверзаетъ умъ и влагаетъ въ него сокровища вѣдѣнія, или беретъ духъ человѣка и вводитъ его въ непосредственное созерцаніе открываемыхъ ему вещей. Умъ подъ дѣйствіемъ Божіимъ видитъ, что угодно Господу показать ему, такъ же опредѣленно и ясно, какъ глазами чувственными видитъ человѣкъ днемъ находящіяся предъ нимъ въ извѣстномъ разстояніи вещи. И все это можетъ совершиться мгновенно, и мѣра открываемаго и созерцаемаго можетъ быть такъ велика, что его не вмѣститъ никакое человѣческое слово. Такъ видѣлъ св. Павелъ, восхищенный до третьяго неба; такъ зрѣли апостолы, когда Господь, явясь по воскресеніи Своемъ, и дуновеніемъ сообщивъ имъ Духа, разверзъ *ихъ умъ разумѣти Писанія*. Въ одно мгновеніе умъ ихъ узрѣлъ все, сокрытое въ ветхозавѣтномъ Писаніи о совершившихся новозавѣтныхъ событіяхъ. И Господь вслѣдъ за тѣмъ только сдѣлалъ общій выводъ изъ того, что узрѣли апостолы: *тако подобаше пострадати Христу и внити въ славу Свою* (Лк. 24, 45. 46). Такъ мгновенно и полно открываетъ Гос-

подь небесное и всѣмъ, кого считаетъ того достойнымъ.

Но такія просвѣтлѣнія ума необычайны. Обычный порядокъ обогащенія ума вѣдѣніемъ Божественнымъ, и при непосредственномъ содѣйствіи тому Господа. есть просвѣтлѣніе ума при изученіи откровенія, уже даннаго. Пророкъ и говоритъ, что онъ разумѣлъ паче учащихъ, *яко свидѣнія Твоя поученіе мое есть.* Трудился надъ изученіемъ свидѣній Божіихъ съ вѣрою и молитвою, и Господь, видя усердіе его и любовь, влагалъ въ умъ его такое постиженіе написаннаго, какое недоступно для своеличныхъ усилій ума. Нѣкто сказывалъ, что иногда, въ часъ молитвы, умъ его входитъ въ созерцаніе Божественныхъ истинъ такое ясное и опредѣленное, какого дотолѣ не давало ни свое изслѣдованіе, ни прочитываніе изслѣдованія другихъ. Отсюда можно заключить, что истинное вѣдѣніе откровеннаго и бываетъ только то, которое вселяется въ умъ именно этимъ путемъ. Трудъ изслѣдованія и углубленія въ свидѣнія подготовляетъ, а благодать, въ часъ молитвы, завершаетъ вѣдѣніе, просвѣтляя умъ созерцаніемъ и печатлѣя зримое имъ въ сердцѣ. Всякое другое ученіе есть внѣшнее: одно это внутренне. духовно, божественно и многоплодно.

Стихъ сотый.

Паче старецъ разумѣхъ, яко заповѣди Твоя взыскахъ.

Во всякомъ народѣ старцы почитаются людьми умудренными не только ученіемъ, но и опытами жизни,—лицами, составляющими твердыню общества, которые руководятъ совѣтомъ своимъ вступившее въ дѣло новое поколѣніе, и сочетаваютъ собою прошедшее съ будущимъ. Были такіе и во время св. Пророка въ Іерусалимѣ и, конечно, онъ нерѣдко пользовался ихъ совѣтами, при

заведеніи благотворныхъ порядковъ въ своемъ царствѣ, по всѣмъ отраслямъ управленія. Но эти же опыты дали ему познать, что онъ разумѣлъ всякое дѣло гораздо лучше и вѣрнѣе старцевъ.

И этому причина таже, какая и превосходству его надъ учителями, — именно, что Самъ Господь умудрилъ его. Св. Амвросій говоритъ такъ: „И это не трудно,— чтобы, то-есть, тотъ, кого учитъ Господь, разумѣлъ паче старецъ. Благодать восполняетъ лѣта, и мудрость старческая дѣлается достояніемъ нестараго лѣтами. Такъ какъ возрастъ старости—*житіе нескверно* (Прем. 4, 9), то наученіе нескверному житію представляетъ старческое разумѣніе. Когда св. Іеремія отказывался, за молодостію, отъ пророческаго служенія, то ему сказано было: *не глаголи, яко отрокъ азъ есмь* (Іер. 1, 7). Божій судъ не почиталъ его отрокомъ, потому, конечно, что онъ имѣлъ сѣдинную мудрость, которая сіяла въ немъ всеосвящающею Божіею благодатію.“

Такъ Божія благодать просвѣтила и Пророка Давида, потому и онъ разумѣлъ дѣла Божіи паче старецъ. Но за что же такая благодать? За то, что онъ взыскалъ заповѣди Божіи. Такъ какъ съ дѣтства поставилъ онъ закономъ всей жизни своей — благоугожденіе Богу неуклоннымъ исполненіемъ заповѣдей Его, то представлялъ въ себѣ сосудъ крѣпкій для вмѣщенія токовъ Божественной Премудрости. Она и излита была въ него. *Въ злохудожну же душу не входитъ премудрость* (Прем. 1, 4). Если люди драгоцѣнныхъ ароматовъ не влагаютъ въ сосуды нечистые или дирявые; то вложитъ ли Господь премудрость небесную въ душу, служащую страстямъ, и потому нечистую и разбитую? И еслибы, по преизбытку благодати, Онъ снизошелъ до того, то злохудожная душа не имѣла бы чѣмъ принять эту мудрость. Умъ у нея набитъ понятіями ничтожными, низкими и

ложными, — какъ же вмѣстить ему высокія истины Божественныя? Расположенія сердца ея всѣ обращены къ предметамъ земнымъ, чувственнымъ, — какъ же оно постигнетъ доброту чистыхъ неземныхъ благъ, чтобъ одобрить ихъ и поставить выше всего? Сжилась она съ землею, и иной жизни представить себѣ не можетъ,— какъ же уразумѣть ей уроки, послѣдняя цѣль которыхъ въ другой жизни? Между тѣмъ, гордости ея мѣры нѣтъ, и она не задумается Самому Господу сказать: „отойди,— путей Твоихъ я вѣдать не хочу!“

Пророкъ именуетъ себя взыскавшимъ заповѣди не въ томъ смыслѣ, что всячески старался узнать, какія это заповѣди Божіи, а въ томъ, что всячески заботился преуспѣть въ исполненіи каждой изъ нихъ, и пріобрѣсть такой навыкъ въ этомъ, чтобъ онѣ всѣ казались не предписаніями только со внѣ, а естественными расположеніями сердца. Сердце и по естеству настроено на всякое добро; но прившедшія страсти обезображиваютъ его и извращаютъ. Когда дѣятельное взысканіе заповѣдей подавитъ страсти и возставитъ добрыя расположенія, тогда онѣ сами становятся указателями того, что требуется по заповѣди въ томъ или другомъ случаѣ. Какъ искусный художникъ, какое ни представься дѣло по его части, тотчасъ разумѣетъ, какъ начать его, какіе употребить матеріалы и какими инструментами дѣйствовать: такъ и взыскавшій заповѣди и навыкнувшій въ исполненіи ихъ сразу понимаетъ, какъ, въ какомъ случаѣ поступить: мудрость дѣятельная присѣдитъ сердцу его и толкуетъ это. Отъ того, что для другаго составляетъ предметъ многотруднаго разсужденія, то для него не представляетъ никакого затрудненія. Какъ естественно человѣку дышать, такъ у него естественно исходятъ изъ сердца всегда благовременные уроки мудрости.

Стихъ сто первый.

Отъ всякаго пути лукава возбранихъ ногамъ моимъ, яко да сохраню словеса Твоя.

Слѣпота ума прогнана: вмѣсто ея, стали качествовать вѣдѣніе и мудрость, подобныхъ которымъ нѣтъ среди людей, долженствующихъ отличаться ими, и все это достигнуто поученіемъ въ заповѣдяхъ и вѣрностію имъ въ жизни. Теперь Пророкъ указываетъ, какъ исправились и неправость воли: и это, говоритъ, совершилось тѣмъ же путемъ. Сталъ я возбранять ногамъ моимъ отъ всякаго пути лукаваго, и отъ судебъ Божіихъ не уклоняться, и воля моя исправилась, навыкла хранить словеса Божіи, и установилась въ томъ.

Совѣсть наша и всегда внушаетъ намъ бѣгать зла, но не достаетъ воли слѣдовать ей. Приманки самоугодія пересиливаютъ ее, и человѣкъ идетъ на злое. А сдѣлавъ злое однажды, не удержится и въ другой, а потомъ скоро образуется и привычка къ извѣстному роду самоугодія наперекоръ совѣсти. Такъ образуется одна привычка, потомъ другая, третья, десятки, сотни. Когда опомнится человѣкъ и задумаетъ шествовать право, угождать Богу, тогда онъ находитъ себя со всѣхъ сторонъ связаннымъ и опутаннымъ. Какъ же быть?

Блюди твердую рѣшимость хранить словеса Божіи, всячески подогрѣвай и поддерживай ее, содержа въ сердцѣ своемъ страхъ Божій, память смерти и суда Божія и, затѣмъ, возбраняй ногамъ своимъ отъ всякаго пути лукаваго. Нельзя тебѣ вдругъ возлюбить доброе, чтобы по этой любви держаться его. Начинай съ недѣланія худаго, и хоть привычная воля будетъ порываться на худое, держи ее въ предѣлахъ должнаго силою рѣши-

мости твоей. Зло началось въ сердцѣ, а окрѣпло въ привычныхъ дѣлахъ. Къ уничтоженію его иди обратнымъ путемъ: прекрати дѣла, и чрезъ нихъ дойдешь до пресѣченія зла въ сердцѣ.

Не ходи туда, гдѣ привыкъ ты удовлетворять дурной привычкѣ; пресѣки сношенія съ товарищами грѣха, и измѣни всѣ порядки жизни, питавшіе грѣхъ. Это значитъ возбранить ногамъ. Когда случай ко грѣху передъ глазами, какъ удержаться отъ него тому, кто привыкъ къ нему? А когда случаи отдалены, то хоть и придутъ мысли на грѣхъ,—пошумятъ-пошумятъ въ головѣ и отойдутъ. И прогнать ихъ тогда удобнѣе, чѣмъ тогда, когда не мысли только, но и глаза, и уши, и осязаніе, и обоняніе будутъ обдавать тебя паромъ грѣховнымъ. Св. отцы того, кто стоитъ предъ соблазномъ, уподобляютъ стоящему на краю пропасти: какъ только вздумается врагу, онъ даже легкимъ толчкомъ можетъ низринуть его туда. А того, кто удаляется отъ соблазновъ, уподобляютъ они находящемуся далеко отъ пропасти: когда врагъ повлечетъ его въ пропасть, онъ имѣетъ еще время отбиться отъ него, или воззвать о помощи и избавиться отъ бѣды.

Уклоненіе отъ путей лукавыхъ отставляетъ зло и возстановляетъ добро въ душѣ. Но это внѣшній трудъ; къ нему надо присоединить внутренній—возбраненіе мысленнымъ ногамъ отъ мысленныхъ же путей лукавыхъ. Мысленный путь лукавый таковъ: начинается злая мысль, привлекаетъ сочувствіе, возбуждаетъ желаніе и склоняетъ на дѣло. Когда кончится этотъ мысленный путь ко грѣху, тогда слѣдуетъ путь внѣшній къ совершенію грѣха дѣломъ. Прекратилъ ты эти внѣшнія хожденія ко грѣху,—доброе дѣло. Но не думай на этомъ остановиться, а старайся пресѣчь и внутренніе пути къ нему; ибо, не смотря на внѣшнія уклоненія отъ путей лукавыхъ, мысленныя странствованія не тотчасъ прекращаются, а часто

заходятъ туда и блуждаютъ тамъ. И такъ, возбрани и мысленнымъ ногамъ отъ путей лукавыхъ, чтобы они не повели туда и тѣлесныхъ ногъ. Прогоняй мысли худыя, уничтожай сочувствія, а болѣе всего берегись склоняться на зло. Пока этого нѣтъ,—ты все еще безопасенъ; но когда это появится,—ты уже въ опасности. Хотя и при этомъ можно еще миновать ее; но лучше не подвергаться тому, ибо предлежитъ борьба. Пропасть еще далеко; но врагъ уже уцѣпился и тащитъ туда. Главное въ этомъ дѣлѣ—уклоненіе отъ злыхъ помышленій: они, какъ комары, жужжатъ: гони и не ослабѣвай. Если поспѣшишь замѣнить злыя мысли добрыми, то дѣло твое во сто разъ успособится и облегчится.

Стихъ сто второй.

Отъ судебъ Твоихъ не уклонихся, яко Ты законоположилъ ми еси.

Отъ лукавыхъ путей возбранялъ я ногамъ моимъ, и отъ судебъ Божіихъ не уклонялся, исполнялъ, то-есть, то, что самъ совѣтовалъ другимъ: *уклонися отъ зла и сотвори благо* (Пс. 33, 15). Это слѣдовало уже само собою. Безъ дѣлъ нельзя быть; но если отъ злыхъ дѣлъ уклонялся, то, конечно, отъ добрыхъ не уклонялся. „Невозможно, говоритъ блаж. Ѳеодоритъ, вдругъ идти двумя путями—путемъ непотребства и цѣломудрія, праводы и неправды. Но должно избѣгать путей противоположныхъ, и идти путемъ правымъ. Только такимъ образомъ можно сдѣлаться хранителемъ Божіихъ законовъ.“

Судьбы Божіи—это присужденія, какъ слѣдуетъ намъ жить, опредѣленія воли Божіей, или тоже, что заповѣди. Поэтому, не уклоняться отъ судебъ Божіихъ есть тоже, что не уклоняться отъ исполненія заповѣдей Божіихъ. Для этого нѣтъ нужды за море ходить, чтобы

сыскать случай къ исполненію заповѣдей: случаи къ тому всегда передъ глазами. Какъ только возбранишь ногамъ ступать на путь лукавый, въ тоже время имѣешь случай ступить и на путь правый. Просятъ милостыню,—путь лукавый состоитъ въ томъ, чтобы не подать ее, а Божіе присужденіе—подать: подай, и возбранишь пути лукавому, и отъ судьбы Божіей не уклонишься. Обидѣлъ кто,—лукавый путь ведетъ тебя къ отмщенію, а Божіе опредѣленіе—къ прощенію: когда простишь,—возбранишь ногамъ отъ пути лукаваго, отъ судебъ же Божіихъ не уклонишься. Такъ и во всемъ. Посему, неуклоненіе отъ судебъ Божіихъ, можно сказать, состоитъ въ слѣдующемъ: смотри зорко кругомъ и подъ ноги себѣ, и не пропускай ни одного представляющагося тебѣ случая сдѣлать добро.

Случай на добро, какой у тебя предъ глазами, есть тоже, что прямое Божіе повелѣніе тебѣ сдѣлать это добро. Уклонишься,—Богу воспоперечишь. Пророкъ побужденіемъ къ неуклоненію отъ такихъ судебъ Божіихъ и поставляетъ: *яко Ты законоположилъ ми еси.* Сознаніе того, что въ томъ или другомъ случаѣ, какъ бы устно, Богъ законополагаетъ сдѣлать такое и такое добро, есть самое сильное побужденіе для богобоязненныхъ къ неуклоненію отъ того добра. Когда кого посѣтитъ это сознаніе, тогда изъ него источается непреодолимая нравственная сила къ покорности велѣнію Божію. Кто живетъ въ страхѣ Божіемъ, тотъ не уклонится отъ него, хотя бы это стоило не только имѣнія всего, но и жизни. Источникъ такого настроенія—крѣпкая вѣра въ Промышленіе Божіе опредѣляющее всѣ случайности нашей жизни, направляющее ихъ всѣ къ тому, чтобы самымъ благонадежнымъ образомъ содѣвалось спасеніе наше.

Нынѣ у насъ много благотворительныхъ учрежденій. Не подумай, чтобы, сдѣлавъ обычный взносъ, ты могъ

считать себя уже свободнымъ отъ частной благотворительности. То своимъ чередомъ, а это своимъ. Хоть и то устрояется не безъ воли Божіей, но ближайшая и прямая воля Божія—случай на добро, который у тебя передъ глазами. Если опустишь, то воспоперечишь Богу. У Бога много рукъ подающихъ, и безъ тебя найдутся такіе, которые помогутъ; но Богъ тебѣ сдѣлалъ честь, чтобы ты помогъ, и въ своемъ лицѣ представилъ благодѣющую десницу Божію. Смотри же, не уклонись отъ этой чести, какъ въ притчѣ позванные на бракъ. Почаще поминай самарянина, который, нашедши на пути избитаго разбойниками, не сталъ раздумывать, а тотчасъ сдѣлалъ все, что могъ, и за то похваляется Владыкою всяческихъ и предлагается въ примѣръ всѣмъ.

Стихъ сто третій.

Коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устомъ моимъ.

Остается еще отогрѣть сердце, хладное ко всему святому и Божественному. Человѣкъ созданъ по образу Божію; стало быть, все Божественное должно находить въ немъ теплое чувство. Но когда человѣкъ ниспалъ отъ своего чина и вкусилъ отъ благъ чувственныхъ,—вкусъ къ духовному закрылся, и область та стала для него землею невѣдомою; совсѣмъ забылъ онъ, что это за блага духовныя и божественныя. Какъ слѣпой не понимаетъ, что такое цвѣты, о красотѣ которыхъ ему разсказываютъ, какъ глухой смотритъ даже на инструменты, гармоническіе звуки которыхъ чаруютъ всѣхъ, и ничего не можетъ понять, что такое дѣется вокругъ него: такъ и тотъ, у кого закрылось чувство къ духовному, видя не видитъ его, и слыша не слышитъ, ибо *одебелѣ сердце* (Дѣян. 28, 27) его.

Кому неизвѣстна эта дебелость, огрубѣніе и нечувствіе сердца? Знаютъ его и всѣ боящіеся Бога и путемъ заповѣдей Его идущіе. Но это временами лишь находящее замираніе сердца; а гдѣ въ силѣ страсти и разныя пристрастія, тамъ нечувствіе и холодность къ божественному есть уже постоянное состояніе. Тутъ душа мертва; воскресеніе ея начинается оживленіемъ чувства духовнаго.

Первые удары въ это чувство бываютъ очень болѣзненны. Оно поражается страхомъ смерти, суда и мукъ вѣчныхъ. Отсюда обычнымъ путемъ раждается страхъ Божій, который оживляетъ совѣсть и вмѣстѣ съ нею доводитъ до покаянія и рѣшимости—оставить путь злой и прилѣпиться къ Господу угожденіемъ Ему чрезъ исполненіе заповѣдей Его. Но и тутъ полагается только начало оживленію духовнаго чувства. Больной всталъ, но онъ еще не имѣетъ ни къ чему аппетита: ѣстъ и пьетъ по убѣжденію, что надо ѣсть и пить, чтобъ не умереть. Таковъ и тотъ, кто вступилъ на путь Божій покаяніемъ: нудитъ себя на добро и противится злу, но вкуса еще не находитъ въ дѣлахъ своихъ, дѣлаетъ по убѣжденію, что нельзя иначе, по обѣту и рѣшимости дѣлать все по заповѣдямъ.

Постоянство въ самопринудительномъ дѣланіи начинаетъ потомъ понемножку оживлять и чувство. Душа начинаетъ ощущать пріятность и сладость въ томъ, въ чемъ прежде не находила вкуса. И молитва начинаетъ услаждать, и селенія Божіи (храмы) становятся возлюбленными, и милостыня доставлять утѣшеніе, и всякое воздержаніе радовать. Тутъ бываетъ тоже, что при окостенѣлости холерной: трутъ больнаго безъ жалости, и мало-по-малу возвращаютъ теплоту въ охлажденные члены его. И въ душѣ, пораженной холерою грѣха, дѣлается тоже: начинаетъ тереть себя человѣкъ самопринужденнымъ

добродѣланіемъ—милостынями, постами, молитвами,—и понемножку оттираетъ свое замершее духовное чувство. Отсюда выходитъ, наконецъ, то, что онъ только и удовольствія находитъ, что въ дѣлахъ угодныхъ Богу; туда только его и тянетъ, на чемъ есть печать воли Божіей: тамъ только ему и пріятно, гдѣ можетъ онъ быть съ Богомъ и въ дѣлахъ Божіихъ. Кто достигъ сего, въ томъ чувство духовное, значитъ, ожило. Вотъ это-то состояніе и выражаетъ Пророкъ словами: *коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устомъ моимъ.* Словеса означаютъ заповѣди Божіи. Не такую, говоритъ, сладость оставляетъ въ гортани медъ, какую въ душѣ—исполненіе заповѣдей.

Стихъ сто четвертый.

Отъ заповѣдей Твоихъ разумѣхъ: сего ради возненавидѣхъ всякъ путь неправды.

Чувство имѣетъ двѣ стороны. Если въ одномъ находитъ сладость, то въ другомъ противоположномъ тому—горечь; и сколько располагается къ первому, столько же отвращается отъ втораго. Пока живетъ человѣкъ въ самоугодіи и чувственности,—духовное для него невкусно; когда же, покаявшись, оставитъ онъ самоугодіе и пойдетъ по волѣ Божіей, тогда, наконецъ, чувственное и самоугодное дѣлается для него невкуснымъ. Это самые рѣшительные указатели нравственнаго состоянія человѣка. Смотри, въ чемъ находишь вкусъ, къ чему сердце являетъ сочувствіе, и потому опредѣляй — на добромъ ли ты пути, или на недобромъ.

Надо замѣтить, что сочувствія къ плотскому, страстному, самоугодному, долго еще прорываются изъ сердца и по обращеніи, и послѣ опытовъ трудничества надъ очищеніемъ сердца. Можно сказать, что на первыхъ по

рахъ сочувствіе все лежитъ на сторонѣ прежней страстной жизни; оно только удерживается въ предѣлахъ силою рѣшимости. Потомъ начинаетъ являться сочувствіе къ добру; далѣе оно уравновѣшивается съ противоположнымъ сочувствіемъ къ страстному; послѣ беретъ верхъ надъ симъ послѣднимъ; за тѣмъ, сочувствіе къ страстному умираетъ, а наконецъ и все страстное, плотское, самоугодливое становится непріятнымъ, душа начинаетъ мерзить имъ. Это уже есть, какъ замѣчаютъ св. отцы, свидѣтельство очищенія сердца отъ страстей. Объ этомъ и говоритъ здѣсь Пророкъ: *возненавидѣхъ всякъ путь неправды*. А какъ онъ дошелъ до этого? *Разумѣхъ*, говоритъ, *отъ заповѣдей Твоихъ;* уразумѣлъ, что шествіе по заповѣдямъ Твоимъ есть *едино на потребу* (Лк. 10, 42), и вступилъ на путь ихъ; шествуя же ими, возлюбилъ ихъ, такъ какъ они производили сладость въ душѣ моей; а эта любовь и сладость дали мнѣ возможность ощутить горечь неправды и возъимѣть къ ней ненависть. Вотъ и конецъ врачеванія души и предѣлъ искорененія недостатковъ ея!

Св. Василій Великій на вопросъ: какой признакъ очищенія сердца? не разъ отвѣтствовалъ: „тотъ, когда человѣкъ возненавидитъ грѣхъ.“ Тотъ же отвѣтъ давалъ онъ и на вопросъ, какой знакъ того, что прощены человѣку грѣхи. И у св. Варсонофія такіе же отвѣты. Послѣдній говоритъ, что пока еще есть хотя малое сочувствіе къ чему либо страстному, то значитъ, что душа еще нечиста. Если страстное назовемъ гноемъ, то эта мысль оправдывается сравненіемъ съ врачеваніемъ ранъ. Рана не заживаетъ, пока весь гной не вытянутъ; такъ и рана души еще не зажила, пока прорываются въ ней сочувствія къ грѣховному.

Отсюда выходитъ такой урокъ: опасно почивать на той увѣренности, что я не дѣлаю худыхъ дѣлъ. Ибо

можетъ быть, обстоятельства такъ сложились, что тебѣ лучше не дѣлать худаго, и не дѣлаешь, а въ сердцѣ-то оно живетъ. Если Богъ смотритъ на человѣка по настроенію его сердца, то и смотри, чего ты при семъ стоишь и чего тебѣ должно ожидать. Не хвались исправностію внѣшняго поведенія, а вникни въ то, куда сердце лежитъ. Св. Макарій говоритъ: если ты сошелъ въ глубь сердца и умертвилъ кроющагося тамъ змія, то хвались; дѣлами же одними видимыми нечего хвалиться. Какъ много на судѣ Божіемъ окажется такихъ, которымъ Богъ скажетъ: *не вѣмъ васъ* (Лк. 13, 25), несмотря на то, что они сами себя и другіе считали ихъ усердными боговѣдцами!

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ОСМИСТИШІЕ.

Четырнадцатое осмистишіе идетъ подъ буквою *нунъ*, что означаетъ „племя."

Племя—отецъ, дѣдъ, прадѣдъ, сынъ, внукъ, правнукъ, со всѣми прочими вѣтвями отрожденій.

Есть своя племенность и въ проявленіяхъ духовной жизни. Св. Іоаннъ Лѣствичникъ допрашиваетъ всякую добродѣтель и всякую страсть: кто у нихъ отецъ и мать, кто дѣти и дочери, и кто прочіе родные? Значитъ, онъ представляетъ каждый видъ добродѣтелей, а равно и всю добродѣтельную жизнь въ видѣ добраго племени съ родоначальниками и отрожденіями ихъ. Не другое что дѣлаютъ и св. апостолы, когда обозрѣваютъ разомъ всю совокупность добродѣтелей. Св. апостолъ Петръ пишетъ: получили вы дары благодати; теперь, *тщаніе все привнесше, подадите въ вѣрѣ вашей добродѣтель, въ добродѣтели же разумъ, въ разумѣ же воздержаніе, въ воздержаніи же терпѣніе, въ терпѣніи же благочестіе, въ благочестіи же братолюбіе, въ братолюбіи же любовь* (2 Пет. 1, 5—7).

Что это, какъ не перепись племени добродѣтелей? Тоже племя описываетъ и св. Павелъ, когда исчисляетъ плоды Духа: *плодъ, духовный есть любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе* (Гал. 5, 22). И въ словахъ Спасителя о блаженствахъ не тоже ли видится? Какія добродѣтели вводятъ въ рай? Смиреніе, сокрушеніе и плачъ о грѣхахъ. кротость, правдолюбіе, милостивость, чистота, миротворство, терпѣніе, странничество для всего. Вотъ райское племя! Подобно сему, и въ настоящемъ осмистишіи Пророкъ изображаетъ племя добродѣтелей своимъ образомъ, въ каждомъ стихѣ указывая на одну или двѣ изъ нихъ, существеннѣйшія въ духовной жизни. Не перечисляетъ ихъ предварительно: разсмотрѣніе каждаго стиха даетъ каждому видѣть, какую добродѣтель восхваляетъ онъ въ немъ, а равно и то, въ какомъ отношеніи поставляетъ ее къ другимъ сопредѣльнымъ ей добродѣтелямъ или, вообще, къ духовной жизни.

Стихъ сто пятый.

Свѣтильникъ ногама моима законъ Твой, и свѣтъ стезямъ моимъ.

Кто можетъ такъ говорить, кромѣ вѣры, истинной, несомнѣнной, не допускающей никакого раздвоенія мысли? Принимая безъ раздумыванія законъ Божій, или волю Божію, выраженную въ Откровеніи, вѣра стоитъ и идетъ твердою ногою по указываемому тамъ пути. какъ твердо и съ увѣренностію идетъ путникъ по дорогѣ, о которой знаетъ, что она ведетъ прямо къ его родному жилищу. Такъ ведетъ насъ вѣра къ небесному отечеству нашему. Для нея все ясно, и не бываетъ, чтобы какое либо облако затемняло стези, и чтобы она принуждена была обсуждать, какъ ступить и гдѣ поставить ногу. Вотъ вамъ неотложное условіе благонадежнаго шествія!

Представьте себѣ человѣка, который идетъ по перегибающейся и трясущейся доскѣ черезъ глубокій оврагъ,—какой страхъ, какое замираніе сердца, какая поминутная опасность упасть! Шагъ-другой,—и человѣкъ или падаетъ, или возвращается назадъ, не находя возможности идти по такой перекладинѣ. Представьте еще, что, по какой-либо случайности, всѣ предметы, окружающіе человѣка, начнутъ кружиться, земля покажется движущеюся,—онъ непремѣнно упадетъ. А кто идетъ по твердому мосту, и видитъ, что всѣ окружающіе его предметы стоятъ на своихъ мѣстахъ, въ обычномъ порядкѣ, тотъ не испытываетъ ничего подобнаго. Таковъ и вѣрующій. Какъ глазъ видитъ всѣ предметы вещественные, такъ вѣра видитъ предметы духовные,—каждый на своемъ мѣстѣ, въ своемъ порядкѣ и въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ; отъ того шествіе, при свѣтѣ такой вѣры, исполняющей душу увѣренностію, дающею шествующему смѣлость ступать небоязненно по предлежащему пути, никогда не сопровождается колебаніями, страхами и круженіями мыслей, потому и совершается благоуспѣшно. Напротивъ, шествующій безъ вѣры не можетъ быть свободенъ отъ страховъ; идетъ иногда и онъ, но словно по ножамъ. Отъ того и не можетъ продолжать шествія, а попытавшись бросаетъ.

Вѣра есть даръ благодати, но сѣмя ея положено въ естествѣ нашемъ. Уму нашему слѣдовало бы ясно зрѣть духовное и передавать его въ руководство душѣ. Умъ—естественное окно въ духовный міръ. Но такъ какъ грѣхомъ онъ закрылся, а жить человѣку безъ вѣдѣнія о духовномъ невозможно; то милосердому Господу благоугодно было дать внѣшнее слово, въ откровеніе сокровенныхъ духовныхъ и божественныхъ вещей. Когда слово это принимается живою вѣрою, тогда выходитъ тоже, что еслибы самъ умъ видѣлъ тѣ предметы. Вѣра про-

тираетъ это потускнѣвшее окно, обращенное къ духовному міру. Шествіе путемъ вѣры очищаетъ умъ, и возвращаетъ ему, дѣйствіемъ благодати, потерянную имъ способность зрѣть духовное и божественное. Тогда и онъ, сраствoрившись съ вѣрою, силою Духа Божія, опять дѣлается окномъ въ Божественный міръ. Другаго пути туда нѣтъ. Суемудренная философія сколько ни пыталась разгадать ту область, всегда порождала только призрачныя представленія, иногда очень красивыя, но всегда ложныя (См. Исаака Сир. сл. 55).

Стихъ сто шестой.

Кляхся и поставихъ сохранити судьбы правды Твоея.

Рѣшимость угождать Богу и постоянная о томъ ревность есть первая дщерь вѣры. Что говоримъ мы въ крещеніи? Отрицаюся сатаны и всѣхъ дѣлъ его и всего служенія его, и сочетаваюся Христу Господу, съ обѣтомъ во всемъ всегда исполнять волю Его. Не тоже ли повторяемъ мы и въ покаяніи, когда возъимѣемъ несчастіе пасть горькимъ паденіемъ по крещеніи? Все это тоже, что *кляхся и поставихъ сохранити судьбы правды Божіей.*

Кляхся и поставихъ, то-есть, съ клятвою положилъ себѣ законъ правиломъ всей жизни моей. „Пророкъ, пишетъ Θеодоритъ, *клятвою* наименовалъ твердое рѣшеніе души, такъ какъ большая часть дѣлъ подтверждается клятвою.“ *Сохранити судьбы правды Твоея: судьбы правды*— присужденія, опредѣленія правды Божіей, тоже, что — воля Божія, выраженная въ откровенномъ словѣ Его. Кто скрѣпилъ себя такимъ рѣшеніемъ и ревнуетъ быть вѣрнымъ данному слову, тотъ скорѣе умретъ, чѣмъ нарушитъ клятву свою. Отсюда—мученики, отсюда подвижники и всѣ, преуспѣвшіе въ святости жизни. Эта ревность составляетъ душу святой и богоугодной жизни.

Она тоже, что паровозъ на желѣзныхъ дорогахъ, или паровикъ въ пароходахъ. Пока она жива — движенія жизни духовной не прекращаются, и преспѣяніе въ ней растетъ и растетъ.

Св. Исаакъ Сиріанинъ во многихъ мѣстахъ, касаясь вѣры, говоритъ, что она, въ первоначальномъ своемъ зарожденіи, производитъ страхъ, напечатлѣвая въ умѣ и проводя до сердца мысль, что грѣшнику непремѣнно предлежитъ отвѣтъ предъ праведнымъ Судіею, у Котораго не бываетъ на судѣ никакого лицепріятія. Страхъ этотъ пробуждаетъ совѣсть, и, вмѣстѣ съ совѣстію, приводитъ грѣшника къ покаянію. Смыслъ же покаянія таковъ: согрѣшилъ, — прости; не буду, хоть умереть. Это и есть рѣшимость угождать Богу, — крѣпкая, какъ смерть, съ неугасающею ревностію о томъ. Такъ раждается первородная дщерь вѣры!

Породивъ ревность, вѣра освѣщаетъ потомъ и весь путь ревнителя. Она сказываетъ, что должно дѣлать вообще, какъ поступить въ какомъ-либо частномъ случаѣ, когда дорога развѣтвляется и даетъ многія стези; она же внушаетъ, какъ держать себя, когда все благопріятствуетъ дѣлу нашему; она учитъ, какъ дѣйствовать при повсюдныхъ противленіяхъ ему. Такимъ образомъ, кто ходитъ при свѣтѣ вѣры, воспріявъ безъ размышленія всю богооткровенную волю Божію, тотъ ходитъ какъ при свѣтѣ ярко свѣтящаго солнца, и ни за что не поткнется. И мощно шествіе такого человѣка; вѣра его, отрѣвая всякое раздумыванье, сосредоточиваетъ силы на единомъ, и дѣлаетъ дѣйствующаго многосильнымъ. Вѣра истинная и не замѣчаетъ препонъ; она ходитъ выше всего, и ничто не поражаетъ ее страхомъ. Пресѣкла ли отрокамъ путь, которымъ они шли, пещь огненная, и Даніилу — ровъ полный звѣрей? Возмутили ли стопы ногъ св. мучениковъ предлежащія имъ страшныя мученія? Отклонили ли отъ

шествія вслѣдъ Господа подвижниковъ ужасы пустыни, воздвигаемыя исконными врагами спасенія? *Во всѣхъ преподъждаемъ* (Рим. 8. 37), говоритъ св. апостолъ. Такова ревность, порождаемая и воодушевляемая вѣрою! Хочешь ли преуспѣвать? Молись: Господи, приложи мнѣ вѣру сильную и не колеблющуюся!

Стихъ сто седьмой.

Смирихся до зѣла: Господи, живи мя по словеси Твоему.

Ревность, порождаемая вѣрою, ревнуетъ сильно, но безъ самонадѣянности, безъ присвоенія себѣ чего-либо. Она можетъ говорить, что вся можетъ, но не иначе, какъ *о укрѣпляющемъ* ее *Господѣ* (Фил. 4, 13); потому и исповѣдуетъ: *благодатію Божіею есмь, еже есмь* (1 Кор. 15, 10).

Смирихся до зѣла: и слѣпъ, и нищъ, и нагъ, и прокаженъ, и разслабленъ, и не знаю, что мнѣ дѣлать; а еслибъ узналъ какъ-нибудь и что-нибудь, то не умѣю какъ приступить къ дѣлу; желанія мои разбѣгаются на разныя вещи помимо воли моей, и сочувствія сердца моего обращаются къ тому, что неблагоугодно Тебѣ. Мертвъ я духомъ для всего духовнаго: *живи же мя. Господи, по словеси Твоему.* Самъ же Ты сказалъ: *живу Азъ,—не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему* (Іез. 33, 11). И я хочу обратиться,—обрати же меня! И я, изъязвленный и обмершій, ищу оживленія,—живи же и меня по словеси Твоему! Если не Ты поможешь,—*вмалѣ,*—и *во адъ вселится душа моя* (Пс. 93, 17).

„Пророкъ, пишетъ блаж. Ѳеодоритъ, не просто сказалъ: *смирихся*, но *смирихся до зѣла,* и говоритъ это, будучи царемъ и пророкомъ, имѣя пріобрѣтенное добродѣтелію дерзновеніе, къ Богу и къ людямъ, обилуя бо-

гатствомъ и покоривъ всѣхъ своихъ враговъ. Но и тутъ не хотѣлъ онъ возлагать надежду ни на мудрость, ни на мужество, ни на правду свою. Прося жизни у Могущаго дать жизнь, онъ проситъ не жизни безусловно, но жизни разумной, сообразной съ закономъ, обрѣтающей славу свою въ Божіемъ законѣ."

Такъ чувствуютъ, такъ мыслятъ и всѣ ревнители спасенія и богоугожденія. Знаютъ они, что это должно совершиться взаимодѣйствіемъ свободнаго произволенія и благодатной помощи; но испытавъ многократно, что *еже хотѣти прилежитъ имъ, а еже содѣяти доброе не обрѣтаютъ* (Рим. 7, 18), они ни во что ставятъ свое произволеніе, и ожидаютъ всего отъ единой благодатной помощи. Потому-то исключительно ее испрашиваютъ въ молитвѣ; ей приписываютъ всякое дѣло свое, ничего не присвояя себѣ, и всегда ни во что вмѣняя себя и не придавая себѣ никакой цѣны, какими бы совершенными ни считали ихъ люди. Смиреніе — отличительная черта преуспѣвающихъ. Чѣмъ кто больше преуспѣваетъ, тѣмъ болѣе смиряется. Когда ты сталъ считать себя сколько нибудь праведнымъ, то знай навѣрное, что ты пошелъ назадъ.

Сюда же относятся предписанія старцевъ—не мѣрять себя, и понятно: кто вмѣняетъ себя ни во что, тому нечего мѣрять; а кто сталъ мѣрять, тотъ, значитъ, чувствуетъ, что онъ что нибудь значитъ. Потому у старцевъ первая молитва, повторять которую они совѣтуютъ и другимъ: даруй мнѣ, Господи, видѣть грѣхи мои и оплакивать ихъ всегда съ сокрушеніемъ сердца, себя вмѣняя ни во что, чувствуя себя худшимъ всякаго человѣка, достойнымъ всякаго презрѣнія *здѣсь* и всякихъ мукъ *тамъ*. Только въ благодати Твоей научи меня искать помощи, и надежду спасенія полагать въ единой благости Твоей, не хотящей, да кто погибнетъ.

Стихъ сто осьмой.

Вольная устъ моихъ благоволи же, Господи, и судьбамъ Твоимъ научи мя.

Вольная устъ, то есть, что самоохотно изрекаютъ уста мои, то *благоволи* принять, Господи. *И субъбамъ Твоимъ,*—тому, то есть, что присуждено и опредѣлено волею Твоею, что составляетъ прямую Твою заповѣдь,—*научи меня,* — научи узнавать то во всякомъ случаѣ, и исполнять съ умѣніемъ, во благоугожденіе Тебѣ.

Въ Ветхомъ Завѣтѣ были жертвы, опредѣленныя закономъ, и были жертвы произвольныя, которыя всякій, по желанію сердца своего, давалъ обѣтъ приносить Богу. Такъ и въ кругу нравственныхъ дѣлъ: однѣ прямо опредѣлены закономъ, а другія оставлены на произволъ, для засвидѣтельствованія пламеннѣйшаго усердія къ богоугожденію. „Большую часть преспѣяній въ добродѣтели, говоритъ блаж. Ѳеодоритъ, предписываютъ божественные законы; но присовокупляетъ нѣчто отъ себя и доброе произволеніе. Такъ и жертвы: были и узаконенныя, были и произвольныя. Жертвы о грѣхѣ и преступленіи, жертвы о невѣдѣніи повелѣвалъ приносить законъ; онѣ, какъ бы нѣкоторый долгъ, воздаваемы были Богу; а жертвы, приносимыя по доброму произволенію, именовались дарами. Такъ и нынѣ: цѣломудріе и правду предписываетъ евангельское слово; а дѣвство и воздержаніе отъ брачной жизни, нестяжательность, отшельническая жизнь, пребываніе въ пустынѣ, это—дѣла добраго произволенія, не состоящія въ предѣлахъ закона. Пророкъ такого рода дѣла назвалъ *вольными,* потому что онѣ не подлежатъ законной обязательности, а составляютъ плодъ боголюбиваго произволенія, и потому справедливо называются *вольными.*“

Плодъ боголюбиваго произволенія можетъ имѣть мѣсто и при всякомъ добромъ дѣлѣ. Такъ, когда представляется случай помочь другому, то иной дѣлаетъ это въ мѣрѣ, опредѣленной апостоломъ, то есть, не такъ, чтобъ тому было довольство, а намъ скорбь; а иной можетъ превзойти эту мѣру, и все отдать другому, лишивъ себя всего, и оставшись ни съ чѣмъ, съ однимъ крѣпкимъ упованіемъ на покровительство Божіе. Кто такъ дѣлаетъ, тотъ приноситъ произвольный плодъ боголюбиваго произволенія. Молиться Богу тоже надобно, и кто не молится, тотъ преступаетъ заповѣдь Божію: но мѣра молитвословія зависитъ отъ боголюбиваго произволенія: всякій, съ совѣта своего духовнагоотца, беретъ себѣ молитвенное правило, и потомъ всякій разъ можетъ сокращать его, или длить свое молитвословіе. Такъ, положившій себѣ стоять на молитвѣ по четверти часа, или по часу, когда, вмѣсто этого, по движенію усердія, промолится полчаса, часъ, или два, то приноситъ *вольный* плодъ боголюбиваго произволенія. Такъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ.

Движенія боголюбиваго произволенія надлежитъ оживлять при всякомъ дѣяніи. Есть у насъ недобрая случайность—обращать все въ форму. Дѣла, предпринимаемыя съ живымъ усердіемъ, безъ всякихъ постороннихъ побужденій, съ однимъ желаніемъ дѣлать угодное Богу,—такія дѣла въ первый разъ совершаются со всею живостію чувства и вниманія, во второй — эти внутреннія движенія бываютъ слабѣе, въ третій—еще слабѣе и, наконецъ, дѣла такія начинаютъ быть совершаемы безъ всякаго участія души, и выходитъ одна форма внѣшняя. Кое-что доброе и дѣлается, но все одно, какъ бы и не дѣлалось оно, потому что Богъ смотритъ на то, что происходитъ въ сердцѣ; а если тамъ нѣтъ дѣлаемаго дѣла, то Богъ его и не видитъ. И сколько отъ этого гибнетъ безплодно дѣлъ и трудовъ! Это похоже на то,

какъ еслибы кто сѣялъ и безъ разбора бросалъ сѣмена и за межу и на дорогу, гдѣ они пропадаютъ даромъ. Чтобъ избѣжать такой случайности, опытные отцы совѣтуютъ всегда дѣйствовать такъ, какъ бы ты дѣлалъ дѣло въ первый разъ: всякій день лишь начинай. Такъ и о доброй жизни вообще, потому что она и вся можетъ обратиться въ форму; такъ и въ отношеніи къ каждому дѣлу. Сколько бы ни шелъ ты по доброму пути, держи себя такъ, какъ бы ты только сейчасъ вступилъ на него; сколько бы разъ ни дѣлалъ доброе дѣло, всегда дѣлай такъ, какъ бы дѣлалъ его въ первый разъ. Этимъ способомъ ты всегда будешь приносить Богу жертву боголюбиваго своего произволенія, жертву живую, приносимую отъ полнаго сердечнаго усердія; а только это и многоцѣнно въ очахъ Божіихъ.

Стихъ сто девятый.

Душа моя въ руку Твою выну, и закона Твоего не забыхъ.

Вѣрующій ревнитель о богоугожденіи предаетъ себя всего въ волю Божію. Забота его только о томъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не преступать Божіихъ заповѣдей; а о себѣ, о своей участи, въ слѣдствіе того, онъ и думать не думаетъ, потому что душа его всецѣло въ рукѣ Божіей. Обидѣлъ ли его кто,—онъ порывается не на то, какъ бы отстоять себя и взыскать за обиду, а на то, какъ бы не разсердиться, не допустить движенія мести, не почувствовать непріязни къ обидѣвшему и расположить себя простить ему со всею охотою.

Но скажутъ: если всѣмъ прощать, то и жить будетъ нельзя,—заколотятъ. Вѣрующій предаетъ это въ волю Божію. Мое дѣло, говоритъ онъ, простить отъ души, а что будетъ дальше—это не мое дѣло; обо мнѣ заботит-

ся Самъ Богъ: душа моя въ рукѣ Его. Такое преданіе себя волѣ Божіей даетъ ему воодушевленіе на дѣла благія, и исполняетъ нравственною силою. Всякое дѣло, какое ни возьмите, окружено опасностями, или возможными непріятными послѣдствіями. Возьмите постъ: сколько опасеній посѣвается при наступленіи его! И желудокъ-то разстроится, и болѣзнь схватитъ, и дѣла остановятся, и чего-чего не наговорятъ! Но кто сказалъ однажды навсегда: душа моя въ рукѣ Божіей, того не потревожатъ подобныя опасенія. Такъ и во всякомъ дѣлѣ, и во всей жизни. У кого нѣтъ преданности въ волю Божію, для того что ни шагъ, то левъ на пути, а по сторонамъ разбойники (Прит. 26. 13). Вотъ онъ и отклоняется отъ пути праваго, думая, что ужъ избѣжалъ этимъ отъ бѣдъ, а между тѣмъ этимъ-то и ввергаетъ онъ себя въ нихъ. *Правѣдный же, яко левъ уповая* ходитъ (Прит. 28, 1), ибо знаетъ, что Всесильный Покровитель его всегда при немъ.

Опасенія изъ-за добродѣтели тревожатъ обычно тѣхъ, которые сами думаютъ устроять свою судьбу. Какъ все, что ни придумалъ бы человѣкъ въ огражденіе себя, есть не болѣе, какъ сѣть паутинная, и это знаетъ онъ по многократнымъ опытамъ; то и не можетъ навѣрное полагаться на свои способы обезопашенія себя. И придумываетъ ихъ, и вводитъ въ дѣло,—а все трясется, какъ осиновый листъ. Такова участь всѣхъ надѣющихся на себя. Да и Богъ за то, что они не предаютъ Ему душъ своихъ, не оказываетъ имъ Своей помощи. Онъ какъ бы говоритъ имъ такъ: „ты самъ своими способами хочешь улаживать все въ жизни твоей,—ну и улаживай! Я тебѣ не помощникъ.“ Такъ дѣлаетъ Господь для вразумленія самонадѣяннаго, чтобы опыты безуспѣшности своихъ способовъ побудили его поискать благонадежнѣйшихъ опоръ. Но гдѣ ихъ найдешь, если не въ

промыслительной десницѣ Божіей? Итакъ, предай лучше участь свою Господу, и самъ всю заботу обрати лишь на то, чтобы во всякомъ случаѣ вѣрно исполнить предлежащую заповѣдь. Дѣйствуя такъ, и покой найдешь, и благоуспѣшность будешь имѣть, если Господь благоволитъ осчастливить тебя ею.

Стихъ сто десятый.

Положиша грѣшницы сѣть мнѣ: и отъ заповѣдей Твоихъ не заблудихъ.

Протянули, говоритъ Пророкъ, сѣть передо мною, а я все таки не заблудилъ. Это прямое слѣдствіе преданности въ волю Божію. Кто положилъ душу свою въ руцѣ Божіи, тотъ не по землѣ ходитъ, а витаетъ горѣ. Сѣти разосланы по землѣ, а онъ летаетъ поверхъ ихъ, не зацѣпливаясь. Потому-то, какъ ни хитро сплетаются сѣти, а онъ все продолжаетъ неуклонно идти путемъ заповѣдей.

Но эта неспутанность сѣтями вражіими и летаніе поверхъ ихъ только сравнительно легки; на самомъ же дѣлѣ это—дѣло притрудное, и не поддающаяся имъ сила есть терпѣніе. Сѣти грѣшниковъ это—приманки и устрашенія со стороны міра и міролюбцевъ, и со стороны демоновъ. Влеченія ли страстной и грѣховной стороны, возбуждаемыя приманками, или непріятности, гоненія, лишенія, опасности жизни нападаютъ на шествующаго путемъ богоугожденія, дабы отклонить его отъ заповѣдей Божіихъ,—въ томъ и другомъ случаѣ, чтобы устоять на пути, нельзя обойтись безъ терпѣнія. Терпѣніе преодолѣваетъ напасти, терпѣніе устаиваетъ и противъ соблазновъ. Оно—основа безпрекословной, постоянно вѣрной заповѣдямъ Божіимъ, жизни. Не будь его,—шага нельзя сдѣлать на этомъ пути. Блаж. Ѳеодоритъ такъ же передаетъ мысль Пророка: „Много и

люди и демоны сплетаютъ всякаго рода козней, но я рѣшился (съ терпѣніемъ) идти неблазненнымъ путемъ заповѣдей Твоихъ."

Мать терпѣнія тоже вѣра. Вѣра вѣруетъ, что все, встрѣчающееся въ жизни, идетъ отъ Бога, и все направляется къ вѣчному нашему спасенію. Богъ ничего не посылаетъ такого, что могло бы ввергнуть насъ въ грѣхъ и послужило бы намъ въ пагубу; а если, по попущенію Божію, и бываетъ какое либо искушеніе, то для того, дабы, преодолѣвъ влекущее насъ на грѣхъ, получить намъ вѣнецъ правды за твердую вѣрность заповѣдямъ Господнимъ. Слѣдовательно, выдержи только это время искушеній, и то, что представляется такимъ тяжелымъ, принесетъ отраду *здѣсь* и заготовитъ елей для вѣчной отрады *тамъ*. Вѣрующіе такъ и терпятъ; и нѣтъ силы, которая превозмогла бы терпѣніе ихъ. Терпѣніе отъ вѣры—это сила Божія, дѣйствующая въ сердцахъ терпящихъ. Терпѣніе даетъ постоянство въ добрѣ; а постоянство это дѣлаетъ безплодными всѣ усилія враговъ, и разрываетъ всѣ ихъ сѣти. Постоянство и само есть плодъ силы Божіей, вселившейся въ сердцѣ ради вѣрности его Богу. Какъ въ мысляхъ нашихъ бываетъ бурленіе, пока не осѣнитъ ума свѣтъ Божій; такъ и въ волѣ происходитъ измѣнчивость желаній, пока не сратворится съ нею сила Божія и не установитъ ее. Легкая нитка и на легкомъ вѣтрѣ качается туда и сюда; а повѣсь на нее тяжесть какую нибудь,—не покачнетъ ее и довольно сильный вѣтеръ. Вотъ вамъ образчикъ постоянства въ добрѣ! Отъ благодатной силы приходитъ нѣкое тяготѣніе къ одному добру, и дѣлаетъ желанія наши недвижными съ этого направленія. Одно въ ней—все направлять къ богоугожденію, во славу пресвятаго имени Божія. Когда это въ душѣ созрѣетъ, тогда разставляй какія хочешь сѣти,—соблазняемый не пойдетъ

отъ Божіихъ заповѣдей. Онъ скорѣе согласится умереть, чѣмъ хоть сколько нибудь уклониться отъ того, что угодно Богу.

Стихъ сто одиннадцатый.

Наслѣдовахъ свидѣнія Твоя во вѣкъ, яко радованіе сердца моего суть.

Терпѣніе предполагаетъ нѣчто суровое, безотрадное. По внѣшнему виду, оно, дѣйствительно, представляется такимъ; но внутри его движется отрада, столь сладостная, что съ нею не можетъ идти въ сравненіе никакое утѣшеніе мірское или житейское. Радость духовная есть неотложное достояніе тѣхъ, которые съ терпѣніемъ постоянны въ добрѣ. Это самое и выражаетъ здѣсь Пророкъ: *наслѣдовахъ*, говоритъ, *свидѣнія Твоя*,—принялъ ихъ, какъ принимаютъ богатое наслѣдство, усвоилъ ихъ себѣ, и въ вѣкъ не разстанусь съ ними, ибо онѣ радуютъ сердце мое, не въ будущемъ только обѣщая радость, но теперь исполняя сердце радостію, — и потому суть *радованіе сердца моего*.

Подумайте, въ самомъ дѣлѣ, чего мы всѣ до единаго желаемъ? Счастія. А что такое счастіе? Состояніе, радующее сердце. Счастливъ, кого радуетъ все, что есть въ немъ, у него и около него. Вотъ же вамъ и средство къ тому; примите свидѣнія Божіи, опредѣленія воли Божіей, засвидѣтельствованныя Самимъ Богомъ, со всею любовію и желаніемъ, и пребывайте въ нихъ, съ твердымъ намѣреніемъ вовѣки быть вѣрнымъ имъ, — и это изольетъ въ сердце ваше радость, которая и не отойдетъ отъ него вовѣки, такъ что переходъ отъ сей жизни въ другую будетъ для него не чѣмъ инымъ, какъ перемѣною радости здѣшней на радость нескончаемую и неописанную. Что это такъ, въ этомъ увѣряетъ насъ Пророкъ собствен-

нымъ опытомъ. Не что другое внушаетъ намъ и Господь въ проповѣди Своей о блаженствахъ. Все содержаніе Его бесѣды въ краткихъ словахъ таково: хочешь быть блаженнымъ, то есть, всесторонне-счастливымъ, — будь смиренъ, сокрушенъ сердцемъ, кротокъ, правдолюбивъ, милостивъ, чистъ сердцемъ, миротворенъ, терпѣливъ и благодушенъ. А что это, какъ не „воспріими свидѣнія Мои, какъ наслѣдство и не разставайся съ ними вовѣкъ?“

Нечестивому же нѣсть радоватися (Ис. 48. 22), не только тому, кто прямо возстаетъ противъ Бога и святыхъ свидѣній Его, но и тому, кто хоть и исправенъ во внѣшнемъ поведеніи, но въ сердцѣ поставляетъ послѣднее благо свое не въ Богѣ и не въ общеніи съ Нимъ.

У всѣхъ такихъ не бываетъ истиннаго радованія сердца, а только минутные порывы на радость, смѣняющіеся сильнѣйшею тугою сердца, какъ послѣ молніи ночью минутная свѣтлость смѣняется густѣйшимъ мракомъ. Не то даютъ сердцу,—оно и не радуется; рванется на иное, полагая, что это-то и можетъ истинно обрадовать его,— но, отвѣдавъ, тотчасъ отвращается отъ того, тугою своею давая знать, что это не то, что ему нужно. Туга эта общa всѣмъ міролюбцамъ и грѣхолюбцамъ. Они заглушаютъ ее немного, гоняясь безъ перерыва за радостями, но совсѣмъ заглушить не могутъ. Мало-мало, и она возстаетъ со всею силою. Милость Божія такъ устроила, чтобъ удаляющіеся отъ заповѣдей Его внутри себя всегда слышали голосъ, призывающій ихъ на путь свидѣній, могущій истинно ихъ осчастливить.

Скажутъ: а мученики, а подвижники? Сколько страданія у первыхъ, и сколько лишеній у послѣднихъ! Но то-то и дивно, что ни страданія, ни лишенія не отнимали радованія отъ сердца вѣрнаго свидѣніямъ Божіимъ, а, напротивъ, усугубляли его,— и не надеждою только въ

будущемъ, а дѣйствительнымъ вкушеніемъ радости въ настоящемъ. Не вѣрить сему нельзя; когда сами страдавшіе и терпѣвшіе лишенія не на словахъ только изъявляли радованіе сердца своего, а являли его дѣломъ.

Стихъ сто двѣнадцатый.

Приклонихъ сердце мое сотворити оправданія Твоя въ вѣкъ за воздаяніе.

Приклонилъ я, говоритъ Пророкъ, сердце мое вовѣки къ исполненію оправданій Твоихъ: чѣмъ же побужденъ приклонить? Надеждою на воздаяніе. Ощущаемое здѣсь радованіе сердца отъ вѣрности свидѣніямъ Божіимъ не исчерпываетъ всего блага, подаваемаго исполненіемъ оправданій Божіихъ. Здѣшнее радованіе есть только начатокъ и ручательство за неописанное радованіе въ вѣчности. Правда, оно и одно сильно поддерживать вѣрность заповѣдямъ Божіимъ; но чтобъ отъ непривычки оно не ослабѣло, или, явясь въ малой мѣрѣ, не подало повода удовольствоваться тѣмъ и ослабить ревнованіе объ исполненіи заповѣдей, въ той мысли, что цѣль уже сполна достигнута,—Господу угодно было объявить, что ревнителей объ исполненіи оправданій Его въ будущемъ ожидаетъ радованіе, передъ которымъ здѣшнее и въ сравненіе идти не можетъ. То радованіе неописанно; между тѣмъ, и оно имѣетъ свои мѣры, — и мѣры сіи зависятъ отъ трудовъ въ соблюденіи оправданій здѣсь. Чѣмъ больше кто потрудится *здѣсь*, тѣмъ большаго радованія сподобится *тамъ*. Въ этой-то мысли Пророкъ и рѣшилъ въ себѣ: если такъ, то я вовѣкъ буду блюсти опредѣленія Божіи, и потомъ объявляетъ всѣмъ о такомъ рѣшеніи своемъ, то-есть, что онъ приклонилъ сердце свое творить вовѣкъ оправданія, въ надеждѣ воздаянія.

Очевидно, что надежда здѣсь обращена на будущее;

но и земное пребываніе длится не мало и, слѣдовательно, имѣетъ свое будущее въ предѣлахъ своего продолженія. Юноша ждетъ возмужалости, возмужавшій — старости. Такъ и въ нравственной жизни: новоначальный ищетъ стать въ ряды преуспѣвающихъ, преуспѣвающій — въ рядъ совершенныхъ. Вотъ тутъ-то силою, движущею впередъ, и есть надежда, которая, обѣщая лучшее, манитъ все далѣе и далѣе и вызываетъ напряженіе силъ. Достиженіе того есть своя мѣра воздаянія. Вступающій на путь добродѣтели вступаетъ сначала по страху Божію и требованію совѣсти. Хоть и съ самаго начала чаетъ онъ сего ради жизни истиннаго благобытія, но самое это чаяніе держится лишь вѣрою въ Бога, неложнаго въ обѣтованіяхъ Своихъ, а изъ самой жизни онъ еще не получаетъ подкрѣпленія себѣ. Это подкрѣпленіе пріемлется уже тогда, когда, послѣ нѣкоторыхъ опытовъ жизни въ этомъ родѣ, душа начинаетъ ощущать плоды того. Ощущеніе плодовъ есть полученіе воздаянія; но это не прекращаетъ надежды, въ силу того, что если получилъ, то чего еще надѣяться? Потому что, сколь бы ни было сильно ощущеніе благобытія отъ шествія путемъ заповѣдей, никогда не войдетъ оно въ мѣру того, что обѣщаетъ надежда, которая, по мѣрѣ того ощущенія, и сама возвышаетъ свои обѣтованія. Такъ по всѣмъ степенямъ совершенства духовнаго; а кто взошелъ на самый верхъ совершенства, предъ тѣмъ уже она отверзаетъ врата вѣчности, и оживляетъ чаяніемъ тамошнихъ нескончаемыхъ и неописанныхъ благъ. Вотъ какую оживительницу и утѣшительницу даровалъ намъ Господь Богъ въ надеждѣ!

Надежда—отъ вѣры; но когда ощущеніе это дѣлается частымъ, тогда оно подкрѣпляетъ и самую вѣру. Такимъ образомъ, надежда воздаетъ вѣрѣ дань, какъ родоначальницѣ своей. Подъ взаимнымъ ихъ вліяніемъ спѣется

святая жизнь, имѣющая послѣднею цѣлію созиданіе любви въ сердцѣ. Вѣра, окриляемая надеждою, учитъ вѣрно ходить въ заповѣдяхъ и оправданіяхъ Божіихъ. Этотъ трудъ хожденія и есть прямое ихъ дѣло; но изъ него вырождается, наконецъ, любовь, полная, чистая, всепоглощающая. Сама пламень, она обращаетъ въ пламень и вѣру и надежду; тогда весь духъ человѣка становится пламенемъ. Это и служитъ свидѣтельствомъ того, что онъ сталъ чистъ, и Богъ, въ Троицѣ покланяемый, началъ почивать въ немъ, благоволеніемъ Отца, святынею Духа и кропленіемъ крови Іисусъ-Христовой.

ПЯТНАДЦАТОЕ ОСМИСТИШІЕ.

Заголовка къ этому осмистишію „самехъ“—подпора. Есть нравственныя расположенія и рѣшенія воли, и Божіи устроенія, относящіяся къ сему, которыя служатъ подпорою всей богоугодной жизни, проводимой въ вѣрномъ исполненіи заповѣдей. О такихъ расположеніяхъ и Божіихъ устроеніяхъ и говоритъ въ этомъ осмистишіи св. Пророкъ. Первою подпорою тутъ выставляется рѣшеніе воли любить законъ — со стороны человѣка (ст. 113), и всегда готовая для этого помощь—со стороны благодати (ст. 114). Ни благодать безъ такого рѣшенія воли дѣйствовать не станетъ, ни такое рѣшеніе воли безъ благодати сдѣлать ничего не можетъ. Когда же онѣ соединятся, тогда дѣйствованіе человѣка и немощнаго становится мощнымъ. Въ чувствѣ этой мощи, онъ съ дерзновеніемъ выходитъ на путь богоугожденія (ст. 115), не на свою, однакожъ, надѣясь силу, но на Божію помощь, уповая успѣть во всемъ, при ея содѣйствіи (ст. 116). Таковъ внутренній строй дѣйствующаго по Богу. Далѣе Пророкъ указываетъ—чѣмъ поддерживать эти самыя опоры богоугодной жизни, именно: мо-

литвою (ст. 117), припоминаніемъ Божія непощаденія грѣшниковъ (ст. 118), усмотрѣніемъ того, какъ жизнь ихъ безотрадна (ст. 119), и особенно страхомъ Божіимъ, который возбуждается представленіемъ страшныхъ судовъ Божіихъ (ст. 120). И племя добродѣтелей въ жизни по Богу, изображенное въ предъидущемъ осмистишіи, есть того же свойства. Посему, настоящее осмистишіе, можно назвать продолженіемъ предъидущаго.

Стихъ сто тринадцатый.

Законопреступныя возненавидѣхъ, законъ же Твой возлюбихъ.

Подъ словомъ *законопреступныя* разумѣются тутъ люди или совокупность людей - міръ, и злые помыслы, возбуждаемые міромъ и всѣми обычаями его; возненавидѣлъ, говоритъ, не только преступленіе закона, но и все, соприкосновенное съ тѣмъ и ведущее къ тому; *законъ же твой возлюбихъ*. Отъ того отвратился сердцемъ, а къ этому прилѣпился. Не одно прекращеніе грѣходѣланія есть исправленіе нрава, но и сердечное отвращеніе отъ него; и не одно дѣланіе дѣлъ законныхъ есть обращеніе на путь добра, но и сердечная любовь къ нимъ. Такое настроеніе и есть полное начало богоугодной жизни, и вмѣстѣ самая прочная опора ея. Пока есть сочувствіе къ чему-либо грѣховному и страстному, до тѣхъ поръ нельзя считать состоянія своего безопаснымъ. Чуть что-нибудь,—и слабое сочувствіе возрастетъ въ чувство, раздражитъ влеченіе, вызоветъ желаніе,—вотъ уже и край рва паденія. Тутъ тоже бываетъ, что съ искрою, тлѣющеюся въ неплѣ. Чуть вѣтерокъ сдуетъ покрывающій ее пепелъ и пригонитъ что-либо горючее,—тотчасъ задымится; не погаси—вспыхнетъ, не подави

вспыхнувшаго огонька—и пожаръ. Часъ-другой, и домъ исчезъ, какъ бы богато ни былъ убранъ.

Такъ бываетъ и съ нравственными пожарами и погибелью домовъ сердечныхъ. Пересмотри же потщательнѣе—не кроется ли у тебя въ сердцѣ какое-либо сочувствіе ко грѣху и страсти; и если найдешь, не полѣнись истребить его. Пробою сего да будетъ тебѣ то, чтобы, когда будетъ у тебя на глазахъ или въ мысляхъ предметъ страсти, ты не только бы относился къ нему холодно, но имѣлъ желаніе оттолкнуть его ногою, какъ нечистое животное.

Не вдругъ, какъ только обратится человѣкъ отъ грѣха къ добродѣтели, уже является такая ненависть къ грѣховному. Правда, есть она и тутъ, но еще слаба. Періодъ борьбы со грѣхомъ раститъ и питаетъ ее; потому что только эта борьба даетъ чувствовать всю враждебность къ намъ грѣха и злость началовождя его—діавола.

Почувствованіе этой злорадной вражды, со стороны противной добру, дастъ, наконецъ, силу и ей отплатить тѣмъ же. А что грѣхъ будто—ничего, не врагъ, а пріятель,—такое помышленіе не дастъ возстать и ненависти къ нему во всей силѣ.

Ненависть ко грѣху растетъ вмѣстѣ съ любовью къ добродѣтели. Опора доброй жизни есть собственно эта любовь, а ненависть ко грѣху проявляется только въ минуту появленія грѣха съ цѣлію приманить къ себѣ. Тогда любовь къ добру обнаруживается ненавистію къ злу, и опаляетъ зло, при первомъ его появленіи. Противъ этого движенія любви не можетъ устоять и сама злоба сатанинская.

Стихъ сто четырнадцатый.

Помощникъ мой и заступникъ мой еси Ты: на словеса Твоя уповахъ.

Пророкъ не молится: будь Ты мнѣ помощникъ, а исповѣдуетъ, что Богъ есть уже его помощникъ на добромъ пути. Полагая начало доброй жизни, начинающій молится: „я постараюсь дѣлать добро, только Ты, Господи, не оставь меня Твоею помощію“ и, вѣруя, что Богъ не оставитъ его, вступаетъ на путь добра. Но опыты жизни, въ которыхъ Божія помощь и Божій покровъ бываютъ осязательно видимы, укореняютъ въ сердцѣ убѣжденіе, что точно такъ и есть, что Господь близъ есть всѣмъ призывающимъ Его, и хранитъ вхожденіе и исхожденіе ихъ. Отсюда человѣкъ становится увѣреннымъ во всегдашней готовности Божіей помощи и Божія заступленія, какъ въ своемъ собственномъ бытіи. И самъ въ себѣ говоритъ онъ, и предъ другими исповѣдуетъ: Господь мнѣ помощникъ; не убоюся, что сотворитъ мнѣ злоба врага! Кругомъ меня полчища его, а я ложусь спать и спокойно засыпаю, сплю и встаю, не испытывая никакой тревоги, ибо знаю, что не воздремлетъ, ниже уснетъ храняй меня Господь, по благости Своей.

На словеса Твоя уповахъ, то-есть, на обѣтованія, данныя людямъ отъ Бога, съ увѣренностію въ непреложности ихъ: „ты только начни, а Я ужъ не оставлю тебя.“ Уповая на сіи обѣтованія, человѣкъ вступаетъ на путь добра. Но потомъ, когда опыты жизни удостовѣрятъ его во всегдашней благости Бога и готовой помощи отъ Него, онъ исповѣдуетъ предъ Богомъ: теперь я совсѣмъ возложилъ упованіе мое на словеса Твои. Сначала еще могли быть кое-какія колебанія; а теперь нѣтъ болѣе имъ мѣста.

Безъ помощи Божіей нельзя преуспѣть въ добрѣ. *Безъ Мене не можете творити ничесоже*, говоритъ Господь (Ін. 15, 5). На эту-то помощь и надо возложить упованіе; а возложивъ, возжелать ее и взыскать. Пер-

выя движенія добра возбуждаетъ Господь независимо отъ произволенія человѣка; но потомъ, когда вступитъ человѣкъ на путь добра, Онъ является на помощь къ нему не иначе, какъ по взысканіи, хотя и близъ есть. Господь Богъ благоволилъ устроить такъ для того, чтобы человѣкъ не зазнался, и дѣла благодати не сталъ считать долгомъ, ибо отсюда исходитъ ропотъ—пагуба душъ. Упованіе есть уже взысканіе помощи Божіей. Это безъ словъ—слово, сильно взывающее къ Богу, такъ какъ Богъ смотритъ на то. что въ сердцѣ.

Упованіе на помощь Божію есть самая живительная сила на добромъ пути. Потому-то врагъ всячески старается не дать ему вселиться въ сердце, и когда вселится—заботится ослаблять его. На первыхъ порахъ внушаетъ: станетъ тебѣ помогать Богъ, Котораго ты столько оскорблялъ!—и потомъ, на пути добродѣтели, чуть какое искушеніе, онъ не пропускаетъ случая набросать помысловъ: видишь, — бросилъ тебя Богъ! Такъ и идетъ человѣкъ съ упованіемъ, то возвышающимся, то слабѣющимъ. А между тѣмъ, оно все-таки растетъ и растетъ. Опыты Божіей помощи питаютъ его и возращаютъ. Когда же оно окрѣпнетъ, тогда уже отъ всего сердца исповѣдуетъ человѣкъ: *помощникъ мой еси Ты, Господи, на словеса Твоя возуповахъ.* Тутъ тоже бываетъ, что съ человѣкомъ, плывущимъ къ берегу и бьющимся среди волнъ, когда онъ выбьется и станетъ на твердую землю. По другому сравненію,—уповающій истинно и совершенно тоже, что дитя на лонѣ матери: и тепло ему и покойно, и бояться никого не боится. Но до такого состоянія надо доходить.

Стихъ сто пятнадцатый.

Уклонитеся отъ мене лукавнующіи, и испытаю заповѣди Бога моего.

Кто чувствуетъ въ себѣ силу, тотъ смѣло говоритъ

тѣмъ, кои преграждаютъ ему путь: подите прочь! Такъ и возлюбившій законъ Божій и возвысившійся до крѣпкаго упованія на Бога, въ чувствѣ силы не своей, а Божіей, говоритъ и бѣсамъ, и злымъ людямъ, и злымъ обычаямъ и помысламъ, словомъ, всему, что можетъ мѣшать ему идти избраннымъ отъ него путемъ: *уклонитеся отъ мене!* Въ этомъ выражается мужество и дерзновеніе, съ коими возлюбившій заповѣди идетъ путемъ ихъ. Такъ и должно; иначе нѣтъ надежды, чтобъ этотъ путь былъ совершенъ благополучно. Кто, пошедши въ какое-либо неблизкое мѣсто, съ первыхъ же шаговъ начинаетъ покряхтывать и побаиваться, тому не дойти до конца пути. Когда выступающій на бой, чуть только завидитъ противника, ужъ и начинаетъ трястись отъ страха, — такой прежде схватки уже побѣжденъ. Такъ и вступающій на путь добродѣтели, для борьбы со всѣми врагами спасенія, если не воодушевленъ съ самаго начала мужествомъ, или не воодушевится имъ по вступленіи на путь, не въ состояніи совершить его.

Такое мужество не есть необдуманная смѣлость или молодечество, свойственныя неопытной юности, которая задорничаетъ, не взвѣсивъ, какъ слѣдуетъ, силъ своего противника. Нѣтъ, оно до малѣйшихъ подробностей видитъ всѣ трудности пути, исчисляетъ всѣ силы враговъ, но не отступаетъ передъ ними, а въ надеждѣ на помощь Божію готово всѣ ихъ подъять и преодолѣть. Оно напередъ уже поднимаетъ ихъ, примѣряясь, какъ пройти ту или другую трудность, и преодолѣть того или другаго врага. Оно готово на всякіе труды, на всякое утомленіе и изможденіе, на всякія раны и пораженія, даже на самую смерть. Оно переживаетъ все это въ чувствѣ, прежде чѣмъ испытаетъ на дѣлѣ, и если въ сердце такого человѣка не закрадывается при этомъ страхъ, онъ мужественно вступаетъ на путь, жаждая противностей,

борьбы и трудовъ. Потому-то, когда встрѣчаетъ ихъ, то встрѣчаетъ не какъ что-либо неожиданное, а какъ нѣчто давно желанное: отъ чего они и не производятъ на него того дѣйствія, какого хотѣли бы устрояющіе ихъ. Мужественный идетъ такъ, какъ корабль, разсѣкающій волны.

Мужество нравственное свойственно человѣку по естеству, ибо онъ обладаетъ богоподобнымъ духомъ, который мощнѣе тѣхъ сторонъ нашего существа, въ которыхъ засѣдаетъ грѣхъ со страстями, и чрезъ которыя дѣйствуетъ врагъ. Вступающій, подъ дѣйствіемъ страха Божія и совѣсти, на путь добродѣтели, переходитъ на сторону духа; потому онъ причастникъ и мощности духа и свойственнаго ему мужества. Но такъ какъ духъ, хотя и есть, бываетъ иногда сокрытъ: такъ и мужество хоть и присуще бываетъ иному, но не проявляется, не будучи вызываемо. Говорятъ иногда въ общежитіи: откуда что берется. Въ жизни по Богу всего чаще можно встрѣчать приложеніе этой поговорки, равно какъ и другой: не изъ тучи громъ. Слабенькій человѣкъ иногда являетъ такую нравственную силу, которая удивляетъ самыхъ мощныхъ. Можетъ быть, не несправедливо будетъ сказать всякому вступившему на путь добродѣтели: *мужайся и да крѣпится сердце твое* (Пс. 26, 14); иди, не робѣй, ты сильнѣе всѣхъ враговъ твоихъ и мощнѣе всѣхъ преградъ. Воодушевись; врагъ разслабляетъ тебя страхованіемъ, но только выступи смѣло, и его не станетъ.

Стихъ сто шестнадцатый.

Заступи мя по словеси Твоему и живъ буду: и не посрами мене отъ чаянія моего.

Мужественно вступающій на путь добродѣтели говоритъ помысламъ и демонамъ: *уклонитеся отъ мене.* Я положилъ себѣ ходить и буду ходить только въ заповѣдяхъ

Божіихъ; никакія ваши лести и козни не собьютъ меня съ пути; я буду испытывать заповѣди Бога моего и дѣломъ проходить ихъ. „Не просто, поясняетъ блаж. Θеодоритъ, буду слѣдовать имъ, но испытаю ихъ во всей точности, чтобы ничто въ нихъ не укрылось отъ меня, и чтобы исполнено было мною все, что заповѣдалъ Господь всяческихъ."

Если взять эти слова внѣ связи съ цѣлымъ, то они отзываются какъ будто самоувѣренностію, которая никогда никого ни къ чему доброму не приводила. Въ связи же они означаютъ только духъ, дышущій мужествомъ, черпающій его изъ крѣпкаго упованія на Бога, къ Которому и обращается въ молитвѣ: *заступи;* „сподоби, говоритъ блаж. Θеодоритъ, заступленія Твоего меня, принявшаго намѣреніе идти путемъ заповѣдей Твоихъ, чтобы, обманувшись въ надеждѣ, не быть мнѣ исполненнымъ стыда." Такъ говоритъ непосрамляющее упованіе, привлекающее къ себѣ силу Божію и опирающееся на ней. *Вся могу,* говоритъ оно, но только *о укрѣпляющемъ мя Господѣ* (Фил. 4, 13), и вѣруетъ, что Господь близъ. Но такъ какъ Онъ Самъ законоположилъ, дабы и мужающіеся, и дерзающіе о Немъ взывали къ Нему, то и Пророкъ взываетъ: *заступи,* хоть и увѣренъ, что заступленіе Божіе уже ограждаетъ его, по неложному обѣтованію Его. *И живъ буду,* разгоню, то есть, враговъ, и останусь цѣлъ во всемъ моемъ нравственномъ устроеніи. А такъ какъ Господь, помогая уповающему, дѣйствуетъ чрезъ душу на одолѣніе враговъ ея, то она не можетъ не чувствовать сего притока силы Божіей, а слѣдовательно, и оживленія чрезъ Него. Если Господь не беретъ назадъ даннаго, то данное, по случаю оживленія, остается въ душѣ; и по преодолѣніи враговъ, она не можетъ не сознать себя болѣе живою, нежели каковою была она до наступленія ихъ. Кто испыталъ это однажды, тотъ

въ другой разъ, прося помощи, не можетъ не имѣть въ мысли и того, чѣмъ она сопровождается. *И живъ буду*, большую, то есть, воспріиму жизнь отъ Тебя.

Не посрами мене отъ чаянія моего. Не за себя стоитъ Пророкъ, а за славу Бога, на Него же уповаетъ. Всѣ знаютъ, что онъ уповаетъ на Бога, и уповаетъ по слову Его. Если Богъ попуститъ врагамъ одолѣть его, то покажется, что онъ напрасно уповалъ на Бога, и еще болѣе, что Богъ невѣренъ въ обѣтованіяхъ Своихъ. Потому-то Пророкъ часто повторяетъ въ псалмахъ своихъ, когда обращается къ Богу съ молитвою о помощи: *да не постыжуся, яко уповахъ на Тя* (Пс. 24, 20), не какъ на безсильнаго и не могущаго помочь.

Мужающійся потому мужается, что уповаетъ на силу Божію. Въ немъ совершается сочетаніе силы человѣческой съ силою Божіею. Отъ человѣка, съ его стороны, требуется воодушевленіе; но такъ какъ при этомъ истощается сила его, то когда она совсѣмъ истощится, тогда начинаетъ дѣйствовать сила Божія. Изъ сего слѣдуетъ, что и мужающійся испытываетъ полное чувство безсилія, и взываетъ: *время сотворити Господеви* (ниже ст. 126),— время Тебѣ дѣйствовать, Господи; *воскресни, востани!* (Пс. 3, 8; 34, 2).

Итакъ, сколько бы ты ни былъ поражаемъ, и хотя искушенія сильно колебали бы тебя и клонили долу, какъ сильный вѣтеръ клонитъ къ землѣ гибкіе стебли, не допускай мысли, что ты оставленъ Богомъ: Господь близъ, и ждетъ лишь момента дѣйствованія. Наступитъ этотъ моментъ, и враги разсѣются, какъ разсѣевается отъ вѣтра туманъ или дымъ. *Потерпи Господа, и Той сотворитъ* (Пс. 26, 14; 36, 5). Законъ воли Его таковъ, чтобъ не давать никому быть искушаему выше силы его, а всегда въ силу. Знай же это, и не робѣй, а смѣло смотри врагамъ въ глаза.

Стихъ сто семнадцатый.

Помози ми, и спасуся, и поучуся во оправданіихъ Твоихъ выну.

„Хотя,—такъ объясняетъ этотъ стихъ св. Аѳанасій,—и сказалъ Пророкъ: *заступникъ мой єси Ты,* но чувствуетъ нужду и въ непрестанной помощи: ибо пока человѣкъ еще здѣсь, то не можетъ сказать утвердительно: спасусь.“ Упованіе не отмѣняетъ молитвы, равно какъ и мужество упованія. Молись,—придетъ помощь и увѣнчаетъ успѣхомъ мужественное воодушевленіе твое. Такъ какъ ты не можешь знать, когда подступятъ враги и поднимутъ бурю помысловъ и страстныхъ движеній, то непрестанно молись: *Боже, въ помощь мою вонми! Господи, помощи ми потщися*! (Пс. 69, 2).

Уповающаго и молящагося въ упованіи вражескія нападенія никогда не застанутъ въ расплохъ, или даже и подступить къ нему не посмѣютъ. Упованельная молитва прикрываетъ душу нѣкотораго рода осѣненіемъ; отъ того врагамъ и не видно, куда мѣтить стрѣлами своими. Есть сказанія, что на иныхъ святыхъ нападали злые люди; но Богъ прикрывалъ ихъ, дѣлая невидимыми. Враги такіе поищутъ-поищутъ, и уйдутъ безъ всего. Такъ и отъ невидимыхъ враговъ прикрываетъ Богъ душу, такъ что они не видятъ ее. Можетъ быть, свѣтъ молитвенный поражаетъ ихъ зрѣніе, какъ свѣтъ вещественный поражаетъ зрѣніе нѣкоторыхъ птицъ, которыя потому и не видятъ среди бѣлаго дня.

Случается, что иные злодѣи являются обокрасть домъ, а въ это время хозяинъ съ кѣмъ-либо долго разговариваетъ; злодѣи не начинаютъ своего дѣла до тѣхъ поръ, пока не услышатъ, что умолкъ разговоръ. Продлись онъ

всю ночь, — всю ночь и простояли бы они, опасаясь приняться за свое злодѣйское дѣло. Такъ и ты, если хочешь, чтобы враги отходили отъ тебя безъ дѣла, не прекращай бесѣды своей къ Богу: *Боже, въ помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися!* Эта рѣчь, хоть и молчкомъ, мысленно будетъ совершаться въ душѣ, но врагамъ она слышится гласно, и пока будетъ она идти, ни за что не посмѣютъ они подступить къ тебѣ, потому что знаютъ, о чемъ и съ кѣмъ ты ведешь рѣчь, и что имъ крѣпко достанется за дерзость нападенія.

Иной скажетъ: вотъ я и молюсь, а страсти все же одолѣваютъ меня. Молитва молитвѣ—рознь. Настоящая молитва никогда не дастъ въ обиду; напротивъ, если по невниманію иногда въ душѣ и раздражатся страсти, то прибѣгни только къ молитвѣ и совершай это дѣло какъ должно,—тотчасъ улягутся воздвигнутыя недобрыя движенія. Хоть и не тотчасъ это послѣдуетъ, особенно когда страсти возстаютъ по нашей винѣ, но всячески онѣ не устоятъ. Молитва никакъ не допуститъ, чтобы занятый ею былъ одолѣнъ ими. Если же съ кѣмъ и случится что-либо подобное, то вѣрно отъ того, что у него тогда молился языкъ, а душа лукаво посматривала на страстное. Тутъ ужъ не было молитвы, а одна форма ея. Настоящая молитва, по словамъ св. Іоанна Колова, вотъ на что похожа. Сижу я, говоритъ онъ, подъ деревомъ, и вижу, что издали подходятъ звѣри. Не имѣя силъ бороться съ ними, я взлѣзаю на дерево. Подойдутъ звѣри, постоятъ-постоятъ, и отойдутъ. Это взлѣзаніе на дерево есть преданіе себя молитвѣ, въ часы приближенія страстныхъ искушеній.

Молящійся тоже, что птица, высоко парящая въ воздухѣ. Ни сѣтью ея не поймаешь, ни стрѣлою не достанешь. Но когда она, замѣтивъ лакомыя зернышки, слетитъ сверху и станетъ клевать ихъ, тутъ и въ сѣть

впутаться можетъ, и подстрѣлить ее удобно. Такъ и молящійся неуловимъ для враговъ, ибо высоко возноситъ его духъ молитвенный. Но если онъ, оставивъ горнее, ниспадетъ на дольнее и начнетъ сопаслаждаться то тѣмъ, то другимъ; то немудрено, что уловятъ его и увлекутъ на непотребныя дѣла. А кто виноватъ? Не оставлялъ бы молитвы, такъ она и не допустила бы до паденія.

Стихъ сто осмнадцатый.

Уничижилъ еси вся отступающія отъ оправданій Твоихъ: яко неправедно помышленіе ихъ.

Въ чемъ тутъ опора доброму нравственному настроенію? Въ помышленіи о судахъ Божіихъ надъ грѣшниками, отступающими отъ оправданій Божіихъ. Когда искушаетъ врагъ, то внушаетъ, что грѣхъ ничего: Богъ милостивъ, не взыщетъ. Это онъ внушаетъ даже ревнителямъ добродѣтели, разслабляя такимъ образомъ рѣшеніе ихъ быть всегда вѣрными исполнителями святыхъ заповѣдей Господнихъ. Чтобы разсѣять такое внушеніе, Пророкъ и самъ приводитъ, и другимъ совѣтуетъ приводить на память, какъ Богъ каралъ и посрамлялъ тѣхъ, которые зазнавались и не хотѣли знать заповѣдей Его. Дѣйствительно, Богъ многомилостивъ, и многомилостивъ до того, что если смотрѣть на одни Его милованія грѣшниковъ, то можетъ показаться, что Онъ какъ будто поблажаетъ грѣху. Чтобы не блазнило кого-либо такое неправедное помышленіе. Богъ Самъ чрезъ того же Пророка учитъ, чтобъ изъ милостей Его не заключали о поблажкѣ грѣху. „Я молчалъ, говоритъ Онъ грѣшнику, и не наказывалъ тебя, ожидая твоего обращенія; а ты подумалъ, что Я подобенъ тебѣ, что поблажаю грѣху; нѣтъ, — обличу тебя, и тебѣ самому представлю предъ очи, сколько ненавистенъ Мнѣ грѣхъ (Пс. 49. 21. 22).“

А чтобы не подумали, что Богъ грозитъ только на словахъ, угрозы Свои Онъ приводитъ иногда и въ самое дѣло. И поразительные суды Его надъ грѣшниками переходили и переходятъ изъ рода въ родъ, отрезвляя разслабляющихся и пробуждая предающихся нерадѣнію. Вотъ объ этомъ-то дѣйствіи судовъ Божіихъ и упоминаетъ здѣсь Пророкъ: „буду же, — какъ бы такъ говоритъ онъ, по истолкованію блаж. Θеодорита, — буду имѣть усердіе къ исполненію заповѣдей Твоихъ, зная, что нарушители ихъ были уничижаемы и посрамляемы Тобою.“

Итакъ, пусть каждый изъ насъ почаще проходитъ въ умѣ своемъ суды Божіи, и пусть старается, съ одной стороны, возгрѣвать ими усердіе къ добру, а съ другой — отрѣвать приманки грѣха. Сколько заботы и попеченія явилъ Господь Богъ въ созданіи и устроеніи быта нашихъ прародителей! А когда согрѣшили они, не посмотрѣлъ ни на что; изгналъ ихъ изъ рая, а съ ними и весь родъ нашъ подвергъ уничижительному состоянію, въ которомъ мы теперь и находимся. При Ноѣ весь родъ человѣческій предался нечестію, и когда не послушалъ вразумленій Божіихъ, то Богъ не посмотрѣлъ на то, что ихъ много, а всѣхъ погубилъ потопомъ. Не пощадилъ Онъ Содомъ и Гоморру съ другими городами, и всѣ попалилъ огнемъ и залилъ водою, которая и доселѣ своими особенностями внушаетъ всѣмъ, какъ грозны суды Божіи. Жена Лотова только оглянулась, чтобы посмотрѣть на истребительное пожарище; но такъ какъ это было нарушеніемъ воли Божіей, объявленной съ глазу на глазъ, то она въ тоже мгновеніе и стала *столпъ сланъ*. А суды Божіи надъ Фараономъ, надъ народами, занимавшими землю обѣтованную, надъ самими израильтянами, при многократныхъ ихъ отступленіяхъ отъ воли Божіей, ихъ ассирійскій и особенно вавилонскій плѣнъ, и потомъ разсѣяніе ихъ за богоубійство что другое означаютъ,

какъ не то, что у Бога всегда готовы карательныя мѣры для грѣшниковъ, и что если не всегда Онъ приводитъ ихъ въ дѣйствіе вслѣдъ за грѣхомъ, то потому только, что ждетъ покаянія, или оставляетъ людей дополнять мѣры грѣховъ, чтобъ полнѣе за тѣмъ поразить ихъ. Приводи все это на память въ размышленіи съ самимъ собою, и отрезвляй сердце свое отъ разслабляющихъ помышленій. Если осмотришься, то и въ своей жизни, и въ жизни знаемыхъ твоихъ найдешь, что, кромѣ милостей, коими покрывалъ тебя и другихъ Богъ, не мало бывало и такихъ случаевъ, которые очевидно представляютъ характеръ праведнаго суда Божія для вразумленія. Если такъ было тогда, то почему же можно думать, что не послѣдуетъ того же и теперь? Ограждай же себя страхомъ судовъ Божіихъ.

Обрати вниманіе и на послѣдующія слова Пророка: *яко неправедно помышленіе ихъ:* можетъ быть, это то помышленіе, которое онъ выставляетъ въ другихъ мѣстахъ: не взыщетъ, не видитъ Богъ. Но лучше видѣть здѣсь указаніе на всякое неправедное помышленіе, на всякій злой помыслъ, противный волѣ Божіей и склоняющій на грѣхъ и страсть, и помня, что не дѣла только караетъ Богъ, но и помышленія сердца, лелѣемыя втайнѣ. За что поражены смертію Ананія и Сапфира? За неправедное помышленіе, что можно солгать Духу Святому. За что отверженъ Симонъ? За неправое помышленіе, что можно купить даръ Духа Святаго. Да, Богъ зритъ въ сердце твое, и готовъ наказать тебя за то, что и тамъ есть неправаго. Смотри же ты туда, и прежде Божія суда самъ изгоняй оттуда все неправедное.

Стихъ сто девятнадцатый.

Преступающія непщеваxъ вся грѣшныя земли: сего ради возлюбихъ свидѣнія Твоя.

Перебралъ я, говоритъ Пророкъ, въ мысляхъ моихъ всѣхъ грѣшниковъ земли, преступающихъ волю Твою,—и *сего ради возлюбихъ свидѣнія Твоя*. Это значитъ вотъ что: достаточно и одного взгляда на состояніе грѣшниковъ, чтобы возгорѣться усердіемъ къ исполненію заповѣдей Божіихъ. Пророкъ не говоритъ, что увидѣлъ онъ въ грѣшникахъ, а только—пересмотрѣлъ ихъ и возлюбилъ чрезъ это законъ Твой.—„обратилъ, прибавляетъ блаж. Ѳеодоритъ, все усердіе къ исполненію Божіихъ словесъ, какъ познавшій вредъ преступленія закона.“

Стало быть, вредъ преступленія закона печатлѣется на лицѣ преступающихъ его. Внѣшнее положеніе ихъ не всегда бѣдственно; оно бываетъ цвѣтуще, и даже лучше, чѣмъ у вѣрныхъ закону Божію; но внутреннее ихъ всегда бѣдственно. Ядъ грѣха, не истощаясь внѣшнимъ зломъ, весь обращается во внутрь, и тамъ производитъ полное разрушительное свое дѣйствіе. Какъ моль точитъ платье, ржа съѣдаетъ желѣзо, такъ и грѣхъ истниваетъ и изможданетъ душу во всѣхъ ея силахъ.

Все это, однакожъ, происходитъ внутри, и не видно не только для стороннихъ, но и для самаго грѣшника; и это потому, что хотя зло это и въ человѣкѣ, но человѣкъ-то никогда не бываетъ внутри себя, а весь всегда во внѣ, и потому не знаетъ себя. Еслибы пришлось ему взглянуть въ себя и увидѣть, что онъ такое, — то съ ужасомъ отскочилъ бы онъ отъ грѣха, какъ пожирающаго его чудовища, и сильнѣе Пророка прильнулъ бы любовію къ свидѣніямъ Божіимъ, чтобъ избавиться отъ такого злодѣя.

Читайте у св. Павла изображеніе грѣшника и увидите, что такое грѣхъ, какъ золъ этотъ льстецъ, льстящій всю вселенную, привлекающій къ себѣ обманомъ и потомъ безжалостно мучащій свою жертву. Посмотрите, какъ по показанію Апостола, ходятъ грѣшники: *ходятъ въ суетѣ*

ума, помрачени смысломъ, суще отчуждени отъ жизни Божія, за невѣжество сущее въ нихъ, за окаменѣніе сердецъ ихъ: иже, въ чаяніе вложившеся, предаша себе студодѣянію, въ дѣланіе всякія нечистоты въ лихоимаиіи (Ефес. 4, 17—19). Куда какъ красиво такое лицо души грѣшной! А всякая грѣшная душа дѣйствительно такова.

Что говоритъ Пророкъ — *нѣсть радоватися нечестивому,* то испытываетъ надъ собою всякій грѣшникъ. Хоть онъ все почти смѣется и хохочетъ; но это отнюдь не доказываетъ душевной радости, а одни лишь порывы заглушить внутреннюю тугу. Если хотите знать сколько у него радости на душѣ, посмотрите на него, когда онъ во тьмѣ ночной, остается одинъ съ самимъ собою. Какъ гора, давитъ его тягота душевнаго состоянія и выжимаетъ изъ сердца тяжкіе вздохи.

А каковы начинанія его? Лихорадочныя. Не помню, гдѣ-то сказано: грѣшникъ всегда находится въ состояніи паренія. Съ виду это какъ будто умовое состояніе; но плодъ его весь обращенъ на практическую сторону. Это пареніе роитъ предпріятія; одно за другимъ возникаютъ они въ душѣ, вызываютъ планы, влекутъ къ усвоенію средствъ и началу дѣла. Одно дѣло не кончено, замышляется другое, третье, и такъ далѣе. Хлопоты непрерывныя, до упаду. У него нѣтъ времени; ему всегда — некогда. Это истощаетъ силы и, между тѣмъ, не даетъ опомниться. Вотъ такъ-то грѣхъ забиваетъ грѣшника!

Кто не знаетъ, что есть Богъ, что Онъ о всемъ промышляетъ, что Ему должно угождать исполненіемъ воли Его, что вотъ-вотъ смерть, а по смерти отчетъ, и по отчетѣ рѣшеніе? Да, знаетъ это и грѣшникъ, и пожалуй, разскажетъ вамъ все преисправно; но никогда не помнитъ объ этомъ, и не извлекаетъ изъ того никакого приложенія къ жизни своей. Такую-то слѣпоту напускаетъ на него грѣхъ, или, точнѣе, врагъ, началовождь грѣха.

Живетъ грѣшникъ такъ, какъ будто нѣтъ ни Бога всемогущаго, ни смерти, всегда готовой взять его, ни суда, на которомъ ужъ никакъ не оправдаться ему. Далеко впередъ,—ну, онъ и не засматриваетъ: нынѣ, завтра, а дальше нейдетъ. Большею же частію даже и этого не бываетъ, и взоръ его ограничивается однимъ настоящимъ.

Слѣпота, неустанная хлопотливость и туга—вотъ что въ душѣ грѣшника, въ большей или меньшей мѣрѣ. Отъ того душа его покрыта мракомъ. Пишетъ нѣкто, что еслибы просвѣтились взоры душъ нашихъ и дали бы намъ узрѣть души другихъ, то души грѣшниковъ представились бы намъ мрачными тѣнями, возбуждающими ужасъ. Такими всегда и видятъ ихъ небесныя силы и святые Божіи. По такой темности узрѣваютъ ихъ и бѣсы, какъ своихъ, входятъ въ нихъ, и совершаютъ въ нихъ свойственныя имъ злодѣйства. Все это зрѣлъ Пророкъ, и *сего ради возлюбилъ свидѣнія Божіи.*

Припоминай же почаще и себѣ, сколь пагубны послѣдствія грѣха въ душѣ, и возгрѣвай чрезъ то усердіе—скорѣе претерпѣть смерть, нежели поблажить грѣху.

Стихъ сто двадцатый.

Пригвозди страху Твоему плоти моя: отъ судебъ бо Твоихъ убояхся.

Изъ указанныхъ помышленій раждается страхъ Божій; а если страхъ уже есть, то онъ поддерживается и питается ими, и потомъ уже самъ поддерживаетъ и питаетъ усердіе всегда угождать Богу исполненіемъ святыхъ Его заповѣдей. Страхомъ Божіимъ зачинается спасительная жизнь по Богу, какъ поетъ и св. Церковь: „страха ради Твоего, во чревѣ пріяхомъ и родихомъ духъ спасенія.“ Но и потомъ, во все продолженіе шествія путемъ заповѣдей, онъ не оставляетъ душу, и какъ вѣрный

стражъ блюдетъ ее. и какъ мудрый руководитель ведетъ ее незаблуднымъ путемъ къ послѣднему совершенству, научая дѣламъ и подвигамъ, прямо ведущимъ къ преспѣянію. Страхъ этотъ, вмѣстѣ съ преспѣяніемъ въ жизни по Богу, измѣняется, но всегда остается страхомъ, отрезвляющимъ, остепеняющимъ, учащимъ вниманію и бодрости, чтобы не допустить чего недолжнаго.

Блюди же страхъ Божій, возгрѣвая его помышленіями о судахъ Божіихъ, какъ это дѣлалъ Пророкъ. Посмотри, о чемъ собственно молитъ онъ: *пригвозди,* говоритъ, *страху Твоему плоти моя.* Есть въ насъ высшая сторона—духовная, и есть низшая — душевная, животная, плотская. Та назначена для Бога, а эта—для жизни на землѣ; та лежитъ къ Богу, а эта холодна къ Нему. Когда тамъ страхъ,—эта не трогается страхомъ; а не трогаясь, можетъ буйствовать, возставать на духъ, и не только безпокоить, но и побѣждать его. Зная это, Пророкъ молится, чтобы страхъ Божій проникъ и эту низшую часть его существа: *пригвозди,* говоритъ, *страху Твоему плоти моя,* чтобы какъ духъ благоговѣйствуетъ предъ Тобою, такъ и низшія силы мои, проникнувшись страхомъ Твоимъ, не смѣли возставать противъ заповѣдей Твоихъ, а безмолвно покорствовали имъ. Блаж. Ѳеодоритъ влагаетъ въ уста Пророка такую рѣчь: „душа моя облечена въ страхъ Твой, но такъ какъ тѣло и члены тѣла противятся душѣ; то умоляю пригвоздить и ихъ симъ страхомъ, чтобы, ставъ мертвыми для грѣха, слѣдовали они руководству души. Это то же самое, что изреченіе апостола: *умертвите уды ваша, яже на земли, блудъ, нечистоту, страсть, похоть злую и лихоиманіе, еже есть идолослуженіе* (Кол. 3, 5); и еще: *Христови сраспяхся: живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2. 19—20).“

Такимъ образомъ, пригвожденіе плоти гвоздями страха

Божія, или, что тоже, умерщвленіе плоти и всѣхъ удовъ, *яже на земли*, есть послѣдняя и, должно сказать, самая надежная опора доброй нравственности. Плоть—сѣдалище страстей; поблажка ей, даже малая и необходимая, приводитъ въ движеніе страсти, какъ дождь приводитъ въ движеніе уже изсохшихъ, заморенныхъ червей. Не лѣнись же умерщвлять плоть, и для того не переставай носить знамя страха Божія въ сердцѣ своемъ. Плоть—злая раба; она не можетъ слушаться разумныхъ внушеній; ее надобно остепенять бичомъ страха Божія.

А какъ воспринять страхъ Божій, учись у Пророка. Помышляй о судахъ Божіихъ, помышляй о неумытной правдѣ Божіей, о смерти готовой, и о судѣ, имѣющемъ рѣшить вѣчную участь твою. При такомъ помышленіи, молись Господу, чтобъ Онъ осѣнилъ тебя страхомъ, и далъ ему силу сокрушить всѣ похотѣнія плоти твоей. Капля пробиваетъ камень, падая на одно мѣсто; такъ и молитва. Если часто будешь упражняться въ ней,—она пробьетъ окаменѣлость сердца твоего и введетъ въ него страхъ; вошедши же въ сердце, онъ начнетъ дѣлать дѣла уже по роду своему. Не было еще человѣка, который не поддавался бы спасительному дѣйствію страха Божія. Когда онъ дѣйствительно установится въ немъ, тогда останется только поддерживать этотъ спасительный страхъ, не давая погаснуть ему. И это дѣлается тѣмъ же путемъ, какимъ раждается страхъ. Пребывай въ этомъ учрежденіи духовнаго своего строя, и пребудешь въ страхѣ Божіемъ, а страхъ сей научитъ тебя всему доброму. Въ этомъ и вся наука святой жизни. Еслибы мы не попускали ослабнуть въ себѣ страху,—грѣхъ не посмѣлъ бы явиться въ насъ, и душа не посмѣла бы принять его въ объятія свои, оставивъ Бога, Творца, Благодѣтеля, Спасителя своего.

ШЕСТНАДЦАТОЕ ОСМИСТИШІЕ.

Заголовка къ этому осмистишію „аинъ" — глазъ.

Глазъ есть окно, чрезъ которое душа видитъ все, находящееся и происходящее внѣ ея. Но есть въ насъ и духовное око, чрезъ которое созерцается міръ духовный, божественный.

Это — умъ или духъ, вѣдающій Бога, исповѣдующій Промыслъ Его, научающій покорности Ему во всемъ, стремящійся къ Нему и видящій въ Немъ послѣднее благо свое. Это первоначальныя естественныя указанія духовнаго нашего ока. Но въ естественномъ состояніи око это помрачено и не зритъ ясно. Отверзается же оно къ яснозрѣнію благодатію Святаго Духа въ вѣрующемъ христіанинѣ, и только послѣ этого начинается настоящее дѣйствованіе зрѣнія духовнаго. Кто пойдетъ по его указанію, у того кругозоръ духовный все болѣе и болѣе разширяется, и міръ невидимый раскрывается предъ нимъ въ большей ясности. Состояніе это есть состояніе созерцанія. Къ нему предназначены всѣ христіане, и христіане истинные дѣйствительно достигаютъ его (см. Исаака Сир. слов. 55). Тайны, какія видитъ духовный созерцатель, суть тѣже, которыя открыты намъ и въ Словѣ Божіемъ, но съ тѣмъ отличіемъ, что онъ видитъ ихъ существенно, а не мысленно только.

Впрочемъ, много распространяться объ этомъ нѣтъ большой пользы; полезнѣе знать строй духа созерцающаго.

Вѣра представляетъ все содержаніе его, любовь обнимаетъ всѣ движенія его, надежда составляетъ основу или опору стоянія его. Всѣми ими опредѣляется жизнь въ Богѣ, сосредоточеннымъ проявленіемъ которой бываетъ преданность Богу. Преданный Богу живетъ въ Богѣ,

пребываетъ, то-есть, въ Немъ неотлучно своимъ сознаніемъ и вниманіемъ. Такъ, когда кто, отворивъ окно, встрѣтитъ занимательные предметы и прилѣпится къ нимъ всѣмъ вниманіемъ своимъ, то впивается въ нихъ очами и забываетъ все окружающее его, какъ будто, кромѣ того, ничего нѣтъ. Таковъ и преданный Богу. Окомъ ума прилѣпляется онъ къ Богу и забываетъ все стороннее, словно его нѣтъ и не было. Въ этомъ одномъ сладость и рай его; сюда стремятся всѣ желанія его; отсюда исходитъ всякая энергія его, въ этомъ состоятъ всѣ цѣли его. О таковомъ устремленіи умныхъ очей къ Богу очень часто говоритъ св. Пророкъ: *очи мои выну ко Господу* (Пс. 24, 15); *яко къ Тебѣ, Господи, очи мои* (Пс. 140, 8); *возведохъ очи мои въ горы* (горѣ, на небеса) (Пс. 120, 1); *къ Тебѣ возведохъ очи мои* (Пс. 122, 1). Такъ выражаетъ онъ „любительное“ устремленіе умныхъ очей къ Богу. Но еще чаще говоритъ Пророкъ объ устремленіи очей къ Богу „уповательномъ,“ въ преданности въ волю Божію: *исчезостъ очи мои отъ еже уповати ми на Бога моего* (Пс. 68, 4); *очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ* (Пс. 144, 15); *се яко очи рабъ въ руку господій своихъ, яко очи рабыни въ руку госпожи своея: тако очи наши ко Господу Богу нашему, дондеже ущедритъ ны* (Пс. 122, 2). О семъ-то послѣднемъ у св. Пророка идетъ рѣчь и въ настоящемъ осмистишіи. Сокращеннымъ выраженіемъ содержанія сего осмистишія можно назвать ст. 123: *очи мои исчезостъ во спасеніе Твое.*

Пророкъ указываетъ нѣкоторыя обстоятельства, съ особою силою вызывающія упованіе, и одолѣваемыя только имъ однимъ, выясняя при этомъ главное условіе дѣйственности упованія, состоящее въ вѣрности волѣ Божіей, чрезъ исполненіе святыхъ Его заповѣдей. По существу дѣла бываетъ такъ: когда совѣсть нечиста, упованію нѣтъ мѣста. Правда, пробивается оно и въ состояніи грѣховномъ, но не иначе, какъ послѣ того, когда грѣш-

никъ рѣшитъ въ сердцѣ своемъ не грѣшить болѣе и положить начало богоугожденію. Такимъ образомъ, уповающій одно око устремляетъ въ руцѣ Божіи, въ чаяніи получить милость Господню, а другое—на заповѣди, чтобъ измѣною имъ не заставить правду Божію сжать готовую ущедрить руку Его. Объ этомъ во многихъ мѣстахъ говоритъ св. Давидъ, равно какъ и въ этомъ осмистишіи: *сего ради возлюбихъ заповѣди Твоя* (ст. 127).

Стихъ сто двадцать первый.

Сотворихъ судъ и правду: не предаждь мене обидящимъ мя.

И преданнаго Богу окружаютъ непріятности, иногда видимыя, но всегда невидимыя. Богъ покровитель тѣмъ, которые свои Ему, и работающіе Богу сознаютъ это, исповѣдуя предъ всѣми и предъ самими собой, что если они еще живы, то потому только, что десница Господня покрываетъ ихъ. Отъими Господь десницу Свою, и враги живыхъ ихъ пожрутъ. Въ чувствѣ сей-то всегда грозящей бѣды, они и взываютъ: *не предаждь мене.* Но при этомъ совѣсть можетъ заграждать уста иному: взываешь ты—*не предаждь,* говоритъ она ему, а самъ себя предаешь тому, что ненавидитъ Богъ,—предаешь грѣху и всякой неправдѣ. Пророкъ увѣряетъ, что этого нѣтъ за нимъ, что онъ не сознаетъ за собою ничего неправаго, и потому съ дерзновеніемъ говоритъ: *сотворихъ судъ и правду,* или такъ: „Тебѣ, Господи, не за что предавать меня врагамъ моимъ, не за что отнимать отъ меня защищающую меня десницу Твою.“

Но однако, кто же чистъ предъ Господомъ? *Никто же, аще и единъ день житіе его на земли* (Іов. 14, 5). Какъ же можно сказать: *сотворихъ судъ и правду?* Можно, но въ такомъ смыслѣ: все, зависящее отъ меня, я дѣлаю, дабы быть вѣрнымъ правдѣ; сознательно нейду противъ заповѣдей Твоихъ и противъ воли Твоей: со-

вѣсть моя не уличаетъ меня въ этомъ. Я всегда хочу и стремлюсь быть вѣрнымъ правдѣ. Есть грѣхи, ногрѣхи немощи, невѣдѣнія, нечаянностей; а чтобы задумать грѣхъ и злонамѣренно привесть его въ дѣло, этого со мною не бываетъ. Такъ могутъ говорить очень не многіе. Блаж. Ѳеодоритъ спрашиваетъ: „кто имѣетъ столько душевной чистоты, чтобы съ дерзновеніемъ повторить слова Пророка? Тотъ, кто, подобно апостолу, можетъ сказать: *похваленіе наше сіе есть—свидѣтельство совѣсти нашей* (2 Кор. 1, 12). Вотъ по этому-то свидѣтельству и говоритъ такъ Пророкъ. Правда, и онъ имѣлъ тяжкій грѣхъ; но очистилъ его искреннимъ покаяніемъ. Покаяніе смываетъ нечистоту грѣха, и послѣ грѣха даетъ совѣсти дерзновеніе свидѣтельствовать: *сотворихъ судъ и правду,* особенно когда прямо отъ Самого Бога изречено прощеніе.“

Итакъ, если желаешь, чтобъ упованіе осѣняло душу твою, и ты могъ съ дерзновеніемъ изрекать къ Богу: *не предаждь мене,* — будь вѣренъ правдѣ, или заповѣдямъ Божіимъ. Упованіе есть самый нѣжный цвѣтокъ въ саду духовномъ, но и самый крѣпкій. Лишь только повѣетъ на него тлетворное дыханіе грѣха, онъ увядаетъ; но когда нѣтъ этого, никакая сила не можетъ сокрушить его; напротивъ, самъ онъ укрѣпляетъ все благоуханіемъ своимъ. Береги же этотъ цвѣтокъ, храня себя самого отъ грѣха. Если же согрѣшишь, спѣши очиститься искреннимъ покаяніемъ съ тѣмъ, чтобъ и отъ Бога совѣстію твоею услышать прощеніе. Давиду изрекъ его пророкъ Наѳанъ; а тебѣ изречетъ облеченный властію вязать и рѣшить отецъ твой духовный. И опять оживетъ въ тебѣ цвѣтокъ упованія, и благоуханіемъ своимъ, проникнувъ всѣ части естества твоего, сообщитъ ему несокрушимую крѣпость. Такъ дѣйствуетъ соль на вещества, сами по себѣ вялыя и удоборастлѣвающіяся.

Стихъ сто двадцать второй.

Воспріими раба Твоего во благо: да не оклеветаютъ мене гордіи.

Враги не всегда явно нападаютъ и причиняютъ человѣку обиду; нерѣдко дѣлаютъ они это и скрытно. Самое обычное для этого у нихъ средство—злословіе и клевета. Распускается дурная молва, и человѣкъ невиновный видитъ себя всѣми оставленнымъ и терпитъ всякаго рода непріятности. Падаетъ въ общественномъ мнѣніи, падаетъ въ своемъ благосостояніи, за тѣмъ — бѣдность и бѣда за бѣдою,—а откуда все такое—не видно. Главнымъ дѣятелемъ въ этомъ случаѣ сатана-клеветникъ. Онъ сѣетъ между людьми клеветы, подозрѣнія, пересуды, клевещетъ даже предъ Богомъ, какъ, напримѣръ, на Іова.

Клевета есть наичувствительнѣйшее зло. Противъ обидящихъ Пророкъ говоритъ: *не предаждь;* а противъ клеветниковъ: *воспріими*, то-есть, возьми меня на руки, подними на такую высоту, чтобы стрѣлы клеветы не досягали до меня, точно какъ будто на землѣ, среди клеветниковъ, даже и Божіе огражденіе не въ состояніи защитить отъ пораженія этими стрѣлами, пропитанными ядомъ.

Воспріими во благо, то-есть, въ Твое благорасположеніе, въ Твое благоволительное вниманіе, такъ какъ поднятіе выше того уровня, до котораго могутъ досягать стрѣлы клеветы, означаетъ не тѣла поднятіе, а того, что противоположно клеветѣ—поддержаніе добраго мнѣнія и даже возвышеніе его. У Господа Бога много средствъ къ тому,—и Онъ нерѣдко являетъ это дѣломъ; но Ему не всегда угодно бываетъ отражать клевету, хотя все же Онъ пріемлетъ оклеветаннаго *во благо*. Бываетъ это

такъ, что, оставляя клевету въ ея зломъ среди людей дѣйствіи, Онъ даетъ оклеветываемому ощутить благоволеніе Свое къ нему и, вмѣстѣ съ тѣмъ, благо отъ самой клеветы. Клевета, въ такомъ случаѣ, и не поражаетъ сердца; стрѣлы ея летятъ мимо, или хоть приражаются, но отскакиваютъ. не причиняя раны. Такое благо есть прямой даръ Божій оклеветываемому: его не внесешь въ сердце никакимъ напряженіемъ воли, никакими соображеніями въ утѣшеніе себѣ.

Вотъ о чемъ молитъ Пророкъ. Но основаніе той надежды. что онъ будетъ услышанъ, и здѣсь то-же, что выше. то-есть, усердное работаніе Богу въ исполненіи святыхъ Его заповѣдей. Потому-то и говоритъ онъ: *воспріими раба Твоего*. Усердное работаніе Богу, безукоризненное свидѣтельство совѣсти,—вотъ что даетъ дерзновеніе прибѣгать къ заступленію Божію при клеветѣ, и что источаетъ въ сердце сладостное утѣшеніе! Невинному и богопреданному клевета причиняетъ не боль, а усиливаетъ устремленіе умныхъ очей его къ Богу, и разжигаетъ болѣе и болѣе ревность оставаться вѣрнымъ Ему. А знающій за собою грѣхи бываетъ какъ будто пойманъ клеветою на мѣстѣ преступленія. Можетъ и къ нему прійти утѣшеніе, но только послѣ немедленнаго и искренняго раскаянія, дающаго дерзновеніе къ Богу.

Стихъ сто двадцать третій.

Очи мои исчезостъ во спасеніе Твое, и въ слово правды Твоея.

Исчезостъ означаетъ усиленное желаніе—плодъ любви и пріискренней вѣры въ Бога защитителя. „Нимало не колеблюсь, говоритъ Пророкъ, въ упованіи на Тебя, надѣясь всецѣлымъ упованіемъ привлечь заступленіе Твое. *Исчезостъ очи мои во спасеніе Твое,* которое уповаю я получить не отъ кого иного, а отъ Тебя единаго, Господи.“

Слово правды, по Θеодориту, означаетъ „или обѣтованіе, въ той мысли, что непрестанно ожидаю отъ Тебя спасенія и исполненія обѣтованія," или, по мнѣнію св. Аѳанасія Великаго, указывается этимъ, что очи уповающаго устремлены не на одну всезащитительную и щедродательную десницу Божію, но и на слово правды, то-есть, на заповѣди Его, *еже творити я*. Онъ говоритъ какъ бы такъ: „хотя иные, живя беззаконно и не имѣя предъ очами своими страха Твоего, отринули законъ Твой, но я во всякое время только его исполнялъ, непрестанно поучаясь въ немъ." Изъ сего явствуетъ, что стихъ этотъ есть полное изображеніе истинно уповающаго на Бога. Истина непреложная, что невѣрный заповѣдямъ Божіимъ не можетъ возводить къ Богу уповательныхъ очей ума своего. И Спаситель говоритъ, что Отецъ услышитъ всякаго просящаго во имя Его, но только тогда, когда при этомъ онъ любитъ Его и сохраняетъ заповѣди Его (Іоан. 14, 14. 15).

Нельзя пропустить безъ вниманія наведеніе изъ этого стиха, дѣлаемое св. Аѳанасіемъ Великимъ, который говоритъ: *„очи мои исчезостъ во спасеніе Твое,* то-есть въ Божественное пришествіе, отъ Котораго я ожидаю спасенія и себѣ и всему роду человѣческому." Вѣрность заповѣдямъ есть основа упованія; но крылья восхожденію упованія предъ лице Отца небеснаго подаетъ вѣра въ Господа Спасителя. Посему Господь и сказалъ, что молящійся Отцу услышанъ будетъ не ради только того, что заповѣди Его исполняетъ, но если, при исполненіи заповѣдей, проситъ еще во имя Его. Вѣра въ Бога—дверь предъ лице Божіе, а шествіе къ этой двери и прохожденіе чрезъ нее есть исполненіе воли Божіей и хожденіе по заповѣдямъ Его. То и другое, и вѣровать, и заповѣди исполнять—необходимо.

Стихъ сто двадцать четвертый.

Сотвори съ рабомъ Твоимъ по милости Твоей, и оправданіемъ Твоимъ научи мя.

Пророкъ выразилъ предъ симъ полную преданность свою Господу и полную готовность пребывать въ волѣ Его; теперь, и по преданности такой и по готовности, молится: *сотвори съ рабомъ Твоимъ по милости Твоей.* Исповѣдуя рабство свое Богу, онъ не скрываетъ, что ходитъ въ волѣ Его; но вмѣстѣ съ тѣмъ сознаетъ, что въ этомъ нѣтъ никакого твердаго основанія къ полученію благъ, ожидаемыхъ отъ Него, потому что сама совѣсть удостовѣряетъ его, что хотя бы Онъ и все повелѣнное сотворилъ, то все таки былъ бы не болѣе какъ рабъ неключимый: сдѣлалъ, то-есть, только то, что должно, и не подлежитъ лишь взысканію, а не то, чтобы получилъ право на воздаяніе. При томъ, положимъ, что ты и все повелѣнное сотворилъ; да такъ ли оно Богу угодно, какъ тебѣ думается? Ты думаешь, что въ дѣланіи твоемъ все хорошо; а Господь всевидящій можетъ все сдѣланное тобою видѣть не добрымъ. Гдѣ же тутъ похвала? Потому-то и апостолъ говоритъ: *ничтоже въ себѣ самѣ, но не о семъ оправдаюся* (1 Кор. 4, 4). — какъ Богъ, то-есть, взглянетъ на насъ. Можетъ быть, во всемъ добрѣ нашемъ Онъ не увидитъ ничего добраго. Потому лучше прибѣгать всегда къ милости Божіей, а не вступать съ Нимъ въ состязаніе по законамъ правды. Такую мысль въ предложенныхъ словахъ Пророка видитъ блаж. Ѳеодоритъ: „Дѣлатель толикой добродѣтели (то-есть, св. Пророкъ) желаетъ сподобиться милости, и проситъ по милости улучить спасеніе; не награды требуетъ, но ищетъ человѣколюбія.“ Тоже гово-

ритъ и св. Амвросій: „И въ другомъ мѣстѣ тоже чувство выражаетъ Пророкъ, говоря: *не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ* (Пс. 142, 2). И въ самомъ дѣлѣ, сознавая себя грѣшными, мы должны прибѣгать болѣе къ милости, а не по праву требовать: милость всегда снисходительна, а правда взыскательна. Какая надежда людямъ вступать въ состязаніе, по законамъ правды, съ Богомъ, отъ Котораго и сокровенное не ускользаетъ, отъ Котораго не сокрытъ ни одинъ грѣхъ нашъ? Зная это, Пророкъ исповѣдуетъ: *Тебѣ единому согрѣшихъ* (Пс. 50, 6). Не отвергая того, что можетъ согрѣшить и праведникъ, потому что нѣтъ человѣка безъ грѣха, онъ и молится: *сотвори съ рабомъ Твоимъ по милости Твоей.* Хотя и сдѣлалъ, можетъ быть, что-либо доброе; но обязанъ былъ сдѣлать болѣе, какъ рабъ. Такимъ образомъ, хотя бы мы все повелѣнное сотворили, не пристало намъ тотчасъ возноситься, но умѣстнѣе смиряться; ибо коль скоро мы сдѣлаемъ что-либо, это не значитъ, что уже сдѣлали все, лежащее на насъ, какъ на рабахъ."

Сотвори по милости—можно разумѣть, какъ молитву о благодатной помощи. При всемъ желаніи быть вѣрнымъ Тебѣ, не надѣюсь явиться таковымъ; посему и прошу у милости Твоей помощи себѣ. „Пророкъ, пишетъ св. Иларій, сказалъ: *сотвори съ рабомъ Твоимъ;* но такъ какъ рабствованіе наше, чтобы пребыть въ чинѣ своемъ, имѣетъ нужду въ милостивомъ вспомоществованіи Божіемъ, то прибавилъ: *по милости Твоей.* Естество наше немощно къ достиженію благихъ цѣлей. Можетъ оно желать и искать домочадства Богу; но совершить это есть дѣло Божіей милости. Она хотящимъ помогаетъ, начинающихъ укрѣпляетъ, приступающихъ пріемлетъ. Но начинать надобно намъ, чтобъ она доводила дѣло наше до конца."

Съ этою мыслію согласуется и послѣдующая мольба: *и оправданіемъ Твоимъ научи мя.* Тутъ какъ будто отвѣтъ

на вопросъ: какую тебѣ сотворить милость? Никакой, говоритъ, другой не хочу, кромѣ той, чтобы Ты научилъ меня оправданіямъ Твоемъ. Горю желаніемъ быть Тебѣ во всемъ угоднымъ, но не знаю хорошо, что Тебѣ угодно: а еслибы и узналъ, то не съумѣю сдѣлать такъ, чтобы дѣло мое было благоугодно Тебѣ. Научи же меня и тому и другому, — и знать и дѣлать. Но развѣ нѣтъ у тебя въ рукахъ писаннаго закона? читай и узнаешь. „Такъ-то такъ, говоритъ св. Иларій, да не все, что читается, тотчасъ и понимается. Въ законѣ глубина премудрости, и простое слово его содержитъ великія тайны. Гдѣ мнѣ дойти до того? Просвѣти же умъ мой, введи его въ созерцаніе сокрытаго, и уразумѣю чудеса отъ закона Твоего."

Оправданіемъ научи. Тому, кто не можетъ не провиняться почти на каждомъ шагу, наибольшая потребность знать, какъ избыть отъ вины и оправдаться. Въ законѣ прописанъ на всякій грѣхъ свой способъ оправданія: но сила всѣхъ ихъ не въ нихъ самихъ, а въ Томъ, Кто есть Творецъ закона. Онъ даетъ настоящее оправданіе, не только снятіе вины, но и самую праведность, святое нравственное настроеніе. Его-то прозрѣвать сквозь сѣнь законную и молится Пророкъ, чтобъ, оправдавшись въ Немъ, всегда пребывать въ Немъ праведнымъ. Христіане, пребывая всегда съ Господомъ, отъ Него черпаютъ оправдательныя силы и вліянія. Существо ихъ—слезное покаяніе, которое составляетъ подкладку всей жизни. Нѣтъ минуты, чтобы не каялся христіанинъ, нѣтъ, поэтому, момента, чтобъ не осѣняло его оправданіе. Но и этому надо учиться. Потому-то и намъ прилично молиться: научи насъ, Господи, оправданіямъ Твоимъ!

Стихъ сто двадцать пятый.

Рабъ Твой есмь азъ: вразуми мя, и увѣмъ свидѣнія Твоя.

Когда рабъ, то значитъ—работаешь: если работаешь, какъ рабъ, то конечно знаешь, что и какъ работать. Чего-жъ еще просить—*вразуми?* Казалось бы, работать, и только. Такъ нѣтъ. — *рабъ Твой есмь азъ,* говоритъ, выражая тѣмъ всегдашнюю готовность вѣрно работать Господу, а знанія и умѣнья еще не видно. Я всецушно Тебѣ преданъ; ничего больше не желаю, какъ только ходить въ волѣ Твоей, какъ ходятъ рабы по волѣ господъ своихъ; только укажи, что сдѣлать, и я тотчасъ сдѣлаю, не щадя силъ и живота моего. Въ этомъ случаѣ онъ представляется воиномъ, стоящимъ во всеоружіи, готовымъ на битву и ждущимъ только команды. Какъ воинъ, послѣ команды, уже не разсуждаетъ, а немедленно бросается туда, куда ему приказано; таковъ и рабъ Божій по отношенію къ объявленной ему волѣ Божіей: только бы познать ее. — а тамъ онъ тотчасъ принимается за исполненіе, не задумываясь. Вотъ это самое настроеніе и высказываетъ Пророкъ: *рабъ Твой есмь,* говоритъ онъ; скажи только, что сдѣлать, и я сдѣлаю. Остановка не за мною, а за приказомъ; какъ только приму къ сознанію приказъ, тотчасъ и за дѣло.

Блаж. Ѳеодоритъ пишетъ: „По естеству, всѣ люди рабы Божіи, а по расположенію — рабы тѣ, которые охотно предаютъ себя владычеству Божію. Пророкъ именуетъ себя рабомъ, какъ принадлежащаго къ числу послѣднихъ, и умоляетъ сподобить его разумѣнія, чтобы познать Божіи свидѣнія.“ Продолженіемъ этой рѣчи можно признать слова св. Иларія: „Не найдется никого изъ насъ, кто въ молитвѣ или въ обычной бесѣдѣ не назывался бы себя рабомъ Божіимъ,—чтоже особенное выражаетъ Пророкъ, говоря о себѣ то, что и всякій смѣло приписываетъ себѣ? Но иное дѣло сказать о себѣ, что рабъ, а иное — быть рабомъ. Наше слово выражаетъ только сознаніе въ совѣсти необходимости быть рабами,

а не то, что такъ оно и есть у насъ. Пророку можно было исповѣдать себя рабомъ Божіимъ,—и онъ истинно былъ такимъ во всѣхъ отправленіяхъ жизни своей: ходилъ ли или сидѣлъ, спалъ или бодрствовалъ, вкушалъ ли пищу или постился, голодалъ или насыщался,—никогда не отступалъ онъ отъ познанной воли Божіей. Посему безъ смущенія свободно и исповѣдуетъ онъ: *рабъ Твой есмь азъ.*"

Вразуми мя. Онъ просилъ уже: *научи;* теперь указываетъ, какъ бы онъ хотѣлъ быть наученнымъ. Можно изложить ученіе письменно и дать въ руки книгу законоположеній. Когда нужно, обращайся къ этой книгѣ, тамъ и найдешь требуемое указаніе. Но такое ученіе есть внѣшнее, а съ нимъ никогда не окажешься наученнымъ какъ слѣдуетъ. Пророкъ хочетъ не такого наученія, а чтобъ изображеніе воли Божіей или одновременно все было написано въ разумѣ его, или оказывалось написаннымъ въ немъ всякій разъ, какъ то потребуется. *Вразуми,* говоритъ, вложи, то есть, въ разумъ, чтобъ я носилъ то всегда съ собою и всякій разъ сознавалъ исходящимъ изъ разума моего начертаніе воли Твоей. Когда это совершится, тогда законоположеніе явится начертаннымъ не на каменныхъ скрижаляхъ, а на плотяныхъ скрижаляхъ сердца. Предзрѣлъ Пророкъ то, что имѣла даровать благодать Христова, и чаяніями сердца своего обнималъ это дивное благо. Св. Аѳанасій пишетъ: „проситъ разума, дарованнаго Богомъ и какъ бы хранящагося у Него въ сокровищницѣ; потому что духъ *премудрости и разума* и прочія блага суть Божіи дарованія."

Вразуми и увѣмъ. Вложи въ разумъ и буду знать,—и не просто знать, а знать съ удостовѣреніемъ совѣсти, что такова именно есть святая воля Твоя. Потому и говоритъ онъ: *увѣмъ свидѣнія Твоя;* уразумѣю, то есть,

что въ этомъ состоитъ прямо отъ Тебя исходящее свидѣтельство о волѣ Твоей. Самое драгоцѣнное благо, сообщаемое только истиннымъ рабамъ Божіимъ, состоитъ въ томъ, чтобы неложно знать святую волю Божію, благую и угодную, во всѣхъ обстоятельствахъ и всѣхъ запутанныхъ взаимноотношеніяхъ. Умѣнье неложно видѣть для себя и опредѣлять для другихъ волю Божію св. отцы называютъ даромъ „разсужденія помысловъ." Сколько бываетъ помысловъ, какъ будто и добрыхъ, но слѣдованіе которымъ можетъ привести къ очень недоброму концу! Получающій вразумленіе свыше тотчасъ разберетъ, гдѣ скрыта засада и уловка, — и избѣжитъ зла Для насъ же немощныхъ какое руководство? *Вопроси старцевъ, и рекутъ тебѣ* (Второз. 32, 7). То великая милость Божія, когда Онъ воздвигаетъ въ средѣ нашей такихъ мужей; а когда не бываетъ ихъ, это—кара Божія. Тогда умѣстно вопіять: увы! *оскудѣ преподобный*, ибо съ этимъ оскудѣніемъ соединено *умаленіе истины среди сыновъ человѣческихъ* (Пс. 11. 2). Всякій идетъ тогда по волѣ сердца своего, уклоняясь отъ истинныхъ намѣреній Божіихъ.

Стихъ сто двадцать шестой.

Время сотворити Господеви: разориша законъ Твой.

Ревнитель богоугодной жизни не о томъ только ревнуетъ, чтобы самому быть всегда во всемъ исправнымъ, но и о томъ, чтобъ и всѣ, съ кѣмъ живетъ онъ, отличались вѣрностію заповѣдямъ Божіимъ. Славу Божію видитъ онъ въ процвѣтаніи добрыхъ нравовъ. По силамъ своимъ, онъ и старается содѣйствовать сему процвѣтанію, движимый къ тому любовію къ Богу и преданностію Ему. Успѣхъ въ этомъ радуетъ его, а неуспѣхъ заставляетъ скорбѣть и мучиться, какъ мучился, по увѣренію

апостола, Лотъ среди Содомлянъ, — мучится, но не остается въ бездѣйствіи: то собственнымъ примѣромъ, то словомъ убѣжденія, во время благопотребное, онъ старается повліять на сокращеніе зла и возвращеніе силы началамъ добра. Имѣя такую заботу, онъ ревностно молится, чтобы Самъ Господь Своимъ воздѣйствіемъ, внутреннимъ ли то, или внѣшнимъ, привзошелъ въ среду разливающагося зла и, разоривъ гнѣздо его, развѣялъ, ослабилъ и уничтожилъ его. Въ такомъ именно положеніи и представляетъ себя св. Пророкъ въ этомъ стихѣ. Съ сокрушеннымъ печалію по Бозѣ сердцемъ видѣлъ онъ, какъ небоязненно всѣ и всюду разоряютъ законъ Божій и, видя безуспѣшность своихъ усилій противодѣйствовать злу, взываетъ уповательно къ Богу: „разорили законъ Твой, Господи! Время Тебѣ Самому дѣйствовать; человѣческія усилія тутъ уже не помогутъ.“

Слово *время* онъ употребляетъ, прозрѣвая въ планы Промышленія Божія. Богъ терпитъ грѣхамъ; но когда уже зло усиливается чрезмѣрно, Онъ карательно поражаетъ людей для пресѣченія зла. Такихъ опытовъ было не мало. По этому закону былъ потопъ, была погибель Содома и Гоморры, пораженіе Египтянъ, истребленіе Хананеевъ. Приводя это на память, Пророкъ взываетъ: *время*. Такъ понимаетъ это блаж. Ѳеодоритъ: „Богъ, говоритъ онъ, распоряжающій все вѣсомъ и мѣрою, весьма долго терпитъ грѣхи человѣческіе; но когда видитъ, что, при долготерпѣніи Его, возрастаетъ лукавство, тогда налагаетъ наказаніе.“ Посему и Пророкъ говоритъ здѣсь какъ бы такъ: „время, Владыко, возстать на помощь обиженнымъ, ибо враги совершенно попрали законъ Твой.“ Взывать такимъ образомъ побуждаетъ и ревность о славѣ Божіей, и любовь къ людямъ, какъ къ братьямъ, и въ нѣкоторой степени стыдъ, что такъ оно есть. Когда нѣсколько русскихъ сдѣлаютъ что либо

не хорошее. всѣмъ русскимъ бываетъ стыдно, въ сознаніи того, что тѣ немногіе срамятъ весь русскій народъ: такъ и Пророкъ, объединяя въ своемъ сознаніи всѣхъ людей и видя, какъ они нечестиво поступаютъ предъ Богомъ, стыдится за всѣхъ ихъ, и молитъ Самого Бога отъять этотъ стыдъ, словно боязно ему стоять предъ Богомъ, пока на людяхъ, среди которыхъ живетъ онъ, лежитъ то пятно, что они разорили законъ Божій. Такое чувство обнаруживалъ и пророкъ Исаія, когда, выражая страхъ отъ видѣнія славы Божіей, говорилъ, между прочимъ: „среди людей, нечистыя уста имѣющихъ, живу я.“

Наши толковники полагаютъ, что св. Давидъ изрекъ это, стоя въ пророческомъ духѣ предъ явленіемъ Сына Божія чрезъ воплощеніе на спасеніе наше, когда повсюду господствовали нечестіе и развратъ. Молитва его есть молитва о пришествіи Избавителя. Болѣзнь созрѣла; время прійти Тебѣ, всемощному врачу, и исцѣлить отъ нея больное человѣчество. Св. Амвросій пишетъ: „Хорошо сказалъ: *время сотворити;* ибо *есть время молчати и время глаголати* (Еккл. 3, 7). Пришло ему время говорить,—онъ и заговорилъ, напоминая, что пришло время пришествія Господа. Такъ какъ законъ разоренъ, то да пріидетъ конецъ, совершеніе и исполненіе закона—Господь Іисусъ, и даруетъ намъ отпущеніе грѣховъ, и разодравъ, еже на насъ, рукописаніе, спасетъ всѣхъ грѣшниковъ. *Время*, вопіетъ, *сотворити*. Такъ бываетъ, когда усиливается болѣзнь и подвергаетъ опасности жизнь болящаго, тогда бѣгутъ къ врачу и просятъ его поскорѣе идти, чтобъ не опоздать и не допустить до того, что и помочь уже будетъ нельзя. Врачъ тогда особенно желателенъ, когда больнаго душатъ тягчайшіе припадки болѣзни. Такъ и Пророкъ: видя, какъ всѣ люди разболѣлись нравственно, какъ размножились всюду грѣхи,—

бѣжитъ ко Христу. Единому Врачу такихъ болѣзней, и понуждаетъ Его молитвою поспѣшить, такъ какъ нельзя уже болѣе медлить: *время сотворити.*“

Слова: *время сотворити Господеви*, внѣ контекста, можно употреблять предъ началомъ всякаго дѣла, посвящаемаго Богу, особенно молитвы. Приступая къ ней, можетъ всякій говорить себѣ: дѣлалъ ты житейскія дѣла, теперь время начать и дѣло Божіе, дѣлать для Бога. Въ такомъ смыслѣ употреблены эти слова въ нашемъ служебникѣ предъ началомъ литургіи.

Стихъ сто двадцать седьмой.

Сего ради возлюбихъ заповѣди Твоя паче злата и топазія.

„Это, говоритъ св. Аѳанасій, согласно съ сказаннымъ въ ст. 72: *благъ мнѣ законъ устъ Твоихъ, паче тысящъ злата и сребра,* и еще: *пріимите наказаніе, а не сребро, и разумъ паче злата искушена. Лучше бо премудрость каменей многоцѣнныхъ, всякое же честное недостойно ея єсть*“ (Притч. 8, 10. 11). „Они, поясняетъ блаж. Ѳеодоритъ, пренебрегли законъ Твой, а я почитаю заповѣди Твои болѣе достолюбезными, нежели золото и драгоцѣнные камни.“

Разливающаяся вокругъ грѣховность раздражила и безъ того не спавшую ревность по Богу, и возжгла вящшую любовь къ заповѣдямъ Божіимъ. Забытъ Богъ; померкла слава Божія среди людей, предавшихся всякому грѣху. Но истинный боголюбецъ не увлекается общимъ потокомъ, а воодушевляется ревностію возстановить эту славу своею вѣрностію заповѣдямъ, напоминая окружающимъ, что есть Богъ, ревнитель правды и отмститель за беззаконія. Некрѣпкаго духомъ увлекаетъ недобрая среда, а крѣпкаго вооружаетъ къ противодѣйствію.

Сего ради, то есть, ради всего сказаннаго, ради того, что вѣрность заповѣдямъ приближаетъ къ Богу, вводитъ въ сродство съ Нимъ и преисполняетъ благонадежностію, вѣрный заповѣдямъ открытымъ лицомъ взираетъ къ Богу, благонадежно предается Ему и дерзновенно изрекаетъ Ему свои потребности, и духовныя, и вещественныя, съ увѣренностію въ томъ, что онъ будетъ услышанъ. Поелику все въ Богѣ и отъ Бога, то эта вѣрность, очевидно, приводитъ къ источнику всѣхъ благъ, всегда открытому и неистощаемому, и даетъ вкушать ихъ. Вкусившій сего не можетъ не преисполняться чувствомъ благобытія, а это и есть послѣдняя цѣль всѣхъ исканій человѣческихъ. Какъ не любить заповѣди, когда они вводятъ въ такое состояніе!

Вотъ это и есть единое на потребу! Естество наше многосложно. Каждая часть состава его и каждая сила въ составѣ имѣетъ свою потребность, удовлетворенія которой требуютъ онѣ самымъ присутствіемъ своимъ въ естествѣ. Но верхъ всѣхъ потребностей составляютъ тѣ, которыя устремляютъ человѣка отъ тварей къ Богу, отъ земли на небо, отъ времени къ вѣчности. Вотъ это собственно и есть человѣческія потребности; онѣ-то и указываютъ на норму человѣческой жизни. По силѣ своей и всеобъятности, онѣ таковы, что, бывъ удовлетворены полно и истинно, притупляютъ остроту всѣхъ прочихъ потребностей, не даютъ ощущать жгучести ихъ, заглушаютъ докучливость ихъ. Вотъ почему удовлетвореніе ихъ есть единое на потребу! Достигшій этого состоянія бываетъ доволенъ, хотя бы всѣ другія потребности и не были удовлетворяемы, или удовлетворяемы не вполнѣ.

Напротивъ, не имѣющій этого удовлетворенія преданъ бываетъ непріятному и докучливому воздѣйствію всѣхъ другихъ потребностей, и терзаемъ бываетъ ими въ разволоку. Потерявъ единое, теряетъ онъ норму, куда и

какъ направлять со всѣхъ сторонъ безпокоющія его требованія. и неизбѣжно вдается во многое. Тогда открывается у него множество цѣлей, къ цѣлямъ—множество средствъ, къ тому и другому, въ дѣйствіи—разнообразное стеченіе благопріятствующихъ и неблагопріятствующихъ обстоятельствъ. пособій и препятствій. Попавши въ этотъ круговоротъ, мечется онъ, самъ себя не понимая. что и почему дѣлаетъ. Вотъ это и есть суета суетствій, сознать которую дается, однакожъ, только тому, кто вышелъ изъ нея.

Паче злата и топазія — будутъ вообще означать,— болѣе всѣхъ другихъ предметовъ, коими удовлетворяются другія потребности. Сердце отклонилось отъ нихъ. испытавъ на дѣлѣ. что они не насыщаютъ, а только разжигаютъ алчбу и жажду. Испытавъ, напротивъ того. дѣломъ, что хожденіе въ заповѣдяхъ успокоительно дѣйствуетъ на все естество, сердце предается имъ и прилѣпляется къ нимъ любовію, паче всякихъ другихъ привязанностей. Нельзя обойтись и безъ такихъ предметовъ, какъ пища, одежда, кровъ, для иныхъ—семья. книги, картины, связи; но все это не занимаетъ на столько сердца, чтобы слишкомъ настойчиво заботиться о стяжаніи, или скорбѣть много о лишеніи ихъ. И сами они, и забота о нихъ— придѣлокъ, а не главное дѣло. И имъ удѣляется время и силы, но въ мѣрѣ ихъ цѣны предъ тѣмъ *единымъ*, которое занимаетъ все сердце.

Отъ чего бываетъ время, когда являются лица недовольныя своимъ состояніемъ? Отъ того, что потеряли *единое;* переиспытавъ же все прочее, убѣдились, что оно не даетъ удовлетворенія, — и стали посреди: отъ того отстали, а это стало, какъ трава — вкусъ притупился. Отсюда туга и самоубійства.

Стихъ сто двадцать осьмой.

Сего ради ко всѣмъ заповѣдемъ Твоимъ направляхся, всякъ путь неправды возненавидѣхъ.

Пророкъ продолжаетъ высказанную мысль, и излагаетъ подробнѣе то, чего потребовала отъ него любовь къ заповѣдямъ Божіимъ, и въ чемъ она выразилась.

Возлюбихъ, говоритъ, *заповѣди;* но чѣмъ же свидѣтельствовалъ эту любовь? Мыслями, словомъ? Нѣтъ, я свидѣтельствую это не словомъ, а дѣломъ, ибо всѣ дѣйствія мои направляю по заповѣдямъ Твоимъ и ненавижу всякій путь неправды. Какъ, научая страху Божію, онъ всякому хотящему живота и желающему видѣть дни благи, внушалъ: *уклонися отъ зла и сотвори благо* (Пс. 33, 15): такъ теперь и о себѣ свидѣтельствуетъ, что онъ сидѣлъ не сложа руки, а направлялся ко всѣмъ заповѣдямъ Божіимъ, и не равнодушно смотрѣлъ на пути неправды, но отъ всей души ненавидѣлъ ихъ. Любовь къ первымъ раждала, возбуждала и поддерживала ненависть къ послѣднимъ.

Откуда такая сила? Отъ сосредоточенія всѣхъ силъ естества въ „единомъ.“ У насъ грѣшныхъ умъ съ образомъ мыслей идетъ въ одну сторону, сердце съ чувствами и сочувствіями въ другую, воля съ своими желаніями и начинаніями въ третью. Отъ того нѣтъ у насъ стройности ни въ чемъ,—ни во внутренней жизни, ни во внѣшнихъ проявленіяхъ ея. Одинъ и тотъ же является на разныхъ поприщахъ, и трудно бываетъ опредѣлить характеристику его. У святыхъ же Божіихъ, посвятившихъ себя Богу и заповѣдямъ Его, нѣтъ никакого раздѣленія: внутри все направлено на одно, а затѣмъ и все внѣшнее бываетъ проникнуто однимъ духомъ, какъ однородныя бисеринки, нанизываемыя на одну нитку.

Отчего тамъ такъ, а здѣсь иначе? Оттого, что тамъ человѣкъ не въ своемъ чинѣ, а здѣсь въ своемъ; находящійся же не въ чинѣ естественно безчиненъ, не въ порядкѣ, тогда какъ пребывающій въ чинѣ—всегда въ порядкѣ. Причиною перваго — грѣхъ, а другаго—богоугожденіе.

Возьмемъ во вниманіе наше естественное устроеніе. Человѣкъ состоитъ изъ духа, души и тѣла. Духъ, живущій въ Богѣ, властвуетъ надъ душою и тѣломъ и всѣми ихъ дѣяніями, объединяетъ все въ себѣ, единясь и самъ съ Богомъ. Грѣхъ отдѣляетъ духъ отъ Бога и лишаетъ его власти надъ душою и тѣломъ. Тогда эти многосоставныя, многими силами снабженныя и многія потребности обнаруживающія части естества нашего, устремляются въ разныя стороны, какъ стадо безъ пастыря, и тиранствуютъ надъ человѣкомъ, властно направляя его то туда, то сюда,—и живетъ онъ въ смятеніи и нестроеніи. Но приходитъ благодать Божія, и оживляетъ духъ. Тогда для духа снова отверзается окно въ міръ Божій. Идущіе оттуда лучи возбуждаютъ въ немъ страхъ Божій, движутъ совѣсть, и приводятъ къ рѣшенію снова неутомимо работать Господу. Это рѣшеніе запечатлѣвается благодатными средствами; духъ вводится въ таинственное богообщеніе, начинаетъ ревностно ходить въ волѣ Божіей, и трудами добродѣланія и подвижничества опять восходитъ въ ощущаемое богообщеніе. И вотъ опять онъ силенъ, опять объединяетъ все въ себѣ, единясь съ Богомъ. Видимое же выраженіе такого состоянія одно: стремленіе къ исполненію всѣхъ заповѣдей и ненавидѣніе путей неправды.

СЕМНАДЦАТОЕ ОСМИСТИШІЕ.

Заголовка къ этому осмистишію „пе“—уста.

Уста Божіи изрекаютъ повелѣнія и заповѣди; уста людей богобоязненныхъ, исповѣдавъ полную покорность свою Богу, молятъ Его научить и дать силы въ точности исполнять все, что изречено устами Его, изъявляя сокрушеніе и раскаяніе, если случится когда отступить отъ того. Все это и составляетъ предметъ настоящаго осмистишія, въ разныхъ оттѣнкахъ и выраженіяхъ.

Стихъ сто двадцать девятый.

Дивна свидѣнія Твоя: сего ради испыта я душа моя.

Свидѣнія, или свидѣтельства Божіи обнимаютъ все Божественное откровеніе и о Богѣ всесовершеннѣйшемъ, и о свойствахъ и дѣлахъ Его, о Его твореніи, промышленіи, а наиболѣе объ устроеніи нашего спасенія во Іисусѣ Христѣ, которое созерцалось вѣрою и до пришествія Его во плоти. Но такъ какъ настоящій псаломъ разсуждаетъ все о заповѣдяхъ Божіихъ, то есть, не о Богѣ, а о томъ, какъ угодить Ему, то въ настоящемъ стихѣ подъ свидѣніями надлежитъ разумѣть заповѣди Божіи, правила жизни. Да и все Божественное Писаніе преимущественно учитъ, какъ жить; о прочемъ же поминаетъ какъ бы мимоходомъ, ибо задача его приготовлять не мудрецовъ, а святыхъ людей.

Почему же эти свидѣнія, эти заповѣди — *дивны?* Что дивенъ Богъ, дивны всѣ совершенства Его, дивно твореніе и промышленіе Его, и особенно спасеніе въ Сынѣ Божіемъ, это очевидно само собою: но какъ дивны заповѣди? Дивны потому, что полны и совершенны, что обнимаютъ въ совокупности все, и каждая не имѣетъ ни малѣйшаго недостатка. Такъ говоримъ мы о вещахъ, прекрасно устроенныхъ: „дивно хорошо, не хотѣлось бы глазъ отъ нихъ оторвать!“ Дивны *свидѣнія* Божіи по плодамъ, ибо поставляютъ вѣрно исполняющаго ихъ че-

ловѣка въ свой чинъ и возвышаютъ его надъ всѣмъ сотвореннымъ, облекая въ богоподобіе. Дивны потому еще, куда онѣ приводятъ: облекши богоподобіемъ здѣсь, онѣ по смерти вводятъ въ область вѣчнаго покоя и блаженства. Дивны и потому, наконецъ, что во многомъ непостижимы. Кромѣ предписаній нравственныхъ, свидѣнія Божіи опредѣляли весь чинъ богопочитанія. Чинъ этотъ былъ и простъ и таинственъ, ибо служилъ сѣнію грядущихъ благъ. Пророческій духъ прозрѣвалъ это грядущее сквозь сѣнь, и не могъ не дивиться высотѣ его, не постигая, впрочемъ, его. Блаж. Августинъ говоритъ: „дивно, что данъ законъ, не могшій животворить, но составлявшій, однокожъ, неминуемый путь къ животу истинному.“

Если отвлечемся отъ ветхаго и обратимся къ новому, то дивность свидѣній Божіихъ печатлѣется тутъ на каждой чертѣ ихъ. Что это такое, что Сыну Божію и Богу надлежало прійти, воплотиться и пострадать? Что это такое, что безъ вѣры въ пришествіе, воплощеніе и искупленіе смертію Сына Божія и думать нельзя явиться угоднымъ Богу и приблизиться къ Нему, какъ ни живи хорошо? Что это такое, что, несмотря на такую жертву, надлежало Господу по воскресеніи вознестись на небо и вмѣсто Себя послать иного Утѣшителя? Что это такое, что безъ этого вознесенія, какъ бы проложенія пути, Духу Божію нельзя было и низойти и вселиться въ насъ? Что это такое, что хотящій угодить Богу и спасти душу свою долженъ пріять Духа Божія въ себя, и притомъ такъ, что, кромѣ вѣры, возжеланія Бога и всецѣлаго преданія себя Его вседѣйствію, необходимо пріобщиться тайнодѣйствіямъ, въ коихъ однихъ сообщается невидимый Духъ, чрезъ посредство видимаго вещества? Что это такое, что безъ вседѣйствія Духа благодати невозможна настоящая нравственная жизнь, и

притомъ такъ, что Духъ сей не дѣйствуетъ безъ вседѣйствія свободы и собственныхъ силъ человѣка? Что это такое, что для того, дабы облечься новою духовною жизнію, надо умереть, хоть и не тѣлесно? Что это такое, что безъ дѣйствительнаго пріобщенія кресту Христову, чрезъ скорбное самоумерщвленіе, лишенія и болѣзненную борьбу до гроба, не дается жизнь въ духѣ?...

Это все дивности въ общемъ строѣ жизни христіанской; но и въ частности сколько дивныхъ заповѣдей! Ударитъ кто тебя въ ланиту,—подставь другую; хочетъ кто взять у тебя верхнюю одежду,—отдай и исподнюю; тянетъ кто тебя насильно пройти съ нимъ поприще едино,—иди съ нимъ два; врага люби, злодѣю благотвори, обидчику спускай всякую обиду; кто что ни попроситъ, давай, не требуя и не ожидая отдачи и проч. И все это внушается, какъ совершеннѣйшій образъ дѣйствованія, скорѣе и прямѣе ведущій къ цѣли, какъ очевиднѣйшая печать истиннаго христіанства. Соображая все это, какъ не воскликнуть: *дивна свидѣнія Твоя, Господи!*

Сознаніе дивности свидѣній Божіихъ располагаетъ дивиться имъ, то есть, смотрѣть на нихъ, углубляться и изслѣдовать ихъ, съ любовію и желаніемъ осуществить ихъ потомъ въ жизни своей. Это занятіе стоитъ на переходѣ къ исполненію ихъ дѣломъ. Посему Пророкъ и говоритъ, что, дивясь свидѣніямъ Божіимъ, душа его принялась изслѣдовать ихъ, и не какъ нибудь, а со всѣмъ усердіемъ: *сего ради испыта я душа моя.* Испыта—ἐξηρέυνησεν,—усиленно стала изслѣдовать, по толкованію Зигабена и Аѳоима. Такое изслѣдованіе держитъ память и вниманіе все на томъ, какъ жить; а постигнувъ красоту правилъ жизни располагаетъ къ нимъ и возгрѣваетъ ревность жить по нимъ. Потому-то поучающійся въ законѣ Господнемъ день и ночь бываетъ, *яко древо насажденное при исходящихъ водъ, еже плодъ свой даетъ*

во время свое (Пс. 1, 3). Писаніе не знаетъ научнаго изслѣдованія, въ видахъ голаго знанія: у него рѣчь все о жизни и объ устроеніи ея. Ученое изслѣдованіе порождено безпечностію о жизни, чтобы прикрыть этою видимостію праздное свое бездѣлье.

Стихъ сто тридцатый.

Явленіе словесъ Твоихъ просвѣщаетъ и умудряетъ младенцы.

Что такое *явленіе* (δήλωσις) *словесъ?*

Когда царь въ покояхъ, — никто его не видитъ; а когда онъ выходитъ на балконъ, то всякій можетъ его видѣть. Такъ и свидѣнія Божіи, пока остаются въ умѣ Божіемъ, пребываютъ невидимыми, а когда изыдутъ изъ устъ Его, становятся явными. Объ этомъ-то явленіи словесъ и говоритъ здѣсь Пророкъ. Это все равно, какъ бы онъ такъ сказалъ: словеса, исходящія изъ устъ Твоихъ, просвѣщаютъ и умудряютъ младенцевъ.

Можно доразумѣвать тутъ еще вотъ что: только явленіе словесъ Твоихъ просвѣщаетъ. Не будь этого явленія, не было бы и просвѣщенія. Совѣсть хоть и свидѣтельствуетъ о томъ, что слѣдуетъ, но не всегда ясно, не всегда полно, не всегда убѣдительно и дѣйственно; отъ того и не опредѣляетъ къ дѣлу и остается безплодною. Слово же, исходящее изъ устъ Божіихъ, ясно, полно и дѣйственно. Оно падаетъ на совѣсть и, возбуждая ее, проходитъ до раздѣленія души и духа, членовъ и мозговъ.

Просвѣщаетъ и умудряетъ... Когда восходитъ солнце, — оно все освѣщаетъ, и всѣ предметы, всѣ стези среди ихъ, со всѣми развѣтвленіями, бываютъ тогда явны. Весело и небоязненно идти тогда путнику. Такъ и слово Божіе, исходя изъ устъ Божіихъ, освѣщаетъ всѣ пути богоугодной жизни, и возревновавшій идти по нимъ

ясно видитъ куда идти, и идетъ смѣло, не боясь, что оступится. Какъ велико это благо, можно видѣть изъ сравненія состоянія не имѣющихъ просвѣщающаго слова Божія съ тѣми, которые имѣютъ его и живутъ по нему. Блескъ очей и свѣтлость лица свидѣтельствуютъ, что за ними есть душа, просвѣщенная словомъ устъ Божіихъ.

Просвѣщеніе указываетъ порядки и правила жизни, а умудреніе научаетъ, какъ по нимъ жить и дѣйствовать. Это нужнѣйшая сторона для дѣлателя. Умѣнье жить и совершать дѣла добродѣтели всегда, въ свое время, въ своемъ мѣстѣ и въ своей мѣрѣ, сообщающее дѣламъ привлекательное благообразіе и плодотворность,—такое умѣнье есть великій даръ Божій. Вселяется же онъ чрезъ словеса устъ Божіихъ. Онѣ и прямо нерѣдко указываютъ, какъ что дѣлать должно; болѣе же настроиваютъ, силою воздѣйствія своего, умъ и совѣсть къ тому, чтобъ они въ нужный часъ опредѣляли всесторонне образъ дѣйствованія такъ, какъ хочетъ ему явиться всеправящій Господь. До этого всегда доходитъ тотъ, кто пребываетъ вѣрнымъ слову Божію.

Но слово Божіе просвѣщаетъ и умудряетъ *младенцы*. Можно думать такъ: слово устъ Божіихъ такъ приспособительно къ нашему понятію, что его можетъ уразумѣть и поучаться ему и малосмысленное дитя. Можно разумѣть вмѣсто дитяти и простыхъ, неученыхъ людей. Но прямѣе тутъ понимаются простые сердцемъ, хотя бы они и высоко были образованы. Слово Божіе просвѣщаетъ и умудряетъ тѣхъ, которые безхитростно принимаютъ его, не пытаютъ, почему и для чего, не колеблются раздумываньемъ: да полно такъ ли? — а прямо, какъ слышатъ, такъ и послѣдуютъ ему, что ни заповѣдало бы оно. Прившедшее мудрованіе не оставитъ безъ поврежденія простоты слова Божія, и возмутитъ лишь шаги

хотящихъ слѣдовать по указанію его. Его нужно подклонять подъ слово Божіе; и тогда младенческое пріятіе слова сердцемъ, сдѣлаетъ его плодоноснымъ, какъ плодоноситъ земля, безпрекословно разверзающая нѣдра свои для принятія сѣмянъ.

Стихъ сто тридцать первый.

Уста моя отверзохъ и привлекохъ духъ, яко заповѣдей Твоихъ желахъ.

Слова эти буквально выражаютъ тоже, что обычный у насъ оборотъ рѣчи, когда кто, долго и усиленно ища и домогаясь чего либо, наконецъ достигаетъ желаемаго. „Слава Богу, говорятъ тогда,—наконецъ-то я свободно вздохну; достигъ того, чего желалъ!“ Примѣнительно къ этому, и св. Давидъ описываетъ свое внутреннее состояніе, которое испыталъ онъ, когда обрѣлъ заповѣди и вступилъ на путь ихъ. Сильно желалъ онъ знать и имѣя ихъ въ сердцѣ, жить по нимъ, чтобъ угодить чрезъ то Богу и пребыть въ любви Божіей. Но кто скажетъ, что онъ самъ собою можетъ дойти до того? Не дерзалъ на это и св. Пророкъ, но искалъ. И вотъ, когда услышалъ онъ изъ устъ Божіихъ изшедшія заповѣди, дивныя, просвѣщающія и умудряющія,—когда возлюбилъ ихъ всѣмъ сердцемъ и устремился на путь ихъ, тогда не могъ удержаться, чтобъ не воззвать: „слава Богу! свободно вздыхаю, ибо достигъ того, чего желалъ: узналъ заповѣди и вступилъ на нихъ; теперь я на пути къ цѣли. Нечего больше желать, только бы не сбиться съ этого спасительнаго пути“. Какая свѣжесть духовной жизни! Какое живое и сердечное отношеніе къ заповѣдямъ! Не холодно относится онъ къ данному образу жизни, усвояя только форму ея, а всею душою устремляется къ тому, не видя инаго блага на землѣ, кромѣ того, чтобъ быть

вѣрнымъ заповѣдямъ и волѣ Бога Вышняго. Это — корень, источникъ истинно-нравственной жизни, — крѣпкій, обильный, неистощимо бьющій.

Но всѣ наши толковники, — Аѳанасій Великій. Ѳеодоритъ, св. Амвросій, Августинъ. Иларій, Аѳоимъ, Зигабенъ, и приводимые у сего послѣдняго Василій Великій. Григорій Богословъ, Григорій Нисскій, препод. Нилъ, — не останавливаются на буквѣ, а видятъ въ этихъ словахъ болѣе глубокій смыслъ. Они разумѣютъ подъ отверзеніемъ устъ отверстіе ума и сердца, — выраженіе жажды духа человѣческаго, а подъ привлеченіемъ духа—желаніе и пріятіе Духа благодати, утверждающаго и пособствующаго въ исполненіи заповѣдей, возлюбленныхъ всѣмъ сердцемъ. „*Устами*, говоритъ св. Аѳанасій Великій, называетъ здѣсь Пророкъ сердечное усердіе; потому что, поясняетъ блаж. Ѳеодоритъ, оно привлекаетъ благодать Духа, какъ и въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *разшири уста твоя, и исполню я* (Пс. 80. 11). „Уразумѣй же, учитъ св. Амвросій, что такое уста. Это—сердце или устремленіе внутренняго человѣка. И душа имѣетъ свои уста. Ихъ и открывай Христу, чтобы привлечь духъ Его.“ — „Сердце, отверзшееся вѣрою, жаждетъ напитаться небесною истиною, разсуждаетъ св. Иларій; но ее пишетъ на скрижаляхъ сердца Духъ (2 Кор. 3. 3). Привлечь его и ищетъ Пророкъ, такъ какъ Духъ приходитъ неиначе, какъ тогда, когда его ищутъ. Слѣдовательно, надобно желать, искать, привлекать его, чтобы напитаться отъ Него духовною пищею, какъ питается невинное дитя молокомъ отъ груди матери.“ — „Чего, пишетъ блаж. Августинъ, такъ усердно желалъ Пророкъ? Исполненія заповѣдей Божіихъ. Желалъ, — но достичь желаемаго не надѣялся. Потому и отверзъ уста, чтобы привлечь то, чрезъ что могъ бы достигнуть того, — отверзъ, прося, ища, толкая; и въ жаждѣ напоился Духомъ благимъ,

чтобы силою Его совершить то, что самъ собою не могъ совершить, исполнить, то есть, заповѣдь *святую, праведную и благую* (Рим. 7, 12). Ибо, если мы, *зли суще, умѣемъ даянія блага даяти чадомъ* своимъ: *кольми паче Отецъ, иже съ небесе, дастъ Духа Святаго просящимъ у Него* (Лук. 11, 13). Не тѣ, кои своимъ духомъ дѣйствуютъ, но тѣ, кои *Духомъ Божіимъ водятся,—сіи суть сынове* (Рим. 8. 14). И тѣмъ болѣе содѣлываются благими сынами Богу. чѣмъ обильнѣе дается имъ отъ Отца Духъ благій."

Стихъ сто тридцать второй.

Призри на мя и помилуй мя, по суду любящихъ имя Твое.

Уже возлюбилъ заповѣди, вступилъ на путь ихъ, сознаетъ безопасную вѣрность этого пути, привлекъ и Духа благодати,—чего же онъ еще желаетъ? Непрерывности Божія покрова и божія благоволенія. Въ жизни духовной ни на минуту нельзя предаваться безпечности: всюду препоны, отвсюду враги, и не увидишь, какъ подкрадутся и сокрушатъ. Только око Божіе все зритъ; только покровъ Божій отъ всего обезопаситъ. Отсюда и вопль: *призри на мя и помилуй мя. Помилуй,*—яви, то-есть, милость и благоволеніе, *по суду*, или по чину *любящихъ имя Твое.* „Пророкъ, говоритъ блаж. Ѳеодоритъ, умоляетъ о томъ, чтобы сподобиться ему Божія благоволенія, но не просто, а какъ обычно Тебѣ — Богу, оказывать милость Свою любящимъ Тебя. Умоляю дать и о мнѣ тоже опредѣленіе, что и о нихъ."—„Какъ, изъясняетъ св. Аѳанасій, опредѣлилъ Ты призирать любящихъ имя Твое и сподоблять ихъ великаго Твоего посѣщенія, такъ сподоби и меня той же милости!" Такъ сознаетъ себя постоянно держимымъ на рукахъ Божіихъ усердно угождаю-

щій Ему исполненіемъ заповѣдей; а все таки, видя, бездну подъ собою, молится, чтобы не отнималъ отъ него Господь десницы Своей.

Истинная жизнь въ духѣ держится непрестаннымъ, такъ сказать, взаимодвиженіемъ Бога къ духу и духа къ Богу. Когда есть живое устремленіе духа нашего къ Богу и дѣйственное привтеченіе Духа Божія къ нашему духу, тогда жизнь духовная въ движеніи. Въ этомъ и состоитъ то духовное дыханіе, которымъ поддерживается жизнь духовная, точно такъ, какъ дыханіемъ тѣлеснымъ поддерживается жизнь тѣлесная. Нѣтъ жизни въ тѣлесномъ организмѣ безъ дыханія; нѣтъ жизни въ духѣ безъ сказаннаго богообщенія. И въ этомъ ничего нѣтъ невѣроятнаго. Богъ вездѣ и все исполняетъ. Когда сердце отверзается вѣрою, исканіемъ, богопреданностію, Богъ входитъ и исполняетъ его. Вотъ и жизнь духа! Дивиться надо только тому, что не всѣ мы живемъ этою жизнію. Многіе даже не знаютъ, что это за жизнь, ибо она невидима и какъ бы неосязаема, хотя и вседѣйственна. Другіе разумѣютъ подъ нею совсѣмъ не то, что она есть такое. А это еще болѣе жалко: сами себя обманываютъ, полагая, что имѣютъ, тогда какъ вовсе у нихъ ничего нѣтъ. Въ томъ-то и премудрость, чтобы попасть на истинную тропу. Но кого влечетъ Отецъ небесный, тотъ всегда находитъ ее.

Слова: *по суду любящихъ*—указываютъ и на Божію любовь. Такъ обѣтовалъ Самъ Богъ: *Азъ любящія Мя люблю* (Прит. 8, 17). Любовь Божію пріемлетъ сердце любимаго и ощущаетъ теплоту ея. И своя любовь къ Богу есть теплое чувство. Теплота съ теплотою, сливаясь, возгнетаютъ горѣніе духа внутри человѣка, — горѣніе не потребляющее, а животворящее. Такъ бываетъ у всѣхъ тѣхъ, которые идутъ настоящимъ путемъ. Такъ какъ Богъ есть свѣтъ, то любимые Богомъ

бываютъ осѣнены облакомъ свѣта, который дѣлаетъ ихъ видимыми для всѣхъ любящихъ Бога и Богомъ любимыхъ, и сокрываетъ отъ враговъ и богоборцевъ, ослѣпляя ихъ. Любовь Божія есть естественный покровъ любимыхъ Имъ и любящихъ Его. Таковъ чинъ любящихъ имя Божіе. Объ этомъ-то и молится Пророкъ: *помилуй мя, по суду любящихъ имя Твое.* Покровомъ свѣта, источаемаго любовію Твоею, да будетъ всегда одѣваема душа моя, чтобы, согрѣваясь теплотою ея, жить ей радостно въ себѣ и, озаряясь свѣтомъ ея, отражать враговъ, пребывая какъ бы въ нѣкоей несокрушимой крѣпости.

Стихъ сто тридцать третій.

Стопы моя направи по словеси Твоему, и да не обладаетъ мною всякое беззаконіе.

Пророкъ продолжаетъ выражать, что нужно ему послѣ того, какъ онъ обрѣлъ, возлюбилъ и положилъ творить заповѣди, изреченныя устами Бога живаго, зримаго и любимаго имъ: *стопы моя направи по словеси Твоему.* Ужъ онъ идетъ, а все боится, какъ бы не сдѣлать невѣрнаго шага, ибо много есть такого, что кажется достодолжнымъ, не будучи таковымъ. На этомъ строится самая опасная сѣть врага, которою уловляетъ онъ ревнующихъ, но еще не искусившихся. Подставляетъ онъ имъ для дѣланія добро, которое или не къ мѣсту, или не ко времени, не къ лицу дѣйствующаго, или къ лицамъ соприкасающимся. Неопытный дѣлаетъ; а такъ какъ такого рода дѣла сопровождаются смятеніемъ мыслей и чувствъ, то, вслѣдствіе того, онъ и подвергается сильнѣйшему нападенію врага, который великій мастеръ ловить въ этомъ смятеніи, мутящемъ свѣтлость сознанія. Приражаются, за тѣмъ, внушенія уже недобрыя, но только такія, нечистота которыхъ за смятеніемъ не такъ

ясна. Сдѣлай шагъ по нимъ,—ужъ и полупаденіе, а тамъ, не далеко и до паденія. Вотъ почему у всѣхъ богобоязненныхъ людей всегда теплится самая искренняя молитва: *стопы моя направи по словеси Твоему.* „Самъ Богъ, говоритъ св. Аѳанасій Великій, направляетъ шествіе тѣхъ, кои, оставя порокъ и невѣдѣніе, вступили на путь добродѣтели и вѣдѣнія.“—„И только тѣ, прибавляетъ блаж. Ѳеодоритъ, кои сподобляются такого руководства и предаются ему, идутъ безопасно и вѣрно. Предавшій себя Богу не бываетъ оставляемъ Богомъ; а когда мы привносимъ еще усердіе къ тому, Богъ подаетъ помощь и направляетъ наше шествіе.“ Какъ св. апостолы говорили о себѣ, что они и подумать ничего цѣлесообразнаго не могутъ сами собою въ дѣлахъ своего апостольскаго служенія; такъ исповѣдуетъ это и всякій ревнитель о дѣлѣ спасенія своего, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть и дѣло Божіе, первое и желательнѣйшее Ему. Какъ подается указаніе, какъ пріемлется, сознается и одобряется, этого никто не можетъ знать и изъяснить, кромѣ того, кто сподобится сего. Но и тутъ все совершается такъ, какъ это бываетъ въ обычныхъ дѣлахъ, то-есть, послѣ нѣкотораго разслѣдованія, и за тѣмъ—рѣшенія; иначе не избѣжать подсадъ. Бываетъ, что и чувство прямо опредѣляетъ; но ему прямо послѣдуютъ только стяжавшіе уже обученныя чувства въ разсужденіи добра и зла.

И да не обладаетъ мною всякое беззаконіе. Это еще откуда молитвенный вопль, при такой ревности, при такой близости къ Богу, при такомъ дивномъ водительствѣ? Съ какой стати можетъ тутъ имѣть мѣсто обладаніе беззаконіемъ? Точно,—оно не имѣетъ мѣста, но можетъ возъимѣть. Опасаясь этого, Пророкъ молится, чтобы не подпасть такому насилію. Грѣхъ не отстаетъ отъ вступившаго на Божій путь добродѣтели, и грѣш-

ное, какъ стая комаровъ, вьется вокругъ головы шествующаго такъ, жужжа и покушаясь уязвить его. Это—помыслы, соблазны, влеченія. Кто отъ нихъ свободенъ? Но у вѣрнаго своему рѣшенію, они какъ приходятъ, такъ и отходятъ—ни съ чѣмъ; манятъ, но не увлекаютъ; ибо гуляютъ лишь вокругъ, вьются надъ головою. Но есть и такіе, которые и внутрь проходятъ; и изъ этихъ иные—старые друзья; они могутъ такъ охватить и съ такою силою влечь, что испытывающій это ведется, какъ на поводу, не къ доброму. Не приди помощь свыше,—долго ли до паденія? Потому-то Пророкъ и молится: не допусти, Господи, чтобы грѣшныя возбужденія, противныя Тебѣ, когда-либо возобладали мною, одолѣли меня и увлекли къ недоброму, въ оскорбленіе Тебѣ.

Стихъ сто тридцать четвертый.

Избави мя отъ клеветы человѣческія, и сохраню заповѣди Твоя.

Св. Пророкъ поминалъ предъ симъ о внутреннихъ искушеніяхъ, влекущихъ ко грѣху, и молился, да не возобладаютъ они надъ нимъ: теперь молится объ избавленіи отъ искушеній со-внѣ, выставляя самое чувствительное изъ нихъ—клевету: *избави мя отъ клеветы.* И видимая напасть и напраслина горька, но горше невидимая, когда, не нападая видимо, причиняютъ зло скрытно, распространяя клевету. Клевета, дошедши до слуха оклеветаемаго, прежде чѣмъ причинитъ какое-либо видимое зло, уже сжимаетъ сердце, ослабляетъ энергію къ добродѣланію и охлаждаетъ къ нему. Шествующій извѣстнымъ путемъ, получивъ нечаянно ударъ въ грудь, хоть и не падаетъ, но останавливается въ недоумѣніи. Такъ поражаетъ шествующаго путемъ добродѣтели и клевета. Конечно, свидѣтельство совѣсти есть сильный

отпоръ клеветѣ; но и оно нѣсколько колеблется и на время уступаетъ предъ злымъ воздѣйствіемъ клеветы. Сочувствіе окружающихъ, хотя не есть производительная сила добродѣтели и не должно быть таковою, но оно есть очень благопріятная атмосфера для ея разцвѣтанія и плодоношенія. Отсутствіе же его и тѣмъ паче присутствіе противоположнаго криваго истолкованія дѣлъ дѣйствуетъ на произведеніе ихъ, какъ морозъ на растенія въ пору весеннюю. Понятно, послѣ сего, почему, съ избавленіемъ отъ клеветы, соединяется у Пророка обѣтъ: *и сохраню заповѣди Твоя*, то-есть, какъ бы такъ: и буду безпрепятственно хранить заповѣди, или: и мнѣ легче и удобнѣе будетъ тогда хранить заповѣди Твои.

Въ отвращеніе такого злаго вліянія клеветы на дѣлателей добродѣтели и Христосъ Господь, воодушевляя ревнителей ея, въ концѣ прибавилъ: *блажени есте, егда поносятъ вамъ... и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще Мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ* (Мѳ. 5, 11. 12). Клевета обособляетъ отъ другихъ и убиваетъ чувствомъ одиночества среди многихъ. Это испыталъ и Пророкъ, выразившись въ другомъ мѣстѣ такъ: озираюсь кругомъ и никого не вижу знакомаго; словно всѣ чужіе мнѣ. И что же? Ноги, говоритъ, подломились: *погибе бѣгство отъ мене* (Пс. 141, 5). Куда обратиться человѣку, всѣми оставленному? Некуда, кромѣ неба. *Воззвахъ къ Тебѣ, Господи, рѣхъ: Ты еси упованіе мое.* Оставя міръ и все, что въ немъ, надо переселиться такому человѣку надеждами своими горѣ, и тамъ успокоиться, вѣруя, что неложно слово Господне: *блажени есте, егда поносятъ вамъ.*

Соображая текстъ этотъ съ предъидущимъ, гдѣ Пророкъ молится, чтобъ не возобладали надъ нимъ внутреннія искушенія ко грѣху, можно думать, что и здѣсь, молясь объ избавленіи отъ клеветы, онъ молится объ

избавленіи отъ пагубнаго дѣйствія ея на душу, то-есть, чтобы клевета не возобладала надъ нимъ, не сжала сердца, не поразила и не охладила его къ добру. Богъ силенъ заградить уста клеветѣ, но не всегда дѣлаетъ это. Вмѣсто этого, оставляя клевету жить и ходить, Онъ ниспосылаетъ утѣшеніе въ сердце оклеветаемаго, и тѣмъ избавляетъ отъ опасности, какой подвергается душа, поддавшаяся скорбнымъ отъ того чувствамъ.

Стихъ сто тридцать пятый.

Лице Твое просвѣти на раба Твоего, и научи мя оправданіемъ Твоимъ.

По лицу угадываютъ, въ какомъ расположеніи тотъ, кого встрѣчаютъ, къ тому, кто встрѣчаетъ — въ добромъ или недобромъ, благоволительномъ или неблаговолительномъ. Мрачное лицо означаетъ неблаговоленіе, лицо свѣтлое—благоволеніе, отношеніе любовное, а въ высшемъ— и покровительственный, и защитительный взоръ, съ желаніемъ сдѣлать всякое добро. Потому говоря: *просвѣти лице Твое,* Пророкъ молится о Божіемъ къ себѣ любительномъ благоволеніи.

Лице Божіе невидимо, но созерцается умомъ. При этомъ совѣсть даетъ знать — въ какомъ отношеніи состоитъ созерцающій Бога къ созерцаемому, всевидящему Богу, и въ чувствѣ отражается Божіе благоволеніе или неблаговоленіе къ нему, смотря по свидѣтельству совѣсти. Это не что нибудь воображаемое, а то, что дѣйствительно происходитъ въ духѣ отъ дѣйствительнаго воздѣйствія Божія на него. Богъ вездѣ есть и все содержитъ; Онъ держитъ и духъ человѣка. Это держаніе отражается въ духовномъ чувствѣ, соотвѣтственно строю духа. Посему, *просвѣти лице,* можетъ означать еще: даруй мнѣ, Господи, всегда воззрѣвать на Тебя умными очами безъ

боязни и смущенія за свою неисправность предъ Тобою. Даруй *выну предзрѣвать* (Пс. 15, 8) Тебя предъ собою и никогда не дерзнуть оскорбить Тебя чѣмъ либо, и понудить благостыню Твою омрачить свѣтлое лице Свое. Въ мирномъ, несмущенномъ, дерзновенномъ воззрѣваніи къ Богу—отрада и крѣпость ревнителей о богоугожденіи. Оно преисполняетъ духъ сладостною теплотою и держитъ всѣ силы въ напряженной готовности тотчасъ приступать къ дѣлу въ угодность Господу, какъ только укажутъ его текущія обстоятельства. Это есть самое спасительное состояніе — свѣтлымъ лицомъ воззрѣвать на свѣтлое лице Божіе. Оно одно можетъ замѣнить всѣ подвижническіе пріемы, хотя безъ нихъ трудно ему установиться и стоять, если даже не невозможно.

Но кто чистъ? И помимо сознанія нашего, сколько можетъ быть неисправностей и нечистотъ! Господь снисходитъ немощамъ и покрываетъ ихъ милостію Своею. Но ревнитель богоугожденія, дыша любовію къ Нему, не можетъ равнодушно относиться къ этому и желаніемъ желаетъ быть совершенно во всемъ чистымъ предъ Богомъ. Потому онъ и молится: *научи оправданіемъ Твоимъ;* научи быть всегда правымъ предъ Тобою, въ дѣлахъ, словахъ, помышленіяхъ, чувствахъ и начинаніяхъ, и при томъ не въ проявляемыхъ только, но и въ самыхъ сокровенныхъ, Тебѣ единому вѣдомыхъ и видимыхъ. Молящихся такъ искренно Господь постепенно вводитъ въ познаніе сокровенныхъ ихъ неисправностей и научаетъ исправлять и заглаждать ихъ, чтобъ они могли, наконецъ, явиться совершенно чистыми и безукоризненными предъ лицемъ Самого Бога, и были засвидѣтельствованы таковыми въ день Господень.

Стихъ сто тридцать шестой.

Исходища водная изведостѣ очи мои, понеже не сохранихъ закона Твоего.

Пророкъ подалъ предъ этимъ мысль о несознаваемыхъ неисправностяхъ; а здѣсь поминаетъ онъ о неисправностяхъ сознаваемыхъ, съ засвидѣтельствованіемъ, что такого рода сознаніе изводитъ изъ очей его два источника слезъ. Этимъ означаетъ онъ искреннее раскаяніе во всемъ, что сознательно допущено имъ, во внѣшней жизни и во внутреннихъ движеніяхъ, неугоднаго Господу, противнаго явной волѣ Его, выраженной въ заповѣдяхъ.

Путникъ или человѣкъ, занятый работами, по неволѣ запылится и загрязнитъ одежду свою; потому ему бываетъ надобно и умыться и одежду перемѣнить. Такъ и идущій путемъ жизни духовной, при всѣхъ трудахъ добродѣланія, не рѣдко погрѣшаетъ, то по недальновидности, то по невниманію и случайному разсѣянію мыслей, а иногда и по вырывающемуся сочувствію и увлеченію. Все это, въ разныхъ степеняхъ—нечистоты, тяготящія совѣсть,—тяготящія, говорю, но не подавляющія. Сознавъ ихъ, ревнительный человѣкъ приходитъ въ движеніе и спѣшитъ очистить нечистое,—чѣмъ же?—водою слезъ. Онъ не довольствуется тѣмъ, чтобы сознаться только въ неисправности и положить намѣреніе впередъ не допускать ее; но скорбитъ о томъ и сокрушается такъ глубоко и искренно, что отъ томленія сердца очи становятся *исходищами водными*. Слезы сокрушенія—это духовное омовеніе. И оно не есть что либо мечтательное, а совершается дѣйствительно. Поплакавшій обновляется. Но это обновленіе печатлѣется лишь за тѣмъ, кто, по исповѣди, получаетъ разрѣшеніе. Вотъ и сталъ

опять чистъ человѣкъ. Снова загрязнишься, — снова употреби тоже омовеніе, и такъ всю жизнь. Есть такіе любители тѣлесной чистоты, что каждый день перемѣняютъ бѣлье и употребляютъ омовеніе. Если же это дѣлается для тѣла, то на сколько усерднѣе должно быть совершаемо тоже для души!

Что изводитъ такую воду изъ очей кающагося? Не страхъ и не опасеніе за себя, а любовь. Отъ страха и опасенія за себя можетъ произойти только рѣшеніе исправиться и остерегаться впередъ неисправностей; а слезы, омывающія нравственную скверну, изводитъ любовь. Любовь не можетъ сносить выступленія изъ воли любимаго. Между людьми подобные случаи нерѣдко прикрываются тѣмъ, что любимый не узнаетъ объ отступленіи отъ его воли; это утѣшаетъ и успокоиваетъ любящаго: но въ отношеніи къ Богу такое прибѣжище неумѣстно. Ему вѣдомо всякое нарушеніе воли Его. Сознавшій это за собою сознаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что оно вѣдомо Господу и не можетъ не оскорблять Его. Любовь, всегда видящая лице Господа, не можетъ не видѣть, какъ омрачается оно отъ того или другаго оскорбленія, а видя это, не можетъ не сокрушаться; сокрушаясь же, не можетъ не проливать слезъ. Такъ св. Петръ, по отреченіи отъ Господа въ какомъ-то непонятномъ забытьи, встрѣтивъ очами своими обличительный взоръ Господа, *изшедъ вонъ со двора архіереова,*—мѣста оскорбленія Господа,—*плакася горько* (Лк. 22, 62).

ОСМНАДЦАТОЕ ОСМИСТИШІЕ.

Осмнадцатое осмистишіе идетъ подъ буквою „цаде“—бокъ, сторона.

Такъ какъ у Пророка дѣло идетъ все о заповѣдяхъ, то въ этомъ осмистишіи надо искать указанія разныхъ

сторонъ или самыхъ заповѣдей, или отношенія ихъ къ намъ. Здѣсь указываются стороны сего послѣдняго. Можемъ себѣ представить въ срединѣ корпусъ заповѣдей, къ которому можно подходить съ востока, запада, сѣвера и юга. Съ каждой стороны отношеніе къ нимъ выражается особымъ расположеніемъ. Съ востока станетъ *вѣра*—увѣренность, что заповѣди Божіи суть правда и истина непреложная (ст. 137—138); съ запада—исходящая изъ этой увѣренности *ревность* объ исполненіи всѣхъ этихъ заповѣдей и своя къ нимъ любовь (ст. 139. 140); съ сѣвера—*смиреніе* съ *надеждою* (141. 142); съ юга—*терпѣніе* всего находящаго изъ-за вѣрности заповѣдямъ (ст. 143. 144). Таково содержаніе сего осмистишія.

Стихъ сто тридцать седьмой.

Праведенъ еси Господи, и правы суди Твои.

Пророкъ исповѣдуетъ праведность Господа, возставляя убѣжденіе, что ничто неправое не можетъ исходить изъ устъ Божіихъ: *праведенъ еси, Господи;* но исповѣдуетъ это не въ видѣ отвлеченнаго созерцанія, а какъ основаніе правости судовъ Божіихъ. Суды Божіи означаютъ и присужденія вообще, то-есть, все, чему быть присуждаетъ Богъ: это вводитъ въ область промышленія Божія и исполняетъ успокоеніемъ въ преданности волѣ Божіей. Но поелику здѣсь рѣчь идетъ о заповѣдяхъ, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго стиха, сходнаго, по содержанію своему, съ настоящимъ, то ближе будетъ подъ „судами“ разумѣть присужденія, коими Богъ опредѣляетъ, какъ должно намъ жить, — опредѣляетъ, то есть, не участь нашу, а то, какъ надо намъ дѣйствовать, независимо отъ нашей участи. Къ этой мысли приводитъ насъ и греческое слово, отвѣчающее слову *правы:* εὐθεῖς—*прямы,*—

прямы, то-есть, пути, которые указываютъ намъ заповѣди Твои, Господи,—прямо ведутъ они къ цѣли.

Въ двухъ этихъ стихахъ (137 и 138) Пророкъ выражаетъ увѣренность въ правдости и истинѣ заповѣдей. Въ первомъ почерпаетъ онъ эту увѣренность изъ созерцанія праведности Божіей, а во второмъ—изъ уразумѣнія свойствъ самихъ заповѣдей. Прямы, говоритъ, указанія заповѣдей Твоихъ, Господи, потому что Ты Самъ праведенъ, и ничто неправое и непрямое не можетъ получить отъ Тебя одобренія. Когда Ты сказалъ: живи такъ и такъ, и когда я не сомнѣваюсь, что это точно Тобою сказано, то и на мысль мнѣ не можетъ прійти, чтобы была какая либо непрямота въ путяхъ заповѣдей Твоихъ. Сколько увѣренъ я въ томъ, что Ты праведенъ, столько же увѣренъ и въ томъ, что прямы пути, указываемые Тобою въ заповѣдяхъ. Прямы они; — и суть всегда вѣрнѣйшій и ближайшій путь, какъ прямая линія между двумя извѣстными точками. Удостовѣреніе въ этомъ почерпаю я изъ увѣренности въ Твоей правдѣ. Созерцаемыя мною лучи правды Твоей упираются на заповѣди и ярко оцвѣчиваютъ ихъ правотою Твоею.

Если пророческое воззрѣніе на дѣло заповѣдей таково, что увѣренность въ правотѣ ихъ должна исходить изъ вѣры въ праведность Божію, то какимъ же образомъ иные думаютъ построевать прочныя законоположенія для истинной нравственности человѣческой помимо вѣры въ Бога и святое Откровеніе Его? Какъ ни напрягайтесь, не дойдете даже до того, чтобы построить свою систему, а не то, чтобъ привлечь къ ней увѣренностію въ истинѣ ея указаній. Сколько разныхъ путей указываютъ нравы и обычаи, укореняющіеся среди людей! Сколько распутій видится, отъ раздвоенія зрѣнія, по вліянію своихъ страстей и неправыхъ влеченій! Какъ тутъ узнаешь прямѣйшій путь, и какъ удостовѣришься.

что избираемый нами есть вѣрнѣйшій? Какъ на морѣ въ мѣстностяхъ, скрывающихъ многіе подводные камни, провести безопасно корабль можетъ только искусный и многоопытный лоцманъ; такъ и въ морѣ жизни указать, среди разнообразныхъ тропинокъ и столкновеній, путь прямой и безопасный можетъ только всевидящій, всевѣдущій и всеправедный Богъ. Только отъ вѣры въ Него можетъ истекать увѣренность и въ правотѣ путей, избираемыхъ нами, когда, то-есть, видишь, что ихъ указалъ Самъ Богъ.

Стихъ сто тридцать осьмой.

Заповѣдалъ еси правду свидѣнія Твоя, и истину зѣло.

Съ высоты созерцанія праведности Божіей нисходя къ заповѣдямъ, засвидѣтельствованнымъ словомъ устъ Его, Пророкъ исповѣдуетъ, что они, будучи и сами по себѣ праведны и истинны *зѣло*, даютъ намъ прямѣйшее, вѣрнѣйшее и непреложнѣйшее правило жизни. Мысль таже, что и въ предыдущемъ стихѣ; но тамъ Пророкъ вниманіемъ своимъ стоялъ на праведности Божіей,—а здѣсь стоитъ на правдѣ и истинѣ заповѣдей, впрочемъ такъ, что какъ тамъ видѣлъ онъ въ праведности Божіей правоту заповѣдей, такъ и здѣсь въ заповѣдяхъ видитъ правоту Божію, исповѣдуя, что они также непреложно правы и истинны, какъ непреложно праведенъ Самъ Богъ, утвердившій свидѣтельствомъ Своимъ столь высокое ихъ достоинство. Св. Аѳанасій Великій пишетъ: „Ты заповѣдалъ свидѣнія, какъ сущую и самую очевидную истину. Въ высшей степени прямыя правила судовъ Твоихъ показываютъ правду Твою. Свидѣнія Твои суть Божественныя Писанія: они — правда по нравственнымъ заповѣдямъ, и истина, по смыслу, заключающемуся въ самыхъ словахъ.“

Правы и зѣло истинны заповѣди потому, что они совершенно соотвѣтствуютъ естеству нашему, нашему настоящему состоянію и разнообразнымъ обстоятельствамъ и положеніямъ жизни нашей; вслѣдствіе сего, на исполняющаго ихъ они низводятъ глубокій внутренній миръ, даютъ ему твердость при непріятностяхъ, незамѣтно выводятъ изъ запутанностей, ведутъ прямо къ цѣли и вводятъ въ блаженную вѣчность. Такія убѣжденія о достоинствѣ заповѣдей Божіихъ носилъ Пророкъ въ сердцѣ своемъ, и такія хочетъ онъ поселить въ сердцѣ нашемъ; ибо въ этомъ убѣжденіи основа прочности нравственной жизни и мужество къ неуклонному шествію путями ея. Какъ всякій предприниматель, увѣрившись въ вѣрности своего плана, идетъ къ цѣли и прилагаетъ къ дѣлу придуманныя средства, не смущаясь никакими препятствіями, въ увѣренности, что достигнетъ искомаго; такъ мужественно идетъ путемъ заповѣдей тотъ, кто глубоко въ сердцѣ содержитъ убѣжденіе, что путь ихъ есть единственно вѣрный путь, и что, шествуя имъ, несомнѣнно придетъ онъ къ вожделѣннѣйшей цѣли—вѣчному блаженству.

Стихъ сто тридцать девятый.

Истаяла мя есть ревность Твоя: яко забыша словеса Твоя врази мои.

Что слѣдуетъ дѣлать увѣренному въ высокомъ достоинствѣ заповѣдей? Возлюбить ихъ и ревностно жить по нимъ. Это и свидѣтельствуетъ Пророкъ вслѣдъ за предыдущимъ стихомъ. Но ревность о заповѣдяхъ не можетъ ограничиваться однимъ своимъ личнымъ исполненіемъ заповѣдей: она ищетъ, дабы и всѣ другіе такъ ревностно исполняли ихъ, чтобы славилось имя заповѣдавшаго ихъ Господа, и жизнь по волѣ Его являлась господствующею

не въ той только средѣ, гдѣ живетъ ревнитель, но и повсюду. Эту-то сторону ревности выражаетъ Пророкъ въ настоящемъ стихѣ. *Истаяла*, говоритъ, *мя ревность Твоя*. Ревность истинная—огненна; питающій ее горитъ духомъ,—горитъ, но не сгараетъ. Это чувство не разрушительно, хотя многовозбудительно; и будучи многовозбудительнымъ не требуетъ неукротимыхъ дѣйствованій. Все это выражаетъ Пророкъ мягкимъ словомъ: *истаяла мя ревность Твоя*, то есть, та, которую Самъ Господь имѣетъ, такъ какъ Онъ есть *ревнитель*. Пророкъ въ этомъ случаѣ выражаетъ подражаніе свое Господу. Какъ Господь ревнуетъ о заповѣдяхъ Своихъ, желая, чтобы всѣ исполняли ихъ, такъ и я, такъ и всѣ старайтесь дѣлать. Или такъ: *ревность Твоя* есть ревность по Тебѣ. Пророкъ говоритъ: любя Тебя, Господи, я ревную о Тебѣ, — о томъ, чтобы всѣми всюду исполняема была воля Твоя, и славилось чрезъ то пресвятое имя Твое. И то и другое есть неотлучная принадлежность истинно благочестиваго духа.

Ревнующій ревностію Божіею тамъ, гдѣ невѣдома воля Божія, старается распространить вѣдѣніе о ней; а гдѣ она должна бы быть вѣдома и бываетъ видимо забыта, скорбитъ и сокрушается. Прискорбно, говоритъ, мнѣ видѣть, какъ дерзаютъ забывать волю Твою *врази мои*. Можетъ быть, Пророкъ указываетъ этимъ на личныхъ враговъ своихъ; а можетъ быть, хочетъ выразить, что забывающіе словеса Божіи и заявляющіе такимъ образомъ непріязненное расположеніе къ Богу, являясь врагами Божіими, суть и его враги. Ревность по Тебѣ, Господи, раздражаетъ ревность противъ нихъ, какъ бы они лично противъ меня враждовали.

Такова любовь. Она не можетъ считать чуждымъ себѣ ничего изъ того, что касается любимаго. Отъ того ревнуетъ о всемъ, угодномъ ему. Св. Аѳанасій Великій такъ

описываетъ состояніе Пророка, изображенное въ этомъ стихѣ: „Въ какую ревность приходилъ я, какъ скоро видѣлъ кого-либо забывающаго словеса Твои! И не просто приходилъ въ ревность, но истаявалъ отъ ревнованія по Тебѣ, если видѣлъ забывающихъ словеса Твои. Объ этой ревности, отъ лица Господа выраженной въ псалмѣ, *помянуша ученицы, яко ревность дому Твоего снѣде мя*“ (Пс. 68, 10. Іоан. 2. 17). Блаж. Ѳеодоритъ приводитъ и другіе примѣры такой ревности: „Пророкъ оплакиваетъ и живущихъ въ беззаконіи и видя, какъ пренебрегаютъ Законоположникомъ, справедливо приходитъ въ негодованіе. Такая ревность прославила Финееса; она великаго Илію содѣлала присночтимымъ; воспламененный ею Стефанъ обличилъ невѣріе іудеевъ: храня ее въ себѣ, божественный Павелъ взывалъ: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю. Кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. 11, 29). И блаженный Лука говоритъ о немъ, что *во Авинахъ стеналъ духъ его въ немъ, зрящемъ идолъ полнъ сущъ градъ*“ (Дѣян. 17, 16).

Стихъ сто сороковой.

Разжжено слово Твое зѣло, и рабъ Твой возлюби є.

Поставивъ впереди ревность, заставляющую его истаявать отъ забвенія словесъ Божіихъ другими, Пророкъ могъ ожидать возраженія: „да что тебѣ до другихъ! Самъ-то ты каковъ? Поэтому и говоритъ: люблю, люблю слова Господа моего, и какъ рабъ покоряюсь Ему. Но онъ ведетъ рѣчь объ этомъ не къ беззаконнующимъ, а бесѣдуя съ Господомъ: *разжжено слово Твое. Разжжено*— чисто, безпримѣсно, какъ говоритъ онъ о томъ и въ другомъ мѣстѣ: *словеса Господня—словеса чиста, сребро разжжено, искушено земли, очищенно седмерицею* (Пс. 11, 7). Чисто и совершенно слово Господне, потому и привле-

кательно; а будучи привлекательно, оно возбуждаетъ любовь къ себѣ. Я, говоритъ, и возлюбилъ его; но возлюбилъ не потому только, что оно чисто, а болѣе потому, что оно отъ Господа. Сознавая себя рабомъ Господнимъ, я покорствую слову Его, и тѣмъ охотнѣе, что слово Его всегда есть полная и безпримѣсная истина, любезная и привлекательная для сердца моего. У богобоязненныхъ услажденіе словомъ — не отвлеченно или только умозрительно, но всегда сопровождается чувствомъ обязательности къ нему и любовію, движущею на дѣла по указанію его.

Слово: *разжжено* подаетъ и такую мысль, что оно огненно.—πεπορωμένον—проникнуто огнемъ. Какъ огненное, оно согрѣваетъ, и не только согрѣваетъ, но и разжигаетъ, а разжигая очищаетъ; оно не только само чисто, какъ прочищенное огнемъ, но и пріемлющихъ его очищаетъ огненнымъ своимъ дѣйствіемъ. На это дѣйствіе слова указываетъ и св. Павелъ: *живо слово Божіе и дѣйственно*, говоритъ онъ, *острѣйше всякаго меча обоюдуостра, и проходящее до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ, и судительно помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ* (Евр. 4. 12). Человѣкъ — смѣсь добра и зла. Слово Божіе, пріемлемое вѣрою, входитъ внутрь его, какъ огнь, и, воздѣйствуя на добро, оживотворяетъ его, а зло опаляетъ; и возставляются тогда въ духѣ всѣ добрыя созерцанія, движенія и чувства. А такъ какъ чрезъ это онъ вступаетъ въ свой чинъ, то не можетъ не чувствовать себя хорошо въ такомъ состояніи. И чувствуетъ и услаждается тѣмъ, и, любя такое состояніе, возлюбляетъ и слово Божіе, доставляющее ему то. Какъ отрадно тому, кто изъ душной комнаты выйдетъ на чистый воздухъ, такъ отрадно бываетъ и духу, высвобождаемому словомъ Божіимъ изъ духоты

худыхъ мыслей, чувствъ и пожеланій, въ отрадную свѣжесть богомыслія и добролюбія.

Стихъ сто сорокъ первый.

Юнѣйшій азъ есмь и уничиженъ: оправданій Твоихъ не забыхъ.

Какъ же это такъ? Какой же онъ юнѣйшій, когда уже былъ въ старости? Что за уничиженный, когда былъ всѣми чтимымъ царемъ? А можетъ быть, онъ вспомнилъ то время, когда Самуилъ пришелъ въ домъ отца его и велѣлъ показать ему всѣхъ своихъ дѣтей, и когда отецъ, показавъ всѣхъ старшихъ, сказалъ: „вотъ и всѣ", а о немъ и забылъ, какъ не стоившемъ того, чтобы показать его пророку. Такъ думаютъ блаж. Ѳедоритъ, св. Амвросій и Иларій. А можетъ и то обстоятельство, какъ онъ, вызвавшись на единоборство съ Голіаѳомъ, услышалъ отъ соотчичей своихъ: „куда тебѣ, птенецъ! Онъ тебя сразу раздавитъ." Воспоминая, разсуждаетъ св. Амвросій, то и другое, онъ и говоритъ теперь: „и смотрѣть-то на меня никто не хотѣлъ, ради юности моей. Я видѣлъ это, но заповѣдей Твоихъ не забылъ; или такъ: тѣ ни во что ставили меня, а Ты меня превознесъ за то, что я заповѣдей Твоихъ не забывалъ." Или и такъ еще: Ты меня превознесъ; потому я никогда не забуду заповѣдей Твоихъ, видя, какъ вѣрность привлекаетъ Твое благоволеніе, и облекается силою Твоею. Это—мысль блаж. Ѳеодорита.

Но не лучше ли положить, что онъ говоритъ такъ о себѣ въ чувствѣ смиренія, какъ думаетъ св. Аѳанасій. Никакого-то во мнѣ нѣтъ толку, будто, въ маловозрастномъ, и ничего-то нѣтъ во мнѣ, за что можно было бы хоть мало-мало похвалить меня. я ничего не стою; не стою,—но заповѣдей Твоихъ все-же не забываю, зная красоту и величіе ихъ, все же уклоняюсь подъ сѣнь ихъ,

чтобы достоинствомъ ихъ прикрыть мое ничтожество. Я облекся въ нихъ какъ въ одежду, чтобъ изъ-за ихъ свѣтлости забыли о моемъ ничтожествѣ. Или пожалуй такъ: я забылъ о себѣ, какъ о ничтожнѣйшемъ, но оправданій Твоихъ никогда не забывалъ. А то и такъ еще: я ничто, не смотря на то, что никогда не забывалъ оправданій или заповѣдей Твоихъ, ибо, при всемъ моемъ стараніи всегда ихъ помнить и ходить по нимъ, не могу сказать, что совершенно ихъ выполнилъ, такъ какъ *ширѣка заповѣдь Твоя зѣло* (выше ст. 26). Въ этомъ смыслѣ онъ выражаетъ здѣсь то же, что заповѣдалъ Господь чувствовать всѣмъ, творящимъ заповѣди Его: *егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должни бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лук. 17, 10).

Стихъ сто сорокъ второй.

Правда Твоя правда во вѣкъ, и законъ Твой истина.

Мысль здѣсь та же, что и въ первыхъ двухъ стихахъ этого осмистишія. Лишняго здѣсь только слово: *во вѣкъ*. Мысль св. Пророка, начавъ съ юности и прошедши всю жизнь, перенеслась въ вѣчность, и узрѣла на всемъ этомъ протяженіи неизмѣнно пребывающею одну лишь правду Божію. *Правда Твоя—правда во вѣкъ*. Почему? Потому что она одна даетъ законъ, который не только истиненъ, но самъ есть истина. Питаясь этою увѣренностью, какъ бы такъ говоритъ Пророкъ: „воодушевляюсь надеждою, что, идя путемъ закона Твоего и пребывая вѣрнымъ правдѣ Твоей, я держусь того, что есть едино истинно, не обманчиво и безошибочно. Тамъ, за предѣлами жизни, я вижу вѣнецъ, которымъ увѣнчается вѣрность закону Твоему и правдѣ Твоей. Св. Аѳанасій пишетъ: „Правда у людей на малое время приписывается тѣмъ, кто судитъ праведно; правда же Бо-

жія даетъ вѣчное оправданіе.“ Блаж. Θеодоритъ прибавляетъ къ сему: „Слѣдующій заповѣдямъ Божіимъ наградою за труды имѣетъ вѣчную жизнь.“

Смиреніе (предъидущій стихъ) ничего не видитъ въ себѣ такого, чѣмъ могло бы оправдаться, а между тѣмъ истинно смиренный не падаетъ духомъ,—отъ чего? Отъ того, что его окрыляетъ надежда на то, что премилосердый Господь не покараетъ его. На чемъ же коренится такая надежда? На сознаніи, что онъ искренно вѣруетъ и всегда, всеусильно старается быть вѣрнымъ тому, во что вѣруетъ. Совѣсть не обличаетъ его въ лѣности, оплошности и сознательномъ уклоненіи отъ закона Божія. Посему, хотя онъ и находитъ себя ничтожнымъ, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ бы ему быть слѣдовало, но не теряетъ надежды быть спасеннымъ; ибо все дѣлалъ и дѣлаетъ зависящее отъ него. Таковъ былъ св. апостолъ Павелъ. *Время*, говоритъ онъ, *моего отшествія наста,—теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ: прочее соблюдается мнѣ вѣнецъ правды* (2 Тим. 4, 6—8). Скажете,—не самонадѣянно ли это? Нѣтъ. *Ничесоже въ себѣ свѣмъ* (ничего худаго за собою не знаю), исповѣдуетъ онъ, *но ни о семъ оправдаюся* (1 Кор. 4, 4). Оправдывающій насъ есть Господь; а если Господь кого оправдаетъ, то кто же его осудитъ? Что же привлекаетъ Господнее оправданіе? *Вѣра, любовію споспѣшествуема* (Гал. 5, 6). Будь же вѣренъ Господу и, при смиренныхъ чувствахъ, воодушевляйся надеждою, что ради этой вѣрности не будешь пренебреженъ Господомъ.

Стихъ сто сорокъ третій.

Скорби и нужди обрѣтоша мя: заповѣди Твоя поученіе мое.

При свѣтлости внутренней, внѣшняя несвѣтлость, — вотъ четвертая сторона вѣрности заповѣдямъ! Скорби и

нужды почти всегда, словно мракомъ, покрываютъ вѣрнаго заповѣдямъ. Заповѣди Твои, говоритъ Пророкъ, поученіе мое. Я держу ихъ въ умѣ моемъ, лелѣю въ сердцѣ, исчезаю въ нихъ всѣмъ вниманіемъ моимъ и по нимъ, какъ по шнуру плотничьему, направляю жизнь мою. И между тѣмъ что же встрѣчаю на пути? Скорби и нужды, непрестанныя столкновенія, которыя уязвляютъ сердце мое и тяготятъ меня. Отъ чего-жъ это такъ? Отъ того, что такъ Богу угодно. А почему Ему такъ угодно,— Ему одному вѣдомо. Подклони же голову подъ крѣпкую руку Божію, и молчи. Ты кто, противоотвѣщаяй Богу? Будь доволенъ одною вѣрою, что если Богъ есть твой Богъ, а ты—Божій, то все твое. Завѣщаніе объ этомъ уже написано и законно скрѣплено. Еще немного, — и будешь введенъ въ наслѣдіе; а теперь ты состоишь пока подъ искусомъ. Минетъ срокъ, и вступишь въ чинъ и славу сына, на что право, конечно, и теперь за тобою, но не дается тебѣ, потому что ты еще недорослъ.

Св. Антоній Великій однажды въ отвѣтъ на то, зачѣмъ свѣтлость жизни о Христѣ Іисусѣ покрывается внѣшними скорбями и внутренними воздыманіями разныхъ нечистотъ,—отвѣтилъ: за тѣмъ, чтобъ ты не засмотрѣлся на эту свѣтлость и не сгубилъ себя. Засмотришься—возмечтаешь о себѣ; возмечтавши, возгордишься; возгордившись, благодать Божію отгонишь отъ себя. Тогда наскочитъ врагъ и сокрушитъ кости твои. Тебѣ самому слѣдовало бы укрывать себя отъ себя: но такъ какъ положиться на тебя нельзя, а Господь хочетъ спасенія твоего, то и положилъ Онъ скрывать тебя, отъ тебя особымъ устроеніемъ жизни твоей, при которомъ въ себѣ ничего ты не видишь добраго, ибо живущій въ тебѣ грѣхъ часто возстаетъ и все закрываетъ, а со внѣ только скорби и нужды обрѣтаютъ тебя. Благослови же Господа, такъ дивно спасающаго тебя, и смирен-

но иди путемъ своимъ, не вдаваясь въ пытливость, и не покушаясь развѣять слабымъ дуновеніемъ ума облегающій тебя мракъ. И въ примракѣ вѣры ты видишь впереди свѣтлую точку; туда и направляй путь, не обращая вниманія на то, что вокругъ тебя.

Стихъ сто сорокъ четвертый.

Правда свидѣнія Твоя въ вѣкъ: вразуми мя, и живъ буду.

Все находящее должно благодушно терпѣть, заботясь только о томъ, чтобы неуклонно идти путемъ заповѣдей, вѣруя, что это есть единственно вѣрный путь. Скорби и нужды покушаются омрачить свѣтлость этой вѣры, а ты разгоняй такое омраченіе и возстановляй свѣтлость вѣры своей, твердя себѣ: нѣтъ, заповѣди—вѣчная правда. Самъ Богъ засвидѣтельствовалъ ихъ непреложность. И вмѣстѣ съ тѣмъ, обращаясь къ Самому Господу, молись: *вразуми мя и живъ буду;* дай мнѣ, Господи, всегда держать въ разумѣ убѣжденіе въ непреложности заповѣдей Твоихъ.—и *живъ буду;* то-есть, и жить буду по нимъ, или: и никакія искушенія не возмутятъ ровности той жизни, какая, по милости Твоей, установилась въ духѣ моемъ, или: неуклонно отъ заповѣдей Твоихъ проживши вѣкъ сей, перейду вѣрнымъ Тебѣ въ другую жизнь. Тамъ Ты надѣлишь меня вѣчно-блаженною жизнію,—и я вѣчно буду жить съ Тобою и въ Тебѣ. Такими помышленіями и воззваніями подкрѣпляетъ себя терпящій, и жизнь его течетъ ровно и невозмутимо, хотя снаружи кажется и утлою ладьею, которую волны жизни бросаютъ туда и сюда, и готовы раздробить и разметать по пространству водъ.

Сведемъ теперь воедино всѣ стороны жизни по заповѣдямъ. Вѣрою вѣрь и свѣтло будетъ; ревностію рев-

ну, и жить будешь, оживляемый любовію; смиреніемъ смиряйся, не теряя надежды, и никогда не скажешь ревности своей: „довольно;“ терпѣніемъ терпи благодушно, прозрѣвая сквозь мракъ и тьму настоящаго свѣтлое будущее. Программа краткая, но притрудная. Воодушевись; ибо не написано: наслаждающіеся покоемъ восхитятъ царствіе Божіе, а *нуждницы восхищаютъ е* (Мѳ. 11, 12). Нуждницы, то-есть, тѣ, кои себя нудятъ и напряженно дѣйствуютъ, не жалѣя себя, какъ иной, крехтя подъ ношею, притрудно поднимается на гору. И хлѣбъ жизни духовной снѣдается, не менѣе тѣлеснаго, въ потѣ лица. Такъ судилъ милосердый Богъ. Конечно, это было бы легко, еслибъ грѣхъ не возмутилъ пути наши. Но пусть его! Свѣтлостію надежды осѣнилъ насъ Господь. Потрудись немного, и внидешь въ свѣтлость Господа твоего. „Гдѣ Я, говоритъ Господь, тамъ будетъ и слуга Мой.“ А слугѣ этому сказано: „возьми иго Мое на себя и работай.“ Въ вечеръ, въ часъ отхода на покой, получишь то, чего не чаешь. Самъ изумишься, и изумятся всѣ свидѣтели воздаянія тебѣ. Только не лѣнись, не унывай, не колеблись, и благословенно будетъ шествіе Твое.

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ ОСМИСТИШІЕ.

Девятнадцатое осмистишіе идетъ подъ буквою или словомъ „куфъ“, что значитъ обезьяна.

Обезьяна дала поводъ назвать обезьянствомъ все и между людьми похожее на ея нравъ. Понятно, что подъ этимъ разумѣется подражательность, но подражательность не разумная и не въ добромъ духѣ. Оставляя, впрочемъ, въ сторонѣ, что есть въ этомъ недобраго, и оставляя во вниманіи только то, что есть въ немъ добраго, — мы получаемъ отъ обезьяны урокъ объ усердномъ

подражаніи, къ которому нельзя относиться безразлично. Подражаніе и во всѣхъ дѣлахъ бываетъ нужно, а въ дѣлѣ нравственно-религіозномъ оно возводится въ совершеннѣйшую норму жизни. *Подражатели мнѣ бывайте,* говоритъ св. апостолъ Павелъ, *якоже и азъ Христу* (1 Кор. 11, 1). А Спаситель возводитъ насъ къ Самому Отцу Небесному и Его даетъ въ образецъ для подражанія: *будите милосерды,* говоритъ Онъ, *якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть* (Лук. 6. 36). *Будите совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Мѳ. 5, 48). Подражать Богу значитъ образовать нравъ свой по тѣмъ Божіимъ свойствамъ, какія угодно было Ему проявить предъ нами. Еслибъ оставить рѣшить это свободному нашему опредѣленію, мы могли бы разойтись въ этомъ пониманіи. Господь освободилъ насъ отъ сего, начертавъ намъ образецъ достодолжной жизни въ заповѣдяхъ Своихъ. Они стали для насъ нормою жизни, и притомъ такою, что, образуя по нимъ нравъ свой, мы не можемъ не быть увѣрены, что подражаемъ чрезъ то Самому Господу, не можемъ чрезъ заповѣди не воззрѣвать къ Богу. Это главнымъ образомъ Пророкъ и внушаетъ въ настоящемъ пространномъ псалмѣ, возбуждая при томъ непрестанно воззрѣвать къ Богу и какъ къ образцу, а еще болѣе, какъ къ Подателю силъ для подражанія Ему. Сокращенно же эти внушенія можемъ видѣть въ настоящемъ осмистишіи. Пророкъ представляетъ очамъ нашимъ Господа близъ сущаго и отъ лица Его исходящія заповѣди, какъ неотложный вѣчный законъ жизни нашей (ст. 151. 152). Сказать это—значитъ все сказать, ибо ясно, что этимъ требуется. Пророкъ и не прибавляетъ ничего, а только предлагаетъ образцы воззваній къ Богу духа, возжелавшаго быть вѣрнымъ сему закону и не находящаго въ себѣ силъ къ тому. *Воззвахъ всѣмъ сердцемъ... предвари́хъ*

ко утру... Услыши, спаси. А самъ что предлагаетъ? *Оправданія Твоя взыщу... сахраню свидѣнія Твоя.* Усердіе есть,—помоги Господи, и дѣло будетъ (ст. 145—148). Склонить же Господа на услышаніе чаетъ милостію и судомъ (ст. 149), совершенно предавая это дѣло въ руки Божіи. Поскорѣе только, Господи, яви, говоритъ, помощь, ибо вотъ—враги (ст. 150).

Стихъ сто сорокъ пятый.

Воззвахъ всѣмъ сердцемъ моимъ, услыши мя, Господи: оправданія Твоя взыщу.

Воззвахъ,—не на ухо сказалъ, не сквозь зубы проговорилъ, а такъ, какъ говорится всей полной грудью. Впрочемъ, онъ желаетъ обозначить здѣсь не то, что громко сказалъ, а силу духовнаго устремленія къ Богу. Такъ толкуетъ блаж. Ѳеодоритъ. Не голосомъ, говоритъ, воззвахъ, но сердцемъ, и не какою либо частію сердца, а всѣмъ сердцемъ, отъ всей глубины сердца, во всю широту и высоту моего чувства и мысли, — воззвахъ всѣмъ существомъ моимъ, такъ что ничего во мнѣ не осталось, что не взывало бы къ Тебѣ, Господи. Вотъ какова должна быть молитва наша! Не то, что громогласна, а глубоко-сердечна и умно-напряженна. Такъ молился Моисей, и Богъ сказалъ ему: *что вопіеши ко Мнѣ!* (Исх. 14, 15), хотя онъ молчалъ устами, — молчалъ, но вопль сердца его былъ такъ силенъ, что прошелъ небеса, и взошелъ предъ Самого Бога.

Такъ взывать заставляетъ насъ крайность положенія внѣшняго, или крайняя нужда духовная. Ни того, ни другаго не высказываетъ Пророкъ. Можетъ быть, это было вслѣдствіе сильной и неудержимой жажды, которую обычно питаетъ богопреданный духъ. Не докучаетъ: дай то, возьми это, а только молится: *услыши мя, Гос-*

поди. Господь видитъ, о чемъ болитъ сердце наше, и не только видитъ, но, говоря по человѣчески, даже чувствуетъ эту боль. А что сдѣлать въ отношеніи къ этой боли, то знаетъ одинъ Онъ. Потому-то Пророкъ и учитъ насъ молиться: лишь услыши, а что далѣе—указывать не дерзаетъ. Буди воля Твоя!

Услыши... я же *оправданія Твоя взыщу.* Оправданія Божіи суть заповѣди, взыскивать кои значитъ вѣрно и усердно исполнять, — выискивать и высматривать, гдѣ какая заповѣдь приложима и немедля исполнять ее со всѣмъ усердіемъ. Не это ли и предметъ усиленнаго взыванія? Усердно взываю къ Тебѣ, помоги,—и желаніе мое будетъ дѣломъ. Онъ, конечно, искалъ уже, и ищетъ этихъ оправданій; но когда привзойдетъ помощь свыше, то исканіе пойдетъ успѣшнѣе, — пойдетъ прямѣйшимъ путемъ и станетъ совершаться образомъ, благоугоднѣйшимъ Богу. Тутъ же сокрыто и то указаніе, что, кромѣ этого, ничего не ищу и искать не хочу. Поставивъ закономъ образовать себя по заповѣдямъ, онъ глазъ съ нихъ не сводитъ. Такъ обыкновенно поступаетъ живописецъ, желающій написать вѣрный портретъ. Какъ сей послѣдній прикованъ взорами къ лицу, которое срисовываетъ, такъ и тотъ прикованъ къ заповѣдямъ, которые желаетъ отобразить въ нравѣ своемъ.

Стихъ сто сорокъ шестой.

Воззвахъ Ти, спаси мя, и сохраню свидѣнія Твоя.

И еще вопль, и въ такой же, разумѣется, силѣ; только вмѣсто: *услыши,* говорится опредѣленно: *спаси мя;* а въ виду имѣется опять все тоже: *и сохраню свидѣнія Твоя.* Очами ума и желаніями сердца обнялъ онъ эти свидѣнія, и къ одному стремится, чтобы перевесть ихъ въ жизнь свою, и по нимъ образовать нравъ свой такъ,

чтобы между ними, какъ первообразомъ, и его собственнымъ внутреннимъ и внѣшнимъ строемъ не было разности, и послѣдній представлялъ вѣрную копію перваго. Дѣло это, сколько желательно, столько же и затруднительно. Еслибы для успѣха въ немъ достаточно было одного желанія. то оставалось бы только возвысить такое желаніе, напрячь соотвѣтственно тому силы, — и цѣль была бы достигнута. Но такъ какъ чрезъ море не перенесешься безъ корабля, сколько ни желай и ни напрягай силъ: такъ не сможешь стать полнымъ осуществителемъ заповѣдей Божіихъ, безъ помощи свыше, какъ бы ни было сильно желаніе твое и напряженны усилія. Потому Пророкъ прежде говоритъ: *спаси,* а потомъ—*сохраню.*

Изъ совмѣстнаго выраженія желаній: *спаси и сохраню*, очевидно, что въ словѣ *спаси* онъ совмѣщаетъ полученіе всего, что необходимо для сохраненія свидѣній Господнихъ. Онъ говоритъ какъ бы такъ: даруй мнѣ спасительныя силы, и сохраню свидѣнія Твои, такъ какъ безъ этого я не смогу сохранить ихъ, не смогу совершить дѣла, которое и Ты отъ меня требуешь, совершить которо́е и я всѣмъ желаніемъ желаю. Блаж. Августинъ пишетъ: „спасеніе (то-есть, полученіе того, что означается здѣсь словомъ *спаси*) даетъ душѣ возможность дѣломъ совершить то, что сознаетъ она для себя обязательнымъ и достодолжнымъ; а гдѣ нѣтъ этого спасенія, тамъ душа падаетъ въ изнеможеніи.“ Что именно такое есть это спасительное, вымаливаемое здѣсь,—Пророкъ не указываетъ; но его хорошо узнаетъ и твердо знаетъ тотъ, кто приступаетъ къ дѣлу. Хоть мысленно и можно объ этомъ гадать, но существенно узнается оно на дѣлѣ. Часто одно и тоже нужное, у одного бываетъ таково, у другаго иное; потому, можетъ быть, онъ и не опредѣлилъ этого точно. Словомъ: *сохраню*, Пророкъ не

самонадѣянность выражаетъ, а то, что какъ скоро получится оное спасительное, то необходимымъ слѣдствіемъ того будетъ храненіе свидѣній. Не онъ будетъ хранящій, а та сила спасительная сама уже будетъ хранить, коль скоро получится.

Стихъ сто сорокъ седьмой.

Предварихъ въ безгодіи, и воззвахъ: на словеса Твоя уповахъ.

Безгодіе—ἀωρία, отъ ὥρα—часъ съ отрицательною частицею α; стало быть выйдетъ такъ: *предварихъ* не въ обычный часъ. Еще всѣ спятъ, а я, упреждая всѣхъ, встаю и становлюсь на молитву, взывая къ Тебѣ. Дѣлаетъ же онъ такъ потому, что возъуповалъ на словеса Божіи, на обѣтованіе слышать молитву молящихся: *воззоветъ ко Мнѣ, и услышу его* (Пс. 90, 15). Въ этомъ смыслѣ здѣсь выражается напряженность исканія, съ указаніемъ того, чѣмъ оно воодушевляется. Искать, не щадя силъ и не жалѣя себя,—искать, окриляясь упованіемъ—это настоящій строй духа, желающаго угодить Богу и молящагося о томъ. Блаж. Ѳеодоритъ пишетъ: „Пророкъ былъ царь, обремененный тысячами заботъ; кромѣ того, несъ военные подвиги, а все таки приносилъ молитвы Богу, и не только съ разсвѣтомъ дня, но даже среди ночи, не дожидаясь пѣнія пѣтуховъ. Такъ любилъ онъ Творца-Бога; такъ усердно испрашивалъ у Него помощи.“ Предметъ исканія и уповательнаго взыванія тотъ же, что выше—полученіе спасительной силы на образованіе себя по заповѣдямъ. чтобы стать благоугоднымъ Богу. Вседушно искать этого и искать болѣе всего надлежитъ каждому изъ насъ, подражая Пророку, который ради того не давалъ сна очамъ своимъ. Горѣніе духа жаждущаго отгоняло его сонъ. Но если въ

ночи такъ,—что же днемъ? Въ иномъ же мѣстѣ выражено: я сплю, а сердце мое бодрствуетъ. Таково истинное исканіе! Оно непрерывно.

Но *безгодіе*, какъ и у насъ *безвременье*, можетъ означать безуспѣшность трудовъ, недостаточность необходимонужнаго, стѣсненность положенія. Такъ разумѣетъ это слово св. Аѳанасій. „Безгодіемъ, говоритъ онъ, Пророкъ называетъ тьму или смутность обстоятельствъ.“ Въ такомъ случаѣ выйдетъ вотъ что: находясь въ крайности, *предварихъ*, то есть, прежде всего поспѣшилъ обратиться къ Тебѣ, Господи, какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ: *предваримъ лице Его* (Пс. 94, 2), поспѣшимъ, то-есть, обратиться къ Нему. Какая же это крайность? Что за тьма и смутность обстоятельствъ? Можетъ быть, онъ разумѣетъ и тѣсноту внѣшняго положенія; но такъ какъ рѣчь идетъ о вѣрнѣйшей сообразности съ заповѣдями, то, по мысли св. Амвросія, лучше думать, что здѣсь разумѣются тѣ крайности, которыя внутри случаются съ ревнующимъ о нравственно-религіозномъ преспѣяніи. Находитъ тьма помышленій и омрачаетъ свѣтлость сознанія; возстаетъ буря нечистыхъ похотѣній и отгоняетъ трезвенность сердца; не знать откуда находитъ разслабленіе и подрываетъ всю энергію; бодутъ остны безпокойныхъ чувствъ скорби, унынія, боязней, и заставляютъ метаться туда и сюда, подобно ужаленному. Все это, совокупляясь вмѣстѣ, колеблетъ самое коренное намѣреніе и ревнованіе—быть неуклонно вѣрнымъ Господу и заповѣдямъ Его. Куда обратиться въ такомъ крайнемъ и томительномъ безгодіи? Спѣши предварить лице Господа. *Близъ Господь сокрушенныхъ сердцемъ, и смиренныя духомъ спасетъ* (Пс. 33, 19). Терпи и не переставай молиться, уповай—и Господь все уравнитъ, умиритъ и успособитъ, какъ вѣдаетъ.

Стихъ сто сорокъ осьмой.

Предваристъ очи мои ко утру, поучитися словесемъ Твоимъ.

Рано, говоритъ Пророкъ, спѣшу я открывать очи мои,— заставляю себя просыпаться *ко утру,* чуть свѣтъ. затѣмъ, чтобы поучаться словесамъ Господнимъ. *Поучаться*—читать на память или по книгѣ слово Божіе и размышлять. Блаж. Ѳеодоритъ пишетъ: „Не только въ продолженіе дня, но и по утрамъ поучался онъ въ Божіихъ законахъ. А мы, живя въ бѣдности. избавленные отъ всѣхъ заботъ, проводимъ ночи, покоясь на ложѣ. и съ наступленіемъ дня не приносимъ пѣснопѣнія Подателю благъ.“ Св. Амвросій внушаетъ: „какъ сладостно начинать день созерцаніемъ, напримѣръ. блаженствъ, о которыхъ пишется въ Евангеліи! Какъ благопоспѣшительно изъ устъ Христа Господа, изрекающаго сіи блаженства. воспринимать возбужденія къ добродѣтелямъ, какія тамъ указываются, и полагать намѣреніе осуществлять ихъ въ продолженіи дня!“

Положившему образовать себя по нормѣ, начертанной Богомъ въ словѣ Его, необходимо изучать это слово, дабы видѣть, что перенимать, и научиться, какъ въ этомъ успѣть. Общій первообразъ, какимъ себя слѣдуетъ представить, хотя и носится въ умномъ созерцаніи; но такова участь помышленій нашихъ, что, не будучи повторяемы и возъочищаемы въ сознаніи, они тускнѣютъ. помрачаются и забываются, а чрезъ это теряется нить, могущая руководить въ лабиринтѣ жизни. Значитъ, не полагаясь на себя, надо возъочищать этотъ первообразъ. чтобъ оживлять и ревность, и умѣнье ревновать. Къ тому же, единую по духу жизнь надо разно-

образить въ ея проявленіяхъ, чтобы не увяла живость ея. На это разноображеніе дѣяній нигдѣ нельзя такъ удобно найти благопотребныхъ внушеній, какъ въ словѣ Божіемъ. Духъ Божій, присущій слову Своему, отлагаетъ, при поученіи въ немъ, въ сердце, отверстое для него, сѣмена спасительныхъ начинаній, которыя, бывъ приняты сочувственно, приводятся потомъ въ дѣло съ соотвѣтственнымъ усердіемъ, и среди другихъ дѣлъ оказываются и умѣстными и многоплодными.

Стихъ сто сорокъ девятый.

Гласъ мой услыши, Господи, по милости Твоей: по судьбѣ Твоей живи мя

Высказавъ стремленія сердца своего образовать себя по волѣ Божіей, выражающейся въ заповѣдяхъ Божіихъ, постенавъ о немощи своей достигнуть сего, Пророкъ возноситъ молитву о помощи свыше и оживляетъ начертавшійся въ умѣ его первообразъ жизни поученіемъ въ словѣ Божіемъ. Сознавая, за тѣмъ, что все отъ Бога,—и начинанія и дѣла, онъ молится: *услыши Господи;* видишь, чего хочу, къ чему стремлюсь, о чемъ вопію,—услышь же и поспособствуй!

Услыши—*по милости,* а *живи*, ниспосли, то есть, живительную силу, или даруй жизни моей раскрыться,—по *судьбѣ Твоей,* по присужденію Твоему, какъ находишь то благопотребнымъ и спасительнымъ для меня. „Проситъ, толкуетъ блаж. Ѳеодоритъ, милости, и не просто просить милости, но согласно съ опредѣленіемъ, имѣющимъ въ виду пользу.“ Прося милости, онъ выражаетъ упованіе, понуждающее на милованіе; предавая же дарованіе оной Божію присужденію, выражаетъ смиреніе, которое есть глубокій и широкій сосудъ къ пріятію даровъ милости, раздражающій, такъ сказать, щедродательность Божію.

Слова: *по судьбѣ Твоей живи мя*,—означаютъ не одну мѣру живоносныхъ дарованій, но и всю участь пріемлющаго ихъ. Но такъ какъ неизслѣдованы пути каждаго изъ пріемлющихъ, то благопотребно молиться такъ: *ими же вѣси судьбами, спаси мя*. Не ко всѣмъ все идетъ, и не всякому всякій путь пригоденъ. Иной съ большимъ умомъ гибнетъ, другой и съ посредственнымъ спасается; одному счастіе—препона, другому благопотребнѣе тѣсная жизнь; тотъ льготностями оживляется, а этого притрудности приводятъ въ напряженіе. Мы не можемъ навѣрное знать, что для насъ лучше. Потому разумнѣе, молясь, не вопить: дай то, возьми это, а предавая все Божію усмотрѣнію, смиренно взывать: *по судьбѣ Твоей живи мя;* то-есть, какъ присудишь лучше, такъ и устрой мою жизнь. Отобразить въ себѣ норму жизни нравственно-религіозной, какъ она начертана Самимъ Господомъ, можно во всякомъ состояніи и при всякой мѣрѣ дарованій; ибо та сторона существа нашего, въ которой отображается эта норма, независима отъ той, которою зиждется состояніе и раскрываются дарованія. Она позади этой, или выше ея, и, по причинѣ сей высоты своей, можетъ безопасно *благоспѣшится и хранится*, при всей невзрачности внѣшняго положенія и скудости цѣнимыхъ людьми житейскихъ проявленій жизни.

Стихъ сто пятидесятый.

Приближишася гонящіи мя беззаконіемъ: отъ закона же Твоего удалишася.

Гонящіе меня, говоритъ Пророкъ, беззаконіемъ, или беззаконно, приблизились; къ кому, или къ чему? Къ нему же, готовые схватить его. Бѣда,—какъ бы такъ говоритъ онъ,—надъ головою, вотъ-вотъ поразятъ меня враги мои; помоги, спаси,—можно доразумѣвать тутъ.

А почему это такъ, объясняется слѣдующими словами: потому что они удалились отъ закона Твоего. Въ лицѣ моемъ они преслѣдуютъ законъ Твой; потому-то они враги не мои только, но и Твои. Заступись же, не меня ради, но ради закона Твоего.

Зигабенъ пишетъ, что иные читаютъ—не *беззаконіемъ приближишася*, а къ *беззаконію*. Это и къ составу стиха лучше идетъ, ибо вторая часть прямо будетъ отвѣчать первой: къ беззаконію близки, а отъ закона Твоего далеки,—и теченію рѣчи болѣе соотвѣтствуетъ. Во всемъ осмистишіи говорится о приближеніи къ нормѣ жизни, указуемой заповѣдями. Въ этомъ же стихѣ Пророкъ возъимѣлъ намѣреніе оттѣнить эту свѣтлую сторону жизни противоположеніемъ. Я, говоритъ, ищу, какъ бы нравъ свой образовать по закону Твоему, какъ бы приблизиться къ нему жизнію; а гонящіе меня, люди противоположнаго направленія, заботятся о томъ, какъ бы больше и больше преуспѣвать въ беззаконіяхъ, сближаться съ ними, стать сущимъ беззаконіемъ. Но чѣмъ больше они въ этомъ успѣваютъ, тѣмъ больше отдаляются отъ закона Твоего,—отъ той нормы, по которой Ты опредѣлилъ людямъ образовать нравъ свой,—удаляются отъ главной цѣли человѣка, и чрезъ то дѣлаются какъ бы не человѣками.

Зачѣмъ Пророкъ поминаетъ здѣсь объ этомъ? Для возбужденія ревности своей. Я, говоритъ, къ закону Твоему, Господи, льну, а тѣ—вонъ куда пошли. Вижу, куда ведетъ путь ихъ, и чѣмъ кончатся замыслы ихъ. Отобразятъ они въ себѣ беззаконіе и станутъ ходячимъ грѣхомъ; а чрезъ это примутъ образъ отца всякаго грѣха и беззаконія, безобразнѣйшаго противника всякому добру, — образъ сатаны. Вижу это, и не только отвращаюсь отъ пути того, но и ужасаюсь его. Уклоненіе отъ закона Твоего считаю самымъ бѣдственнымъ шагомъ

въ жизни. Это тоже, что покушеніе на жизнь, ибо не въ тѣлѣ центръ жизни, а въ душѣ; душа же, удаляющаяся отъ закона Твоего, а чрезъ то и отъ Тебя, мертва. Каждый актъ удаленія такого есть нанесеніе смертнаго удара душѣ. Сознавая это, я и ревную о законѣ Твоемъ, и докучаю Тебѣ о помощи, не обращая вниманія на то, каково будетъ внѣшнее мое положеніе.

Стихъ сто пятьдесятъ первый.

Близъ еси Ты, Господи, и вси путіе Твои истина.

Господь близъ всѣхъ и всюду, какъ вездѣсущій. Но не всѣ сознаютъ это, а сознавши, не всѣ держатъ въ постоянномъ вниманіи. Вина этого не въ Господѣ, а въ насъ. Когда тѣло здраво, оно съ пріятностію ощущаетъ окружающую его теплоту; а когда оно разстроено (въ лихорадкѣ, напримѣръ), то случается, что не только не чувствуетъ теплоты, а напротивъ, обдается холодомъ. Такъ и здѣсь: Господь близъ, и всѣхъ обнимаетъ. Есть, которые чувствуютъ объятія Его, а есть, которые не чувствуютъ, или хотятъ вырваться изъ нихъ. Чувствуютъ тѣ, которые живутъ по заповѣдямъ Божіимъ. Заповѣди Божіи, обращаясь въ нравъ чрезъ постоянное ихъ исполненіе, чрезъ добродѣтели, образуютъ въ душѣ стороны богоподобія и чрезъ то точки соприкосновенія къ ней Бога, Которому уподобилась она добродѣтелями, не внѣшняго только, каково содержаніе всяческихъ вседержительствомъ, а внутренняго, каково вселеніе Божіе, наподобіе проникновенія желѣза огнемъ. Кто сталъ такимъ, тотъ носитъ Бога, и не можетъ не исповѣдать, что близъ Господь; а сознавая, что это дано ему ради вѣрности закону, не можетъ не свидѣтельствовать, что этотъ законъ есть истина.

Такъ содѣлывается Господь близъ—дѣломъ, живою

близостію. Но этому предшествуетъ наша къ Нему близость—мыслію, созерцаніемъ, исканіемъ. Понуждающій себя приближаться къ Богу привлекаетъ живую близость Господа къ себѣ. Это понужденіе простирается на всѣ силы человѣческаго естества. Нудящій себя умомъ быть близъ Господа хранитъ память о Немъ и ходитъ въ присутствіи Его, подражая Пророку, который говоритъ: *предзрѣхъ Господа предо мною, яко одесную мене есть* (Пс. 15, 8). Нудящій себя сердцемъ приблизиться къ Господу отрываетъ себя отъ всякаго пристрастія, чтобы сердце его не было занято ничѣмъ, кромѣ Господа. А созерцая всегда умомъ Господа и обращая ликъ Его въ сердцѣ своемъ, онъ старается подражать Ему во всемъ, чтобы быть подобнымъ и благоугоднымъ Ему. Черты Господа отображены въ законѣ Его; потому-то, отъ созерцанія ихъ онъ естественно переносится къ созерцанію заповѣдей, и видя, что они совершенно одни и тѣже, исповѣдуетъ: и здѣсь въ законѣ Твоемъ тоже, что въ ликѣ Твоемъ, созерцаемомъ мною умственно. Законъ Твой есть истинное отображеніе Тебя Самого, и есть истиненъ, на сколько Ты Самъ истина. Тебѣ ли стану подражать, или законъ Твой исполнять,—тѣмъ и другимъ я буду близъ Тебя и удостоюсь того, что и Ты будешь близъ меня. Это и есть единственно истинный путь.

Стихъ сто пятьдесятъ второй.

Исперва познахъ отъ свидѣній Твоихъ, яко въ вѣкъ основалъ я еси.

Законъ образованія себя по заповѣдямъ Божіимъ состоитъ въ томъ, чтобы сначала созерцать въ нихъ близъ сущимъ Господа-законодателя, а потомъ имѣть Его близъ себя и въ себѣ. Законъ этотъ вѣченъ; онъ положенъ на

вѣчныя времена, и не можетъ быть ни отмѣненъ, ни измѣненъ. Объ этомъ и говоритъ здѣсь Пророкъ, прилагая къ сему, откуда и когда онъ это узналъ.

Исперва, съ перваго, то есть, раза. Лишь только созналъ себя, лишь только приступилъ къ жизни по заповѣдямъ, тотчасъ и позналъ, что они на вѣкъ основаны. Откуда-жъ онъ это позналъ? *Отъ свидѣній.* Если свидѣнія принять только, какъ доказательство, то будетъ: позналъ изъ Твоихъ свидѣтельствъ и удостовѣреній, Господи. Самъ Ты, давая заповѣди, сказалъ, что онѣ вѣчны и неизмѣнны. Если же подъ свидѣніями, какъ и во всемъ псалмѣ, разумѣть прямо заповѣди, данныя Богомъ и скрѣпленныя Его авторитетомъ, то будетъ: позналъ изъ самыхъ заповѣдей, изъ свойствъ, изъ содержанія, изъ дѣйствія ихъ. что они вѣчны. Печать неизмѣнности лежитъ на челѣ ихъ; только взглянулъ я, и увидѣлъ, что такъ оно и есть.

Такимъ убѣжденіемъ скрѣпляетъ онъ всѣ употребленныя предъ симъ выраженія своихъ рѣшеній и порывовъ на жизнь по заповѣдямъ: *взыщу, сохраню.* Онъ говоритъ, какъ бы такъ: иначе нельзя. Таковъ строй духовнаго естества моего, такова воля Вседержителя Бога, таковы порядки всего сущаго, что жить мнѣ слѣдуетъ такъ, какъ отображено въ заповѣдяхъ Божіихъ. а не иначе. Зачѣмъ же онъ печатлѣетъ это въ сознаніи, или вызываетъ изъ него? Затѣмъ, чтобы привесть въ напряженіе, въ энергію свои нравственно-религіозныя силы. Рѣшительное „нельзя иначе“ раждаетъ чувство безвыходности, а это чувство не даетъ сидѣть опустя руки. Кто увидитъ, что или надо дѣйствовать такъ и такъ, или гибнуть, тотъ не можетъ, хотя бы и задумалъ, удержать себя, чтобы тотчасъ не начать и дѣйствовать; ибо кто же позволитъ себѣ гибнуть, когда есть исходъ, сколько бы онъ труденъ ни былъ? Нарушители заповѣдей откуда

берутъ смѣлость къ нарушенію ихъ? Изъ того ложнаго самообнадеженія, что „авось ничего; можно и такъ.“ У кого жива совѣсть, что говоритъ тотъ своимъ и чужимъ внушеніямъ преступить заповѣдь какую нибудь? Нѣтъ,—нельзя. Его разувѣряютъ, что можно и иначе, а онъ твердитъ одно: нѣтъ, нельзя; что вы тамъ ни говорите,—нельзя. И это „нельзя“ спасаетъ его отъ преступленія. Неповрежденная совѣсть тѣмъ и дорога, что въ ней воздвигнута и твердо стоитъ эта стѣна огражденія: „нельзя.“

ДВАДЦАТОЕ ОСМИСТИШІЕ.

Двадцатое осмистишіе идетъ подъ буквою *Рцы*—голова.

Голова обыкновенно примѣняется въ значеніи чего либо главнаго, существеннаго, какъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ словахъ: *глава же о глаголемыхъ* (Евр. 8, 1). Это тоже, что существо дѣла или предмета, существенныя черты и принадлежности его, безъ которыхъ онъ не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ долженъ быть. Въ нравственной жизни этимъ словомъ можно означить главныя расположенія сердца, на которыхъ держится и которыми приводится въ движеніе эта жизнь со всѣми ея проявленіями,—строй сердца, спасающагося и богоугоднаго.

Такія расположенія Спаситель указалъ въ изложеніи блаженствъ, именно: смиреніе, сокрушеніе, кротость, правдолюбіе, милостивость, чистота сердца, миролюбіе, терпѣніе, упованіе. Подобныя симъ расположенія указалъ и св. Павелъ въ исчисленіи плодовъ Святаго Духа въ сердцѣ вѣрующаго: *любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе* (Гал. 5. 22, 23). Есть и въ другихъ мѣстахъ Писанія такія указанія. Къ числу ихъ слѣдуетъ отнести и настоящее осмистишіе. Здѣсь указываются—смиреніе, чи-

стота совѣсти, взысканіе оправданій. упованіе спасенія, терпѣніе, ревность о доброй нравственности другихъ, любовь богопреданная, и наконецъ. убѣжденіе въ непреложности заповѣдей Божіихъ.

Стихъ сто пятьдесятъ третій.

Виждь смиреніе мое, и изми мя: яко закона Твоего не забыхъ.

Смиреніе есть такое расположеніе духа, по которому, украшаясь многими совершенствами, считаютъ себя такими, какъ бы въ нихъ не было ничего добраго, а потому и ставятъ себя ниже всѣхъ. Сознавая же себя безсильными сдѣлать что либо достодолжное, испрашиваютъ у Бога на всякое доброе дѣло силы—начать его, продолжить и окончить; а совершивъ его, воздаютъ благодареніе Богу, яко совершителю, ничего не приписывая себѣ. Такое расположеніе духа есть корень жизни духовной. Безъ него не ждите помощи Божіей, а безъ помощи Божіей ни въ чемъ не успѣете. Пророкъ и ставитъ такое расположеніе во *главѣ*.

Смиреніемъ называется и то еще. когда кто бываетъ смиряемъ внѣшними обстоятельствами—лишеніями, утѣсненіями, болѣзнями, нуждами, потерями близкихъ и т. п. Можетъ показаться, что именно объ этомъ смиреніи и поминаетъ здѣсь Пророкъ, ибо, сказавъ: *виждъ смиреніе мое,* прибавляетъ: *и изми мя,* исторгни то-есть, меня изъ внѣшнихъ смирительныхъ обстоятельствъ. Нѣтъ сомнѣнія, что хотя и это было, но Пророкъ, минуя то, останавливаетъ взоръ Божій на смиреніи сердечномъ—единомъ достойномъ Его воззрѣнія. Только на томъ основаніи, что оно присуще сердцу, могъ онъ дерзновенно воззвать къ Богу *изми мя.* Это равносильно просьбѣ больнаго къ врачу: сними пластырь; рана уже зажила.

Покорствую, смиряюсь, сознаю, что я—ничто. Воззри же, Господи, на это самоуничиженіе мое, и высвободи меня отъ прискорбныхъ случайностей. *яко закона Твоего не забыхъ.* И большой грѣшникъ можетъ иногда приходить въ самоуничиженное чувство своего непотребства; но ему не пристало воззвать къ Богу *виждь*... Нельзя ему воззвать и *изми мя,* ибо за что изъять, когда всю жизнь валяется онъ въ похотяхъ? Только то самоуничиженіе цѣнно передъ Богомъ, которое имѣется при полной вѣрности закону Его, и только то воззваніе *изми мя* сильно, когда при немъ совѣсть не укоряетъ, что когда нибудь и въ чемъ нибудь былъ забытъ законъ Божій.

Вѣренъ закону смиренный, но ничего себѣ не присвоиваетъ, не считаетъ себя стоющимъ чего либо, не думаетъ, что благосостояніе есть неотъемлемый удѣлъ его, потому и молится: *изми,* прося сего, какъ милости. Говоря же: *яко закона Твоего не забыхъ,* онъ хочетъ сказать только то, что есть рабъ Божій. Я—рабъ Твой, ни въ чемъ не нарушающій волю Твою; *изми* же *мя,* славы ради имени Твоего,—чтобы всѣ видѣли, что Тебѣ не чужды не забывающіе закона Твоего.

Стихъ сто пятьдесятъ четвертый.

Суди судъ мой, и избави мя: словесе ради Твоего живи мя.

Потерпѣвшій напраслину или обиду идетъ къ судьѣ и говоритъ ему: разбери дѣло мое. Смѣлость говорить такъ даетъ ему сознаніе, что онъ правъ. Но къ людямъ можно обращаться за судомъ праведнымъ и безъ сознанія своей правоты, въ надеждѣ какъ нибудь прикрыть свою неправоту. Къ Богу же обращаться за судомъ праведнымъ нельзя, когда совѣсть обличаетъ тебя въ

неправотѣ, а сознанію присуще убѣжденіе, что Богъ видитъ неправоту твою. Такой человѣкъ, еще прежде суда, уже самоосужденъ предъ Богомъ. Если Пророкъ обращается къ Богу за судомъ, то потому, что имѣетъ совѣсть чистую, и что совѣсть эта ни въ чемъ не обличаетъ его предъ Богомъ. Соблюденіе совѣсти въ такой чистотѣ и есть одно изъ коренныхъ расположеній сердца, угождающаго Богу.

Что говоритъ грѣшникъ, въ покаяніи обращающійся къ Богу? Согрѣшилъ,—не буду. Не буду болѣе грѣшить, не позволю себѣ сознательно отступить отъ заповѣдей Твоихъ ни словомъ, ни дѣломъ. ни помышленіемъ. Какую заботу имѣетъ онъ затѣмъ, получивъ прощеніе, и будучи принятъ опять въ число устремившихся истинно работать Богу? Ту, чтобы ни въ какомъ дѣлѣ, — большое ли оно, или малое,—не поступить противъ совѣсти, просвѣщенной вѣдѣніемъ заповѣдей Божіихъ. Посему, на что ни рѣшается онъ, рѣшается по сознанію, ясному и опредѣленному, что дѣло его право предъ Богомъ. Такъ идутъ всѣ его дѣла; совѣсть его — небо чистое; нѣтъ ни одного облачка, омрачающаго его. Чуть что случится, —въ мысляхъ ли, чувствахъ ли, въ движеніяхъ ли пожеланій, — тотчасъ оно очищается покаяніемъ, и свѣтлость сознанія возстановляется.

Эта свѣтлость и чистота составляютъ отраду жизни по заповѣдямъ, несмотря на всѣ притрудности внѣшнія и внутреннія. Въ ней—опора такой жизни; въ ней же и дерзновеніе предъ Богомъ. Какъ невинное дитя, смѣло ходитъ предъ Богомъ чистый совѣстію, и безъ смущенія обращается къ Нему въ молитвѣ своей. Да молитва и не можетъ иначе зачаться и созрѣть, какъ подъ сознаніемъ чистоты совѣсти. Ее всѣ истинные подвижники и поставляютъ водительницею или дверію молитвы.

Такое-то состояніе усматривается въ Пророкѣ, когда

онъ смѣло взываетъ къ Богу: *суди судъ мой.* Хочешь достигнуть возможности и самому такъ же смѣло взывать? Сохрани совѣсть свою чистою во всемъ. Но надежду, что ты будешь услышанъ, полагай не въ этомъ, а въ одной милости Божіей; потому-то Пророкъ и прибавляетъ дальше: *словесе ради Твоего живи мя. Живи мя* — тоже, что *избави мя.* Внѣшнія скорби дѣлаютъ человѣка словно не живымъ, потому и говорится: „убитый человѣкъ.“ Избавленіе отъ скорби есть оживленіе убитаго горемъ. Пророкъ молится оживить его чрезъ избавленіе отъ того, что дѣлало его убитымъ. Ради чего? *Словесе ради.* Какое же это слово? Слово обѣтованія Божія — быть покровомъ для тѣхъ, кои вѣрны Ему не внѣшне только, но по свидѣтельству совѣсти своей. Слово же обѣтованія таково: *воззоветъ ко Мнѣ, и услышу его: съ нимъ есмь въ скорби изму его... и явлю ему спасеніе Мое* (Пс. 90, 15. 16). Памятуя сіе обѣтованіе, Пророкъ и воззвалъ: *словесе ради Твоего живи мя.* Совѣсть увѣряла его, что онъ ни въ чемъ не виноватъ, но такъ какъ помилованіе не заключено въ этомъ увѣреніи совѣсти, а находится въ милующей десницѣ Божіей, то къ ней и взываетъ онъ: избавь, какъ обѣщалъ Ты, Господи; ибо хоть совѣсть моя въ ни чемъ не укоряетъ меня, но, можетъ быть, око ея не такъ острозорко, чтобы все увидѣть до малѣйшихъ подробностей, среди коихъ можетъ укрываться что нибудь и достойное укора. Только очи Божіи, *свѣтлѣйшіи паче солнца,* прозрѣваютъ сокровеннѣйшее (Сирах. 23, 27). Потому Пророкъ хоть и не боялся суда Божія, по суду своей совѣсти, но, помянувъ, что она можетъ иногда и безъ покривленія своего, ненамѣренно не видѣть какой нибудь неисправности, всю надежду свою возлагаетъ на милостивое обѣтованіе Божіе. *Ничтоже въ себѣ свѣмъ, но ни о семъ оправдаюся* (1 Кор. 4, 4). Таково должно

быть состояніе и расположеніе возревновавшихъ истинно угождать Богу.

Стихъ сто пятьдесятъ пятый.

Далече отъ грѣшникъ спасеніе, яко оправданій Твоихъ не взыскаша.

Чистота совѣсти зависитъ отъ неопустительнаго исполненія всего, что совѣсть считаетъ обязательнымъ для себя, и отъ устроенія всей своей дѣятельности, какъ внѣшней, такъ и внутренней такого, чтобы въ ней не проскользало ничто несообразное съ заповѣдями Божіими. Но такого характера дѣятельность человѣка получить не можетъ, если онъ живетъ, какъ живется, безъ острозоркаго вниманія къ себѣ и ко всему тому, что вокругъ его, и безъ смотрѣнія на все это сквозь призму заповѣдей. Только тогда это возможно, когда онъ будетъ внимательно слѣдить за всѣмъ текущимъ, сличать то съ заповѣдями и, опредѣливъ по нимъ обязательный для себя образъ дѣйствованія, ужъ и дѣйствовать такъ. Ведя такимъ способомъ дѣла свои, онъ будетъ устроять жизнь свою праведно. А это и есть взысканіе оправданій. Кто его не имѣетъ, отъ того далеко спасеніе; а кто имѣетъ, къ тому оно близко. Это послѣднее и желаетъ внушить Пророкъ, „чрезъ противоположеніе“, какъ замѣчаетъ блаж. Августинъ.

Взысканіе оправданій не есть только изслѣдованіе и разсмотрѣніе: это лишь начало и подготовка. Взыскать—значитъ познавать и дѣлать. Идущій по слѣдамъ въ пустынѣ, какъ только увѣрится, что тотъ или другой слѣдъ есть настоящій, тотчасъ вступаетъ на него и идетъ по нему, ничтоже сумняся, пока не встрѣтитъ другаго пересѣкающаго слѣда. Рѣшивъ тутъ, по какому слѣду идти, опять идетъ не останавливаясь по тому слѣду, ко-

торый признаѣ настоящимъ. Такъ и въ нравственной жизни: разсмотрѣніе того, что право, есть только начинательное и руководящее дѣло; а самую жизнь составляетъ дѣйствованіе по усмотрѣнному. И только отъ того, кто такъ дѣйствуетъ, не далеко спасеніе, а не отъ того, кто только разсматриваетъ, не двигаясь съ мѣста. Послѣдній походитъ на человѣка, который, сидя въ покойномъ креслѣ, пишетъ маршруты.

Хорошо и разсуждать о достодолжномъ; но въ этомъ меньше нужды, чѣмъ въ подвизаніи себя по достодолжному. Общія правила достодолжнаго всѣмъ вѣдомы и у всѣхъ на языкѣ. Если что остается дополнять, такъ это частное приложеніе ихъ къ предлежащему случаю. Но и за этимъ, кажется, не должно стоять дѣло, а можетъ быть и не стоитъ, ибо натуральная наша логика въ насъ же, и совѣсть тутъ. Они сейчасъ и предуказываютъ должное, такъ что послѣ нихъ рѣдко когда предлежитъ трудъ и особому разсужденію, развѣ при запутанныхъ какихъ либо сочетаніяхъ случайностей. Дѣло не за этимъ, а за тѣмъ, что дѣется тамъ, внутри. Иной человѣкъ съ совершенно противными оправданіямъ Божіимъ началами помучаетъ здравую логику, и помучаетъ не основательностію своихъ предъявленій, а тѣмъ, что всегда встрѣчаетъ скрытное сочувствіе себѣ гдѣ-то въ глубинѣ сердца, или сзади его, которое даетъ силу его предъявленіямъ, какъ бы онѣ ни были пусты и ничтожны. Какъ только покажется такое предъявленіе, всѣ здравыя разсужденія распадаются въ прахъ, и дѣло покривляется. Чтобъ этого не было, надобно заложить въ сердце теплое усердіе къ достодолжному и ревнованіе о немъ. Это ревнованіе и усердіе будутъ, какъ стѣна, отражать все противоположное, и дѣла всего будутъ идти право. Человѣку честному только намекъ сдѣлай о чемъ либо безчестномъ,— онъ тотчасъ съ гнѣвомъ возстаетъ про-

тивъ этого, и что вы ни предъявляйте ему, онъ слушать не станетъ. Такъ бываетъ и съ тѣмъ, кто сталъ усердствовать о нравственно-достодолжномъ. Его ужъ никакія противоположныя предъявленія не собьютъ съ толку. Такое-то усердіе и есть собственно взысканіе оправданій, а вѣдѣніе и разслѣдованіе есть только помогающее дѣло. Отъ чего не спѣется жизнь по оправданіямъ Божіимъ? Отъ того, что усердія къ нимъ нѣтъ, хоть знанія и много. Потому-то справедливо Пророкъ, въ числѣ главныхъ условій спасительной жизни, поставилъ взысканіе оправданій. Безъ него нѣтъ и самаго теченія такой жизни; оно пресѣкается.

Стихъ сто пятьдесятъ шестой.

Щедроты Твоя многи, Господи: по судьбѣ Твоей живи мя.

И взысканіе оправданій есть, и притомъ такое усердное, что даже совѣсть не обличаетъ ни въ какой оплошности; но все таки не въ этомъ основа спасенія. *Кто чистъ отъ скверны, аще и единъ день житія его на земли?* (Іов. 14, 4). И око Божіе въ комъ не видитъ много достойнаго осужденія? Куда же обратиться? Къ щедротамъ Божіимъ. Вопій же непрестанно: *Помилуй мя, Боже, по великій милости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе мое* (Пс. 50, 3). Къ тому же, нынѣ ты стоишь, но можешь ли сказать, что и завтра будешь стоять? Если нѣтъ, то ищи вѣрной опоры. А гдѣ ты ее найдешь, кромѣ Того, Кто всегда есть одинъ и тотъ же и, содержа все, держитъ и тебя въ десницѣ Своей? Положи же себя въ эту десницу и произволеніемъ своимъ и всѣмъ строемъ расположеній твоихъ, вопія всѣмъ существомъ: *по судьбѣ Твоей, Господи, живи мя*, или другими словами: *имиже вѣси судьбами спаси мя,*

ибо жизнь и есть только спасенная жизнь, а спасеніе каждаго изъ насъ устрояетъ Господь, по судьбѣ Своей, то есть, какъ знаетъ и какъ хочетъ. И никто не спасется, кромѣ тѣхъ, кои всецѣло предаютъ себя въ руки Божіи.

Щедроты Божіи—*бездна многа* (Пс. 35, 7), бездна всеобъемлющая и всепоглощающая; но не въ нихъ спасеніе. Надо самому ревновать и не ревновать только, но и трудиться,—трудиться до послѣдняго напряженія силъ. Но и не въ этомъ опять спасеніе, а въ томъ, если Богъ начнетъ Самъ содѣвать Свое спасеніе въ насъ. А Богъ не станетъ содѣвать его, если мы не предадимъ Ему себя всецѣло, не пресѣкая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и всеусильнаго своего дѣйствованія. Вотъ въ чемъ таинство истинной жизни! Самимъ всеусильно дѣйствовать во спасеніе, а содѣвающимъ его сознавать Единаго Господа; не смѣть ни на чемъ опираться и питать упованіе спасенія неложное, сознавая его содѣвающимся въ себѣ, помимо нашихъ усилій, хотя и не безъ нихъ, а среди ихъ, равно какъ среди всѣхъ случайныхъ нестроеній внутреннихъ и внѣшнихъ, сокровенною нѣкоею силою, дѣйствующею невѣдомо какъ, хоть иногда и осязательно. Это и есть утопаніе въ щедротахъ Божіихъ многихъ, съ преданіемъ себя въ руки Божіи, подъ коимъ и въ коемъ держится и зрѣетъ упованіе спасенія, — сила воодушевляющая, укрѣпляющая и утѣшающая на путяхъ богоугодной жизни.

Упованіе спасенія имѣетъ не одну степень. Оно сначала видитъ его вдали, потомъ привлекаетъ къ себѣ, наконецъ, чувствуетъ себя обладательницею его. И все же, однако, оно—только упованіе спасенія, какъ полученіе того, что впереди. Такъ, плывущій въ кораблѣ надъ бездною водъ, хотя и чувствуетъ себя безопаснымъ, все же только уповаетъ быть перенесеннымъ чрезъ воды и ступить на твердую землю. Это чувство

есть самое сокровенное и вмѣстѣ самое характеристичное среди расположеній, обусловливающихъ вѣрность спасенія.

Стихъ сто пятьдесятъ седьмой.

Мнози изгонящіи мя и стужающіи ми: отъ свидѣній Твоихъ не уклонихся.

Упованіе спасенія даетъ силу къ перенесенію и преодолѣнію всѣхъ противностей, встрѣчающихся на пути спасенія. Противностей этихъ много,—внутри отъ страстей, со-внѣ отъ людей страстныхъ и нечистыхъ силъ. Вотъ это и есть—*мнози изгоняющіи и стужающіи*. Онѣ окружаютъ и тѣснятъ всякаго не уклоняющагося отъ свидѣній Божіихъ за то, что онъ не уклоняется отъ нихъ. Но не уклоняющемуся по сему поводу отъ свидѣній Божіихъ отъ этого не бѣда; ибо *блажени изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царствіе небесное* (Мѳ. 5, 10). И не то что будетъ ихъ это царствіе, а есть; и не то что будутъ блаженны, а суть. Прискорбности, бѣды и тѣсноты, за вѣрность свидѣніямъ Божіимъ, сами изъ себя источаютъ сладостное утѣшеніе, располагающее не чуждаться ихъ и отрѣвать, а скорѣе желать и искать, и радоваться тому, что онѣ есть. Какъ иной желаетъ горькихъ приправъ къ кушанью; такъ желаетъ прискорбностей на пути спасенія вкусившій сладости ихъ. Кто испытывалъ, какъ подъ пластыремъ жгучимъ и рвущимъ приходитъ и чувство пріятное, въ виду ощущаемаго цѣленія, производимаго имъ, тотъ нѣсколько пойметъ, какъ бываетъ тоже и при жгучихъ и рвущихъ прискорбностяхъ на пути спасенія

Условіе для этого есть неуклоненіе отъ свидѣній Божіихъ, а слѣдствіе этого есть большая ревность къ такому неуклоненію. То и другое питаютъ себя взаимно

и раждаютъ плодъ—благодушное терпѣніе. Терпѣніе, по видимому, есть какъ будто нѣчто истощающее жизнь, а на дѣлѣ оно есть ботѣніе жизни, какъ ботѣетъ древо при исходищахъ водъ; только надобно, чтобъ въ основѣ его лежала вѣрность свидѣніямъ Божіимъ. По паденіи, Богъ преисполнилъ жизнь нашу тѣмъ, что даетъ поводы терпѣть. Такъ какъ не годились мы для правильной жизни въ раю, то всѣ и терпятъ, и никого нѣтъ, кто былъ бы свободенъ отъ такого присужденія Божія. Но, присудивъ это, Богъ не отмѣнилъ кореннаго закона жизни, свойственной человѣку, — того, чтобъ она была всегда и во всемъ сообразна съ волею Божіею, выраженною въ заповѣдяхъ Его; напротивъ, строжайше подтвердилъ его и подтверждаетъ, не какъ отяжеляющій яремъ, а какъ средство облегченія и источникъ утѣшенія въ претерпѣваніи его. Такъ это и бываетъ: кто вѣренъ заповѣдямъ или свидѣніямъ Божіимъ, тому утѣшительно терпѣть, что бы онъ ни претерпѣлъ. Пророкъ и говоритъ: „много стужающихъ; но пусть ихъ! Я свое дѣло знаю, и о томъ только ревную, чтобъ не уклониться отъ свидѣній Божіихъ.“ Видимъ, что всѣ рвутся изъ узъ того, что приходится имъ терпѣть, а все никакъ не могутъ вырваться, даже при большихъ средствахъ. Отъ чего такъ? Отъ того, что не ту дорогу взяли. Надо вступить на путь свидѣній Божіихъ и благодушно терпѣть то, что приходится терпѣть. Тогда это самое претерпѣваемое начнетъ источать утѣшеніе. Вотъ и рай, не смотря на противную тому внѣшность! Тѣ, кои инымъ путемъ хотятъ водворить рай на землѣ, лишь попусту трудятся. Еще Премудрый сказалъ имъ: *суета суетствій!*

Стихъ сто пятьдесятъ осьмой.

Видѣхъ неразумѣвающыя и истаяхъ: яко словесъ Твоихъ не сохраниша.

„Если я видѣлъ, говоритъ Пророкъ, кого неразумѣвающаго, то, сожалѣя о немъ, истаявалъ, изъ ревности по богочестію“ (св. Аѳан.). „Такъ блаженный Павелъ сѣтовалъ объ іудеяхъ; такъ Самъ Владыка изъявилъ сожалѣніе объ Іерусалимѣ; такъ божественный Іеремія оплакивалъ беззаконіе народа“(бл. Ѳеод.). Неразумѣвающіе— ἀσυνετοῦντες, — не то что слабоумные или необразованные невѣжды, а тѣ, которые безумствуютъ по злой волѣ своей, хоть и знаютъ, какъ должно жить, но живутъ совсѣмъ противно тому, безобразничаютъ, и себя губя этимъ и безславя Создателя и Спасителя своего. Кто любитъ Бога, тотъ любитъ и братій своихъ. Кто любитъ добрую нравственность, тотъ не можетъ равнодушно смотрѣть, не скорбѣть и не сокрушаться сердцемъ, окруженный людьми, которые, забывъ Бога, безстрашно попираютъ законъ Его святой. Пророкъ свидѣтельствуетъ о себѣ, что онъ, взирая на это, истаялъ, какъ истаяваетъ свѣча, снѣдаемая силою огня. Такова истинная любовь къ Богу! Не себя только она держитъ на путяхъ угодныхъ Ему, но ревнуетъ, чтобъ и всѣ братія держались тѣхъ же путей, чтобы благоугождаемый Богъ утѣшался всѣми и на всѣхъ почивалъ благоволеніемъ Своимъ.

Пророкъ ничего не говоритъ о томъ, что дѣлалъ онъ, или что слѣдовало бы дѣлать тому, кто любитъ словеса Божіи, когда видитъ что ихъ знать не хотятъ и, обращаясь къ Богу, свидѣтельствовалъ только предъ Нимъ, какъ мучительно для него повсюдное несоблюденіе словесъ Божіихъ, ясныхъ, опредѣленно выражающихъ то именно, чего отъ кого требуетъ Богъ. Не есть ли и въ самомъ дѣлѣ это наилучшій способъ выраженія ревности о доброй въ людяхъ нравственности? Живи самъ, какъ должно; ни въ чемъ себѣ не поблажая и, видя другихъ, не хранящихъ словеса Божіи, снѣдайся скорбію о томъ и вопій къ Богу, какъ это больно для тебя, умоляя Его

чрезъ это самое вступиться за слово Свое, и отрезвить безумствующихъ. Учи и вразумляй жизнію; вразумлять же словомъ предоставь тѣмъ, кому дано слово, а вразумлять дѣломъ—тѣмъ, кому дана власть на это, молясь притомъ теплою молитвою, чтобы Богъ Самъ выступилъ на защиту дѣла Своего. Это не будетъ равнодушіе, хоть и можно прикрывать его такимъ образомъ дѣйствованія, а дѣло благоразумія. Можно начать дѣйствовать, но, вмѣсто поправленія дѣла, только больше разстроишь его. Молись лучше, да изведетъ Господь дѣлателей. Но если въ общности умѣстенъ такой образъ дѣйствованія, то тѣхъ, коимъ дано слово, и тѣхъ, коимъ дана власть, ничѣмъ нельзя извинить, если первые не возвышаютъ гласа своего, взошедши на кровы, а вторые безъ ума носятъ мечь, данный имъ на остепененіе и устрашеніе злыхъ. Власть эта не въ рукахъ только правительства, но и у отца надъ дѣтьми, у мужа надъ женой, у хозяина надъ всѣмъ домомъ, у старшихъ надъ младшими, у наставниковъ надъ учениками; равно какъ и слово не у однихъ пастырей, но и у всякаго, разумѣющаго дѣло и подвигаемаго смиренно высказывать вразумляющую истину устно или письменно. Сколько у насъ пишущихъ! Еслибы никто изъ пишущихъ не писалъ лукавства, а всѣ писали одну истину,—посмѣлъ ли бы кто нечествовать словомъ или дѣломъ? Какъ гласы трубные наполняли бы воздухъ вѣщанія ихъ и, вызывая всѣхъ на доброе воинствованіе, страхомъ поражали бы нехотящихъ, не дозволяя имъ и показаться наружу. Не посмѣло бы тогда беззаконіе и нечестіе ходить по стогнамъ нагло и открыто, и еслибъ не совсѣмъ было истреблено, то крылось бы гдѣ-либо въ пустыряхъ и разсѣлинахъ, подобно нетопырямъ.

Стихъ сто пятьдесятъ девятый.

Виждь, яко заповѣди Твоя возлюбихъ: Господи, по милости Твоей живи мя.

Подумаешь,—живетъ Пророкъ такъ исправно, что совѣсть ни въ чемъ его не зазираетъ; когда другіе тѣснятъ его за вѣрность закону,—не уклоняется отъ него; когда видитъ другихъ не хранящими его, снѣдается скорбію,—какое-жъ еще нужно доказательство любви къ закону? И однакожъ онъ говоритъ: *виждь, яко заповѣди Твоя возлюбихъ,*—и говоритъ Тому, о Комъ знаетъ, что предъ Нимъ все открыто. Что же онъ хочетъ выразить этимъ? То, что онъ не внѣшній только законникъ, а сердечный. „Не просто говоритъ, поясняетъ блаж. Ѳеодоритъ, — соблюдалъ я заповѣди, но возлюбилъ ихъ, хотя ничто не принуждало меня къ исполненію ихъ.“ Заповѣди лежатъ въ глубинѣ сердца моего, въ самыхъ исходищахъ жизни и заправляютъ всѣми проявленіями ея. Люблю не однѣ дѣла по заповѣдямъ, а самую чистоту нравственную, требуемую ими, самое совершенство жизни, изображаемой ими, — люблю не однѣ дѣла смиренія, но и самое смиреніе,—не одно воздержаніе отъ порывовъ гнѣва и нечистоты, но и самую кротость и цѣломудріе,—не однѣ дѣла милосердія, а самую милостивость, и проч. А что Богу говоритъ Пророкъ—*виждь,* то этимъ хочетъ выразить лишь то, что говоритъ такъ не легкомысленно, не по самомнѣнію присвояя себѣ то, чего нѣтъ, а по освидѣтельствованію себя, при свѣтѣ всевидѣнія Божія; сходя съ нимъ въ сердце, онъ видитъ не въ самопрельщеніи, а на самомъ дѣлѣ, что вседушно любитъ заповѣди Божіи. Такое расположеніе и есть начало, изъ котораго должна исходить добрая нравственность: любовь къ заповѣдямъ ради любви къ тѣмъ добродѣтелямъ, которыя онѣ внушаютъ.

Эта любовь не вынужденна, а сама собою внѣдряется или, точнѣе, возгарается, какъ скоро кто вкуситъ добродѣтели. Это отъ того, что добродѣтели не чужды намъ, но составляютъ первообразный нашъ духовный строй. Созданные по образу Божію, мы носимъ въ себѣ сѣмена всѣхъ добротъ Божіихъ. Онѣ бы однѣ и возсіявали въ сердцѣ нашемъ, еслибы чрезъ паденіе не привились къ намъ омрачающія, закрывающія и искажающія ихъ страсти. Страсти бываютъ причиною того, что въ насъ является холодность къ добродѣтелямъ, противленіе и, наконецъ, отвращеніе отъ нихъ. Не будь заповѣдей Божіихъ, можетъ быть, страсти довели бы насъ до того, что мы совсѣмъ согнали бы съ лица земли всякую добродѣтель. Но заповѣди, бывъ услышаны, чрезъ слухъ входятъ внутрь и возбуждаютъ тамъ воспоминаніе о добродѣтеляхъ и о той свѣтлости состоянія, въ какое онѣ поставляютъ человѣка, въ противоположность мрачности страстей. Это воспоминаніе располагаетъ покориться заповѣдямъ, ради сокрытой въ нихъ силы возвратить намъ потерянное, но вожделѣнно-свѣтлое состояніе духовное,—и мы покорствуемъ. На первый разъ эта покорность какъ вызывается, такъ и поддерживается однимъ чаяніемъ духовнаго добра отъ заповѣдей, и производится напряженіемъ воли. Но постоянство въ исполненіи ихъ, убивая страсти, оживляетъ заглушенныя ими въ сердцѣ добродѣтели, оживленныя возращаетъ и даетъ вкусить сладость возращенныхъ. Вкушенная сладость добродѣтели прилѣпляетъ къ ней сердце и дѣлаетъ ее неотъемлемою, потому что не со внѣ она привходитъ, а возсіяваетъ извнутри и объемлетъ сердце. Отсюда—любовь. Такъ добродѣтели, одна за другою, объемлютъ сердце и становятся предметомъ его любви. Не все вдругъ, а постепенно; всему свое время. Когда же возсіяетъ въ сердцѣ вся полнота добродѣтелей, тогда въ

радости духовной можно воззвать съ Пророкомъ: *виждь, яко заповѣди Твоя возлюбихъ,*—не ихъ только, но и добродѣтели, сокрытыя въ нихъ. Вотъ и рай духовный! Любовь эта есть наслажденіе всѣми блаженствами, отъ вкушенія сладости добродѣтелей. Вотъ какъ царствіе Божіе бываетъ внутрь насъ! Тогда и Богъ бываетъ здѣсь, не какъ временный гость, а какъ всегдашній обитатель.

Потому-то, когда, вслѣдъ за симъ, Пророкъ молится: *Господи, по милости Твоей живи мя:* то выражаетъ этимъ не иное какое желаніе, какъ то, чтобы Господь продолжалъ жить въ немъ и, живя въ немъ, оживлялъ его. Господь—источникъ жизни; и куда Онъ пойдетъ, тамъ разверзаются обильные потоки жизни сладостной и всеблаженной. Испытавшій это, когда молится: *живи мя,* то выражаетъ этимъ: не отходи отъ меня,—вѣруя, что лишь бы не отошелъ Господь, то и живительность отъ Него будетъ источаться сама собою. Господь охотно пребываетъ въ сердцѣ полномъ добротолюбія и самыхъ добротъ; но не связанъ тѣмъ, а свободно присѣщаетъ. Присѣщаетъ и отходитъ, когда и какъ Ему угодно. Но когда отходитъ,—мракъ и холодъ въ сердцѣ. Потому и нельзя не молиться: не лишай меня, Господи, милости пребыванія Твоего во мнѣ, но непрерывно живи мя, по милости Твоей.

Стихъ сто шестидесятый.

Начало словесъ Твоихъ истина, и во вѣкъ вся судьбы правды Твоея.

Если всѣ словеса Божіи представить подъ видомъ тѣла, то глава его—истина. Если представить эти словеса подъ видомъ кодекса, то заглавіе ему или надпись — истина. Убѣжденіе, что всѣ словеса Божіи,

опредѣляющія достодолжный образъ жизни нашей, суть непреложно истинны, служитъ основаніемъ жизни по симъ словесамъ. Убѣжденный въ томъ, что такъ, а не иначе, какъ въ нихъ изображено, должно жить, не можетъ ожидать какой-либо возможности къ уклоненію отъ нихъ, или изобрѣсть какой-либо предлогъ и перетолкованіе ихъ, чтобъ, и исполняя ихъ, исполнять не въ той силѣ, какъ гласятъ самыя словеса. Потому не можетъ не держать въ мысли и сердцѣ, что одно изъ двухъ неизбѣжно: или жить по слову Божію, или обречь себя на вѣчную пагубу, — вѣчную, потому что *во вѣкъ вся судьбы правды Божіей,* то-есть, сила рѣшеній Божіихъ, праведно опредѣляющихъ, посредствомъ заповѣдей, какъ слѣдуетъ намъ жить, простирается на всю вѣчность. И въ вѣчность заповѣди Божіи пойдутъ вслѣдъ насъ, и будутъ тамъ или ходатаями за насъ, или нашими обличителями. Сознавъ же такую неминучесть, можно ли еще раздумывать и колебаться, какою идти дорогой?

Врагъ знаетъ силу этихъ убѣжденій, а потому все усиліе употребляетъ къ тому, чтобы разсѣять ихъ. И успѣваетъ посредствомъ забвенія и развлеченія вниманія другими предметами, или посредствомъ страннаго какого-то рѣшенія: „авось, небось.“ Какъ только попадетъ на это душа,—и потекла жизнь, какъ придется, увлекаемая соприкосновенными теченіями общей жизни, въ которой и смятеніе и всякое нестроеніе. А врагъ тутъ и есть; онъ ловитъ свою добычу, и богатитъ ими вѣчное свое обиталище, присужденное ему и клевретамъ его.

Помнящій же заповѣди и носящій убѣжденіе, что они непреложны, стоитъ не колеблясь. Кругомъ волны, а онъ словно на утесѣ; около вѣтры бушуютъ, а онъ какъ въ уютной комнатѣ. И врагъ ничего съ нимъ не можетъ подѣлать. Бываютъ, конечно, подступы и къ нему; но

они не сдвигаютъ его съ мѣста. и не измѣняютъ направленія его жизни. Отъ того у него всегда одинъ и тотъ же строй и въ умѣ и сердцѣ, одни и тѣже порядки во внѣшней жизни. Длительность пребыванія въ одномъ и томъ же еще болѣе утверждаетъ его въ томъ.—и онъ неизмѣннымъ проходитъ. наконецъ. и среди сѣни смертной и вступаетъ въ область вѣчную, для вѣчнаго пребыванія опять таки въ томъ же, въ тѣхъ же судьбахъ правды Божіей.

Весь міръ, которому мы и предѣловъ не знаемъ. стоитъ на судьбахъ правды Божіей. но стоитъ не самъ собою: держитъ его въ этомъ всемощная десница Божія. А такъ какъ онъ не самъ собою стоитъ, то и отступать отъ этихъ судебъ самъ собою не можетъ. Мы же свободны: намъ надобно свободно подчинить себя этимъ судьбамъ. и держать себя въ нихъ. чтобъ войти въ соглашеніе и гармонію со всею совокупностію тварей. *Всяческая работна* (выше ст. 91) Господу, Творцу и Вседержителю. Отбѣгать отъ этого ига, естествомъ налагаемаго, хотя и имѣетъ призракъ храбрости. но смысла въ немъ нѣтъ никакого. ибо въ пребываніи подъ нимъ наше же благо, и временное и вѣчное. Пребывающіе подъ нимъ сами въ себѣ чувствуютъ, что такъ и должно быть; и тѣ, которые убѣгаютъ изъ-подъ него, чувствуютъ, что такъ не должно быть, даромъ что отуманены и закружены.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ ОСМИСТИШІЕ.

Осмистишіе это обозначается буквою или словомъ *шинъ*—зубъ.

Зубы, въ животномъ царствѣ суть орудіе защиты и питанія, а у людей, сверхъ того, помогаютъ говоренію. Представляя себѣ ходящаго въ законѣ Божіемъ живымъ существомъ, окруженнымъ непріязнію противъ самаго

хожденія его въ законѣ, можно спросить: чѣмъ же дано ему защищаться противъ того? Страхомъ нарушить законъ, отвѣчаетъ Пророкъ (ст. 161), надеждою благъ отъ исполненія его (—162), любовію къ нему (—163). Если соберешь подъ одинъ обзоръ всѣхъ, живущихъ по словесамъ Божіимъ, то увидишь, что именно эти орудія духовныя отражаютъ всякое движеніе, противное Божіимъ словесамъ. Къ нимъ, въ концѣ, Пророкъ присоединяетъ хожденіе предъ Богомъ (—168), которое еще крѣпче тѣхъ трехъ, и даже имъ самимъ придаетъ силу. Вотъ и зубы его. Чѣмъ занята у такого рѣчь? Богохваленіемъ, именно за блага, истекающія отъ судебъ правды Божіей (—164). Чѣмъ питается онъ? Тѣми благами, какими исполняется душа его отъ исполненія заповѣдей (165—167). Таково содержаніе этого осмистишія.

Стихъ сто шестьдесятъ первый.

Князи погнаша мя туне: и отъ словесъ Твоихъ убояся сердце мое.

Въ словахъ: „князи гнали или прогнали меня напрасно,"—нужно подразумѣвать: „нѣкогда". Пророкъ намекаетъ на Саула и царя геѳскаго, въ началѣ гоненія на него, или на Саула съ его приближенными, когда они гонялись за нимъ по пустынѣ, и когда Саулъ совсѣмъ попался ему въ руки и не былъ умерщвленъ потому только, что страхъ Божій связывалъ не руки только, но и помышленія сердца Давидова. Они прогнали, говоритъ, меня и гонялись за мною; но мнѣ это не было страшно. Сердце мое только словесъ Твоихъ, Господи, боялось и тѣмъ удерживалось отъ всякой неправды и отъ всякаго дѣла злаго.

Въ отношеніи къ намъ, христіанамъ, такъ можетъ всегда взывать св. Церковь, воспоминая о претерпѣн-

ныхъ ею гоненіяхъ, какъ въ первое время бытія своего, такъ и во многіе другіе, тѣсные періоды ея существованія. Такъ и взываетъ она въ пѣсняхъ своихъ, когда прославляетъ св. мучениковъ.

Такъ можетъ взывать и всякій христіанинъ, тѣснимый и гонимый на своемъ непорочномъ пути князьями вѣка сего, духами злобы и ихъ послушниками изъ людей, всегда внутренно, но нерѣдко и внѣшно. Всѣ духи злобы поднялись на меня, чтобы совратить съ пути заповѣдей Твоихъ, Господи; но напрасно. Сердце мое полно страхомъ Твоимъ, страхомъ нарушить словеса Твои, и этимъ страхомъ отрѣваю я всѣ воздвигаемыя ими во мнѣ искушенія. Страхъ твой—ограда моя, оружіе, противъ котораго не смогутъ устоять никакія обольстительныя помышленія; онѣ разлетаются предъ нимъ, какъ прахъ предъ лицемъ вѣтра.

Страхъ Божій естественъ духу нашему и всегда живетъ въ сердцѣ. Страсти подавляютъ его и заглушаютъ, но не уничтожаютъ. Лишь только повѣетъ благодать Божія на сердце, страхъ первый тотчасъ оживаетъ и воздвигаетъ съ собою совѣсть. Потомъ они вдвоемъ производятъ, подъ дѣйствіемъ благодати, покаяніе и обращеніе грѣшника отъ грѣха къ добродѣтели; и далѣе они же держатъ его на этомъ новомъ пути, не оставляя его до послѣднихъ степеней совершенства въ новой жизни. Страхъ Божій всюду предводительствуетъ. Самая любовь, изгоняя одинъ страхъ, пріемлетъ въ себя другой.

Пусть гонятъ внѣшно, пусть подымаются внутри волны помышленій злыхъ; но когда цѣлъ страхъ словесъ Божіихъ, то нечего бояться. Сердце тогда—недоступная для искушеній крѣпость. Есть въ немъ стражъ вѣрный, орудіе на врага неодолимое. Можно сказать: береги страхъ Божій, и не бойся паденій. Возгрѣвай этотъ страхъ, и не возъимѣешь нужды ни въ какомъ другомъ

средствѣ къ возбужденію энергіи въ духѣ твоемъ. Страхъ этотъ сильнѣе страха смерти. Но если страхъ смерти тѣлесной приводитъ въ такое напряженіе силы защищающагося, что онъ становится самъ страшенъ для нападающихъ; то чего не силенъ произвесть страхъ смерти духовной, грозящей вѣчною смертію, когда жизнь духа подвергается опасности? Всади убо, Господи, страхъ Твой въ сердца наши!

Стихъ сто шестьдесятъ второй.

Возрадуюся азъ о словесѣхъ Твоихъ, яко обрѣтаяй корысть многу.

Второе орудіе на отраженіе грѣха и на огражденіе добродѣтели есть вѣрное чаяніе корысти отъ добродѣтелей. Эта корысть есть благоплодность добродѣтельнаго житія, которое здѣсь возсіяваетъ преимущественно въ совершенствѣ внутренней жизни, а въ будущемъ возсіяетъ и въ тѣлѣ, внѣшно, во внѣшнемъ положеніи. Залогъ будущаго полагается въ настоящемъ; упованіе утверждается на предвкушеніи. Добродѣтельные и здѣсь уже обрѣтаютъ *корысть многу,* вкушаютъ ее и наслаждаются ею. Это наслажденіе и есть для нихъ орудіе ихъ защиты и самохраненія не менѣе сильное, какъ и страхъ словесъ Божіихъ.

Страхъ всегда есть начало добродѣтели и держитъ человѣка на пути ея сначала одинъ, но потомъ онъ раздѣляетъ трудъ свой со вкушеніемъ корысти отъ добродѣтели. Страхъ обращаетъ на путь добродѣтели и держитъ на немъ какъ бы внѣшно, нудя будто противъ воли, и по одному чувству самосохраненія, подклоняя упорную волю подъ иго заповѣдей. Какъ бичъ гонитъ невольника на работу и заставляетъ работать, такъ въ началѣ страхъ гонитъ на добродѣтель и заставляетъ творить дѣла ея.

Не вдругъ оживаютъ чувства духовныя, не вдругъ получаютъ они способность находить вкусъ въ вещахъ нечувственныхъ; но какъ треніе возвращаетъ чувство онѣмѣлому члену, такъ и трудъ добродѣланія возстановляетъ въ сердцѣ духовныя чувства. Тогда оно начинаетъ ощущать сладость отъ всякаго добродѣтельнаго дѣла и отъ всякаго подвига, подъемлемаго ради ея. Человѣкъ продолжаетъ дѣлать уже не потому, что чаетъ получить корысть или благой плодъ, а отъ того, что уже имѣетъ его и носитъ въ себѣ.

Высшее благо въ этомъ случаѣ—миръ совѣсти. Что можетъ сравниться съ этимъ благомъ! Само сердце ничего не ставитъ выше его послѣ того, какъ онъ возвращается, бывъ на время потерянъ неразумнымъ невниманіемъ къ себѣ. Смѣло воззрѣваетъ оно къ Богу и безъ смущенія смотритъ въ глаза всѣмъ людямъ.

Второе благо—стройность въ дѣлахъ, и внутри, и внѣ. Въ такомъ случаѣ, и помышленіямъ, и намѣреніямъ, и предпріятіямъ сообщается единство цѣли, которое уже само подбираетъ по роду своему средства и способы исполненія.

Отсюда само собою вытекаетъ и третье благо—благоспѣшность. Все тутъ совершается внутри, что состоитъ во власти человѣка; внѣшнее не есть неотъемлемое условіе, и даже неблагопріятность его обращается къ благоспѣшенію внутри.

Довольно и этихъ трехъ, чтобы всякому добродѣтельному взывать искренно: радуюсь словесамъ Твоимъ, Господи, какъ обрѣтающій отъ нихъ корысть многу!

Стихъ сто шестьдесятъ третій.

Неправду возненавидѣхъ и омерзихъ, законъ же Твой возлюбихъ.

Третье орудіе духовное есть любовь къ закону Божію.

съ полнымъ отвращеніемъ отъ беззаконій и неправдъ. Эта любовь порождается испытаніемъ благоплодія духовнаго отъ исполненія закона; но самое благоплодіе при этомъ уже выпадаетъ изъ вниманія, а зрится одна только красота благозаконія. Какъ благодѣтеля начинаемъ любить потому, что онъ оказываетъ намъ благодѣяніе, а полюбивъ однажды, мы продолжаемъ любить уже потому, что онъ самъ по себѣ хорошъ,—такъ и къ закону любовь начинается отъ вкушенія благихъ отъ него плодовъ, а по насыщеніи ими любовь къ нему воцаряется въ сердцѣ уже ради совершенства и красоты его. *Законъ*, говоритъ апостолъ, *святъ, и заповѣдь свята, и праведна, и блага* (Рим. 7, 12).

Но когда вселяется въ сердце любовь къ одному предмету, то къ предметамъ, противоположнымъ ему, уже не можетъ быть тамъ любви, а занимаетъ мѣсто противное ей чувство,—не любовь, а омерзеніе и ненависть. Въ обычныхъ вещахъ, можетъ быть, и не неизбѣжна такая противоположность чувствъ; но въ отношеніи къ закону и беззаконію иначе и быть не можетъ. Ибо и беззаконіе туда же лѣзетъ,—лѣзетъ занять сердце, уже занятое закономъ. Какъ отъ какого либо нахала, лѣзущаго къ вамъ въ комнату, вы избавляетесь, толкая его въ грудь; такъ и отъ беззаконія, навязчиво лѣзущаго къ вамъ въ сердце, вы не иначе избавитесь, какъ давъ ему въ грудь, то-есть, поразивъ его ненавистію и омерзеніемъ.

Въ порядкѣ нравственныхъ измѣненій сердца эта ненависть къ грѣху и беззаконію не вдругъ образуется; ибо въ немъ, и по оставленіи грѣха дѣломъ, долго еще остается сочувствіе къ грѣху. Но по мѣрѣ труда въ благожитіи законномъ оно испаряется, а когда установится добрый нравъ, по начертанію закона, тогда оно совсѣмъ исчезаетъ и замѣняется ненавистію и омерзеніемъ, по

причинѣ досадливой неотвязчивости грѣха и потому, что сердцу присуще ощущеніе всей зловредности отъ него. Такимъ образомъ. въ рукахъ сердца является мечъ обоюдуострый, одно лезвіе котораго—любовь къ закону, а другое—ненависть и омерзеніе къ неправдѣ и грѣху. То и другое рубитъ сильно, и нѣтъ возможности противостоять пораженію ихъ.

У кого это есть, тотъ безопасенъ отъ паденій. Страшенъ онъ всѣмъ полчищамъ духовъ злобы. У св. отцевъ, руководителей въ жизни, встрѣчаемъ. что первымъ въ числѣ правилъ духовной брани стоитъ у всѣхъ—ненависть ко грѣху: „ее, говорятъ, выдвигай первую“ (Исихій). Она, прибавимъ, несокрушимая и всепоражающая батарея духовная, и когда дѣйствуетъ, то непрерывно даетъ несчетное множество выстрѣловъ. Стоитъ она на окраинѣ сердца; городъ же сердца не остается пустымъ,—онъ занятъ любовію къ закону. Что можетъ сдѣлать при этомъ грѣхъ, когда и дѣйствовать не можетъ иначе, какъ чрезъ помыслы. кои хотя тоже суть стрѣлы, но соломенныя?

Стихъ сто шестьдесятъ четвертый.

Седмерицею днемъ хвалихъ Тя о судьбахъ правды Твоея.

Зубы, какъ пособники слова, навели на мысль о прославленіи Бога, дивнаго въ судьбахъ правды Его, такъ какъ между предметами слова нѣтъ выше слова о Богѣ, и между сими словами нѣтъ выше славословія. Его-то и выставляетъ Пророкъ, давая разумѣть, что кто его достигъ, тотъ достигъ крайнихъ предѣловъ употребленія слова и, прибавимъ, употребленія ума. Когда начинаетъ исторгаться изъ сердца богохваленіе, то это значитъ, что умъ началъ вступать истинно въ область боговѣдѣнія. которое. отвлекая его вниманіе отъ всего дру-

гаго, какъ несравненно низшаго, приковываетъ взоръ его къ единому Богу и разверзаетъ предъ очами его блескъ славы Его, дивнаго въ бытіи Своемъ, въ свойствахъ Своихъ и въ дѣйствіяхъ—въ твореніи, промышленіи, искупленіи и устроеніи спасенія каждаго спасаемаго. Созерцая это, онъ переходитъ отъ изумленія къ изумленію и, при каждомъ предметѣ созерцанія, ничего не можетъ изречь кромѣ словословія: слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ!

Но и между предметами созерцанія Бога есть степени. По свидѣтельству Исаака Сиріанина, созерцаніе того, *какъ* Богъ явилъ и являетъ Себя въ тваряхъ, есть первая степень; а созерцаніе Бога, *какъ* Онъ есть Самъ въ Себѣ,—вторая, высшая. Пророкъ останавливается на первой, ибо судьбы правды, ради коихъ онъ хвалитъ Бога, означаютъ праведные суды, присужденія и опредѣленія Божіи, какъ чему быть, и какъ что было уже и бываетъ на дѣлѣ. Воспоминая это, Пророкъ не можетъ удержать языка своего отъ восхваленія Бога, дивнаго въ судьбахъ Своихъ и седмижды, или многократно въ день хвалитъ Его. Св. Аѳанасій Великій пишетъ: „какъ изучившій законы творенія и промышленія Божія, исповѣдуется онъ о судьбахъ правды Божіей, о тѣхъ судьбахъ, по которымъ Богъ создалъ разнообразныя твари и промышляетъ о каждой изъ нихъ. Словомъ: *седмерицею* даетъ разумѣть, что не престаетъ онъ хвалить, говоря какъ бы такъ: „всегда памятую судьбы Твои.“ Неудержимо стремится душа его къ богохваленію. Желая удовлетворить этой жаждѣ, онъ становится на славословіе и, утоливъ ее нѣсколько, останавливается. Но лишь только остановится, какъ опять таже жажда начинаетъ возбуждать его и поднимать на ноги,—и такъ цѣлый день. „Пророкъ, говоритъ блаж. Ѳеодоритъ,

выражаетъ этимъ пламенную любовь свою, такъ какъ не доходилъ до пресыщенія въ божественномъ пѣснопѣніи.

Отчего скучаютъ иные? Отъ того, что не напали на предметъ, который занималъ бы ихъ всесторонне и насыщалъ вполнѣ. Такой предметъ одинъ,—Богъ и судьбы правды Его. Отдайте Ему свой трудъ, время и вниманіе, и вамъ некогда будетъ скучать; напротивъ, будете какъ въ раю, ибо съ сладостію богомыслія и славословія ничто не можетъ сравниться. Испытавъ это, св. отцы все время посвящали на то; на томъ же основаніи и св. Церковь заповѣдала многократно въ день собираться на молитву. Древняя *седмерица* въ настоящее время сокращена въ *троицу*, совмѣщающую, однакоже, всѣ седмь чиновъ богослужебнаго славословія: литургія—не въ счетъ. Какъ Пасха между праздниками есть праздниковъ праздникъ; такъ и литургія между службами есть служба службъ.

Стихъ сто шестьдесятъ пятый.

Миръ многъ любящимъ законъ Твой, и нѣсть имъ соблазна.

Пророкъ начинаетъ показывать, чѣмъ и какъ питаетъ душу вѣрное исполненіе закона Божія. На первомъ мѣстѣ ставитъ онъ *миръ*, и миръ не малый, а обильный,—*миръ многъ*. Въ условіе же для сего поставляетъ не просто исполненіе закона, а исполненіе любящее: *миръ многъ любящимъ законъ*. Безъ этой любви законъ—тяготящее иго, а съ любовію онъ есть питающая манна. Отсюда миръ, то есть, всесторонне удовлетворенное состояніе.

Когда мы возлюбили законъ, значитъ онъ въ сердцѣ у насъ. Если же онъ въ сердцѣ, то тамъ уже нѣтъ страстей, ибо каждая заповѣдь закона, бывъ возлюблена,

изгоняетъ противоположную ей страсть, а всѣ изгоняютъ всѣ страсти. Такимъ образомъ, въ сердцѣ, возлюбившемъ законъ, нѣтъ уже мѣста страстямъ. Если же нѣтъ въ сердцѣ страстей, то нечему болѣе возмущать и покой его. Оно почиваетъ въ покоѣ, или во многомъ мирѣ.

Но этотъ миръ и покой—не вялое состояніе бездѣйствія, а блаженное состояніе мирно живущей жизни. Миръ—плодъ безстрастія; безстрастіе же возстановляетъ человѣка въ естественный его чинъ и въ первоначальное соотношеніе его со всѣмъ сущимъ. Но первоначально было опредѣлено, чтобы, сочетаваясь со всѣмъ сущимъ, человѣкъ отъ всего воспринималъ притоки живительныхъ силъ, стихій, вліяній. Все это и возвращаетъ ему законъ, который возлюбилъ онъ. И отъ Бога, и отъ міра ангельскаго, и отъ міра человѣческаго, и отъ природы идутъ къ нему непрерывно благотворныя вліянія и воздѣйствія и питаютъ все его естество—и тѣло, и душу, и духъ; питая же, удовлетворяютъ всесторонне, а удовлетворяя, водворяютъ миръ, который, по причинѣ такого удовлетворенія благотворными вліяніями, есть сладостный и многопитательный миръ. Чѣмъ глубже миръ, тѣмъ, значитъ, больше прибыло питательности.

Таковымъ *нѣсть* и *соблазна*. Соблазнъ—σκανδαλον. И у насъ говорятъ: произвесть скандалъ, то есть надѣлать шуму. Такимъ образомъ, Пророкъ, говоря, что для любящихъ законъ нѣтъ соблазна, даетъ разумѣть этимъ, что законъ, возлюбленный ими, переполняетъ ихъ такимъ глубокимъ миромъ, что ничто не можетъ нарушить внутренняго ихъ покоя. Хоть бы весь міръ на нихъ обрушился,—они не смутятся, ибо обладаютъ тѣмъ, что больше всего міра и чего лишить ихъ не можетъ никакая сила, даже большая міра. Блаж. Θеодоритъ пишетъ:

„Воспламеняемые божественною любовію и храненіемъ заповѣдей пріобрѣтающіе миръ съ Богомъ, хотя вооружились бы на нихъ всѣ люди, живутъ въ веселіи. Свидѣтель этому божественный Павелъ, который взываетъ: *во всемъ скорбяще, но не стужающе си: не чаеми, но не отчаяваеми: гоними, но не оставляеми: низлагаеми, но не погибающе* (2 Кор. 4, 8. 9). И Господь, посылая апостоловъ по всей вселенной, *яко овцы посредь волковъ* (Мѳ. 10, 16), сказалъ имъ: *миръ Мой даю вамъ, миръ Мой оставляю вамъ*“ (Ін. 14, 27).

Стихъ сто шестьдесятъ шестой.

Чаяхъ спасенія Твоего, Господи, и заповѣди Твоя возлюбихъ.

Второй источникъ питанія духовнаго, подаваемаго исполненіемъ заповѣдей, есть упованіе спасенія. Я, говоритъ, возчаялъ спасенія Твоего, такъ сложился въ сердцѣ моемъ, что не откуда прійти ко мнѣ спасенію, какъ только отъ Тебя; въ руки Твои предалъ я спасеніе мое съ несомнѣнною надеждою, что оно всеконечно будетъ устроено, какъ вѣдаетъ Твоя премудрость; восхочетъ Твоя благость, и въ дѣло произведетъ Твое промышленіе,—я и успокоился въ Тебѣ всецѣло. Но поелику такого преданія себя Тебѣ, такой надежды на Тебя, такого успокоенія въ Тебѣ я никакъ не могъ бы имѣть, еслибъ былъ въ чемъ либо невѣренъ предъ Тобою; то я положилъ вѣрно исполнять заповѣди закона Твоего, исполнять не просто, какъ иго и долгъ, но какъ потребность моего сердца, возлюбившаго ихъ: *заповѣди Твоя возлюбихъ*. „Чаяніе спасенія, говоритъ св. Амвросій, породило любовь къ заповѣдямъ, дѣятельная любовь къ заповѣдямъ стала опорою упованія, упованіе успокоило въ Богѣ.“

Какая дивная цѣпь духовныхъ измѣненій или порожденій. и какой дивный отъ нихъ плодъ — успокоеніе въ Богѣ! Дитя на лонѣ матери самою теплотою матерней любви къ себѣ и своей къ матери бываетъ согрѣваемо и питаемо: такъ и духъ нашъ питается тѣмъ самымъ, что предаетъ себя Богу и успокоивается въ Немъ, ибо близъ его Богъ, такъ близъ, что ничто ближе Его быть не можетъ; а Богъ есть полнота всего, полнота преизливающаяся. Отверзи себя для Него, и все нужное тебѣ и вмѣстимое для тебя изольется отъ Него въ тебя, и будетъ непрестанно изливаться, пока пребудешь отверстымъ для Него своею вѣрою непоколебимою, упованіемъ несомнѣннымъ и добролюбіемъ пламеннымъ.

Господь говоритъ: *се стою при дверехъ и толку: аще кто услышитъ гласъ Мой, и отверзетъ двери, вниду къ нему, и вечеряю съ нимъ* (Апок. 3, 20). И входитъ Онъ ко всякому отверзающему, не для того, чтобъ цѣпи налагать, какъ владыка, а чтобы угощать, услаждать, насыщать, какъ щедродатель. Вечеря Его съ Нимъ всегда; потому-то Онъ и говоритъ: *пріидите ко Мнѣ вси, и Азъ упокою вы* (Мѳ. 11, 28). И упокоеваетъ всякаго, кто упокоиваетъ себя въ Немъ, упокоеніемъ нераскаяннымъ.

Будетъ и съ тобою тоже; какъ въ раю будешь. Только поспѣши взойти до успокоенія въ Богѣ,—поспѣши; ибо хотя Господь близъ есть, но для насъ путь до Него не кратокъ. Начни терпѣливымъ хожденіемъ въ заповѣдяхъ въ чаяніи спасенія. Не жалѣй себя, нудь безъ жалости, съ нѣкоторою жестокостію къ себѣ. Если поступишь такъ,—притрудное хожденіе въ заповѣдяхъ переродится въ окрыляющую любовь къ нимъ, а чаяніе спасенія—въ видѣніе и вкушеніе спасенія; то и другое завершится успокоеніемъ въ Богѣ, изъ рукъ Коего уже никто тебя не восхититъ, какъ увѣрилъ Самъ Спаситель:

Отецъ Мой болій всѣхъ есть, и никтоже можетъ восхитити овецъ Моихъ отъ руки Отца Моего (Ін. 10, 29).

Стихъ сто шестьдесятъ седьмой.

Сохрани душа моя свидѣнія Твоя, и возлюби я зѣло.

Третій источникъ питанія духовнаго, получаемаго отъ исполненія заповѣдей, есть самая любовь къ нимъ. Какъ любящіе себя взаимно, взаимно другъ друга питаютъ, такъ что, когда они бываютъ вмѣстѣ, то каждый изъ нихъ чувствуетъ, какъ будто, исходя отъ другаго, входитъ въ него какая-то питающая и услаждающая стихія; такъ и съ любящимъ заповѣди: отъ нихъ исходитъ и въ него входитъ, такъ сказать, струя духовная, питающая и услаждающая его. Это и ощущаетъ онъ при всякомъ случаѣ, когда предлежитъ ему исполненіе заповѣди. Приливъ питающей теплоты не истощается у него съ первой встрѣчи такого случая, во все продолженіе добраго дѣла требуемаго имъ, и послѣ него надолго, пока не пресѣчетъ его другой случай такого же свойства.

Когда мы питаемся извѣстною пищею, то питательную стихію, сокрытую въ ней, извлекаетъ изъ нея наша органическая сила. Такъ и питательная духовная стихія сокрыта во всякомъ добромъ, предлежащемъ намъ, дѣлѣ. Это мѣра приложимой къ нему заповѣди. Извлекаетъ эту стихію изъ него любовь къ заповѣди, которая и даетъ ощутить присутствіе ея въ томъ дѣлѣ, извлечь питательность ея и привлечь ее къ себѣ въ самомъ совершеніи дѣла. Только любовь къ заповѣдямъ и можетъ, и умѣетъ такъ дѣлать. Потому-то добродѣланіе безъ любви не питаетъ. Оно то же для духа, что непереваріваемая пища для тѣла: ни вкуса нѣтъ, ни питанія.

Иной, пожалуй, скажетъ: „что-жъ, если у меня нѣтъ вкуса къ добродѣланію, да и самое добродѣланіе для

меня словно питаніе травою, то зачѣмъ мнѣ и добро дѣлать?" А затѣмъ, чтобы этимъ путемъ дойти до любви къ заповѣдямъ. Видишь, какъ Пророкъ говоритъ? Сначала: *сохрани душа моя свидѣнія,* а потомъ: и *возлюби я,* и не просто *возлюби*, но *возлюби зѣло*. Начинай же хранить заповѣди, и возлюбишь ихъ зѣло. Есть любовь, скажемъ такъ, мысленная, состоящая въ убѣжденіи, что заповѣди неотложно должно соблюдать и любить. Отъ нея раждается потомъ и любовь чувства или сердечная, и раждается чрезъ посредство дѣятельнаго исполненія заповѣдей. Есть роды пищи, которые на первый разъ не нравятся, но принимаются, однакожъ, по необходимости, а потомъ организмъ навыкаетъ находить въ нихъ вкусъ, и наконецъ такъ пристращается къ нимъ, что безъ нихъ и обѣдъ не въ обѣдъ. Точно такъ бываетъ съ нами въ отношеніи къ заповѣдямъ. Сначала будто холодомъ отъ нихъ вѣетъ; а потомъ такъ сродняются онѣ съ сердцемъ, что оно и покоя не имѣетъ, если не случится сдѣлать чего въ удовлетвореніе имъ. Какъ тоскуетъ любящій, долго не видя любимаго предмета: такъ тоскуетъ и душа, возлюбившая заповѣди, если долго не встрѣчаетъ случая исполнять ихъ. Не смотри же на то, что нѣтъ еще вкуса въ добродѣланіи, а продолжай хранить заповѣди, только съ усердіемъ и самоотверженіемъ. Найдешь вкусъ и полюбишь ихъ, — полюбишь зѣло.

Стихъ сто шестьдесятъ осьмой.

Сохранихъ заповѣди Твоя и свидѣнія Твоя, яко вси путіе мои предъ Тобою, Господи.

Пророкъ снова возвращается къ средствамъ защиты и охраненія богоугодной жизни по заповѣдямъ, и какъ на главнѣйшее изъ нихъ указываетъ на сознаніе вездѣ

присутствія и всевидѣнія Божія. Это какъ бы слѣдствіе предыдущихъ его размышленій. Страхъ нарушить заповѣди и чаяніе благоплодности отъ исполненія ихъ приводятъ къ любви. Возлюбившій заповѣди не можетъ не возлюбить и Заповѣдавшаго; а возлюбивъ, не можетъ уже забыть Его, и неотступно носитъ память о Немъ въ сердцѣ своемъ, ибо таково свойство любви. Съ любовію памятующій о Богѣ всегда имѣетъ Его предъ очами своими, самъ ходитъ предъ Его очами и сознаетъ себя во всѣхъ путяхъ своихъ и начинаніяхъ открытыхъ предъ Нимъ. А такое сознаніе какой страхъ возбуждаетъ, съ своей стороны, въ сердцѣ, какую надежду и какую любовь! И сколь, потому, могущественное въ единомъ себѣ совмѣщаетъ средство къ охраненію и поддержанію жизни по заповѣдямъ! Пророкъ не разъ исповѣдалъ это; а здѣсь онъ удостовѣряетъ, что, сознавая, какъ всѣ пути его открыты предъ Господомъ, онъ строго исполнялъ всѣ заповѣди Его; и прежде говорилъ онъ, что намѣренно поддерживалъ въ себѣ это сознаніе, дабы не сдвинуться съ пути праваго: *предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Псал. 15, 8), и уклоненія другихъ людей на распутія объяснялъ не инымъ чѣмъ, какъ тѣмъ, что они *не предложиша Бога предъ собою* (Пс. 53, 5). Подобно ему, и Сирахъ производитъ падкость на грѣхъ отъ ложной увѣренности грѣшащихъ, что ихъ никто не видитъ, потому что тьма окрестъ и стѣны закрываютъ ихъ. А того не разумѣютъ, что *очи Господни тмами темъ кратъ свѣтлѣйшіи солнца суть, прозирающіи вся пути человѣческія и разсмотряющіи въ тайныхъ мѣстѣхъ* (Сир. 23. 25—28). Еслибъ разумѣли это и помнили,—не стали бы грѣшить.

Потому-то всѣ св. подвижники имѣли и другихъ учили имѣть первымъ дѣломъ установленіе въ себѣ памяти о Богѣ, такъ чтобы она слилась съ сознаніемъ, — что и

называли они хожденіемъ предъ Богомъ; ибо послѣ этого, что ни дѣлалъ бы человѣкъ, не можетъ дѣлать того иначе, какъ съ мыслью, что Богъ предъ нимъ и смотритъ, что и какъ онъ дѣлаетъ. И это какъ для внутреннихъ, такъ и для внѣшнихъ дѣлъ. Отсюда — тщательный выборъ только одного богоугоднаго, и совершеніе того, что выбрано наиусерднѣйшимъ образомъ, въ той мысли, что избранное богоугодное посвящается Богу и есть потому дѣло Божіе,—одно изъ тѣхъ, за которыя, если кто съ небреженіемъ творитъ, навлекаетъ на себя клятву.

Хочешь ли, потому, хранить себя непорочнымъ во всѣхъ путяхъ своихъ,—утверди въ памяти, что всѣ пути твои открыты предъ Богомъ и что очи Господни утверждены на тебя, на дѣла твои и на помышленія сердца твоего. Какъ утвердиться въ этомъ? Начни трудиться въ стяжаніи такого навыка, и самый трудъ научитъ тебя, какъ преуспѣть въ этомъ. Только усердно возжелай и ревностно устремись.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ОСМИСТИШІЕ.

Послѣднее осмистишіе идетъ подъ буквою *Тавъ*, что означаетъ *знакъ*.

Св. Исаакъ Сиріанинъ пишетъ въ руководство тому, кто идетъ путемъ внутренней жизни къ умному и сердечному соединенію съ Господомъ, чтобъ онъ держалъ въ памяти знаки, по которымъ могъ бы опредѣлять,—идетъ ли, или стоитъ, и право ли идетъ, или неправо. „Положи, говоритъ, примѣту и, входя внутрь себя смотри—какія страсти изнемогли въ тебѣ и отступили отъ тебя; видно ли, что среди загноенія язвы твоей начала наростать живая плоть, то есть душевный миръ; точно ли находишь ты, что помыслъ началъ очищаться; приходитъ ли пареніе мыслей въ часъ молитвы; ощущаешь ли въ

себѣ, что душа пріосѣняется кротостію и тишиною; восхищается ли умъ твой, безъ участія воли, къ понятіямъ о безплотномъ; возгарается ли въ тебѣ внезапно радость, ни съ чѣмъ несравнимая и неудержимо влекущая внутрь умъ твой" (Сл. 45). Въ другихъ мѣстахъ онъ указываетъ другія примѣты преуспѣянія—однѣ для созерцательной, другія для дѣятельной жизни. Каждая степень той и другой имѣетъ свои примѣты.

Нѣчто подобное сему указываетъ и Пророкъ въ настоящемъ осмистишіи.—указываетъ, то есть, примѣты, по которымъ можно опредѣлять—стоитъ ли кто на добромъ пути и идетъ ли по нему, какъ должно; это самое благопотребное заключеніе всѣхъ его нравоучительныхъ наставленій. Не будемъ, впрочемъ, напередъ перечислять то, что именно указывается, какъ примѣта въ этомъ смыслѣ: содержаніе каждаго стиха само скажетъ намъ объ этомъ.

Стихъ сто шестьдесятъ девятый.

Да приближится моленіе мое предъ Тя, Господи, по словеси Твоему вразуми мя.

У всѣхъ отцевъ-руководителей встрѣчается урокъ—не довѣрять своему уму. Такимъ образомъ, если ты, при каждомъ дѣлѣ, не довѣряя себѣ, ищешь вразумленія отъ Подателя всякой премудрости, то право течешь. Поступая такъ, ты подражаешь Пророку, который молился Богу: *Господи, по словеси Твоему вразуми мя. Вразуми.*— научи, то есть, какъ понять что либо изъ встрѣчающагося въ жизни или въ Писаніи, или какъ поступить въ предлежащемъ случаѣ. Умъ нашъ и самъ по себѣ, по данной ему отъ Бога способности, можетъ многое понимать и истолковывать; каждому также свойственна своя мѣра благоразумія для устроенія внѣшнихъ дѣлъ и своя

мѣра чуткости совѣсти для показанія нравственно достодолжнаго: но и та способность и эти мѣры не слишкомъ широки. Потому-то и при нихъ имѣетъ мѣсто обширнѣйшій кругъ недоумѣннаго, разрѣшеніе коего бываетъ желательно не по одному любопытству, а по существенной необходимости. Можно обращаться, какъ иногда и обращаемся мы, къ умнѣйшимъ и опытнѣйшимъ насъ,—но и ихъ мѣра не безмѣрна, и довѣріе къ нимъ не безусловно. Такимъ образомъ, сознающему свою мѣру скудною, нельзя во многихъ случаяхъ не обращаться къ Источнику разума съ молитвою о вразумленіи. Если же возьмемъ во вниманіе, что и въ тѣхъ случаяхъ, которые разрѣшаются домашнимъ образомъ, всегда остается отъ разрѣшенія колебаніе, такъ ли рѣшено,—колебаніе, устраняемое только внушеніями свыше,—то лучше во всѣхъ вообще случаяхъ безъ различія обращаться за вразумленіемъ къ Богу, не смотря на устремленіе дѣятельности своего ума и даже кажущееся постиженіе имъ существа дѣла.

Скажутъ: „жди, когда-то придетъ вразумленіе!“ Кто искренно и нераскаянно предалъ себя въ руки Божіи и не возвращается болѣе къ *своимъ* способамъ,—для того вразумленіе есть дѣло минутное. Лишь только взыщетъ, тотчасъ и получитъ, ибо Господь близъ. Ни оттуда, ни отсюда начинаютъ порождаться мысли и раскрываютъ истину. Работаетъ будто свой умъ, но бываетъ носимъ онъ въ эту пору стороннею силою. Съ нимъ бываетъ то же, что съ человѣкомъ, который знаетъ какое либо мѣсто невѣдомое другому: онъ береть его за руку и приводитъ къ тому мѣсту, а ему остается только воззвать: вотъ оно! Есть люди, которые всю жизнь свою, даже и въ обыкновенныхъ случаяхъ, ведутъ себя по такимъ вразумленіямъ.

Труднѣе узнать, что раждающееся въ душѣ рѣшеніе

есть именно руководящее вразумленіе свыше: этого нельзя достигнуть и опредѣлительнымъ указаніемъ признаковъ. Какъ взыскивать искренно такихъ вразумленій, такъ и получать ихъ и различать есть состояніе возможное на извѣстной мѣрѣ духовнаго преспѣянія. Кто достигъ этой мѣры, для того все, относящееся сюда, ясно; а кто не достигъ, тому разъяснить этого нѣтъ возможности. Это все равно, что говорить на непонятномъ языкѣ. Мѣра эта приходитъ сама собою, по очищеніи сердца отъ страстей. Тогда вселяется Духъ Божій, Духъ истины, вѣдущій всѣ глубины Божіи: тогда, по апостолу, *само помазаніе учитъ* (1 Ін. 2, 27).

Стихъ сто семидесятый.

Да внидетъ прошеніе мое предъ Тя, Господи, по словеси Твоему избави мя.

Человѣкъ, котораго тѣснятъ какъ либо, или вяжутъ, обыкновенно ищетъ избавленія. Нѣтъ никого, кто каждую минуту не находился бы въ такомъ положеніи; но не всѣ одинаково держатъ себя въ немъ. Одни надѣются устранить всѣ тѣсноты и распутать всѣ узлы своими способами, и потому ограничиваются ими одними; другіе своимъ способамъ не даютъ никакой силы, и хоть не чуждаются ихъ совсѣмъ, но прочнаго избавленія чаютъ отъ единаго Бога, потому благонадежно и обращаются къ Нему во всѣхъ случаяхъ—и большихъ и малыхъ. Вотъ эти-то одни и дѣйствуютъ право.

Что для ума недоразумѣнія, то для жизни тѣсноты и узы. Недоумѣнія ума разрѣшаются вразумленіемъ; узы жизни—помощію свыше. Невѣдомо какъ раздвигаются тѣсноты и устраняются препоны, *стропотная* бываютъ *въ правая, и острая въ пути гладки* (Лк. 3, 5). Мановенію Божію все покорно. Покорись же и ты самъ

всецѣло Господу,—и всякое избавленіе будетъ тебѣ готово. *Яко на Мя упова, и избавлю и: покрыю и... съ нимъ есмь въ скорби изму его и прославлю его* (Пс. 90, 14—15), говоритъ Господь. Въ силу этого и учитъ Пророкъ обращаться съ молитвою объ избавленіи: *по словеси Твоему избави мя*, предъявляя симъ не право на избавленіе, а оживляя лишь упованіе свое предъ Всевидящимъ.

Достигшій въ такую мѣру, въ чувствѣ силы отъ Бога, *яко левъ уповая ходитъ* (Прит. 28, 1). Это не то значитъ, чтобъ онъ уже никакихъ своихъ способовъ не употреблялъ и сидѣлъ сложа руки, нѣтъ,—онъ употребляетъ все зависящее отъ него, но ни на чемъ этомъ не опирается, зная, что все такое ненадежно, какъ сѣть паутинная. Все упованіе возлагаетъ онъ на Господа, и сознаетъ себя сильнымъ отъ силы Божіей, дѣйствующей въ немъ. Упованіе, однакожъ, не есть пресѣченіе дѣятельныхъ силъ, а настроеніе сердца, опирающееся, при напряженной дѣятельности, но помимо ея, на десницѣ Божіей. Тутъ и взываніе объ избавленіи не всегда нужно, потому что само упованіе безъ словъ есть уже непрестанное взываніе.

Взысканіе вразумленія и избавленія посредствуется у Пророка приближеніемъ и вхожденіемъ молитвы предъ лицо Господа: *да приближится моленіе мое предъ Тя... да внидетъ прошеніе мое предъ Тя*. Это также состоитъ въ числѣ признаковъ преуспѣянія. Молитва похожа бываетъ тогда на дымъ кадила, который то стелется по землѣ, то растекается въ воздухѣ, то восходитъ какъ *стебло* горѣ (Пѣсн. пѣсн. 3, 6). Послѣднее изображаетъ молитву неразсѣянную, въ которой умъ, не занимаясь ничѣмъ стороннимъ, трезвенно предстоитъ Богу, вездѣсущему и всевидящему. Такая молитва, уже по свойству своему, приближается къ Господу и входитъ предъ Него.

Она образуется одновременно съ водвореніемъ въ сердцѣ упованія и любви и ими окрыляется; и только она привлекаетъ и вразумленіе и избавленіе. Все это вмѣстѣ и есть знаменіе высшей степени состоянія духовнаго, въ которомъ богопреданный духъ пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ пребываетъ, обрѣтши въ немъ благотребное себѣ жилище, по причинѣ водворившейся внутри чистоты.

Стихъ сто семьдесятъ первый.

Отрыгнутъ устнѣ мои пѣніе, егда научиши мя оправданіемъ Твоимъ.

Отрыгнутъ сами собою, безъ всякаго напряженія и предварительнаго обдумыванія. Зародится въ сердцѣ пѣснь Богу, исторгнется устами и понесется на небо. Это—пѣснь славословія, благодаренія и всякой молитвы. Если это стало бывать у тебя, то знай, что ты уже въ чинѣ своемъ, въ чинѣ ангеловъ, выну хвалящихъ и воспѣвающихъ умно зримаго ими Бога.

Сначала умъ съ напряженіемъ молится, нудитъ себя на молитву силою воли. И это, конечно, есть умная молитва. Умная молитва понемногу согрѣваетъ сердце и вводитъ его въ другую молитву—умно-сердечную. Сердце, навыкнувъ молиться подъ дѣйствіемъ ума и, согрѣвшись, само начинаетъ подвигаться на молитву и увлекать въ нее умъ. Эта сердечная молитва—настоящая молитва, какъ ей слѣдуетъ быть,—молитва, объемлющая все существо человѣка, ибо гдѣ сердце, тамъ весь человѣкъ. Это состояніе обнаруживается тяготѣніемъ внутрь, бывающимъ во время молитвы, чтенія, размышленія, и даже безъ всего этого такъ—за дѣломъ какимъ. Послѣднее выше перваго.

Вотъ это именно состояніе и разумѣлъ св. Исаакъ, когда спрашивалъ: „восхищается ли умъ твой, безъ уча-

стія воли, къ понятіямъ о безплотномъ? Возгарается ли въ тебѣ внезапно радость, ни съ чѣмъ несравнимая? Источается ли изъ сердца нѣкое удовольствіе и влечетъ ли всецѣло умъ?“ Если *да*, то это знакъ, что человѣкъ, испытывающій это, далеко прошелъ по пути къ совершенству. Далѣе св. Исаакъ такъ описываетъ это состояніе: „По временамъ, во все тѣло входитъ какое-то услажденіе и радованіе; плотской языкъ не можетъ выразить этого. Иногда услажденіе это истекаетъ изъ сердца въ часъ молитвы, или во время чтенія, или вслѣдствіе напряженности мысли. А иногда бываетъ оно безъ всего этого. во время подѣлія. и по ночамъ, когда находишься между сномъ и пробужденіемъ, какъ бы бодрствуя и не бодрствуя. Но когда найдетъ на человѣка это услажденіе, бьющееся въ цѣломъ тѣлѣ его. тогда думаетъ онъ въ тотъ часъ, что и царство небесное не иное что есть, какъ это же самое.“ Какъ, послѣ этого, *не отрыгнуть* пѣнія устамъ того, кто бываетъ въ такомъ состояніи?

Но надо знать, что оно не есть плодъ одного молитвеннаго труда, а слѣдствіе всей богоугодной жизни, всѣхъ трудовъ добродѣланія и подвижничества, и обнаруживается тогда, когда сердце начинаетъ приближаться къ чистотѣ. Пророкъ указываетъ на это въ словахъ: *егда научиши мя оправданіемъ Твоимъ*. Оправданія—заповѣди. Наученіе имъ разумѣется не заучиваніе на память писанныхъ заповѣдей, а дѣятельное навыкновеніе въ нихъ, подобно тому, какъ навыкаютъ какому либо мастерству. Когда это бываетъ, тогда заповѣди вселяются въ сердце и составляютъ постоянный строй, направляющій всѣми его движеніями, такъ что, во всякомъ случаѣ, прежде всякой мысли, изъ сердца само собою исходитъ указаніе, какъ надлежитъ поступить. Такое сердце есть сердце святое и чистое, изъ котораго ис-

ходитъ одно правое и богоугодное. Его-то и поставляетъ Пророкъ источникомъ отрыгновенія чрезъ уста благодарственнаго, или хвалебнаго, или молитвеннаго пѣнія Богу. Молись же: *сердце чисто созижди во мнѣ. Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей* (Пс. 50, 12).

Стихъ сто семьдесятъ второй.

Провѣщаетъ языкъ мой словеса Твоя, яко вся заповѣди Твоя правда.

Врачи по языку узнаютъ состояніе здоровья тѣлеснаго, а рѣчь обличаетъ состояніе здравія душевнаго. Умныя рѣчи показываютъ умнаго человѣка. рѣчи благочестивыя—человѣка богобоязненнаго, а развратныя—развратнаго. Чѣмъ у кого душа болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Если языкъ твой усладительно ведетъ рѣчь только о словесахъ Божіихъ, то это знакъ, что о нихъ болитъ душа твоя, то есть, любитъ ихъ, желаетъ исполнять сама и видѣть исполненіе ихъ и отъ другихъ. Если ты расположенъ такъ, то это значитъ, что словеса Божіи—заповѣди содержатся у тебя не умомъ, а объемлются сердцемъ, исполняютъ его и составляютъ строй его; а это показываетъ, что ты уже не рабъ, а сынъ, дѣйствующій не по принужденію, а самоохотно, по своимъ добрымъ начинаніямъ, какъ вошедшій въ планы и предначертанія отца.

Это и естественно: когда ты возлюбилъ словеса Божіи, то и рѣчь ведешь только о нихъ, ибо отъ избытка сердца уста глаголютъ, и удержать ихъ нельзя, чтобъ не говорить о нихъ. Но сюда должны привзойти еще и другія побужденія, именно, благодареніе Богу и любовь къ братіямъ. Пророкъ еще въ покаянныхъ чувствахъ говорилъ: *научу беззаконныя путемъ Твоимъ, и нечестивіи къ Тебѣ обратятся* (Пс. 50, 15). Каясь, онъ

даетъ обѣтъ, что не только самъ всегда будетъ ходить путями Божіими, но и другихъ станетъ научать тому же, ибо въ размноженіи числа ходящихъ этими путями и состоитъ слава Бога, учредителя и указателя путей тѣхъ. Если еще въ пору покаянія онъ воодушевленъ былъ такъ, то умолчитъ ли, получивъ разрѣшеніе и очищеніе?

Одинъ святой въ смиреніи говаривалъ: „сбился я съ дороги и погрязъ въ тинѣ; и хоть самъ все еще остаюсь погрязшимъ въ ней, но другимъ кричу: не ходите сюда, а то также погрязнете, какъ и я.“ Другой, въ томъ же смиреніи, имѣлъ обычай говорить: „я столпъ, который ставятъ на дорогахъ и хотя самъ не движусь съ мѣста, но другимъ вѣрно указываю дорогу.“ Въ томъ ли, въ другомъ ли расположеніи, но словеса Божіи провѣщаются языкомъ по доброжелательству къ братіямъ своимъ. Испытавъ на дѣлѣ, что грѣхъ вяжетъ, а заповѣди даютъ свободу, и притомъ въ многообразныхъ отношеніяхъ,—кто удержится, чтобъ не возвѣщать другимъ, гдѣ путь и гдѣ распутіе? Пророкъ и провѣщаетъ языкомъ словеса Божіи, потому что всѣ они—правда. Хочешь жить настоящею жизнію,—живи, какъ заповѣди велятъ, ибо всякая другая жизнь—не жизнь.

Если провѣщаніе словесъ Божіихъ есть хорошій признакъ, то молчаніе о нихъ есть признакъ худой, а рѣчи противныя имъ—признакъ наихудшій. Гдѣ говорятъ будто научно, но не по Божьему, гдѣ говорятъ все о пустомъ, и тѣмъ паче о срамномъ и грѣшномъ, тамъ и говорящіе и слушающіе, очевидно, отчуждились отъ словесъ Божіихъ; а чуждые словесъ Божіихъ чужды и Богу, возвѣстившему ихъ; а кто чуждъ Бога и Богу, тотъ что такое? Въ Апокалипсисѣ поминается о глубинахъ сатаниныхъ (Апок. 2, 24). И дѣйствительно, бываютъ собранія, коимъ другаго имени дать нельзя.

Стихъ сто семьдесятъ третій.

Да будетъ рука Твоя, еже спасти мя, яко заповѣди Твоя изволихъ.

Это тоже, что говоритъ Пророкъ: *Твой есмь азъ, спаси мя. Заповѣди,* говоритъ, *Твоя изволихъ*, то есть, нѣтъ у меня другой воли, другаго желанія, кромѣ того, чтобы ходить въ заповѣдяхъ Твоихъ; онѣ занимаютъ всѣ помышленія ума моего, всѣ чувства сердца моего и всѣ начинанія воли моей. А такъ какъ это есть во мнѣ, то я весь Твой; а если Твой, то благоволи, да будетъ рука Твоя всегда со мною, *во еже спасти мя.*

Въ чемъ же тутъ добрый знакъ? И въ самомъ дерзновеніи взывать такъ къ Богу, и въ изволеніи такомъ. Послѣднее составляетъ условіе перваго. Невозможно возъимѣть дерзновенія къ Богу, если прежде того человѣкъ не предастся вседушно заповѣдямъ Божіимъ и не истощитъ всѣхъ силъ своихъ въ исполненіи ихъ. Только при этомъ можетъ возродиться въ немъ чувство присвоенія себя Богу и Бога себѣ, — чувство сокровенно зараждающееся, крѣпнущее и составляющее, затѣмъ, основу всѣхъ благоговѣйныхъ отношеній къ Богу. На немъ-то опираясь, Пророкъ и говоритъ: я не чужой Тебѣ, Господи, а весь Твой. *Да будетъ же рука Твоя, еже спасти мя.*

Дерзновеніе къ Богу—сладостное чувство; но оно невозможно при нечистой совѣсти. Дерзновеніе входитъ предъ самое лице Божіе, а обремененная совѣсть тяготитъ долу. Бываетъ, что и сильная птица не можетъ подняться съ земли, когда крылья ея въ грязи и сама она вся облѣплена грязью. Надо ей стряхнуть грязь и обмыться; тогда, облегчившись, она воспаритъ свойственнымъ ей

пареніемъ. Такъ и душѣ надо стряхнуть беззаконія и сдѣлать себя чистою, водвореніемъ въ себѣ благозаконія, чтобы, вступивъ чрезъ то въ свойственнную ей божественную стихію и движась въ ней свободно, имѣть возможность достигать престола Божія. Но и ставъ предъ Бога, какъ воззрѣть на лице Его, если гдѣ либо внутри кроется что нибудь не изволяющее заповѣдямъ Его: вѣдь предъ Богомъ все открыто, и представшая предъ лице Его душа ясно сознаетъ это. Такимъ образомъ, дерзновеніе къ Богу истинное, непритворное. искреннее есть знакъ великой чистоты нравственной.

Дерзновеніе не надумывается, а само собою возникаетъ въ сердцѣ, вслѣдствіе трудовъ по исполненію заповѣдей, и пріобрѣтаемой черезъ то чистоты сердца. Приступаніе къ Богу въ молитвѣ и самое молитвословіе есть уже показаніе дерзновенія; но не всякій молящійся или молитву дѣющій есть уже дерзновененъ, какъ *не всякъ глаголяй: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное; но творяй волю Отца, Иже есть на небесѣхъ* (Мѳ. 7, 21). Молимся, уповая; но дерзновеніе есть высшій плодъ упованія, хоть оно вмѣстѣ съ нимъ и зачинается и зрѣетъ.

И упованіе есть настоящее и не настоящее. Часто бываетъ, что человѣкъ думаетъ, будто уповаетъ, тогда какъ у него нѣтъ истиннаго упованія. Дерзновенія же и надумать нельзя: оно есть состояніе, а не отдѣльное дѣйствіе. Оно происходитъ отъ срастворенія силы Божіей съ силами человѣка. Сознающій это дѣйствуетъ властно, какъ сынъ, не сомнѣваясь, что сдѣлаетъ что либо не впопадъ, ибо видитъ себя не дѣйствующимъ, а во всемъ воздѣйствуемымъ силою Божіею. Рука Божія подъ нимъ, надъ нимъ, окрестъ его и внутри его. Чувствуя это и почивая во вседѣйствіи Божіемъ, онъ предаетъ себя Богу: да будетъ такъ, да будетъ рука Твоя

при мнѣ и во мнѣ такъ, какъ она есть; тогда и спасеніе мое вѣрно и есть несомнѣнный удѣлъ мой.

Стихъ сто семьдесятъ четвертый.

Возжелахъ спасеніе Твое, Господи, и законъ Твой поученіе мое есть.

Какъ предъ симъ изволеніе заповѣдей. такъ здѣсь возжеланіе спасенія Господня и непрестанное поученіе въ законѣ выражаютъ одно—горячую ревность о спасеніи чрезъ вѣрное исполненіе заповѣдей. Эта ревность есть движущая сила къ богоугодной жизни по заповѣдямъ. Есть эта ревность,—есть жизнь; нѣтъ ея,—нѣтъ жизни.

Значеніе этой ревности въ экономіи дѣятельной жизни по Богу св. Исаакъ Сиріанинъ изображаетъ такъ: „За всякою мыслію добраго желанія, въ началѣ его движенія. слѣдуетъ нѣкая ревность, горячностію своею уподобляющаяся огненнымъ углямъ. Обыкновенно она ограждаетъ эту мысль и не допускаетъ, чтобы приближалось къ ней какое либо сопротивленіе, препятствіе и преграда, такъ какъ она пріобрѣтаетъ крѣпость великую и несказанную силу ограждать душу отъ разслабленія или отъ боязни, при устремленіяхъ на нее всякаго рода стѣснительныхъ обстоятельствъ. И какъ самая первая мысль есть сила святаго желанія, отъ природы насажденная въ естествѣ души, такъ и ревность эта есть мысль, движимая раздражительною въ душѣ силою, даннал намъ Богомъ на пользу, для соблюденія естественнаго предѣла, для выраженія понятія о своей свободѣ исполненіемъ естественнаго желанія, находящагося въ душѣ. Это есть добродѣтель, безъ которой не производится доброе; она называется ревностію потому, что время отъ времени движетъ, возбуждаетъ, распаляетъ и укрѣпляетъ человѣка пренебрегать плотію въ скорбяхъ, и въ страстныхъ. срѣтаю-

щихъ его, искушеніяхъ непрестанно предавать душу свою на смерть и идти въ срѣтеніе отступнической силѣ, ради совершенія того дѣла, котораго сильно возжелала душа. Нѣкто. облеченный во Христа, въ словахъ своихъ, назвалъ такую ревность псомъ и стражемъ какъ закона Божія. такъ и добродѣтели, которая есть исполненіе закона Божія. Эта сила ревности укрѣпляется двумя способами, пробуждается и воспламеняется на храненіе дома. и также двумя способами приводится въ изнеможеніе, дремоту и лѣность."

„Два первые способа суть слѣдующіе: во первыхъ, страхъ, заставляющій человѣка бояться за то благо, которое онъ пріобрѣлъ, или имѣетъ въ виду пріобрѣсти, чтобы не было оно украдено или уничтожено какимъ либо случаемъ. Когда возбужденъ въ естествѣ этотъ страхъ, тогда ревность, названная у насъ псомъ, день и ночь разгарается. какъ пылающая печь, и пробуждаетъ естество. И подобно херувиму, человѣкъ пробуждается и ежечасно внимаетъ тому, что окрестъ его и, какъ говоритъ упомянутый выше нѣкто, если проходитъ птица мимо его, приходитъ въ движеніе и лаетъ съ быстротою и несказанною стремительностію. Есть еще другой способъ раздражать нашего пса. это—когда наиболѣе возрастаетъ въ душѣ возжеланіе добродѣтели: ибо въ какой мѣрѣ возрастаетъ въ душѣ это возжеланіе, въ такой же воспламеняется и этотъ песъ, то есть. естественная ревность къ добродѣтели."

Соотвѣтственно сему есть тоже два способа и къ охлажденію ревности. „Первый—когда самое возжеланіе уменьшится и прекратится въ душѣ; а второй—когда войдетъ въ душу какой-то помыслъ увѣренности и отважности, и утвердится въ ней. и человѣкъ станетъ надѣяться. думать и держаться той мысли, что нѣтъ ему причины бояться—потерпѣть вредъ отъ какой ни-

будь силы. и потому слагаетъ съ себя оружіе ревности. и бываетъ какъ домъ безъ стражи: песъ засыпаетъ, и надолго оставляетъ стражу“ (сл. 32).

Вотъ все производство ревности,—какъ она зарождается, растетъ и умаляется. Войди съ этими показаніями внутрь себя и опредѣли, есть ли въ тебѣ ревность, и въ дѣйствіи ли тѣ способы, коими она поддерживается? Если да, то ты живешь; если же нѣтъ, то ты мертвъ или уснулъ.

Стихъ сто семьдесятъ пятый.

Жива будетъ душа моя, и восхвалитъ Тя: и судьбы Твоя помогутъ мнѣ.

Вотъ и еще способъ поддержанія ревности и вмѣстѣ признакъ того, кто добрѣ течетъ,—увѣренность, простирающаяся до видѣнія, что избранный путь ведетъ прямо къ цѣли, какъ опредѣленный Богомъ, указанный и покровительствуемый Имъ. *Жива будетъ душа моя,*—какою увѣренностію дышетъ это слово! Ни тѣни колебанія. Господь сказалъ: иди вслѣдъ Мене, по заповѣдямъ Моимъ,—и спасешься, получишь покой и жить будешь во вѣки. Повѣрилъ человѣкъ и идетъ, говоря въ себѣ ко Господу: вѣрую, Господи, что такъ оно будетъ: *жива будетъ душа моя,* будучи еще здѣсь оживотворена благодатію въ залогъ вѣчнаго въ Тебѣ и съ Тобою живота. *Жива душа моя и восхвалитъ Тя.* Онъ уже тамъ душою своею—на мѣстѣ достиженія цѣли и, какъ обрѣтшій уже искомое, хвалитъ Господа. Будетъ такъ, какъ обѣтовалъ Ты, Господи! Вниду въ покой Твой и вѣчно буду прославлять имя Твое. Но, питая такую увѣренность, не на себѣ опирается онъ, а на всесторонней помощи Божіей, или на вседѣйствіи Божіемъ въ душахъ, всецѣло Ему преданныхъ. *И судьбы Твоя помогутъ мнѣ.*

Такъ Самъ Богъ обѣтовалъ: *съ Нимъ есмь Азъ, изму его, и прославлю его: и явлю ему спасеніе Мое* (Пс. 90, 15. 16).

Все это лежитъ во глубинѣ души того, кто течетъ правымъ путемъ и свидѣтельствуетъ о правости его теченія со внутреннѣйшей стороны его настроенія. Течетъ, всеусильно трудится въ несомнѣнной надеждѣ, не присвояя, однакожъ, себѣ ничего и ни на чемъ своемъ не опираясь упованіемъ своимъ, а всецѣло почивая на всещедродательности Божіей.

Несомнѣнность спасенія питается и держится тѣмъ, что путь спасенія учрежденъ Богомъ, и Имъ Самимъ, Спасителемъ нашимъ, пройденъ въ естествѣ человѣческомъ. Прошедши этотъ путь и пребывая во славѣ, Спаситель взываетъ: „идите симъ путемъ, и всѣ тутъ же будете.“ Кто, вѣруя сему и видя это, поколеблется недоумѣніемъ? И не колеблются; всякій питаетъ увѣренность, что жива будетъ душа его, если, не блуждая, пройдетъ путемъ, на который вступилъ по указанію Божію.

Но пройдетъ ли,—вотъ вопросъ. Пройдетъ, если не будетъ надѣяться на себя, а предастъ все Господу дѣйствовать въ себѣ. Ты только, говоритъ Господь, ноги переставляй и не упирайся, а Я несомнѣнно доведу тебя до конца пути, до пристанища и дома упокоенія. Самонадѣянность въ упованіи спасенія пагубна; а кто увѣренъ, что Богъ, хотящій всѣмъ спастися, спасетъ ищущаго спасенія, того, кто не лежитъ, а всеусильно дѣйствуетъ по указанію Божію, и спасетъ имиже вѣсть судьбами, и пути указывая, и силы подавая; у того такая увѣренность есть свята и служитъ признакомъ не только правошествія, но и великаго преуспѣянія въ теченіи по духу, такъ какъ она является уже вслѣдствіе послѣдовательныхъ трудовъ, немалаго очищенія сердца и ощутительнаго испытанія Божія покрова и заступленія.

Стихъ сто семьдесятъ шестой.

Заблудихъ яко овча погибшее: взыщи раба Твоего, яко заповѣдей Твоихъ не забыхъ.

Послѣ такого преуспѣянія, признаки котораго указаны предъ симъ Пророкомъ, съ какой стати взывать еще: *взыщи,—я овча погибшее?* Но то-то и дивно въ дѣлѣ спасенія, что чѣмъ болѣе кто преуспѣваетъ въ немъ, тѣмъ болѣе видитъ себя уничиженнымъ и худымъ, такъ что, идя къ лучшему, онъ будто все болѣе и болѣе погружается въ худшее, и видитъ себя непотребнѣйшимъ, хоть и не отчаявается въ своемъ спасеніи. Въ сказаніяхъ о подвижничествѣ святыхъ, объ одномъ величайшемъ подвижникѣ замѣчено, что онъ во всю жизнь свою говаривалъ о себѣ: „въ тину я погрязъ по самую шею, и только уста остались еще у меня свободными, чтобы вопіять: „Боже, помилуй мя!“ У св. Антонія замѣчено, что Самъ Богъ закрываетъ преспѣяніе отъ глазъ преуспѣвающихъ, и внѣшнимъ уничиженіемъ ихъ, и попущеніемъ внутреннихъ нестроеній, при видѣ которыхъ не можетъ онъ не исповѣдать того, что никуда не гожусь я,—и не вопіять мытаревымъ гласомъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!* (Лк. 18, 13). Такое смиренное и самоуничиженное исповѣданіе и есть самый вѣрный признакъ добраго теченія и преуспѣянія. Кто-то изъ святыхъ замѣтилъ: смотри, коль скоро начнешь подаваться на праведность,—знай, что ты началъ сбиваться съ пути, ибо вѣрный признакъ спасительнаго шествія есть смиреніе и самоуничиженіе. Такой именно смыслъ находитъ въ настоящемъ стихѣ св. Аѳанасій великій: „въ чемъ же, говоритъ онъ, преуспѣлъ Пророкъ, если снова говоритъ о себѣ, что онъ—овча погибшее? Въ томъ, что соблюлъ

смиренномудріе, по сказанному: *егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите: яко раби неключими есмы* (Лк. 17, 10).

На чемъ же стоитъ упованіе спасенія, когда такъ глубоко сознаніе непотребства у самыхъ великихъ преуспѣвателей? На сознаніи, что они не забываютъ заповѣдей Божіихъ. Всякій такой, исповѣдуя, что никуда онъ негожъ, вмѣстѣ съ тѣмъ неложно свидѣтельствуетъ, что знаетъ заповѣди, сознаетъ полную обязательность ихъ для себя и то, что, со времени обращенія своего, никогда не дозволялъ себѣ сознательно нарушать даже малѣйшую изъ нихъ. Это сознаніе и даетъ смѣлость надѣяться, что онъ хоть и никуда негожъ, но Многомилостивый, по милости Своей, не броситъ его, а взыщетъ, какъ овцу погибшую и, взявъ на рамо свое, принесетъ въ мѣсто спасенія.

Этимъ чувствомъ непотребства, въ чаяніи спасенія въ Господѣ, начинается должная жизнь въ покаяніи, скрѣпляемая обѣтомъ неуклонной вѣрности заповѣдямъ Божіимъ. Это чувство исполняетъ душу во все время жизни покаянной, указывая симъ, что текущій добрѣ течетъ. Оно приводитъ къ плачу, какъ описываетъ св. Исаакъ Сиріанинъ, „сначала перемежающемуся, а потомъ непрерывному, длящемуся годы, пока не изсякнетъ, по Божію изволенію, оставляя за собою опять тоже чувство непотребства укорененнымъ и лежащимъ въ самой глубинѣ сердца спасаемаго и очищеннаго.“

Какое же, посему, благоприличное заключеніе всего псалма составляетъ этотъ стихъ? Онъ возводитъ на самый верхъ нравственнаго совершенства, указывая его, однакожъ, не въ самовосхваленіи или присвоеніи себѣ чего-либо, а въ самоуничиженіи и невидѣніи въ себѣ чего-либо достойнаго. Рабъ неключимый, овча погибшее—

вотъ воззванія истинныхъ рабовъ Божіихъ, пріятныя Богу и привлекающія Его благоволеніе!

Блаж. Θеодоритъ такъ заключаетъ истолкованіе сего псалма: „Сдѣлавъ краткое изъясненіе псалма сего, мы просимъ читающихъ не довольствоваться написаннымъ и не думать, что только это и принадлежитъ Пророку, то-есть только это и хотѣлъ сказать Пророкъ. Напротивъ, пусть каждый извлекаетъ то, что ему собственно на пользу и пусть уготовляетъ себѣ предохранительное врачевство отъ своихъ собственныхъ недуговъ." Нѣчто подобное сему пишетъ и блаж. Августинъ. „Сколько силъ моихъ было и сколько помогъ мнѣ Господь, я истолковалъ сей великій псаломъ. Мудрѣйшіе и ученѣйшіе меня, конечно, лучше сдѣлали уже это или сдѣлаютъ: но это не должно было освободить и меня отъ посильнаго служенія дѣлу сему, и особенно, когда братія мои усильно къ тому побуждали меня."

Если имъ можно было такими словами заключить свое толкованіе, то тѣмъ болѣе пригоже это мнѣ. Прошу, при томъ, извинить многократныя повторенія однихъ и тѣхъ же мыслей. При всемъ желаніи, нельзя было этого избѣжать, потому что, по длительности времени, естественно забывалось написанное прежде и, при новомъ пріемѣ за дѣло, старое казалось новымъ. Бывало и то, что иная мысль была оставляема потому, что, казалось, будто она не разъ уже была излагаема, и потому была замѣняема другою, которая казалась новою, тогда какъ на самомъ дѣлѣ та была, можетъ быть, новою, а эта старою. Утѣшаюсь тѣмъ, что любящимъ истину такое повтореніе не наскучитъ, потому что даетъ то, что любезно и что пріятно, какъ пріятно встрѣчать друга, сколько бы разъ ни приходилось это.

Прибавлю къ сему: всѣ сто семьдесятъ шесть стиховъ говорятъ о заповѣдяхъ Божіихъ и нашемъ отношеніи къ нимъ, и говорятъ ясно. Нѣтъ почти ни одного стиха, пониманіе котораго было бы затруднительно и требовало особыхъ поясненій. Потому вся забота была обращена не на это, а на то, какъ стоитъ дѣло нравственное, указываемое стихомъ, въ цѣпи нравственныхъ дѣлъ и явленій. Въ руководство, какъ указывать именно ту сторону дѣла, взято было значеніе буквъ. Оно давало мысль, на которую потомъ, какъ на нить, навязывались всѣ мысли, содержащіяся во всѣхъ стихахъ, начинающихся съ той же буквы. Коль скоро появлялась мысль, которая проходила сквозь всѣ стихи,—дальнѣйшее толкованіе уже не представляло большой трудности.

На вопросъ: да полно, такъ ли слѣдуетъ смотрѣть на все?—отвѣчу, что нельзя сказать, чтобы всякій стихъ *должно* понимать непремѣнно такъ, какъ у меня изложено; но что *можно* понимать такъ всякій изъ нихъ,—этого, смѣю надѣяться, отрицать никто не станетъ.

Кому придется подъ рядъ читать все это толкованіе, тотъ не можетъ не замѣтить неровности въ тонѣ рѣчи, въ степени живости мысли и чувства. Прошу снисхожденія, человѣкъ есмь многоизмѣнчивый. Къ тому же и дѣло дѣлалось не заразъ. Сколько пріемовъ, столько же разныхъ настроеній, которыя сами собою проторгались и въ слово.

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
25	10 сн.	начинается	начинаются
27	1 —	какъ тѣло, такъ	гдѣ тѣло, тамъ
34	5 —	творцами	творцами“
62	2 —	а между тѣмъ	а между тѣмъ ничто
64	16 св.	присидѣть	присѣдѣть
74	7 сн.	разстраивается	разстроивается
82	14 —	встрѣчаютъ	встрѣваютъ
—	13 —	въ порядкѣ	въ порядки
83	8 —	нескрываемою непріятностію	нескрываемую непріятность
86	2 св.	неправдою	неправедно
94	11 —	Впереди,	„Впереди,
95	13 —	Святымъ	Святымъ“
111	1 —	дырявою	дыравою
—	7 сн.	дыръ	диръ
—	1 —	дырою	дирою
112	6 св.	само ли	самой ли
132	14 св.	воздаянія	воздаянія.“
159	14 —	настраивается	настроивается
—	7 сн.	*Господень*	*Господень*“
228	5 св.	ползновенія	поползновенія
277	12 —	Богу	по Богу
290	4 —	немного	немало
310	1 сн.	*сотворимъ*	*сотворимъ*“
348	13 св.	перечисляетъ	перечисляемъ
—	14 —	даетъ	дастъ
364	2 —	окриляемая	окрыляемая
397	11 сн.	конецъ	наконецъ
413	17 св.	Елу	Ему
446	13 —	примѣняется	принимается
452	3 сн.	всего	всегда
455	8 —	приходитъ	проходитъ
—	7 —	въ виду	въ силу

Библиотека ООН
Акад... Наук СССР